

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

2012 год

Проблемы эллинизма
и образования Боспорского царства

Ответственный редактор тома
О.Л. ГАБЕЛКО и А.В. ПОДОСИНОВ

Университет Дмитрия Пожарского
Москва
2014

УДК 94(4) “04/14”
ББК 63.3(5)
Д73

*Печатается по решению Ученого совета ИВИ РАН,
Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского*

Рецензенты:

Доктор исторических наук *А.А. Масленников*
Кандидат исторических наук *Е.В. Ляпустина*

Редакционная коллегия:

Доктор исторических наук *Е.А. Мельникова* (ответственный редактор)
Кандидат исторических наук *А.С. Щавелёв* (ответственный секретарь)
Кандидат исторических наук *Г.В. Глазырина*
Доктор исторических наук *Т.Н. Джаксон*
Доктор исторических наук *И.Г. Коновалова*
Кандидат исторических наук *В.И. Матузова*
Доктор исторических наук *А.В. Назаренко*
Доктор исторических наук *А.В. Подосинов*
Доктор исторических наук *Л.В. Столярова*

Д73 Древнейшие — государства Восточной — Европы / Ин-т всеобщей истории РАН. — 2013: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / Отв. ред. тома О.Л. Габелко и А.В. Подосинов; отв. ред. сер. Е.А. Мельникова. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. — 400 с.

ISBN 978-5-

Очередной том серии «Древнейшие государства Восточной Европы» посвящен проблемам образования Боспорского царства, основанного древними греками на берегах Керченского пролива, а также общим и специальным проблемам эллинизма. Эти два круга проблем тесно связаны друг с другом, более того, вопрос возникновения на Боспоре отношений эллинистического характера является одним из самых спорных в историографии. История Боспорского царства, которое, просуществовав более 1000 лет, является уникальным в истории Европы античного периода, исследуется в томе на базе широкого привлечения археологических, эпиграфических, нумизматических и литературных источников. Коренные вопросы генезиса и развития эллинизма — предмет рассмотрения статей второй части тома, каждая из которых представляет новый взгляд на этот интереснейший феномен греческой истории.

Книга будет интересна для специалистов по истории античности, в особенности эллинистического периода, для археологов, эпиграфистов и историков Северного Причерноморья, а также для всех, интересующихся античной историей.

**УДК 94(4) “04/14”
ББК63.3(5)**

- © Коллектив авторов, текст, 2014
- © Институт всеобщей истории РАН, 2014
- © Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014

ISBN 978-5-

Памяти Хайнца Хайнена (1941–2013)

Стандартная для начала некролога фраза «Мировая наука понесла тяжелую утрату...» меньше всего приходит в голову, когда полностью соответствует действительности. Может быть, в естественных или социально-экономических дисциплинах дело обстоит иначе, но в нашей отрасли знания вклад человека в науку плохо поддается описанию отвлеченными словами; он неотделим от самого человека, и то, каким был этот вклад, зависит от того, каким был сам этот человек. Исследователь историографии античности, Хайнц Хайнен превосходно это понимал: вспоминается его рассказ о начинающем теологе Вернере Хуссе, который, оставив по личным причинам мысли о сане, решил тем не менее избрать гуманитарную специальность, по возможности близкую ветхозаветной истории, и услышал от Г. Бенгтсона, что единственное еще «не занятое» его ученика-

ми более или менее «околобиблейское» место – это птолемеевский Египет; мне этот рассказ превосходно объяснил такую черту работ Хусса, как настойчивое использование термина «церковь» применительно к религиозной жизни государства Птолемеев. Для наших соотечественников память о скончавшемся недавно Хайнце Хайнене будет прежде всего памятью о человеке, а не о его работах, при всем уважении к ним: вряд ли может быть иначе в силу его давней любви к российской антиковедческой школе и той щедрой готовности помочь своими знаниями и практическими делами, которая известна многим из нас.

Хайнц Хайнен родился 14 сентября 1941 г. в Санкт-Вите (Сен-Вите) — небольшом городке на востоке Бельгии. Этот городок был частью округа Эйпен-Мальмеди с преобладающим немецким населением, переданного Бельгии Германией по условиям Версальского мира. Родина Х. Хайнена лежит сравнительно недалеко от Трира, где прошла большая часть его жизни ученого и преподавателя, и, как и Трир, входит в широкое и скорее объединяющее, чем разделяющее людей пограничье между Германией с одной стороны и Францией и Нидерландами, в средневековом смысле этого названия, с другой. Одним из первых сознательных воспоминаний Хайнена стало Арденнское контрнаступление, затронувшее и его родной город. Естественно, что, учась в бельгийской школе (сначала в Народной школе, а затем в Епископальном училище Санкт-Вита), он стал свободно говорить по-французски; однако уже в школьные годы он изучал классические языки и, может быть, чуть позже, начал интересоваться русским языком (как он рассказал, в юности ему хотелось понять суть разногласий, приведших к «холодной войне», познакомившись с тем, что пишут в советских газетах). В 1959–1964 гг. Х. Хайнен специализируется по древней истории в Католическом университете Лувена, а в 1964/65 г., при поддержке стипендии Германской службы академического обмена (как позднее и многие его гости из России, включая автора этих строк), попадает в Тюбингенский университет. Наставниками Хайнена в Тюбингене становятся К.-Ф. Штроекер и Г. Бенгтсон, под руководством которого в 1966 г. защищает диссертацию PhD «Рим и Египет в 51-47 гг. до н.э.». В этой работе обозначается его интерес к межгосударственным отношениям эпохи эллинизма и месту в них птолемеевского Египта — главной теме его исследований, связанных с государством Птолемеев. Вскоре после этого Х. Хайнен был призван в бельгийскую армию: по его рассказу, начальство, узнав об изучении им русско-

го языка, пожелало, чтобы, читая, кажется, «Красную Звезду», он установил, стоит ли за подписью ряда ее передовиц один реальный человек или сразу несколько советских пропагандистов. Едва ли эта экзегеза своеобразных текстов увенчалась большим успехом, однако несомненно, что к рубежу 1960-70-х гг. Хайнен уже читал русский текст вполне свободно. В 1968 г., после военной службы, Х. Хайнен стал сотрудником Г. Бенгтсона в Мюнхенском университете: там в 1970 г. он хабилитировал с работой «Исследования по эллинистической истории III в. до н.э.: к истории Птолемея Керавна и Хремонидовой войны», ставшей в дальнейшем его самой известной монографией по проблемам эллинизма (1972). В течение года (1970/71) он был экстраординарным профессором в университете Саарбрюкена, но вскоре его нашла работа, которая осталась с ним, по сути дела, уже до конца жизни.

В 1960-е гг. правительство ХДС, столкнувшись с переходом голосов избирателей к социал-демократам, решило повысить свою популярность, открыв ряд новых университетов. В федеральной земле Рейнланд-Пфальц началось создание технического университета в Кайзерслаутерне и университета гуманитарной специализации в Трире. Первый Трирский университет существовал с 1473 г., но в 1798 г. был закрыт присоединившими долину Мозеля французами. Университет, который в итоге был открыт в Трире в 1970 г., — совершенно новое учреждение, апеллирующее к памяти о своем предшественнике разве что на уровне символа, но не реальной преемственности. Получив в 1971 г. приглашение занять кафедру древней истории в Дюссельдорфе или в Трире, Хайнц Хайнен выбрал Трир. В 1974/75 г., по принятому в Германии ротационному принципу, он возглавлял III факультет (Fachbereich III) Трирского университета, где сосредоточено преподавание истории; он стал автором и редактором ряда трудов о Трире в древности и на рубеже средневековья (1985, 1988², 1996, 2003); однако главным его достижением стало все же создание в Трире одной из лучших в мире специализаций по греко-римскому Египту.

Если говорить о «научной родословной» Х. Хайнена, его отделяет сравнительно небольшая дистанция от зачинателей научного изучения эллинизма и, в частности, основоположников папирологии: его учитель Бенгтсон был учеником В. Отто, а тот — великого Ульриха Вилькена! Для ученого, стоявшего, по сути дела, близко к классикам этих направлений, с их ориентацией на античные источники, Хайнен обладал завидным кругозором. Наверное, не все знают, что в Тюбингене он изучал древнеегипетский язык

у крупнейшего немецкого египтолога Хельмута Бруннера, хотя в собственных исследованиях не выходил за рамки античных источников. Вместе с тем он справедливо считал, что для поколения его учеников этого недостаточно и что на том этапе развития, которого достигли и наука об эллинизме, и египтология к 1970-м гг., сам университет, создающий специализацию по птолемеевскому Египту, должен позаботиться о возможности для студентов полноценно знакомиться и с греко-македонской, и с египетской составляющими его общества и культуры.

Эффективнее всего этого можно было добиться в тесном контакте между специалистами по обоим этим направлениям. С появлением в Трире в 1977 г. кафедры египтологии, которую занял австрийский ученый Э. Винтер, ученик Г. Юнкера, совместно с ним издававший надписи греко-римского времени из храма Исиды на острове Филэ, стала реальной организацией Центра по изучению греко-римского Египта (Forschungszentrum Griechisch-Römisches Ägypten). Эта структура не была административным образованием — таковыми оставались созданные в Трире профессуры по древней истории, египтологии, археологии и папирологии; скорее она была выражением очень результативного сотрудничества между ними и в исследованиях, и в подготовке студентов. Такое сотрудничество позволяло компенсировать в какой-то мере (хотя, конечно, не полностью) серьезную слабость, свойственную египтологии — ее уклон в филологию и публикацию памятников в ущерб историческому исследованию. В работах египтологов, которыми руководил Х. Хайнен (таких, как появившиеся в 2000–2010-е гг. новая публикация Канопского декрета Ш. Пфайффером или первая полноценная публикация «Стелы сатрапа» Д. Шефер), очень легко разглядеть то, что «шло от Хайнена», — саму постановку исторических проблем, предполагающую при их решении исчерпывающий синтез египетских и античных источников. Кажется, с задачами расширения спектра исследований и специализации в Трире были связаны некоторые публикации Х. Хайнена: так, его очерк о культе римских императоров в Египте, написанный для тома 18 второй части “Aufstieg und Niedergang der römischen Welt”, можно назвать краеугольным камнем для исследований по этой проблематике, динамично развивающихся в наши дни. С уходом Хайнена с профессуры по древней истории в 2006 г. нацеленность трирских кафедр на совместную подготовку специалистов именно по греко-римскому Египту ослабла: на сегодняшний день Центр по изучению греко-римского Египта уступил место

Центру изучения древности (Zentrum für Altertumswissenschaften) с более общими задачами.

Исследовательский компонент в работе трирского Центра, проявился, в частности, в создании серии *Aegyptiaca treverensia*, 1-м и 2-м томами которой стали на сегодняшний день уже классические издания материалов симпозиумов по птолемеевскому и римско-византийскому Египту (1978, 1983). Авторами и редакторами трудов этой серии были в основном египтологи и археологи, но трудно представить, что она состоялась бы без первоначального импульса, заданного изучению греко-римского Египта в Трире Х. Хайненом. В 2002 г. при участии Х. Хайнена была найдена еще одна форма научного сотрудничества на базе Трирского университета: трирские историки получили поддержку Германского исследовательского общества для создания специального исследовательского проекта по изучению взаимодействия между социумами и между различными группами внутри социумов в разные эпохи (Sonderforschungsbereich 600 “Fremdheit und Armut. Wandel von Inklusions- und Exklusionsformen von der Antike bis zur Gegenwart”; завершен в конце 2011 г.). Х. Хайнен, возглавивший одно из направлений этого проекта, видел в нем вполне определенную выгоду: предоставить своим ученикам возможность самореализации, в качестве уже не студентов разных уровней, а профессиональных исследователей, работающих одной командой на временных позициях, созданных в рамках этого проекта. Мне довелось быть на стажировке в Трире летом 2002 г., и я помню, как много времени Хайнен уделял обсуждениям в своем кабинете этого общего дела с его участниками. Успех этого замысла Хайнена трудно переоценить: двое его учеников, получившие известность как раз при реализации этого проекта, на сегодняшний день сами возглавляют серьезные университетские структуры (Ш. Пфайффер — кафедру в Халле, А. Чошкун — созданный им в Университете Ватерлоо в Канаде Институт эллинистических исследований). Возглавленное Хайненом направление проекта формально было посвящено греко-римскому Египту (Teilprojekt A 1: Entstehung und Entwicklung einer multikulturellen Gesellschaft im griechisch-römischen Ägypten), однако фактически в его рамках были изданы труды, охватившие едва ли не весь спектр восточноэллинистических обществ.

Многие десятилетия не ослабевал интерес Х. Хайнена к русскоязычной историографии античности. В 1970-е гг. в рамках своей работы в Комиссии по древней истории Академии наук в Майнце он

публикует ряд рецензий на монографии советских ученых по античному рабству. В 1980 г., в историографической серии “Erträge der Forschung” выходит книга «История древности в зеркале советских исследований» – сборник обзоров по ряду направлений не только античной, но и древневосточной истории, написанных нашими учеными; инициатива этого издания и редакторская работа над ним принадлежали Х. Хайнену. В 1993 г. в немецком переводе Хайнена выходит второй том знаменитого труда М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор», обнаруженного в архиве русского ученого В.Ю. Зуевым. Наконец, общеизвестна роль Хайнена в подготовке издания “Pontische Studien” Ю.Г. Виноградова (1997). По-видимому, из чтения русскоязычных антиковедческих работ возник и исследовательский интерес Х. Хайнена к древней истории Северного Причерноморья, которой он посвятил множество статей и небольшую книгу «Древность у края степей: Северное Причерноморье как исследовательская задача» (2006). Именно Северное Причерноморье породило тесные научные контакты Х. Хайнена и Ю.Г. Виноградова; о роли дискуссий с Хайненом для выработки собственной исследовательской концепции говорит в предисловии к своей книге «Боспорское царство на рубеже двух эпох» (2002) С.Ю. Сапрыкин.

Все эти свершения Х. Хайнена так или иначе связаны с его интересом не только к российской науке, но и в целом к историографии, занятия которой он считал необходимыми для каждого серьезного историка древности. Для самого Хайнена с начала его сотрудничества с Академией в Майнце в 1970-е гг. конкретным направлением историографических изысканий стало изучение античного рабства. С 2000 г. он возглавлял в Майнце посвященный этому проект, став таким образом прямым продолжателем дела Й. Фогта (последний в свое время и пригласил его к сотрудничеству с Майнцем). Именно этот проект стал главной точкой приложения сил Х. Хайнена после ухода с профессуры в Трире, в том числе в те годы, когда он уже был тяжело болен. Работу в рамках этого проекта над «Словарем античного рабства» Хайнен считал последним масштабным делом своей жизни, которому он стремился отдать свои силы до конца. Стоит сказать, что среди публикаций Х. Хайнена последних лет особое место занимает обширный очерк, посвященный исследованиям рабства в советской историографии, а также тем политико-идеологическим тенденциям, которые оказывали на него влияние (2010): электронными копиями этой работы Хайнен особенно охотно делился со своими российскими корреспондентами, похоже,

видя в ней своего рода отдачу долгу этапу развития нашей науки об античности, который совпал с его зрелыми годами и теперь принадлежит прошлому.

Академия наук в Майнце была лишь одним из целого ряда научных обществ, в которых состоял Хайнц Хайнен: он был членом Академии наук в Гёттингене, членом-корреспондентом Германского археологического института, иностранным членом Королевской Фламандской академии наук и искусств Бельгии, почетным членом Института великого герцога в Люксембурге. Числила его в своих рядах и Российская ассоциация антиковедов, и это членство не было формальным: ряд публикаций Х. Хайнена в наших изданиях и многочисленные контакты с коллегами из Москвы, Санкт-Петербурга, антиковедческих центров Поволжья сделали его настоящим членом сообщества российских исследователей древности. Безусловно, особое место среди научных обязанностей Х. Хайнена занимала работа редактора знаменитого журнала “Historia”: на этом посту он стал преемником своего учителя Г. Бенгтсона и оставался более 30 лет — с 1971 г. до 2003 г.

Моя собственная встреча с Х. Хайненом произошла в августе 1999 г., когда, по стипендии Германской службы академического обмена, я приехал в Трир на стажировку к его давнему коллеге Эриху Винтеру. Профессор Винтер представил меня Хайнену уже в день моего приезда, и скоро я попросил его прочесть некоторые мои статьи, привезенные в Трир в рукописи. Обсуждение с Х. Хайненом моей первой статьи о «Стеле сатрапа» было для меня, в известном смысле, первым опытом восприятия научной критики от специалиста по моему материалу, и оно показало, насколько идеальным — тщательным и максимально доброжелательным — читателем научного текста он был; думается, что при этих качествах он был идеален и как научный руководитель, и как редактор. Советы и пожелания Хайнена касались прежде всего историографической полноты работы, которую он читал: на этом он настаивал непременно, однако был готов принять ее выводы, даже если они сильно меняли привычную для него историческую картину, — разумеется, при достаточной их обоснованности. В первом варианте моей статьи содержалась ссылка на тезис В.В. Струве о том, что неидентифицированная египетская титулатура на клепсидре из Государственного Эрмитажа, соседствующая с титулатурой царя по имени «Александр» (по мнению Струве, сына Александра Великого и Роксаны) принадлежит Птолемею и свидетельствует о принятии им царского

статуса в Египте еще при жизни сына Роксаны, до «года царей». Вовсе не отвергая такой возможности *a limine*, Хайнен посоветовал максимально, насколько позволяют египетские источники, убедиться в том, что Струве прав, учитывая ответственность вывода, следующего из его интерпретации; в дальнейшем стало ясно, что выяснение вопроса о природе этой титулатуры требует специального исследования вне рамок моей тогдашней статьи. В связи с ней же Хайнен «навел» меня на публикации Я.К. Винницкого по раннеэллинистическому Египту и однажды пришел ко мне с названием его книги о войнах Птолемеев в Сирии, изданной в Варшаве (1989). Я поблагодарил его и сказал, что не читаю по-польски. «Я с моим русским разбираю польский текст, — возразил Хайнен, — что же говорить о вас!» (Признаюсь, что в итоге так и не добрался до этой книги: в египтологической библиотеке Трира было слишком много недоступных в Москве книг на более привычных, хотя и неславянских, языках, а времени, как всегда в Германии, было слишком мало...) В 2002 г. руководителем моей новой «даадовской» стажировки в Трире был уже Хайнен, хотя в итоге его тогдашние хлопоты по организации Sonderforschungsbereich оставили совсем немного времени для нашего общения.

Разумеется, это общение не свелось только к научным материям. Не уверен, что в отличие от коллег, знавших его ближе и дольше, могу об этом точно судить; но все-таки попробую сказать об отношении Х. Хайнена к нашей стране, каким оно мне представилось. Думается, в ней он прежде всего любил и ценил науку об античности; он был очень верен своим российским коллегам и был готов помогать им — присылкой публикаций, помощью в получении стажировок и грантов, своими советами. Общаясь с ними, он иногда (очень изредка) мог вставить в свою речь русские слова: «Сначала выпьем шампанского», — сказал он по-русски перед обедом у него дома, обнаружив хорошее знание того, как превосходный немецкий *Sekt* называли бы его друзья в Москве. «Всерьез» говорить по-русски, он, как я представляю, не рисковал, хотя мог предложить своим гостям, не сильным в европейских языках, говорить с ним по-русски, только медленно. Не уверен, что Хайнен понимал по-настоящему, что происходило и происходит у нас в стране: однажды в 2002 г. он сказал, что читает «Россию в обвале» Солженицына, но вообще не слишком стремился к обсуждению, как говорится, актуальных тем. В России он, насколько я знаю, был только один раз, и когда его спрашивали о возможности новой поездки к нам, отвечал с явным

сомнением. Нельзя не сказать о том, с какой готовностью Хайнен, уже тяжело больной, отозвался в ноябре прошлого года на просьбу коллег подписать петицию против сокращения (фактической ликвидации) бюджетного набора на отделение классической филологии Санкт-Петербургского университета. Подпись Хайнена сопровождало целое послание с характерной для него мыслью: Россия обязательно должна воспроизводить то восхищавшее его отношение к классической древности, которое было частью ее культуры и науки в дореволюционное время и сохранилось, вопреки всему, при советской власти. «К сожалению, печальная правда в том, что подобные тенденции есть и в западных странах, где недостаток уважения к собственным традициям очень моден. Но зачем России следовать этому западному течению, вместо того чтобы с гордостью развивать свое собственное культурное наследие?». Трудно сказать, насколько Хайнен сознавал степень риторичности такого вопроса при обращении к адресатам этой петиции.

После 2002 г. наши личные встречи с Хайненом уже не повторялись: мне не доводилось быть в Трире, а в Германии я оказывался слишком ненадолго или далеко от мест, где мы могли бы увидеться. В 2010 г. я узнал о его болезни; в конце 2011 г., по рассказу Ш. Пфайффера и тону писем самого Хайнена, мне показалось, что он преодолевает болезнь, но затем его письма стали печальны. В начале марта 2013 г. я написал Хайнену о смерти В.И. Кузицина. «Долгая жизнь и еще более долгая эпоха пришли к концу», — ответил он и добавил, что видит повод поразмыслить о разных аспектах этого завершения, но из-за своего состояния не может себе этого позволить. Среди научных планов, которые разрушила его болезнь, он назвал написание общих работ по истории птолемеевского Египта и Северного Причерноморья. Это письмо звучало как прощальное, и на него было трудно ответить.

Хайнц Хайнен умер в Трире 21 июня 2013 г. и через несколько дней был похоронен в своем родном городе Санкт-Вите. Его будет не хватать всем знавшим его российским исследователям древности.

И.А. Ладынин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий ежегодник посвящен проблемам, которые стали темой двух конференций, проведенных в 2012 году, — Круглого стола «Образование Боспорского государства: от полиса к царству» (Институт всеобщей истории РАН) и Российско-украинского научного симпозиума «Эллинизм: географические границы, хронологические рамки, сущностное содержание» (Российский государственный гуманитарный университет, Российская ассоциация антиковедов). Проблемы, рассматривавшиеся на этих конференциях, оказались настолько взаимосвязанными и взаимодополняющими, что возникла идея объединить материалы этих конференций в рамках одного издания.

В самом деле, одной из важнейших тем на Круглом столе было рассмотрение особенностей развития государственности на Боспоре в рамках теории «предэллинизма» (или «протоэллинизма»), которое предполагает понимание того, что представлял собой сам эллинизм, а это и было предметом обсуждения на конференции по эллинизму. Время и обстоятельства «вхождения» Боспорского царства в систему эллинистических государств также активно дискутируются среди историков Боспора. Понимание «географических границ, хронологических рамок и сущностного содержания» эллинизма оказывает существенную помощь в понимании политогенеза в Северном Причерноморье.

Редакторы тома благодарят всех участников этих конференций за предоставление статей, написанных по материалам их выступлений, и надеются, что публикуемые здесь работы дадут импульс к дальнейшему плодотворному исследованию указанных проблем.

Этот том мы посвящаем памяти нашего коллеги и друга Хайнца Хайнена, которого связывали со многими авторами этого тома тесные узы сотрудничества и дружбы и для которого темы истории Северного Причерноморья и эллинизма были одними из главных в научном творчестве.

О.Л. Габелко, А.В. Подосинов

И. Проблемы образования Боспорского царства

ВВЕДЕНИЕ

19–21 апреля 2012 г. в центре «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН проходили XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто на тему «Миграции, расселение, война как факторы политогенеза». В рамках этих Чтений был организован и проведен «круглый стол» на тему «Образование Боспорского государства: от полиса к царству».

К участию в круглом столе были приглашены ведущие историки — авторы специальных работ по истории Боспора в античности: на заседании присутствовали Ю.А. Виноградов (Отдел истории античной культуры ИИМК РАН, СПб.), О.Л. Габелко (РГГУ), Л.И. Грацианская (РГГУ), А.А. Завойкин (ИА РАН), А.А. Масленников (ИА РАН), Е.А. Молев (Нижегородский государственный университет), А.В. Подосинов (ИВИ РАН), А.В. Сазанов (МГУ), С.Ю. Сапрыкин (МГУ), М.В. Скржинская (Институт археологии НАН Украины), И.Е. Суриков (ИВИ РАН), Н.Ф. Федосеев (Керченский историко-культурный заповедник), Н.Б. Чурекова (Институт археологии и культурного наследия Саратовского университета), Ф.В. Шелов-Коведяев (Российский общественно-политический центр).

К круглому столу были опубликованы тезисы выступлений большей части участников¹. Доклады не зачитывались — каждый участник заранее ознакомился с позицией других участников. Кроме того, заранее был разослан список вопросов, подлежащих обсуждению, — все участники призывались высказать свое мнение по наиболее дискуссионным вопросам:

- насколько развита была полисная организация вновь образуемых колоний на берегах Керченского пролива в начале колонизации, существовала ли у них уже развитая форма демократии, способная противостоять захвату власти тиранами (или долго сохранять свои полисные свободы в условиях тирании), или

¹ См.: Восточная Европа в древности и средневековье: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Материалы конференции. М., 2012. С. 286-329.

она была в столь зачаточном состоянии, что легко могла переродиться в тиранию;

- как проходил процесс их объединения в одно государственное образование — мирно или насильственно, через оборонительный союз-симмахию и амификтионию, эсимнетию=«выборную тиранию» или как-то еще;
- что означают слова Диодора о том, что Спарток получил власть «в Азии», могла ли первой столицей Боспора быть Гермонасса или «в Азии» означает просто «на Востоке»;
- каков был механизм трансформации полиса в тиранию и/или монархию при Археанактидах (правили 42 года с 480/479 г.) и Спартокидах (с 438/437 г.)
- есть ли разница между государственным устройством при Археанактидах и Спартокидах;
- каков был характер новой надполисной государственной власти — родовая олигархия, тирания, монархия, наследственная монархия, эсимнетия, полисная тирания, территориальная монархия при сохранении определенных полисных традиций, тирания, перерастающая в монархию, или что-то еще;
- что стало с полисными институтами — потеря всех полномочий, сохранение их части;
- какова связь этой трансформации с так называемым «кризисом полиса», был ли он на Боспоре и, если да, то каковы его причины и последствия;
- какую роль сыграли в этой трансформации персидско-боспорские отношения (Ахемениды и Боспор, ахеменидские печати, найденные на Боспоре, и другая символика) (ср. высказывания: «развитие боспорского государства проходило под контролем Ахеменидов»; «приход к власти Спартокидов осуществился не без помощи персидской державы»);
- что послужило главным стимулом этой трансформации — внешняя военная угроза или закономерности внутреннего развития; что означают следы разрушений на поселениях и усиление фортификационного строительства — агрессивную политику Пантикапея или угрозу варварских нападений;
- есть ли типологически общие черты такой трансформации на Боспоре и в других греческих центрах в доэллинистический период (Старшая и Младшая тирании, особенно, сицилийская держава Дионисия Старшего);
- можно ли говорить о периоде «протоэллинизма» («предэлли-

низма») на Боспоре (2 четверть IV — 300 г. до н.э.) в связи с дефиницией эллинизма (начало 330 г.) в целом;

- что общего в эллинистических монархиях и на раннем (пред-эллинистическом) Боспоре, например, кризис полиса, греко-варварский характер государства, синтез двух культур, монархический строй, институт соправительства, сведение функций полиса до муниципального уровня, существование царской хоры, градостроительная деятельность и т.д.;
- каковы принципиальные отличия боспорской модели государственного устройства от эллинистической;
- носит ли сходство в этих двух моделях типологический или чисто внешний характер из-за различия в генезисе и эволюции этих моделей;
- когда же на Боспоре наступает настоящий эллинизм — только при Митридате или принципы организации центральной власти не претерпевают принципиальной перестройки на эллинистических основах;
- каковы причины стабильности установившейся формы правления — «боспорского феномена» — талантливость и пассионарность боспорских правителей, отсутствие вмешательства извне, как было в Старших тираниях, погибших от этого, насильственное объединение, которое устойчивее добровольного, или баланс, найденный между монархической властью и полисами.

Несмотря на то, что далеко не все из поставленных вопросов смогли найти свое решение, прошедший круглый стол показал актуальность заявленной проблемы и обнажил «болевые точки» в ее изучении. В ходе работы «круглого стола» (заседание длилось почти пять часов) представилась уникальная возможность в живом диалоге сопоставить различные точки зрения и, возможно, продвинуться в решении важных для античной истории Восточной Европы проблем политогенеза. Дискуссия была записана на диктофон с целью последующей ее публикации. К сожалению, аудиозапись выступлений участников круглого стола оказалась некачественной, поэтому планируемая публикация ее стала невозможна, в связи с чем участникам мероприятия было предложено подготовить полноценные научные работы по заявленной проблеме. Большинство участников круглого стола ответили согласием; в настоящем сборнике публикуются статьи Ю.А. Виноградова, А.А. Завойкина, Е.А. Молева, А.В. Подосинова, С.Ю. Сапрыкина, И.Е. Сурикова, Н.Ф. Федосеева,

Н.Б. Чурековой, Ф.В. Шелова-Коведяева, также прислали свои статьи, близкие теме круглого стола, Н.Н. Казанский и Г.Р. Цецхладзе. Некоторые статьи представляют собой расширенную версию тезисов, опубликованных к конференции, в некоторых ведется полемика с позицией, высказанной оппонентами в этих тезисах, некоторые статьи показывают знакомство авторов со статьями других авторов еще до их публикации в настоящем томе.

В своей статье в этом сборнике А.А. Завойкин пишет о круглом столе в связи с констатируемым им разнообразием мнений по большинству вопросов боспорского политогенеза следующее: «...Заслуживающая всяческого уважения и внимания попытка А.В. Подосинова преодолеть разрозненность мнений (результатом чего стало и само обсуждаемое научное мероприятие), на мой взгляд, диагностична. Она опирается не столько на более углубленный анализ источников или инновационную методикку исследования, сколько на максимально полный учет разнообразия существующих в науке представлений. В целом эта попытка, скорее, эклектична».

И в самом деле, на круглом столе отнюдь не предполагалось заново проанализировать источники — их немного, они всем хорошо известны, при этом они всеми исследователями интерпретируются по-разному, к тому же интерпретация источника — дело тонкой, кропотливой, индивидуальной кабинетной работы, требующей много времени. На круглом столе предполагалось свести вместе исследователей, потративших много сил на истолкование этих источников, и сравнить их позиции и исторические выводы в прямой и открытой дискуссии. При этом предполагалось услышать аргументацию противостоящих сторон, взвесить все *pro et contra*, увидеть слабые и сильные стороны различных теорий. В этом смысле дискуссия была вовсе не эклектична — это была манифестация существующих на сегодняшний день точек зрения с возможностью аргументировать свое мнение в очной дискуссии с другими, нащупывание болевых, нерешенных проблем и возможных путей их решения.

Думается, круглый стол выполнил свою задачу. В частности, проведенная там дискуссия вызвала к жизни весьма обстоятельную и глубокую статью самого А.А. Завойкина, публикуемую в настоящем сборнике, в которой он по материалам обсуждения приходит к выводу о необходимости внесения методологической ясности в используемую исследователями терминологию, которую он и исследует в своей статье («протоэллинизм», «морнархия», «Боспор», «держава Спартокидов», «территориальное государство», «греко-варварское

государство»). Это и явилось одним из итогов круглого стола — понимание того, что многие противоречия исследователей вызваны нечеткостью терминологического аппарата, ими используемого.

Отмечу, кстати, что материалы круглого стола стали уже предметом анализа одного из участников дискуссии, который также отметил, что «точки зрения авторов по проблеме формирования боспорской государственности значительно сблизились и, следовательно, дискуссия была полезной и плодотворной².

Еще раз хотел бы выразить благодарность участникам круглого стола и авторам присланных статей, а также надежду на прогресс в изучении образования Боспорского государства.

Модератор круглого стола
А.В. Подосинов

² *Молев Е.А.* Некоторые итоги дискуссии о проблеме образования Боспорского царства // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12: Из истории античности и Нового времени. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2013. С. 171.

А. А. Завойкин

ОБРАЗОВАНИЕ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА:
ОТ ПОЛИСА К ЦАРСТВУ
(НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДИСКУССИИ)*

Аннотация: В основе статьи лежат материалы дискуссии, проходившей за «круглым столом» (в рамках конференции «Восточная Европа в античном и средневековом мире», Москва, 19.04.2012). Автор считает, что для плодотворного изучения политического строя Боспорского государства необходимо достичь договоренности в основной терминологии и опираться на обоснованную историческую периодизацию. Он сосредоточил свое внимание на анализе ряда ключевых терминов («прото-эллинизм», «монархия», «Боспор», «держава Спартокидов»; «территориальное государство»; «греко-варварское государство»). Была предложена дробная периодизация истории Боспорского государства от Археанактидов до Митридата Евпатора. Центральное место в рассмотрении изучаемой темы занимает вопрос о соотношении власти тиранов и полиса.

Ключевые слова: Киммерийский Боспор, государство Спартокидов, полис, эллинизм, олигархия, тирания, монархия, типология, терминология, периодизация

Abstract: At the heart of the paper lie materials of the discussion which was passing for «a round table» (within the limits of conference «The Eastern Europe in the Ancient and Medieval World»; Moscow, 4/19/2012). The author considers that for productive studying of a political system of the Bosporan state it is necessary to reach an agreement in the basic terminology and to be based on a well-founded historical periodization. He has concentrated the attention to the analysis of some key terms (“proto-Hellenism”, “monarchy”, “Bosporos”, “the

* Работа выполнена по программе Президиума РАН «Нации и государство в мировой истории. 3. Возникновение, эволюция и типология государственности в мировой истории».

state of the Spartokids»; «the territorial state»; «the Greek-barbarous state»). The fractional periodization of history of the Bosporan state from the Archaeanaktids to Mithridates Eupator has been offered. The central place in consideration of a studied theme occupies the question on a correlation of the power of tyrants and the status of the polis.

Key words: Kimmerios Bosporos, the state of the Spartokids, the polis, Hellenism, oligarchy, tyranny, a monarchy, typology, terminology, periodisation

С благодарностью принимая предложение организаторов «круглого стола», посвященного проблемам генезиса Боспорского государства, — предоставить более развернутый, чем в «Материалах», текст (см. Предисловие), должен отметить два обстоятельства: во-первых, что все наиболее существенное, что я мог сказать по этой важнейшей для меня теме, уже опубликовано¹ или же дожидается публикации²; а во-вторых, что сам ход дискуссии во время нашего заседания побуждает к обсуждению ряда вопросов, существенных для понимания как достигнутого уровня наших исследований государственности раннего Боспора, так и для попыток наметить их

¹ Например см.: *Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. 4. С. 150–180; *он же.* Кризис «первой половины» V в. до н. э. и проблема образования Боспорского государства // РА. 2006. 4. С. 103–111; *он же.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления территориальной державы. Автореф. дисс. ...д-ра ист. наук. М., 2007. С. 1–54; *он же.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор / Н.А. Гаврилюк, А.А. Масленников (ред.). Москва; Киев; Запорожье, 2007. С. 219–243; *он же.* Архаический, классический и эллинистический периоды (VI–II вв. до н.э.) (Глава 1) // Античное наследие Кубани. Т. II. Часть VIII: Политическая история Азиатского Боспора. / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). М., 2010. С. 13–75; *он же.* Были ли Археанактиды «царями Киммерийского Боспора» (*Diod.* XII. 31, 1)? (к периодизации становления «территориального» Боспорского государства) // Эмбатерион. Сб. научных статей по искусствоведению, филологии и истории / В.П. Яйленко (ред.). М., 2011. С. 291–299. Даже текст моего доклада для «круглого стола» опубликован практически в полном объеме (*Завойкин А.А.* Боспорская монархия: проблемы периодизации // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. — М., 2012. С. 288–298).

² Наиболее полно мои представления изложены в диссертации, переработанная рукопись которой («Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов») сдана для публикации в серии «Боспорские исследования» (*Supplementum*) в мае 2011 г. в Центр археологических исследований Фонда «Деметра» (г. Керчь).

перспективы. Трудно в данном случае претендовать на исчерпывающую полноту, но сама постановка этих вопросов представляется оправданной.

За основу для рассуждений я принял материалы (теперь большей частью опубликованные участниками дискуссии³) «круглого стола» и свои заметки к ним, предварявшие мой собственный доклад. По сути каждый исследователь представил свою систему взглядов на поставленные вопросы⁴. Взгляды эти в основном сложились уже сравнительно давно⁵ и отражают авторский, оригинальный комплекс представлений о предмете. Эти разнообразные представления вполне «уживаются» в рамках современной историографии. Иными словами, существующее разнообразие мнений, предполагающее острую научную дискуссию, вроде бы, должно стимулировать выработку некоей «обобщающей концепции», в которой учтены силь-

³ Не опубликован доклад С.Ю. Сапрыкина «Тирания на Боспоре и градостроительство». Поэтому использую (с разрешения автора текста) рукопись доклада, предоставленную участникам круглого стола его организатором, А.В. Подосиновым. Обсуждаемый на «круглом столе» доклад самого А.В. Подосинова — был опубликован им в материалах предыдущих XXIII Чтений (*Подосинов А.В.* Возникновение Боспорского государства: от полиса к царству // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2011. С. 224–232). Для XXIV Чтений им представлены тезисы иного содержания (*Подосинов А.В.* Геополитические факторы образования Боспорского царства // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. — М., 2012. С. 286–288.).

⁴ Пожалуй, только А.В. Подосинов попытался предложить некую «синтетическую модель», которая опирается на анализ существующих мнений по ключевым вопросам проблемы генезиса и эволюции Боспорского государства, приходя в итоге к оригинальному и спорному или, как сам он выражается, «провокационному» выводу, далеко выходящему за рамки боспорской истории.

⁵ Новаторский характер имеет работа И.Е. Сурикова (*Суриков И.Е.* Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады») // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012. С. 311–315), который, впрочем, приходит к заключениям в чем-то близким (отнюдь не идентичным) старой точке зрения В.В. Шкорпила об аристократическом характере правления Археанактидов: аристократы — *ἀνακτες* захватили власть в Пантикапее ввиду варварской опасности; «эти цари властвовали, по нашему мнению, не по очереди а одновременно»; в то же время, исходя из словоупотребления Диодора (XII. 31, 1; etc.), Шкорпил считал, что Археанактидов следует считать либо царями, либо тиранами, а в 438 г. единоличную власть получил Спарток, быть может, один из Археанактидов (*Шкорпил В.В.* Археанактиды // ИТУАК. 1918. 54. С. 56–59).

ные стороны различных мнений и преодолены их слабости. Однако ход дискуссии «за круглым столом» убеждает в том, что конвергентная стадия в историографическом процессе еще не достигнута⁶. Очевидно, что здесь имеются причины как объективного, так и субъективного свойства. В числе первых, безусловно, самая важная — в целом довольно скудная — и сильно «фрагментированная» источниковая база, в особенности данных литературной традиции и эпиграфики⁷. Нумизматические памятники исключительно важны, но их значение, по моему мнению, остается недооцененным. Материалы археологии гораздо более массовы, но чрезвычайно трудны (неоднозначны) для их осмысления в качестве источника по интересующей нас теме. Этот косвенный источник может быть привлечен только при глобальном охвате категорий или групп памятников. Вне системного анализа, привлекаемый только для иллюстрирования априорных предположений, — он бесполезен⁸.

* * *

Изначально научная дискуссия предполагает договоренность в терминологии, иначе она бесплодна. Коснусь некоторых существенных, на мой взгляд, понятий.

«Протоэллинизм». Мне это определение принципиально не нравится, оно нетерминологично (сродни выражению: «мышка — это то, что за печкой скребется»). В заключительной части своих тезисов И.Е. Суриков написал: «Для нас эллинизм — явление, имеющее отношение прежде всего не к этническим или культурным процессам, а именно к политогенезу. Для нас это в первую очередь время, когда совершился переход “от гражданина к подданному”, от мира,

⁶ В этом плане заслуживающая всяческого уважения и внимания попытка А.В. Подосинова преодолеть разрозненность мнений (результатом чего стало и само обсуждаемое научное мероприятие), на мой взгляд, диагностична. Она опирается не столько на более углубленный анализ источников или инновационную методику исследования, сколько на максимально полный учет разнообразия существующих в науке представлений. В целом эта попытка, скорее, эклектична.

⁷ Именно отрывочность редких литературных свидетельств открывает простор для многовариантности их интерпретации. Показательно, что ключевой и «стартовый» для нашей темы отрывок Диодора о переходе власти от Археанактидов к Спартокидам (*Diod.* XII. 31, 1), казалось бы, исследованный вдоль и поперек, дает пищу для очень различных толкований текста (см. ниже). Выработать «общей платформы» пока никак не удается.

⁸ Не хочется говорить о случаях, когда он вреден, только создает иллюзию того, что тот или иной вопрос уже решен и опирается на серьезную фактическую базу.

где доминировали суверенные республиканские полисы, к миру, где доминировали крупные монархические государства. В этом плане и разговор о протоэллинизме имеет полный резон (перечисленные процессы уже всюду шли в IV в. до н.э.), и Боспор оказывается в авангарде этого движения»⁹. С такой постановкой вопроса в принципе можно согласиться (если не упускать из виду качественный рубеж, который приходится на конец этого столетия). Однако почему прямо не говорить о монархических тенденциях в историческом развитии античного общества, которые реализовались в полной мере в эллинистическую эпоху? А.В. Подосинов предлагает рассматривать Боспор Спартокидов или даже Археанактидов в качестве «эллинистической или, если угодно, “прото-эллинистической” монархии»¹⁰. В этой связи уместно вспомнить любопытное размышление И.Е. Сурикова о типологии боспорской тирании: необыкновенно поздняя Старшая или необыкновенно ранняя Младшая?¹¹ Примечательно, что в новой своей работе этот исследователь приходит к заключению, что политический режим Археанактидов представлял собою крайнюю форму олигархии («династию» в аристотелевом значении — *Arist. Pol.* 1292b5 sqq.; 1293a30 sqq.), «олигархию одного рода»¹². Можно ли, таким образом, считать, что И.Е. Сурикову удалось (в рамках его доказательной системы) поставить боспорскую тиранию (Спартокидов) в разряд ординарных младших тираний?¹³ (Если так — следует говорить о «кризисе полиса». Зачем, в таком случае другой «термин», прото-эллинизм?). Однако во-

⁹ Суриков И.Е. Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. — С. 314.

¹⁰ Подосинов А.В. Возникновение Боспорского государства: от полиса к царству. С. 224–232.

¹¹ Суриков И.Е. К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадияльно-типологический контекст // Из истории античного общества. 9-010 / А.В. Махлаюк (ред.). Нижний Новгород, 2007. С. 143 слл. Исследователь приходит к однозначному для него выводу: в стадияльно-типологическом плане боспорская тирания принадлежит феномену Старшей тирании.

¹² Суриков И.Е. Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. ... С. 314: «Таким образом, — резюмирует автор, — приходится констатировать, что события 438/437 г. до н.э. в Пантикапее были не банальным переворотом, а фактом, имеющим самое прямое отношение к процессу политогенеза: впервые установилась монархия в форме тирании». (Здесь и всюду далее курсив мой. — А.З.)

¹³ Один из руководящих принципов исследователя — понять боспорскую реальность в общегреческом контексте, отрицая «феноменальность» Боспора, о которой так часто любят говорить. Мне такой подход очень близок, поскольку указанный термин не редко лишь маскирует недостаточное знание предмета.

прос о стадильно-типологической оценке И.Е. Сурикова «в связи с вновь открывшимися обстоятельствами» адресуем самому исследователю¹⁴. Мне же кажется, что эта интересная тема заслуживает еще более пристального изучения. В любом случае трудно предполагать, что боспорские полисы в последней трети V в. до н.э. были столь отсталыми (пройдя полуторавековой путь развития), что политические процессы, которые в них протекали, были близки раннеархаической стадии, характеризующейся становлением полисных институтов и часто — Старшими тираниями.

Любопытно, каким образом к этому вопросу подошла Н.Б. Чурекова, обсуждая типологию И.Е. Сурикова. Она выделяет четыре этапа боспорской тирании, из которых «первый — правление Археанактидов; второй — Спартока и его сына (?) Селевка; третий — Спартокидов (Левконидов (?)), начиная с Сатира и до Спартока III, которым был официально принят царский титул...». Исследовательница считает, что «первый этап действительно во многом сходен с периодом Старшей тирании и типологически должен быть отнесен именно к ней. Второй период, как это ни странно, еще менее освещен источниками и, вероятно, может представлять собой переходный период от Старшей тирании Археанактидов к Младшей тирании Спартокидов¹⁵. Кстати, именно отсутствие такого перехода и смущало И.Е. Сурикова¹⁶. Следующий же этап, несомненно, связан с Младшей тиранией, и прямые аналогии этому мы по-прежнему видим в режиме Дионисия»¹⁷. Обращает на себя внимание категоричность суждения о типологической принадлежности тирании Археанактидов — первых Спартокидов при совершенном отсутствии

¹⁴ Предполагаю, что в целом его оценка политического режима Спартокидов как Старшей тирании остается неизменной.

¹⁵ Между прочим, не стоит, исходя только из фракийского имени Спарток, а priori отказывать основателю династии в аристократическом происхождении (на чем я, разумеется, не настаиваю). Допустимо, например, предполагать ксенические связи или даже родство с фракийским царским домом. Что же касается размышлений о том, кем был Спарток I, в том числе довольно остроумных, — они — останутся не более чем догадками. Об этом см.: *Васильев А.Н.* Одриский династ во главе Боспора? // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 1999. С. 106–111; *Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском. С. 151, примеч. 27. — *А.З.*

¹⁶ *Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском. С. 145.

¹⁷ *Чурекова Н.Б.* Еще раз к проблеме боспорской тирании // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. — М., 2012. С. 324.

позитивных источников (как мы видели, И.Е. Суриков с легкостью и обоснованно поставил под сомнение сам тиранический характер власти Археанактидов). Собственно, то же самое мы должны сказать и о власти первых Спартокидов, Спартока I и Селевка¹⁸, с той только разницей, что нам они известны по именам и длительности их правления (для Селевка, впрочем, не все так ясно), а также то, что их наследники были тиранами. Только со времен Сатира I (возможно, не с самого начала его правления) появляется информация в источниках. Но молчание источников вовсе не повод объявлять время правления Спартока I — Селевка той самой «интерлюдией» («часто демократической!»)¹⁹, которой, по мнению Н.Б. Чурековой, не хватало И.Е. Сурикову для признания боспорской тирании Младшей. Здесь, как мне кажется, все проще: мало кого интересовали тираны отдельного полиса на самом краю ойкумены, и совсем другое дело (для афинян в особенности) — правители государства, объединившего практически весь регион, откуда вывозилась значительная часть (до половины всего экспорта Афин во времена Демосфена (*Dem.* XX. 30–32))²⁰ столь важного для продовольственного снабжения Греции зерна. Тем не менее исследовательница права, выделяя два — (второй и третий) принципиальных этапа в развитии боспорской тирании. Абстрагируясь от типологии, суть этих этапов можно выразить так: пантикапейская тирания и тирания боспорская (см. ниже).

«Монархия». Для взаимопонимания исследователям в первую очередь следует договориться о значении этого понятия. Для С.Ю. Сапрыкина, например, монархия и тирания принципиально различные вещи²¹. Он считает, что «монархия» — это, по сути, синоним эл-

¹⁸ Селевк, между прочим, был кем угодно, только не сыном основателя династии. Об этом подробно: *Завойкин А.А.* — Почему Диодор умолчал о кончине Селевка и воцарении Сатира, сына Спартока // *Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 г.* / А.В. Подосинов (ред.). М., 1999. С. 142–157.

¹⁹ *Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском... С. 145.

²⁰ Демосфен называет Левкона I κύριος боспорского хлеба.

²¹ *Сапрыкин С.Ю.* Тирания на Боспоре и градостроительство. С. — 1–6 (рукопись доклада, предоставленная к — XXIV Чтениям памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, М., 2012). По его мнению, основные признаки боспорской тирании таковы: «1. *Архонтство* — пантикапейские тираны до середины III в. до н.э. именовались “архонтами Боспора и Феодосии”, что подразумевало полисный характер власти и земельной собственности (под Боспором понимались эллинические полисы); 2. одновременно они называли себя “царями синдо-меотских племен” — это традиция, свойственная отношениям “властитель — варвары”, так как последние, особенно синды и меоты, привыкли считать правителей царями, но это не дает основания отрицать *полисное*

линистической царской власти. А поскольку исследователь заранее убежден, что эллинизм на Боспоре утверждается только с приходом к власти Митридата Евпатора, то даже официальное принятие (и признание!) царского титула Спартоком, сыном Евмела, в начале

землевание как основу существования государства; 3. насильственный союз городов — характерная черта полисной тирании, в особенности на периферии (Южная Италия, Сицилия, Гераклея Понтийская); 4. *проксеническая деятельность, пошлины и монополия на хлебную торговлю* — это не имело отношения к царской собственности, так как регулировалось полисным законодательством от имени тиранов и их сыновей; 5. *наследственная власть* — особенность полисных тираний в Сиракузах, Коринфе, Афинах, Гераклее Понтийской; 6. *полисные институты*: Народное собрание и полисное (пантикапейское) гражданство — обязательные атрибуты полисной тирании, как правило, ужимавшиеся тиранами; 7. *развитие градостроительства и обустройство хоры*. Эти признаки не дают оснований для характеристики власти Археанактидов и Спартокидов как наследственной монархии и говорить о том, что они обладали царской хорой».

Удивительно, что из всех названных признаков лишь некоторые (из них отдельные — отчасти) могут быть названы характеристическими. Некоторые признаки вообще не имеют отношения к вопросу. Благоустройство городов и территорий в высшей степени свойственно не только тираниям, но и эллинистическим монархиям (об усилиях Спартокидов в этом направлении мы вообще ничего не знаем). Полисные институты сохраняются в том или ином виде и в полисах, входивших в состав эллинистических государств (судить об этих институтах на Боспоре почти невозможно, помимо предположения, — которое разделяют не все исследователи, — о наличии народного собрания в Пантикапее — сказать по сути нечего; подробно см.: *Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе. С. 219–243). Эллинистические цари тоже передавали свою власть по наследству. Таможенные сборы на ввозимые — вывозимые товары устанавливались как демократическими полисами, так и единоличными правителями (Спартокиды узурпировали право ателии). «Насильственным союзом городов» можно назвать, к примеру, и I Афинский морской союз (а вот о Боспоре IV в. до н.э. едва ли можно говорить как о каком-то «союзе», разве что как о «союзе коня и всадника»); это были, в основном, отношения полиса завоевателя (Пантикапея, которым единолично правили Спартокиды) и завоеванных полисов). Что касается «самоназвания» боспорских тиранов. Если мы говорим о ранних Спартокидах (поздние — со Спартока III, официально принявшего царский титул), они себя *сами* никак не называли, только по имени и отчеству, в документах за пределами Боспора иногда именовались с указанием «пантикапеец» (КБН 37). Датировочная формула «архонт Боспора и Феодосии, царствующий над синдами, торетами, etc.» использовалась исключительно в посвячительных (божествам) надписях. Это была официальная, по-ахеминидски пышная (*Тохтасьев С.Р.* Происхождение титулатуры Спартокидов // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений / В.Н. Зинько (ред.). — Керчь, 2001. С. 164) титулатура правителей, так сказать, для внутреннего пользования. Ничего подобного в греческом мире мы не знаем. «Архонство» здесь ровным счетом ничего не «подразумевает» в плане земельной собственности. И уж вовсе не ясно, каким образом «привычка» варваров к царской власти может служить

III в. до н.э.²² для С.Ю. Сапрыкина — одна только фикция, которая ничего не изменила в государственном устройстве Боспора²³. Отчасти лишь соглашаясь с последним утверждением²⁴, я принципиально расхожусь с ученым в оценке самого этого устройства. По моему мнению, Боспор *уже* был по сути государством монархическим, поскольку со времен Сатира I (по крайней мере)²⁵ здесь утверждается *единоличная* (т.е. монархическая) наследственная²⁶ власть. Монархия (исходя из самого значения этого слова) и есть *единоличная* власть, а конкретные исторические её формы могут быть различными в разных местах и в разные эпохи, с официальным царским

подтверждением тому, что полисное землевладение было основой существования государства. Непонятно, с кем С.Ю. Сапрыкин в данном случае дискутирует? Его оппоненты мне неизвестны. Однако признание того факта, что Спартокиды по праву завоевания установили царскую (и по сути, и по названию) власть над территорией некоторых варварских племен Прикубанья, дает возможность говорить о «царских» наряду с полисными.

Собственно говоря, никто не спорит и с тем, что — (монархическая по сути) власть Спартокидов была тиранической по своей конкретно-исторической форме (см.: Суриков И.Е. Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. — С. 314: «монархия в форме тирании»). Так же считал и Ю.Г. Виноградов (Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I / Е.С. Голубцова (ред.). М., 1983. С. 407–416). Ровно то же можно сказать, например, и о власти Дионисия Старшего. «Дуализм», тесный диалог монархии и полиса, и есть типичный признак тирании (см.: Фролов Э.Д. Сицилийская держава Дионисия. Л. 1979. С. 128 сл.), причем не только Младшей, но и Старшей (хотя и с иными историческими последствиями): — «Старшая тирания»... в известном отношении представляла собой дуализм или даже “диархию”, порожденную приблизительным равновесием сил двух “центров власти”: единоличного правителя-тирана и гражданского коллектива полиса. Подобное равновесие, конечно, никогда не могло длиться вечно, и рано или поздно одна из этих сил одерживала верх, а другая вытеснялась с политического поля. Как правило, победившей стороной оказывался полис, проигравшей — тиран» (Суриков И.Е. К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском. С. 155).

²² Габелко О.Л., Завойкин А.А. Еще раз о вифинско-пантийско-боспорской эре // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы — конф. Ч. I / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 2004. С. 69–74.

²³ Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. I. С. 28.

²⁴ См.: Завойкин А.А. Боспор и эллинизм // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Материалы конф. К 100-летию Ф.В. Уолбанка / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 2009. С. 229–239.

²⁵ Можно предполагать (поскольку точно это неизвестно), что и тирания (?) Археанактидов могла иметь единоличный и наследственный характер (ср. однако: Суриков И.Е. Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. ...). Другое дело, что их власть (во всяком случае я так считаю) не выходила (а если и вышла — то очень недалеко) за пределы одного полиса.

²⁶ Кстати, наследственность — второстепенный признак монархии.

титолом или без него. До походов Александра и утверждения после его смерти эллинистических держав (т.е. до 312 г. до н.э., на который приходится первый прецедент, и потом «парада суверенитетов» в 305 г. до н.э.) в греческом мире (Македонию мы, в данном случае, конечно, не считаем) и речи быть не могло, чтобы какой-нибудь монарх (которого, разумеется, именовали «тираном») мог себе позволить официально называться царем. Почему? А потому, что, — как объясняет нам Аристотель, — греки свободны по своей природе, в отличие от варваров, которые по природе рабы, — у них царская власть законна и закономерна. Так думали до наступления эллинистической эпохи...

Весьма занятно, что позиция А.В. Подосинова, можно сказать, диаметрально противоположна логике С.Ю. Сапрыкина²⁷. Для него монархия с необходимостью появляется там, где в рамках одного государства оказываются греки и варвары. Последние, по мнению исследователя, не могут принять над собой иную форму власти, кроме царской (им «были чужды демократические принципы организации политической жизни») ²⁸. А поскольку он находит ряд «типологических» сходств²⁹ в политической системе Боспора и некото-

²⁷ Подосинов А.В. Возникновение Боспорского государства: от полиса к царству. С. 227–231.

²⁸ Ср. справедливое суждение Д.В. Грибанова (Проблема географических границ Боспора в период правления Левкона I // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірка наукових праць. Вип. 10 / С.І. Посохов (ред.). Харків. С. 28): «...Изменение потегстарной терминологии официального титула, очевидно, не было следствием реальных политических преобразований. Скорее оно отражало стремление Спартокидов определённым образом идеологически оформить свою власть в глазах самих боспорских греков, ведь только они и могли разобраться в тонкостях данной терминологии. Мы должны учитывать, что любой титул не только выражает реальный объём власти его владельца, но и зачастую используется в качестве определённого идеологического или пропагандистского посыла».

²⁹ Вот основные «сходные» положения (изложенные тезисно, с моими комментариями в скобках):

1. Наличие социально-политических институтов, отражающих взаимодействие эллинских и местных (восточных) начал, сочетание и синтез их идеологических и культурных достижений. (Не вполне ясно, о каких именно социально-политических институтах идет речь?).

2. Лишение полиса «права монетной чеканки (им обладал только Пантикапей) и права внешнеполитических сношений, права иметь оборонительные стены и некоторых других, при сохранении, может быть, в своей юрисдикции вопросов муниципального уровня (заметим в скобках — как в эллинистических монархиях)». (Я же должен в скобках отметить, что не всегда и не все полисы в эллинистических монархиях были лишены этих прав. Например, в царстве Атталидов автономные полисы и монету чеканили (в основном, бронзовую), и оборонительные стены имели, и даже

рых эллинистических держав, то в конце концов приходит к выводу, будто уже в IV в. до н.э. (если не раньше, начиная с 480 г. до н.э., т.е. с Археанактидов) Боспор был «эллинистической или, если угодно, “прото-эллинистической” монархией». (Замечу в скобках, можно ли вообще удивляться тому, что разные формы монархий обнаруживают между собой некоторые черты сходства? И сразу подчеркну, что далеко не все аналогии, приведенные автором работы такими являются, некоторые из сопоставлений скорее указывают на

представляли собственные интересы на внешнеполитической арене (разумеется, не в ущерб царю, подданные отношения к которому выражались главным образом в выплатах налогов в государственную казну; монарх же, в свою очередь, заботился о благоустройстве и украшении городов, обустройстве сельских территорий, выступал в качестве третейского судьи в земельных спорах полисов между собой и т.д. — см.: *Климов О.Ю.* Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб. 2010. С. 195–196, 204–206, 267, 347–348.)

3. Возникновение «экстерриториальной по отношению к традиционной полисной хоре “царской земли” ... а это всегда считалось признаком эллинистических государств». (Очевидно, что никакая государственная власть не может существовать без экономического базиса. Одной социальной поддержки недостаточно. Наивно было бы думать, что Спартокиды владели только личным земельным наделом, унаследованным ими от предков (в чем нас, кажется, пытается убедить С.Ю. Сапрыкин). В полном их распоряжении могли находиться земли, конфискованные у заговорщиков-изгнанников (например, *Polyaen.* VI. 9, 2: против Левкона I выступили «друзья и граждане»; *Ps.-Arr.* PPE. 77: изгнанники «из Боспора» в Феодосии). Ничто не препятствовало Спартокидам воспользоваться правом завоевателя и распорядиться частью земель покоренных полисов по своему усмотрению: поселить на этой земле наемников-ветеранов, предоставить её своим «друзьям», переселить сюда колонистов из другого полиса и т.д., — все это столь обычно для тиранических правлений, что нет даже необходимости иллюстрировать эти положения конкретными примерами. Не говоря уже о землях внеполисных, захваченных Спартокидами. Речь идет не только и даже не столько о землях, которые занимали варварские племена, подчиненные боспорским правителям (об этом см. ниже). Нет и необходимости видеть в этом явлении что-то специфически эллинистическое.

4. *Институт соправительства.* (Соправительство возникает всюду, где формируется и существует единоличная или родовая (семейная) форма власти. Этот институт исторически не специфичен (см.: *Завойкин А.А.* Кризис «первой половины» V в. до н. э. и проблема образования Боспорского государства // РА. 2006. 4. С. 103–111; *Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском... С. 152). Не станем же мы на этом основании утверждать, к примеру, что — Котис III и его соправитель Савромат III (*КБН* 1230) правили *эллинистическим* Боспором. Но важнее, что распространенное мнение об институте соправительства на Боспоре как одной из отличительной черт его политического режима — явная передержка. Прямых и однозначных источников, подтверждающих эту гипотезу, нет. Диодору соправительство на Боспоре не было известно: он последовательно перечисляет единоличных правителей, «царствующих» здесь. «Соправительство» у Спартокидов придумал А. Шефер (*Schaefer A.* Die Regierungszeit des Königs Paerisades I von Bosporos // RhM. 1883. 38.

разительные отличия двух этих «систем», см. сноску 29). Буквально сказано так: — «... Греко-варварский симбиоз *не мог не приводить* к трансформации полисного государства в монархию эллинистического типа». Признаться, не очень представляю, о каком «симбиозе» (или синтезе) в области политической («социально-политической») можно говорить? Позволительно ли думать, что варварские народы, не знающие собственной государственности (по крайней мере в сколько-нибудь развитых формах) могли обогатить политический

S. 310–311), а развил эту догадку Р. Вернер (*Werner R. Die Dynastie der Spartokiden // Historia. 1955. IV. 4. S. 412 f.*), чтобы объяснить хронологическое несоответствие в датах правления Спартока II и Перисада I у Диодора (XVI. 52, 10 — Спарток II умер в 349/8 г.) и — псефисмы в честь детей Левкона (*IG II², 212; Syll.³ 206; МИС 3, весна 346 г.; см. Schaefer A. Athenischer Volksbeschluss zu Ehren der Söhne Leukons von Bosporos // RhM. 1878. XXXIII. S. 423*), а также — нестыковки в сведениях Диодора между смертью основателя правящего дома, его приемника Селевка (XII. 31,1; 36,1) и кончиной сына Спартока I, Сатира I (XIV. 93, 1). Критический разбор этих положений см.: *Завойкин А.А. — Почему Диодор умолчал о кончине Селевка и воцарении Сатира, сына Спартока. С. 142–157; он же. — Спарток и Перисад, дети Левкона // ПИФК. 1999. VIII. С. 176–189*. По сути, только два источника позволяют *ставить* вопрос о соправительстве на Боспоре: упомянутый афинский декрет (в котором чествуются трое сыновей Левкона I) и боспорское посвящение Фениппа (*КБН 9*) времени правления Перисада I. Хотя после ревизии последней надписи Н.С. Беловой (К находке надписи РЕ, II, 8 // *СА. 1968. 3. С. 47, 50 сл., 52, рис. 5*), на мой взгляд, чтение текста и его понимание, предложенные её предшественниками, следует отвергнуть. См. также: *Васильев А.Н. Проблемы политической истории Боспора V–IV вв. до н. э. в отечественной историографии. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Л., 1985. С. 20; он же. К вопросу о соправительстве на Боспоре // Проблемы античного источниковедения / Э.Д. Фролов (ред.). М.; Л., 1986. С. 45*.

5. *Наемническая армия.* «В распоряжении архонта-царя находились также воинские контингенты, сформированные из местных племен. Их племенная верхушка пользовалась особым расположением царей, нередко входя в их ближайшее окружение, как это было и при эллинизме. Таким образом, греко-варварский симбиоз *не мог не приводить* к трансформации полисного государства в монархию эллинистического типа, как это и случилось на Востоке после Александра, где одной из главных особенностей государственного устройства был синтез экономических, социальных и культурных достижений Европы и Азии». (В заключительном предложении социально-политический аспект даже не упомянут. Это понятно, поскольку, во-первых, в этой области никакого «синтеза» быть не могло, а во-вторых, — никакой «трансформации полисного государства в монархию эллинистического типа» на обломках державы Александра не произошло: полисы на завоеванных македонянами территориях оказались инкорпорированы в состав новых монархических держав (и претерпели определенную эволюцию по сравнению с временем, когда они входили в Ахеменидскую державу), как и варварские общины тоже. Эти эллинистические государства сформировались не из полиса. Их прототипом, генетической основой стала царская власть в Македонии (а предшественником — Персидское царство). Исключение — только держава Атталидов, о которой О.Ю. Климов пишет следующее: «Своеобразной чертой

опыт эллинов какими-то свежими идеями или традициями? В конечном счете автор ставит под сомнение, насколько вообще правомочно рассматривать эллинизм в качестве исторического этапа в развитии античной цивилизации. В частности он пишет: «Думается, что, если и не называть “царский” период истории Боспора до эллинизма “протоэллинизмом”, то типологически это явление одного порядка с эллинизмом». Но в том-то и дело, что, если говорить о ранних Спартокидах, это период не царский, но *монархический* по сути и *тиранический* по своей конкретно-исторической природе, связанный неразрывно с кризисными чертами в жизни полиса позднеклассического времени на периферии античного мира.

Любопытнейший факт. И для А.В. Подосинова «монархия» называется *эллинистическим царством*, как и для С.Ю. Сапрыкина. Но выводы из этого — диаметрально противоположны: первый исследователь продлевает эллинизм на Боспоре в раннеклассический период, а второй — начало эллинизма на Боспоре отодвигает в самый конец собственно эллинистического периода³⁰. Второй исследователь отказывает в каком-либо сходстве государственному устройству державы Спартокидов с эллинистическими монархиями (вопреки очевидному сходству единоличной формы власти и вытекающим из этого соответствиям, а также вопреки тому, что в обоих случаях главные политические субъекты одни и те же — монархия, полис, варварские общины). Первый — обнаруживает типоло-

развития Пергамского государства явилось то, что монархическая власть выросла на основе одного полиса, который стал центром территориального роста, ее оплотом и столицей, где власть узурпировали правители, не имевшие гражданского статуса. В эллинистической истории как будто аналогичных примеров развития нет» (*Климов О.Ю.* Указ. соч. С. 180). Кажется, все-таки правильнее было сказать, что монархическое государство развилось на основе Пергамского полиса (исторического и политического ядра государства Атталидов), но политическая традиция монархической власти выросла на другой основе и была привнесена сюда Филитером и его потомками (кстати, первые два правителя не имели официального царского титула).

Что же касается наёмничества, это социальное явление, в ранних своих проявлениях известное еще в VIII–VII вв. до н.э. («в собственно Греции наемники появляются в VII в. до н.э. и только на службе у тиранов и исчезают в VI в., вместе с падением так называемой “ранней тирании”»), особо широкое распространение получает в период кризиса полиса (*Маринович Л.П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975. С. 16, 12–13, 268–269), достигая расцвета, естественно, при единоличных правителях, располагавших значительными денежными средствами, необходимыми для содержания профессионального воинства.)

³⁰ Вопроса о финальной дате эллинизма на Боспоре в данной периодизации мне касаться не хочется.

гическое сходство даже там, где аналогии далеко не однозначны. В чем, на мой взгляд, более прав С.Ю. Сапрыкин? Он справедливо акцентирует внимание на том, что *генетически* боспорская монархия (которую он называет исключительно тиранией и, как мы видели, монархией не признает³¹) не сходна с собственно державами эллинистическими. (Некоторое внешнее сходство находим только в формировании державы Атталидов.) В одном случае она вырастает непосредственно из полиса (полисов), а во втором — царская власть (её идея, заимствованная из Македонии), так сказать, в готовом виде переносится на новые, завоеванные территории, притом что на этих территориях по большей части как полисы, так и варварские общины уже давно существуют под царской властью (при Ахеменидах и даже раньше их). Иначе говоря, С.Ю. Сапрыкин в большей степени придерживается традиционной периодизации истории, связывая государство Археанактидов и Спартокидов с двумя этапами развития общества: «В целом тирания на Боспоре, как и любая периферийная греческая тирания, прошла два этапа развития — от тирании, близкой по характеру “старшей” тирании (Археанактиды) к тирании, задачи которой в Греции выполняла так называемая “младшая тирания” (Спартокиды)»³². Таким образом, в целом это явление не выходит за границы классической эпохи. И в этом плане державу Спартокидов, начиная с Евмела, следовало бы называть не «протоэллинистической», а скорее «пост-классической»³³. Однако, как я уже отмечал, такого рода определения не кажутся мне удачными. Надеюсь, что теперь читатель согласится со мной.

В завершение этого раздела отмечу еще один примечательный момент. Мои представления о природе Боспора Спартокидов расходятся с представлениями С.Ю. Сапрыкина в терминологии и ряде отдельных положений, но концептуально совпадают (однако мой оппонент этого, кажется, не заметил). Боспор не был эллинистической державой ни до, ни после принятия её правителями царского титула. В генетическом плане — это тирания, сформировавшаяся на основе Пантикапейского полиса и объединившая под своей властью другие полисы региона. В отличие от своего оппонента я считаю,

³¹ Исследователь в принципе не видит возможности «примирить эти взаимоисключающие» понятия (Сапрыкин С.Ю. Тирания на Боспоре и градостроительство. С. 1).

³² Там же. С. 6. Ср.: Суриков И.Е. К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском. С. 146.

³³ См.: Завойкин А.А. «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. 4. С. 160.

что власть боспорских правителей была единоличной (монархической) и уже в силу этого её характеристики находят определенные соответствия в других монархических государствах, включая и государства эллинистические. И нет никакой необходимости пытаться доказывать, что таких соответствий не было вовсе и быть не могло. Далее, в период эллинизма Боспор существует не в какой-то «самоизоляции», но в рамках многообразных отношений, которые связывали его с другими центрами античного мира. Следовательно, отрицать какие-либо влияния эллинистической действительности на государство Спартокидов было бы странным. Официальное принятие царского титула Спартоком III (и его признание другими государствами) в начале III в. до н.э. — несомненное свидетельство таких влияний. Вполне возможно, что не единственное. Другое дело, что эти влияния не затрагивали (насколько вообще можно судить) основ политического устройства Боспорского государства, хотя на протяжении второй половины III и II вв. до н.э., вероятно, оно претерпевает определенную эволюцию (см. ниже).

«Боспор», «держава Спартокидов», «территориальное государство». Слово сочетание «территориальное государство» вызывает критику специалистов. Впервые я услышал ироническое замечание, когда представлял доклад «Боспор: территориальное государство и полис» в Санкт-Петербурге³⁴: «Разве государство вообще может существовать без территории?». В процессе обсуждения моей диссертации³⁵ И.Е. Суриков отметил: «...по ходу диссертации, начиная с ее заголовка, А.А. Завойкин пользуется выражением “территориальная держава”. Это выражение вообще прижилось в отечественной историографии (насколько можно судить, оно скалькировано с английского), но у нас есть серьезные сомнения в его корректности. Если мы постулируем какой-то феномен, существовавший в античности, мы вынуждены признать, что он как-то назывался³⁶. Какой можно подобрать греческий эквивалент для выражения “территориальная держава”? Нам такой неизвестен». Упрекал меня за такое словоу-

³⁴ *Завойкин А.А.* Боспор: территориальное государство и полис // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной конф. Ч. I / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 2001. С. 22–28.

³⁵ *Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления территориальной державы...

³⁶ На мой взгляд, тезис не бесспорный. В реальности феномен «кризиса полиса» существовал и даже в определенной мере был осмыслен современниками, но само терминологическое определение — плод новейшей историографии.

потребление и С.Ю. Сапрыкин. Я же, не то чтобы внял доводам моих критиков, но стал избегать подобной терминологии, предпочтя нейтральное и корректное во всех отношениях выражение «держава (арχή) Спартокидов». И сейчас возвращаюсь к этому вопросу только потому, что сам же и затронул проблему терминологии.

Упомянутый мною доклад был посвящен выяснению вопроса: в каких случаях название «Боспор» употреблялось применительно к государству Спартокидов как его части (в титулатуре) или в целом (в декретах правителей, с определением «весь»), а в каких — для обозначения его столицы, Пантикапея. Такой подход позволил и поразмышлять о происхождении названия государства. Выводы были предложены такие.

Расширение Пантикапейского государства за пределы полисных границ во времена Сатира I — Левкона I вызвало перенесение второго, неофициального названия города на все новое политическое пространство по обе стороны пролива³⁷, а потом и дальше. В этом названии в полной мере отражается дуализм власти тиранов: с одной стороны, связь с полисными традициями, с другой, — авторитарный характер власти «архонтов»³⁸ над завоеванными территориями. В то же время оно точно отражало географическое положение нового государства. Во всяком случае название «Боспор» как название страны вторично по отношению к политической номенклатуре. Такое понимание проблемы снимает вопрос об искусственном при-

³⁷ Имеются прямопротивоположные точки зрения (*Подосинов А. В.* Еще раз о происхождении имени города Керчи // *Античный мир. Византия: к 70-летию проф. В.И. Кадеева / В.Ф. Мещеряков (ред.)*. Харьков, 1997. С. 162; *Молев Е. А.* Термин «Боспор» у Диодора // *Античный мир. Византия. К 70-летию проф. В. И. Кадеева. / В.Ф. Мещеряков (ред.)*. Харьков, 1997. С. 145; *Молев Е.А.* Политическая история Боспора VI–IV вв. до н. э. Нижний Новгород, 1997. С. 27), их критику см.: *Завойкин А.А.* Боспор: Пантикапей и территориальное государство // *Таманская старина. 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.) / С.Л. Соловьев, Г.Р. Цецхладзе (ред.)*. — СПб., 2000. С. 35–36.

³⁸ Необходимо подчеркнуть, что нет доказательств существования титула «архонт Боспора» (только — «архонт Боспора и Феодосии...») (*Соколова О.Ю., Павличенко Н.А.* Новая посвятельная надпись из Нимфея // *Hyperboreus*. 2002. Vol. 8. Fasc. 1; *КБН* 1111 и т.д.). Не исключено, что и титул архонта был принят Левконом I с момента завоевания Феодосии. В таком случае термин «Боспор» (титулатуры) фиксирует ту политическую структуру, которая предшествовала образованию территориальной монархии *Левконидов* (ибо так именуют древние авторы династию боспорских владык — *Ael. Var. hist.* 6, 13; *Strabo* 7. 4, 4; 7. 3, 8, ссылаясь на Хрисиппа. Подробнее см.: *Завойкин А.А.* Аристотель, Кл. Элиан и Спартокиды (Левкониды) // *Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конф.* Казань, 5–7 октября 2006 г. / М.С. Бобкова (ред.). М., 2006. С. 353–357).

думывании названия территориального государства, примеры чему в античном мире мне неизвестны³⁹.

Введение в раннем IV в. до н.э. официального названия «Боспор»⁴⁰ для обозначения государства Спартокидов по существу исключило возможность его использования для обозначения Пантикапея на самом Боспоре. Литературная же традиция, начиная с Демосфена (XX. 33, 36 — ок. 355 г.), отразила, по-видимому, реалии более ранней эпохи (во всяком случае, раньше конца V в. до н.э., когда Сатир I захватил Нимфей, а затем и полисы на Таманском полуострове). Скорее всего не случайно, что вплоть до I в. до н.э. во «внешних» источниках Боспор именуется неопределенным термином «Понт»⁴¹.

Собственно, выход пантикапейской тирании за границы полиса, её породившего (Пантикапея), и образование политико-административной структуры, включившей в себя другие полисы (а затем и варварские общины), и побудил меня акцентировать внимание на том, что тирания в рамках одного полиса и тирания в политическом образовании, вобравшем в себя несколько полисов, насильственно присоединенных тиранами Пантикапея, как говорится, — две большие разницы. Потому, опираясь на аналогии (в первую очередь речь о державе Дионисия Старшего)⁴², я употребил наименование «территориальное государство», желая обозначить политическое образование иного ранга. Почему это так важно? Излюбленное С.Ю. Сапрыкиным словосочетание «полисная тирания»,

³⁹ В сущности, без названия обходились и эллинистические монархии. В этом отношении ἡ ἀρχὴ τῶν Σελευκιδῶν «ничем не отличалось от государства Лагидов или, точнее, от всех царств, образовавшихся в результате завоеваний Александра» (в отличие от Антигонидов — «царей македонян») (Бикерман Е. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 5–9).

⁴⁰ Не знаю, насколько правильно считать «Боспор» официальным названием государства. Во-первых, как было отмечено, никогда это название (до принятия царского титула правителями) не звучало как просто «Боспор» (только в ряду других составных частей государства, «Боспор и Феодосия...» etc. в титулатуре; «весь Боспор» в декретах Спартокидов); во-вторых, вроде бы иных примеров самоназвания «территориальных держав» неизвестно. В эту эпоху никаких официальных названий, гимнов, флагов и гербов, видимо, не было.

⁴¹ Характерно, что это наименование сменяется в литературе, начиная с периода, когда власть над Боспором получает владыка Понта — Митридат VI Евпатор.

⁴² См., например, ёмкие и точные определения Э.Д. Фролова (Сицилийская держава Дионисия. С. 140–141): «Новая сицилийская держава ... обладала новым структурным качеством, делавшим ее в корне непохожей на традиционные политические объединения греков. Решающим было то, что это государственное единство было создано усилиями новой утвердившейся в Сиракузах авторитарной власти; уже по

употребляемое независимо от того, о каком этапе истории государства Спартокидов идет речь, «смазывает» эту, как мне представляется, принципиальную грань.

Несколько слов о самом словоупотреблении. Конечно, выражение «держава (αρχή) Спартокидов» находит точные соответствия в античной традиции⁴³ и поэтому наиболее предпочтительно. Спору нет. Но при этом важно было бы корректно пользоваться такими понятиями, как «Боспорское царство» и «архонты Боспора». К сожалению, в историографии (как современной, так и прошлых веков) их нередко применяют слишком вольно: о «царях» и «царстве» говорится даже в тех случаях, когда речь идет об Археанактидах или ранних Спартокидах, «ради красного словца». В нашем случае еще важнее, что архонтат правителей «Боспора и Феодосии...» объявляют наследием полисных традиций⁴⁴. То что это не так, доказано Ю.Г. Виноградовым⁴⁵. Описательный титул «архонт Боспора и Феодосии» (именно так, не «архонт Боспора!») появился при Левконе I, собственно как и наименование самого государства — *Боспор* (не Пантикапей!). Этого термина было бы достаточно для адекватного обозначения державы Спартокидов, если бы мы не слишком при-

одному этому оно не могло быть всего лишь воссозданием в больших масштабах прежней сиракузской архе. Города, племена и территории, вошедшие в состав новой сицилийской державы были связаны союзническими или подданныческими отношениями прежде всего с самим главой авторитарного режима в Сиракузах, а не с сиракузским полисом, и это безусловно должно было сообщить созданному таким образом политическому единству новое качество *территориальной монархии*.

⁴³ Например, для державы Дионисия, которая «официального» названия не имела, — во «внешних» источниках использовалась описательная конструкция, — см.: *Plato* Ep. VII, p. 327e — ἡ ἀρχὴ τῆς Ἰταλίας καὶ Σικελίας; в союзном договоре с афинянами (*Syll.*³ I, 163) использована формула: Διονύσιος ἢ οἱ ἔργοι αὐτοῦ ἢ ὅσω ἄρχει Διονύσιος (см.: *Фролов Э.Д.* Сицилийская держава Дионисия. С. 147–149).

⁴⁴ Например, как мы видели, С.Ю. Сапрыкин (*Сапрыкин С.Ю.* Тирания на Боспоре и градостроительство. С. 5) считает, что «архонтство» было одним из основных признаков «полисной» боспорской тирании.

⁴⁵ Исследователь подчеркивал, что титул «архонт» может приниматься исключительно как политически нейтральный потестарный термин, восходящий к глаголу ἄρχω, он не имеет ничего общего с верховной эпонимной полисной магистратурой («...отсутствие единоличной и эпонимной магистратуры — архонта в Милете и его апоикиях в архаическое и классическое время — заставляет усомниться в филиации Археанактидами (Спартокидами) этого института из политической практики Пантикапея или других боспорских городов» (*Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье. С. 412). Подкрепляются эти выводы системным разбором параллелей режима боспорских Спартокидов и сицилийской тирании Дионисия Старшего (что убедительно обосновывается «абсолютным совпадением потестарной терминологии») (Там же. С. 412–415).

выкли его употреблять и в географическом аспекте, и применительно к тому времени, когда еще ни самого термина, ни государства с таким названием не существовало...

«ГРЕКО-ВАРВАРСКОЕ ГОСУДАРСТВО». Это определение довольно распространено, можно сказать — аксиоматично⁴⁶. Что же, собственно говоря, оно подразумевает? То, что в одном государстве проживают и греки, и варвары или же то, что в его состав входят полисы и территории, занятые варварскими общинами? Или же что-то более существенное, предполагающее синтез политических традиций (см. выше)?

В.П. Яйленко, например, утверждает, что «греко-скифское происхождение династии Спартокидов определило появление на Боспоре уже с конца V в. ряда черт эллинистического характера: сращивание греческой и туземной верхушки в единое правящее сословие, конвергенцию греческого и туземного миров в самых разных проявлениях жизнедеятельности... Другие проявления эллинистического толка в политической жизни Боспора разнообразны, причем иногда они возникали здесь раньше, чем в остальном греческом мире. Это появление правителей эллинистического типа (Евмел, Перисад II, Спарток V)⁴⁷, кровнородственные браки (Перисад I и Комосария, Спарток и Камасария)⁴⁸, обожествление предка-монарха (основание культа Перисада I, скорее всего, Евмелом)⁴⁹, принятие титулов-эпиклез монархами (Филотекна, Филометор), апологетика деяний царя в местной хронистической литературе (Евмел)⁵⁰. Или еще определеннее: «У скифов соправление царей было результатом “улусного” принципа

⁴⁶ Например: *Сапрыкин С.Ю.* Тирания на Боспоре и градостроительство. С. 1 («Боспорское государство всегда характеризовалось как греко-варварское, которое получило монархическую форму правления»); *Подосинов А.В.* Возникновение Боспорского государства: от полиса к царству. С. 228 («греко-варварский симбиоз не мог не приводить к трансформации полисного государства в монархию эллинистического типа»); *Чурекова Н.Б.* Еще раз к проблеме боспорской тирании. С. 323 («Левкон является создателем нового типа государственного образования — греко-варварского боспорского государства (*Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // Таманская старина. 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.) / С.Л. Соловьев (ред.). — СПб., 2000. С. 21)»).

⁴⁷ Собственно, правители эллинистического периода. — *А.З.*

⁴⁸ Примеров кровнородственных браков в династической среде и ранее эпохи эллинизма вполне достаточно, например, см. *Plut. Dion.* 6. — *А.З.*

⁴⁹ Ср.: *Завойкин А.А.* Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (*Strabo XI.* 2, 7) // ДБ. 2000. 3. С. 55–57.

⁵⁰ *Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Т. I / Е.С. Голубцова (ред.). М., 1990. С. 308–309.

распределения подвластной территории между членами правящего рода. Спартокиды, будучи скифского происхождения⁵¹, также практиковали этот обычай, и потому у них соправители тоже являлись носителями царского сана, а их уделы были боспорской разновидностью “улусов” кочевых скифов... Удельная власть у Спартокидов не была наследственной как у скифов, а замещалась после смерти старшего правителя удела средним или младшим сыном — верховного царя Боспора... Скифские потестарные принципы несколько трансформировались у Спартокидов ввиду наличия в царстве полисных институтов власти».⁵²

Едва ли надо доказывать, что уровень развития политической мысли и практики греков до такой степени превосходил социально-политическое развитие варварских народов (даже перешагнувших рубеж раннегосударственных форм политогенеза), что рассуждать о каком-то «синтезе» неуместно. Позволительно ли вообще здесь говорить о возможности каких-либо заимствований варварских традиций? Мне кажется, что едва ли. В области бытовой культуры, религиозных представлений и т.п. — сколько угодно, и то с определенными оговорками. Вспомним историю Скила, сына Ариапифа (*Her.* IV. 78–80). Дело здесь, видимо, не только в том, что в его жилах текла кровь матери-гречанки. И вообще генетика здесь ни при чем. Если бы Спартокиды были не родственниками скифов по крови (что вероятно), а *скифскими царями*, установившими свое господство над греческими полисами, — другое дело. Но это не так.

Н.Б. Чурекова, отметив, что Левкон был «создателем греко-варварского боспорского государства», считает необходимым обратиться «к параллелям с сицилийской державой Дионисия⁵³... По-

⁵¹ Ср.: *Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье. С. 418: «...Несмотря на насильственный характер переворота, новая фракийская династия едва ли изменила сущность и форму автократического режима своих предшественников».

⁵² *Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху. С. 291–292.

⁵³ Ср., однако, мнение И.Е. Сурикова (К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском... С. 150), который полагает, что данное сопоставление «не вполне правомерно» (поскольку стадияльно-типологически тирания Дионисия относится к числу Младших, а Спартокидов — к числу поздних Старших тираний) и что продуктивнее будет сравнение с тираниями более ранними, например, Дейноменидов, Эмменидов и др. На мой взгляд, этот тезис исследователя нельзя оценить однозначно. Неотступное следование стадияльно-типологическому критерию (что, по мысли И.Е. Сурикова, должно правильно ориентировать нас в «стадияльно-историческом контексте» (там же. С. 149): идет ли речь о кризисе, связанном с процессом становления полиса, или же о кризисе «перезревшего» в своем развитии полиса) ставит исследователей перед весьма сложной проблемой. Мы, в данном случае, оказываемся

хож даже сам приход к власти Дионисия, аналогична социальная опора тиранов, отношение к подвластным полисам и др. Основное же сходство, показывающее однотипность режимов Спартокидов и Дионисия, — это завоевательная политика. Дионисий, как и Спартокиды (Сатир и Левкон, прежде всего), завоевывал города и племена Сицилии...»⁵⁴. Однако никому, кажется, не пришло в голову называть «греко-варварской» державу Дионисия.

Вполне взвешенным представляется мнение И.Е. Сурикова, который так определяет роль варварского влияния на развитие боспорской государственности. «Это влияние, бесспорно, было значительным... Но заключалось оно не в том, что боспорские греки перенимали какие-то политические формы у варваров (государственная система Боспора — явление вполне греческое по своим корням и специфике), а в другом: приходилось постоянно противостоять варварам, и это диктовало определенную линию политической эволюции»⁵⁵. Полностью разделяя эту точку зрения, добавлю, что наиболее острые моменты противостояний греков и «варваров» напрямую не были сопряжены с этапами внутреннего развития полисов, в основном они продиктованы другими закономерностями⁵⁶. И греческие государства (полисы) ради сохранения собственной идентичности были вынуждены искать и находить пути такой политической самоорганизации, которая оказывалась в этих трудных условиях наиболее подходящей для осуществления отпора внешнему врагу⁵⁷. Одним из таких путей была концентрация власти (начала военной, а затем и иной) в руках отдельной личности. На первых порах в рамках одного полиса, а затем, нередко, — нескольких

оторванными от конкретных исторических контекстов, желая лучше понять внутренне присущие закономерности развития полисов. Но развитие полисов и кризисные ситуации в них (как хорошо понимает и сам И.Е. Суриков (там же. С. 154–155)), нередко находятся в сильнейшей зависимости от причин внешних, в первую очередь — от угрозы со стороны «варваров», будь то сикулы, карфагеняне или скифы.

⁵⁴ Чурекова Н.Б. Еще раз к проблеме боспорской тирании. С. 323.

⁵⁵ Суриков И.Е. К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском. С. 154–155.

⁵⁶ О которых на заседании «круглого стола» обстоятельно говорил Ю.А. Виноградов (см.: Виноградов Ю.А. Варварские миграции в истории Боспора Киммерийского // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. — М., 2012. С. 298–302).

⁵⁷ Ср. Платон (Ер. VII, р. 353) образование державы Дионисия Старшего ставил в прямую связь с карфагенской угрозой (см. Фролов Э.Д. Сицилийская держава Дионисия. С. 5).

других, насильственно объединенных единоличной властью «тирана». Иначе говоря, как только власть правителя распространялась за пределы полиса, породившего режим его единоличной диктатуры, следует акцентировать внимание не столько на внутренних закономерностях развития полиса (становление его или «кризис») ⁵⁸, сколько на становлении монархии в форме тирании. Нет ничего удивительного в том, что именно на периферии античного мира подобные режимы появлялись время от времени ⁵⁹.

* * *

Периодизация. Не менее важным представляется в ходе дискуссии сразу же условиться, что рассуждая о характере власти на Боспоре в V–II вв. до н.э. мы не будем делать вид, что на протяжении всего этого длительного периода характер этой власти оставался неизменным. Принципы нашего ремесла не допускают того, чтобы без долгих рассуждений переносить из века в век некие «обобщенные характеристики», которые приемлемы для тех отрезков времени, которые наиболее освещены источниками, на те периоды, которые сокрыты от нас «киммерийским мраком». Этой теме и был посвящен — мой доклад на «круглом столе» ⁶⁰. Имеет смысл повторить основные высказанные соображения с расширенными комментариями к ним.

Поскольку нас интересует эволюция государственного устройства Боспора в рамках монархии (в ранний период), уместно заострить внимание на рассмотрении взаимоотношений центральной власти и полисов, игравших в этом процессе ключевую роль. Подчеркну, что состояние источниковой базы по этой проблеме таково, что почти на каждый конкретно поставленный вопрос практически невозможно дать содержательный и обоснованный ответ. Вместе с тем, сам состав имеющихся источников, характеризующих тот или иной исторический период, весьма показателен.

Первый период (480/79 г. — ок. рубежа V/IV вв. до н.э.): Археанактиды — первые Спартокиды — пантикапейская тирания до начала захвата Сатиром I соседних полисов (до 438/7 г., возможно,

⁵⁸ Ср.: Там же. С. 17: «...В отличие от старшей тирании тирания младшая являлась не столько естественным следствием внутренней сословной борьбы, сколько побочным порождением внешних обстоятельств, действовавших в условиях начавшегося внутреннего разложения» (точка зрения Г.Г. Пласса).

⁵⁹ О причинах см.: Там же. С. 4.

⁶⁰ *Завойкин А.А.* Боспорская монархия: проблемы периодизации. С. 288–298.

корпоративная, а позднее — с элементами корпоративности).

1-й этап. Пантикапейская (полисная) тирания. Примечательно, что, не располагая свидетельством Диодора (XII. 31, 1), мы бы даже догадаться не могли, что в 480/79 г. в наиболее значительном полисе Европейского Боспора установилась власть Археанактидов, а в 438/7 г. их сменил Спарток. История боспорской монархии начиналась бы для нас с Сатира I. Впрочем теперь, после очень серьёзного исследования И.Е. Сурикова⁶¹, пришедшего к выводу, «что события 438/437 г. до н.э. в Пантикапее были не банальным переворотом, а фактом, имеющим самое прямое отношение к процессу политогенеза: впервые установилась монархия в форме тирании»⁶², я бы не решился настаивать на том, что Археанактиды были первыми единоличными правителями Пантикапея (в чем ещё недавно был убежден). Не могу сказать, что теперь я окончательно уверился в том, что режим Археанактидов был олигархическим (династическим). По-прежнему смущает терминология Диодора, который называет их «царствовавшими»⁶³, а также указание в источнике точного количества лет (42) их правления. Нас не должны удивлять хронологические выкладки, например, по коринфским Бакхиадам. Другое дело — сведения такого рода о далекой периферийной олигархии в Пантикапее. Суть не в том, что можно (но ненужно!) допустить предположение, будто в Пантикапее отсутствовало собственное летосчисление. Конечно, это не так. Дело в том, что период правления Археанактидов отмечен в боспорском контексте династического («царского») летосчисления: в так называемой «Боспорской хро-

⁶¹ Лишь один аргумент исследователя кажется мне слабым: «Срок правления Археанактидов — 42 года — как-то маловат для целой династии тиранов». Но он не играет сколько-нибудь решающей роли в системе доказательств.

⁶² Суриков И.Е. Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. — С. 314.

⁶³ Сам термин «царствовавшие» у Диодора применительно к Археанактидам — очевидный образчик модернизации, и об этом обоснованно говорится в статье А.Н. Васильева (К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / А.К. Гаврилов (ред.). СПб., 1992. С. 121–123). И.Е. Суриков любезно ознакомил меня со своей статьёй, подготовленной для данного ежегодника, первая часть которой представляет собой расширенный и дополненный вариант заявленных на «круглом столе» тезисов. В числе прочего он отмечает, что «сицилийский историк употребляет (*Diod.* VII. 9) то же причастие, βασιλεύσαντες, по отношению к коринфским Бакхиадам — роду, правившему олигархически. Да и вообще, мы не считаем, что на основании терминологии Диодора в данном случае следует делать какие-то далеко идущие, ответственные выводы».

нике» речь идет исключительно о сменах правителей на престоле (смерть предшественника — «воцарение» преемника) и длительности их правления. Выходит, для самого Диодора Археанактиды — непосредственные предшественники Спартокидов и только (скорее всего, он ничего более о них не знал и под 480/79 г. их не упоминает). На этой преемственности акцентировал внимание и Ю.Г. Виноградов⁶⁴. Прав ли был сицилийский историк, я теперь не уверен.

Не исключено, что ранее конца V в. до н.э. пантикапейский полис мог инкорпорировать в свой состав небольшие соседние полисы (Мирмекий, Тиритаку?). Нам это неизвестно. Достоверных фактов нет⁶⁵.

Второй период (ок. рубежа V/IV — конец II в. до н.э.). Подразделяется на два этапа.

2-й этап. Ранние Спартокиды (от Сатира I). Формирование государства «Боспор» («Боспор и Феодосия», ок. 360-х гг. до н.э.), подчинение ряда меотских племен в Прикубанье. Завершается этап принятием Спартоком III царского титула⁶⁶. Экономический расцвет государства, в значительной мере на основе масштабного экспорта пшеницы в Средиземноморье; чеканка золотой монеты (прекращается раньше завершения этапа).

3-й этап. Поздние Спартокиды (от коронации Спартока III; начало III — конец II вв. до н.э.): Боспор в эпоху эллинизма. Нет сколько-нибудь весомых оснований для того, чтобы считать, что принципы организации центральной власти и административная структура государства претерпевают принципиальную перестройку

⁶⁴ Ссылается на глагол διεδέξατο, используемый Диодором для обозначения перехода власти от Археанактидов к Спартоку I, отражающий, по мнению ученого, преемственность власти, а следовательно и однотипность ее самой (Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье. С. 406–407).

⁶⁵ Ср.: Сапрыкин С.Ю. Тирания на Боспоре и градостроительство. С. 3: «Археанактиды начали объединение полисов Боспора, но только на европейской стороне пролива. Их задачей было укрепить Пантикапей, расширить его хору, в том числе за счет присоединения Мирмекия и Тиритаки, а затем Порфмия, Парфения, Зенонова Херсонеса». Так же: Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии. С. 20. Почему исследователь убежден в том, что все эти поселения были автономными полисами и почему именно при Археанактидах они были включены в состав Пантикапейского полиса — неизвестно.

⁶⁶ Этому предшествует важный в династическом отношении момент — узурпация власти Евмелом, уничтожившим старшие ветви рода, тем самым подорвав «корпоративные» основы, в той или иной степени характерные для власти правителей Боспора (см.: Завойкин А.А. Об институте династических имен Спартокидов // ДБ. 2006. 10. С. 218, 226, 228).

«на эллинистических основах». Хотя допустимо предполагать, что некоторые формальные ограничения, накладываемые в предшествующий период господствующими в эллинском мире представлениями о характере и природе монархической власти в греческих государствах (негативное в целом отношение к тирании) были преодолены. Спартокиды официально именуются царями. На протяжении этого времени Боспор испытывает значительные затруднения (кризис) в области экономической, финансовой (большая часть III в. до н.э.) и, вероятно, время от времени — военно-политической (считается, что установившие господство в Северном Причерноморье сарматы в целом дестабилизировали обстановку). Эти процессы, возможно, как-то отразились на характере взаимоотношения царской власти и полисов, или некоторых из них. Например, Фанагория в конце III в. до н.э. получает право чеканки медной монеты; восстанавливаются её городские стены (которых город лишился после завоевания Сатиром I). Ничего подобного не было в предшествующее время. Заключается этап передачей власти понтийскому царю Митридату VI.

В начале 2-го этапа «территориальная» держава Спартокидов объединила в себе все полисы, расположенные на берегах Киммерийского Боспора и примыкающие к этому району (Феодосия, Горгиппия). О правителях этого государства узнаем из литературных источников (начиная с Сатира I и — Левкона I), из эпиграфических памятников (декреты Левкона I и «Левконидов», а также декреты в их честь; их «ахеменидски пышная»⁶⁷ титулатура в посвящениях и т.д.), из нумизматики (на 3-м этапе, начиная с Левкона II — имена с царским титулом). О положении полисов в это время почти ничего определенного сказать нельзя. Ясно, что их статус мог быть различным (и мог меняться на протяжении трех веков) в зависимости от обстоятельств вхождения в состав единого государства и территориального расположения⁶⁸. Все они, кроме Пантикапея⁶⁹, были лишены права монетной регалии. (Только на 2-ом этапе, в конце III в. до н.э. Фанагория и (эпизодически) Феодосия получают право чеканить мелкую медную монету.) Но никаких следов диалога между центральной властью и полисами

⁶⁷ Тохтасьев С.Р. Указ. соч. С. 164.

⁶⁸ Завойкин А.А. Синдская Гавань (Синдик) — Горгиппия // ВДИ. 1998. 3. С. 134 слл.; *он же*. Периодизация истории Киммериды // ДБ. 1999. 2. С. 115–117; *он же*. К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов // ДБ. 2002. 5. С. 95–101.

⁶⁹ Вполне очевиден (и по-своему нагляден) полный контроль архонтов Боспора над чеканкой.

обнаружить не удастся. Единственное исключение — выступление Евмела перед народным собранием пантикапейцев (*Diod. XX. 24, 4*) после того, как он уничтожил старших братьев и их родственников. Никаких царских рескриптов городам, никаких благодарственных декретов городов в адрес царствующих особ. Вообще ничего, что хотя бы отдаленно напоминало документы, столь характерные для любой эллинистической монархии. Вплоть до примерно 150–125 гг., когда «За архонта и царя Перисада, сына Перисада...» и его ближайших родичей было сделано посвящение Афродите Урании, владычице Апатура. Правда, членами фиаса (*КБН 75*), а не гражданской общиной.

Складывается впечатление, что полис «исчез», во что поверить, разумеется, просто невозможно, поскольку такого никогда и нигде не бывало. В свое время К.М. Колобова попыталась опровергнуть это расхожее представление и отыскать следы полисной жизни в различных источниках, в итоге приходя к заключению, что «города... сохраняют и гражданскую общину и полисное самоуправление»⁷⁰. Трудно, однако, не заметить того, что почти вся подборка приведенных в её статье примеров лежит за пределами 2-го этапа (IV–первая половина III в. до н.э.), иногда даже очень далеко от этих хронологических пределов. На мой взгляд, это только отчетливо высвечивает реальную проблему.

Итак, ничего подобного обычным для эллинистических государств документам вплоть до декрета фанагорийцев о наемниках 88/87 г. до н.э.⁷¹ эпохи Митридата Евпатора или рескриптов Аспурга 16 г. н.э.⁷² и документов еще более поздних мы не встречаем на Боспоре Спартокидов. С другой стороны, мы находим иные документы, столь обычные для жизни полиса (издаваемые от лица гражданской общины), и совершенно невероятные, не находящие аналогий в практике эллинистических монархий: проксенические декреты, изданные от имени правителей⁷³.

⁷⁰ Колобова К.М. Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. 1953. 4. С. 52 сл.

⁷¹ Виноградов Ю.Г. Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. 4.

⁷² Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. 1; Heinen H. Fehldeutungen der ἀνάστασις und der Politik des bosporanischen Königs Aspurgos // *Hyperboreus*. 1998. Vol. 4. Fasc. 2. P. 341.

⁷³ Каллистов Д. П. Боспорский декрет о даровании проксении пирейцу // Проблемы социально-экономической истории Древнего мира / В.В. Струве и др. (ред.). М.; Л., 1963. С. 319–321; Шелов-Коведяев Ф.В. Новые боспорские декреты // ВДИ. 1985. 1. С. 68–69; Виноградов Ю.Г., Толстиков В.П., Шелов-Коведяев Ф.В. — Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. 2002. 4. С. 62.

Не так давно, размышляя над этим фактом, сопоставляя (и противопоставляя) данный феномен с характеристиками Сицилийской державы Дионисия, я пришел к заключению, что «Сатир I и Левкон I, завоевав соседние с Пантикапеем полисы, по-видимому, инкорпорировали их (по крайней мере на первых порах) в состав своего государства на правах, условно говоря, “демов”, полностью лишив политической самостоятельности, сохраняя в их ведомстве, по-видимому, только вопросы муниципального уровня. И эта “принудительная симполития” монархического типа в конкретных условиях IV — начала III вв. до н.э. оказалась чрезвычайно устойчивой и исторически перспективной как раз в силу того, что опиралась на традиционные полисные формы. За пределами этого “мегаполиса”, именуемого Боспором, оказались территории варварских племен Прикубанья, над которыми “царствовали” “архонты Боспора и Феодосии”. И этот элемент их державы тоже способствовал стабильности политического режима тиранов, предоставляя в их руки ресурсы, независимые от их эллинских подданных»⁷⁴. Должен признаться, что предложенная гипотеза мне и самому кажется «слишком смелой». Однако никакого другого объяснения я предложить не могу⁷⁵.

⁷⁴ *Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе. С. 235–236.

⁷⁵ Свой вариант объяснения предложил Н.Ф. Федосеев (Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012. С. 320), убежденный в том, что «развитие боспорского государства проходило под контролем Ахеменидов»: «Помимо костюма (? — А.3.), царским было и управление на Боспоре. Напрасно исследователи пытаются найти хору, например, Тиритаки. Ее просто не было. Все земли принадлежали царю или его наместникам. Так, как это было, например, во Фракии. Полисами такие поселения, как Тиритака, Мирмекий, Порфмий и т.д., не являлись. Ни в одном из них невозможно выделить необходимый элемент полиса — городское ядро (ἄστυ). Царская земля находилась полностью под верховной властью и управлением монархов и царской администрации. Отдельными ее частями управляли κύριοι τοῦ τόπου... Многие неясные моменты в истории Боспора становятся понятны при сравнении с Одрисским государством».

Попытка найти новый подход к теме предложена Д.В. Грибановым (Боспорские проксении и проблема государственного устройства державы ранних Спартокидов // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII Чтения памяти проф. Н.П. Соколова. Материалы международной конф. / А.В. Махлаюк (ред.). Нижний Новгород, 2012. С. 80–82), который сопоставил проксенические декреты Спартокидов с аналогичными декретами греческих федеративных государств и поставил вопрос: «Можно ли сравнивать государство ранних Спартокидов с федеративными образованиями Греции классической эпохи, такими как Беотийский или Аркадский союзы?»

Если в моем доказательстве столь важную роль играют проксенические декреты ранних Спартокидов, то уместно напомнить, что позднейшие из них относятся к самому концу IV в. до н.э. И хотя под этим фактом, несомненно, лежит экономическая подоснова (сокращение объемов хлебной торговли), уместно все-таки посмотреть, изменилось ли что-то в то время, когда подобные документы уже не известны (3-й этап).

Следует отметить прежде всего, что изменения в экономической и военно-политической жизни Боспора в интересующий нас отрезок времени, видимо, не привели к демонтажу сложившейся в предыдущий век государственной машины. Вместе с тем, — хотя в нашем распоряжении лишь очень немногочисленные источники, характеризующие сам процесс перестройки, — позволительно говорить о том, что прослеживаются слабые следы реанимации некоторых полисных принципов, не ведущей, однако, к децентрализации государства. Так, параллельно с утверждением в III в. до н.э. этнополитической общности «боспоритов» (сложение которой следует относить, по-видимому, еще ко второй половине IV в. до н.э.), хотя бы и за пределами Боспора и проявляющейся исключительно в сфере культовой жизни, со второй половины этого же столетия жители Пантикапея, а в самом конце II в. до н.э. и Нимфея — именуют себя пантикапейцами и нимфайтами соответственно (*МИС* 21, 14, 58). Кстати сказать, и на самом Боспоре, независимо от того, каков был статус полисов при Спартокидах, исконные *ἐθνικά* их жителей оставались в ходу на частном, бытовом уровне. Лучшее тому свидетельство — граффити из святилища Афродиты в Нимфее, в которых в различных житейских контекстах упоминаются нимфайты⁷⁶. Надо думать, что в области политического самосознания жители боспорских городов сохраняли приверженность оставшимся в прошлом традициям родного полиса. И когда, уже в I в. до н.э., ситуация на Боспоре принципиально изменилась, происходит некоторая рестав-

Или, учитывая монархический характер власти ранних Спартокидов, более уместна аналогия с полуфедеративными государствами севера Балканского полуострова, такими как Македония и Эпир?» Ответа у исследователя пока нет. Он лишь констатирует, «что традиционные подходы к решению так называемого “боспорского феномена” требуют если не полного пересмотра, то по крайней мере серьезной доработки, с учетом соотношения исторического процесса развития Боспора в раннеспартокидовскую эпоху с синхронными ему процессами государственного строительства во всем греческом мире в позднеклассический период» (там же. С. 82).

⁷⁶ *Тохтасьев С.Р.* К политической истории Боспора III в. до н.э. // ДБ. 2006. 10. С. 418.

рация отдельных полисных институтов, хотя и ограниченная жесткой «властной вертикалью».

Одна из черт нового (3-го) этапа в жизни Боспора — эпизодическая чеканка медной монеты Феодосией и Фанагорией во второй половине III — II в. до н.э. Значение этого факта можно понять только на фоне полного отсутствия какой-либо иной монеты в государстве помимо пантикапейской на протяжении всего IV и первой половины III в. до н.э. В этот же ряд событий, видимо, следует поставить и восстановление оборонительных стен в Фанагории, которых город был лишен после завоевания города Сатиром I⁷⁷. Несколько слов необходимо сказать и о новациях в монетном деле Пантикапея (Боспора). Тип аверса «голова сатира», — монополюльно господствовавший в IV — середине III вв. до н.э., во II в. до н.э. вытесняется городской «эмблемой» — «голова Аполлона»⁷⁸. Иначе говоря, полисная символика Пантикапея постепенно как бы вытесняет «дионисийскую» символику Спартокидов⁷⁹. В том, что за этим процессом стоит определенная перестройка взаимоотношений полиса и царской власти, вряд ли стоит сомневаться.

Странным образом эпиграфические памятники почти ничего не добавляют к характеристике новых для Боспора времен. Само исчезновение таких характерных для IV в. до н.э. документов, как декреты правителей, с одной стороны, может быть объяснено утратой Боспором привлекательности для иноземцев одновременно с падением его роли в международной зерновой торговле, но с другой стороны, — не стоят ли за этим иные формы «делопроизводства», пришедшие на смену старым, «квази-полисным» формам? Ответить на поставленный вопрос пока, пожалуй, невозможно.

Осталось отметить принципиально новый тип документа, уже второй половины II в. до н.э., — упомянутое раньше посвящение фиаситов Афродите за царя и его семью (*КБН* 75). Не только в той связи, что это, возможно, первое свидетельство каких-то перемен в социально-политической жизни страны, впоследствии приведших к пышному расцвету такой своеобразной формы общественных (не-

⁷⁷ Завойкин А.А. Фанагория во второй половине V — начале IV вв. до н. э. (по материалам «Южного города»). М., 2004 (ДБ Supplementum I). С. 51, 91.

⁷⁸ Зограф А.Н. Античные монеты. М., 1951 (МИА. 16). С. 179.

⁷⁹ См.: Завойкин А.А. Сатир и мышь // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 2005. С. 53–61.

государственных) объединений, как фиасы и синоды⁸⁰, но и потому, что этот документ, сближая по этому симптоматичному показателю между собой две столь различные эпохи (грань между которыми обозначена правлением Митридата VI Евпатора), заставляет задуматься: так ли уж радикально расходятся основные тенденции исторического развития Боспора Спартокидов и путь, что был ему предначертан уже после их падения Митридатом и его потомками?

Если намеченная историческая перспектива предполагала, с одной стороны, реставрацию (хотя бы и в сильно урезанном виде) полисных автономий (ἡ βουλιὴ καὶ ὁ δῆμος), а с другой, — дальнейшее усиление царской власти и невиданное ранее развитие царской администрации и бюрократии, то эпоха ранних Спартокидов во взаимоотношениях центральной власти и полиса должна характеризоваться от противного. Не в том, конечно, смысле, что власть правителей была слаба, а полиса не было. А в том, что «архонты Боспора и Феодосии» практически сосредоточили в своих руках чуть не все властные prerogatives государства, организованного как полис.

Третий период (конец II в. до н.э. — ...). Подразделяется на несколько этапов⁸¹.

4-й этап (конец II — 47/46 гг. до н.э.). — Боспор под властью понтийских царей Митридата Евпатора и Фарнака, которые даже в периоды утраты родового домена рассматривали Боспор в качестве плацдарма для восстановления своих исконных владений. По мнению С.Ю. Сапрыкина⁸², Боспорское царство «превращается» в эллинистическое государство. Монархия на Боспоре в этот период переживает существенную реконструкцию: привносятся элементы политической и административной системы, сложившейся в царстве Митридатидов. Битва при Зеле 2 августа 47 г. до н.э. и захват боспорского престола Асандром подвели черту под этим сравнительно кратким этапом.

Как было сказано ранее, одни исследователи из факта ранней монархии на Боспоре выводят теорию «прото-эллинизма», другие же

⁸⁰ *Завойкина Н.В.* Частные сообщества городов Боспорского царства в I — первой половине III вв. н.э. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М., 2006. С. 7–16.

⁸¹ *Завойкин А.А.* Боспорская монархия: проблемы периодизации. С. 289–291: 4–7 этапы.

⁸² *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии. С. 29 сл.; *он же.* Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н.э. — середина III в. н.э.) (Глава 2) // *Античное наследие Кубани. Т. II. Ч. VIII: Политическая история Азиатского Боспора / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). М., 2010. С. 94.*

приходят к заключению, что эллинизм на Боспоре утвердился тогда, когда в остальном мире эллинистическая эпоха подошла к концу, притом исключительно благодаря внешнему воздействию, вроде бы и не находящему соответствий на местной почве⁸³. С.Ю. Сапрыкин власти Спартокидов как «полисной тирании» противопоставляет «эллинизм», привнесенный на Боспор Митридатом. Само противопоставление этих двух периодов истории Боспорского государства справедливо. Однако нет никакой необходимости как отказывать политическому режиму Спартокидов в статусе монархии⁸⁴, так и лишать их прав на *δορίκτητος γῆ / χώρα βασιλική*. По заключению исследователя, при Митридате «...на Боспоре ...был окончательно разрушен тиранический, полисный по сути, режим Спартокидов, но греческие города Боспора поддержали политику Митридата, поскольку он *сохранил* (правильнее сказать — реанимировал! — А.З.) их политические свободы и полисные институты, предоставил право монетного чекана и пытался обезопасить их аграрные владения перед лицом угрозы варварских племен... Существенно новым явлением стало постепенное превращение Боспорского царства в эллинистическое государство... полисная земельная собственность (частично это коснулось и племенного общинного землевладения) становилась царской, а царь выступал уже как верховный собственник земли в государстве...»⁸⁵. Бесспорно лишь то, что монархия на Боспоре в этот период переживает существенную реконструкцию: привносятся элементы политической и административной системы, сложившейся в царстве Митридатидов. Но предметно судить о соотношении местных политических традиций и понтийских инноваций не представляется возможным. Утверждение признанного специалиста, что «полисная земельная собственность... становилась царской», не выдерживает критики. Во-первых, мы не располагаем хотя бы какими-то источниками, позволяющими подобным образом

⁸³ В том числе и Ю.Г. Виноградов (Боспор и эллинизм // III Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы докладов конференции. 18—22 мая 1988. Ереван, 1988. С. 16—17; *Виноградов Ю.Г. = Акопян А.П., Бадер А.Н.* Боспор и Эллинизм. III Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке // ВДИ. 1990. 1. С. 247—248) считал, что эллинизм как государственная структура был привнесен на Боспор при Митридате VI.

⁸⁴ Согласно терминологии Аристотеля (Polit. IV. 8, 3 р 1295a — 15), «Третий вид тирании (помимо царской власти у варваров и эсимнетии у древних эллинов. — А.З.) — тирания по преимуществу — соответствует неограниченной монархии».

⁸⁵ *Сапрыкин С.Ю.* Позднеэллинистический и римский периоды. С. 94.

ставить вопрос⁸⁶. Во-вторых, ни в одном эллинистическом государстве «верховная собственность» царя на землю не противоречила правам собственности полисов на землю (если, конечно, мы не говорим о колониях, основанных самими монархами на их землях)⁸⁷. Царь, разумеется, мог в некоторых случаях вторгаться в полисное земельное право, но не более того. В-третьих, если бы перед боспорскими полисами Митридат VI поставил вопрос о собственности на их земли в том ракурсе, какой предполагается С.Ю. Сапрыкиным, никакие «привилегии» городам, предоставленные новым владыкой Боспора, не спасли бы его от всеобщего недовольства. (В итоге так и произошло, но причина была иной — неудачи в войнах с Римом и попытки использовать Боспор в качестве источника ресурсов для достижения поставленных понтийским царем амбициозных целей.)

⁸⁶ Во всяком случае применительно к полисам в целом. Суждения С.Ю. Сапрыкина базируются, главным образом, на том, что со времени Митридата появляются небольшие укрепленные поселения-крепости (так называемые батарейки), которые исследователь считает военными поселениями на царских землях, по образцу эллинистических катойкий или клерухий (*Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии. С. 30). К сожалению, автор не принимает во внимание локализацию этих важных памятников и не дифференцирует их хронологически, распространяя выводы на весь Боспор в целом. Только в одном районе государства, на Фонталовском п-ове, примыкающем с востока к проливу, мы можем предполагать кардинальную реорганизацию земельной собственности и образование «особого административного района» (см. *Завойкин А.А.* Периодизация истории Киммериды // ДБ. 1999. 2. С. 118–119). Впрочем, высказывались и предположения, что «царская хора» формируется здесь ещё при Спартокидах (*Лопанов Ю.А., Горлов Ю.В.* Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове. Материалы к конференции «Древний мир: проблемы экологии», 18–20 сентября 1995 г. М., 1995 (отдельный оттиск). С. 15–20; *Масленников А.А.* «Царская» хора Боспора на рубеже V–IV вв. до н. э. (к вопросу о локализации) // ВДИ. 2001. 1. С. 187–188, 181: «... Несомненно, что земельные владения Спартокидов должны были находиться вне полисной хоры и каких-то угодий городов... Такие территории могли быть своего рода “буферной” зоной, пограничьем между греками и варварами, и появление здесь каким-то образом оформленных рубежей в принципе не исключается»).

⁸⁷ Эта практика свойственна не только эллинистическим монархиям, но и тираниям. Так, на Боспоре можно, видимо, говорить о реколонизации тираниями Киммериды (*Ps.-Scymn.* 896–899; ср. мнение Е.А. Молева (*Молев Е.А.* Политическая история Боспора VI–IV вв. до н. э. С. 10, 34–35), который относит «объединение» и тиранию уже ко второй половине VI в. до н.э.) и Синдской Гавани — Горгиппии (*Завойкин А.А.* К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов // ДБ. 2002. 5. С. 96–97); о заселении города каллатийцами при Евмеле (*Diod.*, XX. 25), который «...кроме того разделил на участки так называемую Псою и область» (Ψόαν καὶ τὴν χύραν); вероятно, об основании Танаиса «эллинами, владеющими Боспором» (*Strabo* XI. 2, 3; см.: *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. / Д.П. Каллистов (ред.). М.–Л., 1953. С. 198–199).

И последний вопрос. В какой степени правомерно рассматривать Боспор Митридата и Митридатидов как образчик «эллинистического государства»? Потомки «Великого царя царей» правили и тогда, когда эллинизм как историческая эпоха завершился. Позволительно ли в этом случае говорить о «пост-эллинизме» на Боспоре? Избегая повторных заявлений о моем отрицательном отношении к подобного рода определениям, хотел бы поставить вопрос в иной плоскости: в какой степени применим термин «эллинизм» к самому Понтийскому царству? В этнокультурном плане это, видимо, вполне допустимо. В рамках общей исторической периодизации — наверное, тоже. Смушает то, что и предки Митридата VI, и он сам возводили родословную к Ахеменидам, считали себя их наследниками. Дело не в том, чья кровь текла в жилах владык Понтийской Каппадокии, а в том, что в области государственного строительства они скорее ориентировались на традиции западных сатрапий Персидской державы, нежели на традиции греко-македонские. Под властью монархов-«варваров» находились и греческие полисы, и местные общины, как и до походов Александра. Где здесь, в таком случае, принципиальная грань, разделяющая государственные основы доэллинистические и эллинистические? Затрудняюсь дать вразумительный ответ на поставленный вопрос. Формулирую его только ради того, чтобы показать сложность (а порой и невозможность) решения подобных проблем в чисто теоретической плоскости — историческая реальность всегда сложнее наших концепций и периодизаций.

* * *

Попытки понять, с каким феноменом мы имеем дело, занимаясь политическим строем Спартокидовского Боспора, приводят к более ясному пониманию простой в принципе мысли, что в конкретных исторических и этнополитических условиях, в которых оказались греческие полисы на побережье Киммерийского Боспора, их судьба была predetermined: для успешного существования в условиях более или менее постоянной военной (периодической) угрозы со стороны враждебных варваров, которые волнами накатывали из степи, необходимо было объединить все свои усилия, не взирая на пограничные и всякие иные споры между собой, создав «общий фронт». Как показывает историческая практика, эффективные формы объединений на добровольной основе — явления не редкие, но недолговечные. Объединения же насильственные устойчивы в том лишь случае, если, поступаясь частью своих исконных прав, участ-

ники такой «конфедерации» получают весомый «положительный баланс». Многовековая история боспорской монархии есть лучшее подтверждение тому, что такой баланс был найден. И в значительной мере благодаря тому, что новая территориальная держава формировалась на привычной для греков полисной основе, которая модифицировалась в разные исторические эпохи.

Говоря об итогах и перспективах дальнейшего изучения политического строя раннего Боспора, уместно вспомнить суждение М.И. Ростовцева. «Боспорская тирания, — пишет он, — определяется очень своеобразным и единичным явлением в конституционной истории античного мира. Ее нельзя назвать ни чистой военной тиранией типа сиракузской, гераклейской и многочисленных кратковременных городских тираний IV и следующих веков, представительниц так называемой младшей тирании, ни чистой βασιλεία, т.е. царской властью восточного или эллинистического типа». От младшей тирании «ее отличают прежде всего ее длительное многовековое существование и удивительная прочность», на что указывали еще античные авторы (*Ael. Var. hist. VI. 13*)». Далее отмечается двойственность боспорской тирании: «боспорские тираны, по крайней мере со времен Левкона I выступают как архонты греков, живущих в Боспоре и Феодосии, и в то же время как цари народов, живших на азиатской стороне Боспора под властью своих местных царей. Наконец, не имеет аналогий в греческой тирании тот факт, что основные институты греческой πόλις — народное собрание и совет, δῆμος и βουλή — не действуют и, очевидно, не имеют конституционного существования в городах Боспора; во всяком случае мы не имеем до сих пор ни одного ни литературного, ни эпиграфического свидетельств, которые хотя бы намекали на существование этих учреждений... Но с другой стороны, боспорская тирания не есть и чистая βασιλεία. Это явствует из титула ἄρχων, который боспорские владыки носили... вплоть до последних моментов своего существования, наряду с этим и из всего монетного дела Боспора, сохраняющего вплоть до времени последних тиранов (во всяком случае, до Левкона II) свой чисто городской характер, что, например, типично и для сиракузской тирании Дионисия и его преемников»⁸⁸.

⁸⁸ Ростовцев М.И. Исследования по истории Скифии и Боспорского царства. Т. II. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства. 1. Государство и социальный строй эпохи Спартокидов // ВДИ. 1989. 2. С. 183.

Спустя много лет после своего великого соотечественника, мы не пришли к единому мнению о том, что же такое Боспор Спартокидов. Но все-таки, кажется, можно сказать, что теперь мы знаем о нем заметно больше, чем десятилетия назад. Хотя попытки отыскать новые подходы к проблеме, пожалуй, не привели к решительным переменам. Очевидно, что весомые успехи в этой области достижимы только в результате привлечения новых источников (или масштабной систематизации уже известных).

Литература

- Белова Н.С.* К находке надписи IosPE, II, 8 // СА. 1968. 3. С. 43–53.
- Бикерман Е.* Государство Селевкидов. М., 1985.
- Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. 2. С. 197–209.
- Васильев А.Н.* Проблемы политической истории Боспора V–IV вв. до н. э. в отечественной историографии. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Л., 1985.
- Васильев А.Н.* К вопросу о соправительстве на Боспоре // Проблемы античного источниковедения / Э.Д. Фролов (ред.). М.; Л., 1986. С. 33–45.
- Васильев А.Н.* К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / А.К. Гаврилов (ред.). СПб., 1992. С. 111–128.
- Васильев А.Н.* Одрисский династ во главе Боспора? // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 1999. С. 106–111.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // Таманская старина. 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.) / С.Л. Соловьев (ред.). СПб., 2000. С. 16–29.
- Виноградов Ю.А.* Варварские миграции в истории Боспора Киммерийского // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. — М., 2012. С. 298–302.
- Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I / Е.С. Голубцова (ред.). М., 1983. С. 366–420.
- Виноградов Ю.Г.* Боспор и эллинизм // III Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы докладов конференции. 18–22 мая 1988. Ереван, 1988. С. 16–17.
- Виноградов Ю.Г.* = Акопян А.П., Бадер А.Н. Боспор и Эллинизм. III Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке // ВДИ. 1990. 1. С. 242–248.

- Виноградов Ю.Г.* Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. 4. С. 14–33.
- Виноградов Ю.Г., Толстиков В.П., Шелов-Коведяев Ф.В.* — Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. 2002. 4. С. 58–75.
- Габелко О.Л., Завойкин А.А.* Еще раз о вифинско-пантикапейско-боспорской эре // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы — конф. Ч. I / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 2004. С. 69–74.
- Грибанов Д.В.* Проблема географических границ Боспора в период правления Левкона I // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірка наукових праць. Вип. 10 / С.І. Посохов (ред.). Харків, 2007. С. 24–30.
- Грибанов Д.В.* Боспорские проксении и проблема государственного устройства державы ранних Спартокидов // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII Чтения памяти проф. Н.П. Соколова. Материалы международной конф. / А.В. Махлаюк (ред.). Нижний Новгород, 2012. С. 80–82.
- Жебелёв С.А.* Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи / Д.П. Каллистов (ред.). М.; Л., 1953.
- Завойкин А.А.* Синдская Гавань (Синдик) — Горгииппия // ВДИ. 1998. 3. С. 134–145.
- Завойкин А.А.* — Почему Диодор умолчал о кончине Селевка и воцарении Сатира, сына Спартока // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. / А.В. Подосинов. (ред.). М., 1999. С. 142–157.
- Завойкин А.А.* — Спарток и Перисад, дети Левкона // ПИФК. 1999. VIII. С. 176–189.
- Завойкин А.А.* Периодизация истории Киммериды // ДБ. 1999. 2. С. 114–122.
- Завойкин А.А.* Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (Strabo XI. 2,7) // ДБ. 2000. 3. С. 47–62.
- Завойкин А.А.* Боспор: Пантикапей и территориальное государство // Таманская старина. 3. Греки и варвары на Боспоре (VII–I вв. до н.э.) / С.Л. Соловьев, Г.Р. Цецхладзе (ред.). СПб., 2000. С. 34–36.
- Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. 4. С. 150–180.
- Завойкин А.А.* Боспор: территориальное государство и полис // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной конф. Ч. I / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 2001. С. 22–28.
- Завойкин А.А.* К вопросу о статусе Феодосии и Горгииппии в державе Спартокидов // ДБ. 2002. 5. С. 95–106.
- Завойкин А.А.* Фанагория во второй половине V — начале IV вв. до н. э. (по материалам «Южного города»). М., 2004 (ДБ Supplementum I).

- Завойкин А.А.* Сатир и мышь // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 2005. С. 53–61.
- Завойкин А.А.* Кризис «первой половины» V в. до н. э. и проблема образования Боспорского государства // РА. 2006. 4. С. 103–111.
- Завойкин А.А.* Об институте династических имен Спартокидов // ДБ. 2006. 10. С. 214–262.
- Завойкин А.А.* Аристотель, Кл. Элиан и Спартокиды (Левконида) // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конф. Казань, 5–7 октября 2006 г. / М.С. Бобкова (ред.). М., 2006. С. 353–357.
- Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления территориальной державы. Автореф. дисс. ...д-ра ист. наук. М. 2007.
- Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Оливия. Скифия. Боспор / Н.А. Гаврилюк, А.А. Масленников (ред.). Москва; Киев; Запорожье. 2007. С. 219–243.
- Завойкин А.А.* Боспор и эллинизм // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Материалы конф. К 100-летию Ф.В. Уолбанка / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 2009. С. 229–239.
- Завойкин А.А.* Архаический, классический и эллинистический периоды (VI–II вв. до н.э.) (Глава 1) // Античное наследие Кубани. Т. II. Часть VIII: Политическая история Азиатского Боспора. / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). М., 2010. С. 13–75.
- Завойкин А.А.* Были ли Археанактиды «царями Киммерийского Боспора» (*Diod.* XII, 31, 1)? (к периодизации становления “территориального” Боспорского государства) // Эмбагерон. Сб. научных статей по искусствоведению, филологии и истории / В.П. Яйленко (ред.). М., 2011. С. 291–299.
- Завойкин А.А.* Боспорская монархия: проблемы периодизации // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ед. Е.А. Мельникова. — М., 2012. С. 288–298.
- Завойкина Н.В.* Частные сообщества городов Боспорского царства в I — первой половине III вв. н.э. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М., 2006.
- Зограф А.Н.* Античные монеты. М., 1951 (МИА. 16).
- Каллистов Д. П.* Боспорский декрет о даровании проксении пирейцу // Проблемы социально-экономической истории Древнего мира / В.В. Струве и др. (ред.). М.; Л., 1963. С. 317–338.
- Климов О.Ю.* Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб., 2010.
- Колобова К.М.* Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. 1953. 4. С. 47–71.

- Лопанов Ю.А., Горлов Ю.В.* Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове. Материалы к конференции «Древний мир: проблемы экологии», 18–20 сентября 1995 г. М., 1995 (отдельный оттиск).
- Маринович Л.П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975.
- Масленников А.А.* «Царская» хора Боспора на рубеже V–IV вв. до н. э. (к вопросу о локализации) // ВДИ. 2001. 1. С. 178–190.
- Молев Е.А.* Термин «Боспор» у Диодора // Античный мир. Византия. К 70-летию проф. В.И. Кадеева. / В.Ф. Мещеряков (ред.). Харьков, 1997. С. 141–154.
- Молев Е.А.* Политическая история Боспора VI–IV вв. до н. э. Нижний Новгород, 1997.
- Подосинов А.В.* Еще раз о происхождении имени города Керчи // Античный мир. Византия: к 70-летию проф. В.И. Кадеева / В.Ф. Мещеряков (ред.). Харьков, 1997. С. 155–171.
- Подосинов А.В.* Возникновение Боспорского государства: от полиса к царству // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2011. С. 224–232.
- Подосинов А.В.* Геополитические факторы образования Боспорского царства // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. — М., 2012. С. 286–288.
- Ростовцев М.И.* Исследования по истории Скифии и Боспорского царства. Т. II. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства. 1. Государство и социальный строй эпохи Спартокидов // ВДИ. 1989. 2. С. 183–197.
- Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. 1. С. 11–33.
- Сапрыкин С.Ю.* Позднееллинистический и римский периоды (I в. до н.э. — середина III в. н.э.) (Глава 2) // Античное наследие Кубани. Т. II. Ч. VIII: Политическая история Азиатского Боспора / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). М., 2010. С. 81–132.
- Сапрыкин С.Ю.* Тирания на Боспоре и градостроительство (рукопись доклада, прочитанного на XXIV Чтениях памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2012. С. 1–6).
- Соколова О.Ю., Павличенко Н.А.* Новая посвятельная надпись из Нимфея // *Hypoboreus*. 2002. Vol. 8. Fasc. 1. С. 99–121.
- Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадийно-типологический контекст // Из истории античного общества. 9-10 / А.В. Махлаюк (ред.). Нижний Новгород, 2007. С. 140–156.

- Суриков И.Е. Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады») // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012. С. 311–315.
- Тохтасьев С.Р. Происхождение титулатуры Спартокидов // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 2001. С. 161–164.
- Тохтасьев С.Р. К политической истории Боспора III в. до н.э. // ДБ. 2006. 10. С. 416–428.
- Федосеев Н.Ф. Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012. С. 315–320.
- Фролов Э.Д. Сицилийская держава Дионисия. Л. 1979.
- Чурекова Н.Б. Еще раз к проблеме боспорской тирании // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012: С. 320–324.
- Шелов-Коведяев Ф.В. Новые боспорские декреты // ВДИ. 1985. 1. С. 57–72.
- Шкорпил В.В. Археанактиды // ИТУАК. 54. 1918. С. 54–59.
- Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. I / Е.С. Голубцова (ред.). М., 1990. С. 249–309.
- Heinen H. Fehldeutungen der ἀνάβασις und der Politik des bosporanischen Königs Aspurgos // Hyperboreus. 1998. Vol. 4. Fasc. 2. P. 340–361.
- Schaefer A. Athenischer Volksbeschluss zu Ehren der Söhne Leukons von Bosporos // RhM. 1878. XXXIII. S. 418–433.
- Schaefer A. Die Regierungszeit des Königs Paerisades I von Bosporos // RhM. 1883. 38. S. 310–311.
- Werner R. Die Dynastie der Spartokiden // Historia. 1955. IV. 4. S. 412–444.

Ф.В. Шелов-Коведяев

КЕМ БЫЛИ «АРХЕАНАКТИДЫ»?

Аннотация: В статье предлагается новая интерпретация «антропонима» Археанактиды как результата искажения в тексте Диодора Сицилийского упоминания боспорской хроники о новом основании и новых ктистах Пантикапейского полиса в начале V в. до Р.Х.

Ключевые слова: Археанактиды, Археанакт, Боспор, Пантикапей, Спартокиды, новое основание, новые ктисты, Диодор Сицилийский, Историческая Библиотека, полис, власти, магистраты, скифские походы, боспорская хроника

Abstract: The paper suggests the new version of the explanation of the “name” of the Archaianaktidai as the result of the distortion in the book of Diodorus Siculus of the mentioning by Bosporan chronicle about the new foundation and the new founders of the Pantikapaion city in the early Vth century B.C.

Key words: Archaianaktidai, Archaianax, Bosphorus, Pantikapaion, Spartokids, new foundation, new founders, Diodorus Siculus, Historical Library, Bosporan chronicle, polis, authorities, magistrats, Scythian campaigns

Прежде всего мне хочется поблагодарить организатора и модератора интереснейшей дискуссии, состоявшейся в заседании круглого стола, посвящённого боспорской тематике, А.В. Подосинова¹.

В ходе дебатов коллеги, в частности, оживлённо обменивались мнениями о том, в чём заключалась природа власти Археанактидов. А именно: была ли это версия наследственного правления в рамках одной семьи образца «старшей» тирании, классическая монархия либо один из вариантов распределения властных полномо-

¹ Автор извиняется за то, что ограничился, в основном, ссылками на исследования своих предшественников и свои собственные, т.к. он более 20 лет не имеет возможности прорабатывать новую научную литературу, посвящённую античной тематике.

мочий внутри узкого круга выделившихся родов — аристократия, династия (δυναστεία) или олигархия в аристотелевом смысле этих понятий².

Поскольку единственный наш источник по этому вопросу — отрывок из Исторической Библиотеки Диодора Сицилийского — оставляет полный простор для любых интерпретаций сюжета, вокруг которого сосредоточилось обсуждение, я кратко предложил его участникам иное развитие темы, которое ныне и хочу аргументировать.

Итак, Диодор именует первых правителей Боспора Ἀρχαίνακτιδαί. Традиционно — по аналогии, например, с афинскими Писистратидами или теми же Левконидами на Боспоре (коих в исторической науке привычно именуют Спартокидами), которые получали своё название по имени основателя и/или самого выдающегося представителя династии, — было принято переносить эту модель и на Археанатидов. Иначе говоря, считать, что первая правившая Боспором семья происходила от некоего Археанакта, впервые захватившего тут тираническую власть. В начале 1980-х годов данная точка зрения была подробно развёрнута в работах Ю.Г. Виноградова и энергично поддержана мною в монографии, вышедшей в 1985 г.³

Такой конструкции нельзя отказать в логичности, которая и обеспечила ей долгую научную жизнь. Действительно, греческой ономастике хорошо известно имя Археанакт. Поэтому не было бы ничего необычного в том, чтобы его носитель жил на Боспоре и даже стал его тираном, основав династию, которая носила его имя.

Лишь великий знаток античных текстов Луи Робер высказал ещё в 1971 году⁴ потрясающую интуицию, включив в один из своих комментариев следующее замечание — Ἀρχενακτίδης (sic!): épithète (в буквальном переводе с французского языка — признак, качество) des rois⁵ du Bosphore Cimmérien. Именно так: не родовое или династическое имя, а *определение* или, как бы мы теперь сказали, *характеристика* властителя Боспорской державы.

² См. мою точку зрения на этот счёт: *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI-IV вв. до н.э. М., 1985. С. 68 сл. и примеч. 44-45, С. 87-89 (с обзором мнений предшественников).

³ Там же. С. 70 и примеч. 1-4.

⁴ *Bull. ép.* 71, 453.

⁵ Здесь он последовал старой традиции русской науки: то, что власть Археанатидов и пришедших им на смену ранних Спартокидов не была, во всяком случае, царской в античном понимании, достаточно показано Виноградовым и мною и принято практически всеми специалистами.

Прежде чем показать, насколько далекоидущие последствия может (а, по-моему, и должна) иметь эта короткая ремарка мэтра древнегреческой эпиграфики, надо предпринять один лингвистический экскурс. Читатель уже заметил, что Робер счёл необходимым заменить в занимающей нас лексеме дифтонг *αι* (вслед Диодору было бы ожидаемо увидеть в его заметке Ἄρχαιανακτίδης) на *эпсилон* (Ἄρχεανακτίδης).

Естественно, что такой суперакрибист, как Робер, сделал это совершенно неслучайно. Предложив свою эмендацию, он ориентировался на документированное в древнегреческом материале имя, различные варианты транслитерации которого восходят к форме Ἄρχάναξ, полагая дифтонг *αι*, очевидно, позднейшей ошибкой переписчика рукописи труда Диодора.

Однако, следуя этой логике и учитывая доминирование на Боспоре ионийского диалекта (да и влияние такового на койнэ, на которой писал Диодор) с его законами слияния гласных, следовало бы, если бы мы имели дело с именем Археанакта, увидеть здесь Ἄρχῆναξ и, соответственно, производные от него — Ἄρχῆνακτίδης и Ἄρχῆνακτίδα⁶ (так же, как в ином диалектном ареале получаем Ἄρχιάναξ⁷). Или же, принимая во внимание, что в рукописи мог быть отражён переход дифтонга *αι* в *ε*, максимум написание Ἄρχαινακτίδα (где *αι* фигурировало бы вместо *η*). Хотя последнее тоже сомнительно: аналогичный переход *эты* (*η*) в *ι* скорее бы уж дал вариант Ἄρχινακτίδα. В любом случае появление здесь дополнительной *α* (Ἄρχαιανακτίδα) не имеет убедительного объяснения в рамках гипотезы, предполагающей сугубо фонетическую путаницу.

Всё это и заставило меня пустить свои размышления по совершенно иному руслу. Раз уж Робер считал слово Археанактид(ы) только эпитетом, определением первых правителей Боспора, не следует ли нам не спешить исправлять его написание в тексте Диодора?

В своё время я развил (и до сих пор не услышал этому весомых возражений) подход Ю.Г. Виноградова к первой части титула ранних Спартокидов Ἄρχων, предложив прочитывать её не в субстантивированном терминологически-полисном понимании (архонт), а в общеязыковом, причастном, значении слова («правлящий»), поскольку во второй части титула ему соответствует относящееся

⁶ См., например: *Bull. ép.* 55, 209; ср. женский вариант этого антропонима Ἄρχήνασσα: *Bull. ép.* 43, 43; 74, 355.

⁷ *Bull. ép.* 30, p. 217.

к варварским подданным тирана причастие Βασιλεύων («царствующий»). Притом, что во втором случае, если бы в первом Ἄρχων означало «архонт», ничто не мешало написать просто и прямо βασιλεύς (царь), как это и стало принято в надписях начиная с эллинистической эпохи⁸.

Точно так же пришло, думается, время отойти и от стереотипного прочтения лексемы Ἄρχιανακτίδαи. Впрочем, как уже ясно, я не последовал бы Роберу в его исправлении её фонетического оформления в нашем источнике. По-моему, необходимо избрать иной путь для экзегезы.

И здесь нам снова может помочь аналогия с поиском исконного смысла начала титула первых Спартокидов — Ἄρχων.

Ведь подобно тому, как на это причастие учёными нового времени было автоматическое перенесено субстантивированное понятие, заимствованное из круга полисных магистратур, так же и древний автор мог машинально переосмыслить свой исходный материал. Тем более, что это ему, с учётом эпохи, в которую он работал, и с объёмом его знаний, было вполне простительно.

Есть все основания считать, что оба главных компонента слова Ἄρχιανακτίδαи — ἀρχαи ἀνακτ — были представлены в первоначальном тексте. В соответствии с таким подходом главный вопрос заключается не в критике их фонетической фиксации, а в корректной реконструкции их сочетания в подлиннике.

Наиболее непротиворечиво здесь выглядит следующее объяснение. Ἄρχιανακτίδαи — «неологизм», рождённый из соединения двух изначально самостоятельных лексем в одну. Не столь важно, напрямую Диодор работал с произведением боспорского хронографа⁹, описывавшего события на Боспоре в начале V в. до Р.Х., или же он взял свои сведения у некоего промежуточного автора. Главное, что кто-то из них (Диодор или посредник) создал эту новацию.

Не будем забывать, что скрупулёзность передачи информации о том, что случилось в Боспорском государстве задолго до написания того или иного труда (а Диодор, например, творил через 400 лет после того), не могла слишком заботить античных писателей. Ведь вероятность того, что кому-то будет важна точность в описании давних происшествий на далёкой периферии, была практически нулевой.

⁸ См., например: *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора. С. 89 и примеч. 39.

⁹ См.: *Там же.* С. 70 и примеч. 1

Поскольку же ко времени Диодора всем было привычно, что Боспором столетиями правят цари, тому было легко экстраполировать современное ему положение вещей в прошлое, предположив, что и в период зарождения Боспорского государства там царствовал некий род (тем более, что исторически первой формой правления в Древней Греции повсеместно была царская власть, а потому ему было только естественно считать, что точно так же было и на Боспоре). Совершенно очевидно, что Диодор писал о первых боспорских правителях, о которых ему равным счётом не было известно ничего, кроме того, что они существовали.

Так и возник пассаж Исторической Библиотеки, согласно которому τῶ Κίττιερικῶ Βοσπόρου βασιλεύσαντες (букв. «царствующие»), потомки некоего Археанакта, к 438/7 гг. до Р.Х. правили Боспором 42 года.

Оставалось лишь снабдить родовой элемент конструкции завершением -ίδαι в соответствии с принятой древнегреческой практикой именования династий. И получить то, что мы до сих пор и читаем: τῶ Κίττιερικῶ Βοσπόρου βασιλεύσαντες ... Ἀρχαίανακτίδαι.

Следовательно, перед нами стоит задача расшифровать этот конструкт и по возможности восстановить первоначальную версию боспорского хрониста. Наиболее подходящим со всех, как станет ясно ниже, точек зрения тут представляется следующее.

Полагаю, что в подлинной боспорской хронике, в её «процитированном» Диодором разделе, значилось: τῶ Βοσπόρου ἄρχαι — ἄνακτισται.

Ἄρχαι (pl. от ἄρχή), исходя из древнегреческого словоупотребления¹⁰, надо тут понимать точно так же, как современное русское выражение «власти», в том числе и в конкретном смысле «магистраты»¹¹. Ἄνακτισται — восстановители, воссоздатели, новые основатели¹². Таким образом, весь оборот ἄρχαι ἄνακτισται вместе значит «власти(магистраты)-восстановители».

Эти-то ἄρχαι ἄνακτισται и были, не без помощи созвучия, трансформированы Диодором (либо уже до него) в Ἀρχαίανακτίδαι.

То есть, речь в боспорском первоисточнике шла о том, что Боспором 42 года правили власти/магистраты, восстановившие преж-

¹⁰ L-S-J. A Greek-English Lexicon, s.v.; Bull. ép. 72, 101, №3.

¹¹ L-S-J. A Greek-English Lexicon, s.v.; Bull. ép. 77, 405.

¹² L-S-J. A Greek-English Lexicon, s.v.

ний порядок жизни. Поскольку же ἄνακτιστής¹³ в древнегреческом политическом лексиконе означал нового основателя (ктиста) полиса после пережитых им потрясений, предлагаемое прочтение ставит перед нами ещё целый ряд важных вопросов.

И самый простой из них: как тут понимать Боспор. Ведь можно считать прочно установленным, прежде всего благодаря титулатуре Спартокидов, что Боспор изначально был дублирующим названием столицы государства — Пантикапея¹⁴.

Предстоит также понять, после каких событий греческую жизнь на Боспоре надо было восстанавливать. Думаю, ответ дают накапливающиеся с 1970-х годов археологические материалы, подтверждающие сообщение Геродота¹⁵ о ежегодных скифских походах через нынешний Керченский пролив и демонстрирующие, что как раз в первое двадцатилетие V в. до Р.Х. многие полисы и территории будущей Боспорской державы столкнулись с нападениями и разрушениями со стороны скифов¹⁶. Последующие раскопки В.П. Толстикова показали, что этой участи не избежал и расположенный на высотах и хорошо обороняемый Пантикапей. Итак, в 480 г. до Р.Х. на Боспоре было, что восстанавливать.

Наконец, самое сложное, в том числе и в личном плане. Очевидно, что предложенное прочтение предлагает понимать отрывок из источника Диодора как указание на то, что в течение 42 лет власти (магистраты)-восстановители правили именно *Боспором-Пантикапеем*. То есть они явились новыми ктистами *полисной организации*.

Это полностью переворачивает мои прежние представления, в которых я следовал Ю.Г. Виноградову¹⁷, о том, что т.н. «Археанактиды» были первой надполисной тиранической династией единого Боспорского государства, пришедшего на смену существовавшей до захвата ими власти оборонительной полисной симмахии. Впрочем, сама симмахия, вполне вероятно, существовала¹⁸, но её история была совсем иной, чем мне думалось ранее. Какой — ещё предстоит установить.

¹³ *Ibid.*

¹⁴ См., например: Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора С. 77-78 (с литературой) и др.

¹⁵ *Hrd.* 4. 28; ср. *Xen. Comm.* 2. 1. 10, *Luc. Tox.* 55; см. также изложение точек зрения на эту тему в кн.: Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора С. 66 сл.

¹⁶ *Там же.* С. 67, 76-77 и примеч. 26-26а.

¹⁷ *Там же.* С. 70-78.

¹⁸ Ср.: *Там же.* С. 63-70 (с литературой).

Теперь ясно, что аутентичная боспорская хроника фиксировала только восстановление (новое основание) *полиса* Пантикапея (Боспора) и 42-летнее правление его властей (магистратов)-восстановителей. Именно они вручили власть родоначальнику тиранической династии Левконидов Спартоку I.

Природа власти и состав этих новых основателей Боспора-Пантикапея остаются при этом абсолютно неизвестными. Гадать здесь не имеет никакого смысла. Ясно лишь одно — и та, и другой лежали в русле полисных традиций во всём их многообразии, о котором шла речь в самом начале данной работы.

Может быть, полномочия новых ктистов со временем стали тираническими, а может быть, и нет. Не менее возможно, что они, как это имело место в античной практике в иных местах, поручили Спартоку диктаторскую власть лишь временно, а он её затем узурпировал. Ибо из смысла отрывка Диодора следует лишь, что Спарток *получил* власть от своих предшественников. Следовательно, они могли передать её ему добровольно¹⁹. Но о характере власти здесь ничего не говорится. И экстраполировать, что Спарток воспринял именно тираническую власть, нет достаточных оснований. Скорее уж можно думать, что именно Спартокиды были первыми тиранами Боспора.

Вероятно, к моменту их прихода к власти Пантикапею подчинились не столь многочисленные полисы на берегах Керченского пролива. Может быть, в сферу его влияния входили даже только те из них, что были расположены в его округе. Во всяком случае, такое предположение объясняет, почему Спартокидам пришлось начинать с покорения самостоятельных и экономически независимых полисов, в том числе и не слишком удалённого от столицы Нимфея.

Главное же состоит в том, что текст Диодора приоткрывает нам *эпизоды истории одного полиса*, пусть даже и такого ключевого для Боспорского государства, как Пантикапей, — и ничего более.

Литература

- Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 3–186.
Bulletin épigraphique // Revue des études grecques. Paris, 1888-. Vol. I.
Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996 (9th edition).

¹⁹ Ср.: Там же. С. 83.

Ю.А. Виноградов

ВАРВАРСКИЕ МИГРАЦИИ В ИСТОРИИ —
БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

Аннотация: Греческие колонии Северного Причерноморья непосредственно соседствовали с кочевыми народами. Боспор лежал первым на пути миграций кочевников с востока. В сравнении с другими греческими государствами региона эти «ритмы Евразии» сказались на его истории наиболее отчетливо.

Ключевые слова: греческие колонии, Боспор Киммерийский, номады, миграции, адаптации

Abstract: The Greek colonies of the Northern Black Sea region were closest neighbours of nomadic peoples. The Bosphorus was the first on the way of migrations of the nomads from the east. These “rhythms of Eurasia” influenced its history more, than the history of the other Greek states if the region.

Key words: Greek colonies, Bosphorus Cimmericus, nomads, migrations, adaptations

Изучение миграций древних народов, как хорошо известно, является предметом весьма сложным для исследования. Более того, в археологической науке после увлечения миграционизмом должному пониманию этой важной составляющей мирового исторического процесса, на мой взгляд, очень не везёт. И здесь имеется в виду не только советская наука, где признание миграций одно время представлялось отступлением от марксистской теории, постулировавшей приоритет законов внутреннего развития обществ, чуть ли не оправданием империалистической агрессии против страны Советов¹. Западная наука второй половины XX в., так называемая «новая археология», тоже

¹ *Клейн Л.С.* Феномен Боспорской археологии. СПб., 1993. С. 210; *Виноградов Ю.А.* Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // *Stratum plus*. 2000. № 3. С. 109.

стала отрицать миграции, но не по идеологическим причинам, а по соображениям научной процедуры. Многим современным западным учёным и сейчас объяснения культурных перемен передвижениями народов, вторжениями извне («гипотезы вторжения») представляются слишком упрощёнными, даже искусственными². В отношении Западной Европы широкой популярностью пользуется точка зрения, что на протяжении последних 6,5 тысяч лет здесь никаких особо существенных — этнических перемен не происходило. Если следовать этой концепции, то приходится признать, что кельты в Западной Европе проживали чуть ли не с каменного века. Во всяком случае, расселение народов, говорящих на кельтском языке, во Франции, Британии и т.д. относят ко времени до 4000 г. до н.э.³, хотя их материальная культура проявилась не ранее конца VI в. до н.э.⁴ Только в последние годы ситуация в этом отношении стала постепенно изменяться, и древним народам уже разрешается менять места проживания более свободно⁵.

В отношении степей Северного Причерноморья подобного понимания, как будто, ещё никто не высказывал. Все согласны в том, что греческие колонии региона, в том числе и Боспора Киммерийского, существовали в весьма специфической демографической ситуации, поскольку их соседями оказались не только оседлые земледельческие племена (тавры, меоты, синды), но и племена подвижных скотоводов, кочевников (первоначально это были скифы, затем сарматы)⁶. Следует особо подчеркнуть и то, что для степей северного берега Понта характерна периодическая смена кочевнических этносов. Приблизительно раз в 200-300 лет из глубин Азии сюда устремлялись новые и новые кочевые народы, миграции которых кардинальным образом меняли этническую и военно-политическую

² См.: *Clark G.* The Invasion Hypothesis in British Archaeology // *Antiquity*. 1966. — Vol. 40. No. 159. P. 172–189; *Waddel Jh.* The invasion hypothesis in Irish prehistory // *Antiquity*. 1978. Vol. 52. No. 205. P. 121–128. — —

³ *Renfrew C.* Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins. London, 1987. P. 245.

⁴ См.: *Rodway S.* Celtic — Definitions, Problems and Controversies // In Search of Celtic Tylin in Thrace (III C BC). Proceedings of the international colloquium arranged by the National Archaeological Institute and Museum at Sofia and the Welsh Department, Aberystwyth University held at the National Archaeological Institute and Museum. Sofia, 8 May 2010 / Ed. L.F. Vagalinski. Sofia, 2010. P. 18, 21.

⁵ *Anthony D.* Prehistoric Migrations as Social Process // *Migrations and Invasions in Archaeological Explanation*. BAR International Series 664. Oxford, 1997. P. 21–32.

⁶ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 33.

обстановку в причерноморских степях⁷. Из греческих государств региона Боспор лежал первым на пути всех передвижений кочевников, и в этом отношении рассмотрение его истории приобретает особую научную значимость.

Обозначенная особенность истории греческих государств Северного Причерноморья в сравнении с другими центрами греческой колонизации Средиземноморского и Черноморского бассейнов была отмечена сравнительно давно⁸. С тех пор в правильности такого взгляда на проблему никто и никогда не сомневался⁹, но, как это ни странно, вопросы взаимоотношений греческих государств региона с кочевниками и, соответственно, вопросы воздействия кочевнических миграций на исторические судьбы греческих колоний почти не привлекали да и не привлекают внимание исследователей.

Необходимо оговориться, что миграции по степному коридору осуществлялись не только с востока на запад, но и с запада на восток. Они, правда, были сравнительно редки, нерегулярны и, как правило, не носили «глобального» характера. К примеру, можно предполагать, что в первой половине III в. до н.э. Северо-Западное Причерноморье стало зоной кельтской экспансии¹⁰. Однако вряд ли кельты сумели пересечь Днепр, более того — есть все основания считать, что они вообще не сумели закрепиться в этом районе. На Боспоре кельтская экспансия практически никак не отразилась.

В середине III в. н.э. к значительно более серьёзным политическим последствиям привело продвижение с севера племён готов.

⁷ *Мачинский Д.А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. 1971. № 13. С. 50; *Виноградов Ю.А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // БИ. Вып. XXII. Симферополь; Керчь, 2009. С. 6, 23.

⁸ См.: *Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб, 1897. С. 13; *Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России. Петроград, 1918. С. 4–6; *Готье Ю.В.* Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. Л., 1925. С. 187; *Rostovtzeff M.* *Iranians and Greeks in South Russia.* Oxford, 1922. P. 8–9.

⁹ См.: *Блаватский В.Д.* Процесс исторического развития и историческая роль античных государств Северного Причерноморья // ВИ. 1960. № 10. С. 78; *Голубцова Е.С., Кошеленко Г.А.* Взаимодействие греческого и местного элементов в Причерноморье. XIV Международный конгресс исторических наук. М., 1974. С. 2; *Виноградов Ю.А.* Миграции кочевников Евразии. С. 7.

¹⁰ См.: *Виноградов Ю.А.* Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (Своеобразие стабилизации в регионе второй половины III — первой половины — II вв. до н.э.) // *Nurperboreus.* 1999. Vol. 5. Fasc. 1. С. 71 сл., 78 сл.

Обосновавшись в степях северного берега Понта, они надолго определили здесь своеобразие этнической, военно-политической и экономической ситуации¹¹. Воздействие готских походов на судьбу Боспорского царства было весьма существенным. Можно даже сказать, что в сравнении с ними ни одна из миграций номадов, имевших место в древности до того, не оказала на Боспор столь негативных последствий, выразившихся, в частности, в прекращении жизни в некоторых городах (Танаис, Илурад, Мирмекий).

Миграции номадов, как было сказано, в истории Северного Причерноморья носили регулярный характер, придавая ей определённую ритмичность. Более того, есть веские основания считать, что каждый кочевнический этнос, появлявшийся в Северном Причерноморье, в своей истории проходил цикл развития, который можно определить как *вторжение–стабилизация–кризис*. Эта, на мой взгляд, весьма продуктивная концепция была предложена С.И. Руденко¹² и для периода средневековья развита С.А. Плетнёвой¹³.

Один из «законов степей» заключается в том, что кочевые орды неуклонно двигались с востока на запад, при этом, как правильно отметил Д.А. Мачинский, более восточные орды всегда имели преимущество над западными¹⁴.

Современная археология позволяет значительно более основательно, чем ранее, подойти к этой проблеме. Понятно, что в большинстве случаев передвижения кочевников не носили мирного характера. В таком случае для понимания времени вторжения «новых» номадов особое внимание исследователей должны привлекать такие явления в степи, как исчезновение ярчайших маркеров эпохи — курганов старой кочевнической аристократии, а практически одновременно и

¹¹ См.: *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 439 сл.; *Щукин М.Б.* Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005; *Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971. S. 459 ff.

¹² *Руденко С.И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Географическое общество СССР. Материалы по отделению этнографии. Вып. 1. М., 1961. С. 2–15.

¹³ *Плетнёва С.А.* От кочевий к городам. МИА. 1967. № 142. С. 180 сл.; *её же.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 13 сл., 36 сл., 77 сл. —

¹⁴ *Мачинский Д.А.* Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII–V вв. до н.э. // Кочевники Евразийских степей и античный мир. Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск, 1989. С. 21; *её же.* Скифия и Боспор. От Аристея до Волошина // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993. С. 9.

могильников рядового населения, что обычно понимается как обезлюдение степного пространства.

Для адекватного понимания ситуации в регионе с особым вниманием следует относиться к положению в районах, населённых оседлыми варварскими народами, которых номады всегда стремились поставить под свой контроль. Имеются в виду земледельцы Прикубанья и лесостепей Северного Причерноморья. Исчезновение погребений местной аристократии, возведение фортификационных сооружений, следы крупных пожаров на варварских городищах и пр. являются важными свидетельствами изменения системы взаимоотношений с владыками степей.

В отношении греческих государств особое значение имеют фиксируемые во время раскопок следы тех же крупных пожаров и разрушений, усиленное фортификационное строительство в городах, исчезновение поселений на сельской округе и т.п. Ясно, что если в каждом отдельном случае причины таких событий можно искать в особенностях локальной истории (междоусобицы, насильственные политические перевороты, нападения соседних варваров и т.д.), то в случае их синхронизации с аналогичными явлениями во всех греческих государствах региона (да и на варварских территориях!) логичнее считать, что они были вызваны одной причиной, и эта причина крылась в глобальных демографических изменениях, т.е. в миграциях кочевых народов.

Имеющиеся материалы позволяют считать, что начало миграций с востока не было абсолютно неожиданным явлением. Приблизительно за два-три десятилетия до того, как пришельцы начинали «завоевание новой родины», на востоке степей Северного Понта, т.е. в непосредственном соседстве с Боспором, возрастало военное напряжение¹⁵, что в ряде случаев фиксируется в районе Дона и в Прикубанье (уничтожение укреплений на городищах оседлого населения и пр.).

В этом отношении приведу всего два примера. Для понимания завершающей фазы скифской истории в Северном Причерноморье важное значение имеют результаты исследований Елизаветовского городища на Нижнем Дону. Раскопки продемонстрировали, что развитая оборонительная система была возведена здесь уже в середине IV в. до н.э., когда ситуация в скифской степи, казалось бы, была вполне благополучной. Не позднее третьей четверти этого столетия все укрепления были срыты, как считают исследователи,

¹⁵ Виноградов Ю.А. Миграции кочевников Евразии. С. 34.

скорее всего, по требованию враждебных племён, очевидно, сарматов¹⁶. Правда, через некоторое время на городище была построена новая система укреплений, не менее мощная, чем прежняя. Однако, на рубеже IV–III вв. городище было оставлено населением¹⁷, но в это время положение во всей Скифии, а не только на восточных её рубежах, можно назвать катастрофическим.

Сходная картина фиксируется в районе Прикубанья. Укрепления местных городищ принято датировать в широких пределах — IV в. до н.э. Однако, систематические раскопки городища № 2 у хутора им. Ленина показали, что укрепления здесь были возведены ещё в первой половине IV в., а во второй половине или конце этого столетия они были уничтожены¹⁸. На Старокорсуневском городище № 2 строительство оборонительной системы относится ко второй половине IV в., но она просуществовала недолго, — ров городища был засыпан не раньше конца IV — начала III вв. до н.э.¹⁹ Требование уничтожить укрепления городов, как можно считать, было достаточно распространённым явлением во взаимоотношениях между варварскими народами региона²⁰. Логично считать, что именно номады чаще всего требовали этого от земледельцев, чтобы сделать их почти беззащитными.

Проведя своего рода разведку, номады совершали серию масштабных походов на запад и, как правило, устанавливали здесь своё господство. Разразившаяся в степях в связи с этим череда войн приводила к общей дестабилизации военно-политической обстановки, которая со временем распространялась и на греческие государства и, прежде всего, на Боспор, являвшийся, как уже говорилось, самым восточным форпостом античной цивилизации в степях Северного Причерноморья. Дестабилизация ситуации обычно охватывала четверть столетия.

В высшей степени любопытно и показательно, что некоторые элементы материальной культуры «новых» номадов очень быстро появлялись именно в боспорских памятниках. Прежде всего это касается курганов. Эти выдающиеся памятники, в основном, были раскопаны ещё в XIX в. и, как правило, на очень низком методическом уровне.

¹⁶ Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.Г. Елизаветовское городище на Дону // Pontus Septentrionalis. М., 2000. С. 74 сл.

¹⁷ Там же. С. 90.

¹⁸ Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. С. 116-117.

¹⁹ Там же. С. 117.

²⁰ Виноградов Ю.А. Миграции кочевников Евразии. С. 49.

Возможно, по этой причине современные исследователи почти не проявляют интереса к курганным комплексам, негласно признавая, что в этой области знания всё уже давно сделано. Однако эта точка зрения представляется ошибочной, более того, вредной. Без скрупулёзного изучения памятников элиты Боспора Киммерийского мы сильно обедняем боспорскую историю, лишая боспорский феномен одной из его важнейших и ярчайших граней. Такие памятники, как Нимфейские курганы²¹, некрополь Юз-Оба²², комплексы Ак-Бурунского мыса²³ и многие другие позволяют не просто лучше понять своеобразие культуры боспорской аристократии на различных хронологических срезах, но и в более полной мере оценить развитие исторического процесса на Боспоре и вокруг Боспора.

Период дестабилизации в степях северного берега Понта, как можно полагать, охватывал приблизительно 25–30 лет²⁴, после чего наступал относительно мирный и сравнительно продолжительный период. Любопытно, но археологические материалы позволяют считать, что и стабилизация ситуации, подобно дестабилизации, в первую очередь проявлялась в восточной части региона. В этом отношении вновь укажу на Елизаветовское городище, ранние керамические находки с территории которого относятся к концу VI — началу V — вв. до н.э., а вероятно, и ещё более раннему времени²⁵. Складывается впечатление, что жизнь здесь зародилась, возможно, в виде зимника кочевников, по существу накануне периода, когда всё Северное Причерноморье погрузилось в пучину нестабильности. В греческих государствах этот период дестабилизации можно начинать с конца первой четверти V в. до н.э., и здесь в полной мере перед нами предстаёт роковая дата — 480 г. до н.э.²⁶

²¹ *Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 5-107.

²² См.: *Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография. Симферополь; Керчь, 2012.

²³ *Виноградов Ю.А.* Курган Ак-Бурун (1875) // Скифия и Боспор. Материалы конференции памяти академика М.И.Ростовцева. Новочеркасск, 1993. С. 38-51; *Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н.* Юз-Оба. С. 113 сл.

²⁴ *Виноградов Ю.А.* Миграции кочевников Евразии. С. 27, 34.

²⁵ *Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П.* Елизаветовское городище. С. 60.

²⁶ См.: *Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I. Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 394 сл.; *Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V вв. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3. С. 24–48; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–V вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР, 1984. М., 1985. С. 70 сл.; *Марченко К.К.* Греки и варвары .

На этапе стабилизации греческие государства региона устанавливали с новыми хозяевами степей жизненно важные для них отношения, основанные на выплате им определённой дани. Вожди кочевников, в свою очередь, принимали на себя определённые обязательства по защите своих «друзей», покровительству греческим купцам и т.д.

Отмечу и то, что стабилизация ситуации в степях обычно знаменовала здесь расцвет материальной культуры, появление богатых курганов «царей» кочевников и т.д. В высшей степени показательно, что все периоды «расцвета» в степи всегда были синхронны «расцветам» греческих государств Северного Причерноморья, в особенности Боспора, и, соответственно, наоборот. Важнейшим показателем стабилизации и расцвета, конечно, являются поселения сельской округи греческих городов, изучению которых на Боспоре сейчас вполне закономерно придаётся большое значение²⁷. Нет сомнения, что на этих, по большей части, очень скромных памятниках будет получена новая, без преувеличения ценнейшая историческая информация для понимания обозначенных исторических процессов.

Каждый «расцвет» завершался усилением кризисных явлений кочевнических сообществ, что неизбежно вело к их военному ослаблению. В такой ситуации появлялась очередная волна кочевников с востока, и начинался очередной этап дестабилизации в регионе. Эта цикличность в истории степей Северного Причерноморья не позволяет полностью — согласиться с мнением В.М. Массона, что степные сообщества прошли в своей истории три последовательных этапа: от комплексных обществ степного региона бронзового века к военно-аристократическим государствам кочевников и, наконец, к созданию кочевых империй²⁸. А.М. Хазанов более убедительно показал, что чёткой последовательности здесь не прослеживается²⁹, и политические образования, которые в научной литературе именуется кочевыми империями, могли возникать как в древности (Великая Скифия), так и в средние века (держава Чингис-Хана).

Северо-Западного Причерноморья // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 97 сл.; *Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 236 сл

²⁷ См.: *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998; *его же.* Сельские поселения Европейского Боспора (Некоторые проблемы и итоги исследований) // БИ. 2001. Вып. 1. С. 75–100. —

²⁸ *Массон В.М.* Древние общества степей Евразии и структура мировой истории // АВ. 2005. № 12. С. 176.

²⁹ *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. СПб., 2008. С. 404.

Вполне историчной представляется и другая гипотеза А.М. Хазанова. Этот исследователь полагал, что в евразийских степях на протяжении трёх тысяч лет социальные процессы характеризовались обратимостью, движение в этой сфере, в основном, осуществлялось по кругу, а процесс поступательного развития в значительной мере оказывался фикцией³⁰.

Меня порой обвиняют в излишнем внимании к внешним факторам развития Боспора, пренебрежении внутренними закономерностями его исторической эволюции, но это не совсем справедливо. Я пытаюсь акцентировать внимание на одном, на мой взгляд, очень важном элементе, влиявшем на внутреннее развитие этого государства. Этот элемент заключается в адаптации Боспора к изменяющимся условиям среды, в данном случае среды этнической и военно-политической, связанной с продвижением на запад кочевых народов. Несколько отвлекаясь от темы, укажу, что вряд ли найдутся желающие поспорить с тем, что Русь домонгольская и Русь послемонгольская — это принципиально разные периоды в развитии нашего государства. Но ведь второй из названных периодов в первую очередь определялся изменившимся внешним воздействием! Можно предположить также, что влияние на Русь Хазарского каганата в сравнении с воздействием на неё печенегов или половцев тоже было несколько различным. Именно это и ничто другое я пытаюсь продемонстрировать на боспорских материалах. —

Адаптация Боспорского государства к изменениям военно-политической ситуации (правильнее сказать, ситуаций) в степях, как представляется, являлась важной составляющей, определившей своеобразие его многовекового исторического пути. Что касается периодизации боспорской истории, основанной на этом критерии, то она изложена в целом ряде статей³¹. В связи с этим необходимо

³⁰ Хазанов А.М. О периодизации истории кочевников евразийских степей // Проблемы этногеографии Востока. М., 1973. С. 6; *его же*. Характерные черты кочевых обществ евразийских степей. IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973 г.). Доклады советской делегации. М., 1973. С. 13.

³¹ Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. Материалы международной научной конференции. Тамань, октябрь 2000. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2006. С. 36–43; *Vinogradov Y.A.* Cimmerian Bosphorus: Main Phases of Pre-Roman History // *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th — 1st Centuries BC*. Proceedings of the International Conference. BAR International Series 1729, 2007. P. 145–149; *idem*. Rhythms of Eurasia and the Main Historical Stages of the Kimmerian

подчеркнуть также, что воздействие степей на судьбы греческих государств Северного Понта совсем не становилось причиной неких революционных перемен. Нет, жизнь после потрясений возвращалась, так сказать, «на круги своя», что определялось уже внутренними потребностями, существовавшими в каждом из государств, сложившимися в них традициями и т.п. Внешний, исходящий из степей фактор в большинстве случаев придавал истории греческих государств определенную ритмичность, однако, проходя через сходные этапы, они шли своим путем как в области политической системы, социально-экономического устройства, так и в плане связей с туземным миром. Своеобразие боспорской истории, как следует полагать, придавали не столько сами по себе «ритмы Евразии», сколько характер приспособления боспорян к этим «ритмам». —

Литература

- Блаватский В.Д.* Процесс исторического развития и историческая роль античных государств Северного Причерноморья // ВИ. 1960. № 10. С. 76–88.
- Виноградов Ю.А.* Курган Ак-Бурун (1875) // Скифия и Боспор. Материалы конференции памяти академика М.И.Ростовцева. Новочеркасск, 1993. С. 38–51.
- Виноградов Ю.А.* Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (Своеобразие стабилизации в регионе второй половины III — первой половины — II вв. до н.э.) // Hyperboreus. 1999. Vol. 5. Fasc. 1. С. 56–82.
- Виноградов Ю.А.* Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum plus. 2000. № 3. С. 98–128.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 211–296.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. Материалы международной научной конференции. Тамань, октябрь 2000. СПб., 2006. С. 36–43.
- Виноградов Ю.А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // БИ. 2009. Вып. XXII. С. 5–90.

Bosporos in Pre-Roman Times // Meeting of Cultures in the Black Sea Region. Between Conflict and Coexistence / Ed. Pia Guldager Bilde and Jane Hjarl Petersen. Aarhus University Press, 2008. P. 13–27; *idem.* The Cimmerian Bosporus: the main Stages of History // Le grec du monde colonial antique. I. Le N. et N.–O. la Mer Noir. Actes de la Table Ronde de Nancy 28–29 septembre 2007. Nancy, 2009. P. 21–40.

- Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография. Симферополь; Керчь, 2012. —
- Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // *Античная Греция*. Т. I. Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 366–420.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Голубцова Е.С., Кошленко Г.А.* Взаимодействие греческого и местного элементов в Причерноморье. XIV Международный конгресс исторических наук. М., 1974.
- Готье Ю.В.* Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. Л., 1925
- Клейн Л.С.* Феномен советской археологии. СПб, 1993.
- Марченко И.И.* Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996.
- Марченко К.К.* Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб, 2005. С. 42–136.
- Марченко К.К., Житников В.Г., Копьлов В.Г.* Елизаветовское городище на Дону. Pontus Septentrionalis. М., 2000.
- Масленников А.А.* Эллинская хора на краю ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
- Масленников А.А.* Сельские поселения Европейского Боспора (Некоторые проблемы и итоги исследований) // *БИ*. 2001. Вып. 1. С. 75–100.
- Массон В.М.* Древние общества степей Евразии и структура мировой истории // *АВ*. 2005. № 12. С. 172–178.
- Мачинский Д.А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // *АСГЭ*. 1971. № 13. С. 30–54.
- Мачинский Д.А.* Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII–V вв. до н.э. // *Кочевники Евразийских степей и античный мир*. Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск, 1989. С. 7–30.
- Мачинский Д.А.* Скифия и Боспор. От Аристея до Волошина // *Скифия и Боспор* (материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993. С. 6–27.
- Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1887.
- Плетнёва С.А.* От кочевий к городам. МИА. № 142. М., 1967.
- Плетнёва С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России. Петроград, 1918.
- Руденко С.И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // *Географическое общество СССР. Материалы по отделению этнографии*. Вып. 1. М., 1961. С. 2–15.

- Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 5–107.
- Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V вв. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3. С. 24–48.
- Хазанов А.М.* О периодизации истории кочевников евразийских степей // Проблемы этногеографии Востока. М., 1973. С. 5–10.
- Хазанов А.М.* Характерные черты кочевых обществ евразийских степей. IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973 г.). Доклады советской делегации. М., 1973.
- Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. СПб., 2008.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–V вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 5–187.
- Щукин М.Б.* Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
- Anthony D.* Prehistoric Migrations as Social Process // Migrations and Invasions in Archaeological Explanation. BAR International Series 664. Oxford, 1997. P. 21–32.
- Clark G.* The Invasion Hypothesis in British Archaeology // Antiquity. 1966. — Vol. 40. No. 159. P. 172–189. — —
- Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971.
- Renfrew C.* Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins. London, 1987.
- Rodway S.* Celtic — Definitions, Problems and Controversies // In Search of Celtic Tylis in Thrace (III C BC). Proceedings of the international colloquium arranged by the National Archaeological Institute and Museum at Sofia and the Welsh Department, Aberystwyth University held at the National Archaeological Institute and Museum. Sofia, 8 May 2010 / Ed. L.F. Vagalinski. Sofia, 2010. P. 9–32. —
- Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
- Waddel Jh.* The invasion hypothesis in Irish prehistory // Antiquity. 1978. Vol. 52. No. 205. P. 121–128. —
- Vinogradov Y.A.* Cimmerian Bosphorus: Main Phases of Pre-Roman History // Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th — 1st Centuries BC. Proceedings of the International Conference. BAR International Series 1729. Oxford, 2007. — P. 145–149.
- Vinogradov Ju. A.* Rhythms of Eurasia and the Main Historical Stages of the Kimmerian Bosphorus in Pre-Roman Times // Meeting of Cultures in the Black Sea Region. Between Conflict and Coexistence (ed. Pia Guldager Bilde and Jane Hjarl Petersen). Aarhus University Press, 2008. P. 13–27.
- Vinogradov Yu.A.* The Cimmerian Bosphorus: the main Stages of History // Le grec du monde colonial antique. I. Le N. et N.-O. la Mer Noir. Actes de la Table Ronde de Nancy 28–29 septembre 2007. Nancy, 2009. P. 21–40.

И.Е. Суриков

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
БОСПОРСКОГО ПОЛИТОГЕНЕЗА V–IV вв. до н. э.
(«ВЗГЛЯД ИЗ ЭЛЛАДЫ»)

Аннотация: Статья состоит из двух частей. В первой аргументируется тезис, согласно которому режим боспорских Археанактидов (480–438 гг. до н. э.) представлял собой, вопреки общепринятому мнению, не тиранию, а олигархию одного рода (ближайшая параллель — коринфские Бакхиады). Вторая часть посвящена дискуссионным вопросам: имел ли место на Боспоре IV в. до н. э. протоэллинизм и уместно ли употреблять сам термин «протоэллинизм» («предэллинизм»), отражает ли он какую-то историческую реальность? Представляется, что на все эти вопросы может быть дан положительный ответ — но только в том случае, если главной, наиболее принципиальной чертой эллинизма как такового считать не «греко-варварский синтез» (последний характерен не для всего эллинистического мира, а лишь для эллинистического Востока), а сдвиг в политической жизни и политической психологии, который принято называть «от гражданина к подданному».

Ключевые слова: Боспор, политогенез, Археанактиды, Спартокиды, тирания, олигархия, эллинизм, протоэллинизм

Abstract: The paper consists of two parts. In the first one, the thesis is argued that the regime of the Bosporan Archaeanactidae was, against the common opinion, not a tyranny but an oligarchy of a sole *genos* (the closest parallel is the Bacchiadae of Corinth). The second part is devoted to debatable questions: was there proto-Hellenism in the fourth-century B.C. Bosphorus, and is the very term ‘proto-Hellenism’ (‘pre-Hellenism’) appropriate? Does it reflect any historical reality? The author believes all these questions may be answered in the affirmative — but only if we take as the main and most principal feature of Hellenism as such not the “Greco-Barbarian synthesis” (the latter was typical not for the whole Hellenistic world but only for the Hellenistic East), but the shift in political life and political psychology that is often labeled as “from citizen to subject”.

Key words: Bosphorus, state formation, Archaeanactidae, Spartocidae, tyranny, oligarchy, Hellenism, proto-Hellenism

Тот том ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы», для которого пишется данная статья, составляется, насколько нам известно, преимущественно на основе материалов двух научных мероприятий (в обоих нам довелось участвовать) — круглого стола «Образование Боспорского государства: от полиса к царству» (апрель 2012 г., ИВИ РАН, в рамках XXIV Чтений памяти В.Т. Пашуто) и симпозиума «Эллинизм: географические границы, хронологические рамки, сущностное содержание» (декабрь 2012 г., РГГУ). Соответственно, основная тематика тома включает именно эти два круга сюжетов или проблемных блока. Наша статья имеет отношение и к тому, и к другому, находится, так сказать, на их стыке. Первая ее часть в большей степени связана с «боспорской» проблематикой, вторая — в большей степени с «эллинистической».

Из краткого, тезисного, варианта работы¹ мы сознательно сохранили подзаголовок — «Взгляд из Эллады». Он означает, что боспорские реалии в статье будут анализироваться обязательно в контексте общегреческих. Нам это представляется принципиально важным, поскольку мы глубоко убеждены, что на Боспор нужно смотреть именно как на античное греческое государство, как на интегральную часть эллинского мира, развивавшуюся согласно общим, характерным для него тенденциям, — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Надеемся, что этот тезис не прозвучит банальностью. Возможно, кому-то он даже покажется спорным. Действительно, у нас иной раз называли Боспор даже «греко-варварским государством», что, как мы считаем, решительно не соответствует действительности. Ныне вроде бы так прямолинейно уже не пишут. Однако и по сей день постоянно можно встретить соображения о «феноменальности» этого региона. Выражение «боспорский феномен» стало весьма популярным и распространенным.

Попытаемся максимально четко обозначить нашу позицию в данном вопросе. Действительно, Боспор можно называть и «феноменальным» — постольку, поскольку любая вообще историческая реалья яв-

¹ Суриков И.Е. Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («взгляд из Эллады») // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 311–315.

ляется феноменальной, то есть уникальной и единичной. Гуманитарные науки, как давно уже справедливо отмечено Риккертом², не номотетичны, а идиографичны; они имеют дело именно с единичными объектами. В отличие, скажем, от физики, где все процессы повторяются в одной и той же форме, следуя неизменным законам природы (например, любое тело, находящееся в состоянии свободного падения, всегда приобретает строго одинаковое ускорение), о столь же неизменных «законах истории» говорить никак не приходится. Разумеется, нельзя отрицать, что какие-то закономерности присутствуют (возможно, корректнее было бы называть их тенденциями), однако же в исторической жизни ничто и никогда не повторяется с полной точностью. В этом плане история — в принципе область феноменального.

Так вот, если говорить о «боспорском феномене» в данном смысле, то мы ничего не имеем против (однако подобное словоупотребление и не несет в себе какой-либо эвристической ценности). Но обычно под «феноменальностью» Боспора подразумевают нечто иное: используют эту категорию в качестве своего рода «палочки-выручалочки». Предполагается, что Боспор не следовал общим закономерностям современного ему античного мира, что он шел своим «особым путем», что в этой области многое, если не всё, было беспрецедентным. Эксплицитно подобное суждение вряд ли высказывается; однако при анализе конкретного материала из него подчас подспудно исходят. Если, например, приходится исследовать какую-нибудь сложную проблему, которая с трудом поддается решению, есть ведь в запасе и «простой» выход — объяснить всё пресловутой «боспорской феноменальностью». Мы не убеждены, что это плодотворный путь³.

Он, в частности, приводит к тому, что боспорская история изучается изолированно от общегреческой. А вот этого делать никак нельзя. Боспор надлежит рассматривать только в связи с Элладой в целом (имеем здесь в виду «Элладу» в широком смысле, включая мир колоний). Нередко бывает, что какой-либо факт, традиционно признаваемый очередным проявлением «феноменальности», ошибочно считают таковым единственно потому, что в недостаточной мере учли данные из других греческих регионов; в случае же такого учета оказывается, что есть и параллели, и прецеденты.

² См. в русском переводе: *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 44 слл.

³ В связи с рассматриваемым вопросом см. также важное исследование: *Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. Т. 4. С. 150–181.

Сделав эти краткие вводные замечания методологического характера, перейдем к основной проблематике статьи. Политогенез, как мы его понимаем, не должен обязательно связываться только с начальной стадией существования каждой данной политики, с ее формированием; этот процесс идет и в дальнейшем, поскольку он имеет отношение также и к последующим трансформациям структурообразующих элементов политической системы. Далее, политогенез — процесс отнюдь не равномерный по темпам протекания и даже в каких-то отношениях дискретный. В истории любого государства можно (с точки зрения политогенеза) выделять как периоды «спокойные», подчас просто статичные, когда в сфере, имеющей отношение к формам власти, ничего или почти ничего принципиально не меняется, так и эпохи, характеризующиеся высоким динамизмом, «бурным потоком перемен»⁴. Разумеется, именно эти последние заслуживают наиболее пристального к себе внимания.

V–IV вв. до н. э. были именно таким, «динамичным», периодом в истории того государственного образования, которое принято называть Боспорским царством (хотя, строго говоря, тогда оно так еще явно не именовалось)⁵. На указанном хронологическом отрезке интересующая нас политика как раз формировалась и трансформировалась. Какие-то детали этого «подспудного кипения» для нас более или менее ясны, о каких-то (таковых, пожалуй, большинство) можно теперь только догадываться. Есть и случаи, когда о каком-либо нюансе мы полагаем, что знаем его относительно твердо, но со временем, по мере новых открытий, устоявшиеся взгляды могут быть сильно поколеблены. Хороший конкретный пример — эволюция титулатуры боспорских правителей (которая является непосредственно наблюдаемым проявлением латентных процессов политогенеза). Уже сейчас мы знаем об этой эволюции значительно больше, чем всего лишь несколько десятилетий назад⁶, и, думается, точка еще не поставлена.

⁴ О чередовании этих «спокойных» и «бурных» фаз политогенеза см., в частности, применительно к Афинам: *Суриков И.Е.* Афины в VIII–VII вв. до н. э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») // ВДИ. 2013 (в печати).

⁵ А напротив того, хронологический отрезок с начала III в. до н. э. (принятие Спартоком III царского титула) до рубежа II–I вв. до н. э. (включение Боспора в состав владений Митридата VI) может служить примером статичной фазы политогенеза.

⁶ Какой интереснейший нюанс внесла в наши представления о ней хотя бы опубликованная с десяток лет назад надпись Теопротида из Нимфея (editio princeps: *Соколова О.Ю., Павличенко Н.А.* Новая посвятельная надпись из Нимфея // *Hypoboreus*. 2002. Vol. 8. Fasc. 1. P. 99–121)! К оценке ее значимости см. хотя бы: *Завойкин А.А.*

Одним словом, надеемся, что не покажется неоправданным наше обращение в данной статье к двум достаточно важным сюжетам, имеющим отношение именно к боспорскому политогенезу в V–IV вв. до н. э. (а второй сюжет еще и напрямую относится к проблематике «протоэллинизма», или «предэллинизма»). По обоим этим сюжетам нам хотелось бы высказать свое нынешнее мнение⁷.

1. *О характере режима Археанактидов*. Боспорские Археанактиды в отечественном антиковедении отнюдь не обделены вниманием. Уже, как минимум, с начала XX века начали появляться статьи, специально им посвященные⁸. Продолжали такие статьи появляться и в дальнейшем⁹; в частности, совсем недавно увидела свет весьма важная работа, принадлежащая перу А.А. Завойкина¹⁰. Кроме того,

«Две Синдики» (заметки касаясь исторической значимости посвящения Теопротида, сына Мегакла из Нимфея) // ДБ. 2004. Т. 7. С. 150–162; *он же*. Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М. — Киев — Запорожье, 2007. С. 218–243. О некоторых других занятых аспектах этого памятника (ономастико-просопографических) см.: Суриков И.Е. Перикл, Ламах и Понт Евксинский. Историческая география и ономастика: о пользе комбинированного использования данных // Историческая география. Т. 1. М., 2012. С. 51–67.

⁷ Это приходится специально оговаривать, ибо точки зрения даже каждого конкретного исследователя на тот или иной предмет могут с годами меняться (это есть нормальная логика научного мышления и, более того, процесс в высшей степени позитивный, что блестяще показал К. Поппер, оперировавший категориями «верификации» и «фальсификации» научной гипотезы, подробнее см.: Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983). Например, недавно Н.Б. Чурекова активно полемизировала с нами в связи со взглядами (касающимися, кстати, в том числе и Археанактидов, о которых пойдет речь ниже), которых мы на тот момент уже не придерживались. См.: Чурекова Н.Б. Еще раз к проблеме боспорской тирании // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 321–324.

⁸ См. статью С.А. Жебелева «Боспорские Археанактиды» (впервые опубликована в 1902 г.), впоследствии вошедшую в книгу: Жебелев С.А. Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.–Л., 1953. С. 21–28. См. также статью В.В. Шкорпила (Шкорпил В.В. Археанактиды // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1918. № 54. С. 54–59).

⁹ Так, широкую известность получила заметка В.Д. Блаватского «О происхождении боспорских Археанактидов» (впервые опубликована в 1970 г.), впоследствии вошедшая в книгу: Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 207–211. См. также: Молев Е.А. К вопросу об обстоятельствах прихода к власти на Боспоре Археанактидов // ИИАО. Вып. 6. Нижний Новгород, 1999. С. 81–90.

¹⁰ Завойкин А.А. Были ли Археанактиды «царями Киммерийского Боспора» (Diod. XII. 31, 1)? К периодизации становления Боспорского государства // Эмбатерион. Сборник статей по искусствоведению, филологии, истории. М., 2011. С. 291–299. Не можем не сказать здесь несколько слов общего характера об этом сборнике «Эмбатерион», о том несколько странном впечатлении, которое он производит (самой статьи А.А. Завойкина,

естественно, в любом труде общего характера, посвященном политической истории раннего Боспора, содержится более или менее обширный экскурс об Археанактидах¹¹.

При таком обилии литературы — и тут есть определенная пикантность ситуации — во всем колоссальном корпусе античных (да и послеантичных) источников имеется лишь *одно-единственное* упоминание об этой династии (или *не* династии, см. ниже)¹². Это свидетельство (*Diod.* XII. 31. 1) хрестоматийно; по понятным причинам оно фигурирует в каждом исследовании, где говорится об Археанактидах. Его просто нельзя не привести:

Ἐπ' ἄρχοντος δ' Ἀθήνησι Θεοδώρου... κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν οἱ τοῦ Κίμμεριου Βοσπόρου βασιλεύσαντες, ὀνομασθέντες δὲ

абсолютно высококвалифицированной, сказанное никак не будет касаться). Сборник выпущен к 70-летию В.П. Яйленко, причем вышел через два года после юбилея. Не указаны ни ответственный редактор, ни редакционная коллегия. Предисловие фактически анонимно (подписано «Факультет искусств МГУ»), и в нем, кстати, содержится такая информация о В.П. Яйленко (например, «каждый день начинает с зарядки»), которая наводит на мысль, что он, возможно, сам участвовал в написании этого поздравительного слова в свою честь (кто еще может знать такие детали личного характера об особенностях его режима?). Во всяком случае, прямо указано, что «Валерий Петрович сам выбрал название сборника». А ведь обычно подобного рода *Festschrift*'ы готовят в тайне от юбиляра, дабы сделать ему сюрприз. Более того, В.П. Яйленко даже вошел в число авторов сборника к собственному юбилею! Так сказать, дар себе самому. Всё это, с одной стороны, крайне необычно, но с другой — в полной мере характеризует ученого, о котором идет речь (к характеристике личности и деятельности В.П. Яйленко см. из написанного за последнее время: *Левинская И.А.* *Déjà vu*, или «антисемитизм» на Боспоре // *ДБ.* 2009. Т. 13. С. 305–327; *Иванчик А.И.* «Тысячелетний рейх» на Боспоре // *ВДИ.* 2011. № 4. С. 277–279).

¹¹ Несколько примеров, взятых почти наугад: *Блатская Т.В.* Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. М., 1959. С. 16 слл.; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1984 год. М., 1985. С. 70 слл.; *Молев Е.А.* Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н. э. Нижний Новгород, 1997. С. 24 слл. Перечень можно было бы еще долго продолжать, но в данном случае в этом нет прямой необходимости.

¹² В определенном смысле аналогию представляет еще одна дискуссионная проблема боспорской истории — так называемое «дело Гилона» (см.: *Суриков И.Е.* Кое-что о родственниках Эхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // *ДБ.* 2009. Т. 13. С. 393–413, с указанием на предшествующие работы). О (мнимой?) измене этого афинянина, по большому счету, свидетельство тоже только одно (у Эхина) — если не считать вторичных, восходящих к эхиновскому и потому самостоятельной ценности не имеющих. А ведь об этом деле у нас написано тоже очень немало. Но случай с Археанактидами еще более уникален: сообщение о них в принципе одно (считая и первичные, и вторичные). Вообще говоря, крайняя скудость свидетельств нарративной традиции об истории Боспора (сам факт подобного систематического умолчания античных авторов о данном

Ἀρχαινακτίδαι, ἦρξαν ἔτη δύο πρὸς τοῖς τετταράκοντα· διεδέξατο δὲ τὴν ἀρχὴν Σπάρτακος, καὶ ἦρξεν ἔτη ἑπτὰ.

Даем наш перевод: «В архонтство Феодора в Афинах... Переходя к Азии¹³: лица, являвшиеся басилеями¹⁴ Киммерийского Боспора, а названные Археанактидами, правили сорок два года; перенял же власть Спарток и правил семь лет».

Сразу оговорим, что в нашей статье вообще не будут рассматриваться вопросы о том, как именно понимать в данном контексте выражение κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν (оно, как известно, породило различные размышления на тему «откуда есть пошла боспорская земля»)¹⁵, а также о том, из какого полиса метрополии происходил род Археанактидов: из Милета¹⁶ или из Митилены¹⁷. Нас будет интересовать совершенно иное — статус этих лиц. Традиционно считается, что это династия боспорских (пантикапейских) тиранов, непосредственно предшествовавшая во времени династии Спартокидов.

регионе привлекает к себе внимание и требует объяснения, но об этом скажем как-нибудь в другой раз, скорее всего, на страницах ДБ) приводит к тому, что зачастую какое-нибудь тамошнее событие, которое, произошли оно, скажем, в Афинах, осталось бы просто не замеченным исследователями, в нашем антиковедении становится предметом жгучего интереса, порождает десятки и десятки страниц полноценного научного текста.

¹³ Переводим, исходя из той интерпретации этой синтаксической конструкции, которая представляется нам наиболее обоснованной (ее можно встретить, например, у В.В. Шкорпила: *Шкорпил В.В.* Археанактиды. С. 58). Часто переводят «в Азии», но если бы Диодор хотел сказать именно это, то он прямо и сказал бы: ἐν τῇ Ἀσίᾳ.

¹⁴ Обычно переводят «царствовавшие» (или в аналогичном духе). Поскольку смысл глагола βασιλεύω и связанного с ним существительного βασιλεύς применительно к Археанактидам будет обсуждаться ниже, здесь в интересах максимальной корректности фактически калькируем оригинал.

¹⁵ Наиболее характерна точка зрения В.Д. Блаватского, согласно которой ядром первоначального объединения боспорских полисов являлась Тамань, а в качестве главного центра выступала сперва Гермонасса (*Блаватский В.Д.* Античная археология и история. С. 207–211). Эта гипотеза и сразу-то мало кем была принята с сочувствием, а ныне для нее и вовсе не остается никакой почвы. На сегодняшний день совершенно очевидно, что власть правителей Боспора начала распространяться не из его азиатской, а из европейской части, из Пантикапея.

¹⁶ Таково преобладающее мнение. См. хотя бы: *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора. С. 70.

¹⁷ *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. С. 207 слл. (этот тезис В.Д. Блаватского о лесбосском происхождении Археанактидов, разумеется, напрямую связан с его предположением о Гермонассе как месте их правления: именно в основании Гермонассы приняли участие митиленяне, в связи с чем см. — с рядом сильно разнящихся нюансов — работы: *Яйленко В.П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. (По данным эпиграфических источников). М., 1982. С. 271 слл.; *Суриков И.Е.* Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // ДБ. 2012. Т. 16. С. 442 слл.).

Согласно этому общепринятому в науке представлению¹⁸, в 438/437 г. до н. э. в Пантикапее (повторим, что мы не касаемся здесь экзотических точек зрения, согласно которым это произошло не в Пантикапее) имела место всего лишь смена одной династии тиранов на другую, Археанактидов на Спартокидов. На таких позициях стоит, в частности, и А.А. Завойкин — автор, как отмечалось, последней по времени — работы (причем одной из самых фундаментальных) по этому вопросу¹⁹. Аналогично мыслили и исследователи, писавшие о том же ранее. Называли ли Археанактидов напрямую тиранами или не называли²⁰, относили ли их правление к Пантикапее или к Боспору в целом, или к какой-то части Боспора²¹, — в любом случае оставались в русле всё той же «монархической парадигмы»²².

¹⁸ В прошлом его придерживался и автор этих строк: *Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадиально-типологический контекст // ИИАО. Вып. 9–10. Нижний Новгород, 2007. С. 144–145.

¹⁹ *Завойкин А.А.* Были ли Археанактиды. С. 293 сл. (со ссылками на предшествующую литературу).

²⁰ Так, Е.А. Молев в одном месте охарактеризовал власть Археанактидов как эсимнетию (*Молев Е.А.* Политическая история Боспора. С. 37); но эсимнетию ведь и определяет Аристотелем (Pol. 1285a30 sq.) как «выборная тирания». А.А. Завойкин в исследовании, более раннем по отношению к цитировавшемуся выше, говорит о корпоративной тирании, которую сближает с крайней формой олигархии (*Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. Т. 4. С. 153); ту же мысль о возможности корпоративной тирании до 438–437 г. до н. э., т.е. в археанактидовский период, этот ученый воспроизводит и в одной из последних своих работ (*Завойкин А.А.* Боспорская монархия: проблемы периодизации // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 288–289). С.Ю. Сапрыкин просто утверждает: «Можно согласиться с оценкой власти Археанактидов как тиранической...» (*Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 19). Примеры такого рода можно было бы множить и множить. Конкретные способы выражения несколько различаются, а суть, в принципе, одинакова.

²¹ Тут расхождения связаны с тем, как тот или иной исследователь решал вопрос о хронологии становления единого Боспорского государства. Это — отдельная сложная проблема, которой мы здесь тоже отнюдь не намерены касаться. Отметим только, что она поставлена в совершенно новую перспективу этапным диссертационным исследованием А.А. Завойкина, которое, к глубочайшему сожалению, на момент написания этих строк так-таки пока и не опубликовано: *Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления территориальной державы. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2007.

²² Некоторую особенность являют взгляды В.В. Шкорпила. Нам они представляются внутренне противоречивыми. С одной стороны, этот исследователь называет Археанактидов «первыми царями или тиранами» Боспора (*Шкорпил В.В.* Археанактиды. С. 55, 57), а с другой — фактически рисует картину олигархического правления «нескольких богатых семейств» (Там же. С. 56), а никак не монархии. Некоторые намеки на что-то

Если она верна, то боспорские события 438/437 г. до н. э. вообще не имеют никакого отношения к процессу политогенеза, поскольку последний протекает на уровне не личностей, а институтов. А тут, получается, имела место всего лишь смена династии при сохранении характера государственного устройства²³. Но в связи с этим у нас как раз есть весьма серьезные сомнения, о чем далее и пойдет речь.

Как ни парадоксально, *ровно ни из чего* не следует, что Археанактиды были династией тиранов, то есть монархов²⁴, единоличных правителей, по наследству сменявших друг друга. А с другой стороны, наличествуют некоторые нюансы, свидетельствующие в сторону противного, говорящие о том, что правление Археанактидов представляло собой не тиранию, а олигархию. А конкретно — крайнюю форму олигархии, олигархию одного знатного рода.

Возможно, режим именно такого типа Аристотель имел в виду

подобное прослеживаются и у Т.В. Блаватской. С одной стороны, для нее «приход к власти Археанактидов означал внутренний переворот на Боспоре и установление там тирании» (*Блаватская Т.В. Очерки политической истории. С. 17*). Однако, с другой стороны, исследовательница допускает (Там же. С. 45), что Спарток мог принадлежать к семейству Археанактидов (мы, со своей стороны, тоже не исключаем этого, хотя и не видим способа при имеющемся состоянии источниковой базы внести в вопрос какую-либо ясность). Но в таком случае диодоровская конструкция $\delta\iota\epsilon\delta\acute{\epsilon}\xi\alpha\tau\omicron\ \delta\acute{\epsilon}\ \tau\eta\eta\ \acute{\alpha}\rho\chi\eta\eta$ получает совершенно новый смысл (хотя сама Т.В. Блаватская этого не замечает): один представитель семьи (рода) перенимает власть у этой семьи (рода) в целом. Ср. с тем, как эта конструкция будет интерпретирована у нас ниже.

²³ Или даже просто смена конкретного правителя при сохранении той же династии, как полагала Т.В. Блаватская (см. предыдущее примечание).

²⁴ Соотношению понятий «монархия», «тирания», «царская власть (басилия)» для доэллинистического времени посвящена специальная монография: *Barceló P. Basileia, Monarchia, Tyrannis. Untersuchungen zu Entwicklung und Beurteilung von Alleinherrschaft im vorhellenistischen Griechenland. Stuttgart, 1993*. Выскажем несколько собственных соображений по данному вопросу. У нас подчас противопоставляют понятия «тирания» и «монархия», что в методологическом и терминологическом плане совершенно некорректно. Для политических теоретиков классической эпохи (Платона, Аристотеля) «монархия» — родовое понятие, а «царская власть» и «тирания» — входящие в нее видовые. У самых же ранних греческих авторов лексемы «монарх» и «тиран» употребляются как практически полные синонимы; разве что слово «монарх» имеет, пожалуй, еще более негативный оттенок, чем слово «тиран» (см. хотя бы Theogn. I. 52). О том, что это последнее слово вплоть до конца V в. до н. э. (до Фукидида) в целом сохраняло нейтральный оценочный характер, пожалуй, наиболее акцентированно сказано в работе: *Parker V. Τύραννος. The Semantics of a Political Concept from Archilochus to Aristotle // Hermes. 1998. Bd. 126. Ht. 2. S. 145–172*.

под «династией»²⁵. Впрочем, не будем на этом настаивать, поскольку вопрос об аристотелевской «династии» (δυναστεία), вообще говоря, сложен, и тут немало неясностей. Вот некоторые наиболее яркие и относительно ясные характеристики данного строя у стагирского мыслителя:

Arist. Pol. 1292b5 sqq.: «При третьем виде олигархии сын вступает в должность вместо отца. Четвертый вид — когда имеется налицо только что указанное условие и когда властвует не закон, а должностные лица; этот вид в олигархическом строе — то же, что в монархическом тирания, а в демократическом — то, что мы называли крайним его видом. Такого рода олигархию называют династией».

Arist. Pol. 1293a30 sqq.: «Когда же собственность их (тех лиц, которые в данном государстве обладают правом собственности. — *И.С.*) разрастается до огромных размеров и они приобретают себе массу сторонников, то получается династия, близкая к монархии (ἐγγύς ἢ τοιαύτη δυναστεία μοναρχίας ἐστίν), и тогда правителями становятся люди, а не закон — это и есть четвертый (т.е., по счету Аристотеля, последний, крайний. — *И.С.*) вид олигархии, соответствующий крайнему виду демократии».

Интерпретируя эти пассажи, предварительно нельзя не отметить, что необходимо избавляться от распространенной аберрации, вызванной смешением терминов: если для нас само слово «династия» (в силу ряда факторов, не относящихся к античности) однозначно связывается с монархическим устройством (говорят и пишут о династиях Бурбонов, Габсбургов, Романовых и т.д.), то в античности подобных коннотаций отнюдь не возникало.

Для того же Аристотеля «династия», повторим и подчеркнем, — это один из видов олигархии. А именно — ее «крайний» вид, то есть такой, в котором главный принцип олигархического устройства (власть немногих) проявляется в наиболее полной форме. Ведь так же философ и для демократии выделяет несколько видов, один из которых является «крайним», то есть самым ярко выраженным; аналогичным образом существует для мыслителя и «крайняя» монархия — это тирания. Общей характеристикой всех этих «крайних» видов государственных устройств объявляется то, что «правителями

²⁵ Такое предположение однажды высказал С.А. Жебелев (*Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. С. 176). Данный его тезис был подвергнут критике Т.В. Блаватской, но эту критику трудно признать вполне удачной (*Блаватская Т.В.* Очерки политической истории. С. 47–48).

становятся люди, а не закон», а в остальных видах эту роль выполняет именно закон²⁶.

Аристотелевская «династия» — это, так сказать, самая олигархичная из всех олигархий, «олигархия по преимуществу». Но, подчеркнем еще раз, отнюдь не монархия! «Династия», согласно Стагириту, лишь близка к монархии, а вовсе не тождественна ей²⁷.

Самой яркой чертой «династии», крайней олигархии, в процитированных пассажах (особенно в первом из них) выступает вот что. При этом строе главную роль для достижения и удержания власти играет даже не богатство (как в типичных олигархиях, более мягких и умеренных), а родственные связи. Чтобы попасть в состав правящей элиты, нужно состоять в родстве с остальными ее членами (например, быть сыном кого-либо из них, как прямо сказано в «Политике»). Вырисовывается этакая «олигархия родственников», «власть клана», как сейчас говорят. Переводя дискурс в древнегреческие категории, — власть рода. Далеко не всегда греческий термин «род»

²⁶ О связи этих взглядов Аристотеля на роль закона с общей эволюцией древнегреческой (в частности, афинской) политической теории и практики в IV в. до н. э. см.: *Cohen D. The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 227–244.*

²⁷ Это упускает из виду даже такой знающий специалист, как А.А. Завойкин, склонный отождествлять крайнюю форму олигархии (аристотелевскую «династию») с корпоративной тиранией (*Завойкин А.А. «Боспорский феномен». С. 153 и примеч. 7).* Аристотель в данном вопросе никак не согласился бы с Алексеем Андреевичем. Тирания (любая!) принадлежит к родовому понятию монархии, а с другой стороны, любая олигархия есть именно олигархия. Заметим к слову, что в литературе нередко противопоставляют олигархии аристократию, тем самым следуя за не самым лучшим дополнением Аристотеля к политической систематизации, восходящей, в общем-то, еще к Геродоту. «Отец истории» выделял три типа государственных устройств: монархию (власть одного), олигархию (власть немногих, элиты), демократию (власть народа). Эта великолепная классификация (возможно, ее подлинный автор — не Геродот, которого трудно признать глубоким мыслителем, а его друг Протагор или кто-нибудь другой из софистов) сохраняет свое значение, по большому счету, и по сей день. Ее громадное достоинство — в том, что она исходит из чисто объективного критерия. Аристотелевская же «шестеричная» классификация (некоторые неортодоксальные мысли о ней см. в: *Hansen M.H. Aristotle's Alternative to the Sixfold Model of Constitutions // Aristotle et Athènes. P., 1993. P. 91–101)* является, в сущности, лишь расширением геродотовской, причем не особенно нужным и правомерным. Аристотель говорит о трех «правильных» (то есть как бы «хороших») и трех «отклоняющихся» (то есть как бы «плохих») государственных устройствах, иными словами, примешивает к объективному критерию субъективный.

(γένος) может быть передан по-русски как «клан»²⁸, но вот здесь перед нами как раз случай вполне адекватного соответствия.

Как бы то ни было, поскольку все-таки ныне термин «династия» употребляют, повторим, в совершенно ином смысле (да и нам впредь предстоит делать это), пользоваться этим термином в его аристотелевском значении мы не будем, во избежание путаницы. Подчеркнем, вопрос формулируется так: был ли режим Археанактидов тиранией (это общепринятый на сегодняшний день ответ) или же крайней олигархией, олигархией одного рода?

В пользу последнего варианта говорит целый ряд соображений. Во-первых, у Диодора, как мы видели, сказано, что Спарток — основатель династии Спартокидов²⁹ — перенял (διεδέξατο) власть не у какого-то конкретного предшествующего правителя, а у Археанактидов в целом. Одно лицо — у группы лиц. Такой способ выражения является корректным только для случаев, когда происходит смена формы правления —

²⁸ Ср. нашу критику (*Суриков И.Е.* «Полиархия» или все-таки полис? // *Studia historica*. 2004. Т. 4. С. 161) в связи с не очень удачным употреблением этого слова, «клан», применительно к древнегреческим родам в книге: *Блаватская Т.В.* Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н. э.). СПб., 2003.

²⁹ Естественно, стоит всегда помнить о том, что династия «Спартокидов» тоже придумана современной историографией, а в античных источниках мы встречаем только «Левконидов». Впрочем, наверное, все-таки не стоит делать из этого столь далеко идущих выводов, как Н.Б. Чурекова, которая постулирует на хронологическом отрезке между концом Археанактидов, с одной стороны, и правлением Сатира I и Левкона I, с другой, какой-то разрыв («темные века», по выражению самой исследовательницы) или «переходный период» между «старшей» и «младшей» тираниями (*Чурекова Н.Б.* Еще раз к проблеме. С. 322–323). А что же, реальные основатели династии Спарток I и Селевк I (аргументы в пользу реальности последней фигуры, которую часто представляют проблематичной, см. в: *Суриков И.Е.* Имена правителей в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики) // *ДБ*. 2007. Т. 11. С. 386 слл.) не были тиранами? И кем тогда они были? Данная тираническая династия, как бы ее ни именовать (это все-таки вопрос второстепенный, «спор о словах») возникла именно в 438/437 г. до н. э., непосредственно после Археанактидов и без какого бы то ни было переходного периода. Говоря о заметке Н.Б. Чурековой, отметим еще один курьез. Почему-то автор ответственно утверждает: «...*Все* (курсив наш. — *И.С.*) исследователи, начиная еще с А. Бёка, говорят о варварском происхождении династии Спартокидов» (*Чурекова Н.Б.* Еще раз к проблеме. С. 322). Заявлять, будто данную точку зрения (имеющую в свою пользу всего один довод, да и тот крайне слабый — наличие в ономастике династии, наряду с чисто греческими именами, также нескольких негреческих по происхождению) разделяют якобы «все» исследователи, — это значит, мягко говоря, допускать очень сильное преувеличение. Неужели Н.Б. Чурековой не известна хотя бы строгая, аргументированная критика тезиса о «варварском» происхождении Спартокидов в книге Т.В. Блаватской (*Блаватская Т.В.* Очерки политической истории. С. 26 слл.)?

с коллективной на индивидуальную. Для любой другой ситуации этот способ выражения окажется, как минимум, неожиданным (чтобы не сказать — недопустимым): будь то свержение Спартоком тирана из предыдущей династии (тогда так бы и было сказано: Спарток перенял власть у такого-то) или его приход к власти в рамках той же династии (вариант, который, как мы знаем, допускала Т.В. Блаватская).

Во-вторых, в греческом мире почти неизвестны примеры, когда одна династия тиранов в полисе непосредственно приходила на смену другой. Обычно была некая (демократическая или олигархическая) «интерлюдия» (не берем, конечно, примеры, когда один управляемый тираном полис захватил другой управляемый тираном полис, и только таким образом тиран из одной династии встал на место тирана из другой династии; подобные ситуации бывали, например, на Сицилии, но к Пантикапею они не имеют отношения, поскольку этот город в 438/437 г. до н. э. никакой внешней силой не захватывался).

В тезисном варианте данной работы³⁰ мы, впрочем, чрезмерно категорично высказались в том духе, что примеров прямой смены одной тиранической династии на другую в рамках одного и того же государства вообще не было. На самом деле один такой случай всё же фигурирует в источниках: это переход власти от династии Пантаридов к династии Дейноменидов в сицилийской Геле в 491 г. до н. э.³¹

Как этот переход произошел — из источников известно с достаточной степенью детальности³². Будущий основатель династии Дейноменидов Гелон вначале находился на службе у последнего Пантариды — Гиппократы — и занимал один из высших постов в войске, командуя конницей. Он снискал себе большой авторитет в кругу граждан. Когда Гиппократ погиб в войне с сикулами, Гелон, опираясь на армию, захватил власть в Геле и стал тираном.

Геродот — автор, из которого мы узнаём об этих событиях (*Herod.* VII. 154–155), не употребляет применительно к ним глагол διαδέχομαι, пользуясь иной лексикой. И в любом случае данный единичный эпизод никак не может служить параллелью для того, который нас сейчас интересует (низложение Археанактидов и утверждение Спартокидов), поскольку не имеет с ним никакого сходства.

³⁰ Суриков И.Е. Две проблемы. С. 313.

³¹ Что интересно, сам этот факт был нам известен (см. упоминание о нем в нашей более ранней работе: Суриков И.Е. К вопросу о характере тирании. С. 150–151); но в спешке написания тезисов мы упустили его из виду, за что теперь просим извинения у коллег.

³² См. о событии: Высокий М.Ф. История Сицилии в архаическую эпоху: Ранняя греческая тирания конца VII — середины V в. до н. э. СПб., 2004. С. 151–152.

В-третьих, срок правления Археанактидов — 42 года — как-то маловат для целой династии тиранов. Если оперировать нормальными сроками правления, сюда вписываются максимум два тирана (напомним, в Коринфе один Периандр правил 42 года). Количество правителей, большее, чем два, можно постулировать только при условии предположения, что они как-то неестественно быстро умирали.

Наконец, в-четвертых (самый сильный аргумент мы сознательно оставили напоследок, и это аргумент такого рода, что ему, как нам кажется, вообще нельзя что-либо всерьез противопоставить, так что он является решающим): мы не знаем ни одного конкретного имени тирана из династии Археанактидов.

Имя Археанакт (безусловно, «супер-аристократически» звучащее, с максимально престижным компонентом «-анакт»), вопреки распространенному мнению, таковым не является, и мы вообще не можем утверждать, что на Боспоре был такой правитель. Династии в античности далеко не всегда получали название от первого правителя. Так, в Геле на Сицилии была династия Пантаридов, хотя тирана Пантарей не было (Пантарей был отцом первого тирана Клеандра). Потом в Сиракузах была известнейшая династия Дейноменидов, а тирана Дейномена опять же не было — Дейномен был отцом Гелона, Гиерона и пр.³³

Дело в следующем. Те обозначения, которые мы — руководствуясь представлениями более поздних эпох — воспринимаем как названия древнегреческих династий, в действительности были, строго говоря, названиями аристократических родов. И образовываться они могли либо от имени основателя рода (зачастую — персонажа фиктивного), либо от имени какого-либо крупного деятеля, появившегося в роду впоследствии и особенно запомнившегося потомкам³⁴. Как бы то ни было, несомненно одно: хотя в литературе нередко

³³ См. по этим сюжетам хотя бы: *Высокий М.Ф.* История Сицилии. С. 122 слл., 150 слл.

³⁴ Так, в Афинах знатный род Медонтидов, в XI–VIII вв. до н. э. являвшийся царской (архонтской) династией (см. подробнее: *Суриков И.Е.* Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им политического значения // ВДИ. 2012. № 2. С. 34 слл.), получил название от Медонта, а не от его деда Меланфа, который первым из этого дома принял власть. В целом в изучение древнегреческого рода наибольший вклад внесен двумя исследованиями французских ученых, которые вышли еще в 1970-х гг., но и по сей день не утратили своего значения и не были, так сказать, превзойдены: *Bourriot F.* Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Périodes archaïque et classique. Lille — P., 1976. Т. 1–2; *Roussel D.* Tribu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique. P., 1976.

можно встретить указание на то, что первым боспорским тираном являлся Археанакт³⁵, подобное утверждение ни в малейшей мере не зиждется на источниковых данных.

Так вот, применительно к греческому миру в целом возможны были два варианта. Либо известны *и* название династии, *и* имена тиранов из этой династии (лучший пример — династия Кипселидов в Коринфе³⁶ и ее представители Кипсел, Периандр, Псамметих; напомним также об афинской династии Писистратидов³⁷ и ее представителях Писистрате, Гиппии), либо (этот второй вариант встречается, пожалуй, даже чаще) известны *только* конкретные имена тиранов, а название династии неизвестно (пример — Самос, где в VI в. до н. э. правили Поликрат, Силосонт, Эак, а еще до них ряд других тиранов, идентичность которых неоднозначна³⁸, и все они, кроме «выскочки» Меандрия, являлись родственниками, но мы не знаем, как именовалась эта династия). А тут, на Боспоре, перед нами вроде бы третий вариант: не известно ни одно имя тирана, но притом известно название династии — Археанактиды (если таковая была). Но это беспрецедентно! Опять будем ссылаться на «боспорскую феноменальность», как на ту же привычную палочку-выручалочку?

Итак, с учетом всего сказанного, вернемся к вопросу: следует ли считать режим Археанактидов тиранией или олигархией одного рода? В пользу второго ответа на данный вопрос, как видим, имеются аргументы. Кому-то они могут показаться убедительными, кому-то — не очень, но, по крайней мере, они *есть*. А вот поводы видеть в Археанактидах тиранов вообще отсутствуют. Ибо, на самом деле, нельзя же всерьез воспринимать такой ход мысли (хоть

³⁵ Например: *Блаватская Т.В.* Очерки политической истории. С. 9, 16 (хотя все-таки с оговорками); *Молев Е.А.* Политическая история Боспора. С. 37; *Чурекова Н.Б.* Еще раз к проблеме. С. 321.

³⁶ Термин «Кипселиды» — аутентично архаический, он зафиксирован уже у такого раннего автора, как Феогнид (*Theogn.* I. 894), еще заставшего эту династию у власти. Правильную датировку жизни Феогнида первой половиной VI в. до н. э. см.: *Пальцева Л.А.* Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 267 слл. Некорректную датировку поэта более поздним временем (к тому же никак не аргументированную) см.: *Доватур А.И.* Феогнид и его время. Л., 1989. С. 36 сл.

³⁷ Термин «Писистратиды» встречается уже у Геродота.

³⁸ История самого раннего периода самосской тирании богата трудноразрешимыми проблемами. См. в связи с этим: *Shiple G.* A History of Samos 800–188 B.C. Oxford, 1987. P. 53 ff.; *Лантвева М.Ю.* Посвящение Эака в храм Геры Самосской // *Μυήματα*. Сборник научных трудов, посвященный памяти проф. В.Д. Жигунина. Казань, 2002. С.149–156.

он подчас и присутствует в литературе³⁹): коль скоро тираном был Спарток, сменивший Археанактидов, то, значит, и сами они имели тот же статус. По этой логике, если в Англии Кромвель, сменивший Стюартов, был лордом-протектором, то, значит, и Стюарты были лордами-протекторами. Одним словом, та «чаша весов», на которой лежит «олигархическая» версия, значительно перетягивает.

Уже в начале статьи мы оговорили, что полноценные характеристики процессов боспорской истории возможны только при максимально интенсивном привлечении параллелей из греческого мира в целом. Но, разумеется, это должны быть корректные, реально релевантные параллели, а не абы какие. Известны ли в эллинских полисах конкретные случаи олигархии одного рода? Да, разумеется. Самый яркий и наиболее существенно близкий к нашему контексту пример — коринфская олигархия Бакхиадов⁴⁰.

История Бакхиадов неплохо освещена как в источниках⁴¹, так и в исследовательской литературе⁴². Их режим представлял собой как раз власть, монополизированную одним родом — чрезвычайно знатным, происходящим от древних царей. В этом роде в период его нахождения у «кормила» государства даже практиковалась традиция эндогамных браков — дабы не расширять круг лиц, которые могли бы претендовать на причастность к правящей элите.

Правление Бакхиадов имело коллегиальный характер, однако, видимо, в интересах наиболее эффективного его осуществления они ежегодно избирали из своей среды высшего магистрата полиса — притана. В результате в каждый конкретно взятый момент во главе Коринфа стоял один человек. Иной раз это вводило античных авто-

³⁹ Например: *Блаватская Т.В.* Очерки политической истории. С. 17.

⁴⁰ Интересно, что сопоставление Археанактидов с Бакхиадами в литературе уже проводилось, правда, скорее мимоходом (*Блаватский В.Д.* Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 47 сл.); но практически никакого резонанса в дальнейшей историографии это не получило.

⁴¹ Наиболее важно свидетельство Геродота (V. 92); его данные дополняются рядом пассажей из более поздних авторов (их перечень см. в работе: *Жестоканов С.М.* Олигархия Бакхиадов // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 2. СПб., 2003. С. 53–64).

⁴² В частности, и в лучшем на сегодняшний день монографическом исследовании об античном Коринфе (*Salmon J.B.* *Wealthy Corinth: A History of the City to 338 BC.* Oxford, 1984) этому эпизоду из истории полиса, естественно, уделено должное внимание. Ср. также интересные соображения о Бакхиадах и о переходе власти от них к Кипселу в важной концептуальной монографии: *McGlew J.F.* *Tyranny and Political Culture in Ancient Greece.* Ithaca, 1996. P. 61 ff. В отечественной историографии см.: *Жестоканов С.М.* Олигархия Бакхиадов.

ров (особенно, поздних) в заблуждение, и, например, Страбон (VIII. 378) говорит о тирании Бакхиадов (οἱ Βακχιάδαι τυραννήσαντες). Но здесь он, конечно, допускает явную неточность: перед нами не тирания, а олигархия, хотя и крайняя.

Кстати, теперь как раз уместно коснуться терминологической проблематики: это поможет нам при сопоставлении характера власти Бакхиадов и Археанактидов. Геродот (V. 92), с одной стороны, напрямую говорит о режиме Бакхиадов: ἤν ὀλιγαρχίῃ; с другой стороны, вскоре же у него приводится прорицание Дельфийского оракула, в котором те же Бакхиады названы «мужами-монархами» — (ἀνδράσι μονάρχοισι). Казалось бы, здесь налицо противоречие: как можно назвать правление целого рода монархией, то есть единоличной властью? Но, очевидно, в архаическую эпоху острота этого противоречия не ощущалась. Далее, у некоторых более поздних авторов применительно к Бакхиадам фигурируют формы слов βασιλεύς, βασιλεύω (Diod. VII. 9; Nicol. Damasc. fr. 58 Müller). Между прочим, немаловажно, что среди этих авторов — Диодор.

Дело в том, что, как мы видели, этот историк характеризует боспорских Археанактидов как βασιλεύσαντες. Данному нюансу порой придают неоправданно большое значение, трактуя его как аргумент в пользу монархического характера режима Археанактидов (при этом, разумеется, оговаривая, что конкретным типом монархии тут была тирания, поскольку о «правильной», «отеческой», царской власти применительно к колониальному полису говорить не приходится)⁴³.

Приведем некоторые терминологические выкладки В.В. Шкорпила: «Диодор употребляет слово βασιλεύειν в четырех значениях: во-первых, в значении “быть или сделаться царем” в обычном смысле этого слова... во-вторых, в значении “сделаться тираном”...

⁴³ Ср. у Т.В. Блаватской: «Краткое и беглое упоминание Диодора (XII, 31), употребившего глагол βασιλεύω, позволяет с уверенностью (курсив наш. — И.С.) говорить о том, что Археанактиды были правителями, властвовавшими над Боспором автократически» (Блаватская Т.В. Очерки политической истории. С. 17). «Автократически» — в данном случае нужно понимать именно «монархически», «тиранически». В примечании к этой фразе исследовательница развивает свою мысль: «Уже А. Бек... отметил условность употребления Диодором выражения οἱ τοῦ Κιζιμερίου Βοσπόρου βασιλεύσαντες, так как царями Археанактиды быть не могли. Бесспорное мнение это находило неизменное признание во всех последующих трудах. Нельзя, однако, совершенно не считаться с терминологией Диодора». Насколько можно понять, «считаться с терминологией Диодора» для Т.В. Блаватской означает — читать «тираны» там, где он пишет «царствовавшие».

в-третьих, о высшей должности в Карфагене... и, наконец, в переносном значении о власти богов над вселенной... Итак, если мы примем в расчет употребление этого слова у Диодора, то мы должны считать Археанактидов царями или тиранами Боспора...»⁴⁴. Мы, конечно, не проверяли специально, действительно ли в полной мере исследователь учел все соответствующие контексты у Диодора и является ли его перечень значений интересующей нас лексемы абсолютно исчерпывающим. Но, честно говоря, полной уверенности в этом у нас нет. Достаточно отметить, пусть даже повторяясь, что сицилийский историк употребляет (*Diod. VII. 9*) то же причастие, βασιλεύσαντες, по отношению к коринфским Бакхиадам — роду, правившему *олигархически*.

Да и вообще, мы не считаем, что на основании терминологии Диодора в данном случае следует делать какие-то далеко идущие, ответственные выводы. Этот автор писал в совершенно иную эпоху, уже на исходе эллинизма, когда все реалии очень сильно изменились по сравнению с V в. до н. э.; в частности, и само понятие царской власти в результате существования эллинистических монархий приобрело совсем иное наполнение. И, между прочим, ко времени появления «Исторической библиотеки» сам Боспор уже давно был царством, что могло быть бессознательно эксплицировано Диодором на более раннее время. Как бы то ни было, ни в коем случае нельзя безоговорочно утверждать, что Диодор употребил по отношению к Археанактидам термин βασιλεύω, поскольку он твердо знал, что это была династия тиранов. Судя по всему, он вообще ничего не знал об Археанактидах сверх того (очень-очень малого), что сказал о них в своем труде.

Далее, в отличие, скажем, от термина μόναρχος, лексема βασιλεύς (и производные от нее) отнюдь не всегда ассоциировалась именно с единоличной властью⁴⁵. Вспомним о генезисе этого понятия⁴⁶: первоначально базилями именовались представители высшей элиты в формирующихся полисах. В литературе архаической эпохи отнюдь

⁴⁴ Шкорпил В.В. Археанактиды. С. 56–57.

⁴⁵ На это указывается и в важном исследовании: *Drews R. Basileus: The Evidence for Kingships in Geometric Greece. New Haven, 1983.* Эта книга написана с несколько гиперкритических позиций, но ценные идеи в ней, бесспорно, есть.

⁴⁶ О его микенском происхождении см., в частности: *Iacovou M. From the Mycenaean qa-si-re-u to the Cypriote pa-si-le-wo-se: The Basileus in the Kingdoms of Cyprus // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer. Edinburgh, 2006. P. 315–335.*

не редкость — упоминания «басилеев» во множественном числе⁴⁷. Уж Гесиода-то, мы полагаем, читали все, и каждый может подтвердить, что он говорит о «царях-дароядцах». Иными словами, у этого беотийского поэта под властью басилеев явно понимается некая форма олигархии, а отнюдь не то, что мы подразумеваем под царской властью.

Нам, правда, могут возразить в том духе, что Гесиод отразил реалии более раннего времени по сравнению с деятельностью Археанактидов. Это так; однако вспомним, что, как отмечалось выше, и у более поздних авторов, вплоть до Диодора и Страбона, применительно к олигархии Бакхиадов (то есть к заведомо коллегиальному правлению) употребляются слова из семантических групп «басилия», «тирания», «монархия».

В чем еще имеется параллель между Археанактидами и Бакхиадами? Последних, как известно, свергнул Кипсел (между прочим, сам происходивший из Бакхиадов по женской линии) и стал после этого тираном. Таким образом, в обоих случаях переход власти происходит к тирану не от предыдущего тирана, а от группы лиц, от рода, который ранее коллективно осуществлял властные функции. Спарток, напомним, перенял власть у Археанактидов в целом, как видно из свидетельства Диодора.

Разумеется, если бы коринфские Бакхиады были единственным известным из источников примером олигархии одного рода, некорректно было бы привлекать имеющиеся о них данные для обоснования суждений о характере режима Археанактидов: единичный случай (так сказать, «исторический гапакс») может ведь ничего и не доказывать. Однако имеются и другие примеры аналогичного рода.

Так, в лесбосской Митилене «в последней трети VII в. до н. э. уже не было царского владычества, но представители старого царского рода Пенфилидов образовали, подобно Бакхиадам в Коринфе, династическую олигархию, обладавшую полной властью»⁴⁸. Под «ди-

⁴⁷ Gallotta B. *Basileis ed eupatridai* // Istituto lombardo. Accademia di scienze e lettere. Rendiconti. Classe di lettere e scienze morali e storiche. 1979. Vol. 113. P. 261–276; Cordano F. ‘Basiléés dorophágoi’ e ‘dikaspóloi’ // Contributi dell’Istituto di storia antica (Milano). 1996. Vol. 22. P. 3–8; Mazarakis Ainian A. *The Archaeology of Basileis* // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer. Edinburgh, 2006. P. 181–211; Crielaard J.P. *Basileis at Sea: Elites and External Contacts in the Euboean Gulf Region from the End of the Bronze Age to the Beginning of the Iron Age* // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer. Edinburgh, 2006. P. 271–297.

⁴⁸ Berve H. *Die Tyrannis bei den Griechen*. Bd. 1: Darstellung. München, 1967. S. 91.

настической олигархией» (eine dynastische Oligarchie) выдающийся немецкий ученый Гельмут Берве, из главного труда которого приведена эта цитата, несомненно, подразумевает ту самую крайнюю форму олигархии, которую Аристотель назвал «династией». Таким образом, и Берве понимал аристотелевскую «династию» как олигархию одного рода (к чему склоняемся и мы); обратим внимание на то, что он напрямую сравнивает Пенфилидов с Бакхиадами.

О Пенфилидах, что интересно, сообщает нам тот же Аристотель. Он же приводит и детали их конца: «...в Митилене Мегакл напал со своими друзьями на Пенфилидов, которые, шатаясь по городу, били встречных дубинами, и перебил их» (*Arist. Pol.* 1311b25 sqq.). Так и в Митилене на смену крайней олигархии пришла на смену тирания. Правда, не сразу, как в Коринфе: успел еще случиться стасис, поборолась между собой знатные роды Археанактидов (!) и Клеанактидов⁴⁹, и только после этого властью овладел тиран Меланхр.

«Олигархии одного рода» зафиксированы и в полисах архаической Ионии⁵⁰. Это, например, Басилиды в Эфесе, Нелеиды в Милете. Одним словом, всё говорит о том, что перед нами не какие-то редкостные, исключительные феномены, а вполне распространенное явление.

Итак, можно практически с полной уверенностью констатировать: боспорские (пантикапейские) Археанактиды были знатным родом. Название его происходило либо от имени основателя (мифического или исторического) — некоего Археанакта (последнего никак нельзя считать первым тираном на Боспоре, да и вообще далеко не факт, что он жил в этом регионе, — скорее гораздо раньше на Лесбосе или в Милете), либо от выражения ἀρχαῖοι ἄνακτες — «древние владыки». Последний вариант представляется нам более вероятным. Возможно, этот род вел свое начало от семьи ойкистов Пантикапея. Правление же этих Археанактидов было олигархическим, то есть коллегиальной властью некоего (весьма узкого) круга элиты, сводившейся к одному роду.

Таким образом, приходится констатировать, что события 438/437 г. до н. э. в Пантикапее были не банальным переворотом, а фактом, имеющим самое прямое отношение к процессу политогенеза: впервые вза-

⁴⁹ Berve H. Die Tyrannis. Bd. 1. S. 92.

⁵⁰ Недавно вышедшую монографию М.Ю. Лаптевой по ранней истории Ионии (*Лаптева М.Ю. У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н. э.* СПб., 2009) можно оценивать по-разному. Но в любом случае весьма полезной представляется помещенная исследовательницей в качестве приложения к этой книге сводная таблица, включившая основные события политической жизни архаических ионийских полисов (что самое важное, со ссылками на свидетельства источников).

мен олигархии установилась монархия в форме тирании, которой суждено было стать удивительно долговечной, перерасти в правильную царскую власть, продлиться «от времен Перикла до времен Митридата» и т.д. Повторим и подчеркнем: начало боспорской тирании следует связывать с приходом к власти Спартока I, а не с чем-либо иным.

2. *О протоэллинизме (предэллинизме) — на Боспоре.* Категория «протоэллинизма» (или «предэллинизма», способ выражения не имеет значения⁵¹) может трактоваться только в связи с общим пониманием категории эллинизма как такового. В противовес безраздельно господствующему в нашей современной науке мнению (ведущему свое происхождение еще от Дройзена), мы твердо убеждены, что эллинизм — явление, имеющее отношение прежде всего не к этническим или культурным процессам, а именно к политогенезу. Как конкретно это понимать — далее и будет говориться⁵².

Предварительно укажем, что тезис о «протоэллинизме на Боспоре» был в наиболее акцентированной форме высказан В.Д. Блаватским⁵³. Впоследствии этот тезис (особенно в самое последнее время) часто критиковался⁵⁴. Даже С.Ю. Сапрыкин, в более ранних своих работах скорее склонявшийся к принятию идеи «протоэллинизма», в исследованиях последнего времени высказывает значительно больший скептицизм по этому поводу⁵⁵.

Это связано с тем, что категорией «предэллинизма»⁵⁶ (которая, по нашему мнению, имеет полное право на существование, поскольку

⁵¹ У нас употребляют то термин «протоэллинизм», то термин «предэллинизм», причем подчас между ними даже находят какие-то отличия, нюансы и т.п. Автор этих строк честно признаётся, что никаких таких отличий он при всём усилии не видит. Соответственно, в дальнейшем изложении эти два термина могут употребляться как взаимозаменяемые синонимы. Лично мы предпочитаем говорить «предэллинизм».

⁵² В достаточно краткой форме. Значительно подробнее о том же будет сказано во вводной главе подготавливаемой нами ныне четвертой, завершительной монографии из серии «Античная Греция: политики в контексте эпохи».

⁵³ В ряде работ, но особенно отметим его статьи «Период протоэллинизма на Боспоре» и «О периоде протоэллинизма в Северном Причерноморье», вошедшие в посмертный сборник его трудов: *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. С. 109–132.

⁵⁴ См., в частности, развернутую критику: *Завойкин А.А.* «Боспорский феномен».

⁵⁵ Характерна в этом плане работа: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании.

⁵⁶ Ее в работах прошлых лет достаточно часто вводили применительно к процессам, имевшим место в IV в. до н. э. — именно постольку, поскольку поступательный ход этих событий, как известно, привел в конечном счете к эллинизму. Категорией «предэллинизма», например, активно пользовались авторы одного из лучших, классических отечественных обобщающих коллективных трудов по истории древнего мира: *Вейнберг И.П.* Предэллинизм на Востоке // История древнего мира. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. 3 изд. М., 1989. С. 183–197; *Глускина Л.М.* Предэллинизм на Западе:

несет определенное реальное содержание), с одной стороны, порой несколько злоупотребляют; с другой — раздаются призывы во все от этого термина отказаться, поскольку он-де не имеет никакой эвристической ценности и не соответствует какому-либо реальному явлению⁵⁷. С последней точкой зрения, как ясно из вышесказанного, мы не можем согласиться, но и чрезмерно расширительное, расплывчатое употребление понятия «предэллинизм» нам не близко. На наш взгляд, причина недоразумения — терминологическая нечеткость (как часто бывает). Когда речь заходит о терминах и понятиях, первое и самое главное — дать им по возможности исчерпывающее, сущностное определение, исключаящее неясности.

Первым же шагом должен стать вот какой. Прежде чем толковать о понятии производном, совершенно необходимо хоть как-то разобраться с понятием, от которого оно произведено. В данном конкретном случае это означает, что любому разговору о *предэллинизме* должен предшествовать экскурс об эллинизме как таковом.

Отечественная историография выгодно отличается от всех прочих в том отношении, что в ней уже с довольно давних пор проявился углубленный интерес к теоретическому осмыслению феномена эллинизма и, соответственно, начал на серьезном уровне подниматься вопрос о значении самого термина «эллинизм» (термина, как все знают, введенного Дройзенем в известной степени случайно и в чем-то даже, строго говоря, неудачно, что, само собой, ни в малейшей мере не отменяет реальность самого явления). Ключевой стала (да и по сей день остается) дискуссия рубежа 1940-х — 1950-х гг., протагонистами которой выступили А.Б. Ранович⁵⁸ и К.К. Зельин⁵⁹.

Первый считал эллинизм определенным закономерным этапом в развитии рабовладельческого общества. Его точка зрения, бесспорно, страдавшая бросавшимся в глаза догматическим схематизмом (в чем-то характерным для тогдашнего уровня советского антиковед-

Греция и Македония в IV в. до н. э. // История древнего мира. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. 3 изд. М., 1989. С. 218–244; Фролов Э.Д. Предэллинизм на Западе: кризис полисной демократии и «младшая тирания» в греческих полисах // История древнего мира. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. 3 изд. М., 1989. С. 245–260.

⁵⁷ В весьма акцентированной форме см.: — Габелко О.Л. Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 171–181.

⁵⁸ Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950.

⁵⁹ Особенно отметим статью: Зельин К.К. Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма) // ВДИ. 1947. № 4. С. 145–156.

ния), не выдержала проверку временем, и ныне вряд ли найдется хоть один антиковед, который открыто объявил бы себя безоговорочным сторонником концепции Рановича.

Позиция же Зельина (ученого, в отличие от Рановича резко вышавшегося над средним уровнем тогдашней нашей науки об античности) была выигрышной в первую очередь благодаря исключительно удачно найденной формулировке: «эллинизм — понятие не отвлеченно-социологическое, а *конкретно-историческое* и не совпадает с понятием этапа в развитии рабовладельческого общества»⁶⁰.

Курсив в цитате принадлежит не нам, а самому К.К. Зельину⁶¹. Тем самым он подчеркнул главное в своей системе взглядов: эллинизм — не этап, а *конкретно-историческое явление*. Именно так обычно его концепцию и формулируют те, кто на него ссылается. В такой своей форме мнение Зельина восторжествовало и на сегодняшний день, в общем, является у нас общепринятым.

Однако не обойтись без оговорок. Прежде всего, подчас некоторые весьма авторитетные ученые, на словах вроде бы не возражая против формулировки К.К. Зельина, на деле строят ход своих рассуждений так, как если бы они фактически придерживались концепции А.Б. Рановича и считали что эллинизм есть некий неизбежный этап, «его же не преjdeши». Так, С.Ю. Сапрыкин в важной монографии о Боспорском царстве⁶² приходит к выводу о том, что реально эллинизм на Боспоре наступает гораздо позже, чем в Восточном Средиземноморье, а именно со времен Митридата Евпатора. Под всем этим прочитывается не высказываемая прямо⁶³ презумпция, согласно которой эллинизм — это именно этап, который рано или поздно должен же был наступить в рассматриваемом автором регионе⁶⁴. Налицо, таким образом, некое внутреннее противоречие.

Далее, заметим, что есть ведь, по большому счету, и еще одно, третье, понимание термина «эллинизм». Теоретически оно не артикулировано, а по существу заключается в том, что эллинизм —

⁶⁰ Зельин К.К. Основные черты. С. 146.

⁶¹ Точнее, это место в его статье выделено «разрядкой», ныне редко употребляющейся.

⁶² Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.

⁶³ Напротив, С.Ю. Сапрыкин характеризует себя в целом как сторонник взглядов К.К. Зельина (Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже. С. 266).

⁶⁴ Критику подобных представлений см.: Завойкин А.А. Эллинизм и Боспор // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 227–236.

это попросту категория из арсенала периодизации, то есть определенный период древней истории Восточного Средиземноморья, и не более того. Фактически — просто некий хронологический отрезок. А именно — тот самый, который принято датировать, грубо говоря, концом IV — I в. до н. э., а если говорить более точно — то 336–330 (или 334–330, или 323–330, *ad libitum*) гг. до н. э. Собственно говоря, в западной историографии по большей части именно так эллинизм и понимается, без лишних слов и без дальнейшей рефлексии.

Нередко эксцессы подобного словоупотребления встречаются и у нас: иными словами, что лежит в рамках вышеуказанного хронологического отрезка, — то и следует считать эллинизмом. Во всяком случае, в областях, прилегающих к восточной части средиземноморской акватории. Впрочем, порой и не только в них. Даже выражение «эллинизм в Риме» (??!) становится заглавием работы, принадлежащей перу виднейшего антиковеда⁶⁵. В факте сильнейших греческих влияний на римскую цивилизацию не усомнится, думается, никто; однако является ли это поводом употреблять в данной связи термин «эллинизм», если мы хотим придать самому термину хоть какую-то конкретность? Если с терминологией обращаться столь вольно и расширительно, то какой тогда вообще смысл в терминологии?

Заметим, наконец, что, солидаризируясь с данным К.К. Зельным определением эллинизма как конкретно-исторического явления, мы должны при этом принципиально подчеркнуть: не следует путать конкретно-историческое явление с исторической случайностью, с чем-то, наступившим вдруг и неизвестно почему. Возникновение эллинизма, разумеется, имело свои предпосылки; в этой-то связи и уместно введение категории «предэллинизма». Иными словами, предэллинизм (вариант: протоэллинизм) — это и есть некий процесс закладывания предпосылок для эллинизма.

О каких предпосылках идет речь? Это зависит от того, что мы выдвигаем как главное в эллинизме. О.Л. Габелко, недавно посвятивший специальную работу проблеме предэллинизма и в целом весьма скептически относящийся к самому этому понятию (оно «не является адекватным средством, способствующим концептуальному осмыслению феномена эллинизма»⁶⁶), считает «реальным показателем»

⁶⁵ *Штаерман Е.М.* Эллинизм в Риме // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 140–176.

⁶⁶ *Габелко О.Л.* Еще раз о проблеме. С. 171.

телем существования эллинизма... в том или ином регионе *греко-варварский синтез*»⁶⁷.

Однако бросается в глаза то обстоятельство, что здесь в качестве черты, основополагающей для эллинизма как такового, выдвигается особенность, на деле характерная лишь для обществ эллинистического Востока. Попробуем оспорить ключевой тезис О.Л. Габелко путем *reductio ad absurdum*.

Следуя логике исследователя, получается: если в каком-либо регионе античного мира рассматриваемой эпохи не фиксируется вышеупомянутый греко-варварский синтез, то, стало быть, в этом регионе не было и эллинизма.

Так ли это? Но в подобном случае мы должны решительно отказать от таких, например, словосочетаний, как «эллинистическая Греция» и «эллинистическая Македония». Если, конечно, не считать, что взаимоотношения греков и македонян — это тоже вариант «греко-варварского синтеза». Но так, разумеется, никто не думает, и когда говорят о пресловутом синтезе (будь то О.Л. Габелко или любой другой исследователь), имеют в виду, конечно, взаимоотношения эллинов с восточными «варварами» — в основном, жителями бывшей Ахеменидской державы.

А синтез в этом духе Балканская Греция, разумеется, не знала, это всем известно. И тем не менее выражения «эллинистическая Греция», «эллинистическая Македония» — вполне общепринятые, от них не отказываются и не откажутся, ибо нет в этом никакого резона. Названные регионы были неотъемлемой частью эллинистического мира как системы.

Таким образом, если мы хотим найти действительно ключевую черту, общую для всех эллинистических государств при их пестром разнообразии (в том числе имея в виду и Грецию, которая нам наиболее интересна), приходится признать, что греко-варварский синтез такой чертой не является (эллинизм мог существовать и независимо

⁶⁷ Там же. Курсив принадлежит О.Л. Габелко. Автор указывает, что следует в данном вопросе мнению К.К. Зельина, но почему-то не приводит ссылок на последнего — ни в этом месте своей работы, ни в каком-либо другом. Что же касается самого Зельина, то он, насколько можно судить, старался избегать этого чрезмерно прямолинейного (и, честно говоря, не очень понятного) выражения «греко-варварский синтез», предпочитая формулировки более тонкие, например: «Эллинизм представлял собою сочетание и взаимодействие эллинских и местных элементов экономического строя, социальных и политических отношений, учреждений, обычаев, представлений и верований»: *Зельин К.К.* Основные черты эллинизма. С. 147.

от такого синтеза), и, стало быть, необходимо продолжать поиск, но в каком-то ином направлении.

Вкратце изложим нашу собственную точку зрения на эту проблему. Насколько можно судить, между полисным, доэллинистическим этапом древнегреческой истории и этапом эллинистическим пролегает резкая грань. Перед нами — как бы два сильно отличающихся «мира», и перемены коснулись в первую очередь социально-политической психологии, что уже, в свою очередь, отразилось на формах государственного устройства и т.д.

Основной вектор интересующих нас изменений в менталитете можно определить как путь «от гражданина к подданному». Этот процесс хорошо прослежен в исследовательской литературе на материале римской истории, но не приходится сомневаться в том, что он имел место также в греческом мире, хотя и обладал там своей спецификой⁶⁸.

Поясним суть данной формулировки. Применительно к полисной эпохе основополагающими для Эллады были категории гражданина и гражданства. Хронологически их формирование, можно сказать, в точности совпадает со становлением феномена полиса⁶⁹. Категории эти были новаторскими, и сам факт их внедрения является колоссальным вкладом античных греков в развитие европейской цивилизации. Впервые понятие гражданства появилось в широком масштабе и стало общераспространенным именно в эллинском полисном мире; если мы и встречаем что-то подобное на Древнем Востоке, то лишь в зачаточном виде и как побочный, второстепенный статус, а доминирующим там всегда оставался статус подданного.

Первостепенной ролью категории гражданства объясняются очень многие неотъемлемые особенности классического полиса. В последнем приобрело ярко выраженную форму противопоставление граждан прочим слоям населения. Только граждане обладали всей полнотой прав, и гражданский коллектив был в известном смысле некоей замкнутой «кастой», державшей в своих руках власть в государстве. Можно назвать полис корпорацией граждан, сплотившейся перед лицом всего остального мира, — как окружавшего полис, так «проникавшего» в него в лице жителей без гражданских прав.

⁶⁸ На эту специфику обращается внимание в работе: Павловская А.И. «От гражданина к подданному» — имел ли место этот процесс в Греции в IV в. до н. э.? // ВДИ. 1998. № 4. С. 15–29.

⁶⁹ См. на примере Афин: Manville P.B. The Origins of Citizenship in Ancient Athens. Princeton, 1990.

Утверждением представления о свободном и полноправном гражданине, подчиняющемся только закону и тому, что закон велит, но не произвольной воле другого лица (каким бы высокопоставленным это лицо ни было), обуславливались, далее, основные черты самого полисного типа государственности. Благодаря процессу «рождения гражданства» в рамках греческого полиса, пожалуй, впервые в мировой истории сложилось правильное и стабильное республиканское устройство: гражданин в норме не должен был иметь над собой какого-то монарха (не считая «царя-закона», νόμος βασιλεύς)! Понятно, что от нормы (как всегда бывает) случались и отклонения (достаточно вспомнить хотя бы тиранию), но они и воспринимались именно как отклонения от нормы.

В любом случае, возьмем на себя смелость утверждать, что во всех полисах (даже в тех, где в данный момент времени имелся тиран) верховным носителем государственного суверенитета всё равно официально считалось народное собрание, то есть коллектив граждан, воплощенный в конкретном органе. Это подразумевала сама сущность как архаического, так и (в особенности) классического полиса⁷⁰, хотя, разумеется, в практической жизни наблюдались в той или иной степени отличия от идеала, от теории: где-то власть народного собрания была полной и реальной, где-то — скорее номинальной... Но мы ведем речь о принципе.

Упомянутый суверенитет народного собрания (коллектива граждан) проявлялся не только на внутриполитическом, но и на внешнеполитическом уровне. Это выражалось в том, что полис архаической и классической эпох являлся независимым государством со всеми необходимыми атрибутами такового. Можно, конечно, и на сей раз специально оговорить, что имеется в виду норма, от которой были возможны отклонения (упомянем, например, о политически зависимом статусе полисов, входивших в некоторые гегемониальные симмахии, — Афинская архэ предстает, понятно, самым ярким примером, но были и другие); однако имеет ли смысл вновь и вновь повторять вещи, в общем-то, тривиальные? Делаем это с единственной целью заранее подстраховаться от часто встречающихся возражений в том духе, когда указывают на исключения и отклонения, дабы оспорить сам принцип.

⁷⁰ О различиях между этими двумя типами полиса см.: Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 13 слл. Подчеркнем, что мы говорим именно о стадийно-типологических, а не хронологических различиях. В любом случае при сравнении с реалиями эллинистической эпохи архаический и классический типы полиса можно рассматривать вместе.

Характернейшей чертой полисного типа государственности было то, что он не предусматривал каких-либо особых органов власти, оторванных от народа. Полисы являлись в полном смысле слова государствами без бюрократии. Тут, думается, даже не требуется оговорка о возможных исключениях: их не было. Многие особенности полисного политического устройства проистекали из того, что гражданская община как бы «растворила» внутри себя государственные структуры.

Всё сказанное обуславливает то определение полиса, которое мы в свое время предложили, неоднократно повторяли⁷¹ и, поскольку, по-прежнему его придерживаемся, приведем вновь: полис — городская гражданская община, конституирующая себя как государство.

А теперь посмотрим под тем же углом на реалии эллинистической эпохи. И сразу бросится в глаза, что всё очень сильно изменилось. Поворот «от гражданина к подданному» свершился! Это нам представляется самым главным.

Дело, подчеркнем, даже не столько в том, что на внешнеполитической арене тон теперь задавали большие и огромные государства, тогдашние «сверхдержавы» — эллинистические монархии. Хотя, конечно, и в этом тоже. Произошел скачок от мира, — где доминировали суверенные республиканские полисы, к миру, где доминировали крупные монархические государства. Но наряду с этими последними, конечно же, остались и полисы. Те же города Балканской Греции никуда не делись и полисного статуса не утратили. В связи с этим наше ключевое положение может быть оспорено: полисы были, граждане были — так не преувеличиваем ли мы масштаб перемен?

Для того, чтобы попытаться показать, что не преувеличиваем, — укажем на следующие моменты. Очень часто бывает, что при сохранении некоторых внешних форм становится со временем совершенно иным их внутреннее содержание, и это способно ввести в заблуждение относительно степени континуитета/дисконтинуитета, — особенно если придавать форме большее значение, нежели содержанию, что вряд ли следует делать.

Насколько можно судить, именно таким образом обстояли дела и в нашем случае. В другом месте⁷² мы показываем это на примере

⁷¹ Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 38; *он же*. — Греческий полис. С. 21; Дементьева В.В., Суриков И.Е. Античная гражданская община: греческий полис и римская *civitas*. Ярославль, 2010. С. 18.

⁷² Суриков И.Е. Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008. С. 297 слл.

Афин. Классическая афинская демократия была ниспровергнута в 322 г. до н. э. После этого она неоднократно объявлялась возрожденной, но фактически всякий раз можно говорить лишь о «пустой оболочке» подлинного народовластия, о громком слове без какого-либо реального наполнения.

Политическая система, существовавшая в афинском полисе на всем протяжении эллинистического периода (а затем и римского), официально по-прежнему именовалась демократией. Причем после каждого очередного переворота лица, пришедшие к власти, торжественно провозглашали, что та демократия, которая была раньше, до них, не являлась истинной, а вот истинная именно теперь-то и будет организована.

Это неоднократно вводило в заблуждение историков — как в древности, так и в наши дни. И поныне ведутся споры о том, когда же афинская демократия реально прекратила свое существование. Не все согласны с традиционной точкой зрения, согласно которой это произошло в 322 г. до н. э., на рубеже эпох классики и эллинизма. Порой можно встретить мнение о завершении истории народовластия в Афинах около 260 г. до н. э. (то есть после Хремонидовой войны)⁷³, а то и еще позже. Перед нами — типичная аберрация, вызванная чрезмерной акцентировкой чисто формальной стороны дела.

На деле же в эпоху эллинизма в Афинах утвердилась самая обыкновенная олигархия. Умеренная, маскирующаяся под демократию, — но тем не менее олигархия. Как говорится, не всё то золото, что блестит. Не каждый режим, официально именуемый себя демократией, на деле является таковым. Мы бы рискнули заявить, что само слово «демократия» в эллинистическую эпоху изменило свой смысл по сравнению с тем, который оно имело в классических Афинах. По сути дела, теперь демократическим называл себя тот полис, который являлся (или считал, что является) независимым, а какова система его внутреннего управления — это уже имело не столь большое значение.

Происходило изменение семантики важнейших понятий, фактически — лексическая девальвация⁷⁴. Думается, не иначе, чем с демократией, обстояли дела также с категориями полиса и граж-

⁷³ Например: *Dreyer B. Wann endet die klassische Demokratie Athens? // Ancient Society. 2001. Vol. 31. P. 27–66.*

⁷⁴ Интересные рассуждения о феномене подобной девальвации терминов (хотя и в совсем другой связи) см.: *Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 114 слл.*

данина/гражданства. Сразу припоминается, между прочим, вот какой небезынтересный нюанс. Доэллинистические полисы более чем скупой раздавали чужеземцам право гражданства. Дабы добиться такого, нужно было совершить что-либо действительно значительное. Время эллинизма, как хорошо известно, характеризуется чуть ли не повсюду в греческом мире пышным букетом проксенических декретов жителям иных государств, с предоставлением подчас всех возможных привилегий, вплоть до пресловутой *πολιτεία*. Контраст достаточно резкий, и о чем-то, полагаем, он должен говорить? Ответ, кажется, ясен: охотнее делятся тем, чем меньше дорожат.

Что произошло с внутренним и внешним самоощущением «потомков Фемистокла и Аристиды», из-за чего они в эллинистическую эпоху — при достаточно полном сохранении прежних институциональных реалий, выработанных во времена расцвета полиса! — с радостью довольствовались ролью льстивых подхалимов какого-нибудь очередного Деметрия (Антигона, etc.)? И это — при том, что, допустим, на рубеже VI–V вв. до н. э. их сильно коробило дать «землю и воду» персидскому сатрапу в Сардах, и, чтобы не делать этого, они готовы были идти на смерть, лишения, разрушение врагами родного города и пр. (хотя даже в случае победы персов ахеменидский сановник вряд ли водворился бы в святыне Акрополя⁷⁵). Снова и снова повторим: без учета изменений в социальной психологии тут, видимо, трудно что-либо будет понять⁷⁶.

Сравним то, что было сказано выше об основных характеристиках классического полиса, с тем, что наступило впоследствии. Резкая грань между гражданами и прочими? Вышеупомянутый «ливень проксений» с дарованием прав гражданства «нужным» иноземцам — прекрасное свидетельство того, что такая грань больше не существовала. Открылись ворота в ту самую некогда замкнутую «касту», или корпорацию. Открылись, подчеркнем, уже в IV в. до

⁷⁵ Суммирование преобладающих в современной науке взглядов, согласно которым цели Ахеменидов в Греции были весьма умеренны (в противовес ранее господствовавшей точке зрения о том, что они хотели чуть ли не завоевать Элладу и сделать ее сатрапией), см., например: *Wiesehöfer J. Greeks and Persians // A Companion to Archaic Greece*. Oxford, 2009. P. 162–185.

⁷⁶ Правильно, между прочим, указывают ведущие отечественные специалисты (*Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Причины и обстоятельства падения «Ликургова строя» в Спарте // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2002. Вып. 13. С. 5–21), что в Спарте IV в. до н. э. «первопричиной кризиса стал слом традиционной морали и традиционных норм поведения», то есть те же социально-психологические факторы, принципиальные изменения в системе ценностей.

н. э. (это к вопросу о предэллинизме), о чем далее еще будет сказано. Как нам представляется, это было уже некое разрушение самой категории гражданства.

Идем далее. Гражданин, подчиняющийся только закону, а не произволу иного лица? Всё это тоже осталось в прошлом. Думается, тут даже нет нужды в какой-то чрезмерно развернутой аргументации. Хрестоматийны рабелепные эксцессы афинян, еще не успевших, казалось бы, забыть о демократии, перед Деметрием Фалерским, Деметрием Полиоркетом и др. Да и как могло быть иначе в мире, окруженном эллинистическими монархиями, где воля царя официально провозглашалась законом, — иными словами, закон и произвол совпадали?

Так, в числе прочего, пришел конец и суверенитету демоса. В особенной степени сказанное, конечно, применимо к внешнеполитической арене. Если мы попробуем данное выше определение полиса («городская гражданская община, конституирующая себя как государство») применить к полисам эллинистическим, то возникнут весьма серьезные сложности — именно в связи с той частью определения, которая здесь выделена курсивом. А эта характеристика представляется нам исключительно важной⁷⁷, поскольку акцент на ней позволяет отличать полис от других гражданских общин, существовавших даже и в той же Греции, но государствами не являвшихся. Достаточно вспомнить, например, о демах в Аттике. Они ведь тоже являлись гражданскими общинами; более того, дем — в некоторых отношениях полис в миниатюре, что давно уже было замечено: в античности Фукидидом (II. 16), в современной историографии целым рядом исследователей⁷⁸. В демах имелись даже органы местного самоуправления, копировавшие общеполисные институты и располагавшие довольно существенными полномочиями.

Соответственно, автору этих слов представляется необходимым максимально рельефно, полемически-заостренно сформулировать свое отношение к эллинистическим полисам, дабы в его позиции были расставлены все точки над *i*. Часто подчеркивают, что полис-

⁷⁷ Суриков И.Е. Греческий полис. С. 21–23.

⁷⁸ Например: Hurwit J.M. The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Ithaca, 1985. P. 278; Osborne R. The Demos and its Divisions in Classical Athens // The Greek City from Homer to Alexander. Oxford, 1991. P. 265 ff.; Whitehead D. Athenian Demes as Poleis (Thuc. 2. 16. 2.) // ClQ. 2001. Vol. 51. No. 2. P. 604–607; Суриков И.Е. ДΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. № 1. С. 15–33.

ные формы жизни оказались весьма живучими, что они продолжали свое существование и в период эллинизма, и позже, вплоть до конца античности. В целом ряде отношений это, бесспорно, так. Но можно ли считать полноценными полисами те полисы, которые находились на территории эллинистических монархий и подчинялись власти их царей? Мы в этом не уверены — именно потому, что они уже не являлись политически суверенными. Общинами (и даже, если абстрагироваться от нюансов, гражданскими общинами) они, разумеется, оставались, но не были уже государствами. И, во всяком случае, *sub specie* архаического и классического полиса эти эллинистические полисы — вопиющее отклонение от нормы.

Чем они, в сущности, отличались от тех же афинских демов, если над ними стоял высший суверен? Свою точку зрения в этой форме мы излагали уже и ранее⁷⁹, но теперь, пожалуй, пойдем даже дальше и распространим сказанное не только на полисы внутри эллинистических монархий, но и на полисы этого времени, расположенные в самой «старой Элладе». В них наблюдалась, в сущности, аналогичная ситуация, пусть не в столь откровенной, а как бы завуалированной форме. Былые принципы, сохраняясь на словах, подверглись — назовем это как угодно — перерождению, деформации... Одним словом, полисный суверенитет находился в подавленном состоянии. Справедливо отмечается, что, как минимум, с 322 г. до н. э. вмешательство царей во внутренние дела полисов стало «повседневной реальностью»⁸⁰. И это, подчеркнем, не было результатом только внешнего завоевания со стороны Македонии, то есть какой-то роковой случайностью; нет, речь следует вести о закономерном итоге длительного *внутреннего* процесса.

Вернемся к предэллинизму. Вполне корректным представляется говорить отдельно о предэллинизме на Востоке и предэллинизме на Западе, ни в коей мере не смешивая их друг с другом, поскольку это весьма разные вещи, не имеющие практически ничего общего друг с другом.

При этом, что касается предэллинизма на Востоке, О.Л. Габелко, как нам кажется, привел в вышецитированной статье достаточно серьезные аргументы, заставляющие поставить под вопрос саму ре-

⁷⁹ Суриков И.Е. Греческий полис. С. 23.

⁸⁰ *Paschidis P. Between City and King. Prosopographical Studies on the Intermediaries between the Cities of the Greek Mainland and the Aegean and the Royal Courts in the Hellenistic Period (322–190 BC). Athens, 2008. P. 31.*

альность данного феномена. Исследователь оперирует в основном материалом из Малой Азии и делает следующее, в высшей степени интересное наблюдение. В тех малоазийских регионах, в которых уже в IV в. до н. э. греко-варварский синтез обнаруживался в особенно сильной степени (Кария, Ликия) и которые поэтому, казалось бы, закономерно потом, уже при эллинизме, было бы встретить в числе лидеров, напротив, в послеалександровское время не происходит ничего достопримечательного; Более того, они претерпевают ослабление и не являются уже полноценными «участниками игры». С другой стороны, там, где в эпоху, предшествовавшую эллинизму, греко-варварский синтез проявлялся слабее (Мисия, Вифиния) или совсем слабо (Понт, Каппадокия), возникают мощные центры силы, эти области переживают расцвет, и в них складываются полноценные очаги эллинистической цивилизации со всей ее спецификой.

Таким образом, нельзя вести речь о каком-то едином, целостном, последовательно и закономерно проходившем процессе, поскольку таковой подразумевал бы, выражаясь языком драматургической теории, «единство времени, места и действия». Оставаясь в рамках той же метафорики, не одна-единственная большая драма разыгрывалась на малоазийских пространствах, а несколько совершенно разных драм, — хоть и связанных друг с другом, но с различными «главными героями». И в то время, как одни из этих драм близились к развязке, — другие вступали в стадию кульминации, а третьи вообще только начинались.

Иными словами, «предэллинизм» здесь и впрямь ни при чем, а действовали совершенно иные факторы. На наш личный взгляд, в данном случае тоже следует вести речь об «эстафетном» развитии, которое имело место, кстати, и в Балканской Греции (регионы как бы перенимают друг от друга роль «авангарда» цивилизационного процесса).

Собственно, искать предэллинизм на Востоке, если вдуматься, будет действительно тупиковым путем. Ведь именно для Востока начало эллинизма, насколько представляется, не стало логическим завершением назревавших там процессов, а явилось следствием внешнего вмешательства — походов Александра Македонского и завоевания им Персидской державы. В этом смысле вполне можно сказать, что для Востока эллинизм был в известной мере исторической случайностью, обусловленной только тем, что западнее Персии — и совсем рядом — находились Эллада и Македония, из которых экспансия началась. Не было бы их или лежали бы они

далеко, — не было бы и этой экспансии, а значит, восточные общества остались бы более или менее прежними, и эллинистическая цивилизация на их основе не сложилась бы, своими силами они бы ее не породили.

Итак, хотим мы того или не хотим, — а предпосылки эллинизма следует искать на Западе, именно там, «откуда всё пошло». О.Л. Габелко в этом отношении прибегает к чрезмерно категоричным формулировкам, считая, что, по крайней мере, в отечественной литературе «предэллинизм на Западе» трактуется в чисто временном аспекте, «как просто “до-эллинистический” отрезок античной истории»⁸¹. Не можем с этим согласиться: между прочим, именно в российском антиковедении сделано немало для того, чтобы разобрать проблему не в примитивно-хронологическом, а в сущностном смысле, показать, как зарождались новые реалии, в результате чего мир в конечном счете принципиальным образом изменился. Перейдем теперь именно к этому (некоторые замечания были уже сделаны выше, но теперь мы их разовьем и дополним новыми соображениями).

Уже у Демосфена в речи «Против Лептина», произнесенной в 355/354 г. до н. э. указывается, в связи как раз с боспорскими Спартокидами, на серьезную правовую коллизию (*Demosth.* XX. 30–41). Начали появляться случаи, когда в проксенических декретах чествуемому предоставлялись, наряду с ателией и пр., полные гражданские права. Разумеется, последнее пожалование, как правило, имело чисто почетный характер: все прекрасно понимали, что тот же Левкон I реально на жительство в Афины не переберется⁸². Но в результате складывалась парадоксальная ситуация: поскольку обычные, «исконные» афинские граждане ателии не имели, в силу охарактеризованной выше практики в полисе появлялись граждане, которые были более привилегированными, чем остальные. Причем этими «супергражданами» — парадоксальность усиливается — являлись иноземцы.

Одним из таковых был, как видим, знаменитый боспорский тиран Левкон I (соответственно, этот статус унаследовали его дети и

⁸¹ Габелко О.Л. Еще раз о проблеме. С. 173.

⁸² Хотя, в принципе, такие случаи бывали, например, в V в. до н. э. — Менон Фарсальский (Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 155), Гераклид Клазоменский (Рунг Э.В. Эпиликов мирный договор // ВДИ. 2000. № 3. С. 87–88). Другие примеры см.: Plat. Ion 541cd. Но ясно, что к Левкону I подобная ситуация неприменима.

потомки). Главное нарративное свидетельство о данном факте — именно цитированная речь Демосфена. Великий оратор ведет к тому, что, если псефисма Лептина (запрещавшая предоставление ателии) будет принята, то Левкона можно будет, как обычного гражданина, подвергать литургиям и т.п. Иными словами, владыка Пантикапея уподобится в данном отношении нормальному афинянину, и Демосфену это кажется возмутительным. Уже в самой подобной постановке вопроса, кстати говоря, сквозит некое подобострашие. А чем, собственно, Левкон лучше или выше среднего афинянина? — спросил бы любой участник народного собрания в V в. до н. э. — Тем, что он тиран? Одним словом, аргумент в подобном духе — есть, дескать, некий особо выдающийся человек, на которого общие «правила игры» не должны распространяться, — никак не подействовал бы (или подействовал бы скорее негативно) на аудиторию в эпоху расцвета афинской демократии⁸³, когда существовала гражданственная психология. В следующем столетии, когда начала складываться психология подданного, такие доводы, несомненно, уже принимались во внимание.

Почести, оказывавшиеся в Афинах боспорским Спартокидам, отнюдь не прекратились на Левконе. В дальнейшем они отразились, в частности, в появлении ряда памятников искусства⁸⁴. Так, достаточно ярким и информативным памятником следует считать скульптурный рельеф, венчавший стелу с почетным декретом в честь сыновей Левкона — Спартока II, Перисада I и Аполлония (IG. II². 212). Памятник точно датируется (по имени архонта и указанию номера притании) 346 г. до н. э. Сам декрет хорошо сохранился. Он, если читать его внимательно, оказывается весьма интересен по своему общему духу — в том плане, что он являет собой характерный памятник переходной эпохи. В нем причудливо переплелись былое

⁸³ См. в данной связи наши соображения в работах: Суриков И.Е. Державный демос — правитель и подданный (власть и социокультурная норма в демократических Афинах V в. до н. э.) // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М., 2008. С. 67–80; *он же*. Демократия и достоинство: к характеристике некоторых аспектов правовой и политической культуры граждан классических Афин // ИИАО. Вып. 13. Нижний Новгород, 2010. С. 37–60.

⁸⁴ В связи с нижеследующим см.: Завойкин А.А. Σάτυρος Динарха (I. 43 Blass) и satyrus Плиния (NH. XXXIV. 64) (к вопросу о культе правителя на Боспоре) // ДБ. 2008. Т. 12. Ч. 1. С. 196–225; Суриков И.Е. О некоторых памятниках афинского искусства, имеющих отношение к Боспору // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной конференции. СПб., 2009. С. 85–88.

достоинство и нарастающее раболепие. Нам представляется, что имеет смысл привести здесь данную надпись в русском переводе⁸⁵.

«Спартоку, Перисаду, Аполлонию, сыновьям Левкона.

В архонтство Фемистокла, в восьмую пританию (филы Эгеиды), когда Лисимах, сын Сосидема, из Ахарн был секретарем, Феофил из Галимунта был эпистатом, Андротион, сын Андрона, из Гаргетта внес предложение: по поводу того, о чем написали Спарток и Перисад и доложили послы, прибывшие от них, ответить им, что народ афинян восхваляет Спартока и Перисада, так как они — мужи доблестные и обещают народу афинян заботиться об отправлении хлеба, как заботился и их отец, и горячо содействовать в том, о чем попросит народ афинян. Послы должны доложить им, что, поступая так, они ни в чем не встретят препятствия со стороны народа афинян. Поскольку же они посылают дары афинянам, какие посылали и Сатир с Левконом, то и Спартоку с Перисадом будут дары, которые народ дал Сатиру и Левкону. И увенчивать⁸⁶ обоих на Великих Панафинеях золотым венком стоимостью в тысячу драхм. Изготавливать же венки должны афлофеты в год, предшествующий Великим Панафинеям, согласно народному постановлению, принятому ранее относительно Левкона. И публично возвещать, что народ афинян увенчивает Спартока и Перисада, сыновей Левкона, за их доблесть и благосклонность к народу афинян. А когда посвящают венки Афине Полиаде, афлофеты должны посвящать венки в храм, сделав следующую надпись: Спарток и Перисад, сыновья Левкона, посвятили Афине, будучи увенчаны народом афинян. Деньги же афлофетам на венки должен выдавать народный казначей из средств, согласно постановлениям выделяемых народу. А на нынешнее время аподекты должны передать деньги на венки из воинских средств⁸⁷. Секретарь Совета должен написать это постановление на каменной стеле и

⁸⁵ Переведено нами по изданию, которое на сегодняшний день, очевидно, является последним по времени: *Rhodes P.J., Osborne R. Greek Historical Inscriptions 404–323 BC.* Oxford, 2007. P. 318 ff. (No. 64).

⁸⁶ Глагол употреблен в имперфекте, что означает именно некое регулярно производимое действие, а не единичный акт. Иными словами, соответствующая почесть должна оказываться Спартокидам на *каждых* Великих Панафинеях, проводившихся, как известно, раз в четыре года (по тогдашнему счету это называлось «каждый пятый год»).

⁸⁷ Имеется в виду так называемый военный фонд, существовавший в Афинах в IV в. до н. э. О нем см.: *Leppin H. Zur Entwicklung der Verwaltung öffentlicher Gelder im Athen des 4. Jahrhundert v.Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 1995. S. 557–571.

установить его близ той, в которой говорится о Сатире и Левконе, а на надпись народный секретарь должен выдать тридцать драхм. Восхвалить и послов Сосия и Феодосия за то, что они заботятся о прибывающих из Афин в Боспор, и пригласить их на завтра на угощение в пританее. Касательно же денег, которые мы должны сыновьям Левкона, о том, чтобы они их получили, пусть позаботятся проэдры, которым выпадет жребий председательствовать на восемнадцатом народном собрании, сразу после священных дел, — чтобы они (сыновья Левкона. — *И.С.*), получив деньги, не порицали народ афинян⁸⁸. И дать моряков, о которых просят Спарток и Перисад. Послы же должны записать имена тех моряков, которых они возьмут, у секретаря Совета. Те же, кого они запишут, должны получить приказ: делать всё, что могут, для блага сыновей Левкона. Полиевкт, сын Тимократа, из Крии внес предложение: прочее оставить, как предложил Андриотон, но увенчать и Аполлония, сына Левкона, из тех же средств».

Через какое-то время Спартокидам была в Афинах оказана новая, еще более весомая почать — на сей раз по инициативе Демосфена. Об этом узнаем из произнесенной в 324 г. до н. э. речи оратора Динарха против Демосфена: «...неужели Демосфен даром предложил... поставить на площади (т.е. на афинской Агоре, в почетнейшем месте. — *И.С.*) медные статуи Перисада, Сатира и Горгиппа, тиранов с Понта, от которых ему ежегодно присылается по тысяче медимнов пшеницы...» (*Dinarch. I. 43*).

Всё познаётся в сравнении. Суть вышерассмотренных эпизодов со Спартокидами становится более ясной, если сопоставить их, например, со случаем, имевшим место в тех же Афинах в начале V в. до н. э. и связанным с Мильтиадом, марафонским победителем.

«Мильтиад домогался было масличного венка, но декелеец Софан, встав со своего места в народном собрании, произнес хотя и не слишком умные, но всё же понравившиеся народу слова: “Когда ты, Мильтиад, в одиночку побьешь варваров, тогда и требуй почестей для себя одного”» (*Plut. Cim. 8*). В этих словах в полной мере

⁸⁸ Поневоле закрадывается мысль: а не здесь ли на самом деле «собака зарыта», — по крайней мере, отчасти? Как выясняется, афиняне были должны боспорским тиранам какие-то деньги (скорее всего, из-за постоянного дефицита средств, характерного для IV в. до н. э., не полностью расплатились за хлебные поставки). Уж не по этой ли причине — для напоминания о долге — Спартокиды отправили в Афины своих послов? Ведь трудно предположить, что послы прибыли лишь для того, чтобы выслушать новую порцию хвалебных слов о своих правителях и пообедать в Пританее.

слышен полисный коллективизм, который стал после клисфеновских реформ достоянием всего демоса. Граждане были убеждены в том, что победа при Марафоне — их общее дело, а не единоличная заслуга полководца. Не случайно Аристотель (Ath. pol. 22. 3) отмечает, что именно после Марафонского сражения народ «стал чувствовать уверенность в себе».

И ведь чего просил Мильтиад? Всего-навсего одноразового вручения венка из листьев оливы. А отнюдь не регулярного увенчания золотым венком стоимостью в тысячу драхм, тем более — упаси Боже! — не статуи в свою честь. Однако и в желаемой им скромной награде ему было отказано. Спартокидам полтора века спустя уже не отказывали ни в чём. И это несмотря на то, что, как бы велики ни были их заслуги перед афинянами, всё же они в несравненно меньшей степени могли считаться благодетелями Афин, нежели Мильтиад, спасший город от вражеского завоевания.

Итак, о чем говорит нам затронутый сюжет о связях афинян с боспорскими тиранами?⁸⁹ Проявляется несколько немаловажных вещей, в полной мере иллюстрирующих излагавшиеся нами выше тезисы. Во-первых, девальвация понятия гражданства, порождавшая парадоксальные результаты. Получалось, что Спартокиды, имевшие помимо гражданских прав в Афинах еще и ателию, оказывались афинскими гражданами в большей степени, чем сами афинские граждане! Во-вторых, следует вести речь о более мягком, примирительном по сравнению с предыдущим столетием отношении афинян к тирании и тиранам.

Укажем в данной связи и на то, что в роли «заступника и ходатая» Спартокидов в Афинах оказывается не в последнюю (если не в первую) очередь не кто иной, как Демосфен. Демократизм убеждений, которым этот деятель прославлен в мировой историографической традиции (да и в целом в общественном мнении), как видим, отнюдь не мешал ему представлять интересы могущественных монархов.

Поменялся сам тип политического дискурса, и это повлияло даже на такого человека, как Демосфен. В этом плане еще более последовательными были некоторые другие идеологи, которые и в своих

⁸⁹ Об этих связях см. также весьма взвешенную по выводам работу: *Braund D. The Bosphoran Kings and Classical Athens: Imagined Breaches in a Cordial Relationship* (Aisch. 3.171-172; [Dem.] 34.36) // *The Cauldron of Ariantas: Studies Presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday*. Aarhus, 2003. P. 197–208.

теоретических построениях проводили монархические взгляды. Рост этих монархических элементов в общественной мысли в IV в. до н. э., прослеживающийся у большинства крупнейших мыслителей эпохи, будь то Ксенофонт или Исократ, Платон или Аристотель, представляется явлением совершенно несомненным⁹⁰. Редкие попытки оспорить данный факт (например, предпринятая В. Эдером⁹¹) выглядят совершенно несостоятельными. Они опираются на довольно замысловатые умозаключения, но ведь нельзя же отрицать очевидное!

Конечно, было бы явным преувеличением говорить, что в полисном греческом мире IV в. до н. э. монархические настроения стали абсолютно преобладающими, задавали тон, вытеснили иные идеологии. В действительности, конечно, всё было намного сложнее. И по отношению к тем же Спартокидам, как мы видели, полного единомыслия не было: кто-то проводил в экклесии декреты о предоставлении им почестей, а кто-то отзывался об этом в довольно колючем тоне и без обиняков называл правителей Боспора Киммерийского одиозным словом «тираны». Однако, повторим и подчеркнем, в IV в. до н. э. по сравнению с предшествующим столетием монархические настроения явно получили теперь гораздо более значительное развитие, и это представляется нам неоспоримым.

Черты предэллинизма в IV в. до н. э. весьма четко фиксируются и в религиозной области. Голландский исследователь Х. Ферсел, попытавшийся проследить основные изменения, происшедшие в древнегреческой религии в IV в. до н. э. по сравнению с предшествующим столетием, пришел к выводу⁹²: главным из этих изменений стало появление новых, уже «эллинистических» черт. Религиозность утрачивала демократичный характер, в ней нарастали

⁹⁰ Ранее, в V в. до н. э., монархия воспринималась как прямая противоположность демократии: *Braund D. Friends and Foes: Monarchs and Monarchy in Fifth-century Athenian Democracy // Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece. Oxford, 2000. P. 118.* Что же касается ситуации в IV в. до н. э., см., например: *Фролов Э.Д. Монархическая идея у Исократа // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969. С. 3–20; Исаева В.И. Греческая идеология IV в. до н. э. и эллинизм // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1990–1992. T. 33. P. 267–271; она же. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 113–124; *Balot R.K. Greek Political Thought. Oxford, 2006. P. 184 ff.**

⁹¹ Например: *Eder W. Monarchie und Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Die Rolle des Fürstenspiegels in der athenischen Demokratie // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 153–173.*

⁹² *Versnel H. Religion and Democracy // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 367–387.*

элементы иерархичности. Так, начала формироваться более авторитарная концепция божества: боги стали восприниматься как существа более могущественные, величественные и при этом более тираничные, чем их понимали раньше.

Другое проявление «предэллинизма» в религиозной жизни — впервые встречающиеся с конца V в. до н. э. факты прижизненного обожествления людей, видных правителей и полководцев⁹³. Ничего не могло быть более чуждого греческой религии предшествующего периода. «Не тщись быть Зевсом: у тебя есть всё. Смертному — смертное!» — говорил великий Пиндар (Isthm. V. 14, 16). Стремление уподобиться богу и — равным образом — уподобить кого-либо иного богу расценивалось как одно из самых страшных проявлений такого однозначно осуждавшегося качества, как ὑβρις. Теперь и в этом отношении времена изменились.

Первый случай обожествления — это «феномен Лисандра»⁹⁴. Спартанский наварх, главный герой последнего этапа Пелопоннесской войны, победивший Афины и установивший гегемонию своего полиса в Элладе, выступает здесь как переходная фигура. Сообщается, что «ему первому среди греков города стали воздвигать алтари и приносить жертвы как богу (курсив наш. — И.С.), и он был первым, в честь кого стали петь пеаны» (*Duris* ap. *Plut. Lys.* 18). Некоторые эллинические государства учредили специальные празднества, посвященные Лисандру. Столь ранний случай (пожалуй, преждевременный) предоставления божественных почестей смертному человеку на первых порах остался чем-то единичным, уникальным. Но через несколько десятилетий почва для соответствующих изменений в религиозном сознании окончательно сложилась. Некоторые шаги по собственному обожествлению, насколько можно судить, предпринимал Филипп II⁹⁵. А со времен Александра Македонского обожествление правителя стало чуть ли не нормой.

Итак, на всех уровнях менталитета, от религии до политической мысли, в IV в. до н. э. проявлялись принципиально новые процес-

⁹³ Суриков И.Е. Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н. э. // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. 2–3. М., 2005. С. 7–34.

⁹⁴ Muccioli F. Gli onori divini per Lisandro a Samo. A proposito di Plutarchus, *Lysander* 18 // The Statesman in Plutarch's Works: Proceedings of the Sixth International Conference of the International Plutarch Society. Vol. 2: The Statesman in Plutarch's Greek and Roman Lives. Leiden — Boston, 2005. P. 199–213.

⁹⁵ Зелинский Ф.Ф. Религия эллинизма. Томск, 1996. С. 103.

сы. Они говорили о том, что традиционная полисная ментальность исчерпала себя вместе с классической полисной цивилизацией и теперь уступала место иной системе ценностей и представлений, характерной для грядущего мира эллинистических государств. Было буквально «невооруженным взглядом» видно, как что-то ощутимо меняется.

Обычно считается, что эллинскую свободу сокрушила Македония — внешний, привходящий фактор. А если бы не она? К чему привело бы развитие событий, если бы греки оказались предоставлены сами себе? Создается впечатление, что «великий греческий эксперимент» и сам собой уже заканчивался. Постоянные похвалы монархической форме правления в трудах политических теоретиков IV в. до н. э., если вдуматься, просто не могут не поразить. Греки, пожалуй, не вынесли бремени полисной свободы, устали от нее⁹⁶ и от сопряженной с нею ответственности, возжелали переложить эту ответственность и эту свободу на чьи-нибудь чужие плечи. Соответственно, они вступили на путь, ведущий «от гражданина к подданному». Не Филипп II — так кто-нибудь другой рано или поздно явился бы, чтобы удовлетворить, воплотить в жизнь эти чаяния. Да и победа объединительных тенденций — неважно, привнесенных извне или вызревших изнутри — в любом случае приводила к отказу от ключевых элементов прямой демократии, характерной для полиса.

Резюмируем. Вышесказанное было направлено на то, чтобы показать: категория предэллинизма применительно к древнегреческой истории IV в. до н. э. вполне правомерна, ее нельзя отвергать, поскольку она помогает при объяснении и интерпретации ряда исторических явлений. Суть же предэллинизма, как мы попытались продемонстрировать, заключалась в глубоких изменениях в менталитете и идеологии, в пресловутом пути «от гражданина к подданному». Во всяком случае, именно данный аспект процесса мы сочли необходимым специально акцентировать.

В свете всего этого и следует решать вопрос о том, имел ли место предэллинизм на Боспоре. Шло ли в данном регионе в IV в. до н. э. движение «от гражданина к подданному»? Совершенно бесспорно,

⁹⁶ Ср.: *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 366: «Сказывалась усталость этноса от проделанной им в минувшие столетия тяжелой работы преобразования общества и его культуры».

что шло, и едва ли не более бурными темпами, чем в самой Греции. Полисный суверенитет находился в подавленном состоянии, что позволило Спартокидам создать крупную надполисную державу. Известен как минимум один случай обожествления правителя (Перисада I, ср. Strab. VII. 310). Общий вывод представляется нам настолько напрашивающимся, что мы не видим даже смысла эксплицитно его формулировать.

Литература

- Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
- Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998.
- Блаватская Т.В.* Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. М., 1959.
- Блаватская Т.В.* Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н. э.). СПб., 2003.
- Блаватский В.Д.* Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.
- Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М., 1985.
- Вейнберг И.П.* Предэллинизм на Востоке // История древнего мира. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. 3 изд. М., 1989. С. 183–197.
- Высокий М.Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху: Ранняя греческая тирания конца VII — середины V в. до н. э. СПб., 2004.
- Габелко О.Л.* Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 171–181.
- Глускина Л.М.* Предэллинизм на Западе: Греция и Македония в IV в. до н. э. // История древнего мира. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. 3 изд. М., 1989. С. 218–244.
- Дементьева В.В., Суриков И.Е.* Античная гражданская община: греческий полис и римская civitas. Ярославль, 2010.
- Доватур А.И.* Феогнид и его время. Л., 1989.
- Жебелев С.А.* Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953.
- Жестоканов С.М.* Олигархия Бакхиадов // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 2. СПб., 2003. С. 53–64.
- Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. Т. 4. С. 150–181.
- Завойкин А.А.* «Две Синдикы» (заметки касаясь исторической значимости посвящения Теопротида, сына Мегакла из Нимфея) // ДБ. 2004. Т. 7. С. 150–162.

- Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Оливия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007. С. 218–243.
- Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления территориальной державы. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2007.
- Завойкин А.А.* Σάτυρος Динарха (I. 43 Blass) и satyrus Плиния (NH. XXXIV. 64) (к вопросу о культе правителя на Боспоре) // ДБ. 2008. Т. 12. Ч. 1. С. 196–225.
- Завойкин А.А.* Эллинизм и Боспор // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 227–236.
- Завойкин А.А.* Были ли Археанактиды «царями Киммерийского Боспора» (Diod. XII. 31, 1)? К периодизации становления Боспорского государства // Эмбатерион. Сборник статей по искусствоведению, филологии, истории. М., 2011. С. 291–299.
- Завойкин А.А.* Боспорская монархия: проблемы периодизации // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 288–298.
- Зелинский Ф.Ф.* Религия эллинизма. Томск, 1996.
- Зельин К.К.* Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма) // ВДИ. 1947. № 4. С. 145–156.
- Иванчик А.И.* «Тысячелетний рейх» на Боспоре // ВДИ. 2011. № 4. С. 277–279.
- Исаева В.И.* Греческая идеология IV в. до н. э. и эллинизм // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1990–1992. Т. 33. P. 267–271.
- Исаева В.И.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994.
- Лаптева М.Ю.* Посвящение Эака в храм Геры Самосской // Μυθήα. Сборник научных трудов, посвященный памяти проф. В.Д. Жигунина. Казань, 2002. С. 149–156.
- Лаптева М.Ю.* У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н. э. СПб., 2009.
- Левинская И.А.* Déjà vu, или «антисемитизм» на Боспоре // ДБ. 2009. Т. 13. С. 305–327.
- Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Причины и обстоятельства падения «Ликургова строя» в Спарте // Проблемы истории, филологии, культуры. 2002. Вып. 13. С. 5–21.
- Молев Е.А.* Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н. э. Нижний Новгород, 1997.
- Молев Е.А.* К вопросу об обстоятельствах прихода к власти на Боспоре Археанактидов // ИИАО. Вып. 6. Нижний Новгород, 1999. С. 81–90.
- Павловская А.И.* «От гражданина к подданному» — имел ли место этот процесс в Греции в IV в. до н. э.? // ВДИ. 1998. № 4. С. 15–29.
- Пальцева Л.А.* Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские коло-

- нии. СПб., 1999. С. 267 слл.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983.
- Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. М., 1950.
- Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.
- Рунг Э.В.* Эпиликов мирный договор // ВДИ. 2000. № 3. С. 85–96.
- Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
- Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 11–35.
- Соколова О.Ю., Павличенко Н.А.* Новая посвяtitельная надпись из Нимфея // *Hypoboreus*. 2002. Vol. 8. Fasc. 1. P. 99–121.
- Суриков И.Е.* «Полиархия» или все-таки полис? // *Studia historica*. 2004. Т. 4. С. 150–163.
- Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005.
- Суриков И.Е.* ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. № 1. С. 15–33.
- Суриков И.Е.* Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н. э. // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. 2–3. М., 2005. С. 7–34.
- Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006.
- Суриков И.Е.* Имена правителей в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики) // ДБ. 2007. Т. 11. С. 380–393.
- Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадияльно-типологический контекст // ИИАО. Вып. 9–10. Нижний Новгород, 2007. С. 140–156.
- Суриков И.Е.* Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008.
- Суриков И.Е.* Державный демос — правитель и подданный (власть и социокультурная норма в демократических Афинах V в. до н. э.) // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М., 2008. С. 67–80.
- Суриков И.Е.* Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // ДБ. 2009. Т. 13. С. 393–413.
- Суриков И.Е.* О некоторых памятниках афинского искусства, имеющих отношение к Боспору // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной конференции. СПб., 2009. С. 85–88.
- Суриков И.Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 8–54.
- Суриков И.Е.* Демократия и достоинство: к характеристике некоторых аспектов правовой и политической культуры граждан классических Афин //

- ИИАО. Вып. 13. Нижний Новгород, 2010. С. 37–60.
- Суриков И.Е. Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им политического значения // ВДИ. 2012. № 2. С. 29–54.
- Суриков И.Е. Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («взгляд из Эллады») // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 311–315.
- Суриков И.Е. Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // ДБ. 2012. Т. 16. С. 440–469.
- Суриков И.Е. Перикл, Ламах и Понт Евксинский. Историческая география и ономастика: о пользе комбинированного использования данных // Историческая география. Т. 1. М., 2012. С. 51–67.
- Суриков И.Е. Афины в VIII–VII вв. до н. э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») // ВДИ. 2013 (в печати).
- Фролов Э.Д. Монархическая идея у Исократы // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969. С. 3–20.
- Фролов Э.Д. Предэллинизм на Западе: кризис полисной демократии и «младшая тирания» в греческих полисах // История древнего мира. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. 3 изд. М., 1989. С. 245–260.
- Чурекова Н.Б. Еще раз к проблеме боспорской тирании // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 321–324.
- Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1984 год. М., 1985. С. 5–187.
- Шкорпил В.В. Археанактиды // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1918. № 54. С. 54–59.
- Штаерман Е.М. Эллинизм в Риме // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 140–176.
- Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. (По данным эпиграфических источников). М., 1982.
- Balot R.K. Greek Political Thought. Oxford, 2006.
- Barceló P. Basileia, Monarchia, Tyrannis. Untersuchungen zu Entwicklung und Beurteilung von Alleinherrschaft im vorhellenistischen Griechenland. Stuttgart, 1993.
- Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. 1: Darstellung. München, 1967. S. 91.
- Bourriot F. Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Périodes archaïque et classique. Lille; Paris, 1976. T. 1–2.
- Braund D. Friends and Foes: Monarchs and Monarchy in Fifth-century Athenian Democracy // Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece. Oxford, 2000. P. 103–118.
- Braund D. The Bosporan Kings and Classical Athens: Imagined Breaches in

- a Cordial Relationship (Aisch. 3.171-172; [Dem.] 34.36) // The Cauldron of Ariantas: Studies Presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday. Aarhus, 2003. P. 197–208.
- Cohen D.* The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 227–244.
- Cordano F.* ‘Basileús dorophágoi’ e ‘dikaspóloi’ // Contributi dell’Istituto di storia antica (Milano). 1996. Vol. 22. P. 3–8.
- Crielaard J.P.* *Basileis* at Sea: Elites and External Contacts in the Euboean Gulf Region from the End of the Bronze Age to the Beginning of the Iron Age // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer. Edinburgh, 2006. P. 271–297.
- Draws R.* *Basileus*: The Evidence for Kingships in Geometric Greece. New Haven, 1983.
- Dreyer B.* Wann endet die klassische Demokratie Athens? // Ancient Society. 2001. Vol. 31. P. 27–66.
- Eder W.* Monarchie und Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Die Rolle des Fürstenspiegels in der athenischen Demokratie // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 153–173.
- Gallotta B.* *Basileis* ed *eupatridai* // Istituto lombardo. Accademia di scienze e lettere. Rendiconti. Classe di lettere e scienze morali e storiche. 1979. Vol. 113. P. 261–276.
- Hansen M.H.* Aristotle’s Alternative to the Sixfold Model of Constitutions // Aristote et Athènes. Paris, 1993. P. 91–101.
- Hurwit J.M.* The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Ithaca, 1985.
- Iacovou M.* From the Mycenaean *qa-si-re-u* to the Cypriote *pa-si-le-wo-se*: The *Basileus* in the Kingdoms of Cyprus // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer. Edinburgh, 2006. P. 315–335.
- Leppin H.* Zur Entwicklung der Verwaltung öffentlicher Gelder im Athen des 4. Jahrhundert v.Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 557–571.
- McGlew J.F.* Tyranny and Political Culture in Ancient Greece. Ithaca, 1996.
- Manville P.B.* The Origins of Citizenship in Ancient Athens. Princeton, 1990.
- Mazarakis Ainian A.* The Archaeology of *Basileis* // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer. Edinburgh, 2006. P. 181–211.
- Muccioli F.* Gli onori divini per Lisandro a Samo. A proposito di Plutarchus, *Lysander* 18 // The Statesman in Plutarch’s Works: Proceedings of the Sixth International Conference of the International Plutarch Society. Vol. 2: The Statesman in Plutarch’s Greek and Roman *Lives*. Leiden; Boston, 2005. P. 199–213.
- Osborne R.* The Demos and its Divisions in Classical Athens // The Greek City from Homer to Alexander. Oxford, 1991. P. 265–293.

- Parker V.* Τύραννος. The Semantics of a Political Concept from Archilochus to Aristotle // *Hermes*. 1998. Bd. 126. Ht. 2. S. 145–172.
- Paschidis P.* Between City and King. Prosopographical Studies on the Intermediaries between the Cities of the Greek Mainland and the Aegean and the Royal Courts in the Hellenistic Period (322–190 BC). Athens, 2008.
- Rhodes P.J., Osborne R.* Greek Historical Inscriptions 404–323 BC. Oxford, 2007.
- Roussel D.* Tribu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique. Paris, 1976.
- Salmon J.B.* Wealthy Corinth: A History of the City to 338 BC. Oxford, 1984.
- Shipley G.* A History of Samos 800–188 B.C. Oxford, 1987.
- Versnel H.* Religion and Democracy // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 367–387.
- Whitehead D.* Athenian Demes as Poleis (Thuc. 2. 16. 2.) // *Classical Quarterly*. 2001. Vol. 51. No. 2. P. 604–607.
- Wiesehöfer J.* Greeks and Persians // A Companion to Archaic Greece. Oxford, 2009. P. 162–185.

А.В. Подосинов

ОБРАЗОВАНИЕ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА
В СВЕТЕ ТЕОРИИ ПРОТОЭЛЛИНИЗМА¹

Аннотация: В статье делается попытка вновь рассмотреть доводы сторонников и противников теории «протоэллинизма» в отношении к возникновению Боспорского царства. Автор считает, что не все аргументы против этой теории выдерживают критику, и видит в теории «протоэллинизма» рациональное зерно, заключающееся в типологическом сходстве процессов, проходивших на Боспоре и в эллинистических государствах после завоеваний Александра.

Ключевые слова: Боспорское царство, эллинизм, протоэллинизм, политогенез, Северное Причерноморье

Abstract: The paper suggests the revision of the arguments *pro et contra* in the controversy about the theory of protohellenism in relation to the formation of Bosporan realm. Author thinks that not all arguments *contra* have a leg to stand on and sees in the theory of protohellenism some reasonable points, which show the typological likeness of processes, that appear in the Bosporus and in the Hellenistic states after conquest of Alexander the Great.

Key words: Bosporan realm, hellenism, protohellenism, formation of a state, history of the Northern Black Sea coast

Образование Боспорского царства — крупнейшего государства Восточной Европы в античности — представляет собой весьма показательный пример для уяснения типологии политогенеза вообще и в античном мире в частности. Греки, мигрировавшие в начале VI в. до н.э. на берега Боспора Киммерийского (совр. Керченский

¹ Статья представляет собой расширенный и дополненный вариант тезисов, опубликованных в материалах Пашутинских Чтений в 2011 году (Подосинов А.В. Возникновение Боспорского государства: от полиса к царству // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 19-21 апреля 2011 г. Материалы конференции. М., 2011. С. 224-232.

пролив), происходили из малоазийских городов, в основном, из Милета. Для городов Малой Азии этого времени был характерен полисный государственный строй, в разной мере развитый. В первый век своего существования поселения греческих колонистов, развиваясь в рамках полисной организации, сохраняли политические институты метрополии, мало чем отличаясь от городов коренной греческой цивилизации². Однако ок. 480 г. до н.э. к власти на Боспоре пришли некие Археанактиды — династия, которая правила Боспором 42 года. Ок. 438 года до н.э. власть на Боспоре захватил Спарток, основавший новую династию — Спартокидов, при которых возникло крупное государство, состоящее из многочисленных греческих городов и поселений по обоим берегам Керченского пролива, а также ряда «варварских» племен (синдов, меотов, скифов). Расширение территории Боспорского царства было как мирным, так и военным; так, например, греческие города Нимфей и Феодосия были насильственно присоединены боспорскими царями к своим владениям. Это государство оказалось весьма стабильным, в лучшие свои времена оно располагалось на территории ок. 5000 км², объединяя около 30 городов и поселений, и просуществовало много веков, пав под ударами гуннов в IV в. н.э.

Таким образом, можно констатировать, что на месте суверенных демократических полисов возникла некая надполисная власть, объединившая их под скипетром одного правителя, — он долгие годы (до III в. до н.э.) назывался «архонтом» греческих городов, в чем можно видеть реликты полисного государственного устройства, в то время как для местных варварских племен (а с III в. до н.э. и для греков) он выступал как «царь». Очевидно, что наследственность власти решительным образом противоречила принципам — эллинской демократии и обусловила трансформацию традиционного полиса в монархию. Столицей царства стал один из городов Керченского пролива Пантикапей (совр. Керчь) — крупный полис, имевший особенно удобное географическое положение. Там располагалась резиденция боспорских царей, центральные службы и государственные органы.

Что же произошло, каковы причины такой трансформации и какое значение она имеет для истории греческого мира?

² См., например: *Кузнецов В.Д.* Полис на Боспоре (эпоха архаики) // *Древности Боспора*. 4. 2001. С. 237-253; *Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдоэллинизм на Боспоре // Там же. С. 153.

Историки уже давно отметили сходство боспорской формы государственного устройства Боспора с установившейся после походов Александра Македонского (т.е. на полвека позже) новой формой правления — эллинистической монархией, с которой исследователи связывают новый этап в развитии античного общества — эллинизм. Как «предвосхищение» эллинизма рассматривали боспорскую форму правления уже Э.Миннз³ и М.И. Ростовцев⁴, позже В.Д. Блаватский четко сформулировал тезис о протоэллинизме на Боспоре и попытался проследить это явление на многих окраинах греческой ойкумены (в частности, на Сицилии, в Карии и Македонии), видя в нем некий исторический период, предшествующий эллинизму⁵. В истории Боспора этот период занимал, по Блаватскому, время между второй четвертью IV в. и концом того же века⁶. Основными признаками, сближающими «боспорский феномен» с позднейшим эллинизмом, считались эллино-варварский характер государства, синтез двух культур, приток населения из греческой метрополии и развитие градостроительства. Блаватский ясно видел и отличия протоэллинизма от эллинизма (в первом случае уровень развития варваров был ниже, чем это было на Ближнем Востоке и в Египте, размеры протоэллинистических монархий были скромнее, формы государственности могли быть несколько иными).

Несмотря на эти оговорки, теория Блаватского вызвала негативную оценку у большинства российских историков. Один из самых

³ *Minns E.H.* Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge, 1913. P. 563: “The rule of the earlier Spartocids foreshadowed the Hellenistic states that arose after Alexander’s death, because on the Bosporus Hellenistic conditions appeared independently”.

⁴ *Rostovtseff M.I.* The Bosporan Kingdom // САН. 1954². P. 561-588.

⁵ *Блаватский В.Д.* Период протоэллинизма на Боспоре // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 109-122; *Блаватский В.Д.* О периоде протоэллинизма в Северном Причерноморье // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 123-132; см. также: *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 115-116; *Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. Т. I. М., 1990. С. 308-309; *Высокий М.Ф.* Черты протоэллинизма в Великой Греции (Сицилии) и Фракии // История и культура древнего мира: Российско-болгарский сборник статей и учебных материалов в честь Т.В. Блаватской. М., 1996. С. 118-136.

⁶ *Блаватский В.Д.* О периоде. С. 130: «В начале второй четверти IV в. до н.э. вышедший за рамки полисной жизни Боспор превратился в государство, близкое по типу эллинистической монархии... “Протоэллинистический” период истории Боспора приходится на время правления Левкона I и Перисада I (389/8-310/9 гг. до н.э.). С царства Эвмела (310-309 гг. до н.э.), согласно Блаватскому, «можно говорить о периоде эллинизма» (Там же. С. 131).

активных критиков теории «протоэллинизма» Ф.В. Шелов-Коведяев видит в сходных чертах истории Боспора и эллинизма не однозначные в генетическом и типологическом плане явления, а внешнее сходство результатов различных исторических процессов⁷. Эллинистические черты появляются на Боспоре, согласно этой точке зрения, только с Митридатом Евпатором во II в. до н.э.⁸

Итак, сторонники протоэллинизма (или предэллинизма) на Боспоре, сравнивая исторические условия, в которые попали греки в Северном Причерноморье, с возникшими на Ближнем Востоке или в Египте после Александра, отмечают те черты, которые в историографии эллинизма признаны характерными для эллинизма. Противники теории протоэллинизма, соглашаясь в принципе с наличием сходства в образовавшемся в конечном итоге политическом устройстве там и здесь⁹, указывают на различия в генезисе и эволюции и на лишь внешнее сходство образовавшихся общественно-политических моделей.

Не претендуя на какое-то новое толкование «боспорского феномена», я хотел бы еще раз подчеркнуть ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ сходство происходивших на Боспоре процессов с процессами, имевшими место при образовании эллинистических монархий с их специфическими социально-политическими институтами, отражающими взаимодействие эллинских и местных (восточных) начал, сочетание и синтез их идеологических и культурных достижений¹⁰.

Представляется, что каждый раз, когда греки оказывались в окружении местных варварских народов, которым были чужды демо-

⁷ Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // ДГ. 1984. М., 1985. С. 182-186. См. также отрицательную оценку термина предэллинизм в недавней работе О.Л. Габелко (Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 171-181).

⁸ См. также: Виноградов Ю.Г. Боспор и эллинизм // III Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы докладов конференции. 18-22 мая 1988. Ереван, 1988. С. 16-17; ср. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 288. Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. 1. С. 29-30.

⁹ См.: Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора. С. 184: «Здесь (т.е. на Боспоре. — А.П.) мы действительно сталкиваемся со многими чертами, которые находят себе аналогии в восточно-эллинистических монархиях».

¹⁰ Ср. характеристику эллинизма у К.К. Зельина: «Эллинизм представлял собою сочетание и взаимодействие эллинских и местных элементов экономического строя, социальных и политических отношений, учреждений, обычаев, представлений и верований» (Зельин К.К. Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма) // ВДИ. 1947. 4. С. 147).

кратические принципы организации политической жизни, и, более того, включали их в сферу своего влияния, возникала необходимость трансформации полисной жизни в другую, которая, с одной стороны, была бы приемлемой для местного населения, а с другой, — позволяла сохранить свою идентичность и мирную жизнь — попросту выживать — в условиях варварского, часто враждебного окружения.

В самом деле, как могли недавно образованные, еще слабые в экономическом, военном и демографическом отношении греческие полисы Боспора сохраниться, находясь рядом с воинственными скифами-кочевниками, время от времени прибегавшими к прямой военной экспансии (ко времени правления Археанактидов фиксируется «период дестабилизации, усиления агрессивности скифов, вызванной, очевидно, вторжением новых кочевнических орд с востока... Это время войн и междоусобных столкновений, ответом на которые со стороны боспорских греков стало создание оборонительного союза во главе с Археанактидами»¹¹).

Отметим также относительно высокую «кучность» расположения греческих поселений на берегах Керченского пролива, когда нападению врагов подвергался, как правило, не один полис, а несколько. Эта особенность географического расположения боспорских городов также делала естественным их объединение¹², как и тот факт, что большинство их происходило из одной метрополии — Милета.

В этих условиях консолидация греческих полисов перед лицом скифской угрозы под эгидой твердой центральной власти и основание надполисного государственного образования способствовали выживанию и мирному экономическому развитию полисов¹³, хотя они и лишались многих своих прерогатив — права монетной чеканки (им обладал только Пантикапей, лишь эпизодически чеканили

¹¹ *Виноградов Ю.А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2009. С. 66. См. также статью Ю.А.Виноградова в настоящем сборнике.

¹² Это отметили многие исследователи (см., например: *Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор. С. 249; *Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 221).

¹³ См.: *Ростовцев М.И.* Исследования по истории Скифии и Боспорского царства. Т. II. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства. 1. Государство и социальный строй эпохи Спартокидов // ВДИ. 1989. 2. С. 184: «Постоянная опасность со стороны скифского царства была тем цементом, который сплачивал около власти и греческие, и негреческие элементы боспорской державы, видевшие залог своей самостоятельности, своего экономического и культурного процветания в разумной и твердой политике Спартокидов».

медь Феодосия и Фанагория), права внешнеполитических сношений, права иметь оборонительные стены и некоторых других, при сохранении, может быть, в своей юрисдикции вопросов муниципального уровня¹⁴. У нас нет почти никаких свидетельств функционирования в боспорских городах традиционных для греческого полиса народного собрания и совета. Сразу отметим, что те же явления наблюдаются и в эллинистических монархиях.

Присоединение обширной варварской (синдо-меотской) сельскохозяйственной территории (хоры) к Боспорскому царству создавало условия для возникновения экстерриториальной по отношению к традиционной полисной хоре «царской земли»¹⁵, а это всегда считалось признаком эллинистических государств¹⁶. Иногда говорят об институте соправительства, когда царь правит вместе с сыном или сыновьями, как об особенности, даже изобретении эллинистических монархий (см., например, державу Селевкидов, где недавно было отмечено, что «одним из условий сохранения царской власти для диадохов стало ... введение института соправительства»¹⁷); между тем, этот институт был обычным делом в Боспорском царстве задолго до Селевка¹⁸.

¹⁴ *Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления территориальной державы. Автореф. докт. ист. наук. М., 2007. С. 47.

¹⁵ Точка зрения А.А. Масленникова (*Масленников А.А.* «Царская» хора Боспора на рубеже V–IV вв. до н. э. (к вопросу о локализации) // ВДИ. 2001. 1. С. 178–190); см. также: *Завойкин А.А.* — Образование Боспорского государства. С. 29; *Федосеев Н.Ф.* Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграция, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2012. С. 320. Против существования «царской хоры» на Боспоре выступает С.Ю.Сапрыкин (см., в частности: *Сапрыкин С.Ю.* Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н.э. — середина III в. н.э.) (Глава 2) // Античное наследие Кубани. Т. II. Ч. VIII: Политическая история Азиатского Боспора / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. М., 2010. С. 94 и его статью в настоящем сборнике).

¹⁶ М.И.Ростовцев прямо сравнивает монополию на торговлю хлебом боспорскими владыками с «аналогичными операциями позднейших конкурентов Спартокидов — Птолемах, Лисимахе, Антигоне и других эллинистических монархов, получавших свой хлеб преимущественно из натуральных платежей колонов, сидевших на их земле...» (*Ростовцев М.И.* Исследования. С. 186).

¹⁷ См.: *Смирнов С.В.* Формирование государства Селевкидов при Селевке I (политический и социально-экономический аспекты). Автореф. канд. дисс. М., 2011. С. 14.

¹⁸ И это отметил в своем выступлении на защите диссертации — С.В.Смирнова С.Ю.Сапрыкин. Об институте соправительства в Боспорском царстве см.: *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора. С. 154–157 (с литературой); *Васильев А.Н.* К вопросу о соправительстве на Боспоре // Проблемы античного источниковедения. М.; Л., 1986. С. 33–45.

В эллинистических государствах Малой Азии одним из эффективных способов влиять на жизнь греческих полисов и проводить здесь царскую политику было, как известно, назначение царями своих ставленников — наместников целых областей, стратегов, градоначальников и эпистатов, которые должны были контролировать военно-политическую и экономическую ситуацию в полисах¹⁹. На Боспоре мы наблюдаем такую же картину задолго до эллинизма. В знаменитой истории с изменой Гилона, деда Демосфена, о которой нам поведал Эсхин (III, 171-172), речь идет о том, что афинянин Гелон в конце V в. до н.э., перейдя на сторону боспорского царя (Сатира), получает от него в дар (управление? кормление? градоначалие?) боспорский город Кепы²⁰. С.А.Жебелев считал «маловероятным, чтобы Гелон получил в дар от Сатира целый город»²¹, но если учесть «протоэллинистическую» сущность власти на Боспоре, то ничего странного здесь нет: управлением полиса занимался ставленник-наместник царя²². Интересная деталь — Гилон женится в Кехах на богатой женщине, по происхождению скифянке! Эсхин подчеркивает, что один из предков Демосфена оказывается «скифом, варваром, говорящим по-гречески», а в другой своей речи (2. 78) называет Демосфена, обращаясь прямо к нему, «происходящим от матери из кочевых скифов». Это ли не еще одно яркое свидетельство греко-варварского симбиоза на Боспоре!

Все большее значение на Боспоре приобретала наемническая армия, в распоряжении архонта-царя находились также воинские контингенты, сформированные из местных племен²³. Их племенная верхушка пользовалась особым расположением царей, нередко входя в

¹⁹ См. *Климов О.Ю.* Полисная демократия в городах Малой Азии эпохи эллинизма // Проблемы античной демократии. СПб., 2010. С. 334-337.

²⁰ См.: *Каллистов Д.П.* Измена Гилона // ВДИ. 1950. 1. С. 27-36; *Жебелев С.А.* Афины, Нимфей и измена Гилона // Северное Причерноморье. М., Л., 1953. С. 180-195; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора. С. 93-112. И.Е.Суриков скептически относится к рассказу Эсхина и сомневается в его достоверности (*Суриков И.Е.* Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // Древности Боспора. 2009. Т. 13. С. 393-413 (с литературой вопроса).

²¹ *Жебелев С.А.* Афины. С. 192-193.

²² Знаменательно, что Ф.В.Шелов-Коведяев сравнивает этот «подарок» Сатира с «аналогичными подарками персидских и эллинистических царей своим фаворитам» (История Боспора. С. 110; курсив мой. *А.П.*). К такому слою влиятельных чиновников при царском дворе следует отнести и некоего Сопея, который от имени Сатира управлял большой территорией на Боспоре (см. *Isocr.* XVII, 3).

²³ См. *Diod.* XX, 22, 4; *Polyaen.* VI, 9, 4.

их ближайшее окружение, отмечает Ф.В.Шелов-Коведяев²⁴, но ведь это типичная черта эллинистических монархий! Таким образом, греко-варварский симбиоз²⁵ не мог не приводить к трансформации полисного государства в монархию эллинистического типа²⁶, как это

²⁴ Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора. С. 169: «Варварская аристократия получает доступ в высшие слои боспорского общества и, возможно, к управлению государством, вмешивается в его политику. Все это было бы невозможно без симбиоза с греками и их полисами».

²⁵ Его усматривают в жизни Боспора многие исследователи (библиографию такого понимания см. подробнее в статье А.А.Завойкина в настоящем сборнике; там же и отрицание симбиоза). И все же, когда говорят о греко-скифском искусстве, о скифских курганах на территории крупных городов Боспора, в которых погребались не только скифская знать, но и боспорские цари, о синдо-греческом взаимодействии, о скифских наемниках на службе у боспорских владык, о влиянии военного дела местных племен на боспорское, о смешанных браках, об иранских именах в греческих надписях, о варварских корнях царских имен, наконец, о сарматизации Боспора, справедливо предполагают «установление более тесных связей между античным миром и варварским в ряде окраинных государств, в частности на Боспоре» (*Блаватский В.Д.* Период протоэллинизма. С. 109), которое трудно отрицать. См., например о варварских курганах около боспорских городов: *Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский. С. 247: «Появление их в V в. до н.э. представляет собой результат как общего развития греко-варварских взаимоотношений на Боспоре, так и конкретных взаимоотношений данного античного центра (полиса) с тем или иным туземным народом»; см. также: *Podossinov A.V.* Barbarisierte Hellenen — hellenisierte Barbaren: — Zur Dialektik ethno-kultureller Kontakte in der Region des Mare Ponticum // *Hellenismus. Beitrage zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters. Akten des Internationalen Hellenismus-Kolloquiums. 9.–14. Marz 1994 in Berlin.* Tubingen, 1996. S. 415–425; *Подосинов А.В.* Проблемы взаимоотношений варваров и греков в античном Северном Причерноморье (К вопросу о характере контактных зон) // *Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто. Материалы к конференции.* М., 1999. С. 8–15.

²⁶ А.А.Завойкин в статье, опубликованной в настоящем сборнике, критикуя этот мой тезис, пишет: «Признаться, не очень представляю, о каком «симбиозе» (или синтезе) в области политической («социально-политической») можно говорить? Позволительно ли думать, что варварские народы, не знающие собственной государственности (по крайней мере в сколько-нибудь развитых формах) могли обогатить политический опыт эллинов... свежими идеями или традициями?».

Думается, что сама идея единоличной (царской) власти, чуждая эллинам вплоть до эллинизма, но укорененная в «варварских» сообществах, должна была способствовать принятию (сначала именно по отношению к варварам, а затем и к грекам) титула «царь», зафиксированного в аутентичных эпиграфических памятниках Боспора, и тем самым, становлению монархии. Почему варвары должны были «*обогащать*» политический опыт эллинов... свежими идеями» (по выражению Завойкина)? Они могли, наоборот, обратить «политический опыт» греков к уже пройденным ими этапам исторического развития, а именно, к монархической форме правления, отсутствие которой было бы непонятно для инкорпорированных в Боспорское царство варваров.

и случилось на Востоке после Александра, где одной из главных особенностей государственного устройства был синтез экономических, социальных и культурных достижений Европы и Азии²⁷.

Выдвижение в качестве одного из важнейших аргументов против схождения боспорской модели управления с эллинистической факта завоевания Александром Азии²⁸, в то время как на Боспоре ситуация будто бы была иной, не убедительно. Ведь не важно, как греки и варвары оказались в одном государстве (кстати, в обоих случаях именно греки пришли — мирно или как завоеватели — в земли варваров), важно то, как это сказалось на характере социально-политического устройства вновь образованных государств. Встреча греков с варварами произошла на Боспоре раньше, чем на Востоке при Александре Македонском, и уже тогда должна была возникнуть необходимость создания адекватных ситуации форм государственности²⁹. Таким образом, и там, и здесь налицо типологически сходные предпосылки и стимулы.

Так же не может служить доводом против типологического схождения тезис о кризисе греческого полиса как предпосылке эллинизма

Признавая значение варварской культуры для Боспора, И.Е.Суриков также не видит здесь влияния на греческую государственность: «Это влияние, бесспорно, было значительным... Но заключалось оно не в том, что боспорские греки перенимали какие-то политические формы у варваров (государственная система Боспора — явление вполне греческое по своим корням и специфике), а в другом: приходилось постоянно противостоять варварам, и это диктовало определенную линию политической эволюции» (Суриков И.Е. К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадийно-типологический контекст // Из истории античного общества. Сборник научных трудов. Вып. 9-10: К 60-летию проф. Е.А.Молева. Нижний Новгород, 2007. С. 154–155.). Думается, что помимо реакции на внешнюю угрозу, именно «противостояние варварам» внутри единого территориального государства, где жили греки и варвары, и вызывало к жизни эволюцию государственного строя. Не следует забывать, что боспорские греки имели дело с двумя видами варваров — оседлыми, ставшими подданными царства, и кочевыми, с которыми нужно было воевать или договариваться. Оба фактора — каждый по-своему — способствовали возникновению надполисного государства — монархии.

²⁷ О греко-варварском синтезе как обязательной характеристике эллинизма пишет и О.Л.Габелко, — при этом отрицательно относящийся к «предэллинизму» как историческому периоду (см. Габелко О.Л. Еще раз о проблеме «предэллинизма». С. 171: он считает «реальным показателем существования эллинизма... в том или ином регионе греко-варварский синтез».

²⁸ Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора. С. 184.

²⁹ Ср.: Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л., 1949. С. 4: «Боспорское царство очень рано приняло характер этнически смешанного греко-варварского государства, в котором с особенной яркостью нашло свое проявление взаимодействие античных греческих и местных элементов, как в социально-экономической, так и в культурной жизни».

и отсутствие такового кризиса на Боспоре³⁰. На мой взгляд, кризис полиса может быть как внутренним, так и внешним. Неспособность полисной государственной организации эффективно отражать натиск варваров в условиях варварского окружения была предпосылкой возникновения надполисной монархической власти на Боспоре. В этой-то неспособности и следует видеть «кризис» полиса, если под кризисом понимать любую опасность для существования полиса, исходит ли она из того, что полис сам не может справиться со своими внутренними проблемами (как это было накануне эллинизма), или же она грозит его существованию извне (как это было на Боспоре). Характерно, что исследуя кризис античного полиса, Э.Д. Фролов среди политических факторов, убыстряющих кризис полиса, важнейшим называет Пелопоннесскую войну со всеми ее потрясениями и последствиями³¹, т.е. опять-таки действует «внешний» фактор.

Мы не знаем и можем только догадываться, какой характер носил захват власти Археанактидами и позже Спартокидами — было ли это установление тиранического режима сначала в одном полисе (Пантикапее) с присоединением потом других городов, происходило ли это везде насильственно, как в Нимфее и Феодосии, или, как правило, добровольно, была ли это сначала симмахия (оборонительный союз городов) и/или амфиктиония, переродившаяся затем в тиранию и далее в монархию, или монархия в форме тирании, или эстимнетия (выборная тирания), или олигархия одного рода³². Исследователи до сих пор не могут прийти к согласию относительно этого вопроса. Но один факт несомненен — разрозненные полисы были объединены в одно надполисное государственное образование, которое управлялось одним правителем и — доказало свою жизнеспособность, из чего следует, что такое объединение было военно-политической и социальной необходимостью.

Важно отметить, что военно-политическое объединение полисов в греческом мире не обязательно должно было вызывать к жизни по-

³⁰ Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора. С. 184: «...предпосылкой эллинизма с греческой стороны был кризис полиса...»; с. 185: «...для того времени, когда к власти пришла первая тираническая династия (480 г. до н.э.), ни о каком кризисе полиса, даже со скидкой на условия периферии, не может быть речи».

³¹ Фролов Э.Д. Кризис классического полиса // Проблемы античной демократии. СПб., 2010. С. 235.

³² См. подробный анализ терминологии власти в статье И.Е.Сурикова в настоящем сборнике.

явление тирании или монархии. Вспомним хотя бы пример Этолийского союза, существовавшего с позднеархаического времени вплоть до римской эпохи³³ и объединявшего на добровольной основе ряд греческих полисов³⁴. При этом субъекты федерации «сохраняли институт собственного гражданства, территорию и границы, законы, органы управления, свои полисные ополчения, особые черты религиозной жизни»³⁵, а высшие должностные лица федеративного государства (стратег, гиппарх, грамматевс, казначей, номографы) избирались путем голосования на ежегодных народных собраниях всего на год. Возникновение на Боспоре монархической власти над объединенными полисами следует, очевидно, объяснять историческими условиями жизни греческих полисов среди варварского окружения.

Но и в этой ситуации кажется разумным говорить о политическом дуализме правления Спартокидов, когда складывается «территориальная монархия» при определенном сохранении полисных традиций³⁶, и это тоже черта, роднящая Боспорское царство с эллинистическими монархиями.

Представляется, что если и можно говорить о тираническом (как полагают некоторые исследователи в противовес тезису о протоэллинизме³⁷) характере власти на Боспоре, то только относительно первых этапов возникновения объединенного государства. Ведь, став передаваемой по наследству — а это произошло уже, по-видимому, при Археанактидах, — власть становится монархической, что подтверждается и титулатурой Спартокидов, известной по эпиграфическим источникам³⁸. Пример Сицилии, где сиракузский тиран Дионисий Старший, создавший мощную державу, попытался передать власть своему сыну Дионисию Младшему, не сумевшему, однако, удержаться на престоле, только подчеркивает реальность раннего

³³ В связи с таким длительным периодом существования федеративного государства этолийцев представляется некорректным замечание А.А. Завойкина: «Как показывает историческая практика, эффективные формы объединений на добровольной основе — явления не редкие, но недолговечные» (статья в настоящем сборнике).

³⁴ Из недавних работ об Этолийском союзе см.: *Климов О.Ю.* Развитие демократических институтов в федеративных государствах Балканской Греции в эпоху эллинизма // *Проблемы античной демократии.* СПб., 2010. С. 285-295 (с литературой).

³⁵ Там же. С. 288.

³⁶ Ср.: *Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства. С. 45.

³⁷ См., например, статью С.Ю. Сапрыкина в настоящем сборнике («Тирания на Боспоре и градостроительство»).

³⁸ О «наследственной монархии» государства Спартокидов говорит Ю.А.Виноградов (*Миграции кочевников.* С. 66).

превращения на Боспоре тирании в монархию. И вообще, если рассматривать, как делают некоторые исследователи (Ю.Г.Виноградов, Ф.В.Шелов-Коведяев, Т.В.Блаватская, В.А.Анохин, С.Ю.Сапрыкин и др.), правление Археанактидов и Спартокидов как тираническое, да еще в рамках полисной структуры, то мы получим растянувшуюся на несколько веков тиранию³⁹, что было бы совершенно уникальным в истории античного мира явлением⁴⁰. Ведь государство Спартокидов просуществовало до конца II в. до н.э. и сохранило ту же модель государственного устройства при других правителях до конца античности; вспомним, что при этом обычно как исключение отмечают длительность тиранической власти Орфагоридов в Сикионе, которые правили в течение 100 лет, Кипселидов в Коринфе — более 75 лет, Писистратидов в Афинах — 35 лет, прочих — еще меньше.

Как отмечал И.Е.Суриков, обычная тирания подразумевала дуализм и равновесие двух центров власти — единоличного правителя-тирана и гражданского коллектива полиса, и «подобное равновесие, конечно, никогда не могло длиться вечно», в этом противостоянии побеждал, как правило, полис⁴¹. «Боспорский феномен» в этом свете заключается именно в победе тиранического принципа над полисным, а это предполагает перерождение тирании в монархию⁴². Недаром исследователи отмечают трудность отнесения тирании Боспора к Старшей или Младшей: типологически она более сходна со Старшей, хронологически же ее сближают с Младшей; более того, она возникает в период, когда первая уже сошла с исторической сцены, а другая еще не началась⁴³. Между тем, историки эллинизма считают, что в эллинистических государствах «стало возможным, казалось бы, невозможное — существование и взаимодействие в рамках одной по-

³⁹ См. *Ростовцев М.И.* Исследования. С. 183: «От греческой тирании даже младшего типа ее (боспорскую тиранию. — *А.П.*) отличает прежде всего ее длительное многовековое существование и ее удивительная прочность, между тем как раз основным признаком греческой младшей тирании является ее кратковременность и почти исключительно личный, а не наследственный характер...»; ср. *Завойкин А.А.* «Боспорский феномен». С. 154: «...тирания на Боспоре (и на Боспоре) имеет беспрецедентную длительную традицию».

⁴⁰ См. о «преходящем характере тирании»: *Фролов Э.Д.* Исторические предпосылки эллинизма // *Эллинизм: экономика, политика, культура*. Т. I. М., 1990. С. 51.

⁴¹ *Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском. С. 156.

⁴² А.А.Завойкин и Ю.А.Виноградов также называют правление Спартокидов «наследственной монархией» (*Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // *Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор. Запорожье*, 2007. С. 220; *Виноградов Ю.А.* *ГДЕ???*).

⁴³ *Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании. С. 140-156.

литической системы монархии и полиса, в принципе несовместимых по самой своей природе»⁴⁴. Но именно такую «невозможную» комбинацию мы наблюдаем в Боспорском царстве еще до эллинизма.

Не следует также забывать, что источник нашей информации о правлении Археанактидов и Спартокидов прямо называет их «царствовавшими» (*βασιλεύσαντες*), а их власть — *ἀρχή*, при этом у нас нет весомых причин сомневаться в адекватности этой титулатуры⁴⁵.

Я сейчас не могу вдаваться в вопрос, когда и как «протоэллинистический» Боспор с началом эпохи эллинизма превратился в «настоящее» эллинистическое государство, но перемены были явно не существенны. Так, противник теории «протоэллинизма» А.А.Завойкин, описывая 3-й этап развития Боспора (начало III — конец II в. до н.э.), отмечает: «Нет сколько-нибудь весомых оснований для того, чтобы считать, что принципы организации центральной власти и административная структура государства претерпевают принципиальную перестройку “на эллинистических основах”»⁴⁶. Так в чем же тогда заключаются принципиальные различия между «протоэллинизмом» и «эллинизмом»?

В последнее время теория протоэллинизма на Боспоре нашла поддержку в лице И.Е.Сурикова, который, отрицая, впрочем, греко-варварский симбиоз как основу протоэллинизма, в качестве протоэллинистической (или «предэллинистической») черты на Боспоре видит переход греков «от гражданина к подданному», как это происходило и в остальном эллинистическом мире⁴⁷. Что ж, монархиче-

⁴⁴ *Холод М.М.* Утверждение демократических режимов в греческих полисах Малой Азии при Александре Великом // Проблемы античной демократии. СПб., 2010. С. 265.

⁴⁵ Ср.: *Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства. С. 36 по поводу этих сомнений: «...исследователь не вправе перекраивать на свой вкус данные этого источника без серьезных на то оснований (а таких выявить не удалось)».

⁴⁶ См. его статью в настоящем сборнике.

⁴⁷ *Суриков И.Е.* Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады») // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Папуто. Материалы конференции. М., 2012. С. 315. См. также в статье И.Е.Сурикова в настоящем сборнике: Некоторые проблемы Боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («Взгляд из Эллады»): «Суть же предэллинизма... заключалась в глубоких изменениях в менталитете и идеологии, в пресловутом пути “от гражданина к подданному”». Интересно, что и А.А.Завойкин, отрицающий «протоэллинизм» на Боспоре, признает сложение уже с IV в. до н.э. «новой политической общности, какой греческая античность не знала помимо гражданской общины», которая «была равнозначна подданничеству греческого населения по отношению к центральной части» (*Завойкин А.А.* — Образование Боспорского государства. С. 49).

ское (или тираническое) устройство Боспорского государства с урезанием политической самостоятельности полисов как раз и предполагала такую социально-политическую эволюцию, которая опять же проявилась на Боспоре раньше, чем в эллинистических монархиях.

Таким образом, думается, что, если и не называть «царский» период истории Боспора до эллинизма «протоэллинизмом», то типологически это явление одного порядка с эллинизмом. Характерно, что даже самый решительный — противник «протоэллинизма» Ф.В.Шелов-Коведяев в конце критического разбора концепции В.Д.Блаватского неожиданно признается, что сходство многих черт на Боспоре и в эллинистических монархиях следует объяснять «общей тенденцией эволюции всего греческого и античного мира, которая ранее всего проявилась там, где греческий полис изначально находился в более сложных и своеобразных условиях, чем в метрополии — на окраине греческой ойкумены»⁴⁸.

Возможно, следует отказаться от категорического объяснения эллинизма как внезапно (после завоеваний Александра) наступившего феномена, как принципиально нового этапа в истории Греции. Возможно, это было лишь наиболее яркое, взрывное проявление того, что существовало всегда в той или иной форме в различных регионах греческой ойкумены, особенно на ее периферии, где греки в результате колонизации вошли в прямое соприкосновение с варварами.

Литература⁴⁹

Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.

Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н.э. М., 1959.

Блаватский В.Д. Период протоэллинизма на Боспоре // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985, С. 109-122.

Блаватский В.Д. О периоде протоэллинизма в Северном Причерноморье // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985, С. 123-132.

Васильев А.Н. Проблемы политической истории Боспора V-IV вв. до н. э. в отечественной историографии. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Л., 1985.

Васильев А.Н. К вопросу о времени образования Боспорского государства //

⁴⁸ *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора. С. 186.

⁴⁹ Здесь приводится не только та литература, на которую есть ссылки в статье, но и другие работы, касающиеся ранней истории Боспора.

- Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. Л., 1992. С. 111–128.
- Васильев А.Н.* К вопросу о соправительстве на Боспоре // Проблемы античного источниковедения. М.; Л., 1986. С. 33–45.
- Виноградов Ю.А.* Особенности и историческое значение объединения Археонактидов на Боспоре Киммерийском // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2002. С. 183–196.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 211–296.
- Виноградов Ю.А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2009. С. 5–90.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. СПб., 2006. С. 36–43.
- Виноградов Ю.А.* Варварские миграции в истории Боспора Киммерийского // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции. — М., 2012. С. 298–302.
- Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I / Е.С. Голубцова. М., 1983. С. 366–420.
- Виноградов Ю.Г.* Боспор и эллинизм // III Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы докладов конференции. 18–22 мая 1988. Ереван, 1988. С. 16–17.
- Высокий М. Ф.* Черты протоэллинизма в Великой Греции (Сицилии) и Фракии // История и культура древнего мира: Российско-болгарский сборник статей и учебных материалов в честь Т.В.Блаватской. М., 1996. С. 118–136.
- Габелко О.Л.* Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 171–181.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М., Л., 1949.
- Грибанов Д.В.* Боспорские проксении и проблема государственного устройства державы ранних Спартокидов // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII Чтения памяти проф. Н.П. Соколова. Материалы международной конференции Нижний Новгород, 2012. С. 80–82.
- Жебелев С.А.* Афины, Нимфей и измена Гилона // *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953. С. 180–195.
- Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре //

- Древности Боспора. 4. 2001. С. 150–180.
- Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления территориальной державы. Автореф. докт. ист. наук. М., 2007.
- Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Оливия. Скифия. Боспор. Запорожье, 2007. С. 219–243.
- Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // Древности Боспора. 2001. 4. С. 150–180.
- Завойкин А.А.* Эллинизм и Боспор // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 227–336.
- Завойкин А.А.* Были ли Археанактиды «царями Киммерийского Боспора» (Diod. XII. 31, 1)? К периодизации становления Боспорского государства // Эмбатерион. Сборник статей по искусствоведению, филологии, истории. М., 2011. С. 291–299).
- Завойкин А.А.* Боспорская монархия: проблемы периодизации // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции. — М., 2012. С. 288–298.
- Зельин К.К.* Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма) // ВДИ. 1947. 4. С. 145–156.
- Каллистов Д.П.* Измена Гилона // ВДИ. 1950. 1. С. 27-36.
- Жебелев С.А.* Афины, Нимфей и измена Гилона // Северное Причерноморье. М., Л., 1953. С. 180-195.
- Климов О.Ю.* Развитие демократических институтов в федеративных государствах Балканской Греции в эпоху эллинизма // Проблемы античной демократии. СПб., 2010. С. 283-310.
- Климов О.Ю.* Полисная демократия в городах Малой Азии эпохи эллинизма // Там же. С. 311-340.
- Колобова К.М.* Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. 1953. № 4. С. 47–71.
- Кузнецов В.Д.* Полис на Боспоре (эпоха архаики) // Древности Боспора. 4. 2001. С. 237-253.
- Масленников А.А.* «Царская» хора Боспора на рубеже V–IV вв. до н. э. (к вопросу о локализации) // ВДИ. 2001. 1. С. 178–190.
- Молев Е.А.* Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н.э. Нижний Новгород, 1995.
- Молев Е.А.* К вопросу об обстоятельствах прихода к власти на Боспоре Археанактидов // Из истории античного общества. Вып. 6. Нижний Новгород, 1999. С. 81–90.
- Подосинов А.В.* Проблемы взаимоотношений варваров и греков в античном Северном Причерноморье (К вопросу о характере контактных зон) // Вос-

- точная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы к конференции. М., 1999. С. 8–15.
- Подосинов А.В.* Возникновение Боспорского государства: от полиса к царству // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2011. С. 224–232.
- Ростовцев М.И.* Исследования по истории Скифии и Боспорского царства. Т. II. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства. 1. Государство и социальный строй эпохи Спартокидов // ВДИ. 1989. 2. С. 183–197.
- Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. 1. С. 11–35.
- Сапрыкин С.Ю.* Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н.э. — середина III в. н.э.) (Глава 2) // Античное наследие Кубани. Т. II. Ч. VIII: Политическая история Азиатского Боспора / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. М., 2010. С. 81–132.
- Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Кимерийском: стадияльно-типологический контекст // Из истории античного общества. Сборник научных трудов. Вып. 9–10: К 60-летию проф. Е.А.Молева. Нижний Новгород, 2007. С. 140–156.
- Суриков И.Е.* Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // Древности Боспора. Т. 13. 2009. С. 393–413.
- Суриков И.Е.* Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады») // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2012. С. 311–315.
- Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1984. 3. 24–48.
- Федосеев Н.Ф.* Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2012. С. 315–320.
- Фролов Э.Д.* Сицилийская держава Дионисия. Л. 1979.
- Фролов Э.Д.* Исторические предпосылки эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. Т. I. М., 1990. С. 14–58.
- Фролов Э.Д.* Кризис классического полиса // Проблемы античной демократии. СПб., 2010. С. 235–264.
- Фролов Э.Д.* Предэллинизм на Западе: кризис полисной демократии и «младшая тирания» в греческих полисах // История древнего мира. [Кн. 2]. Рас-

цвет древних обществ. 3 изд. М., 1989. С. 245–260.

Холод М.М. Утверждение демократических режимов в греческих полисах Малой Азии при Александре Великом // Проблемы античной демократии. СПб., 2010. С. 265–282.

Чурекова Н.Б. Еще раз к проблеме боспорской тирании // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. Ред. Е.А. Мельникова. М., 2012: — С. 320–324.

Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // ДГ. 1984. М., 1985. С. 5–187.

Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. Т. I. М., 1990. С. 249-309.

Minns E.H. Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge, 1913.

Podossinov A.V. Barbarisierte Hellenen — hellenisierte Barbaren: — Zur Dialektik ethno-kultureller Kontakte in der Region des Mare Ponticum // Hellenismus. Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters. Akten des Internationalen Hellenismus-Kolloquiums. 9.–14. März 1994 in Berlin. Tübingen, 1996. S. 415–425.

Vinogradov Ju.G. Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. V. Chr. // Chiron. 10. 1980. S. 63–100.

Н.Ф. Федосеев

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
ОРГАНИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ БОСПОРСКОГО
ГОСУДАРСТВА

Аннотация: в статье отвергается предположение, что греческая колонизация Боспора проходила на незаселенных землях — греки были инкорпорированы в варварские поселения, которые выполняли роль эмпориев. Колонизация Боспора проходила в нескольких частях одновременно выходцами из различных метрополий, и из их числа нельзя исключать Самос. Монета с надписью ΣΑΜΜΑ не имеет отношения к чеканке Нимфея, а означает «монета самосцев, святилища Матери». Фракийское происхождение правящей династии Спартокидов делает возможным исключить конъектуру текста Диодора «фракийцы», на «сираки» или «фатеи». Ряд факторов позволяет предположить участие фасосцев в политической жизни Боспора, в частности Горгиппии. Не исключено, что с Фасосом связана и чеканка знаменитых боспорских золотых статеров. Ахеменидские находки свидетельствуют, что Боспор находился в сфере влияния Персидской державы. Знак сокращения в виде лунарной сигмы на боспорской черепице в действительности является изображением полумесяца. В статье доказывается отсутствие на Боспоре полисных магистратур. Все управление подчинено было царской власти. Статус «малых городов» не имел полисного характера. Как правило, на первоначальном этапе они несли функции эмпория. Опровергаются попытки вычленить хору отдельных поселений. Вся боспорская хора подразделялась на три категории: ἔθνη, демы и царская земля. Царская земля находилась полностью под верховной властью монархов и царской администрации.

Ключевые слова: Греческая колонизация, эмпорий, фракийцы, Фасос, персидское влияние, полис, хора, боспорские поселения

Abstract: In this article the assumption that Greek colonization of Bosphorus passed on depopulated territories is rejected, Greeks were incorporated in barbarous settlements which carried out the role of emporions.

Colonization of Bosphorus passed in several parts simultaneously by natives of various mother countries and it is impossible to exclude Samos of their number. The coin with inscription ΣΑΜΜΑ does not concern the coining of Nymphaeum, and means «the coin of Samos, sanctuaries of Mother». The Thracian origin of ruling dynasty Spartocid kings makes possible to exclude text of Diodorus of Sicily Thracon, on Syrakon or Fateon. A number of factors allows to assume the participation Thasos in political life of Bosphorus, in particular Gorgippia. It is possible that the coining of well-known gold staters of Bosphorus is connected also with Thasos. Achenemenides finds testify, that Bosphorus was in sphere of influence of the Persian power. The sign of reduction as lunar sigma on bosporan tile is actually the image of a half moon. In this article the absence on Bosphorus polis magistrates is proved. All management had been subordinated to the imperial authority. The status of «small cities» had no polis character. As a rule, they bore functions of empories at an initial stage. Attempts to isolate the chorus of separate settlements are denied. All bosporan chora was subdivided into three categories: ἐθνῆ, demes and the royal ground. The royal ground was completely under the Supreme authority of monarches and royal administration.

Key words: The Greek colonization, emporion, Thrace, Thasos, the Persian influence, the polis, the chora, bosporan settlements

За двухсотлетнюю историю изучения Боспора исписана не одна тонна бумаги, изданы множество трудов, решено множество проблем, но остается ряд вопросов, о которых у меня сформировались собственные представления. Большой частью это обусловлено тем, что историю Боспора я изучаю «изнутри», сталкиваясь с различными сторонами боспорской истории каждый день. Это не только собственные исследования кургана на некрополе Юз-Оба, поселения классического времени или некрополя римского времени, но и охранные наблюдения за земляными работами в Керчи, а также анализ археологических раскопок других экспедиций. Все это позволяет мне представить свою точку зрения на некоторые моменты истории Боспора.

Греческая колонизация. В ряде работ постулируется тезис, что греческая колонизация проходила на незаселенные земли¹. Мои на-

¹ *Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский во время греческой колонизации // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 213; *Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. М., 1983.

блюдения свидетельствуют об обратном — греки внедрялись в уже обжитые районы, завязывали торговые отношения, вокруг эмпориев, из которых впоследствии и вырастали так называемые «малые города Боспора». Свидетельством тому может служить сообщение Стефана Византийского о том, что при основании Пантикапея сын Аэта получил место для города от *скифского царя* Агаэта (s.v. Παντικάπειον), а также сообщение Псевдо-Скилака (Ps.-Scyl. 70), что *в стране синдов* находятся эллинские города: Фанагория, Кепы, Синдская гавань, Патус.

Мне представляется невероятным предположение, что прибывшие колонисты, в пусть даже демографически не перегруженную, чужую страну свободно распоряжались землями. В любом случае прибывшие на поселение эллины вынуждены были договариваться с местными хозяевами. Как и сегодня, в античности, несмотря на безлюдность территорий, не было свободных земель. У каждого куска земли был свой хозяин.

Недавняя ревизия существования догреческого населения Боспора показала, что южный склон горы Митридат в районе Долгой Скалы и Соленого озера был заселен уже с эпохи мезолита, причем следы жизнедеятельности человека фиксируются здесь на всем протяжении до греческой колонизации². Находки, связанные с аборигенным населением, предшествующим греческой колонизации, зафиксированы и на северном склоне горы Митридат³. Переотложенный характер находок объясняется тем, что при застройке северного склона горы повсеместно было проведено террасирование, уничтожившее следы более ранних поселений.

Колонизация Боспора проходила в нескольких частях одновременно выходцами из различных метрополий. Помимо Милета, выведшего колонии Пантикапей, Феодосия и Кепы, в этом процессе принимали участие Теос и Митилены. Из этого процесса нельзя исключать Самос, который в первой половине V в. до Р.Х. являлся одним из наибо-

С.370–371; Шелов–Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 г. Москва, 1985. С. 53; Масленников А.А. Основные этапы этнической истории Европейского Боспора // Киммерийцы и скифы. Семинар памяти А.И. Тереножкина. Кировоград, 1987. С. 15–17.

² Куликов А.В., Бейлин Д.В., Ермолин А.Л., Столяренко П. Г. Археологические разведки на южном склоне Митридатской гряды (еще раз к вопросу о догреческом поселении на месте Пантикапея) // ДБ. 16. 2012. С. 265.

³ Марченко И.Д. Новые данные о догреческом Пантикапее // Пантикапей. МИА. 103. Москва, 1962. С. 86–90.

лее могущественных и экономически развитых греческих государств. Самосское влияние фиксируется в различных областях Боспора, однако находки самосских изделий в ранних культурных напластованиях Нимфея необычно многочисленны по сравнению с аналогичными находками из других городов⁴. Помимо самосской керамики, включая транспортные амфоры, к продукции Самоса следует отнести и ряд терракот, например, терракоты сидящих богинь, которых зачастую связывают с Деметрой, но правильнее все же их именовать Герой, поскольку прямые аналогии они находят с герооном Самоса. Самосские монеты известны в составе ранних кладов⁵.

С Самосом связана и чеканка монет с надписью ΣΑΜΜΑ⁶, приписываемых чеканке Нимфея. Впрочем, никто из исследователей не рассматривал генезиса перехода монет с надписью ΣΑΜΜΑ «голова Геры — пасть льва» к чеканке монет с легендой ΝΥΝ (или ΝΥ) и изображением «голова нимфы — виноградная лоза» (рис. 1.1). Видимо еще и потому, что точек соприкосновения нет! Монеты с ΣΑΜΜΑ (рис. 1.2–3) к Нимфею отношение имеют опосредован-

Рис. 1

⁴ Худяк М.М. Из истории Нимфея (VI–III веков до н.э.). Л., 1962. С. 39, 47; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 175.

⁵ Абрамзон М.Г. Экономические связи Боспора в VI в. до н.э. — III в. н.э.: греческие монеты в денежном обращении // Проблемы истории, филологии, культуры №1 (2010). Магнитогорск; М., 2010. С. 483.

⁶ О значении надписи ΣΑΜΜΑ также существует множество гипотез, последняя из которых относит к Кипру. См.: Суриков И.Е. Σαστήρ – *σασμα – σα-σα-μα-ο-σε – (Новые соображения в связи с загадочной боспорской монетной легендой: «херсонесский след» и «кипрский след») // ДБ. 2011. Т. 15. С. 275–287 с литературой.

ное — большая их часть была найдена вблизи мыса Кара-Бурун, где находится городище Нимфей. Поселение, где концентрируются эти монетные находки, находится под водой и частично на берегу в 500 м от городища Нимфей, имеет название «Эльтиген-музей». Именно в этом месте ныне (а возможно, и в древности) существует спуск к берегу. Второй спуск находится несколько западнее⁷ (рис. 2). И там, и там, на берегу зафиксированы следы архаического поселения. Это место удобно для подхода кораблей и устройства эмпория. Собственно, основная масса монетных находок концентрируется на береговой линии между двумя пунктами.

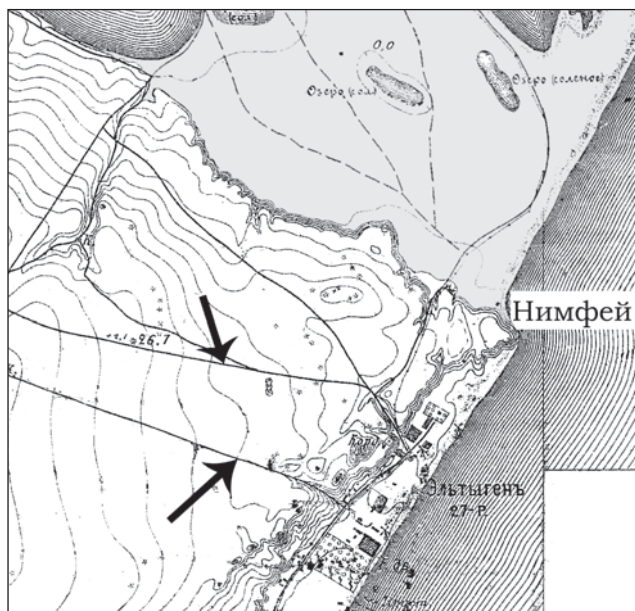

Рис. 2

Монеты с легендой ΣAMMA , возможно, чеканились на Самосе для самосцев, участвующих в сооружении святилища, раскопанного М.М. Худяком. Видимо этим объясняется мелкий номинал этих монет, соответствующий дневному заработку. Я полагаю, что правильное объяснение этой легенды принадлежит В.П. Яйленко, который предположил, что ΣAMMA это $\Sigma\alpha\mu(\iota\omega\nu)$, $\text{Ma}(\tau\rho\acute{o}\varsigma)$ «монета

⁷ На рисунке дороги, ведущие к берегу, показаны стрелками, а заливкой — древний морской залив.

самоссец, храма (?) Матери»⁸. Единственное замечание в том, что не храма (следы которого нам неизвестны), а святилища.

Фракийцы. В 438/7 году произошло событие, изменившее ход истории Боспора. Смена династии изменила многое и в политике, и во внешнем облике власти. В монетной чеканке храмовые монеты с львиным скальпом и надписью АПОΛ сменяются монетами с надписью ΠΑΝΤΙ. У ряда исследователей, в том числе и у меня, нет сомнений, что новая династия Спартокидов имеет фракийские корни. Видимо с появлением новых династов появляется и новое название города — Пантикапей, а также и калька известного фракийцам названия пролива — Боспор.

Помимо известных доказательств фракийского происхождения боспорских царей, столь эффектно «опровергнутых» А.Н. Васильевым⁹, укажу на появление уступчатых склепов, имеющих прямые аналоги с фракийскими гробницами. Как известно, именно в том районе существовал обычай возводить погребальные комплексы в виде жилища или храма. Если предположить, что и в данном случае уступчатые склепы воспроизводят жилища этих этносов, то это должны быть полуземлянки, квадратные или круглые в плане. Скорее всего, верхняя часть их была не просто шалашом, а сверху еще обкладывалась сырцовым кирпичом. Трудно представить зимующих в шалаше греков, в то время как сырцовые конструкции, заглубленные в землю, весьма эффективно обогревались. Соответственно, небольшой размер жилища позволял достаточно быстро его обогреть. Для этого мог использоваться не только сушеный кизяк, но и кир. Кир представляет из себя песчаники и глины, пропитанные нефтью. Он в большом количестве находится в нефтеносных местах Керченского полуострова. Так, в 1920 г., англичане приготавливали из кира кирпичики, употребляемые как топливо в печах домов города Керчи. Использованный кизяк и кир быстро образуют огромные холмы пепла, которые характерны были не только для античных, но и для татарских поселений в новое время.

Внутреннее устройство подобных жилищ напоминало знаменитые уступчатые склепы. Именно так выглядит знаменитый Куль-Обский склеп, о принадлежности его боспорским династам Спартоку и Пе-

⁸ *Яйленко В.П.* Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. — V в. н. э. М., 2010. С. 484.

⁹ *Васильев А.Н.* К вопросу о фракийском происхождении Спартока (анализ, гипотезы) // Вопросы политической истории СССР. М.; Л., 1977. С. 194–215.

рисаду я уже писал¹⁰. Он заглублен в скалу, а перекрытие его опирается на уровень древней поверхности. Землянки на Боспоре хорошо известны, для примера упомяну лишь открытый мной памятник «Госпиталь» в 3 км от Пантикапея¹¹.

Если признать фракийское происхождение уступчатых склепов, то становится понятен и феномен кургана Огуз. Сложилось мнение, что его построили боспорские мастера для скифского вождя. С другой стороны, присутствие значительного фракийского элемента в погребальном инвентаре заставляет предположить наличие среди строителей фракийцев.

Есть фракийские вещи и среди боспорских находок. Свидетельством фракийского присутствия может служить найденная в 1998 г. каменная форма для отливки конической ворворки и наконечника ножен в виде фигуры согнувшегося хищника¹². Форма выполнена на слоистом сланце светло-желтого цвета и предназначалась для отливки одновременно двух предметов — конической ворворки и фигуры согнувшегося хищника (рис. 3). Размер формы 76 × 91 мм и толщиной 26 мм. Рабочая поверхность темного цвета. Ворворка диаметром 19 мм, рельеф же хищника заглублен на 0.5 мм. Наличие углублений для второй половины свидетельствует о ее существовании. Скорее всего, это была плоская плитка, поскольку двусторонние ворворки мне неизвестны. Очевидно, и фигура хищника была односторонней.

Данная форма — не единственная находка на Боспоре. Фрагментированная литейная форма ворворки была найдена на Центральном раскопе в Пантикапее¹³. Эти конические объекты (faceted), являют-

¹⁰ Федосеев Н.Ф. Эллиское и варварское в погребении кургана Куль-оба // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 377–385.

¹¹ Федосеев Н.Ф. Поселение «Госпиталь» // Проблемы археологии и истории Боспора. Керчь, 1991. С. 29–31.

¹² Форма была найдена недалеко от северного склона Золотого кургана, в пойме реки Мелек-Чесме, в 25 м от правого берега реки, на территории села Мичурино, в золистом слое на глубине 1,5 м (при строительстве котлована под дом). Визуально на поверхности поселение не прослеживается. Не отмечено оно и на археологических картах. Совместно с ней были выявлен амфорный материал V–IV вв. до Р.Х., красно-фигурный сосуд с изображением квадриги.

Я благодарю Л.Ю. Пономарева за возможность ознакомиться с данным артефактом и условиями его находки. В настоящее время местонахождение формы неизвестно.

¹³ *Трейстер* М.Ю. Бронзолитейное ремесло Боспора // СГМИИ, 10. Археология и искусство Боспора. 1992. С. 72. Рис. 1.

ся, возможно, соединением для отверстий кожаных ремней. Я же полагаю, что эти предметы — окончания плеток. Иначе чем объяснить их массовые находки на варварских поселениях и городищах? Подобные изделия достаточно часто встречаются в скифских курганах. В большом количестве подобные свинцовые ворворки найдены были на селищах степной зоны юго-восточного Крыма; А.В. Гаврилов называет их «пряслицами»¹⁴. Встречаются они в погребальных комплексах в составе конского инвентаря, также на городищах, например, на Бельском. Целая коллекция «свинцовых пряслиц» собрана на Ягорлыцком поселении¹⁵.

На форме также вырезано изображение хищника с выгнутой спиной. Композиционно верх формы представляет собой овал и вполне схож с золотыми бляшками звериного стиля. Тело и морда хищника переданы достаточно реалистично, чего не скажешь о лапах, которые выглядят несколько увеличенными. Похожее изображение животного в аналогичной позе присутствует на золотой пекторали, найденной в жертвенной яме Басовой могилы, находящейся на территории Болгарии¹⁶ (рис. 3.5). Предмет, вырезанный в форме, предназначался для отливки ножен меча фракийского типа. Один аналогичный наконечник был найден в Урус-Мартане¹⁷ (рис. 3.3). Второй, более схожий наконечник, хранится в Херсонском музее¹⁸ (рис. 3.4).

Есть фракийские элементы и в ранней лепной керамике, однако их количество, как отмечают исследователи, невелико¹⁹. Возможно, их число возрастет при появлении специальных исследований.

Фракийцы упоминаются и античными авторами — Диодором Сицилийском в пассаже о борьбе Евмела со своими братьями. На стороне противника Евмела — Сатира, по сведениям Диодора, воевали

¹⁴ Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004. С. 333–334.

¹⁵ Островерхов А.С. Ольвия и торговые пути Скифии // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981.

¹⁶ Археологический музей Пловдива, № 1514 — *Meijden E., Nikolov V.* Die alten Zivilisationen Bulgariens. Das Gold der Thraker. 15. März — 1. Juli 2007. Antikenmuseum Basel und Sammlung Ludwig. № 125a.

¹⁷ Манцевич А.П. Горит из кургана Солоха // Культура и искусство античного мира. Л., 1962. Рис. 14.6.

¹⁸ Там же. Рис. 14.7.

¹⁹ Бутягин А.М. Варвары на поселениях архаического Боспора: по материалам лепной керамики из ранних комплексов Нимфея и Мирмекия // Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. СПб., 6–9 октября 1998 г., СПб., 1998. С. 144.

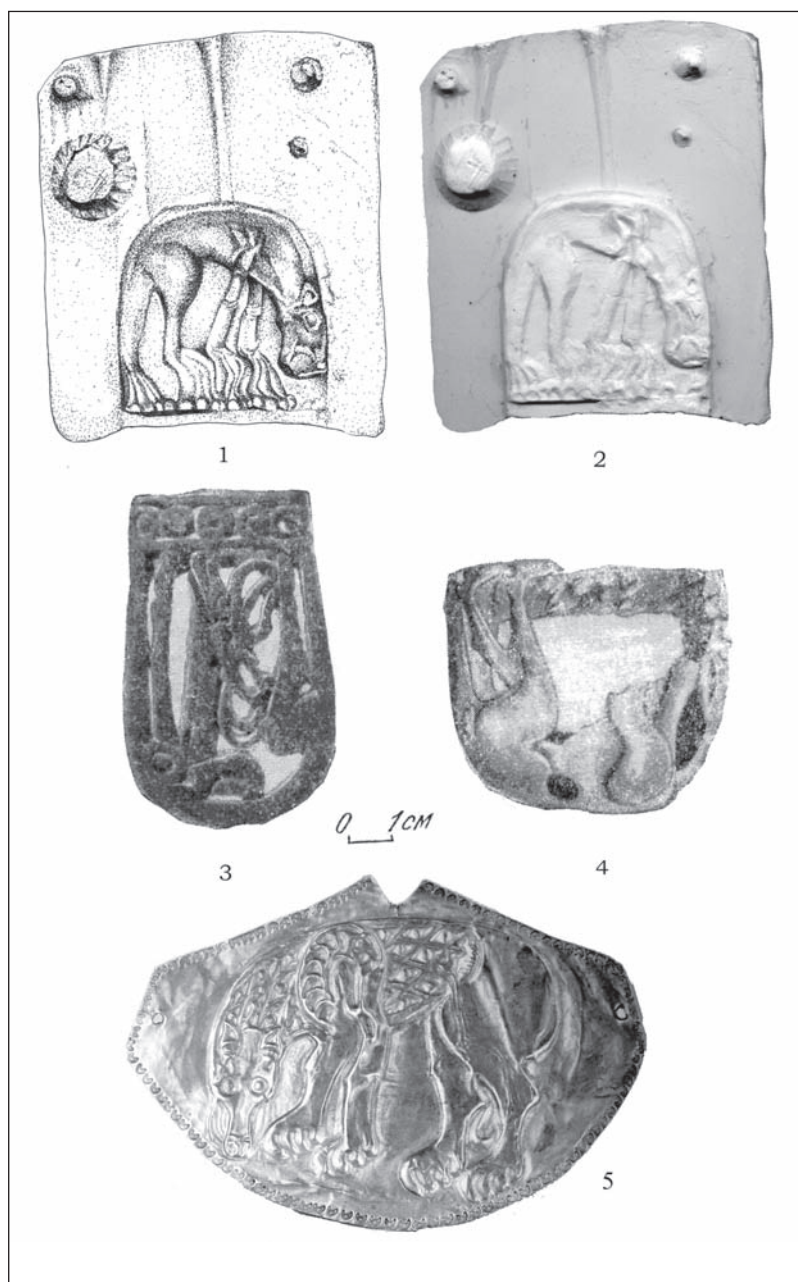

Рис. 3

скифы и фракийцы [Diod. XX.22]. О том, что скифские войска воевали против Евмела, свидетельствует факт, что сын Сатира Перисад нашел убежище у скифского царя Агара [Diod. XX.24]. На стороне Эвмела был царь фракийцев «Ἀριφάρης ὁ τῶν Θράκων βασιλεύς». Термин Θράκων большинство исследователей посчитали ошибкой, и были предложены исправления текста — две известные конъектуры: вместо «фракийцев» (ΘΡΑΚΩΝ) читать «фатеев» (ΦΑΤΕΩΝ) или «сираков» (ΣΙΡΑΚΩΝ).

Первая конъектура предложена А. Беком [SIG. II.103-104]. «Весьма остроумной» посчитал ее В.В. Латышев²⁰, позднее она была принята целым рядом исследователей²¹. Навряд ли замену на фатеев можно признать удачной, поскольку фатеев упоминаются в боспорских надписях [КБН. 9, 25, 972, 1015], как народ, подчиненный Боспору, и вряд ли они могли выставить то количество воинов, о котором пишет Диодор.

Наиболее удачной считается вторая конъектура (ΣΙΡΑΚΩΝ), предложенная К. Мюллером²². Сарматское племя сираков вполне могло располагать значительными военными силами. Считается, что и описка из ΣΙΡΑΚΩΝ на ΘΡΑΚΩΝ более вероятна. Неудивительно, что данная гипотеза также имеет большое число сторонников²³.

²⁰ Латышев В.В. Краткий очерк истории Боспорского царства // Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 67.

²¹ См.: Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М; Л., 1949. С. 73; Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 221; Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 85; Анфимов Н.В. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958. С. 19 сл.; Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–V вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 г. М., 1985. С.150; Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 297; Werner R. Die Dynastie der Spartokiden // Historia. Band IV. 1955. S. 417.

²² См.: Kiessling E. Gargasa // RE. VII. 13. 1910. Sp. 759.

²³ См.: Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 177; Струве В.В. Древнейший историк СССР // Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. С.151; Башкиров А.С. Из истории Патрея III–I вв. до н.э. // ЗОАО. 2(35). 1967. С. 96; Десятчиков Ю.М. Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977. С. 46; Жаюновский А.М., Марченко И.И. Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории. Тезисы докладов конференции. Азов, 1988. С. 47; Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922. P. 145; Rostovtzeff M. The Bosporan Kingdom // САН. VIII. 1930. P. 577; Sulimirski T. The Sarmatians. New York, 1970. P. 95; Виноградов Ю.А. Усобица сыновей боспорского царя Перисада I // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар, 2003. С. 82–86.

Только археологические источники свидетельствуют, что в IV в. до Р.Х. сираков здесь не было, т.к. сарматских погребений IV–III вв. до Р.Х. насчитывается немного²⁴.

Еще одно обстоятельство свидетельствует против восстановления «сираки» — нигде не упоминаются цари сираков, в то время как во главе фракийцев были именно цари.

Учитывая фракийское происхождение боспорских царей²⁵, тесные связи Боспора с Северной Эгеидой, я считаю, что более подходят оригинальные сведения Диодора, чем поздние исправления на сираков и фатеев.

Эта гипотеза делает более правдоподобным и восстановление в списке афинских данников за 425/4 г. до Р.Х. перечень причерноморских городов, упомянутых в составе Фракийского податного округа²⁶.

Роль Фасоса. Гипотеза о присутствии фасосцев на Боспоре высказана А.Дж. Грейемом²⁷, который предположил, что Спартокиды были родом из Фасоса. Он отметил популярность имени Горгипп на Фасосе и параллели эмблем на фасосских клеймах и в пантикапейской чеканке. Эта гипотеза, кроме критики С.Р. Тохтасьева²⁸, не вызвала отклика у отечественных историков. Между тем, фасосское происхождение династии Спартокидов объясняет многие стороны в истории Боспора и заслуживает отдельного анализа.

Помимо указанных параллелей, существуют и другие: необычность черепичных клейм Горгиппа (круглое, изображение плющевого венка) (рис. 4.2) имеет прямые аналогии среди фасосских клейм магистрата Телая²⁹ (рис. 4.1). Кроме того, аналогичное изображение можно встретить на клейме мерного сосуда, которое я считаю гор-

²⁴ *Абрамова М.П.* Некоторые особенности взаимоотношений ираноязычных кочевников и оседлых племен Предкавказья // РА. 3. 1992. С. 24.

²⁵ См., например: *Федосеев Н.Ф.* Эллинское и варварское в погребении кургана Куль-оба // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 377–385.

²⁶ *Meritt B.D., West A.B.* The Athenian Assessment of 425 B.C. Ann Arbor, 1934. frgs. 38–40.

²⁷ *Graham A.J.* Thasos and Bosporan Kingdom // Ancient West and East. 2002. 1/1. P. 87–100.

²⁸ *Тохтасьев С.Р.* Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. 3. С. 144–180.

²⁹ Керченский музей, кп79053/ккк3050.

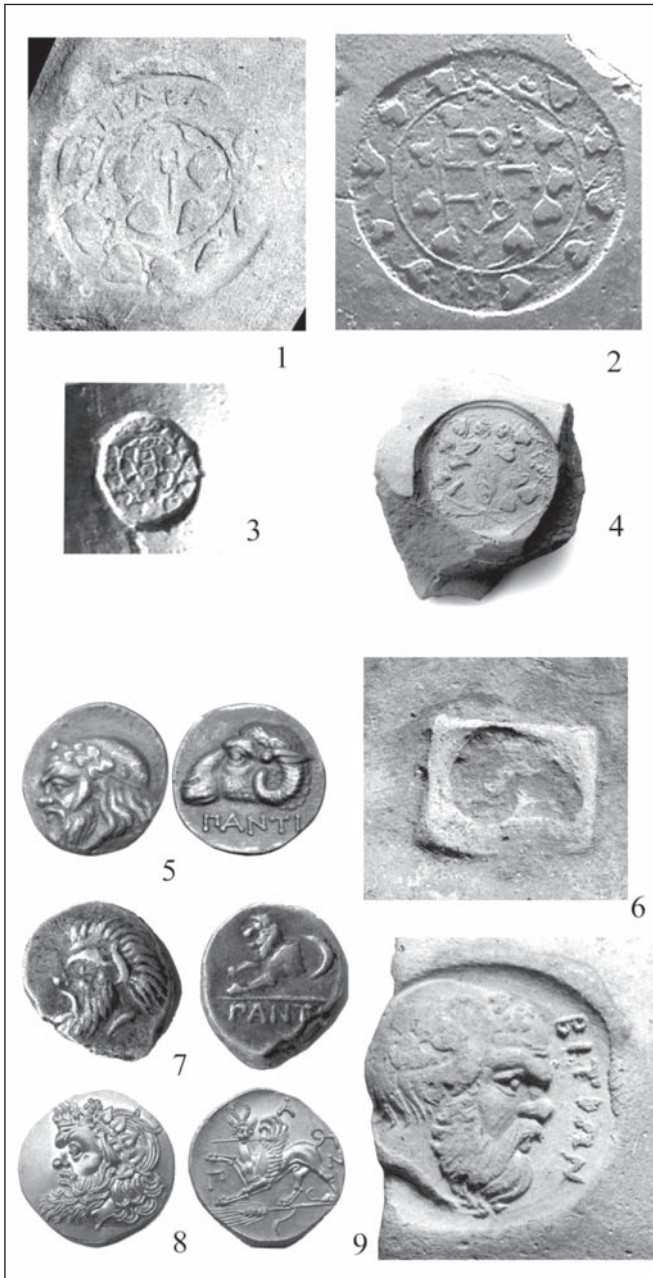

Рис. 4

гипсийским³⁰ (рис. 4.4). В подтверждение этого можно привести аналогичную находку на городище Горгиппии³¹ (рис. 4.3).

О доминировании фасосского импорта на Боспоре в первой половине IV века до Р.Х. уже писали. Следует отметить, что это не простое доминирование фасосского вина на Боспоре. И. Гарлан опубликовал диаграмму находок фасосских клейм³² (рис. 5): из 8193 около половины клейм было найдено на самом острове Фасос, однако основная масса находок происходит не из городских слоев, а из сброса керамических мастерских и, соответственно, эта доля в анализе торговли учтена быть не может. Эти клейма относятся к керамическому браку, и к торговле товаров в амфорах они отношения не имеют. Из Причерноморья (бывшего СССР) происходит 4668 клейм, что составляет 57% от всего материала. За вычетом клейм из керамического брака мастерских этот процент вырастает до 75! Примерно такой же процент (3205=77%) из всех клейм Причерноморья происходит с Боспора³³. Причем более всего представлены ранние клейма, что требует своего объяснения.

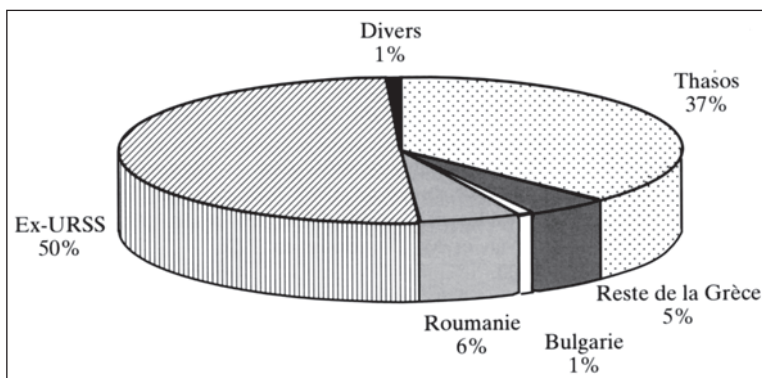

Рис. 5

³⁰ Федосеев Н.Ф. Три новых клейма на тонкостенных сосудах // СА. 1991. 2. С. 244–247.

³¹ «Город», 1964, пл. XX, случайная находка, оп. 29. ИА РАН. Глина тёмно-коричневая, хорошо отмучена, с известью. Кац В.И. Керамические клейма Азиатского Боспора. Часть I. Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище. Саратов, 2013. № 1587.

³² Garlan Y. Les timbres amphoriques de Thasos. 1 Timbres protothasiens et thasiens anciens. Paris, 1999. P.1. Fig.1.

³³ Только в Керченском музее сегодня хранится более 2000 фасосских клейм.

Таким объяснением может быть то, что Фасос принимал активное участие не только в экономике, но и в политической жизни Боспора. Интересно отметить, что фасосские амфоры присутствуют во всех элитных боспорских погребениях, причем ряд амфор клеймились штампами, не имеющими аналогов³⁴, что позволяет утверждать об особых поставках такого вина именно для погребения. Так, для погребений царского некрополя Юз-Обы присутствие партий фасосских амфор является правилом. Если раньше это объяснялось дороговизной фасосского вина, то, учитывая фасосские корни Спартокидов, наличие фасосского импорта в элитных боспорских погребениях имеет больше оснований, чем просто дорогое вино.

Интересно сравнить эмблематику на боспорских монетах и на фасосских клеймах. Так, по мнению Д.Б. Шелова, «внезапное прекращение аполлонийской... чеканки, по-видимому, связано с какими-то изменениями в политической жизни боспорских городов. В то же время в самом Пантикапее происходит смена монетного типа: вместо прежнего рисунка... новый тип реверса — голова барана в углубленном квадрате»³⁵ (рис.4.5). Аналогичное изображение головы барана в это же время, в конце V в. до Р.Х., присутствует на фасосских клеймах (рис.4.6).

Не исключено, что чеканка знаменитых боспорских статеров (рис. 4.8) также связана именно с Фасосом. Изображения сатира на фасосских клеймах (рис. 4.9) и боспорских монетах (рис. 4.5,7,8), без сомнения, имеют определенное сходство. Я предполагаю, что Боспор размещал заказ чеканки статеров на фасосском монетном дворе и из фасосского золота. Своего золота на Боспоре не было, а на Фасосе и на материке в Скаптегеле золото добывалось в промышленных масштабах.

Персидское влияние. В 1993 г. в редакцию ВДИ мной была представлена статья о персидском влиянии на города Северного Причерноморья, но опубликована она была в 1997 г. в журнале «Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan»³⁶. С того времени многое в моих взглядах изменилось, но осталось главное — уверенность в участии Ахеменидов в политической жизни Боспора. За это время появились

³⁴ Федосеев Н.Ф. Тризна Змеиного кургана некрополя Юз-Оба // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Т. 2. СПб., 2007. С. 296–303.

³⁵ Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. Москва, 1956. С. 30.

³⁶ Fedoseev N. Zum achämenidischen Einfluß auf die historische Entwicklung der nordpontischen griechischen Staaten // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 29. 1997. S. 309–319.

новые свидетельства персидского присутствия на Боспоре. Ю.А. Виноградов в докладе в 2011 г. продемонстрировал рисунки саркофага с изображением Ахуры Мазды из Баксинского кургана, персидские золотые бляшки³⁷. По его мнению, «величайшая монархия Азии не могла не оказывать влияние на историческое развитие Боспора (и не только Боспора!) одним фактом своего существования»³⁸. Учитывая, что Ю.А. Виноградов предположил, что в Баксинском кургане захоронен боспорский царь Сатир³⁹, следует констатировать, что Персия оказывала влияние не просто на Боспор, а на его царей. С верхушкой власти связаны и находки Ахеменидского импорта на Боспоре, особенно печатей, число которых (18)⁴⁰ превышает все остальные находки⁴¹. Впрочем, М.Ю. Трейстер не склонен связывать их с ахеменидским влиянием, объясняя их присутствие торговыми или дипломатическими контактами.

Однако справедливое замечание С.А. Яценко, что печати первого уровня не теряли и их не пропивали в кабаках, заставляет задуматься: с чем же связывать появление этих печатей на Боспоре? Другого ответа как присутствие на Боспоре персидских дипломатов, у меня нет. Более того, аргументация М.Ю. Трейстера интересна, если рассматривать только эти печати и не учитывать другие находки.

Помимо комплекса Баксинского кургана, существует ряд артефактов, говорящих о персидском присутствии на Боспоре. Недавно, в районе Китея был обнаружен дарик⁴² (рис. 1.4). Интересно, что на поселении Журавки 1, около Феодосии, была найдена гераклейская амфора с оттиском дарика⁴³.

³⁷ Виноградов Ю.А. Курган у села Баксы в Восточном Крыму // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной конференции. СПб., 2011. С. 185–191.

³⁸ Там же. С. 191.

³⁹ Ранее, в докладе о тризне Змеиног кургана на конференции в 2007 году я высказал то же предположение.

⁴⁰ См., например, рис. 6 по: Minns E. Greeks and Scythians. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from Danube to the Caucasus. Cambridge, 1913. Fig. 298.

⁴¹ Трейстер М.Ю. Ахеменидские «импорты» на Боспоре Киммерийском. Анализ и интерпретация // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной конференции. СПб., 2011. С. 113–121.

⁴² Kulikov A. Akra and its Chora // Ancient Greek Colonies in the Black Sea / Edited by Dimitrios V. Grammenos and Elias K. Petropoulos. BAR S1675, 2007. fig. 6.19.

⁴³ Гаврилов А.В. Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников) / Археологический альманах. №24. Донецк, 2011. С. 183.

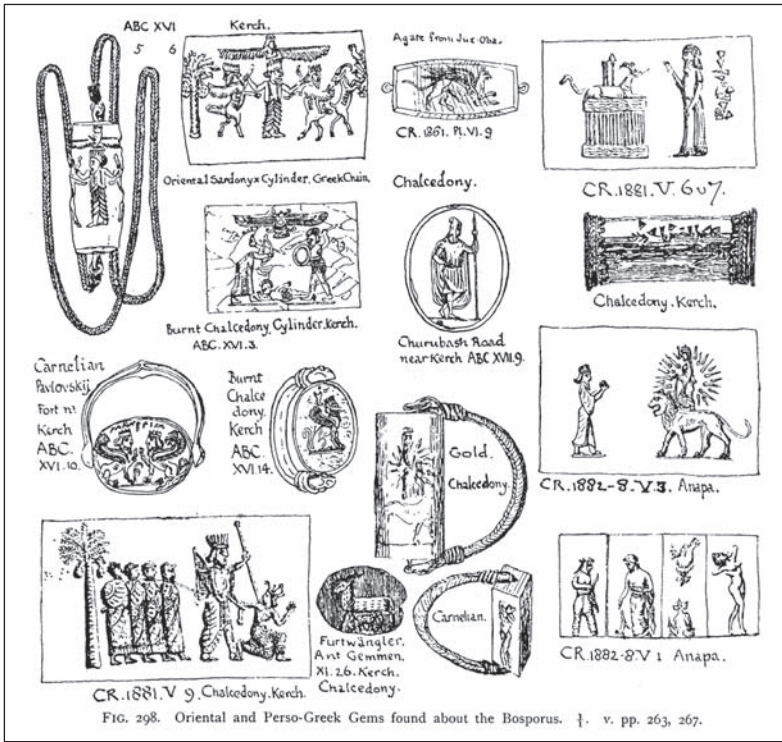

FIG. 298. Oriental and Perso-Greek Gems found about the Bosphorus. f. v. pp. 263, 267.

Рис. 7

Рис. 6

В этой связи стоит вспомнить полумесяц на гераклейских монетах и амфорных клеймах. Аналогичный полумесяц зафиксирован на боспорских монетах (рис. 4.7) и на черепичных клеймах (рис. 7). Правда, на последних он рассматривается как знак сокращения в виде лунарной сигмы. По временным характеристикам этот знак лунарной сигмой быть не может. Более того, ряд имен в клеймах передан почти полностью и необходимости в сокращении нет. На рисунке 7 приведены все случаи присутствия знака сокращения на боспорских черепичных клеймах, овалом выделены случаи, когда необходимости в употреблении этого

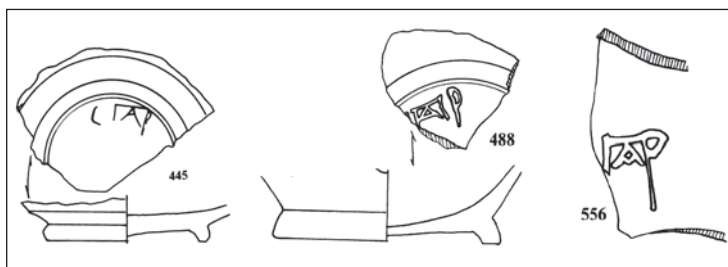

Рис. 8

знака нет. Скорее всего, этот знак символизирует полумесяц, тогда следует объяснить наличие полумесяца как на монетах, так и на клеймах в определенном хронологическом промежутке. Я полагаю, что это также проявление проперсидской политики Спартокидов. По всей видимости, приход к власти Спартокидов осуществился не без помощи персидской державы.

В этой связи интересно граффито (№445) из раскопок Генеральское-Западное (рис. 8), состоящее, как пишут авторы, из буквы С и монограммы ПАР, в которой угадывается имя, начинающееся на СПАР[...] — Спарток, один из правивших династов с этим именем, хотя монограмма могла принадлежать другим именам. Авторы, исходя из того, что поселение Генеральское Западное было центром царского землевладения, склоняются к восстановлению Спарток⁴⁴. Их абсолютно не смутила датировка аттической чернолаковой тарелки, которая не выходит за пределы IV в. до Р.Х. Появление в это время лунарной сигмы для Боспора нонсенс. Не смутило их и то, что сокращенное имя Спартока хорошо известно на поселении Генеральское Западное по черепичным клеймам в написании ΣΠΑΡ с ломаной сигмой и без монограммы. В данном случае изображена не лунарная сигма, а полумесяц в сочетании с монограммой ПАР или ПΑΡ, что позволяет восстановить имя Перисада. Такая трактовка не противоречит царской принадлежности усадьбы в Генеральской бухте и датировке самого фрагмента.

Аналогичным образом следует восстановить и легенду граффито №488 (рис. 8), где от первой буквы сохранились лишь следы. В другом граффито №556 авторы уже допускают чтение *Перисад*. Следует

⁴⁴ Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Боспорские исследования. Suppl. 1. Симферополь; Керчь, 2007. С. 100, №445.

обратить внимание на удлинении последней буквы монограммы, что является, на мой взгляд, доказательством чтения именно ПАИР. Таким образом, на трех граффити из Генеральского Западного следует восстанавливать имя боспорского царя Перисада (344/43–311/10 гг. до Р.Х.). Знак перед монограммой является полумесяцем. Конечно, полумесяц символ не только восточных монархий и был широко распространен в античном мире, но, учитывая кратковременный период его употребления на Боспоре, логично связывать его именно с влиянием, а не с модой.

Еще один аргумент не может остаться в стороне — смена весовой системы монетной чеканки Боспора. До конца архаического периода Пантикапей выпустил несколько серий серебра, последняя из которых (ок. 490–480 гг.) чеканена по персидской весовой системе⁴⁵. Переход на персидскую систему (вес драхмы — 5,45–5,40 г) явился, вероятно, следствием похода Ксеркса в Грецию, когда многие города Геллеспонта, Боспора Фракийского, Фракии и собственно Греции оказались под властью персов⁴⁶. В зависимость от Персии попал и Боспор.

«Полис и хора» Боспора. Как известно, на Боспоре правили цари — от их имени издавались декреты, их имена присутствуют на керамических клеймах, и никаких однозначных свидетельств существования полисных магистратур за двухсотлетнюю историю изучения Боспора найдено не было. Между тем, ряд исследователей уверены в наличии полисных магистратур. Замечу сразу, что это мнение ошибочно и большинство таких доказательств базируются на импортных предметах, к Боспору отношения не имеющих.

Упомянутое Диодором собрание пантикапейцев, созданное Евмелом, следует признать событием экстраординарным. В этой связи интересно вспомнить о приходе к власти в Македонии Александра III: после смерти Филиппа II, на македонский трон претендовали Аминта, сын царя Пердики III (Плутарх, *О судьбе*, 1, 3; Курций Руф, VI, 9, 17), сводный брат Александра Каран (Юстин, XI, 2, 3). Оба претендента были обвинены в заговоре и казнены. Были серьезные опасения, что власть Александра может оспорить Агтал, сын последней жены Филиппа. Агтал был убит (Диодор, XVII, 2, 5–6; 5,2; Курций Руф, VII, 1, 3; VIII, 7, 5). Александр, в соответствии с македонскими обычаями, был провозглашен ца-

⁴⁵ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 23.

⁴⁶ Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 7.

рем войсковым собранием, где он заявил, что переменялось только имя царя, а «бразды правления будут натянуты так же крепко, как и при отце» (Диодор, XVII, 2). Эта история перекликается с приходом к власти на Боспоре Евмела, где по сообщению того же Диодора (XX, XXII, 1–24, 4), Евмел умертвил всех законных претендентов на престол — своих братьев, а на созванном собрании обещал сохранить образ правления своих предшественников (πάτριον πολιτεῖαν παστρίων πολιτεῖαν) и подтвердил привилегии пантикапейцев (ἀτέλειαν).

Попытки других исследователей восстановить в одном случае название магистратуры «астином» или найти какие-либо другие следы полисной магистратуры пока подтверждения не получили. К примеру, Е.А. Молев, публикуя интереснейшее клеймо на стенке мерного сосуда боспорского производства, с легендой Πολυξείδου | Σατυριώνος, пишет: «клеймо астинома (? — Н.Ф.) Сатириона сына Поликсенида (? — Н.Ф.), что свидетельствует о существовании в городе полисных магистратур (! — Н.Ф.)⁴⁷. Вывод более чем смелый, поскольку в легенде нет названия магистратуры, да и принадлежность этого клейма к Китею также не доказана. Аналогичное клеймо было найдено в Гермонассе⁴⁸. Не исключено, что этот же оттиск был обнаружен в Ольвии⁴⁹. Интересна в этой связи находка на поселении Заветное 5 фрагмента мерной ойнохой боспорской глины, где клеймо ΔΗΜΟ|ΣΙΟΝ⁵⁰ было залеплено нашлепкой из глины. Видимо, такие клейма не приветствовались.

В исторической науке термин «полис» применяют к боспорским поселениям, начиная с эпохи архаики. Античные авторы оставили нам целый список названий боспорских поселений (так называемых малых городов). Решив в целом проблему их локализации, современные исследователи склонны датировать упоминаемые античными авторами поселения периодом классики и даже архаики. Учитывая, что сообщения упомянутых авторов датируются римским временем или периодом поздней античности, то правомерно поставить

⁴⁷ Молев Е.А. Боспорский город Китей // Боспорские исследования. Suppl. 6. Симферополь; Керчь, 2010. С. 52, рис. 72.

⁴⁸ Коровина А.К. Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М., 2002. С. 62.

⁴⁹ Рубан В.В. Магістратура агораномів в Ольвії // Археологія. 39. 1982. С. 39.

⁵⁰ Федосеев Н.Ф. Керамические клейма из раскопок 2002 г. на поселении Заветное-5 // Соловьев С.Л., Шепко Л.Г. Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное 5. Часть 1. СПб., 2004. №42.

вопрос, с какого периода можно применять эти названия и к какому типу поселения относить. В большинстве случаев исследователи решают эту проблему просто, синхронизируя историческое название с находкой наиболее древней греческой посуды. Присутствие практически на каждом из «античных» поселений более древних артефактов игнорируется, поскольку возникновение самих колоний (=поселений) связывают именно с Греческой Колонизацией. В результате появились такие определения, как «архаический Порфмий, Мирмекий, Тиритака», «хора архаической Тиритаки» и проч.

Такая методология мне представляется ошибочной. Если достоверно известно, что такое-то поселение существовало в период, скажем, эллинизма, то наличие на его территории более ранней керамики совсем не означает, что в этот ранний период статус поселения был такой же. Не исключено, что в ранний период на его территории находилось небольшие постройки в рамках одной (или нескольких) семьи (-ей), что, естественно, не дает оснований считать его полноценным поселением.

Исходя из современных знаний о боспорских поселениях VI–V вв. до Р.Х. мы должны констатировать, что практически на всех них зафиксированы следы более раннего населения, артефакты которого сопутствуют вместе с греческой керамикой в культурных слоях. В.Д. Блаватский и В.Ф. Гайдукевич рассматривали их как свидетельства существования варварского, догреческого населения⁵¹. Н.В. Молева считает, что древности эпох камня и бронзы в античных слоях связаны с хтоническими культовыми обрядами самих греков, скорее всего жертвоприношениями, использованиями их в качестве оберегов и апотропеев⁵². Но такая трактовка не может объяснить наличие большого количества варварской керамики в ранних слоях, которая, по словам Е.Г. Кастанаян, «красноречиво говорит о тесной связи культуры этих городов с местной этнической средой»⁵³. Един-

⁵¹ *Блаватский В.Д.* Архаический Боспор // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. МИА. 33. 1954. С.7–44; *Блаватский В.Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. Москва, 1964; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий // Археология и история Боспора. I. Симферополь, 1952. С. 19–42; *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия 1946–1952 гг. // Боспорские города. II. МИА. 85. М.; Л., 1958. С. 149–218.

⁵² *Молева Н.В.* Древности эпохи камня и бронзы на античных памятниках Боспора // АМА. 2002. Вып. 11. С. 206.

⁵³ *Кастанаян Е.Г.* Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки // Боспорские города. I. МИА. 25. М.; Л., 1952. С. 288.

ственным верным объяснением более раннего материала остается наличие варварского населения в ранний период образования поселений, что подтверждают и полевые исследователи Боспора⁵⁴. Здесь актуальным становится точность датировок варварской керамики и остальных артефактов.

Состав поселений в период греческой колонизации определяется характером самих поселений. По мнению Ю.А. Виноградова, они представляли собой своеобразную форму организации *сельской* территории, сложившейся в условиях нестабильной демографической ситуации в колонизованном регионе⁵⁵. Ю.А. Виноградов считает их «аграрными городами» (или «городами-деревнями») — *центрами сельскохозяйственных округ* («демами») Пантикапея. Исследователь полагает, что только шесть городов Боспора могут с полным основанием считаться полисами, остальные поселения — продуктом внутренней колонизации этих гражданских общин⁵⁶. Аграрными считает их и С.Ю. Сапрыкин⁵⁷.

Между тем, в прибрежной зоне, где доминируют солонцовые почвы, малопригодные для выращивания сельскохозяйственных культур, где в зимнее время дуют с моря ветра, несущие соленую влагу, а также близко расположены скальные породы, развитие сельского хозяйства весьма затруднительно. Этому множество примеров из современности, когда дачные участки на берегу были заброшены. Другое дело темно-каштановые и каштановые почвы в глубине Керченского полуострова, которые пригодны для выращивания полевых и кормовых культур. Но в этом районе доминируют варварские поселения. Что же заставляло древних греков устраивать поселения именно на берегу? Ответ известен давно — торговля. Естественно, что только торговля могла стимулировать развитие поселений. Для торговли рядом с греческими кварталами селились варвары, жилища которых раскапывают археологи как на самих поселениях, так и вокруг них.

⁵⁴ См., например: *Бутягин А.М.* Варвары архаического Мирмекия // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов XII научной конференции. Ростов на Дону, 2007. С. 37.

⁵⁵ *Виноградов Ю.А.* Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // *Stratum+ПАВ. Скифский квадрат.* Вып. 3. Кишинев, 1999. С. 101–112.

⁵⁶ *Виноградов Ю.А.* К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // *АМА.* 9. Саратов, 1993. С. 82–87.

⁵⁷ *Сапрыкин С.Ю.* Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // *Античная цивилизация и варвары.* Москва, 2006. С. 171–242.

Меновая торговля между туземными племенами и греками составляла основу развития этих поселений. Причина основания многих колоний — это поиск новых источников продуктов. В этом отношении Северное Причерноморье представляло наиболее выгодный вариант. Туземное население, не знавшее напитка крепче пива, охотно меняло на вино продукты собственного труда, т.е. хлеб. Нужно ли говорить, что этот обмен был неравноценным, приведшим вскоре к тому, что Боспор стал одним из самых богатых регионов.

Эмпориальный период продолжался достаточно долго, изменения произошли при смене правящей династии, т.е. в 438 г. до Р.Х. Впрочем, на градостроительном устройстве эти политические изменения могли сказаться лишь в том случае, если правящие круги стремились изменить сложившиеся отношения. Отныне торговля осуществлялась от имени царской династии, и традиционные связи с метрополиями были нарушены или поменялись в соответствии с новой экономической политикой. Действительно, с конца V в. до Р.Х. наблюдаются изменения в списке импортеров на Боспор, а ко второй четверти IV в. до Р.Х. доля черноморских центров становится доминирующей.

Были ли эти поселения полисами? За исключением раннего этапа Нимфея, Феодосии и, естественно, Пантикапея, нет! Боспорские поселения совсем не подходят под определение греческого полиса. По определению Павсания (X. 4. 1), полис должен иметь правительственные здания, гимнасий, театр, агору и общественный водоем. Но даже при отсутствии этих признаков, необходимым являлась четко обозначенная территория (χωρα) и представительство в различного рода союзах. Самым главным признаком греческого полиса является городское ядро (ἄστυ). Полисами такие поселения, как Тиритака, Мирмекий, Порфмий и т.д., не являлись. Ни в одном из них невозможно выделить необходимый элемент полиса — городское ядро (ἄστυ).

В архаическую и классическую эпохи имелось четкое определение полиса, которое практически всегда относилось к большому населенному месту с четко определенной территорией, имело независимую политическую общность со своими законами и своим управлением. Хр. Милета, суммировав различные источники, приводит семь признаков полиса⁵⁸, из которых ни один к боспорским

⁵⁸ *Mileta Ch. Überlegungen zum Charakter und zur Entwicklung der Neuen Poleis im hellenistischen Kleinasien // Stadtbilder im Hellenismus / Hrsg. von A. Matthaiou, M. Zimmermann. Berlin, 2009. S. 70–89.*

поселениям не подходит. Помимо свидетельств Полибия (IV. 65. 3) (архитектурные свойства) и Павсания (X. 4. 1) (политические свойства), Дион Хрисостом (Or. XLVIII. 9) приводит еще больший, но также неполный список признаков полиса: театры, гимнасии, стои, политическое самоуправление, взаимное доверие граждан, общественная собственность (χρήματα δημόσια). Исключение составляют: Пантикапей, Фанагория, Гермонасса, Горгиппия, на определенном этапе Феодосия, Нимфей, Кепы.

Исходя из этого, остальные поселения следовало бы именовать как *большие деревни* (κῶμαι), *поселки* (ἐποικίαι) или *эмпорий* (ἐμπόριοι). Признаки эмпория несет и поселение Генеральское Западное, где раскопками открыто несколько огромных зерновых ям (для сбора зерна) и большое количество амфорных фрагментов, свидетелей торгового обмена зерна на вино. К признакам эмпория следует также отнести и находки свинцовых гирь и клейменных мерных сосудов.

Неизвестно с какого времени к боспорским поселениям стали применяться названия, известные нам из произведений позднеантичных авторов, но очевидно одно — эти названия неправомерно применять к раннему периоду существования этих поселений. Как и в случае с Херсонесом, где А.В. Буйских введен термин «дохерсонесское поселение», ранний период существования следует именовать с приставкой «до» — «домирмекийское, дотиритакское» поселения и т.д.

Интересно также сопоставить и сами названия. Если Нимфей традиционный топоним для античной Греции, то Тиритака, Мирмекий, Китей, Корокондама, Тирамба, Гаргаза уникальны. Это дает все основания полагать, что греческие поселения создавались на местах, где существовали ранее местные поселения⁵⁹. Еще В.Д. Блаватский предполагал, что Тиритака — местное название, относящееся к догреческому поселению. Я бы уточнил: местное название Тиритака стало применяться и к греческому поселению, часть населения которого составляли варвары.

Одним из основных признаков урбанизации поселений являются оборонительные стены. Для греческих городов стены несли не просто элемент фортификации, но и служили маркером, отделяющим город живых от города мертвых, поэтому наличие их — еще и важный религиозный признак.

⁵⁹ Гайдужевич В.Ф., Капошина С.И. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. XV. 1951. С. 165.

Более всего боспорские поселения близки к определению первичного греческого города: деревня, обнесенная, крепостными стенами⁶⁰. Здесь актуальным становится вопрос, когда боспорские поселения были окружены стенами. Сложилось представление, что «вскоре после возникновения городов, вокруг них начали возводить оборонительные стены и башни»⁶¹. Эти стены, как правило, не совпадают в трассировке со стенами, окружающими поселение, которые хорошо известны всем исследователям со времен П. Дюбрюкса.

В качестве примера оборонительных стен архаического времени приводят стену V в. до Р.Х. в Тиритаке, которая соединяла дома. Попытка в 1936 г. найти продолжение этой стены показала, что «значительная часть древнейшей стены ... оказалась полностью разобранной»⁶². Остатки ее (? — *Н.Ф.*) обнаружены лишь под башней II. Важно отметить, что ширина этих стен не превышала 1.80 м. Исследователь пишет, что эти стены сложены из бутового камня на глине из грубо обколотых постелистых кусков известняка и соединяли здания⁶³, что, впрочем, не помешало ему сделать вывод о «монументальной стене». Тут же В.Ф. Гайдукевич отмечает, что такие стены не могли служить вполне надежным средством защиты⁶⁴. Пристальный анализ подобных построек показывает, что стены, сложенные, как правило, без раствора, из необработанных камней или просто из глины, оборонительных функций выполнять не могут. Характерно, что, говоря об архаических оборонительных сооружениях, авторы всегда описывают лишь их фрагменты, абсолютно не рассматривая вопрос о существовании круговой фортификационной системы. Мне еще труднее поверить в оборонительную способность боспорских архаических стен после посещения ряда поселений на территории Греции, где для решения вопроса, оборонительная эта стена или нет, не нужно «включать» воображение.

Представляется, что окружение поселений монументальными стенами с башнями произошло одновременно и причиной послужила одна причина, а именно — дестабилизация обстановки в регионе

⁶⁰ Андреев Ю.В. Начальные этапы становления греческого полиса // Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. СПб., 2003. С. 232.

⁶¹ Петерс Б.Г. Военное дело // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. Москва, 1984. С. 190.

⁶² Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–40 гг. // Боспорские города. I. МИА. 25. М.; Л., 1952. С. 19.

⁶³ Там же. С. 87.

⁶⁴ Там же. С. 89.

в первой трети III в. до Р.Х. В это время практически все сельские поселения Северного Причерноморья переживают упадок, причем большинство из них прекращает свое существование. Одновременная стенохория известных поселений связана с притоком населения, бежавшего с разоренной сельской территории.

Стенами окружаются и Мирмекий, Нимфей, видимо, и Пантикапей. Именно с этого времени внутри этих поселений образуются кварталы с планомерной застройкой, в то время как в предшествующий период мы наблюдаем кустовую застройку, порой выходящую за пределы окруженной стеной поселения. Т.е. в ранний этап функционирования существовал греческий квартал и тяготеющие к нему туземные постройки. С этой точки зрения следует рассматривать и землянку вблизи Тиритаки за трассой оборонительной стены, и землянки вокруг Нимфея. В реальности они не выходили за пределы поселения, а были лишь в составе его, и только позднее, с сооружением стен, руины оказались за их пределами. В случае с Тиритакой речь следует вести не только о землянке⁶⁵, но и о целом поселении VI–IV вв. до Р.Х., расположенного южнее тиритакского плато, в районе аглофабрики, а также поселении эпохи бронзы в 500 м к северу от городища⁶⁶. В целом, вопрос фортификации боспорских поселений, анализ оборонительных сооружений и датировки их, на мой взгляд, вновь актуален.

Управление этими поселениями осуществлялась при помощи родственников царя в качестве *κύριος τοῦ τόπου*. В этой связи следует вспомнить сообщение Исократу о некоем знатном боспорском греке Сопее, который начальствовал над большой областью и осуществлял попечение о владениях Сатира, тирана Боспора, правившего в конце V — начале IV в. до Р.Х. (Isocr. XVII, 3). Нечто подобное мы находим позднее, после присоединения Боспора к Понтийскому царству, когда на Боспоре зафиксирована должность *ὁ ἐπὶ (τῆς) πόλε[ως]* «начальник города»⁶⁷.

С середины III в. до Р.Х. (или чуть ранее) появляются поселения, построенные по единой схеме с оборонительными стенами по

⁶⁵ *Чевелев О.Д.* Варвары в Тиритаке VI–III вв. до н.э. по материалам раскопок некрополя // Проблемы исследований античных городов. Тезисы докладов III научных чтений, посвященных памяти проф. В.Д. Блаватского. Москва, 1989. С. 127–128.

⁶⁶ *Гайдужевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия 1946–1952 гг. // Боспорские города. II. МИА. 85. М.; Л., 1958. С. 181.

⁶⁷ *Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф.* Новые свинцовые пластины с надписями из Восточного Крыма // ВДИ. 2008. 3. С. 75.

периметру, — Порфмий, Сююр-Таш, Танаис, а позднее Илурат и, возможно, Кыз-Аульское поселение. Думается, что эти поселения представляли собой военные крепости, организованные по указу сверху и профинансированные центральной властью. В таких поселениях жили воины, находившиеся на действительной службе, или ветераны вместе со своими семьями. Колонии были подчинены военным командирам и, следовательно, не являлись городами в смысле самоуправляющихся общин.

Более сложен вопрос с Танаисом: возникнув однажды как эмпорий, он затем стал военной колонией. Скорее всего, боспорские поселения представляли собой смешанную форму правления: военной колонии и туземного поселка.

По своему составу боспорские поселения более всего схожи с поселениями эллинистического Востока, где до македонского завоевания существовали туземные общины, которые проживали в туземных городах. При наличии городской планировки, архитектурного облика, они лишены были политической конституции и политической структуры.

Расположенные на всем побережье эти *ἐμπορία* частично выполняли функции полиса — обеспечивали политический, военный и экономический контроль над районами, где они были расположены.

Полис. Одним из признаков полисной структуры являлся в греческих городах остракизм. Насколько мне известно, признаков остракизма на Боспоре не обнаружено. Для городов характерно также развитие ремесла. Ремесленные мастерские и торговля в большом объеме зафиксированы в архаических слоях лишь Пантикапей. В более позднее время ремесло зафиксировано и в других местах, правда, такие случаи единичны. Фактически, единственным свидетельством существования ремесленного производства IV в. до Р.Х. является фрагмент литейной формы, найденный в 2004 г. в Мирмекии⁶⁸.

Анализ торговых отношений, по данным керамических клейм, показывает наличие единых торговых площадок⁶⁹. Центром таких площадок являлся Пантикапей, жители которого обладали привилегией беспошлинной торговли (Diod. XX, 24). Активная торговля Боспора начинается со второй четверти IV в. до Р.Х. Практически на

⁶⁸ М. 2004, №105.

⁶⁹ Федосеев Н.Ф. Пантикапей–Фанагория–Танаис // ДБ. 15. 2011. С. 345.

всех боспорских поселениях фиксируется рост импорта. Это, впрочем, не означает, что они обрели право самостоятельной торговли. Скорее всего, они либо входили в дем Пантикапея, либо находились под контролем Пантикапея.

Еще одним признаком урбанизации является наличие черепичных крыш построек. Как правило, черепичная крыша — не просто признак богатства, но для Боспора еще и наличие царских построек, которые характерны все же больше для поселений городского типа. К списку таких поселений следует добавить лишь Генеральское Западное и Загородную усадьбу, которые являлись богатыми усадьбами, а не урбанистическими центрами. Присутствие черепицы на ряде сельских поселений объясняется вторичным ее использованием. В целом, применение черепицы на Боспоре — это признак богатства.

С целью выяснения степени урбанизации городов Боспора нами был проведен анализ лапидарных памятников, который показал, что, кроме Пантикапея, другие поселения признаков полиса не имели⁷⁰.

С понятием полис неразрывно связано определение *хоры*. В работах по хоре европейского Боспора В.Н. Зинько выделяет хору полисов Нимфея, Тиритаки, Пантикапея, Мирмекия и Порфмия⁷¹. Однако не все поселения, включенные им в хору, подходят под понятия «сельских поселений». Так на II этапе в хору Порфмия В.Н. Зинько включил поселение Парфений. Памятник малоисследованный, но производящий впечатление не меньшее, чем Порфмий. Парфений занимал площадь не менее 3 га, в то время как крепость на плато Порфмия — около 0,65 га. Будущие археологические исследования могут показать, что Парфений не менее значительный памятник, чем Порфмий.

В подчинение Порфмию В.Н. Зинько отнес и поселение Глейки, которое также превосходит по площади Порфмий. Причем в клас-

⁷⁰ Кучеревская Н.Л., Федосеев Н.Ф. Некоторые проблемные вопросы в изучении тамг Боспорского царства // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной конференции. СПб., 2011. С. 148–154.

⁷¹ Зинько В.Н. Хора городов Европейского побережья Боспора Киммерийского (VI–I вв. до н.э.) // Боспорские исследования. XV. Симферополь; Керчь, 2007. 334 с.; Зинько В.Н. Заметки о ранней полисной хоре Европейского побережья Боспора Киммерийского // Древности Северного Причерноморья в античное время. МАИЭТ. Suppl. 4. Симферополь, 2007. С.43–51; Зинько В.Н. Хора боспорского города Тиритака в VI–V вв. до н.э. // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2007. С. 68–79.

сический период поселение у мыса Фонарь переживает период расцвета, а на Порфмии в этот период существует лишь одна усадьба. Таким образом, хора Порфмия — это, мягко говоря, натяжка.

Другой боспорский центр — Мирмекий — похвастаться перечнем сельских поселений также не может. Относя к Мирмекию поселения Капканы I и II, В.Н. Зинько не учитывает поселение на Змеином мысу, которое идентифицируют с Гераклием и которое было того же ранга, что и Мирмекий. Может, эти поселения следует отнести к Гераклию? К тому же между Мирмекием и поселениями в Капканах около 5 км. В ближайшей округе других поселений не зафиксировано. Правда, к числу сельских поселений В.Н. Зинько отнес и «Загородную усадьбу». Этот памятник, достаточно большой (площадью более 3000 м²), имел черепичную крышу, расписные стены, водостоки, выводящие фекалии (?), баню (?) и по характеру находок являлся скорее загородной резиденцией верхушки боспорской знати, чем сельским поселением⁷².

Неоднозначно решается вопрос и о хоре Тиритаки. Хора Тиритаки, по В.Н. Зинько, странным образом концентрируется в районе Юз-Обы (Аршинцево-1, Аршинцево-3, Аршинцево-5)⁷³. Между Тиритаккой и Юз-Обой не менее 5 км. Ранее один из этих памятников был описан П. Дюбрюксом, позднее оно получило название Ак-Бурун III. В.Н. Зинько дал свое название — Аршинцево-5. Может, для того, чтобы у читателей не возникло подозрений о близости этого поселения к той самой Нимфее Дюбрюкса и Бларамберга? Но дело не в названиях, а в том, имели ли эти памятники отношение к Тиритакке. Если учесть, что в этом районе известно поселение городского типа

⁷² В этой связи интересно мнение человека под ником «Александр Бутягин» на форуме Мирмекийской экспедиции: «В данный момент, любые разговоры о хоре Мирмекия — фикция. Смекалова определяет ее как весь северо-восточный полуостров от реки Мелек-Чесме до Тиритакского вала. Тогда сюда войдут и Порфмий и Парфений и Зенонов Херсонес. Зинько тоже пишет что-то в этом роде. Фактически, не имея четких ограничений с востока и севера, хора не может быть определена. Заметим, что для Тиритаки и Нимфея она определяется тоже эмпирически — по озерам и хребту Юз-Оба. А кто сказал, что это так? Многие греческие города имели хору даже через морские проливы. Так что все разговоры о хоре конкретных городов на Европейском Боспоре — фикция». (<http://www.myrmekion.ru/forum/view-profile.asp?action=view&uid=1004>). Я далек от мысли связывать известного исследователя Мирмекия А.М. Бутягина с автором этого комментария, поскольку во время моего доклада на конференции «XIII Боспорские чтения» после ссылки на его статью (см. выше с. 54) А.М. Бутягин заявил, что ничего подобного он не утверждал.

⁷³ Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., Бейлин Д.В. Археологические разведки на хоре Тиритаки // Боспорские исследования. 16. Симферополь, Керчь, 2007. С. 291–310.

площадью не менее 1,5 га (Ак-Бурун II или Нимфея Дюбрюкса), то гипотетическая связь с Тиритакой становится совсем ничтожной.

Такие же сомнения вызывает отнесение к хоре Тиритаки поселения «Аглофабрика». Между городищем и «поселением» всего 200 м, и создается впечатление, что это одно поселение. К сожалению, кроме небольших сборов, об этом памятнике ничего не известно.

Таким образом, районирование поселений с привязкой к городищам весьма условно. Сельские поселения *не тяготеют* к городищам, и складывается впечатление, что они не имеют никакой взаимосвязи с ними. Более того, если сравнивать известные памятники на так называемой «дальней хоре» и поселения «ближней хоры», то наиболее яркие памятники представлены не вблизи городищ, а открыты на азовском побережье Керченского полуострова. Следовательно, для Мирмекия, Тиритаки, Порфмия и других городов Европейского Боспора полисная хора, выражаясь языком Интернет-комментатора, — фикция!

Конечно, особняком находятся поселения вокруг Нимфея. Ситуация с Нимфеем абсолютно отлична от других памятников Европейского Боспора.

Таким образом, на мой взгляд, боспорская хора подразделялась на три категории: $\xi\theta\upsilon\eta$, демы и царская земля.⁷ $\epsilon\theta\upsilon\eta$ являлись народами и племенами, которым была предоставлена определенная степень внутренней автономии, проявившейся в праве жить согласно со своими традиционными законами. Демами были, безусловно, Пантикапей и, возможно, Нимфей и Феодосия.⁸ $\epsilon\theta\upsilon\eta$ и демы были обязаны платить подати. Всю остальную часть занимала царская земля, которая находилась полностью под верховной властью и управлением царской администрации. Свидетельством тому может служить сообщение Страбона, что тираны Боспора ранее владели лишь небольшой полоской земли близ устья Меотиды и у Пантикапея вплоть до Феодосии, которая была границей владений боспорцев и тавров, и от нее на восток лежали плодородные земли до Пантикапея (Strabo VII, 4, 4). С подчинением земель соседних народов, боспорские цари добавляли их название себе в титулатуру. Царская земля находилась полностью под верховной властью и управлением монархов и царской администрации. Отдельные ее части управлялись $\kappa\upsilon\rho\acute{\iota}\ \tau\omicron\upsilon\ \tau\omicron\beta\omicron\upsilon\upsilon$.

В целом, вопрос статуса боспорских поселений и их место в системе отношений Боспорского царства требует нового внимательного рассмотрения.

Литература

- Абрамзон М.Г.* Экономические связи Боспора в VI в. до н.э. — III в. н.э.: греческие монеты в денежном обращении // Проблемы истории, филологии, культуры №1 (2010). Магнитогорск; М., 2010. С. 477–520.
- Абрамова М.П.* Некоторые особенности взаимоотношений ираноязычных кочевников и оседлых племен Предкавказья // РА. 3. 1992. С. 20–31.
- Андреев Ю.В.* Начальные этапы становления греческого полиса // Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. СПб., 2003.
- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Анфимов Н.В.* Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958.
- Башикиров А.С.* Из истории Патрея III–I вв. до н.э. // ЗОАО. 2(35). 1967. С. 90–98.
- Блаватский В.Д.* Архаический Боспор // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. МИА. 33. 1954. С. 7–44.
- Блаватский В.Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.
- Блаватский В.Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. Москва, 1964.
- Бутягин А.М.* Варвары архаического Мирмекия // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов на Дону, 2007. С. 35–37.
- Бутягин А.М.* Варвары на поселениях архаического Боспора: по материалам лепной керамики из ранних комплексов Нимфея и Мирмекия // Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 6–9 октября 1998 г., СПб., 1998. С. 141–144.
- Васильев А.Н.* К вопросу о фракийском происхождении Спартока (анализ, гипотезы) // Вопросы политической истории СССР. М.; Л., 1977. С. 194–215.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский во время греческой колонизации // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 211–238.
- Виноградов Ю.А.* Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum+ПАВ. Скифский квадрат. Вып.3. Кишинев, 1999. С. 101–115.
- Виноградов Ю.А.* К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА, 9. Саратов, 1993. С. 79–96.
- Виноградов Ю.А.* Курган у села Баксы в Восточном Крыму // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной конференции. СПб., 2011. С. 185–191.

- Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 366–420.
- Виноградов Ю.А.* Усобища сыновей боспорского царя Перисада I // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар, 2003. С. 82–86.
- Гаврилов А.В.* Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников) / Археологический альманах. № 24. Донецк, 2011.
- Гаврилов А.В.* Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М; Л., 1949.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–40 гг. // Боспорские города, I. МИА. 25. М.; Л., 1952. С. 15–134.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий // Археология и история Боспора. I. Симферополь, 1952. С. 19–42.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия 1946–1952 гг. // Боспорские города. II. МИА. 85. М.; Л., 1958. С. 149–218.
- Гайдукевич В.Ф., Капошина С.И.* К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. XV. 1951. С. 162–187.
- Десятчиков Ю.М.* Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977. С. 45–48.
- Ждановский А.М., Марченко И.И.* Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории. Тезисы докладов конференции. Азов, 1988. С. 42–56.
- Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953.
- Зинько В.Н.* Хора городов Европейского побережья Боспора Киммерийского (VI–I вв. до н.э.) // Боспорские исследования. XV. Симферополь; Керчь, 2007.
- Зинько В.Н.* Заметки о ранней полисной хоре Европейского побережья Боспора Киммерийского // Древности Северного Причерноморья в античное время. МАИЭТ. Suppl. 4. Симферополь, 2007. С. 43–51.
- Зинько В.Н.* Хора боспорского города Тиритака в VI–V вв. до н.э. // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2007. С. 68–79.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., Бейлин Д.В.* Археологические разведки на хоре Тиритаки // Боспорские исследования. 16. Симферополь; Керчь, 2007. С. 291–310.
- Каллистов Д.П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.
- Кастанаян Е.Г.* Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки // Боспорские города. I. МИА. 25. М.; Л., 1952. С. 249–288.
- Кац В.И.* Керамические клейма Азиатского Боспора. Часть I. Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище. Саратов, 2013.

- Коровина А.К.* Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М., 2002.
- Куликов А. В., Бейлин Д. В., Ермолин А. Л., Столяренко П. Г.* Археологические разведки на южном склоне Митридатской гряды (еще раз к вопросу о догреческом поселении на месте Пантикапея) // ДБ. 16. 2012. С. 247–270.
- Кучеревская Н.Л., Федосеев Н.Ф.* Некоторые проблемные вопросы в изучении тамг Боспорского царства // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной конференции. СПб., 2011. С. 148–154.
- Латышев В.В.* Краткий очерк истории Восточного царства (Введение к “Надписям Боспорского царства” (Перевод с латинского В.А. Михайловского) // PONTIKA. СПб., 1909. С. 60–128.
- Манцевич А.П.* Горит из кургана Солоха // Культура и искусство античного мира. Л., 1962. С. 95–118.
- Марченко И.Д.* Новые данные о догреческом Пантикапее // Пантикапей. МИА. 103. Москва, 1962. С. 86–93.
- Масленников А.А.* Основные этапы этнической истории Европейского Боспора // Киммерийцы и скифы. ТД. Семинар памяти А.И. Тереножкина. Кировоград, 1987. С. 15–17.
- Молев Е.А.* Боспорский город Китей / Боспорские исследования. Suppl. 6. Симферополь; Керчь, 2010.
- Молева Н.В.* Древности эпохи камня и бронзы на античных памятниках Боспора // АМА. 2002. Вып. 11. С. 200–206.
- Островерхов А.С.* Ольвия и торговые пути Скифии // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981.
- Петерс Б.Г.* Военное дело / Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. С. 187–197.
- Рубан В.В.* Магістратура агораномів в Ольвії // Археологія. 39, 1982. С. 89–92.
- Сапрыкин С.Ю.* Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 171–242.
- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Боспорские исследования. Suppl. 1. Симферополь; Керчь, 2007.
- Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф.* Новые свинцовые пластины с надписями из Восточного Крыма // ВДИ. 2008. 3. С. 64–80.
- Струве В.В.* Древнейший историк СССР // Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. С. 147–200.
- Суриков И.Е.* Σαστῆςρ — *σα5σῆα — σα-σα-μα-ο-σε — ΣΑΜΜΑ (Новые соображения в связи с загадочной боспорской монетной легендой: «херсонесский след» и «кипрский след») // ДБ. 2011. Т. 15. С. 275–287.
- Тохтасьев С.Р.* Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. 3. С. 144–180.
- Трейстер М.Ю.* Ахеменидские «импорты» на Боспоре Киммерийском. Анализ и интерпретация // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной конференции. СПб., 2011. С. 113–121.

- Трейстер М.Ю.* Бронзолитейное ремесло Боспора // СГМИИ, 10. Археология и искусство Боспора. 1992. С. 66–110.
- Федосеев Н.Ф.* Керамические клейма из раскопок 2002 г. на поселении Заветное-5 // Соловьев С.Л., Шепко Л.Г. Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное 5. Часть 1. СПб., 2004. С. 45–56.
- Федосеев Н.Ф.* Пантикапей–Фанагория–Танаис // ДБ. 15. 2011. С. 342–352.
- Федосеев Н.Ф.* Поселение «Госпиталь» // Проблемы археологии и истории Боспора. Керчь, 1991. С. 29–31.
- Федосеев Н.Ф.* Три новых клейма на тонкостенных сосудах // СА. 1991. 2. С. 244–247.
- Федосеев Н.Ф.* Тризна Змеиного кургана некрополя Юз-Оба // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Т. 2. СПб., 2007. С. 296–303.
- Федосеев Н.Ф.* Эллиническое и варварское в погребении кургана Куль-оба // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 377–385.
- Чевелев О.Д.* Варвары в Тиритаке VI–III вв. до н.э. по материалам раскопок некрополя // Проблемы исследований античных городов. ТД III научных чтений, посвященных памяти проф. В.Д. Блаватского. М., 1989. С. 127–128.
- Худяк М.М.* Из истории Нимфея (VI–III веков до н.э.). Л., 1962.
- Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956.
- Шелов–Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985. С. 5–186.
- Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 249–309.
- Яйленко В.П.* Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. — V в. н. э. М., 2010.
- Fedoseev N.* Zum achämenidischen Einfluß auf die historische Entwicklung der nordpontischen griechischen Staaten // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 29. 1997. S. 309–319.
- Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos. 1 Timbres protothasiens et thasiens anciens. Paris, 1999.
- Graham A.J.* Thasos and Bosporan Kingdom // Ancient East and West. 2002. 1/1. P. 87–100.
- Kiessling E.* Gargasa // RE. VII. 13. 1910. Sp. 759.
- Kulikov A.* Akra and its Chora // Ancient Greek Colonies in the Black Sea / Edited by Dimitrios V. Grammenos and Elias K. Petropoulos. BAR S1675, 2007. P. 1023–1056.
- Meijden E., Nikolov V.* Die alten Zivilisationen Bulgariens. Das Gold der Thraker. 15. März — 1. Juli 2007. Antikemuseum Basel und Sammlung Ludwig. Basel, 2007.

- Meritt B.D., West A.B.* The Athenian Assesment of 425 B.C. Ann Arbor, 1934.
- Mileta Ch.* Überlegungen zum Charakter und zur Entwicklung der Neuen Poleis im hellenistischen Kleinasien // Stadtbilder im Hellenismus / Hrsg. von A. Matthaiou, M. Zimmermann. Berlin, 2009. S. 70–89.
- Minns E.* Greeks and Scythians. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from Danube to the Caucasus. Cambridge, 1913.
- Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
- Rostovtzeff M.* The Bosporan Kingdom // CAH. VIII. 1930. P. 561–589.
- Sulimirski T.* The Sarmatians. New York, 1970.
- Werner R.* Die Dynastie der Spartokiden // Historia. Band IV. 1955. S. 412–444.

Н.Б. Чурекова

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ТИРАНИИ НА БОСПОРЕ

Аннотация: В статье представлена скорректированная периодизация тирании на Боспоре. Предложено выделить несколько «этапов»: первый — правление Археанактидов, представляющий собой старшую тиранию; второй — Спартока и его сына или брата (?) Селевка (переходный период); третий — Спартокидов (Левконидов (?)), начиная с Сатира и до Спартока III, которым был официально принят царский титул (младшая тирания); и, наконец, четвертый (уже, по всей видимости не тиранический) — правление Спартокидов со Спартока III до последнего Перисада, передавшего свою власть Митридату VI Евпатору.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, старшая и младшая тирании, Археанактиды, Спартокиды

Abstract: The article represents the corrected periodization of Bosporan tyranny. It is offered to allocate some “stages”: the first stage is the reign of Archaeanactids (the Old Tyranny); the second — reign of Spartokos and his son or brother (?) Seleukos (the transitional period); the third — reign of Spartocids, since Satyros to Spartokos III by which the title of “basileus” was officially accepted (New Tyranny); and, at last, the fourth stage (already, most likely not tyrannical) — reign of Spartocids from Spartokos III to the last Pairisades who has delegated the power to Mithridates VI Eupator.

Key words: Cimmerian Bosphorus, Old and New Tyranny, Archaeanactids, Spartocids

Недавно вышла работа И.Е. Сурикова, в которой автор отмечает, что хронологически и типологически боспорская тирания должна быть отнесена к «старшей»¹. Хотя мысль эта высказывалась и ра-

¹ Суриков И.Е. К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадийно-типо-логический контекст // Из истории античного общества. 2007. Вып. 9–10. С. 140–155.

нее², но именно И.Е. Суриков развил ее и отнес к «старшей тирании» не только режим Археанактидов, но и Спартокидов. Именно типологической принадлежностью к «старшей тирании» исследователь объясняет жизнестойкость режима Спартокидов и в этом видит корень «боспорского феномена». Несомненно, И.Е. Суриков предложил очень перспективный и интересный подход к анализу этого явления, что уже нашло отклик среди исследователей³. Однако, как представляется, эта схема требует небольшой корректировки.

1. Археанактиды

О происхождении Археанактидов и характере их власти много раз писалось в научной литературе. И каждая новая работа, как правило, начиналась анализом единственного источника, упоминающего Археанактидов, — сообщения Диодора (XII.31.1)⁴. С некоторых пор вопрос о происхождении Археанактидов считается решенным⁵. Современные исследователи практически единодушно считают их милетским родом, обосновавшимся в Пантикапее⁶. Как отметил Ф.В. Шелов-Коведяев: «вопрос о происхождении первой династии правителей Боспора на современном уровне знаний может считаться окончательно решенным в пользу Милета»⁷. Еще более резко выразился И.Е. Суриков, назвав остальные точки зрения «экзотическими»⁸. Итак,

² Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 19.

³ См., например: Завойкин А.А. Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на Юге России Украины. Оливия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007. С. 221–222.

⁴ κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν οἱ τοῦ Κιμμερίου Βοσπόρου βασιλεύσαντες, ὀνομασθέντες δὲ Ἀρχαιανακτίδαι, ἤρξαν ἔτη δύο πρὸς τετταράκοντα διεδέξατο δὲ τὴν ἀρχὴν Σπάρτακος, καὶ ἤρξεν ἔτη ἑπτὰ

⁵ Vinogradov Ju.G. Die historische Entwicklung der Poleis der nordlichen Schwarzmeergebietes in 5. Jahrhundert v. Chr. // Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz, 1997. S. 65–66.

⁶ Подробнее см.: Чурекова Н.Б. Археанактиды на Боспоре: к проблеме происхождения // Вестник ННГУ. 2012. Вып. 6(2). (В печати)

⁷ Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–V вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 г. — М., 1985. С. 70.

⁸ Суриков И.Е. Две проблемы Боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («Взгляд из Эллады») // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2012. С. 312.

в науке господствует гипотеза С.А. Жебелева в редакции Ю.Г. Виноградова⁹. В общих чертах она выглядит следующим образом: благодаря находке в Дельфинионе официального списка милетских эсимнетов конца VI в. до н.э. с именем Кизика, сына Археанакта (Κυζικῆς Ἀρχεῖνακτος (Milet. I.3.№ 122.I.11)), было сделано предположение, что отец этого самого Кизика — Археанакт — являлся основателем Пантикапея, а затем, получив верховную власть, стал архонтом, и этот титул носили и последующие Археанактиды¹⁰.

Сейчас стало ясно, что ойкистами Пантикапея никто из Археанактидов быть не мог. Будь этот род связан с тем самым Кизигом, сыном Археанакта, хронология их появления на Боспоре должна была быть иной. Интересную версию предложил не так давно В.А. Анохин: «Старший сын Кизика по традиции должен был получить имя деда, Археанакта. Годы его жизни — ок. 520–460 гг. до н.э. После поражения ионийского восстания он эмигрировал в Пантикапей, а его потомки стали известны Диодору под именем Археанактидов»¹¹. Основание Пантикапея сейчас относится к началу VI в. до н.э.¹² Таким образом, если вести род от милетского Археанакта, Археанактиды появились там спустя примерно 90–100 лет после основания апойкии. В 480 году до н.э. они, как сообщает Диодор, уже являлись правителями Боспора. Получается, что где-то 10 лет им понадобилось для того, чтобы выдвинуться на первые места среди местной аристократии. Как представляется, для знатного и богатого рода, который к тому же занимал не последнее место в метрополии, это вполне осуществимо. Вопрос состоит в том, как именно Археанактиды оказались у власти. Маловероятно, чтобы боспорские аристократические роды легко сдали свои позиции. Тем более, что Археанактиды, вероятно, являлись эпойками и вполне возможно были несколько ущемлены в имущественных, а может быть, и гражданских правах (это предположение, правда, носит сильно гипотетический характер). Как бы то ни было, чтобы достигнуть власти, Археанактиды должны были ввязаться в политическую борьбу, которая

⁹ Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора. С. 70; Молев Е.А. Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. Н. Новгород, 1997. С. 25; Завойкин А.А. Боспорская монархия. С. 220.

¹⁰ Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М., 1953. С. 163–164; Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 395–396.

¹¹ Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 16.

¹² Tolstikov V.P. Panticapaeum // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Thessaloniki, 2003. Vol. 2. P. 715–716.

вполне могла быть связана с прибытием новой волны колонистов из Милета и других ионийских городов. Ну, а дальше, заняв какой-то пост (стратега-автократора¹³ или должность при храме¹⁴) опять-таки можно было получить (или узурпировать) всю полноту власти.

Вместе с тем, при решении вопроса о характере власти Археанактидов митиленская версия также имеет определенные преимущества. Если допустить (мы вовсе на этом не настаиваем), что Археанактиды происходили из Митилены, то они могли оказаться на Боспоре на самом раннем этапе колонизации в момент основания Гермонассы. Мысль о том, что Семандр, ойкист Гермонассы, принадлежал к роду Археанактидов, уже высказывалась в научной литературе¹⁵, однако она не имеет под собой веских оснований и весьма гипотетична, впрочем, как и многие другие теории относительно исторических событий в Северном Причерноморье.

Нелишним будет еще раз обратиться к самому имени Археанакт (Ἀρχαίναξ; Ἀρχεάναξ). Оно не специально лесбосское и довольно часто встречается за пределами острова. Вместе с тем, в Милете имя это зафиксировано только один раз и то в качестве отчества того самого эсимнета мольпов Кизика (Κυζικῆς Ἀρχεάνακτος (Milet. I.3.№ 122.I.11)). Более того, в Милете, пока, не зафиксировано ни одного более или менее сходного имени. Так, имя Ἀρχαίναξ встречается на Лесбосе в Митилене¹⁶ (*Alk. fr.* 350). Упоминание рода — Ἀρχεανακτίδας также относится к Митилене¹⁷ (*Alk. fr.* 112.24). Имя — Ἀρχεάναξ опять же зафиксировано на Лесбосе в Митилене, а также на Родосе, Самосе¹⁸ и в Эрифрах¹⁹. Женское имя Ἀρχεάνασσα — на Лесбосе (*Sapph.* 213.2), Родосе²⁰ и в Колофоне²¹. Подобная картина территориального распространения наблюдается и для других близких имен типа: Ἀρχηνακτίδης, Ἀρχήναξ,

¹³ Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье. С. 418.

¹⁴ Анохин В.А. История Боспора. С. 18–19.

¹⁵ Еще А. Бёк полагал, что род Археанактидов мог иметь общее происхождение с легендарным или историческим Археанактом, основателем Сигея (SIG. № 91), о котором сообщает Страбон (XIII.1.38). Это хорошо сочеталось с версией об основании Гермонассы митиленцем Семандром (*Eustath. Comm. in Dionys. Perieg.* 549).

¹⁶ A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. By P.M. Fraser and E. Matthews. Oxford, 1987. Vol. I. P. 84.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. VA. P. 76.

²⁰ Ibid. Vol. I. P. 84.

²¹ Ibid. Vol. VA. P. 76.

Ἀρχήιασσα, — Ἀρχιανακτίς, Ἀρχιάναξ и др. С.А. Жебелев верно отметил, что в милетской просопографии характерным является аналогичное образование имен Ἀρχεάναξ, Ἀστύαναξ, Λεάναξ и др.²², однако подобные имена имели широкое распространение в греческом мире. В связи с этим, выводить род Археанактидов из Митилены представляется нам менее гипотетичным, нежели из Милета.

Если вернуться к отвергнутой точке зрения о митиленском происхождении Археанактидов, то получается, что попасть на Боспор представители этого рода могли в самом начале VI в. до н.э. Примечательно, что на Лесбосе в это время происходила весьма ожесточенная политическая борьба, в которой участвовали, в том числе, и представители некоего рода Археанактидов. Другой знатный митиленский род — Клеанактиды, упоминаемые рядом с Археанактидами, потерпев поражение в политической борьбе, были вынуждены покинуть Митилену²³. Не могли ли и Археанактиды именно таким образом очутиться на Боспоре? В таком случае им ничего не мешало занять достойное, если не первое место, среди знатных родов в новой колонии, а может быть, представитель этого рода выполнял и роль ойкиста. В последнем случае их путь к власти в Гермонассе очевиден. Ойкист, как известно, обладал огромной властью. Как правило, это был представитель богатого и знатного рода из метрополии (*Thuc.* I.24.2), на которого ложилась вся ответственность за выведение колонии вплоть до выбора имени города. Многие исследователи отмечают диктаторскую, почти монархическую сущность власти ойкиста²⁴; облеченный неограниченными полномочиями, он наверняка должен был влиять на политическое устройство апойкии, а иногда дело могло доходить до узурпации власти и превращения ее в тираническую, а потом и монархическую²⁵. Так, и Семандр, а впоследствии и другие представители рода Археанактидов могли

²² Жебелев С.А. Северное Причерноморье. С. 71. Прим. 1.

²³ Борухович В.Г. Из истории социально-политической борьбы на Лесбосе (конец VII — начало VI вв. до н.э.) // *Античный полис*. Л., 1979. С. 33, 41.

²⁴ *Graham A.J.* Colony and Mother City. Manchester, 1964. P. 30; *Leschhorn W.* Gründer der Stadt: Studien zu einem politisch-religiösen Phänomen der griechischen Geschichte. Stuttgart, 1984. S. 91–95; *Кембриджская история древнего мира*. Расширение греческого мира VIII–VI вв. до н.э. М., 2007. Т. III. Ч. 3. С. 174.

²⁵ *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 73–74. Не вдаваясь в дискуссию по поводу терминологических нюансов «монархия», «тирания», «династия» и прочее, отметим лишь, что в данном случае для нас монархическая, то есть наследственная.

удерживать эту власть за собой.

Интересен в этом случае пример Батта-Аристотеля, который правил Киреной 42 года, затем у власти находился его сын, а позже и внук (*Hdt.* IV.159). Согласно ферейскому декрету, Кирена должна была представлять собой монархию, а Батт назван «архагетом». По всей видимости, Батт, как сообщает схолиаст к Пиндару, являлся вождем одной из группировок, боровшихся за власть на Фере — метрополии Кирены (*Pind.* *Pyth.* IV.10), после поражения ему пришлось оставить город и бежать из страны (так же, как Археанактидам пришлось покинуть Лесбос?), а затем основать новую апойкию²⁶.

Этот как раз тот путь, когда «диктатура ойкиста» переросла в наследственную власть. Мы должны понимать, что при таком развитии событий Археанактиды не могли оказаться в Пантикапее или, по крайней мере, это было бы весьма для них затруднительно. В таком случае встает вопрос о том, что объединение полисов должно было начаться на азиатской стороне пролива. Целый ряд исследователей, буквально понимавших источник (κατὰ δὲ τὴν Ἰστίαν), предполагали, что первоначально симмахия сложилась вокруг Гермонассы, на азиатской стороне, а Пантикапей выделился позднее²⁷. Однако экономическое и стратегическое положение Пантикапея представляется намного более выгодным, нежели полисов азиатского Боспора, поэтому большинство исследователей столицей объединения признают Пантикапей²⁸. В этой связи обратимся к мнению Ю.А. Виноградова, который не без оснований полагает, что боспорская симмахия была союзом равноправных полисов, а столицей федеративных образований не всегда являлись и являются самые крупные центры. Ю.А. Виноградов также полагает, что «борьба Гермонассы и других боспорских полисов против гегемонистских устремлений Пантикапея способствовала

²⁶ Впрочем, Кирена является чуть ли не уникальным примером существования монархии в колониях, см.: *Malkin I.* Religion and Colonization in Ancient Greece. Leiden, 1987. P. 205.

²⁷ *Блаватский В.Д.* Архаический Боспор // МИА. 1954. Вып. 33. С. 36; *он же.* Античная археология и история. М., 1985. С. 210; *Зеест И.Б.* Возникновение и первый расцвет Гермонассы // СА. 1974. № 4. С. 97; *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981. С. 40.

²⁸ *Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства. (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3. С. 25; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора. С. 77; *Vinogradov Ju.G.* Die historische Entwicklung. S. 60.

сохранению ими хотя бы части автономии»²⁹. Само по себе, это утверждение верно, вспомним хотя бы Делосский союз, однако еще раз подчеркнем, что на современном этапе археологического изучения Пантикапея и Гермонассы предположение об объединении полисов вокруг последней выглядит очень сомнительно. И даже если объединение полисов шло вокруг Пантикапея, это не исключает того, что Археанактиды могли быть представителями митиленского рода и первоначально обосноваться в Гермонассе. К тому времени, как у власти оказался Спарток, ситуация на Боспоре могла поменяться несколько раз. Как представляется, версия о митиленском происхождении Археанактидов столь же правомочна, как и милетская. Власть Археанактидов могла основываться на власти ойкиста, авторитете всего рода, а затем, возможно, узурпации власти и превращения ее в наследственную тиранию.

В одной из недавних работ И.Е. Суриков вернулся к давно высказываемой точке зрения о том, что Археанактиды представляли собой правящий род и таким образом их режим идентифицируется как олигархия. По мнению И.Е. Сурикова, правление Археанактидов представляло собой «крайнюю форму олигархии, олигархию одного знатного рода»³⁰. Несмотря на довольно веский аргумент о том, что нам неизвестно ни одно имя «тирана из династии Археанактидов»³¹, нам представляется более убедительной гипотеза, высказанная И.Е. Суриковым ранее о том, что режим Археанактидов представлял собой старшую тиранию³².

Если согласиться с тем, что Археанакт стал тираном именно в Пантикапее и его режим первоначально не выходил за рамки этого полиса, отнесение его к «старшей тирании» вполне резонно. Археанактиды, несомненно, — представители знатного рода, занимавшие

²⁹ Виноградов Ю.А. Особенности и историческое значение объединения Археанактидов на Боспоре Киммерийском // Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002. С. 193–194.

³⁰ Суриков И.Е. Две проблемы Боспорского политогенеза. С. 312. Подобные мысли высказывались в литературе и ранее (см., напр.: *Каллистов Д.П.* Очерки истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 157; *Блаватский В.Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 47 и др.)

³¹ Суриков И.Е. Две проблемы Боспорского политогенеза. С. 313. Не будем специально останавливаться на аргументах И.Е. Сурикова, отметим лишь, что они вполне убедительны, впрочем, настолько же, насколько были убедительны его же собственные аргументы в пользу тирании Археанактидов в предыдущих работах (см., например: *Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре. С. 140–155).

³² Суриков И.Е. К вопросу о характере тирании на Боспоре.

высокое положение в полисе, и по всем признакам могут быть отнесены к «старшим тиранам». Тем более, что в дальнейшем Археонактом и, может быть, его преемниками стала проводиться политика, сходная с мероприятиями многих греческих «старших» тиранов. Это, например, масштабное строительство — вероятно, именно в это время был построен или перестроен храм Аполлона Врача на акрополе Пантикапея, также начато строительство и реконструкция оборонительных сооружений³³. В этот период наблюдается и относительная самостоятельность Пантикапея (проследить это можно по наличию городской монетной чеканки). Однако мы ровно ничего не знаем о полисном устройстве ни одного боспорского центра, в том числе и Пантикапея. И это сильно затрудняет реконструкцию событий.

2. Приход к власти Спартокидов

Проблема происхождения и прихода к власти династии Спартокидов до сих пор остается дискуссионной. Высказывались мнения, что Спарток был фракийского³⁴, скифского³⁵, синдо-меотского³⁶ и эллинского происхождения³⁷. Нет необходимости останавливаться на этом вопросе, его историография достаточно подробно пред-

³³ Толстикова В.П. Акрополь Пантикапея — столицы Боспора Киммерийского. Итоги изучения за 60 лет // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007. С. 250. Правда, до сих пор существует проблема определения точной хронологии постройки храма. Так, А.В. Буйских отмечает, что он появился на акрополе Пантикапея еще до рубежа VI–V вв. до н.э. (Буйских А.В. Капитель ионического ордера из Гермонассы (о методике и методах исследования архитектуры Боспора // ДБ. 2011. Вып. 15. С. 41).

³⁴ См., напр.: Жебелев С.А. Северное Причерноморье. С. 27, 167–168; Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья. С. 200; Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье. С. 418; Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора. С. 83; Молев Е. А. Спарток и первые Спартокиды на Боспоре // АМА. 1999. Вып. 10. С. 30.

³⁵ Каллистов Д. П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. С. 114–115.

³⁶ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 27, 32; Блаватский В.Д. Архангелский Боспор. С. 44; Он же. Пантикапей. С. 56.

³⁷ Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора. М., 1959. С. 26–38; Брашинский И.Б. О некоторых династических особенностях правления Спартокидов // ВДИ. 1965. № 1. С. 118, 126; Сопова Н.К. Государственный строй Боспора в V–II вв. до н.э. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. С. 16.

ставлена в литературе³⁸. Полагаем, что невозможно игнорировать происхождение имени Σπάρτακος, и потому должны признать фракийское происхождение династии, если, конечно же, именно Спартока, а не Левкона считать ее основателем. Сказанное заставляет задуматься о том, каким образом явно греческому роду Археанактидов (или представителю этого рода) наследовал (διεδέξατο) фракиец Спарток, который, к тому же мог иметь отношение к царствующему роду одрисов³⁹. Скорее, следует принять точку зрения тех исследователей, которые говорят о государственном перевороте⁴⁰. Поэтому, в данном случае, видимо, не совсем прав И.Е. Суриков, считающий, что «сказанное о Спартокидах а fortiori применимо к Археанактидам. Их правление началось еще в 480 г. до н.э., и по отношению к нему режим Спартокидов являет черты прямой преемственности»⁴¹. Как раз черты преемственности скорее отсутствуют. Старшая тирания, как справедливо замечает автор все той же работы, «органично выростала из архаического (*формирующегося*) *аристократического полиса* (курсив везде мой. — Н.Ч.). И сами тираны — ее представители — *все поголовно были аристократами*»⁴².

Так ли обстояло дело на Боспоре в 438/7 г.? Быть может, боспорская аристократия в этот раз не смогла избрать из своей среды нового руководителя и остановила свой выбор на чужаке, который не был связан ни с одним из знатных семейств, но был обязан своим выдвижением всей их группировке в целом, как полагает Ф.В. Шелов-Коведяев⁴³?

³⁸ Подробный анализ гипотез о происхождении Спартокидов см., например: *Сопова Н.К.* К вопросу об установлении династии Спартокидов на Боспоре // Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской. 1971. Т. 288. Вып. 13. С. 40; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора. С. 83–85; *Десятчиков Ю.М.* К вопросу о происхождении династии Спартокидов // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 15–18.

³⁹ Подробнее об этом с критикой гипотезы см.: *Васильев А.Н.* Одрисский династ во главе Боспора? // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999.

⁴⁰ См., напр.: *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 54–55; *Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье. С. 418; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора. С. 83; *Молев Е.А.* Политическая история Боспора. С. 49.

⁴¹ *Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре. С. 144.

⁴² *Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре. С. 149.

⁴³ *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора. С. 87

3. Ранние Спартокиды

После прихода к власти Спартока в боспорской истории наступил своеобразный период «тёмных веков», связанный с правлением самого Спартока I и его «преемника» сына или брата, или другого родственника — весьма легендарной фигуры — Селевка⁴⁴. Ни о первом, ни о втором ровным счетом ничего не известно, только Диодор называет их по именам, и именно с них начинается правление династии Спартокидов (*Diod.* XII.36). Боспорская же эпитафическая не содержит никаких упоминаний о них. Следующий правитель, называемый Диодором, — Сатир, уже хорошо известен по упоминаниям античных авторов и в боспорской эпитафической фигуре как отец Левкона (КБН. 37). Первый правитель, названный в боспорских надписях по имени и с титулатурой — это Левкон. И тут уместно вспомнить свидетельство Элиана о древнем названии династии — Левконида, а вовсе не Спартокиды (*Var. Hist.* VI.13). Может быть, такое совпадение не случайно? И действительно, именно с отца Левкона — Сатира, и следует начинать династию Левконидов-Спартокидов? Симптоматично, что именно со времени Сатира начинается новый этап боспорской истории, связанный с активизацией внешней завоевательной политики. При Сатире к Боспору был присоединен Нимфей, и началась война за Феодосию. И уже его сын Левкон является создателем нового типа государственного образования — греко-варварского боспорского государства⁴⁵. И здесь мы должны вернуться к тем параллелям с сицилийской державой Дионисия, которые были предложены еще Ю.Г. Виноградовым и в той или иной мере поддержаны целым рядом исследователей⁴⁶. По-

⁴⁴ Подробно на эту тему см.: *Завойкин А.А.* Почему Диодор умолчал о кончине Селевка и воцарении Сатира, сына Спартока // *Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения.* М., 1999. С. 142–157. Автор подробно разбирает существующие точки зрения относительно хронологии боспорских правителей и историчности Селевка, однако основной контраргумент так и остается без ответа: нет ни одного упоминания имени Селевка ни в надписях, ни у других античных авторов. Надпись КБН. Add. 4, в которой якобы восстанавливается имя Селевка, интерпретируется и, что еще более существенно, датируется по-разному.

⁴⁵ *Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // Таманская старина. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.). 2000. Вып. 3. С. 21.

⁴⁶ *Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье. С. 413–416; *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора. С. 73–75; *Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе. С. 221 и др.

хож даже сам приход к власти Дионисия, аналогична социальная опора тиранов, отношение к подвластным полисам и др. Основное же сходство, показывающее однотипность режимов Спартокидов и Дионисия — это завоевательная политика. Дионисий, как и Спартокиды (Сатир и Левкон, прежде всего), завоевывал города и племена Сицилии⁴⁷.

В связи с вышесказанным необходимо признать, что мы должны выделить несколько «этапов» развития тирании на Боспоре: первый — правление Археанактидов; второй — Спартока и его сына или брата (?) Селевка; третий — Спартокидов (Левконидов (?)), начиная с Сатира и до Спартока III, которым был официально принят царский титул; и, наконец, четвертый (уже, по всей видимости, не тиранический) — правление Спартокидов со Спартока III до последнего Перисада, передавшего свою власть Митридату VI Евпатору.

Первый этап действительно во многом сходен с периодом Старшей тирании и типологически должен быть отнесен именно к ней. Второй период, как это ни странно, еще менее освещен источниками и, вероятно, может представлять собой переходный период от Старшей тирании Археанактидов к Младшей тирании Спартокидов. Кстати, именно отсутствие такого перехода и смущало И.Е. Сурикова⁴⁸. Следующий же этап, несомненно, связан с Младшей тиранией и прямые аналогии этому мы по-прежнему видим в режиме Дионисия. Что касается заключительного этапа, начавшегося с момента принятия Спартоком III титула царя, то вероятно, определение его типологии связаны уже с понятиями «предэллинизма», или «протоэллинизма», или, быть может, «псевдоэллинизма» и выходит за рамки нашей заметки.

Литература

- Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора. М., 1959.
Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985.
Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА. 1954. Вып. 33.
Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.

⁴⁷ См., напр.: *Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье. С. 413–416; *Фролов Э.Д.* Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть. СПб., 2001. С. 319–466.

⁴⁸ *Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре. С. 145.

- Борухович В.Г.* Из истории социально-политической борьбы на Лесбосе (конец VII–начало VI вв. до н.э.) // Античный полис. Л., 1979.
- Брашинский И.Б.* О некоторых династических особенностях правления Спартокидов // ВДИ. 1965. № 1.
- Буйских А.В.* Капиталь и ионического ордера из Гермонассы (о методике и методах исследования архитектуры Боспора // ДБ. 2011. Вып. 15.
- Васильев А.Н.* Одрисский династ во главе Боспора? // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // Таманская старина. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.). 2000. Вып. 3.
- Виноградов Ю.А.* Особенности и историческое значение объединения Археонактидов на Боспоре Киммерийском // Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002. С. 193–194.
- Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. 1.
- Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 73–74.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Десятчиков Ю.М.* К вопросу о происхождении династии Спартокидов // КСИА. 1985. Вып. 182.
- Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М., 1953.
- Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на Юге России Украины. Оливия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007.
- Завойкин А.А.* Почему Диодор умолчал о кончине Селевка и воцарении Сатира, сына Спартока // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М., 1999.
- Зеест И.Б.* Возникновение и первый расцвет Гермонассы // СА. 1974. № 4.
- Каллистов Д.П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952.
- Каллистов Д.П.* Очерки истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.
- Кембриджская история древнего мира. Расширение греческого мира VIII–VI вв. до н.э. М., 2007. Т. III. Ч. 3.
- Масленников А.А.* Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981.
- Масленников А.А.* Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в восточном Крыму // ПИФК. 1996. Вып. 3.
- Молев Е.А.* Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. Н. Новгород, 1997.

- Молев Е. А.* Спарток и первые Спартокиды на Боспоре // АМА. 1999. Вып. 10.
- Ростовцев М.И.* Эллинизация и иранство на юге России. Пг., 1918.
- Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1.
- Сопова Н.К.* Государственный строй Боспора в V–II вв. до н.э. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.
- Сопова Н.К.* К вопросу об установлении династии Спартокидов на Боспоре // УЗ МОПИ им. Н. К. Крупской. 1971. Т. 288. Вып. 13.
- Суриков И.Е.* Две проблемы Боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («Взгляд из Эллады») // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2012.
- Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадияльно-типологический контекст // Из истории античного общества. 2007. Вып. 9–10.
- Толстиков В.П.* Акрополь Пантикапея — столицы Боспора Киммерийского. Итоги изучения за 60 лет // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007. С. 250.
- Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства. (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3.
- Фролов Э.Д.* Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть. СПб., 2001.
- Чурекова Н.Б.* Археанактиды на Боспоре: к проблеме происхождения // Вестник ННГУ. 2012. Вып. 6(2). (В печати)
- Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–V вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985.
- Graham A.J.* Colony and Mother City. Manchester, 1964.
- Leschhorn W.* Gründer der Stadt: Studien zu einem politisch-religiösen Phänomen der griechischen Geschichte. Stuttgart, 1984.
- A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. By P.M. Fraser and E. Matthews. Oxford, 1987. Vol. I. P. 84.
- Malkin I.* Religion and Colonization in Ancient Greece. Leiden, 1987. P. 205.
- Tolstikov V.P.* Panticapaeum // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Thessaloniki, 2003. Vol. 2.
- Vinogradov Ju.G.* Die historische Entwicklung der Poleis der nördlichen Schwarzmeergebietes in 5. Jahrhundert v. Chr. // *Vinogradov Ju.G.* Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz, 1997.

Н.Н. Казанский

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
В БОСПОРСКОМ ЦАРСТВЕ
И ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ*

Аннотация: В статье рассматриваются данные боспорской эпиграфики, позволяющие говорить о ситуации многоязычия на территории Боспорского царства. В связи с этим рассматривается понятие диглоссии, а также сопоставляется языковая ситуация в Боспорском царстве с языковой ситуацией в греко-индийских царствах, а также в средиземноморских регионах.

Ключевые слова: Билингвизм в древнем мире, Боспорское царство, греческий, фракийский, синдский языки

Abstract: The article deals with the Bosphore epigraphic data significant of the multilingual situation on the territory of the Bosporan Kingdom as well as with the notion of — diglossia. The linguistic situation in the Bosporan Kingdom is compared with that in the Indo-Greek Kingdoms and in the Mediterranean regions.

Key words: Bilingualism in the ancient world, the Bosporan Kingdom, the Greek, Thracian, Sindian languages —

Значительный список этносов, засвидетельствованных на территории Боспорского царства, позволяет предполагать наличие целого ряда языков, ни один из которых не выполнял функции государственного. Тем не менее, устройство Боспорского царства требовало

* Работа выполнена при финансовом содействии гранта № НШ-4453.2012.6 Президента РФ — «Школа индоевропейского сравнительно-исторического языкознания»; предварительная публикация: *Казанский Н.Н.* Социолнгвистическая ситуация в Боспорском царстве и особенности языковой политики эллинистических государств // Боспорский феномен: население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., 2011. С. 665–673.

наличия переводчиков для предоставления населению официальной информации.

Надпись КБН 698, купленная в Керчи (откуда, возможно, и происходит), представляет собой эпитафию переводчика (ἑρμηνεύς) Перисала, сына Саврофа, и его сына Ревсинала. Издатели сопоставляют этот текст с надписью CIL VI, № 5207: Ἀσποῦργος Βιομάσου υἱὸς ἑρμηνεύς Σαρματῶν Βωσπορανός (Рим). Правдоподобно, что речь в римской надписи должна идти не о сарматах в целом, а о языках¹.

Переводчики, как можно предполагать на основании найденного в Тамани текста 208 г. н. э. КБН 1053, где упомянут Герак, ἀρχερμηνεύς τῶν Ἀλανῶν, могли организовываться в своего рода коллегии, во главе которых и должен был стоять упомянутый в этой надписи Герак. Следует, впрочем, иметь в виду, что в Танаисе существовали отдельные должности архонта и эллинарха, что может указывать на двойное управление: общее (включая местное население) и отдельное для греческого населения. Для целого ряда племенных объединений (по крайней мере, с момента их вхождения в Боспорское царство) засвидетельствован в качестве главы собственный βασιλεύς, при том что боспорские цари из числа спартокидов первоначально обозначались как правители (ἄρχων) Боспорского царства. Сохранение местных традиций предполагало и сохранение языка: можно думать, что не одни аланы имели своих переводчиков, необходимых для поддержания связей с греческим государственным аппаратом.

Практика перевода официальных документов с греческого на местные языки возникает в эллинистических царствах не сразу, хотя ситуация мультилингвизма отличала все без исключения эллинистические государства.

Следует специально отметить различия в понимании билингвизма современной лингвистикой и представлениями, бытовавшими в античности.

Для греческого восприятия характерно употребление слова «варвар», которое первоначально не имело коннотаций с дикостью, речь шла только о людях, которые бормочут что-то непонятное, откуда обычно этимологи и восстанавливают внутреннюю форму слова βάρβαρος².

¹ *Тохмасьев С.Р.* Sauromatae — Sarmatae — Syrmatae // Херсонесский сборник. Вып. 14. Севастополь, 2005. С. 294.

² *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Vol. I. Paris, 1968.

Вместе с тем необходимость в переводчиках была, и зачастую синонимами к обычному греческому ἑρμηνεύς выступают слова διγλωσσός, δίφρωνος, πολύγλωττος ‘двуязычный и многоязычный’, а также γλώττης ἀλλοτρίας ἐπιστήμων (знарок чужого языка, ср. Pollux V, 154)³. Практические нужды требовали людей, обладающих знанием языков Малой Азии, ср. у Квинта Курция описание лидийца, ставшего переводчиком Александра Македонского: Graecae Persicaeque linguae peritus Q.Curt. V, 4,4 ‘опытный в греческом и персидском языках’, что соответствует ἀνὴρ δίγλωττος, εἰδὼς τὴν Περσικὴν διάλεκτον Diodor. XVII 68,5 ‘муж двуязычный, знающий персидскую речь’. Такой билингвизм, как кажется, может обозначаться как δίγλωστος ἐς τὰ βαρβαρικὰ γράμματα Arrian., III, 6, 6 — букв. ‘двуязычный в отношении варварской письменности’, где, впрочем, слово — γράμματα, собственно «письменность», безусловно ставит много проблем.

Наряду с этим кругом свидетельств имеются определенные данные о людях, которые употребляют язык смешанный с сильной тенденцией к созданию местного языка, приближающегося к креольскому. Среди таких описаний особенно показателен пассаж, в котором Квинт Курций говорит о языковой ситуации в Согдиане, и замечает по поводу греков: mores patrii nondum exsolverant, sed iam bilingues erant, paulatim a domestico externo sermone degeneres ‘они не сберегли отеческие нравы, но уже были «двуязычными», постепенно отойдя от домашнего языка к чужому языку» (Q. Curt. VII, 5, 29)⁴. В данном контексте важно слово degeneres, которое отчетливо указывает на порчу языка и отказ не только от греческих нравов, но и от греческой речи. В приведенном пассаже явно (как бы мы ни понимали детали данного текста), речь идет о том, что языковая ситуация до некоторой степени приблизилась к состоянию, напоминающему креольский язык, в котором часть греческих языковых средств заменяется формами согдийского языка. Мишель Дюбуиссон отчетливо показывает, что такое значение для слова bilinguis подкрепляется и некоторыми текстами, не относящимися к восточному ареалу. Сложность проблемы заключается еще и в том, что тем же

³ Dubuisson M. Recherches sur la terminologie antique du bilinguisme // RPh. Vol. 57, 2. 1983. P. 203–225.

⁴ Хорошей иллюстрацией такого положения — дел могут служить греческие тексты из Бактрии, показывающие сильные отступления от норм греческого языка, ср.: Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // Вестник древней истории. 2011. № 4.

словом *bilinguis* могли обозначать неискреннего в речах человека, у которого «два языка».

Как мы знаем, античной традиции не было свойственно внимание к живому употреблению речи в разных частях греческого мира. Даже древнегреческие диалекты в большей степени описывались как диалекты литературные. Эти тексты могли цитироваться в эллинистическое время историками, в том числе — историками-краеоведами⁵. Дошедшие до нас свидетельства позволяют думать, что такого рода истории отдельных регионов бытовали достаточно широко, так что «существование боспорских историков представляется тем более вероятным — <что> местные историки были и в других античных греческих государствах Северного Причерноморья, менее значительных, чем Боспор»⁶. Такого рода сочинения могли включать в себя местные письменные источники. Это предположение позволяет объяснить присутствие в словаре Гезихия глосс, которые соотносятся с текстами дошедших до нас эпиграфических памятников. Для отдельных диалектов возможно реконструировать на основании дошедших до нас глосс нечто вроде связного текста⁷. В эпоху эллинизма известны также случаи, когда делается попытка придать государственный статус местному диалекту. Особенно показательна в этом отношении надпись IG IX 2, 517 = DGE 590 из Лариссы, где в 214 г. до н. э. письмо Филиппа VI Македонского сперва воспроизводят так, как оно было написано на койне, а затем власти города переводят его на фессалийский диалект. Такого рода случаи фактически неизвестны по литературным греческим источникам и связаны с нормализаторской деятельностью и с попытками обретения если не политической, то культурной автономии. В любом случае они отражают институционализированную попытку опереться на устойчивый статус местного диалекта.

Тем самым о билингвизме (и тем более о местных «креольских» языках в античное время) мы можем судить, как правило, только по

⁵ Ср.: *Ростовцев М.И.* Сириск — историк Херсонеса Таврического // Сборник статей по классической филологии. Год 43, вып. 2. Пг., 1915. С. 151–170, а также: *Струве В.В.* Древнейший историк на территории СССР // Этюды по истории Северного Причерноморья. Л., 1968, где на основании поздних античных свидетельств делается попытка восстановить фрагменты не дошедшего до нас текста по истории Боспорского царства.

⁶ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН ССР, 1949.

⁷ См., например, *Казанский Н.Н.* — Пафосские глоссы в — словаре — Гезихия — // — Язык — и — стиль памятников античной литературы — (*Philologia — classica* III). — Л., 1987. С. 72–76.

отрывочным свидетельствам античных писателей, не имея возможности проверить лингвистическую ситуацию на основании реальных текстов: такой язык не мог обладать достаточным статусом для того, чтобы претендовать на использование в официальных надписях.

Исключение составляют материалы греко-индийского билингвизма, значительные по объему и подкрепленные свидетельствами двух литературных традиций⁸. При этом следует иметь в виду, что к моменту встречи древнегреческой и древнеиндийской культурных и языковых традиций и та, и другая обладала уже устойчивыми и выработанными способами фиксации текста, а также определенными наборами жанров, которые лишь отчасти совпадают между собой. Разумеется, — в интересующее нас время⁹ контакты происходили на периферии обеих культур, в первую очередь в Гандхаре, которая располагалась на территории, в настоящее время относящейся к северному Пакистану и восточному Афганистану¹⁰. Это была основная зона контактов Индии с западом, но отсюда же буддизм распространялся из — Индии в Среднюю Азию и Китай.

Проблема билингвизма для античного мира оказывается в высшей степени важным и непростым для понимания — социолингвистическим явлением, поскольку на протяжении многих исторических периодов, в том числе и плохо документированных, возникали многочисленные ситуации, которые можно определить как ситуацию билингвизма.

⁸ *Казанский Н.Н., Крючкова Е.Р.* Материалы по греко-индийскому билингвизму эллинистической эпохи // Индоевропейское языкознание и классическая филология — VI (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы конференции, проходившей 24–26 июня 2002 г. / Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб.: Наука. 2002. С. 69–81; *Казанский Н.Н., Крючкова Е.Р.* — Древнегреческо-древнеиндийский билингвизм // *Scripta Gregoriana: Сборник в честь 70-летия академика Г.М. Бонгард-Левина* / Отв. ред. акад. С. Л. Тихвинский. М.: Вост. лит., 2003. С. 214–231; *Казанский Н.Н., Крючкова Е.Р.* Лексические свидетельства греко-индийских контактов // Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. Сборник статей к 75-летию профессора Александра Леоновича Грюнберга (1930–1995) / Отв. ред. акад. М.Н. Боголюбов. СПб.: Наука. 2006. С. 339–349; *Казанский Н.Н., Крючкова Е.Р.* — Греческая ученость в индийском преломлении // *Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова*. М.: Индрик, 2007. С. 159–169.

⁹ Насколько можно судить, первые непосредственные контакты греков с индийцами относятся к 480/479 г., поскольку в составе армии Мардония находились контингенты бактрийцев и индийцев (*Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 28, 108).

¹⁰ *Rapin Cl.* Les inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d’Aï-Khanoum (Afganistan) — // *BCH*. Vol. 107. 1983. P. 315–372.

В ряде случаев мы располагаем прямыми свидетельствами билингвизма, поскольку — административное управление требовало учета двуязычной ситуации. Двуязычие диктовалось и торговыми отношениями на территориях, заселенных носителями индоиранских языков, особенно в ионийских городах на западном побережье Малой Азии, которые подпали под власть персидского сатрапа¹¹.

Начиная с эллинистического времени владение греческим языком становится желательным для местного населения, вовлеченного в орбиту государственного влияния эллинистических царств, а некоторое знакомство с языками и нравами местного населения — желательным для греков. Грекам, впрочем, во многом мешала т. н. *interpretatio Graeca*, уберегавшая их от знания других языков.

О языковой принадлежности жителей Боспорского царства известно немного, в том числе сведения о самих языках и их генетической принадлежности недостаточны. Можно лишь предполагать на основании ономастикона значительную иранскую составляющую. Приблизительные подсчеты акад. С.А. Жебелева демонстрируют для Пантикапея примерно 25% отчетливо негреческих имен, а в Танаисе в полтора раза больше¹². Эти данные позволяют говорить о значительно меньшем числе негреческих имен в центральных городах Боспорского царства. Следует специально отметить, что особенно много негреческих имен появляется в первые века н. э.¹³ Преимущественно к этому времени (после Митридата) относятся и фракийские имена¹⁴. Нам известны по названиям племена фатеев, меотов, синдов (при этом имена собственные Скиф и Синд в надписи III в. до н. э. КБН 1137 могли принадлежать грекам). Выделение

¹¹ *Christol A. Le grec au contact des iraniens et des indiens // — A. Blanc, A. Cristol [eds]. Langues en contact dans l'Antiquité. Actes du Colloque Rouenlac III (Mont-Saint-Aignan, 6 février 1997). Nancy, 1999. P. 107–123.*

¹² *Жебелев С.А. Боспорские этюды // Известия Гос. Академии Истории Материальной Культуры. Вып. 104. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. С. 45.*

¹³ *Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 236–238.*

¹⁴ Общую сводку материала см.: *Cojocarui V. Populația zonei nordice și sud-vestice a Potulii Euxin în secolele VI-I a. Chr. pe baza izvoarelor epigrafice. Iași, 2004. P. 143–145.* То, что фракийские имена по преимуществу встречаются в римское время, показал С.Р. Тохтасьев: «От времени до рубежа эр, который выбран нами как условная граница, мы имеем в лучшем случае — пять — надежно фракийских личных имен, принадлежавших восьми лицам; — необходимо — подчеркнуть, что лишь два относятся к домитридатовской эпохе» (*Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья II. Фракийские имена на Боспоре // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб., 1992. С. 192).*

«сармато-меото-синдских»¹⁵ племен мало проясняет лингвистическую ситуацию, сводя возможное разнообразие языков к одному иранскому ареалу, но и попытка абсолютизировать значение одного из них приводит, как правило, к абберации. Так, акад. О.Н. Трубачев в какой-то момент абсолютизировал значение синдских племен для истории Боспорского царства и сделал попытку индоарийской интерпретации материалов, которые легли в основу изучения синдского языка¹⁶.

Между тем все, что мы знаем о языковой ситуации в эллинистических царствах, свидетельствует в пользу того, что местные языки относительно массово проявляются только в первые века н.э., а исключения, которые обнаруживаются для более раннего времени, лишь подтверждают правило. — Первое, что необходимо отметить, — это недвусмысленная и жесткая привязка государственного аппарата к греческому языку, распространенному по всей территории Восточного Средиземноморья и достаточно жестко нормированному как в плане грамматики, так и политической терминологии. При этом была возможность сохранения имен местных правителей в том виде, в каком их демонстрирует местная традиция. Для Боспорского царства такую возможность дают фракийские имена правителей. Следует сразу же отметить, что традиционные имена способны продемонстрировать приверженность представителей царского рода к своей исконной этничности, но не дает оснований предполагать участие негреческого этноса в политической жизни государства: кельтские имена галатских цариц никоим образом не свидетельствуют об употреблении кельтского языка на территории Галатии. Также фракийские имена в Боспорском царстве от Спартока I до конца античной эпохи не свидетельствуют о том, что какой-то из палеобалканских языков продолжал употребляться наряду с греческим в сколько-нибудь официальной обстановке.

Ситуация резко меняется в первые века н. э., когда по всему Средиземноморью от Испании и по всем эллинистическим государствам, включая греко-индийские царства на территории современной Индии, Пакистана и Афганистана, возникает стремление противопоставить язык местного населения государственному, т.е. латинскому для запада и греческому языку для востока. Особенно отчетливо это видно на территории Гандхары, где с первых десятилетий II в. до н. э.

¹⁵ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 324. О многих из них, например, о тарпитах, таретах и пессах мы фактически ничего не знаем.

¹⁶ *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999.

чеканятся двуязычные монеты, а в местных эпиграфических памятниках встречаются заимствованные названия должностей, например, στρατηγός в надписи из Таксилы: *ásravarmasa strategasa*¹⁷; кроме того, *vago stratego* в индо-сакских надписях¹⁸ также представлено и в других текстах¹⁹. Наряду с греческими обозначениями встречается и заимствованное из древнеперсидского *qšatrapa*-²⁰ и даже *mahāqšatrapa* — «великий сатрап»²¹, слово, существование которого могло поддерживаться хорошо известным грекам словом *σатράπης*.

Несомненно греческим по происхождению является обозначение «необходимого лица при царе (*ἀναγκαίος*)», что, как мы пытались показать, относится не к кровной близости к царю, как предполагает Глер, основываясь на письмах Аттала II и Эвмена II: «probably an honorary title, *kinsman*, cf. *συγγενής* in OGI 315, 49, 763.31»²², а скорее обозначает должность приближенного к царю человека, ср. надпись на шлеме из Баджаура: *višpilena aṃaṃkaṇa*²³. Термин *μεριδάρχης* появляется только в эллинистическое время²⁴ и происходит от греческого слова *μερίς*, обозначающего «часть», включая часть земли или область. Можно думать, что в индийские надписи обозначение должности *μεριδάρχης* в форме *meridarkhena*, *meridakhena*²⁵, *meriakheṇa*²⁶ — попало из бюрократического языка.

¹⁷ *Marshall J.* Excavations at Taxila // *Archeological Survey of India, Annual Report. 1929–1930.* P. 62.

¹⁸ *Fussman G.* Documents épigraphiques kouchans (III). L'inscription kharoṣṭhī de Senavarma, roi d'Oḍi // *Bulletin de l'École Française de l'Extrême-Orient.* 1982. T. 71. P. 1–43.

¹⁹ *Sircar D.C.* *Indian Epigraphical Glossary.* Delhi; Varanasi; Patna: Motilal Banarsidass, 1966. P. 325. Это греческое слово заимствовалось и в другие языки, например, в ликийский (*Melchert H.C.* *A Dictionary of the Lycian Language.* Ann Arbor; New York: Beech Stave Press, 2004. P. 59). Как отмечает Д. Сиркар, в Индии это обозначение в дальнейшем переходит в титул правителя области.

²⁰ *Mayrhofer M.* *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. A Concise Etymological Sanskrit Dictionary.* Bd. 1. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter. 1956. P. 284.

²¹ *Sircar D.C.* *Indian Epigraphical Glossary.* P. 178.

²² *Glare P.G.W.* *Greek-English Lexicon. Revised Supplement.* Oxford: Clarendon Press., 1996. P. 26.

²³ *Fussman G.* L'indo-grec Ménandre ou Paul Demiéville revisité // *Journal Asiatique.* 1993. Vol. 281. P. — 109.

²⁴ *Liddell H.G., Scott R.* (eds.) *A Greek-English Lexicon compiled by Henry George Liddell and Robert Scott revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones. With a revised Supplement 1996.* Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 1103–1104.

²⁵ *Tarn W.W.* *The Greeks in Bactria and India.* Cambridge, 1951. P. 241–242, 358.

²⁶ *Bailey H.W.* A kharoṣṭhī inscription of Senavarma, King of Oḍi // *JRAS.* 1981. P. 21–29; *Fussman G.* Documents épigraphiques kouchans (III). L'inscription kharoṣṭhī de Senavarma, roi d'Oḍi // *Bulletin de l'École Française de l'Extrême-Orient.* T. 71. 1982. P. 1–46.

Напротив, в греческий язык проникали заимствования, обозначающие местные реалии. Так в переводе эдиктов Ашоки на греческий язык встречаются индийские термины *брахманы–шраманы–грихастха*²⁷, переданные как βραμᾶναι ἢ σραμέναι ἢ καὶ ἄλλοι τινὲς οἱ περὶ τὴν εὐσέβειαν διατρέβοντες, τοὺς ἐκεῖ οἰκοῦντας. Список такого рода слов приводит Гезихий²⁸.

Уже в первые века меняется тип заимствованной лексики: фактически нет греческих текстов, и заимствование из греческого в местные языки происходит отчетливо устным путем²⁹. Последнее указывает на вытеснение греческого языка из местной культурной традиции. На противоположном конце ойкумены в первые века новой эры начинают записывать с помощью местного (отчасти слогового) алфавита тексты на кельтиберском языке³⁰. Римляне воевали с кельтиберами по крайней мере с III в до н. э.; романизация Испании прошла успешно как на культурном, так и на языковом уровне. Целая династия римских цезарей происходит из Испании, и (несмотря на очень небольшие отличия местной латыни от латинского языка Италии) в Риме эти особенности замечали³¹. Мы можем констатировать для Пиринейского полуострова контакты с Грецией и Финикией с VI в. до н. э. и контакты с Римом не позднее III в. до н. э., при этом возвращение к письменности, которая могла считаться для этих мест исторической, и ее массовое использование происходит только в начале новой эры. Самый показательный пример представляет собой использование фригийского языка, который — засвидетельствован несколькими десятками старофригийских надписей, и после перерыва почти в восемь веков надписями новофригийского периода. Эти тексты во многом зависят от греческих и одновремен-

²⁷ Подробнее об этих терминах применительно ко времени Ашоки см. в книге: Вигасин А.А., Самозванцев А.М. «Артхашастра». Проблемы социальной структуры и права. М., 1984.

²⁸ Karttunen K. India and the Hellenic World. Helsinki, 1997 (= Studia Orientalia. Vol. 83).

²⁹ Казанский Н.Н., Крючкова Е.Р. — Греческая ученость в индийском преломлении // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 2007. С. 159–169.

³⁰ См.: Llavador Fr. B., Hoz J. de, Untermann J. El tercer bronce de Botorrita (Conterbia Belaisca). Gobierno de Aragón, 1996; Untermann J. Monumenta Linguarum Hispanicarum. IV. Die tartessischen, keltiberischen und lusitanischen Inschriften, Wiesbaden, 1997.

³¹ Adams J.N. The regional diversification of Latin 200 BC–600 AD. Cambridge University Press, 2004.

но отражают желание местного населения возродить древний фригийский язык, к этому времени уже вышедший из употребления.

Исходя из этих общих тенденций развития эллинистических государств, можно было бы предполагать, что Боспорское царство также не избежало такого рода попыток возродить языки местного населения. Однако прямых свидетельств такого рода в нашем распоряжении нет. Наоборот, стремление представить себя греками прослеживается вполне надежно.

Литература

- Вигасин А.А., Самозванцев А.М.* «Архашастра». Проблемы социальной структуры и права. М., 1984.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН ССР, 1949.
- Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
- Жебелев С.А.* Боспорские этюды // Известия Гос. Академии Истории Материальной Культуры. Вып. 104. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. С. 7–56.
- Иванчик А.И.* Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // Вестник древней истории, 2011. № 4.
- Казанский Н.Н.* — Пафосские глоссы в словаре Гесихия // Язык и стиль памятников античной литературы (Philologia classica III). Л., 1987. С. 72–76.
- Казанский Н.Н., Крючкова Е.Р.* Материалы по греко-индийскому билингвизму эллинистической эпохи // Индоевропейское языкознание и классическая филология — VI (Чтения памяти И. М. Тронского). Материалы конференции, проходившей 24–26 июня 2002 г. / Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб.: Наука., 2002. С. 69–81.
- Казанский Н.Н., Крючкова Е.Р.* — Древнегреческо-древнеиндийский билингвизм // Scripta Gregoriana: Сборник в честь 70-летия академика Г.М. Бонгард-Левина / Отв. ред. акад. С.Л. Тихвинский. М.: Вост. лит., 2003. С. 214–231.
- Казанский Н.Н., Крючкова Е.Р.* Лексические свидетельства греко-индийских контактов // Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. Сборник статей к 75-летию профессора Александра Леоновича Грюнберга (1930–1995) / Отв. ред. акад. М.Н. Боголюбов. СПб.: Наука. 2006. С. 339–349.
- Казанский Н.Н., Крючкова Е.Р.* — Греческая ученость в индийском преломлении // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 2007. С. 159–169.
- Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
- Ростовцев М.И.* Сириск — историк Херсонеса Таврического // Сборник статей по классической филологии. Год 43, вып. 2. Пг., 1915. С. 151–170.

- Струве В.В.* Древнейший историк на территории СССР // Этюды по истории Северного Причерноморья. Л., 1968.
- Тохтасьев С.П.* Из ономастики Северного Причерноморья II. Фракийские имена на Боспоре // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб., 1992.
- Тохтасьев С.П.* Saugomatae — Sarmatae — Sarmatae // Херсонесский сборник. Вып. 14. Севастополь, 2005. С. — 291–306.
- Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999.
- Adams J.N.* The regional diversification of Latin 200 BC–600 AD. Cambridge University Press, 2004.
- Bailey H.W.* A kharoṣṭhī inscription of Senavarma, King of Oḍi // JRAS, 1981. P. 21–29.
- Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Vol. I. Paris, 1968.
- Christol A.* Le grec au contact des iraniens et des indiens // — A. Blanc, A. Cristol [eds]. Langues en contact dans l'Antiquité. Actes du Colloque Rouenlac III (Mont-Saint-Aignan, 6 février 1997). Nancy, 1999. P. 107–123.
- Cojocaru V.* Populația zonei nordice și nod-vestice a Potului Euxin în secolele VI-I a. Chr. pe baza izvoarelor epigrafice. Iași, 2004. P. 143–145.
- Dubuisson M.* Recherches sur la terminologie antique du bilinguisme // RPh, 1983. Vol. 57, 2. P. 203–225.
- Fussman G.* Nouvelles inscriptions śaka: Ère d'Eucratide, ère d'Azès, ère Vikrama, ère de Kaniṣka // Bulletin de l'École Française de l'Extrême-Orient, 1980. T. 67. P. 1–43.
- Fussman G.* Documents épigraphiques kouchans (III). L'inscription kharoṣṭhī de Senavarma, roi d'Oḍi // Bulletin de l'École Française de l'Extrême-Orient, 1982. T. 71. P. 1–46.
- Fussman G.* L'indo-grec Ménandre ou Paul Demiéville revisité // Journal Asiatique, 1993. Vol. 281. P. — 109.
- Glare P.G.W.* Greek-English Lexicon. Revised Supplement. Oxford: Clarendon Press., 1996.
- Karttunen K.* India and the Hellenic World. Helsinki, 1997 (= Studia Orientalia. Vol. 83).
- Liddell H.G., Scott R.* (eds.) A Greek-English Lexicon compiled by Henry George Liddell and Robert Scott revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones. With a revised Supplement 1996. Oxford: Clarendon Press, 1996.
- Llavador Fr. B., Hoz J. de, Untermann J.* El tercer bronce de Botorrita (Contrebia Belaisca). Gobierno de Aragón, 1996.
- Marshall J.* Excavations at Taxila // Archeological Survey of India, Annual Report. 1929–1930. P. 55–97.
- Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. A Concise Etymological Sanskrit Dictionary. Bd. 1. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter. 1956.

- Melchert H.C.* A Dictionary of the Lycian Language. Ann Arbor; New York: Beech Stave Press, 2004.
- Rapin Cl.* Les inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d’Aï-Khanoum (Afganistan) — // BCH, 1983. Vol. 107. P. 315–372.
- Sircar D.C.* Indian Epigraphical Glossary. Delhi; Varanasi; Patna: Motilal Banarsidass, 1966.
- Tarn W.W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951.
- Untermann J.* Monumenta Linguarum Hispanicarum. IV. Die tartessischen, keltiberischen und lusitanischen Inschriften, Wiesbaden, 1997.

Г.Р. Цецхладзе

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО:
ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

*Посвящается памяти Джона Хайнда
в благодарность за его многолетнюю поддержку*

Аннотация: Боспорское царство уже многие десятилетия привлекает внимание ученых. Оно считается уникальным, ведь это царство — предшественник эллинистических греческих царств и государств, существовавший в классическую эпоху. Его самобытность часто подчеркивалась, и эта статья призвана продемонстрировать на основе анализа свидетельств о его возникновении и последующем развитии, насколько Боспорское царство действительно уникально. Статья также показывает, что источники, освещающие период вплоть до последней четверти V в. н. э., могут быть интерпретированы по-разному.

Ключевые слова: Боспорское царство, образование и развитие государства, уникальность Боспорского царства, эллинистические государства

Abstract: The Bosphoran kingdom has attracted the attention of scholars for many decades. It is considered unique — a Classical precursor of the Hellenistic Greek kingdoms/states. Its distinctiveness has often been underlined. This paper will explore how unique the Bosphoran kingdom really was, discussing all the kinds of evidence we have for its foundation and subsequent development, and how the sources for the period up to the last quarter of the 5th century BC are susceptible to a wide variety of interpretations.

Key words: the Bosphoran kingdom, foundation and development of the kingdom, its distinctiveness, Hellenistic Greek states

Введение

Термин Боспор Киммерийский / Βόσπορος Κιμμέριος как в этом исследовании, так и самими древними авторами, применяется к ре-

гиону Восточного Крыма и Таманского полуострова, которые отделены друг от друга Керченским проливом, соединяющим Азовское (Меотийское озеро, как его называли греки) и Черное моря. Эти полуострова, соответственно, образуют Боспор Европейский и Боспор Азиатский. Первые греческие колонии появились в обоих регионах в самом начале VI в. до н. э., причем большая их часть была основана выходцами из Милета, хотя эолийцы из Митилены и основали Гермонассу, а ионийцы из Теоса — Фанагорию¹. Пантикапей был главным городом на Европейском Боспоре, а позже стал столицей Боспорского царства. Фанагория была самым большим городом на азиатской стороне. Из всех древних авторов только Страбон дает четкое описание этого разделения Боспора на две части:

При въезде в Корокондамитиду находятся значительный город Фанагория, Кепы, Гермонасса и Апатур — святилище Афродиты. Фанагория и Кепы расположены на упомянутом острове при входе в озеро с левой стороны, а остальные города — за Гипанисом в Синдской области. В Синдской области есть место Горгипия — царская столица синдов, недалеко от моря, а также Аборака. Все племена, подвластные властителям Боспора, называются боспоранами. Главным городом европейских боспоранов является Пантикапей, а азиатских — Фанагорий (потому что так называется этот город). Фанагория, по-видимому, является перевалочным пунктом для товаров, доставляемых из Меотиды и вышележащей варвар-

¹ О греческой колонизации Черного моря, включая Боспор Киммерийский, см., например: *Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971. S. 32–49; *Hind J.G.F.* The Bosporan Kingdom // САН. VI. 2nd ed. 1994. P. 481–488; *Tsetskhladze G.R.* Greek Penetration of the Black Sea // *Tsetskhladze G.R.* and *De Angelis F.* (Eds.). *The Archaeology of Greek Colonisation: Essays Dedicated to Sir John Boardman.* Oxford, 1994. P. 111–135; *Idem.* A Survey of the Major Urban Settlements in the Kimmerian Bosporos (with a Discussion of their Status as Poleis) // *Nielsen T.H.* (Ed.). *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis.* Stuttgart, 1997. P. 42–57; *Idem.* Greek Colonisation of the Black Sea Area: Stages, Models, and Native Populations // *Tsetskhladze G.R.* (Ed.). *The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology.* Stuttgart, 1998. P. 9–68; *Idem.* G.R. Ionians Abroad // *Tsetskhladze G.R.* and *Snodgrass A.M.* (Eds.). *Greek Settlements in the Eastern Mediterranean and the Black Sea.* Oxford, 2002. P. 81–96; *Idem.* G.R. Greeks beyond the Bosphorus // *Karageorghis V.* (Ed.). *The Greeks beyond the Aegean: from Marseilles to Bactria.* New York, 2003. P. 129–166; *Idem.* G.R. Secondary Colonisers in the Black Sea: Sinope and Panticapaeum // *Lombardo M.* and *Frisone F.* (Eds.). *Colonie di colonie: le fondazioni sub-coloniali greche tra colonizzazione e colonialismo.* Lecce; Taranto, 2009. P. 229–254; *Avram A., Hind J.* and *Tsetskhladze G.* *The Black Sea Area* // *Hansen M.H.* and *Nielsen T.H.* (Eds.). *An Inventory of Archaic and Classical Poleis. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation.* Oxford, 2004. P. 924–973.

ской страны, а Пантикапей — для товаров, привозимых туда с моря. Есть в Фанагории знаменитое святилище Афродиты Апатурос². (*Strab.* 11. 2. 10; перевод Г.А. Стратановского).

Боспорское царство привлекало внимание многих поколений ученых. О нем написано много трудов³. Это государство часто рассматривалось как уникальный для классического периода феномен. Многие ученые видят в этом государстве прототип тех царств, которые возникли в эллинистический период после походов Александра Великого. В 1950–1960 гг. был изобретен специальный термин для описания этого царства, а именно «прото-эллинистическое». В следующие двадцать лет этот термин был отвергнут, однако затем снова вернулся в научный оборот⁴.

Что же заставляет современных специалистов считать Боспорское царство таким необычным явлением? Позволю себе привести упрощенную версию традиционного описания истории этого царства, которое во многом обязано трудам Ю.Г. Виноградова (см. ниже). В качестве даты возникновения Боспорского царства всегда приводится время около 480 г. до н. э. Греческая колония Пантикапей,

² Εἰσπλεύσαντι δ' εἰς τὴν Κοροκοῦνδαμίτιν ἢ τε Φαναγόρεια ἔστι πόλις ἀξιόλογος καὶ Κῆποι καὶ Ἐρμῶνασσα καὶ τὸ Ἀπάτουρον τὸ τῆς Ἀφροδίτης ἱερόν· ὧν ἡ Φαναγόρεια καὶ οἱ Κῆποι κατὰ τὴν λεχθεῖσαν νῆσον ἴδονται εἰσπλέοντι ἐν ἀριστερᾷ, αἱ δὲ λοιπαὶ πόλεις ἐν δεξιᾷ πέραν Ὑπάνιος ἐν τῇ Σινδικῇ. ἔστι δὲ καὶ Γοργυπία ἐν τῇ Σινδικῇ, τὸ βασιλείον τῶν Σινδῶν πλησίον θαλάττης, καὶ Ἀβοράκη. τοῖς δὲ τοῦ Βοσπόρου δυνάσταις ὑπήκοοι ὄντες ἅπαντες Βοσπορανοὶ καλοῦνται· καὶ ἔστι τῶν μὲν Εὐρωπαϊῶν Βοσπορανοῶν μητρόπολις τὸ Παντικάπαιον, τῶν δ' Ἀσιανῶν τὸ Φαναγόρειον (καλεῖται γὰρ καὶ οὕτως ἡ πόλις), καὶ δοκεῖ τῶν μὲν ἐκ τῆς Μαιώτιδος καὶ τῆς ὑπερκειμένης βαρβάρου κατακομιζομένων ἐμπόριον εἶναι τὰ Φαναγόρεια, τῶν δ' ἐκ τῆς θαλάττης ἀναφερομένων ἐκεῖσε τὸ Παντικάπαιον. ἔστι δὲ καὶ ἐν τῇ Φαναγορείᾳ τῆς Ἀφροδίτης ἱερόν ἐπίσημον τῆς Ἀπατούρου.

³ Существует огромная библиография по истории Боспорского царства и раскопкам его городов (см., например: *Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich; *Hind J.G.F.* The Bosporan Kingdom; *Tsetskhladze G.R.* A Survey; *Fornasier J. und Böttger B.* (Hrsgg.) Das Bosporanische Reich. Mainz, 2002; *Avram A. et al.* The Black Sea Area; *Gallotta S.* Il regno del Bosforo Cimmerio: vicende storiche, aspetti istituzionali, economici e culturali, 2 ed. Pescara, 2011). В этой статье я привожу только недавние работы.

⁴ См., например: *Высокий М.Ф.* Черты протозеллинизма в Великой Греции (Сицилии) и Фракии // Яйленко В.П. (Ред.). История и культура древнего мира: Российско-болгарский сборник статей и учебных материалов в честь Т.В. Блаватской. М., 1996. С. 118–136. А.А. Завойкин посвятил этой проблеме обширную статью, показывающую все возможные варианты ее решения, основанные на всех возможных источниках (см.: *Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. 4. С. 150–180 с литературой).

основанная милетцами в начале VI в., объединила греческие города Керченского и Таманского полуостровов при первом правителе из династии Археанактидов, которая правила этим новым греческим государством в течение 42 лет, пока другая династия не сменила ее. Основной причиной создания Боспорского царства было скифское давление на греческие города. Другой причиной стало растущее население Пантикапея и необходимость отселять часть его жителей в новые места. Начиная с IV в. до н. э. государство расширилось за счёт насильственного включения в его состав соседних греческих городов, которым до этого удавалось давать отпор правителям Пантикапея, а также за счёт мирного включения местных народов, которые жили рядом на Таманском полуострове. Множество представителей этих народов устремилось в греческие города и стало принимать активное участие в их жизни. Параллели с эллинистическим периодом очевидны, и Боспорские города и их материальную культуру принято называть греко-варварскими.

Но выдерживает ли критику эта интерпретация сведений источников, идентифицирующая параллели только с эллинистическим, а не с классическим периодом?

Сведения Диодора

Для начала рассмотрим письменные источники, содержащие информацию о возникновении Боспорского царства⁵.

Главным, а точнее сказать, единственным письменным источником, сообщающим о Боспорском царстве как возникшем (или уже существовавшем) в V в. до н. э., является Диодор Сицилийский. Представление о времени возникновения царства и имени первой династии основано исключительно на его сведениях. В записи под 438/7 г. он говорит:

В Азии династия Киммерийского Боспора, чьи цари, известные как Археанактиды, правили в течение сорока двух лет, а их преемник Спар-

⁵ В общей сложности более 40 греческих и римских авторов писали о Боспоре Киммерийском. Сохранилось почти 2000 надписей, упоминающих имена и деяния Боспорских царей. Существуют также обширный нумизматический материал и изобилие археологических источников, ведь раскопки здесь проводятся с XIX в. Обзор источников см.: *Gajdukevic V.F.* Das Bosporanische Reich.; *Шелов-Коведяев В.Ф.* История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 г. М., 1985; *Hind J.G.F.* The Bosporan Kingdom. P. 476–481; *Gallotta S.* Il regno.

ток царствовал семь лет. [438/7–432/1 гг. до н. э.] (*Diod.* 12. 31. 1; перевод Д.В. Мещанского)⁶.

В целом, Диодор подробно излагает историю боспорских царей, приводит их имена и сообщает, кто, когда, кому и при каких обстоятельствах передавал власть. Вот несколько примеров:

Когда Апсевд был архонтом в Афинах [433 г. до н. э.], римляне избрали консулами Тита Менения и Прокла Гегания Макерина. В этом году, после семи лет правления, умер Спарток, царь Боспора, и Селевк занял трон и царствовал в течение 40 лет. (*Diod.* 12. 36. 1; перевод Д.В. Мещанского)⁷.

Примерно в это же время [310 г. до н. э.] в области Понта по смерти Парисада, царя Киммерийского Боспора, сыновья его Эвмел, Сатир и Притан подняли между собою войну из-за власти. Старший из них, Сатир, получил власть от отца, царствовавшего тридцать восемь лет; но Эвмел, вступив в дружеские отношения с некоторыми из соседних варварских народов и собрав значительные военные силы, стал оспаривать у брата власть. (*Diod.* 20. 22. 1–2; перевод В.В. Латышева)⁸.

В то время как происходили эти события [304 г. до н. э.], Эвмел, царь Боспора, умер на шестой год своего царствования, и его сын Спарток вступил на престол и царствовал в течение двадцати лет. (*Diod.* 20. 100. 7; перевод В.В. Латышева)⁹.

Мы не знаем, из какого источника Диодор почерпнул эту информацию. В некоторых местах его сведения о времени правления отдельных царей, их именах и последовательности, временах совместного правления и др. несколько запутаны. Однако его хронологию и

⁶ κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν οἱ τοῦ Κιμμερίου Βοσπόρου βασιλεύσαντες, ὀνομασθέντες δὲ Ἀρχαίανακτίδαι, ἤρξαν ἔτη δύο πρὸς τοῖς τετταράκοντα· διεδέξατο δὲ τὴν ἀρχὴν Σπάρτακος, καὶ ἤρξεν ἔτη ἑπτὰ.

⁷ Ἐπ' ἀρχοντος δ' Ἀθηνησιν Ἀψεύδους Ῥωμαῖοι κατέστησαν ὑπάτους Τίτον Μενήνιον καὶ Πρόκλον Γεγάνιον Μακερίνον. ἐπὶ δὲ τούτων Σπάρτακος μὲν ὁ Βοσπόρου βασιλεὺς ἐτελεύτησεν ἄρξας ἔτη ἑπτὰ, διεδέξατο δὲ τὴν ἀρχὴν Σέλευκος καὶ ἐβασίλευσεν ἔτη τετταράκοντα.

⁸ Περὶ γὰρ τοὺς αὐτοὺς καιροὺς ἐν τῷ Πόντῳ μετὰ τὴν Παρυσάδου τελευτὴν, ὃς ἦν βασιλεὺς τοῦ Κιμμερικοῦ Βοσπόρου, διετέλουσι οἱ παῖδες αὐτοῦ διαπολεμοῦντες πρὸς ἀλλήλους ὑπὲρ τῆς ἡγεμονίας, Εὐμηλός τε καὶ Σάτυρος καὶ Πρύτανις. τούτων δὲ ὁ μὲν Σάτυρος ὦν πρεσβύτερος παρὰ τοῦ πατρὸς παρελήφθη τὴν ἀρχὴν, βεβασιλευκότος ἔτη τριάκοντα ὀκτώ· ὁ δ' Εὐμηλός φιλίαν συντεθειμένος πρὸς τινὰς τῶν πλησιοχώρων βαρβάρων καὶ δύναμιν ἀδρᾶν ἠθροικῶς ἡμ φισβήτει τῆς βασιλείας.

⁹ ἅμα δὲ τούτοις πραττομένοις Εὐμηλός μὲν ὁ Βοσπόρου βασιλεὺς βασιλεύων ἕκτον ἔτος ἐτελεύτησε, τὴν δὲ βασιλείαν διαδεξάμενος Σπάρτακος ὁ υἱὸς ἤρξεν ἔτη εἴκοσιν.

другие неточности можно исправить при помощи декретов из Афин IV — III вв. (*IG II² 212, 653* и др.) и из самого Боспорского царства (*КБН passim*), а также при помощи сведений других авторов, например, Страбона, который указывает свои источники, например: «Смотри также, что говорит Хрисипп о боспорских царях династии Левкона» (*Strab. 7. 3. 8*; перевод Г.А. Стратановского)¹⁰.

Диодор рассказывает о династах, которые правили на Боспоре Киммерийском. Однако остается неясным, что он имеет в виду, упоминая Боспор Киммерийский, — географическую территорию или само государство, находившееся на ней. То, что имелось греками в виду под словом «Боспор» (*Βόσπορος*), и то, каким образом это слово использовалось, со временем претерпело существенные изменения (само слово произошло от фригийского или фракийского обозначения пролива). Изначальное значение слова подразумевало под собой чисто географический феномен. Это значение относится к периоду первоначальной греческой колонизации региона и соотносит Боспор Киммерийский, названный так по имени народа, который предположительно жил поблизости, с Боспором Фракийским, расположенным на противоположной стороне Черного моря. Далее, это слово использовалось как неофициальное альтернативное название Пантикапея у Демосфена (20, 30, 36), который, впрочем, прекрасно знал, что другим именем этого места было Пантикапей (*Demosth. 35. 31*). Однако такое обозначение больше не встречается у древних авторов вплоть до I в. н. э. В самом Боспоре, тем не менее, это имя хорошо представлено надписями, относящимися к достаточно обширному периоду (см. ниже). Плиний Старший прямо утверждает, что Пантикапей именовался некоторыми Боспором (NH 4.78), хотя в это время официальным названием города было Кесария. В письменных источниках V — I вв. до н. э. Боспорское царство чаще называется Понтом, чем Боспором, и только Демосфен объединяет термины Пантикапей и Боспор. В боспорской надписи времен Левкона I Боспор назван частью его царства (*КБН 1111*). На самом деле, он был ядром этого государства, так что этот

¹⁰ О сложностях интерпретации данных Диодора об истории Боспорского царства см., например: *Hind J.G.F. The Bosporan Kingdom. P. 480*; *Burstein S.M. The Greek Cities of the Black Sea // Kinzl K. (Ed.). A Companion to the Classical Greek World. Oxford, 2006. P. 142*; *Gallota S. Il regno. Passim. Самые новые сводные хронологические таблицы по истории Боспора, с указанием библиографии см.: Fornasier J. und Böttger B. (Hrsgg.) Das Bosporanische Reich. S.121*; *Podosinov A.V. Le royaume du Bosphore Cimmérien aux époques grecque et romaine: un aperçu // Burgunder P. (Éd.) Études pontiques: Histoire, historiographie et sites archéologiques du bassin de la mer Noire. Lausanne, 2012. P. 106–107.*

термин стал применяться ко всей территории царства, которая была увеличена Левконом I и его приемниками (см. ниже)¹¹.

Можно было бы продолжить это описание, но ни один источник, ни письменный, ни эпиграфический, не называет Боспорское царство Боспором Киммерийским. Возможно, Диодор имел в виду, что Археанактиды правили где-то на территории Боспора Киммерийского, а не в Боспорском царстве как таковом в территориальном смысле. Если дело обстоит именно так, то наиболее правдоподобным местом правления этой династии представляется Пантикапей, так как, по широкопринятому мнению, Археанактиды происходили из Милета.¹² Это не могла быть Фанагория, другой крупный город на Таманском полуострове: в то время как Пантикапей был основан выходцами из Милета¹³, Фанагория была основана Теосом¹⁴. Помимо этого, Пантикапей был единственным поселением на Боспоре Киммерийском, которое вывело свои собственные колонии, например, Мирмекий, Порфмий и некоторые другие, вероятно, с целью контролировать самый короткий морской путь из Керчи в Тамань¹⁵.

¹¹ О долгой дискуссии по поводу использования и словоупотребления термина «Боспор» см.: *Тохтасьев С.П.* Βόσπορος // Зуев В.Ю. и др. (Ред.). Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 80–86; *Завойкин А.А.* Βόσπορος–Κιττιέριος–Βόσπορος — Diod. XII. 31,1. (Опыт историколингвистического анализа) // ПИФК. 1994. Вып. 1; *Он же.* «Боспорский феномен» или псевдоэллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. 4. С. 166–168; *Zavoykin A.A.* Bosphoran Panticapaeum and the Territorial State // Solovyov S.L. (Ed.) Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus, 7th–1st Centuries BC. Oxford, 2007. P. 150–152 (с библиографией).

¹² Несмотря на это, вопрос ещё далек от окончательного разрешения (см., например: *Hind J.G.F.* The Bosporan Kingdom. P. 490).

¹³ *Avram A. et al.* The Black Sea Area. P. 949–950. О раскопках в Пантикапее см.: *Treister M.Y.* Excavations at Pantikapaion, Capital of the Kingdom of the Bosphorus. Old Finds, Recent Results and some New Observations // Greek Archaeology without Frontiers. Athens, 2002. P. 151–172; *Idem.* Archaic Panticapaeum // Cobet J. et al. (Eds.), Frühes Ionien: Eine Bestandsaufnahme. Mainz, 2007. P. 567–580; *Tolstikov V.P.* Pantikapaion // Fornasier J. und Böttger B. (Hrsgg.) Das Bosporanische Reich. S. 39–58; *Толстиков В.П.* Акрополь Пантикапея — столицы Боспора Киммерийского. Итоги изучения за 60 лет // Маслеников А.А., Гаврилюк Н.А. (Ред.). Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор. Москва; Киев; Запорожье, 2007. С. 244–257.

¹⁴ *Avram A. et al.* The Black Sea Area. P. 950–951. О раскопках в Фанагории см.: *Tsetskhladze G.R.* Phanagoria: Metropolis of the Asiatic Bosphorus // Greek Archaeology without Frontiers. Athens, 2002. P. 129–150; *Kuznetsov V.D.* Phanagoreia // Fornasier J. und Böttger B. (Hrsgg.) Das Bosporanische Reich. S. 59–68.

¹⁵ См., например: *Tsetskhladze G.R.* A Survey. P. 72; *Idem.* Secondary Colonisers. P. 239–244 с библиографией. Некоторые исследователи считают эти поселения *Ackerburg/Stadtdorf*. О последнем см., например: *Завойкин А.А.* О «больших» и «малых» боспорских городах // ДБ. Т. 13. 2009. С. 176–205.

Теория Ю. Г. Виноградова и альтернативные интерпретации

Теперь мы перейдем к рассмотрению теории Ю.Г. Виноградова, которую он впервые сформулировал в 1980 г.¹⁶ и окончательно оформил в публикации 1983 г.¹⁷ Именно в этой последней версии теория вошла в научную и учебную литературу. Греческие города Керченского и Таманского полуостровов были объединены в более или менее единое государство, Боспорское царство, со столицей в Пантикапее при династии Археанактидов в 480 г. до н. э. Для объяснения этого объединения Виноградов предложил теорию *симмахии*. Позже он связал монеты с надписью АПОЛ с храмом Аполлона в Пантикапее, построенном во второй четверти V в. до н. э. Эта чеканка была, предположительно, «союзническим» выпуском городов¹⁸. Причиной этого предполагаемого союза была угроза, исходившая от скифов. Скифы в это время проводили наступательную политику, вдохновленные своим успешным сопротивлением кампании персидского царя Дария против них.

Ряд ученых сразу же поддержал Виноградова и принялся искать свидетельства скифских действий против греческих городов Боспора Киммерийского¹⁹. Другие критиковали теорию в целом или отдельные ее аспекты, называя ее чисто спекулятивной и не обоснованной данными источников, а также неспособной вынести бремя заключений, которые могли из нее последовать²⁰.

¹⁶ Статья была впервые опубликована в *Chiron* 10. Я ссылаюсь на ее републикацию в *Kleine Schriften Виноградова (Vinogradov Ju.G. Pontische Studien: Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes / Hrsg. von H. Heinen. Mainz, 1997. S. 100–132).*

¹⁷ *Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Голубцова Е.С. и др. (Ред.). *Античная Греция*. Т. I. М., 1983. С. 400–420.

¹⁸ Это мнение было высказано Ю.Г. Виноградовым на конференции и цитируется Толстиковым в работе: *Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н. э.) // *ВДИ*. 1984. 3. С. 47, прим. 95.

¹⁹ См., например: *Толстиков В.П.* К проблеме; *Шелов-Коведяев В.Ф.* История Боспора. 72–74. Дальнейшую библиографию см.: *Молев Е.А.* Скифы в политической истории Боспора // *ВДИ*. 2009. № 3. С. 156.

²⁰ *Васильев А.Н.* К вопросу о времени образования Боспорского государства // Гаврилов А.К. и др. (Ред.). *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. Л., 1992. С. 111–128; *Молев Е.А.* Политическая история Боспора VI—IV вв. до н. э. Н. Новгород, 1997. С. 24–47; *Завойкин А.А.* Кризис «первой половины» V в. до н. э. и проблема образования Боспорского государства // *РА*. 2006. 4. С. 103–111. Дальнейшую библиографию см.: *Молев Е.А.* Скифы. С. 156.

Каким же образом дела обстоят сейчас, почти 30 лет спустя? Есть ли какие-нибудь новые данные? Я должен сразу сказать, что у нас нет никаких источников, которые говорили бы о *симмахии* или о том, какие города (если вообще таковые имелись) присоединились к Боспорскому царству при его «основании» в 480 г. или примерно в это время. Этот факт не раз подчеркивался многими учеными²¹. Более того, дата основания храма Аполлона в Пантикапее сейчас, по общему мнению, относится к периоду не позже последней четверти VI века²². Продолжается дискуссия о монетах, но представляется ясным, что они были отчеканены до третьей четверти V в. до н. э. Это доказывает несостоятельность предположений о «союзном» выпуске и о связи его с воздвижением храма (которое состоялось почти за сто лет до чеканки монет)²³.

Что же касается скифской угрозы и вообще скифского присутствия на Керченском и Таманском полуостровах, то на этот счёт у нас нет никаких письменных свидетельств, современных рассматриваемым событиям. Стефан Византийский (*s.v. Panticapaeum*) отмечает, что отношения между греками и скифами были мирными и что основание колонии состоялось с разрешения скифского царя. Согласно Страбону, греки вытеснили скифов (11. 2. 5), но он также отмечает, что Боспор платил дань варварам, что, как кажется, противоречит его предыдущему сообщению (*Strab.* 7. 4. 4). Помпей Трог (сведения которого дошли до нас через Юстина 2. 3. 5) упоминает, что скифы вернулись и жили с греками в мире до времен скифо-персидских войн²⁴.

Хотя все приведенные источники относятся к более позднему времени, они единогласно указывают на относительно мирное сосуществование греков и скифов на Боспоре²⁵. Главный фрагмент пись-

²¹ См., например: *Васильев А.Н.* К вопросу. С. 111–128; *Молев Е.А.* Политическая история. С. 24–47; *Завойкин А.А.* Кризис. Дальнейшую библиографию см.: *Молев Е.А.* Скифы. С. 156.

²² *Завойкин А.А.* Кризис. С. 106–107 с библиографией.

²³ *Завойкин А.А.* Кризис. С. 107–108 с библиографией. Более того, если раньше было принято считать, что первый выпуск серебряных монет Пантикапея был отчеканен в середине VI в. до н. э., то сейчас убедительно доказано, что он имел место только в первые годы V в. (см.: *Коваленко С.А., Толстиков В.П.* О начале монетной чеканки на Боспоре. Часть 1 // ВДИ. 2010. 3. С. 43–59; Часть 2 // ВДИ. 2010. 4. С. 23–50).

²⁴ Подробности с библиографией см.: *Молев Е.А.* Скифы. С. 157.

²⁵ Важно отметить, что ни одна из официальных надписей, найденных на Боспоре Киммерийском и относящихся к доэллинистической эпохе, не упоминает скифов.

менной традиции, к которому обращаются многие, чтобы доказать, что конфликт между греками и скифами все-таки имел место, это сообщение Геродота:

Во всех названных странах [Скифии] зима столь сурова, что восемь месяцев там стоит невыносимая стужа. В это время хоть лей на землю воду, грязи не будет, разве только если разведешь костер. Море здесь и весь Боспор Киммерийский замерзают, так что скифы, живущие по эту сторону рва, выступают в поход по льду и на своих повозках переезжают на ту сторону до земли синдов. (4. 28; перевод Г.А. Стратановского)²⁶

В последнее время в ряде публикаций было убедительно показано, что этот отрывок не может служить доказательством существования каких-то явных сложностей в позднеархаический и раннеклассический периоды в отношениях между греками и скифами, живущими поблизости. Геродот в этом отрывке использует настоящее время, что, очевидно, указывает на описание автором современных ему событий, не имеющих никакого отношения ко времени около 480 г.²⁷ Более того, из самого отрывка отнюдь не следует, что пересечение скифами рва по льду вызывало какие-либо конфликты с греками.

Другим важным вопросом является почти полное отсутствие каких-либо свидетельств пребывания скифов на Керченском и Таманском полуостровах в позднеархаический и раннеклассический периоды. Не найдено никаких бесспорно скифских захоронений на Таманском полуострове, хотя некоторые ученые насчитывают десять предположительно скифских погребений, относящихся к VI — IV вв. до н. э. Все эти погребения содержат оружие, но могила воина — это ещё не обязательно скифская могила, и упомянутые погребения могут принадлежать к какой угодно культуре²⁸. Что касается Восточного Крыма, то эта территория стала активно

²⁶ Δυσχείμερος δὲ αὐτῆ ἢ καταλεχθεῖσα πᾶσα χώρα οὕτω δὴ τί ἐστὶ, ἐνθα τοὺς μὲν ὀκτώ τῶν μηνῶν ἀφόρητος οἶος γίνεται κρυμός, ἐν τοῖσι ὕδαρ ἐκχεᾶς πηλὸν οὐ ποιήσεις, πῦρ δὲ ἀνακαίων ποιήσεις πηλόν· ἢ δὲ θάλασσα πηγύνηται καὶ ὁ Βόσπορος πᾶς ὁ Κιμμέριος, καὶ ἐπὶ τοῦ κρυστάλλου οἱ ἐκτὸς <τῆς> τάφρου Σκύθαι κατοικημένοι στρατεύονται καὶ τὰς ἀμάξας ἐπελαύνουσι πέραν ἐς τοὺς Σίνδους.

²⁷ *Масленников А.А.* Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем // ДБ. 4. 2001. С. 291–323; *Парамов Я.М.* Ледовые походы скифов // Зуев В.Ю. и др. (Ред.). Боспорский феномен. Проблемы соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005. С. 247–250; *Молев Е.А.* Скифы. С. 158.

²⁸ См.: *Завойкин А.А.* Кризис. С. 108, п. 12.

заселяться скифами лишь со второй половины V в. до н. э.²⁹ Более того, скифские элитные курганы не возводились близ Нимфея, Пантикапея, Фанагории, Кеп и (вероятно) Гермонассы до второй половины этого столетия³⁰.

Однако существует ряд событий, которые прослеживаются археологически и требуют объяснения. Во-первых, в последней трети VI в. до н. э. прекратило свое существование греческое Таганрогское поселение, располагавшееся на северо-восточной оконечности Азовского моря³¹. В пластах примерно этого же времени (середина — последняя четверть VI в.) прослеживаются следы пожара на памятниках Кепы, Мирмекий и Порфмий. Помимо этого, раскопки на последних двух из упомянутых памятников обнаружили следы фортификационных стен середины — второй половины VI в., что рассматривается некоторыми учеными как свидетельство ухудшения отношений со скифами³². Однако, как уже отмечалась выше, в эту эпоху на Керченском и Таманском полуостровах ещё не было скифов. На самом деле, мы не можем исключить вероятность ухудшения отношений между самими греческими городами. Достаточно сложно объяснить следы пожара и строительство стен: археология не может дать точного объяснения, так что её свидетельства могут стать предметом различных интерпретаций и даже откровенных спекуляций (об альтернативной интерпретации см. ниже).

Следы разрушений, появление фортификационных стен и проч. зафиксированы и на других памятниках в период конца VI — первой и второй четверти V в. до н. э. Из 13 поселений, упоминаемых Толстиком³³, на семи (Героевка I, Нимфей, мыс Зюк, Андреевка, Южная, Фанагория и Кепы) читаются следы пожара. К тому же в Фанагории в зоне «Керамика» были возведены фортификационные стены, а в слое пожара содержится оружие. Стены Тиритаки были возведены в спешке на месте уничтоженных пожаром домов. Также

²⁹ *Завойкин А.А.* Кризис. С. 108; *Молев Е.А.* Скифы. С. 159.

³⁰ *Виноградов Ю.А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2009. С. 7.

³¹ *Котылов В.П.* Скифы Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. (Вопросы хронологии и военно-политической истории) // ВДИ. 2003. 1. С. 139.

³² *Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А.* Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Зуев В.Ю. и др. (Ред.). Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 1. СПб., 2001. С. 41–45; *Виноградов Ю.А.* Миграции кочевников. С. 71; *Молев Е.А.* Скифы. С. 158–159; etc.

³³ *Толстик В.П.* К проблеме. С. 26–30.

здесь в слое пожара были найдены наконечники стрел. В Мирмекии укрепления были сооружены в первой четверти V в. В Пантикапее в конце VI — первой половине V в. можно проследить изготовление оружия, а на акрополе этого города есть следы разрушения, относящиеся к первому десятилетию V в. Работы по фортификации начались в городе во второй четверти того же века.

Завойкин³⁴ рассмотрел сведения, приводимые Толстикovým, в свете информации, предоставленной более недавними раскопками. Он исключил из списка, приводимого выше, поселения мыс Зюк, Южная и Андреевка, однако добавил Патрей на Азиатском Боспоре, где есть некоторые следы разрушений, хотя масштаб их сложно оценить. В Фанагории фортификационная стена на «Керамике» датируется второй половиной V в. Обнаруженные следы пожара оказались локальными, и среди найденного там оружия не было наконечников стрел. Пожары в Кехах и Нимфее тоже были локальными. В Порфмии есть свидетельства разрушений и строительства фортификационной стены, относящиеся к началу V в. н. э. Торик был разрушен в первой четверти 5 в. до н. э. Что же касается Пантикапея, недавние раскопки, проведенные самим Толстикovým³⁵, открыли внутри Акрополя боль-

³⁴ Завойкин А.А. Кризис. С. 103–107.

³⁵ Основываясь на результатах своих недавних раскопок, Толстикöv предложил схему развития Пантикапея (Толстикöv В.П. Акрополь Пантикапея. С. 250), которую я частично (для затронутых в статье периодов) приведу здесь:

Первый период застройки. Фазы 1a–1b (540-е — 520-е гг. до н. э.). Существование подземных конструкций (землянки).

Второй период застройки. Фаза 1 (520-е гг. до н. э.): появление первых улиц и системы канализации; первые надземные прямоугольные строения с каменными фундаментами, первые стены из сырцового кирпича и черепичные крыши. Фаза 2 (520-е — 490-е гг. до н. э.): развитие системы улиц; формирование архитектурного ансамбля на западном плато горы Митридат, в том числе строительство толоса и ряда монументальных многокомнатных комплексов (МК I-IV).

Третий период застройки. Фаза 1 (490-е — 480-е гг. до н. э.): разрушение монументального архитектурного комплекса на западном плато (включая толос и МК I-IV); вторичное появление домов-землянок, некоторые из которых похожи на подвалы с облицованными камнем стенами и лестницами. Фаза 2 (480-е гг. до н. э.): появление первых фортификационных стен на акрополе.

Четвертый период застройки. Фазы 1–5 (460е — первая половина IV в. до н. э.): воздвижение или фундаментальная реконструкция (последнее кажется более правдоподобным, см.: Завойкин А.А. Кризис. С. 107; ср.: Tolstikov V.P. The Early Temple of Apollo on the Acropolis at Panticapaeum: Questions of Dating, Typology and the Periods of its Construction // Petropoulos E.K. and Maslennikov A.A. (Eds.). Ancient Sacral Monuments in the Black Sea. Thessalonica, 2010. P. 335–365) ионийского храма, посвященного Аполлону Врачу на верхнем плато горы Митридат; новое появление надземных каменных строений с облицованными камнем стенами подвалов.

шие зоны, содержащие слои пожарищ и разрушений (было разрушено несколько зданий), датирующиеся второй четвертью V в. до н. э. Именно в этот период были воздвигнуты стены на акрополе. Примерно 20 наконечников стрел были найдены в слое разрушений, а мастерская, производившая оружие, была разрушена³⁶.

Таким образом, представляется очевидным, что в тех случаях, когда на памятниках Тамани прослеживаются следы пожара, эти возгорания были локальными и не охватывали широких площадей. Нет никаких следов пожаров и разрушений в Гермонассе, для которой период V в. до н. э. общепринято считать временем процветания. Фанагория в это время расширила свою площадь вдвое, а число сельских поселений на полуострове выросло до 76 во второй четверти V века, в то время как в предыдущий период их было 59³⁷. В Восточном Крыму, напротив, некоторые греческие города и вправду демонстрируют следы широкомасштабных разрушений и строительства укреплений, хотя количество сельских поселений (примерно 3 в архаический период и дюжина в V в. до н. э.) резко увеличилось до почти 200 в IV в. до н. э.³⁸ Существенное различие между этими двумя регионами также видно из изучения погребальных памятников: количество оружия в погребениях на Боспоре Азиатском

Пятый период застройки. Фаза 1 (третья четверть IV — первая половина III в. до н. э.): воздвижение цитадели акрополя с центральной башней; постройка на западном плато горы Митридат резиденции Спартокидов с элементами фортификации, а также теменоса с храмом в антах — общая площадь комплекса составляет 2000 кв. м; существенное расширение акрополя к северу и создание укреплений для новой территории с западной стороны; воздвижение пританея; развитие системы улиц, канализации и водоснабжения. Разрушение строений акрополя в результате сильного землетрясения во второй четверти III в. до н. э. Фаза 2 (середина III — конец II вв. до н. э.): восстановление и частичная перепланировка разрушенного главного здания дворца. Эта фаза заканчивается окончательным разрушением главного здания дворца и изменением функции западного плато.

³⁶ Завойкин А.А. Кризис. С. 103–107.

³⁷ Завойкин А.А. Кризис. С. 105. О Таманском полуострове см. также: *Tsetsckhladze G.R. The Ionian Colonies and their Territories in the Taman Peninsula in the Archaic Period* // Cobet J. et al. (Eds.). *Frühes Ionien: Eine Bestandsaufnahme*. Mainz, 2007. S. 551–565.

³⁸ О сельских поселениях Восточного Крыма см.: *Maslennikov A.A. Some Questions Concerning the Early History of the Bosporan State in the Light of Recent Archaeological Investigations in the Eastern Crimea* // *Tsetsckhladze G.R. (Ed.). North Pontic Archaeology: Recent Discoveries and Studies*. Leiden, 2001. P. 247–260; *Saprykin S.Yu. The Chora in the Bosporan Kingdom* // *Bilde P.G. and Stolba V.F. (Eds.). Surveying the Greek Chora: The Black Sea Region in a Comparative Perspective*. Aarhus, 2006. P. 273–288; *Tsetsckhladze G.R. Secondary Colonisers*. P. 242–244.

существенно выше, чем на европейской стороне³⁹. Значит ли это, что греческие города Таманского полуострова испытывали сложности в отношениях с синдами? Дать ответ на этот вопрос, исходя только из наличия орудия в погребениях, очень сложно.

Следы пожаров и разрушений позднеархаического и раннеклассического времени рассматриваются некоторыми исследователями⁴⁰ как результат войны между Боспорскими городами и скифами. Другими же специалистами⁴¹ эти данные воспринимаются как свидетельство установления тирании Археанактидов и как реакция на него со стороны других городов Восточного Крыма, то есть как свидетельство борьбы за независимость. По другой теории — это разногласия между уже расселившимися греками и вновь прибывшими, которые были вынуждены бежать из родных городов после подавления Ионийского восстания⁴². Впрочем, даже последователи второй теории не отрицают вероятность того, что разрушения были вызваны какими-то внешними силами. Альтернативное объяснение см. ниже.

Альтернативная интерпретация источников⁴³

Возвращаясь к сообщению Диодора 12. 31. 1, мы видим, что, говоря о династии Археанактидов, он помещает Боспор Киммерийский в Азию. Г.А. Кошеленко посвятил специальное исследование тем местам в труде Диодора, где упоминается Азия⁴⁴. Он отметил,

³⁹ *Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Гаврилук Н.А., Масленников А.А. (ред.). *Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор* / Москва; Киев; Запорожье, 2007. С. 224. Статья написана в ответ на статью: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. 1. С. 11–35.

⁴⁰ *Толстиков В.П.* К проблеме; *Виноградов Ю.А.* Миграции кочевников. С. 72–73.

⁴¹ *Молев Е.А.* Скифы. С. 159 с библиографией.

⁴² См., например: *Григорьев Д.В.* К вопросу о военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н. э. // ПИФК. 1998. Вып. 5. С. 42; *Maslennikov A.A.* Some Questions.

⁴³ Сейчас я готовлю главу о Ахеменидской империи и Северном Причерноморье для *Blackwell's Companion to the Persian Empire*, поэтому здесь я привожу лишь общие соображения. См. также: *Tsetskhladze G.R.* The Pontic poleis and the Achaemenid empire: Some thoughts on their experiences // Lombardo M. and Frisone F. (Eds.). *Forme Sovrapoleiche e Interpoleiche di Organizzazione nel Mondo Greco Antico*. Lecce; Taranto, 2008. P. 438–446.

⁴⁴ *Кошеленко Г.А.* Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. / Подосинов А.В. (Ред.). М., 1999. С. 130–141.

что под термином Азия Диодор всегда имеет в виду Персию. Это привело исследователя к заключению о том, что Боспор Киммерийский был частью Ахеменидской державы. Чтобы установить, когда в регионе было установлено персидское господство, он цитирует Ктесия⁴⁵:

Он сообщает, что Дарий приказал Ариарамну, сатрапу Каппадокии, отправиться в Скифию и взять некоторых мужчин и женщин в заложники. Ариарамн отправился на 30 пятидесятивесельных кораблях и взял заложников. Он даже захватил Марсагета, брата скифского царя, которого он нашел заключенным в оковы его собственным братом за то, что тот плохо обошелся с одним из членов семьи. Скифский царь Скитарх был разозлен этим и написал Дарию оскорбительное письмо. Дарий ответил ему в том же тоне. (*Ctes.* F13. 20)⁴⁶.

Тот факт, что Ариарамн, сатрап Каппадокии, совершил свое путешествие по морю, а не по земле, заслуживает особого внимания. Единственный путь, которым можно было добраться до земли скифов по морю, как говорит Кошеленко, лежал через север Черного моря, а именно через Боспор Киммерийский. Неизвестно, когда точно произошла эта экспедиция, но Нилинг⁴⁷, незнакомый с работой Кошеленко, пришел почти к идентичному заключению о времени этого события. Он считает, что оно имело место до 519 г. до н. э. и было подготовкой или прелюдией к скифской экспедиции Дария (около 513 г.). Несмотря на то, что это очень остроумное и логичное предположение Кошеленко было подвергнуто критике⁴⁸,

⁴⁵ О Ктесии см.: *Stronk J.P.* Ctesias' Persian History 1: Introduction, Text and Translation. Düsseldorf, 2010 и *Llewellyn-Jones L. and Robson J.* Ctesias' History of Persia: Tales of the Orient. London, 2010.

⁴⁶ ὅτι ἐπιτάσσει Δαρεῖος Ἀριαράμνῃ τῷ σατραπίῃ Καππαδοκίας ἐπὶ Σκύθας διαβῆναι, καὶ ἄνδρας καὶ γυναῖκας αἰχμαλωτίσαι· ὁ δὲ διαβάς πεντηκοντόροις λ, ἠχμαλώτισε. συνέλαβε δὲ καὶ τὸν ἀδελφὸν τοῦ βασιλέως τῶν Σκυθῶν Μαρσαγέτην, ἐπὶ κακῶσει εὐρῶν παρὰ τοῦ οἰκείου ἀδελφοῦ δεδεμένον. Σκυθάμβης δὲ ὁ Σκυθῶν βασιλεὺς ὀργισθεὶς, ἔγραψεν ὑβρίζων Δαρεῖον, καὶ ἀντεγράφη αὐτῷ ὁμοίως.

⁴⁷ *Nieling J.* Persian Imperial Policy behind the Rise and Fall of the Cimmerian Bosphorus in the Last Quarter of the Sixth to the Beginning of the Fifth Century BC // *Nieling J. and Rehm E.* (Eds.). Achaemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers. Aarhus, 2010. P. 127–128.

⁴⁸ *Виноградов Ю.А.* Особенности и историческое значение объединения Археонактидов на Боспоре Киммерийском // *Фролов Э.Д.* (Ред.). Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002. С. 191–92; см. также: *Молев Е.А.* Политическая история. С. 33–34.

оно дает более связную интерпретацию сведений Диодора, чем все остальные (хотя все интерпретации текста Диодора остаются спекулятивными). Кошеленко предполагает, что Боспор Киммерийский был освобожден от власти Ахеменидов во время черноморской экспедиции Перикла, которая к 436/7 г. до н. э. уже была проведена (*Plut. Pericl.* 20)⁴⁹.

В 2004 г. В.П. Яйленко опубликовал краткую заметку о военных действиях Дария на Боспоре Киммерийском⁵⁰, в которой он рассматривает строки 21–31 V Бехистунской надписи Дария. Учитывая сведения Ктесия (F13. 20), он предположил, что Боспор Киммерийский был включен в империю Ахеменидов. В поддержку этого мнения он приводит также текст *Tabula Capitolina* (IG XIV, 1297), причем даже предполагает, что сам Кир включил эту территорию в свое государство. В качестве дополнительного доказательства я привожу этот длинный отрывок из труда Ктесия (хотя он и дошел до нас только через ненадежное свидетельство Диодора 2. 1. 4–28. 7)⁵¹:

Так как дела Нина процветали таким образом, он был охвачен сильным желанием покорить всю Азию, от Танаиса до Нила (...). Поэтому

⁴⁹ Совместно с О.М. Усачевой Кошеленко опубликовал статью на украинском в журнале *Археологія* (Киев) в 1992 году. В этой статье он рассматривал «предательство Гилона» (Aesch. 3. 171–172), в результате которого царь Боспора передал Гилону, деду Демосфена по материнской линии, Кепы в награду за то, что он сдал или предал Нимфей Боспорскому государству. Кошеленко привел параллели с наградой, которая была дана Фемистоклу, когда он перешел на службу к персам. Отсюда он делает вывод, что эта практика — один из признаков того, что Боспор Киммерийский был под владычеством Ахеменидов. Я не смог найти эту статью, но её краткое изложение приводится в работе: *Кошеленко Г.А.* Об одном свидетельстве. С. 139.

⁵⁰ Опубликовано вновь с небольшими добавлениями в работе: *Яйленко В.П.* Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. — V в. н. э. М., 2010. С. 7–11.

⁵¹ Данные Ктесия гораздо меньше используются для изучения истории Персидской империи, чем сведения Геродота. О последней литературе о Ктесии см. примеч. 39, а также: *Lenfant D.* (Ed.) *Les Perses vus par les Grecs: Lire les sources classiques sur l'empire achéménide.* Paris, 2011; *Nichols A.* *Ctesias. On India, and Fragments of His Minor Works.* London, 2011 и *Wiesehöfer J., Rollinger R. und Lanfranchi G.* (Hrsgg.) *Ktesias' Welt / Ctesias' World.* Wiesbaden, 2011; о Геродоте см.: *Rollinger R., Truschmegg B. und Bichler R.* (Hrsgg.) *Herodot und das Persische Weltreich.* Wiesbaden, 2011. См. также: *Rollinger R.* *Extreme Gewalt und Strafgericht. Ktesias und Herodot als Zeugnisse für den Achämenidenhof // Jacobs B. und Rollinger R.* (Hrsgg.). *Der Achämenidenhof.* Wiesbaden, 2010. S. 559–666; *Harrison T.* *Writing Ancient Persia.* London, 2011. О скифском походе Дария из последних работ см.: *Tuplin C.* *Revisiting Dareios' Scythian Expedition // Nieling J. and Rehm E.* (Eds.). *Achaemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers.* Aarhus, 2010. P. 281–312.

он поставил сатрапом Мидии одного из своих друзей, а сам отправился в поход, покоря азиатские племена, и в течение семнадцати лет сделался владыкой всех прочих народов, кроме индийцев и бактрийцев.

Ни один писатель не описал подробно ни сражений, в которых он участвовал, ни число народов, им завоеванных, и мы кратко поговорим о наиболее важных странах, следуя Ктесию Книдскому.

Из приморских и соседних с ними областей он покорил Египет, Финикию, Келесирию, Киликию, Памфилию и Ликию, а также Карию, Фригию и Лидию, кроме того, подчинил своей власти Троаду, Фригию на Геллеспонте, Пропонтиду, Вифинию, Каппадокию и все варварские народы, населяющие берега Понта до Танаиса. Также он овладел землей кадусиев и тапиров, затем гирканцами и дрангами, кроме того дербиками, карманиями и хоромнеями, затем барканиями и парфянами, вторгся также в Персиду и Сузиану и, так называемую, Каспиану, в которую ведет весьма узкий проход, называемый поэтому Каспийскими воротами. (*Ctes. F1b. 2. 1–3*; перевод Д.В. Мещанского и М. Огинского)⁵².

Как следует из этого отрывка, целью Нина было подчинить все земли от Нила до Танаиса (Дона), что ему и удалось через 17 лет, когда он расширил северные пределы своего государства до Дона, тем самым, несомненно, включив в него Боспор Киммерийский. Земли, описанные здесь, почти совпадают с теми, что упоминаются в персидских царских надписях. Возможно, эти деяния на самом деле следует приписать Дарию?

⁵² οὕτω δὲ τῶν πραγμάτων τῶι Νίνωι προχωρούντων, δεινὴν ἐπιθυμίαν ἔσχε τοῦ καταστρέψασθαι τὴν Ἀσίαν ἅπασαν τὴν ἐντὸς Ταναΐδος καὶ Νείλου... διόπερ τῆς μὲν Μηδίας σατράπην ἕνα τῶν περὶ αὐτὸν φίλων κατέστησεν, αὐτὸς δ' ἐπίημι τὰ κατὰ τὴν Ἀσίαν ἔθνη καταστρεφόμενος· καὶ χρόνον ἑπτακαίδεκαετῆ καταναλώσας πλὴν Ἰνδῶν καὶ Βακτριανῶν τῶν ἄλλων ἀπάντων κύριος ἐγένετο.

τὰς μὲν οὖν καθ' ἕκαστα μάχας ἢ τὸν ἀριθμὸν ἀπάντων τῶν καταπολεμηθέντων οὐδεὶς τῶν συγγραφέων ἀνέγραψε, τὰ δ' ἐπισημότατα τῶν ἐθνῶν ἀκολουθῶς Κτησίαι τῶι Κνιδίωι πεῖρασόμεθα συντόμως ἐπιδραμεῖν. (3) κατεστρέψατο μὲν γὰρ τῆς παραθαλαττίου καὶ τῆς συνεχοῦς χώρας τὴν τε Αἴγυπτον καὶ Φοινίκην, ἔτι δὲ Κοίλην Συρίαν καὶ Κιλικίαν καὶ Παμφυλίαν καὶ Λυκίαν· πρὸς δὲ ταύταις τὴν τε Καρίαν καὶ Φρυγίαν καὶ Μυσίαν καὶ Λυδίαν· προσηγάγετο δὲ τὴν τε Τρωιάδα καὶ τὴν ἐφ' Ἑλλησπόντῳ Φρυγίαν καὶ Προποντιίδα καὶ Βιθυνίαν καὶ Καππαδοκίαν καὶ τὰ κατὰ τὸν Πόντον ἔθνη βάρβαρα κατοικοῦντα μέχρι Ταναΐδος· ἐκυριευσὲ δὲ τῆς τε Καδοσιῶν χώρας καὶ Τατύρων, ἔτι δ' Ὑρκανίων καὶ Δραγῶν, πρὸς δὲ τούτοις Δερβίκων καὶ Καρμανίων καὶ Χωρομανίων, ἔτι δὲ Βορκανίων καὶ Παρθυαίων· ἐπῆλθε δὲ καὶ τὴν Περσίδα καὶ τὴν Σουσιανὴν καὶ τὴν καλουμένην Κασπιανὴν, εἰς ἣν εἰσὶν εἰσβολαὶ στεναὶ παντελῶς, διὸ καὶ προσαγορεύονται Κάσπιαι πύλαι.

Если принять во внимание и другие источники, то становится ясным, что Боспор Киммерийский был под властью Ахеменидов. В то же самое время, когда были выпущены АПОА и др. монеты, монетный двор Пантикапея также чеканил монеты с восьмиконечной звездой, которая обычно интерпретируется как эмблема государственного устройства Ахеменидской империи⁵³. Помимо этого, С.Р. Тохтасьев обнаруживает ахеменидское влияние на титулатуру Боспорских царей из династии Спартокидов⁵⁴. Таким образом, рассмотрев все приведенные выше данные, можно прийти к выводу, что гипотеза о включении Боспора Киммерийского в империю Ахеменидов примерно в 519 г. выглядит вполне логичной. Конечно, некоторые из приведенных аргументов могут показаться спекулятивными, но они менее спекулятивны, чем многие интерпретации данных Диодора, которые слишком сильно зависят от степени их достоверности.

Напоминает это сообщение и о рассказе Геродота о том, что во время похода Дария персидская армия преследовала скифов по всему побережью Меотийского озера и даже через реку Танаис (4. 120–122). Интересен также и другой отрывок (3. 97), в котором Геродот повествует о Колхиде и Кавказе. Е.А. Молев (2001) использует этот отрывок, чтобы доказать, что власть персов никогда не простиралась севернее Кавказских гор. Однако, как отмечает Нилинг⁵⁵:

οὐδὲν ἔτι должно пониматься во временном смысле, а не с географической или последовательной точки зрения. То есть народы, живущие к северу от Кавказских гор, *больше* не починались персам во времена написания Геродотом своего труда, то есть во время от 447 до, примерно, 425 года до н. э. На самом деле, эти строки служат серьезным доказательством того, что когда-то, возможно, незадолго до упомянутого времени, эти народы были подчинены персам. Из общего контекста становится понятным, что имеется в виду время Дария I и непосредственно после него, так как этот отрывок помещен в конце описания сатрапий, созданных этим царем. Следующее предложение, а именно, что колхи *ещё во времена* Геродота приносят персам дары, дает нам дополнительное подтверждение того, что в предшествующем тексте речь идет о том, как обстояли дела в прошлом. Это подтверждается похожей фразой об эфиопах,

⁵³ Завойкин А.А. Краткий очерк истории Боспора VI — первой четверти III вв. до н. э. // ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 62 (с библиографией).

⁵⁴ Тохтасьев С.Р. Происхождение титулатуры Спартокидов // Зинько В.Н. (Ред.). Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 161–164.

⁵⁵ Niling J. Persian Imperial Policy. P. 132–133.

которая стоит перед упоминанием о колхах. Автор сделал переход от прошедшего времени, используемого им в долгом перечислении сатрапий, к настоящему, а затем обратно к прошедшему, что служит ещё одним индикатором перехода в этом отрывке от описания событий прошлого к рассказу о настоящем и обратно.

Выше я упоминал о свидетельствах разрушений в ряде городов Боспора Киммерийского, а также о появлении фортификационных стен в некоторых из них. Многие продолжают объяснять эти явления «скифским фактором» (см. выше). Однако представляется более логичным связать их с приходом Ахеменидов и их намерением включить Боспор Киммерийский в свою державу. Эта версия не является более спекулятивной, чем гипотеза о скифской угрозе, а широкие датировки слоев разрушений совпадают со временем экспедиции каппадокийского сатрапа в Северное Причерноморье. Мы можем предположить, что греческие города не были рады перспективе включения в Персидскую империю и оказывали ожесточенное сопротивление. Другой вероятной гипотезой является то, что часть разрушений произошла во время безуспешного скифского похода Дария, который проходил через территории греческих городов, как сообщает Геродот (4. 120–122).

Однако опыт персидского управления в других частях Причерноморья показывает, что оно не принесло каких-либо особых раздоров между местными жителями, греками и Ахеменидами. Например, Великий царь позволял греческим городам Южного Причерноморья сохранять их собственные законы и органы управления до начала IV в. до н. э., а также запрещал своим чиновникам и сатрапам вмешиваться в их внутренние дела. Основной заботой царя была уплата городами положенных налогов и дани, а также поставка ими войск и провианта, когда требовалось⁵⁶.

Следующий период разрушений датируется VI — первой четвертью V в. до н. э. Некоторые исследователи также связывают эти разрушения со скифами (см. выше). Однако, возможно, и здесь есть некоторая связь с Ахеменидами. В условиях греко-персидских войн кажется неудивительным, что персы хотели разрушить Милетскую талассократию (ср. *Hdt.* 6. 7). До этого, вместе с ионийским восстанием 499 г., персидская поддержка ионийских городов Причерно-

⁵⁶ *Tsetsikhladze G.R.* The Pontic poleis. P. 41–44, 53–55; *Цецхладзе Г.Р.* Греческая колонизация Восточного Причерноморья // Аристей. Классическая филология и античная история. 3. 2011. С. 76 — все с библиографией.

морья прекратилась. Вполне возможно, что флот, базировавшийся в Синопе или Гераклее, мог разрушить всю систему связей ионийских городов, включая Северное Причерноморье⁵⁷. Также вероятно и то, что в самом начале греко-персидских войн персы отступили с рассматриваемой территории. Возникший вакуум власти вызвал переворот в Пантикапее, в результате которого установилась тирания Археанактидов⁵⁸. Все эти события могли стать одной из причин разрушений в некоторых городах на Боспоре Киммерийском. Конечно же, эти рассуждения спекулятивны, но такими же спекулятивными являются и все другие гипотезы, основанные на данных Диодора и «скифском факторе».

Я ограничусь приведением лишь самых общих археологических данных (см. сноску 43). В 1997 г. Н.Ф. Федосеев опубликовал статью, в которой, собрав сведения о некоторых персидских и подражающих им находках в Северном Причерноморье (которые, в основном, представлены монетами и печатями) и рассмотрев их в контексте письменных источников (большинство из которых я уже цитировал выше), он приходит к выводу, что этот регион и в самом деле был под контролем Ахеменидов⁵⁹. Эта версия была раскритикована Е.А. Молевым⁶⁰, который интерпретировал тот же археологический материал совсем иначе. По его мнению, эти данные указывают лишь на то, что греческие города-колонии Северного Причерноморья поддерживали экономические связи со своими метрополиями в Малой Азии. Однако интересно, что в начале этой статьи Молев отмечает, что нельзя исключить возможность персидского влияния, в том числе и политического, на греческие города Северного Причерноморья, несмотря на отсутствие прямых указаний письменных источников⁶¹.

Недавно М.Ю. Трейстер опубликовал большую статью, посвященную «ахеменидским» и «около-ахеменидским» золотым и серебряным предметам, украшениям и оружию и подражаниям им на

⁵⁷ *Nieling J.* Persian Imperial Policy. P. 127.

⁵⁸ Ср.: *Hind J.G.F.* The Bosphoran Kingdom. P. 488; *Burstein S.M.* The Greek Cities. P. 139.

⁵⁹ *Fedoseev N.F.* Zum achämenidschen Einfluß auf die historische Entwicklung der nordpontischen griechischen Staaten // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan.* 29. 1997. S. 309–319.

⁶⁰ *Молев Е.А.* О возможности персидского протектората над Боспором (по поводу статьи: Федосеев, 1997) // Зуев В.Ю. и др. (Ред.). Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Часть 1. СПб., 2001. С. 29–33.

⁶¹ Там же. С. 29.

севере Ахеменидской империи⁶². В этой статье он рассматривает несколько изделий из серебра и печатей, которые определенно выполнены в придворном ахеменидском стиле⁶³.

Не все предметы попадают через торговлю. Помимо этого, регионы, которые, хотя и были под контролем или влиянием персидской империи, не дают нам почти никаких археологических свидетельств этого подчинения и влияния. Как отмечает М. Миллер⁶⁴.

В Анатолии более заметна преемственность, чем новые веяния, отсюда и представление о том, что ахеменидский период как бы невидим с археологической точки зрения. Из этого делается заключение, что ахеменидская культура не была самостоятельной, а персидский контроль был слабым. Однако теперь более обширный опыт и лучшее понимание материалов раскопок позволяют нам увидеть, что обычно завоевания не оставляют немедленного и широкого отпечатка на материальной культуре местного населения. Исследователи должны быть внимательны к деталям, а также к появляющимся тенденциям.

До сих пор мало внимания уделялось «ахеменидскому фактору» в Северном Причерноморье, включая Боспор Киммерийский. То, что сейчас это изменилось, только улучшит наше понимание истории региона⁶⁵.

⁶² *Treister M.Y.* “Achaemenid” and “Achaemenid-inspired” Goldware and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire // *Nieling J. and Rehm E. (Eds.), Achaemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers.* Aarhus, 2010. P. 223–279.

⁶³ См. также: *Nieling J.* Persian Imperial Policy. P. 131 и мою работу, упоминаемую в сноске 43.

⁶⁴ *Miller M.C.* Town and County in the Satrapies of Western Anatolia: The Archaeology of Empire // *Sumner L., Ivantchik I. and von Kienlin A. (Eds.), Kelainai-Apameia Kibotos: Développement urbain dans le contexte anatolien.* Bordeaux, 2011. P. 337. См. также: *Delemen I. (Ed.) The Achaemenid Impact on Local Populations and Cultures in Anatolia (Sixth–Fourth Centuries BC).* Istanbul, 2007; *Miller M.C.* Luxury Toreutic in the Western Satrapies: Court-Inspired Gift-Exchange Diffusion // *Jacobs B. and Rollinger, R. (Hrsgg.), Der Achämenidenhof / The Achaemenid Court.* Wiesbaden, 2010. S. 853–897; *Rehm E.* The Classification of Objects from the Black Sea Region Made or Influenced by the Achaemenids // *Nieling J. and Rehm E. (Eds.), Achaemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers.* Aarhus, 2010. P. 161–194; *Brosius M.* Keeping Up with the Persians: Between Cultural Identity and Persianization in the Achaemenid Period // *Gruen E.S. (Ed.), Cultural Identity in the Ancient Mediterranean.* Los Angeles, 2011. P. 135–149; *Tuplin C.* The Limits of Persianization: Some Reflections on Cultural Links in the Persian Empire // *Gruen E.S. (Ed.), Cultural Identity in the Ancient Mediterranean.* Los Angeles, 2011. P. 150–182.

⁶⁵ В.Р. Эрлих, опубликовавший материалы из Ульских курганов, идентифицировал несколько ахеменидских и похожих на них предметов из святилищ, расположенных близ кургана Улиап, относящегося к первой половине IV в. до н. э. Он также находит

Настоящее Боспорское царство

Вышеописанная дискуссия дает ясное представление о проблемах, которые проистекают из использования Диодора 12. 31. 1 в качестве источника. У нас нет никаких сведений, которые бы указывали на то, что воцарение династии Археанактидов в Пантикапее привело к основанию Боспорского царства или вообще какого-либо территориального государства. Скорее всего, это был переворот, затронувший только сам Пантикапей или, в лучшем случае, ещё его колонии (такие как Мирмекий, Порфмий и некоторые другие). Не следует также искать и *симмахии*: о ней, опять же, нет ни крупицы сведений в источниках. Так когда же было основано Боспорское царство в качестве территориального государства и при каких обстоятельствах⁶⁶?

В том же самом фрагменте Диодор сообщает, что в 438/7 г. до н. э. Археанактидам наследовала другая династия, которая правила 330 лет и которую мы называем династией Спартокидов по имени ее основателя, Спартока I (правил до 433/2)⁶⁷. Как и в случае с Археанактидами, происхождение династии Спартокидов точно неиз-

некоторые ахеменидские черты и в Ульских курганах. Эрлих ставит очень интересный вопрос: «Какие мастерские — ближневосточные или закавказские — производили предметы для меотийской элиты в третьей и четвертой четверти VI в., во время расширения персидской державы?» (*Erlikh V.R. Recent Investigations of the Ulski Kurgans // Nieling J. and Rehm E. (Eds.). Achaemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers. Aarhus, 2010. P. 62.*)

⁶⁶ Я приведу лишь краткое изложение событий вплоть до эллинистического периода. Детализированное изложение, с приведением всех первичных источников и исчерпывающей библиографии, можно найти в: *Hind J.G.F. The Bosporan Kingdom. P. 491–502; Шелов-Коведяев В.Ф. История Боспора; Завойкин А.А. Βόσπορος–Κιττιέριος–Βόσπορος; Он же. Почему Диодор умолчал; Он же. «Боспорский феномен»; Он же. К вопросу о статусе Феодосии и Горгииппии в державе Спартокидов // ДБ. 2002. 5. С. 95–106; Он же. Краткий очерк; Он же. Боспорская монархия; Он же. О времени присоединения к Боспору Синдской Гавани // Зуев В.Ю. и др. (Ред.). Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки. СПб., 2010. Часть I. С. 60–64; Молев Е.А. Политическая история. С. 48–90; Грацианская Л.И. Горгииппия — столица синдов? (К Strab. XI, 2, 10) // Джаксон Т.Н., Мельникова Е.А. (Ред.). Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 56–62; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. 1. С. 11–35; *Burstein S.M. The Greek Cities. P. 144–46; Яйленко В.П. Тысячелетний боспорский рейх; и др.**

⁶⁷ Использование имени *Спартокиды* для этой династии было впервые предложено Августом Бёком (SIG II, 91–92), и, хотя оно и критиковалось, в итоге оно прочно вошло в научный оборот, как отмечает Завойкин («Боспорский феномен». С. 176. Примеч. 91).

вестно, на эту тему до сих пор ведется дискуссия. Наиболее распространенным является мнение о том, что Спарток был фракийского происхождения, хотя предлагались версии и о его греческом, синдском или сарматском происхождении⁶⁸. Немногое известно нам и о его правлении или о том, как он пришел к власти, но это, вероятно, произошло не мирным образом, так как один из источников упоминает об изгнанниках из Пантикапея в Феодосии (*Anon. Periplus* 51).

Спартоку наследовал Сатир I (433/2–389/8 гг. до н. э.), в царствование которого можно и вправду увидеть первые попытки создания Боспорского государства. Между 410 и 405 гг. он аннексировал Нимфей, запретив при этом ему чеканить свою монету. В самом конце V — начале IV в. до н. э. ему удалось захватить контроль над Фанагорией, чьи городские стены были разрушены и которой также было запрещено чеканить монету. Скорее всего, между этими двумя событиями он также присоединил Кепы и Гермонассу на Таманском полуострове. Феодосия, с её удобной гаванью и плодородной прибрежной землей, стала его следующей целью. Сатир умер во время осады этого города. Он также предпринял шаги к установлению контроля над местными синдами, однако потерпел неудачу.

Его наследник, Левкон I (389/8–352/1 до н. э.), продолжил политику своего отца и был весьма успешен в этом деле: война с Феодосией закончилась капитуляцией города в 366–364 гг., после чего Левкон провозгласил себя архонтом Боспора и Феодосии (*КБН* 1111). Другим его устремлением было включать в свое государство местные племена, жившие рядом с Таманским полуостровом. Ему удалось аннексировать Синдику, где он, возможно, устроил себе резиденцию в Лабрисе (городище Семибратнее)⁶⁹. За синдами последовали дру-

⁶⁸ См., например: *Тохтасьев С.П.* Из ономастики Северного Причерноморья: II. Фракийские имена на Боспоре // Гаврилов А.К. и др. (Ред.). Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья, СПб., 1992. С. 81; *Hind J.G.F.* The Bosporan Kingdom. P. 491; *Burstein S.M.* The Greek Cities. P. 142.

⁶⁹ О надписи с названием Лабриса из Семибратнего городища см., например: *Graham A.J.* Thasos and the Bosporan Kingdom // *AWE*. 1.1. 2002. P. 87–101. О раскопках Семибратнего городища см.: *Горончаровский В.А.* Лабрис (Семибратнее городище) и синды (по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2008 гг.) // *Боспорские исследования*. 22. 2009. С. 150–187; *Он же.* Лабрис (Семибратнее городище): синдский город или греческий эмпорий? // *Копылов В.П.* (Ред.). Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009. С. 99–106. *Горончаровский* сравнивает этот памятник с Пистиромом в Болгарии (*Горончаровский В.А.* Лабрис (Семибратнее городище): синдский город). О трудностях отождествления Пистирома с поселением Верген и о проникновении греческих колонистов в прилегающие районы см.: *Tsetskhladze G.R.*

гие народы, и в официальных титулатурных формулах Левкон стал именоваться «царем синдов, торетов, дандариев и псессов» (КБН 6, 1037–1038), или «царем синдов и всех меотов» (КБН 8), или «архонтом Боспора и Феодосии, всей Синдики, торетов, дандариев и псессов»⁷⁰. Левкон также завоевал Синдскую Гавань, переименованную им в Горгиппию в честь своего брата Горгиппа, которого он отправил туда наместником.

Экспансионистская политика Левкона принесла огромные экономические преимущества: большое число новых сельских поселений появилось и в Крыму, и на Тамани. Предметы греческого экспорта были найдены на территориях местных племен, живших близ последней⁷¹.

После смерти Левкона на престол взошел Спарток II (352/1–346 до н. э.). О его кратком правлении нам не известно почти ничего, кроме того, что он продолжил поставки зерна в Афины, начатые его предшественником. Его преемник, Парисад I (346–310/09), использовал почти все титулы Левкона I (КБН 10, 11, 1039–1040), а также добавил новые, говорящие о новых присоединенных к его государству местных племенах, например, татах и доссах (КБН 9, 972, 1015 и др.). Одна надпись (КБН 113) говорит о Парисаде как о правителе «всей земли, включая самые дальние пределы тавров и границы Кавказа». К концу правления Парисада создание Боспорского царства было практически завершено. Из борьбы за престол между его сыновьями победителем вышел Эвмел (309–304/3 гг. до

Pistiros in the System of Pontic Emporia (Greek Trading and Craft Settlements in the Hinterland of the Northern and Eastern Black Sea and Elsewhere) // Domaradzka L., Bouzek J. and Rostropowicz J. (Eds.). *Pistiros et Thasos: Structures économiques dans la péninsule balkanique VIIe–IIe siècle avant J.-C.* Opole, 2000. P. 233–246; *Idem.* *Pistiros Revisited* // *Eirene*. 47. 2011. P. 14–25.

⁷⁰ Недавно найденная надпись из Нимфея: SEG LII 741 (см.: *Sokolova O.Y.* *New Material from the Excavation of Nymphaeum* // *Tsetskhladze G.R. and de Boer J.G.* (Eds.). *The Black Sea Region in the Greek, Roman, and Byzantine Periods = Talanta 32-33* (for 2000–2001). 2002. P. 81–90; *Eadem.* *City of Nymphaeum: Excavation Results (1991–2000)* // *Solovyov S.L.* (Ed.) *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus, 7th–1st Centuries BC.* Oxford, 2007. P. 113–116; *Соколова О.Ю., Павличенко Н.А.* Новая посвяtitельная надпись из Нимфея // *Hyperboreus*. 2002. Vol. 8. Fasc. 1. 2002. P. 99–121).

⁷¹ *Мальшев А.А.* Боспор и Прикубанье во второй половине V — середине III в. до н. э. // *ДБ*. 3. 2000. С. 104–130; *Terekhova N.N., Dmitriev A.V., Malyshev A.A., Ravich I.G. and Rozanova L.S.* *The Foothills of the North-Western Caucasus in the 8th–4th Centuries BC* // *AWE*. 5. 2006. P. 44–79. Я не буду здесь останавливаться на вопросе о торговле зерном между Боспорским царством и Афинами. По этому вопросу см.: *Tsetskhladze G.R.* “Grain for Athens”: The View from the Black Sea // *Alston R. and van Nijf O.M.* (Eds.). *Feeding the Ancient Greek City.* Leuven, 2008. P. 47–62 с библиографией.

н. э.), который был достаточно уверен в своих силах, чтобы предложить некоторым причерноморским греческим городам помощь в борьбе с пиратством.

К концу IV в. до н. э. площадь Боспорского царства составляла примерно 5000 кв. км. Оно включало в себя примерно 30 больших и маленьких городов, а население его составляло 100–120 тысяч граждан и подданных⁷². Рассказ об экономическом благополучии этого государства можно найти у Страбона:

Кроме гористой приморской области, простирающейся до Феодосии, весь остальной Херсонес представляет равнину и плодороден, особенно богат он хлебом. Во всяком случае поле, вспаханное первым попавшимся лемехом, приносит урожай в 30 мер... И в прежние времена отсюда доставлялся хлеб греками, так же как вывозилась соленая рыба из рыбных промыслов (Меотийского) озера. (7. 4. 6; перевод Г.А. Стратановского)⁷³

Очень интересно заметить, что, согласно Страбону, некоторые авторы называли Боспорскую династию «домом Левкона» (7. 3. 7), а сам Страбон называет боспорских царей представителями «династии Левкона»:

Долгое время городом, как и всеми соседними поселениями близ устья Меотиды по обеим сторонам, управляли властители, как Левкон, Сатир и Парисад, пока Парисад не передал свою власть Митридату. Этих властителей называли тиранами, хотя большинство их, начиная с Парисада и Левкона, были достойными правителями. Парисада даже почитали богом. (7. 4. 4; перевод Г.А. Стратановского)⁷⁴

Древние авторы обычно пишут о боспорских царях как о тиранах или династах⁷⁵. Демосфен (20. 26. 31) один раз называет их

⁷² Hind J.G.F. The Bosporan Kingdom. P. 476.

⁷³ Τῆς δὲ χειρρονήσου, πλὴν τῆς ὀρεινῆς τῆς ἐπὶ τῇ θαλάττῃ μέχρι Θεοδοσίας, ἢ γε ἄλλῃ πεδιάς καὶ εὐγεῶς ἐστὶ πᾶσα, σίτω δὲ καὶ σφόδρα εὐτυχῆς, τριακοντάχουν ἀποδιδούσα διὰ τοῦ τυχόντος ὀρυκτοῦ σχιζομένη... κὰν τοῖς πρόσθεν χρόνοις ἐντεῦθεν ἦν τὰ σιτοπομπεῖα τοῖς Ἑλλησι, καθάπερ ἐκ τῆς λίμνης αἱ ταριχεῖαι.

⁷⁴ ἔμοναρχεῖτο δὲ πολὺν χρόνον ὑπὸ δυναστῶν τῶν περὶ Λεύκωνα καὶ Σάτυρον καὶ Παιρισάδην αὕτη τε καὶ αἱ πλησιόχωροι κατοικίαι πᾶσαι αἱ περὶ τὸ στόμα τῆς Μαιώτιδος ἐκατέρωθεν μέχρι Παιρισάδου τοῦ Μιθριδάτη παραδόντος τὴν ἀρχήν. ἐκαλοῦντο δὲ τύραννοι, καίπερ οἱ πλείους ἐπιεικεῖς γεγονότες, ἀρξάμενοι ἀπὸ Παιρισάδου καὶ Λεύκωνος. Παιρισάδης δὲ καὶ θεὸς νενόμισται.

⁷⁵ Ibidem. P. 495–96.

архонтами. В почетной надписи из Афин IV в. до н. э.⁷⁶ о боспорских царях говорится без упоминания какого-либо титула, то есть как о частных лицах. В надписях из самого Боспорского царства цари называются «архонтами Боспора» (см. выше), или «архонтами Боспора и Феодосии» (см. выше), или «царями синдов, тавретов» и других местных народов (см. выше). Титул архонта используется в связи с греческими городами, которыми управляла Боспорская династия, а титул царь — по отношению ко всем подвластным им местным народам. Интересно также отметить, что ни одна из известных на данный момент надписей не упоминает царей, которые правили до Левкона.

И в самом деле, все надежные данные указывают на то, что мы не можем говорить о создании Боспорского царства как такового до времени Сатира I. Поэтому я склонен согласиться с А.Н. Васильевым⁷⁷ в том, что все данные указывают на основание этого царства в конце V — начале IV в. до н. э. По мнению Завойкина, создание Боспорского царства началось со взятия Нимфея (410–405 гг. до н. э.). Согласно нумизматическим данным, Фанагория была включена в царство позже, вскоре после захвата полисов Таманского полуострова. Неизвестно, каким был статус этих городов в составе Боспорского царства, но им точно запрещалось чеканить монету и иметь фортификационные сооружения (Фанагория) и т.п.⁷⁸

Феномен уникальности Боспора

Невозможно не согласиться с Завойкиным в том, что представление об исключительности Боспора Киммерийского основывается только на ненадежных источниках. Скудное количество письменных свидетельств об истории боспорской государственности и сопутствующее преувеличение роли «варварских» элементов в политической жизни раннего Боспорского царства — вот в чем для многих ученых состоит уникальность Боспора. Они твердо уверены в том, что объединенное территориальное государство на Боспоре берет свое начало в 480/479 г. до н. э. Однако до того времени, как Левкон I завоевал Феодосию и местные племена из кубанского региона, это государство не может считаться тем же самым Боспорским цар-

⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷ Васильев А.Н. К вопросу. С. 125.

⁷⁸ Завойкин А.А. «Боспорский феномен». С. 172.

ством, которое предстает перед нами по материалам более поздних периодов⁷⁹.

Так насколько же ситуация на Боспоре Киммерийском была уникальной? Нас не должно удивлять то, что с 480 г. в греческой колонии Пантикапей правили тираны. Явление тирании было достаточно широко распространено в греческом мире. Не следует также забывать, что Пантикапей был колонией Милета, откуда, скорее всего, и происходит основатель династии Археанактидов, который, возможно, бежал из родного города вскоре после подавления Ионийского восстания⁸⁰. Очень сложно прийти к каким-либо определенным выводам, когда мы имеем всего один источник (*Diod.* 12. 31. 1), к тому же не современный событиям и интерпретация которого остается спорной.

Мы знаем и о тиранах в более позднюю эпоху — лучшим примером может служить Сицилия (Сиракузы), где тирания принимала самые разные формы⁸¹. Как я уже говорил, в надписях боспорские правители называют себя архонтами в отношении греческих городов, а царями — только по отношению к местному населению. Это деление, скорее всего, было преднамеренным. Местные жители, вероятно, не представляли себе, что такое архонт. Я также отмечал, что древние авторы называют этих правителей иногда тиранами, иногда царями. Самым интересным в этом контексте является сообщение Страбона (7. 4. 4), который говорит, что их называли тиранами, хотя большинство из них, начиная с Парисада, были честными правителями.

Существуют также параллели с Сицилией и в расширении границ государства при Спартокидах. Так, Сиракузы консолидировали свои территории, насильно присоединяя другие греческие города и осуществляя экспансию в земли, заселенные местными племенами⁸². Конечно, мы не называем это государство Сиракузским царством, однако начинания весьма похожи.

Включение в Боспорское царство с IV в. до н. э. местных племен привнесло местные черты в боспорское искусство, что привело

⁷⁹ Там же. С. 171.

⁸⁰ См.: *Hind J.G.F.* The Bosporan Kingdom. P. 490.

⁸¹ См., например: *De Angelis F. and Garstad B.* Euhemerus in Context // *Classical Antiquity*. 25.2. 2007. P. 211–242; *Завойкин А.А.* «Боспорский феномен». С. 165, 173–175; *Он же.* Боспорская монархия. С. 232–236.

⁸² См., например: *Dominguez A.J.* Greeks in Sicily // *Tsetskhladze G.R.* (Ed.). *Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas*. Vol. 1. Leiden, 2006. P. 253–357.

к созданию так называемого «греко-варварского» стиля⁸³. Но разве это не происходило повсеместно в колониальном мире? Такая тенденция берет начало ещё в архаическом периоде⁸⁴.

Так можем ли мы действительно рассматривать Боспорское царство как некий уникальный для классического, но типичный для эллинистического периода феномен? Это представляется маловероятным. Во-первых, очевидна нехватка источников для периода до последней четверти V в. до н. э. Неясно даже происхождение династии Спартокидов. Для IV в. мы располагаем разнообразными и многочисленными источниками, и они свидетельствуют о том, что развитие Боспорского царства похоже на развитие во многих регионах колониального мира.

Заключение

Целью этой статьи было представить некоторые соображения по поводу Боспорского царства. Немногое об этом государстве представляется ясным, хотя о нем и написано множество работ. Несмотря на более чем двухсотлетнюю историю раскопок на Боспоре Киммерийском, на нахождение многочисленных надписей и большое количество нумизматического и другого материала, мы не можем составить для себя ясную картину истории Боспорского царства, или даже точно определить, когда оно возникло. Поэтому спекуляции — обычное явление в исследовании V и особенно второй половины VI в. до н. э. Именно поэтому я уделил этим периодам так много внимания. История IV столетия также представляется не очень ясной, но все же менее темной, чем предшествующее время. Невозможно говорить о создании Боспорского царства раньше кон-

⁸³ См.: *Hind J.G.F.* The Bosporan Kingdom. P. 506–511; *Boardman J.* The Diffusion of Classical Art in Antiquity. London, 1994. P. 192–217; *Tsetskhladze G.R.* La colonizzazione greca nell'area del Ponto Eusino // *Settis S.* (Ed.) I Greci: Storia, Cultura, Arte, Società. 2: Una storia greca. I: Formazione. Turin, 1996. P. 966–973; *Соколов Г.И.* Искусство Боспорского царства. М., 1999. С. 141–252; *Davydova L.I.* “Bosporan Art”: the Problem of Definition // *Solovyov S.L.* (Ed.) Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus, 7th–1st Centuries BC. Oxford, 2007. P. 32–33; *Савостина Е.А.* Эллада и Боспор. Греческая скульптура на северном Понте. Симферополь; Керчь, 2012, особенно с. 289–346.

⁸⁴ См., например: *Tsetskhladze G.R.* Revisiting Ancient Greek Colonisation // *Tsetskhladze G.R.* (Ed.) Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and other Settlements Overseas. Vol. 1. Leiden, 2006. P. xxiii–lxxiii; *Hodos T.* Local Responses to Colonization in the Iron Age Mediterranean. London; New York, 2006 (см. также обширное обсуждение этой книги в журнале «Ancient West and East», 11. 2012. P. 191–260).

ца V века, а те характерные черты, которые можно проследить в его истории IV века, уже не представляются такими уникальными, как считались раньше.

Postscriptum

Уже после написания этой статьи появилось несколько работ, относящихся к нашей теме. Включить их анализ в основной текст уже не представляется возможным, однако я добавляю в библиографию следующие работы: Гарбузов, Завойкин 2012; Гарбузов et al. 2011; Иванов, Сударев 2012; Строкин 2012; Суриков 2012; Вахтина 2012. Кроме того, несколько докладов по этой тематике были представлены на международной конференции «Боспорский феномен», проведенной в ноябре 2011 года в Петербурге. Их можно найти в работе: Вахтина и др. 2011. Помимо этого, в рамках XXIV Пашутиных чтений в Москве в апреле 2012 г. состоялся круглый стол на тему «Образование Боспорского царства: от полиса к царству». Материалы этой конференции можно найти в: Мельникова и др. 2012, 286–329. Я благодарен организатору круглого стола А.В. Подосинову за предоставленную возможность опубликовать мою статью в настоящем томе и А.В.Белоусову за перевод статьи с английского языка.

Литература

- Васильев А.Н.* К вопросу о времени образования Боспорского государства // Гаврилов А.К. и др. (Ред.). Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. Л., 1992. С. 111–128.
- Вахтина М.Ю.* Об оборонительных системах Порфмия // ДБ. 16. 2012. С. 24–38.
- Вахтина М.Ю. и др.* (Ред.) Боспорский феномен: Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.). СПб., 2011.
- Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А.* Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Зуев В.Ю. и др. (Ред.). Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 1. СПб., 2001. С. 41–45.
- Виноградов Ю.А.* Особенности и историческое значение объединения Археанактидов на Боспоре Киммерийском // Фролов Э.Д. (Ред.). Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002. С. 183–196.

- Виноградов Ю.А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2009. С. 5–90.
- Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Голубцова Е.С. и др. (Ред.). Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 366–420.
- Высокий М.Ф.* Черты протоэллинизма в Великой Греции (Сицилии) и Фракии // Яйленко В.П. (Ред.). История и культура древнего мира: Российско-болгарский сборник статей и учебных материалов в честь Т.В. Блаватской. М., 1996. С. 118–136.
- Гарбузов Г.П., Завойкин А.А.* Сельская территория центров азиатского Боспора в период автономии (вторая половина VI — V вв. до н. э.) // ДБ. 16. 2012. С. 114–149.
- Гарбузов Г.П., Завойкин А.А., Строкин В.Л., Сударев Н.И.* Освоение греками Таманского п-ова в VI–V вв. до н. э. // ДБ. 15. 2011. С. 90–172.
- Горончаровский В.А.* Лабрис (Семибратнее городище) и синды (по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2008 гг.) // Боспорские исследования. 22. 2009. С. 150–187.
- Горончаровский В.А.* Лабрис (Семибратнее городище): синдский город или греческий эмпорий? // Копылов В.П. (Ред.). Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009. С. 99–106.
- Грацианская Л.И.* Горгиппия — столица синдов? (К Strab. XI, 2, 10) // Джексон Т.Н., Мельникова Е.А. (Ред.). Восточная Европа в исторической перспективе. М., 1999. С. 56–62.
- Григорьев Д.В.* К вопросу о военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н. э. // ПИФК. 1998. Вып. 5. С. 38–43.
- Завойкин А.А.* Βόσπορος–Κιττιέριος–Βόσπορος — Diod. XII, 31,1. (Опыт источниковедческого анализа) // ПИФК. 1994. Вып. 1. С. 64–69.
- Завойкин А.А.* Почему Диодор умолчал о кончине Селевка и воцарении Сатира, сына Спартока // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. / Подосинов А.В. (Ред.). М., 1999. С. 142–157.
- Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. 4. С. 150–180.
- Завойкин А.А.* К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов // ДБ. 2002. 5. С. 95–106.
- Завойкин А.А.* Краткий очерк истории Боспора VI — первой четверти III вв. до н. э. // ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 58–94.
- Завойкин А.А.* Кризис «первой половины» V в. до н. э. и проблема образования Боспорского государства // РА. 2006. 4. С. 103–111.
- Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Гаврилюк Н.А., Масленников А.А. (ред.). Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор / Москва; Киев; Запорожье, 2007. С. 219–243.

- Завойкин А.А.* О «больших» и «малых» боспорских городах // ДБ. Т. 13. 2009. С. 176–205.
- Завойкин А.А.* О времени присоединения к Боспору Синдской Гавани // Зуев В.Ю. и др. (Ред.). Боспорский феномен I: проблемы хронологии и датировки. СПб., 2010. С. 60–64.
- Иванов А.В., Сударев Н.И.* К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова // ДБ. 16. 2012. С. 178–199.
- Котылов В.П.* Скифы Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. (Вопросы хронологии и военно-политической истории) // ВДИ. 2003. 1. С. 131–140.
- Кошеленко Г.А.* Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. / Подосинов А.В. (Ред.). М., 1999. С. 130–141.
- Коваленко С.А., Толстиков В.П.* О начале монетной чеканки на Боспоре. Часть 1 // ВДИ. 2010а. 3. С. 43–59.
- Коваленко С.А., Толстиков В.П.* О начале монетной чеканки на Боспоре. Часть 2 // ВДИ. 2010б. 4. С. 23–50.
- Мальшиев А.А.* Боспор и Прикубанье во второй половине V — середине III в. до н. э. // ДБ. 3. 2000. С. 104–130.
- Масленников А.А.* Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М., 1981.
- Масленников А.А.* Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем // ДБ. 4. 2001. С. 291–323.
- Мельникова Е.А.* и др. (Ред.) Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 18–20 апреля 2012 г.: Материалы конференции. М., 2012.
- Молев Е.А.* Политическая история Боспора VI–IV вв. до н. э. Н. Новгород, 1997.
- Молев Е.А.* О возможности персидского протектората над Боспором (по поводу статьи: Федосеев, 1997) // Зуев В.Ю. и др. (Ред.). Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Часть 1. СПб., 2001. С. 29–33.
- Молев Е.А.* Скифы в политической истории Боспора // ВДИ. 2009. № 3. С. 155–165.
- Паромов Я.М.* Ледовые походы скифов // Зуев В.Ю. и др. (Ред.). Боспорский феномен. Проблемы соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005. С. 247–250.
- Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. 1. С. 11–35.
- Савостина Е.А.* Эллада и Боспор. Греческая скульптура на северном Понте. Симферополь; Керчь, 2012.
- Соколов Г.И.* Искусство Боспорского царства. М., 1999.

- Соколова О.Ю., Павличенко Н.А.* Новая посвяtitельная надпись из Нимфея // *Nyberboreus*. 2002. Vol. 8. Fasc. 1. 2002. P. 99–121.
- Строкин В.Л.* Синдские монеты: взгляд из «Синдики» // *ДБ*. Т. 16. 2012. С. 379–418.
- Суриков И.Е.* Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // *ДБ*. Т. 16. 2012. С. 440–469.
- Тохтасьев С.Р.* Из ономастики Северного Причерноморья: II. Фракийские имена на Боспоре // Гаврилов А.К. и др. (Ред.). Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья, СПб., 1992. С. 178–99.
- Тохтасьев С.Р.* Βόσπορος // Зуев В.Ю. и др. (Ред.). Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 80–86.
- Тохтасьев С.Р.* Происхождение титулатуры Спартокидов // Зинько В.Н. (Ред.). Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 161–164.
- Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н. э.) // *ВДИ*. 1984. 3. С. 24–48.
- Толстиков В.П.* Акрополь Пантикапея — столицы Боспора Киммерийского. Итоги изучения за 60 лет // Масленников А.А., Гаврилюк Н.А. (Ред.). Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор. Москва; Киев; Запорожье, 2007. С. 244–257.
- Цецхладзе Г.Р.* Греческая колонизация Восточного Причерноморья // *Аристей*. Классическая филология и античная история. 3. 2011. С. 67–87.
- Шелов-Коведяев В.Ф.* История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 г. М., 1985. С. 5–187.
- Яйленко В.П.* Военная акция Дария I на Киммерийском Боспоре // Зуев В.Ю. и др. (Ред.). Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. I. СПб., 2004. С. 55–60.
- Яйленко В.П.* Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. — V в. н. э. М., 2010.
- Avram A., Hind J. and Tsetskhladze G.* The Black Sea Area // Hansen M.H. and Nielsen T.H. (Eds.). *An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. Oxford, 2004. P. 924–973.
- Boardman J.* *The Diffusion of Classical Art in Antiquity*. London, 1994.
- Brosius M.* Keeping Up with the Persians: Between Cultural Identity and Persianization in the Achaemenid Period // Gruen E.S. (Ed.). *Cultural Identity in the Ancient Mediterranean*. Los Angeles, 2011. P. 135–149.
- Burstein S.M.* *The Greek Cities of the Black Sea* // Kinzl K. (Ed.). *A Companion to the Classical Greek World*. Oxford, 2006. P. 137–152.

- Davydova L.I.* “Bosporan Art”: the Problem of Definition // Solovyov S.L. (Ed.) *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus, 7th–1st Centuries BC.* Oxford, 2007. P. 32–33.
- De Angelis F. and Garstad B.* 2006: Euhemerus in Context // *Classical Antiquity.* 25.2. 2007. P. 211–242.
- Delemen I.* (Ed.) *The Achaemenid Impact on Local Populations and Cultures in Anatolia (Sixth–Fourth Centuries BC).* Istanbul, 2007.
- Dominguez A.J.* *Greeks in Sicily* // Tsatskheladze G.R. (Ed.). *Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas.* Vol. 1. Leiden, 2006. P. 253–357.
- Erlikh V.R.* Recent Investigations of the Ulski Kurgans // Nieling J. and Rehm E. (Eds.). *Achaemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers.* Aarhus, 2010. P. 47–65.
- Fedoseev N.F.* Zum achämenidschen Einfluß auf die historische Entwicklung der nordpontischen griechischen Staaten // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan.* 29. 1997. S. 309–319.
- Fornasier J. und Böttger B.* (Hrsgg.) *Das Bosporanische Reich.* Mainz, 2002.
- Gajdukevič V.F.* *Das Bosporanische Reich.* Berlin, 1971.
- Gallotta S.* *Il regno del Bosforo Cimmerio: vicende storiche, aspetti istituzionali, economici e culturali,* 2 ed. Pescara, 2011.
- Graham A.J.* Thasos and the Bosporan Kingdom // *AWE.* 1.1. 2002. P. 87–101.
- Harrison T.* *Writing Ancient Persia.* London, 2011.
- Hind J.G.F.* *The Bosporan Kingdom* // *CAH.* VI. 2nd ed. 1994. P. 476–511.
- Hodos T.* *Local Responses to Colonization in the Iron Age Mediterranean.* London; New York, 2006.
- Kuznetsov V.D.* Phanagoreia // Fornasier J. und Böttger B. 2002. S. 59–68.
- Lenfant D.* (Ed.) *Les Perses vus par les Grecs: Lire les sources classiques sur l’empire achéménide.* Paris, 2011.
- Llewellyn-Jones L. and Robson J.* *Ctesias’ History of Persia: Tales of the Orient.* London, 2010.
- Maslennikov A.A.* Some Questions Concerning the Early History of the Bosporan State in the Light of Recent Archaeological Investigations in the Eastern Crimea // Tsatskheladze G.R. (Ed.). *North Pontic Archaeology: Recent Discoveries and Studies.* Leiden, 2001. P. 247–260.
- Miller M.C.* *Luxury Toreutic in the Western Satrapies: Court-Inspired Gift-Exchange Diffusion* // Jacobs B. and Rollinger, R. (Hrsgg.). *Der Achämenidenhof / The Achaemenid Court.* Wiesbaden, 2010. S. 853–897.
- Miller M.C.* *Town and County in the Satrapies of Western Anatolia: The Archaeology of Empire* // Summerer L., Ivantchik I. and von Kienlin A. (Eds.). *Kelainai-Apameia Kibotos: Développement urbain dans le contexte anatolien.* Bordeaux, 2011. P. 319–344.
- Nichols A.* *Ctesias. On India, and Fragments of His Minor Works.* London, 2011.

- Nieling J.* Persian Imperial Policy behind the Rise and Fall of the Cimmerian Bosphorus in the Last Quarter of the Sixth to the Beginning of the Fifth Century BC // Nieling J. and Rehm E. (Eds.). *Achaemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers*. Aarhus, 2010. P. 123–136.
- Podosinov A.V.* Le royaume du Bosphore Cimmérien aux époques grecque et romaine: un aperçu // Burgunder P. (Éd.) *Études pontiques: Histoire, historiographie et sites archéologiques du bassin de la mer Noire*. Lausanne, 2012. P. 87–109.
- Rehm E.* The Classification of Objects from the Black Sea Region Made or Influenced by the Achaemenids // Nieling J. and Rehm E. (Eds.). *Achaemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers*. Aarhus, 2010. P. 161–194.
- Rollinger R.* Extreme Gewalt und Strafgericht. Ktesias und Herodot als Zeugnisse für den Achämenidenhof // Jacobs B. und Rollinger R. (Hrsgg.). *Der Achämenidenhof / The Achaemenid Court*. Wiesbaden, 2010. S. 559–666.
- Rollinger R., Truschnegg B. und Bichler R.* (Hrsgg.) *Herodot und das Persische Weltreich*. Wiesbaden, 2011.
- Saprykin S.Yu.* The Chora in the Bosporan Kingdom // Bilde P.G. and Stolba V.F. (Eds.). *Surveying the Greek Chora: The Black Sea Region in a Comparative Perspective*. Aarhus, 2006. P. 273–288.
- Sokolova O.Y.* New Material from the Excavation of Nymphaeum // Tsetskhladze G.R. and de Boer J.G. (Eds.). *The Black Sea Region in the Greek, Roman, and Byzantine Periods = Talanta 32-33 (for 2000-01)*. 2002. P. 81–90.
- Sokolova O.Y.* City of Nymphaeum: Excavation Results (1991–2000) // Solovyov S.L. (Ed.) *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus, 7th–1st Centuries BC*. Oxford, 2007. P. 113–116.
- Solovyov S.L.* (Ed.) *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus, 7th–1st Centuries BC*. Oxford, 2007.
- Stronk J.P.* *Ctesias' Persian History 1: Introduction, Text and Translation*. Düsseldorf, 2010.
- Terekhova N.N., Dmitriev A.V., Malyshev A.A., Ravich I.G. and Rozanova L.S.* The Foothills of the North-Western Caucasus in the 8th–4th Centuries BC // *AWE*. 5. 2006. P. 44–79.
- Tolstikov V.P.* Pantikapaion // Fornasier J. und Böttger B. (Hrsgg.) *Das Bosporanische Reich*. Mainz, 2002. S. 39–58.
- Tolstikov V.P.* The Early Temple of Apollo on the Acropolis at Panticapaeum: Questions of Dating, Typology and the Periods of its Construction // Petropoulos E.K. and Maslennikov A.A. (Eds.). *Ancient Sacral Monuments in the Black Sea*. Thessalonica, 2010. P. 335–365.
- Treister M.Y.* Excavations at Pantikapaion, Capital of the Kingdom of the Bosphorus. Old Finds, Recent Results and some New Observations // *Greek Archaeology without Frontiers*. Athens, 2002. P. 151–172.
- Treister M.Y.* Archaic Panticapaeum // Cobet J. et al. (Eds.), *Frühes Ionien: Eine Bestandsaufnahme*. Mainz, 2007. S. 567–580.

- Treister M.Y.* “Achaemenid” and “Achaemenid-inspired” Goldware and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire // Nieling J. and Rehm E. (Eds.), *Achaemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers*. Aarhus, 2010. P. 223–279.
- Tsetskhladze G.R.* Greek Penetration of the Black Sea // Tsetskhladze G.R. and De Angelis F. (Eds.). *The Archaeology of Greek Colonisation: Essays Dedicated to Sir John Boardman*. Oxford, 1994. P. 111–135.
- Tsetskhladze G.R.* La colonizzazione greca nell’area del Ponto Eusino // Settis S. (Ed.). *I Greci: Storia, Cultura, Arte, Società. 2: Una storia greca. I: Formazione*. Turin, 1996. P. 945–973.
- Tsetskhladze G.R.* A Survey of the Major Urban Settlements in the Kimmerian Bosphoros (with a Discussion of their Status as Poleis) // Nielsen T.H. (Ed.). *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis*. Stuttgart, 1997. P. 39–81.
- Tsetskhladze G.R.* Greek Colonisation of the Black Sea Area: Stages, Models, and Native Populations // Tsetskhladze G.R. (Ed.). *The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology*. Stuttgart, 1998. P. 9–68.
- Tsetskhladze G.R.* Pistiros in the System of Pontic Emporia (Greek Trading and Craft Settlements in the Hinterland of the Northern and Eastern Black Sea and Elsewhere) // Domaradzka L., Bouzek J. and Rostropowicz J. (Eds.). *Pistiros et Thasos: Structures économiques dans la péninsule balkanique VIIe–IIe siècle avant J.-C.* Opole, 2000. P. 233–246.
- Tsetskhladze G.R.* Ionians Abroad // Tsetskhladze G.R. and Snodgrass A.M. (Eds.). *Greek Settlements in the Eastern Mediterranean and the Black Sea*. Oxford, 2002. P. 81–96.
- Tsetskhladze G.R.* Phanagoria: Metropolis of the Asiatic Bosphorus // *Greek Archaeology without Frontiers*. Athens, 2002. P. 129–150.
- Tsetskhladze G.R.* Greeks beyond the Bosphorus // Karageorghis V. (Ed.). *The Greeks beyond the Aegean: from Marseilles to Bactria*. New York, 2003. P. 129–166.
- Tsetskhladze G.R.* Revisiting Ancient Greek Colonisation // Tsetskhladze G.R. (Ed.). *Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and other Settlements Overseas*. Vol. 1. Leiden, 2006. P. xxiii–lxxxiii.
- Tsetskhladze G.R.* The Ionian Colonies and their Territories in the Taman Peninsula in the Archaic Period // Cobet J. et al. (Eds.). *Frühes Ionien: Eine Bestandsaufnahme*. Mainz, 2007. S. 551–565.
- Tsetskhladze G.R.* The Pontic *poleis* and the Achaemenid empire: Some thoughts on their experiences // Lombardo M. and Frisone F. (Eds.). *Forme Sovrapoleiche e Interpoleiche di Organizzazione nel Mondo Greco Antico*. Lecce; Taranto, 2008. P. 438–446.
- Tsetskhladze G.R.* “Grain for Athens”: The View from the Black Sea // Alston R. and van Nijf O.M. (Eds.). *Feeding the Ancient Greek City*. Leuven, 2008. P. 47–62.

- Tsetsckhladze G.R.* Secondary Colonisers in the Black Sea: Sinope and Panticapaeum // Lombardo M. and Frisone F. (Eds.). *Colonie di colonie: le fondazioni sub-coloniali greche tra colonizzazione e colonialismo*. Lecce; Taranto, 2009. P. 229–254.
- Tsetsckhladze G.R.* “Beware of Greeks Bearing Gifts”: Gifts, Tribute, Bribery and Cultural Contacts in the Greek Colonial World // Rollinger R. et al. (Hrsg.). *Interkulturalität in der Alten Welt: Vorderasien, Hellas, Ägypten und die vielfältigen Ebenen des Kontakts*. Wiesbaden, 2010. S. 41–61.
- Tsetsckhladze G.R.* Pistiros Revisited // *Eirene*. 47. 2011. P. 14–25.
- Tuplin C.* Revisiting Dareios’ Scythian Expedition // Nieling J. and Rehm E. (Eds.). *Achaemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers*. Aarhus, 2010. P. 281–312.
- Tuplin C.* The Limits of Persianization: Some Reflections on Cultural Links in the Persian Empire // Gruen E.S. (Ed.). *Cultural Identity in the Ancient Mediterranean*. Los Angeles, 2011. P. 150–182.
- Vinogradov Ju.A.* Rythms of Eurasia and the Main Historical Stages of the Kimmerian Bosphoros in Pre-Roman Times // Bilde P.G. and Petersen J.H. (Eds.). *Meetings of Cultures in the Black Sea Region: Between Conflict and Coexistence*. Aarhus, 2008. P. 13–27.
- Vinogradov Ju.G.* ‘Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jahrhundert v.Chr. // *Vinogradov Ju.G. Pontische Studien: Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes* / Hrsg. von H. Heinen. Mainz, 1997. S. 100–132.
- Wiesehöfer J., Rollinger R. und Lanfranchi G.* (Hrsgg.) *Ktesias’ Welt / Ctesias’ World*. Wiesbaden, 2011.
- Zavoykin A.A.* Bosphoran Panticapaeum and the Territorial State // Solovyov S.L. (Ed.) *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus, 7th–1st Centuries BC*. Oxford, 2007. P. 150–152.

ВВЕДЕНИЕ

21–22 декабря 2012 года в Российском государственном гуманитарном университете прошел Российско-украинский научный симпозиум «Эллинизм: географические границы, хронологические рамки, сущностное содержание», организованный кафедрой истории древнего мира Института восточных культур и античности РГГУ при содействии Российской ассоциации антиковедов. Симпозиум проводился и финансировался в рамках Программы поддержки научно-образовательных проектов и программ РГГУ.

В ходе работы всего было заслушано 15 докладов: они были представлены исследователями из Москвы (А.С. Анохин, А.С. Балаханцев, О.Л. Габелко, И.Н. Коровчинский, И.А. Ладынин, Н.А. Маккавеев, С.В. Смирнов, И.Е. Суриков), Санкт-Петербурга (А.В. Сильнов), Нижнего Новгорода (Е.А. Молев, С.К. Сизов), Саратова (Е.В. Смыков), Киева (А.Л. Зелинский) и Харькова (С.Д. Литовченко, К.Ю. Нефедов). По замыслу организаторов, основное внимание докладчиков и участников дискуссии должно было быть уделено обсуждению теоретических проблем, связанных с пониманием исторического феномена эллинизма (что, разумеется, не исключало обращения к тем или иным сюжетам частного характера). Анализ современной историографической ситуации показывает, что такая тематика не пользуется особой популярностью в западном антиковедении, хотя количество исследований по истории эллинизма (в том числе и обобщающих) непрерывно возрастает. Между тем, актуальность концептуального осмысления накопленного материала не вызывает сомнений, тем более что отечественная наука о древности располагает солидным заделом в этом плане (работы К.К. Зельина, Г.А. Кошеленко, материалы дискуссий 1955 и 1982 гг. и др.).

Участникам и слушателям перед началом мероприятия были предложены вопросы для обсуждения:

- Являются ли сегодня возможными, необходимыми и продуктивными попытки теоретического осмысления эллинизма?

- Дройзеновский термин «эллинизм»: уточнение содержания и возможные альтернативы ему.
- Эллинизм как период, конкретно-историческое явление, культурно-цивилизационный феномен; насколько соотносимы эти аспекты?
- Концепция эллинизма К.К. Зельина: 60 лет спустя. Теоретические подходы к эллинизму в современной отечественной и зарубежной историографии: проблемы и перспективы.
- Понятия «пред(прото?)эллинизма» и «постэллинизма»: хронологическая и сущностная составляющие.
- Греко-восточный цивилизационный синтез: реальность эпохи или современный историографический конструкт? Греко-восточные (эллинико-варварские) взаимодействия в государственности, экономике, культуре; их значение и возможные варианты.
- Эллинистическая государственность: становление и эволюция. Эллинистическая монархия: результат взаимодействия греческих, македонских и восточных начал? Полис в эпоху эллинизма: утрата самостоятельной роли или обнаружение нового *modus vivendi*?
- Ключевые понятия в трактовке феномена эллинизма: македонский империализм, придворное общество, господствующее общество, доминирующий этно-класс; другие?
- Региональная типологизация эллинистических государств. Где проходит географическая и смысловая граница между ними и периферийными обществами? Формы контактов и взаимовлияний между эллинистической цивилизацией и «внешним миром».
- Греческая цивилизация эпохи эллинизма: «духовный надлом» (Ю.В. Андреев), «окончание греческого чуда» (А.И. Зайцев) либо поступательное развитие?
- Наследие эллинизма в Римской империи и за ее пределами: сфера культуры и другие проявления.

Эти вопросы так или иначе затрагивались в дискуссиях, которые следовали практически за каждым выступлением, а также по завершении работы секций. Нельзя сказать, что обсуждения всегда завершались достижением консенсуса, однако они, по крайней мере, помогли четче обозначить позиции дискуссионщиков, что так или иначе способствует лучшему пониманию проблемы.

Здесь публикуются тексты докладов, представленные большинством из участников симпозиума (некоторые — с изменением темы). Как видно из тематики представленных работ, наиболее пристальное внимание привлекали проблемы, связанные с политической историей и государственностью эллинистических держав, главным образом — государств Птолемеев и Селевкидов, тогда как история других регионов эллинистического мира (Малой Азии, Европы) оказалась пока что несколько отодвинутой на второй план. Данное обстоятельство создает достаточно богатые перспективы для будущих исследований.

О.Л. Габелко

К.Ю. Нефедов

КУЛЬТ ПРАВИТЕЛЯ И ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ
В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

Аннотация: В статье предпринята попытка выявить связь между культом правителя и царской властью в эпоху эллинизма. Автор показывает, что эллинистический культ правителя не был обожествлением власти или ее носителя, а являлся культом личности монарха, призванным обеспечить ему персональную легитимность. Богоравное почитание, используя символику ритуала, создавало видимость соответствия правителя греческому идеалу истинного царя. Это позволяло компенсировать слабость нормативных основ эллинистического единовластия.

Ключевые слова: эллинизм, культ правителя, эллинистическая монархия, царская власть, легитимность власти

Abstract: In the article an attempt is made to discover relationship between ruler cult and kingship in the age of Hellenism. The author shown that Hellenistic ruler cult was not a deification of power or ruler, but a cult of monarch personality, aimed to guarantee him personal legitimacy. God-like worship, used ritual symbolic, created of visibility of compliance of ruler with the Greek ideal of true king. It made possible to compensate weakness of the normative basis of the Hellenistic kingship.

Key words: Hellenism, ruler cult, Hellenistic monarchy, kingship, legitimacy of power

Культе правителя считается одним из наиболее характерных элементов эллинистической государственности. В современных исследованиях он выступает неизменным атрибутом царской власти на протяжении всей эллинистической эпохи. Тем не менее, четкого представления о том, как конкретно эллинистический культ правителя был связан с царской властью, в научной литературе до сих пор так и не сложилось. Этот вопрос находится на периферии бесчисленных исследований о культовом почитании монархов, уступая место таким популярным сюжетам, как интеграция царского культа в религиозную

систему греческого полиса или его связь с восточными традициями сакрализации власти¹. Конечно, большинство исследователей полагают, что культ в той или иной степени легитимизировал власть эллинистических царей, но каковым был механизм этой легитимизации и какое место она занимала в системе обоснования власти царя, остается неясным. Такая ситуация не позволяет выявить истинную роль культа правителя в системе эллинистической государственности и составить целостное представление о монархической идеологии эпохи эллинизма. Поэтому в данной работе предпринята попытка подойти к культу правителя именно как к одному из средств легитимизации власти монархов и определить его значение для формирования и функционирования эллинистической государственности.

Богоравное почитание правителей часто ассоциируется с феноменом теократии, то есть правления от имени бога или с позиции божества. Такие ассоциации возникли у исследователей начала XX века и в отношении эллинистического царского культа. В их трудах была разработана освященная авторитетом Эдуарда Мейера гипотеза «божественного права», согласно которой культ призван был обеспечить эллинистическим монархам право абсолютной божественной власти над подданными, прежде всего, над гражданами греческих полисов². Однако эта гипотеза сразу же столкнулась с большими трудностями, ибо вступала в противоречие с историческими фактами. В истории эллинизма не обнаруживалось случаев применения царями «божественного права», а значительное количество источников свидетельствовало о том, что изначально инициатива в учреждении культа монархов исходила не от царей, а от самих жителей греческих полисов, которые вряд ли сами стали бы отдавать себя под абсолютную власть божественного деспота. Со временем было установлено также, что цари, почитавшиеся в культе, в действительности не считались богами в прямом смысле

¹ См. об этом: *Chankowski A.S.* Le culte des souverains aux époques hellénistique et impériale dans la partie orientale du monde méditerranéen: questions actuelles // *More Than Men, Less Than Gods. Studies on Royal Cult and Imperial Worship.* Leuven, 2011. P. 1–14.

² *Meyer Ed.* Alexander der Grosse und die absolute Monarchie // *Idem.* Kleine Schriften. Halle, 1910. S. 283–333; *Ferguson W.S.* Legalized Absolutism en Route from Greece to Rome // *AHR.* 1912. Vol. 18. P. 29–47; *Байбаков Е.И.* Происхождение эллинистического культа царей. Харьков, 1914; *Lattey C.* The Diadochi and the Rise on Kingworship // *EHR.* 1917. Vol. 32. P. 321–334; *Beloch J.* Griechische Geschichte. Bd. 4. Berlin; Leipzig, 1925. S. 46–49, 365–367; *Taylor L.R.* The Divinity of the Roman Emperor. Middleton, 1931. P. 1–34.

слова³. Все это привело к дискредитации теократического подхода к культу правителя, и, хотя его отголоски встречались в научной литературе и позже, в целом он уже давно не рассматривается как конструктивный.

Однако никакой серьезной альтернативы теократическому подходу в вопросе об обосновании царской власти с помощью культа правителя до настоящего времени так и не было предложено. На волне критики гипотезы «божественного права» исследователи увлеклись поиском «низовых», полисных аспектов культа эллинистических правителей⁴. Вопрос о связи с монархической властью в таких работах отступал на второй план, а то и вовсе сходил на нет⁵. Было решено, что в эллинистических монархиях параллельно существовали две формы культа правителя: полисный культ, который исходил «снизу» и не имел значения для легитимизации власти, и государственный династический культ, учреждаемый самими царями и, возможно, обосновывавший власть⁶. При этом остается непонятным, каким образом династический культ обосновывает власть, если почитаемые в нем цари, по мнению подавляющего большинства ученых, не считаются богами.

Подобные взгляды в последние годы стали подвергаться осторожной критике⁷, но в целом и сегодня легитимизирующее нача-

³ *Schubart W.* Die religiöse Haltung des frühen Hellenismus. München, 1937. S. 18–20; *Nilsson M.P.* Geschichte der griechischen Religion. Bd. II. München, 1961. S. 140–141.

⁴ *Kornemann E.* Zur Geschichte des antiken Herrscherkulte // *Klio*. 1901. Bd. 1. S. 52–168; *Bevan E.R.* The Deification of Kings in the Greek Cities // *EHR*. 1901. Vol. 16. P. 625–639; *Weinreich O.* Antikes Gottmenschentum // *NJWJ*. 1926. Jg. 2. Ht. 6. S. 633–651; *Charlesworth M.P.* Some Observations on Ruler Cult, Especially in Rome // *HThR*. 1935. Vol. 28. P. 5–44; *Habicht C.* Gottmenschentum und griechische Städte. München, 1970.

⁵ Некоторым исключением в этом отношении представляется линия исследования, начатая Ю. Керстом и развитая в наше время С. Прайсом, в рамках которой культ правителя рассматривается как сакральное или ритуальное выражение власти царя над полисом, см.: *Kaerst J.* Geschichte des hellenistischen Zeitalters. Leipzig, 1909. Bd. 2. S. 380–415; *Price S.R.F.* Rituals and Power. The Roman Imperial Cult in Asia Minor. Cambridge et al., 1986. Однако и в рамках этого направления культ правителя не связывается с потребностями легитимизации власти.

⁶ *Wilcken U.* Zur Entstehung des hellenistischen Königskultes // *SPAW*. 1938. Bd. 28. S. 298–321; *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 221–240.

⁷ *Chaniotis A.* The Divinity of Hellenistic Rulers // *A Companion to the Hellenistic World*. Oxford et al., 2005. P. 439–443; *Erickson K.G.* The Early Seleucids, Their Gods and Their Coins. 2009. P. 206–247; *Iossif P.P., Lorber C.C.* More than Men, Less than Gods: Concluding Thoughts and New Perspectives // *More Than Men, Less Than Gods*. P. 704–707; *Weber G.* Der ptolemaische Herrscher- und Dynastiekult — ein Experimentierfeld für Makedonen, Griechen und Ägypter // *Studien zum vorhellenistischen und hellenistischen Herrscherkult: Verdichtung und Erweiterung von Traditionsgeflechten*. Berlin, 2011. P. 77–97.

ло признается преимущественно за династическим культом. Нам же представляется, что выявить истинную связь царского культа с институтом царской власти возможно, только если взглянуть на культ правителя как на целостное явление, а не на две независимые формы почитания монархов, и постараться представить его в таком виде, в каком его воспринимали сами греки и македоняне эллинистической эпохи. Мы, конечно, не отрицаем, что представители туземного населения восточноэллинистических монархий могли принимать участие в отправлении культа и что на эллинистических царей распространялись местные традиции почитания власти. Но в той форме, в которой культ правителя предстает перед нами, он, несомненно, направлен преимущественно на греко-македонское население эллинистических монархий, и поэтому через призму представлений этого населения мы должны оценивать его сущность.

У древних греков и македонян, в действительности, не существовало понятия царского культа. Для них это было не более чем воздание богоравных почестей человеку. Именно так — ἰσοθεοῖ τιμαί — именуется то, что мы называем сегодня культом правителя в надписях и нарративных источниках⁸. При этом совершенно в равной степени так именуется почести как полисного, так и династического культа — в этом отношении между ними не было разницы. Члены Лиги Островитян заявляют в своем ответе на приглашение со стороны Птолемея II принять участие в династических празднествах в честь его покойного отца, что первыми почтили Сотера Птолемея богоравными почестями⁹, подразумевая, что учрежденный его сыном культ является своего рода продолжением этого чествования.

При этом следует иметь в виду, что в представлении греков богоравные почести отличались от обычных почестей только количественно, но не качественно. У них не было какой-то особой сакральности, не позволяющей воздавать эти почести смертным. Аристотель, перечисляя признаки почета, воздаваемого благодетелям, относит к ним одновременно жертвоприношения, прославления в стихах и прозе, почетные дары, теменосы, первые места в театре, похороны, статуи, содержание за счет государства, а у варваров —

⁸ *Plut.* Demetr. 7.3; 12; *Diod.* XX. 102. 2; *Polyb.* XII. 12. 2b; Syll.³ 390, l. 28; SEG 41. 75, l. 6; ср.: *Diod.* XX. 100. 3–4; XXIX. 18. 1; XXXVII. 6. 1.

⁹ Syll.³ 390, ll. 27–28: τοῖς νησιώταις τετιμηκόσιμ πρότε[[ρον τ]ὸν σωτήρα Πτολεμαῖον ἰσοθέοις τιμαῖς.

еще и проскинесис (*Arist. Rhet.* 1361a 34–36). При таком подходе богоравные почести, естественно, не превращали получившего их человека в божество. Исследователями достаточно давно был выявлен ряд особенностей царского культа, которые подтверждают этот тезис: за правителей приносили жертвы другим богам, им не молились, не давали обетов, не приносили жертв за спасение, практически никогда не возводили храмов в их честь, их физическая смерть воспринималась как нечто само собой разумеющееся¹⁰. Культ правителя никогда не был связан с такими характерными для культа богов вещами, как магия, инкубация, священные сны, оракулярные откровения, очищения и т. д.¹¹ Но самым красноречивым свидетельством являются упоминания в некоторых надписях культовых действий в отношении монархов отдельно от культа богов¹². Получение богоравных почестей и даже наименование царя богом было не более чем ритуально-символическим актом, означающим, что царь «как бог», но не «есть бог»¹³. Между этими двумя выражениями, как показал Х. Версел, для греков существовало принципиальное различие, и те, кто действительно пытались «быть богами», как например, сиракузский врач Менекрат или создатель «города Солнца», брат Кассандра Анаксарх, воспринимались в лучшем случае как безумцы¹⁴.

Поводом для воздаяния почестей в греческом обществе всегда служили благодеяния. По словам того же Аристотеля, почет — это прежде всего показатель репутации благодетеля, и его воздают тому, кто свершил благодеяния или способен их свершить в будущем

¹⁰ *Schubart W.* Die religiöse Haltung. S. 18–20; *Nilsson M.P.* Geschichte der griechischen Religion. S. 150–152; *Price S.R.F.* Rituals and Power. P. 207–233; *Green P.* Alexander to Actium. Historical Evolution of the Hellenistic Age. Berkeley et al., 1993. P. 399–402; *Versnel H.* Coping with the Gods: Wayward Readings in Greek Theology. Leiden; Boston, 2011. P. 463–469.

¹¹ *Potte D.* Hellenistic Religion // A Companion to the Hellenistic World. Oxford et al., 2005. P. 412; *Chaniotis A.* The Divinity of Hellenistic Rulers. P. 431–433; *Iossif P.P., Lorber C.C.* More than Men, Less than Gods. P. 701.

¹² В декрете Гераклен-у-Латмоса, который цитирует в своем письме Зевксис, наместник Антиоха III, упоминается о принесении жертв «предкам царя, богам, царице и царским детям» – SEG 37. 859, l. 196: τοῖς προγόνοις αὐτοῦ θυσίας τε συντελεσθῆναι τοῖς θεοῖς καὶ τοῖς βασιλεῦσιν καὶ τοῖς τέκνοις.

¹³ См. об этом: *Price S.R.F.* Gods and Emperors: the Greek Language of the Roman Imperial Cult // JHS. 1984. Vol. 104. P. 88; ср.: *Badian E.* Alexander the Great between Two Thrones and Heaven: Variations on an Old Theme // Subject and Ruler: The Cult of Ruling Power in Classical Antiquity. Ann Arbor, 1996. P. 14–20.

¹⁴ *Versnel H.* Coping with the Gods. P. 465–492.

(*Arist. Rhet.* 1361a. 32). Общеизвестно, что в полисном культе почести всегда воздавались городами именно за благодеяния, совершенные монархами, в дополнение к которым приписывали личные качества царя, обуславливавшие склонность к благодеяниям – личную доблесть, филантропию, благорасположение к эллинам, религиозное благочестие и т. д.¹⁵ Династический культ тоже не был в этом отношении исключением. В немногочисленных дошедших до нас документах, связанных с чествованием царей в династическом культе, речь всегда также идет о благодарности за благодеяния. Именно за это чествуются Птоломеи в знаменитых декретах жреческих синодов¹⁶. За исключительные личные качества и добродетели велит почитать в своем знаменитом указе царицу Лаодику Антиох III¹⁷.

Таким образом, культ правителя выглядит в наших источниках не как обожествление, а как чествование монархов-благодетелей высшими из возможных почестями. Именно в таком качестве мы должны говорить о связи царского культа с монархической властью, не объединяя его с такими современными конструкциями, как теократия или сакрализация власти. Принимая это во внимание, можно представить себе, каким образом он легитимизовал царскую власть. Здесь, как нам представляется важно выделить три аспекта.

Во-первых, поскольку оказываемый почет всегда служил в греческом обществе важнейшем элементом в шкале сравнения между людьми и демонстрировал, насколько весомый авторитет признают за чествуемым лицом окружающие¹⁸, высшие богоравные почести могли получить только «лучшие люди», выше которых никто не стоит. А именно таковым в представлении греков и является царь — это человек, наделенный неоспоримым превосходством над всеми, «наилучший муж» (*Her.* III. 80–82; *Arist. Eth. Nic.* VIII. 1160 b 3–7; *Arist. Pol.* IV. 1289 a. 42–43; V. 1310. b 10). Поэтому богоравные почести в представлении греков — это удел царя. Вопреки широко распространенному мнению, представления о почитании

¹⁵ См.: *Habicht C.* Gottmenschentum und griechische Städte. S. 221–240; *Gauthier P.* Les cités grecques et leurs bienfaiteurs (IVe–Ier siècle avant J.-C.). Paris, 1985. P. 46–60; *Ma J.* Antiochos III and the Cities of the Westarn Asia Minor. Oxford et al., 1999. P. 182–213.

¹⁶ OGIS 56 ll. 4–16; OGIS 90, ll. 4–36; *Simpson R.S.* Demotic Grammar in the Ptolemaic Sacerdotal Decrees. Oxford, 1996. P. 242–257.

¹⁷ *Ma J.* Antiochos III and the Cities. P. 147–150, 354–356, No. 37.

¹⁸ Об этом см.: *Cairns D.L.* Aidos. The Psychology and Ethics of Honour and Shame in Ancient Greek Literature. Oxford, 1993.

царей богоравными почестями обнаруживаются в Греции задолго до эллинизма. В поэмах Гомера героев часто называют богоравными и «вскормленными Зевесом», но только когда они выступают в качестве басилевсов своих владений для их характеристики Гомер использует фразу «как бог почитался народом» (θεὸς δ' ὡς τίετο δῆμῳ)¹⁹ (*Hom.* II. X. 33; XI. 58; XIII. 218; *Od.* VII. 10–12; ср.: II. V. 78, IX. 155–156). Конечно, мы не можем быть уверенными в том, что в гомеровскую эпоху существовал реальный царский культ²⁰, но греки последующих эпох, читая поэмы Гомера, не сомневались, что царей в древности чтили как богов. А ведь именно гомеровский образ царя лежал в основе греческих представлений об идеальной царской власти даже в эпоху эллинизма²¹. Более того, ученые обычно не обращают внимания на тот факт, что культы древних царей-героев отправлялись во многих греческих городах задолго до начала эллинистической эпохи. Так, в Афинах, например, существовали официальные культы Эректа, Кодра, Нелея и Тесея²². Конечно, их считают героическими, а не богоравными, но почести, воздаваемые этим мифическим монархам, практически ничем не отличались от почестей в культе эллинистических правителей — это жертвоприношения, празднества, святилища, теменосы без специфических черт героического культа. Почести, которые получал Кодр, прямо называли богоравными (*Luc.* *Leost.* 88). В представлении греков и персидский великий царь получал богоравные почести и именовался богом, хотя на самом деле ничего подобного в Персии не было²³.

¹⁹ О том, что в данном случае имеются в виду именно культовые почести, см.: *Nagy G.* *Greek Mythology and Poetics.* Harvard, 1990. P. 131.

²⁰ Г. Надь считает, что в действительности прижизненные сакральные почести царям не воздавались — это было не более чем эпическое перенесение посмертного культа на живых героев (*Nagy G.* *Greek Mythology.* P. 132–133). Однако он сознательно воздерживается от объяснения, почему такие почести распространяются только на царей. Более адекватный взгляд см.: *Antonaccio C.* *Religion, Basileis and Heroes // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer.* Edinburgh, 2006. P. 381–396 — автор считает, что речь может идти о прижизненном героическом почитании гомеровских басилевсов.

²¹ *Billows R. A.* *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism.* New York et al., 1995. P. 66–68.

²² *Papachatzis N.* *The Cult of Erechtheus and Athena on the Acropolis of Athens // Kernos.* 1989. No. 2. P. 175–185; *Walker H.J.* *Theseus and Athens.* Oxford, 1995; *Жебелев С.А.* Царь Кодр // Доклады АН СССР. 1929. Серия В. № 11. С. 201–208.

²³ См. об этом: *Badian E.* *Alexander the Great between two thrones.* P. 15–16; *Röllinger R.* *Herrscherkult und Königsvergöttlichung bei Teispiden und Achaimeniden. Realität oder Fiktion? // Studien zum vorhellenistischen und hellenistischen Herrscherkult.* S. 11–54.

Все это говорит о том, что богоравное чествование воспринималась греками как признак царского почета. Конечно, оно могло распространяться и не на правителей, но человек, удостоившийся таких почестей, в любом случае превращался в потенциального претендента на единоличную власть, ибо обладал необходимым для этого «царским авторитетом». Именно поэтому получить богоравные почести в греческом полисе в доэллинистическую эпоху было практически невозможно, и если они и воздавались, то в большинстве случаев — внешним по отношению к полису субъектам²⁴, какими были и эллинистические монархи по отношению к городам.

Второй аспект, о котором необходимо сказать в связи с легитимирующей функцией культа правителя, связан с тем, что почести всегда были элементом сравнения между претендующими на равенство людьми. И божеские почести, естественно, приравнивали их получателя не к богам, которым он явно был не равен, а к смертным, получавшим такие почести ранее. В мифологической перспективе, которая для греков была вполне исторической, это означало приравнивание прежде всего к Гераклу, который считался первым смертным, получившим богоравный почет (*Hom. Od. XI. 302–304, 601–603; Isocr. Demon. 50; Aristid. Panath. 33, 48; Paus. VIII. 2. 4–5*). Геракл рассматривался в греко-македонском мире как идеальная модель царя, прообраз истинного правителя²⁵, и, кроме того, был прародителем и основателем эллинистических царских династий. Поэтому приравнивание к нему всегда означало легитимацию претензий на царскую власть. За Гераклом в этом ряду шли Диоскуры, Тесей и другие идеальные персонажи, с которыми связывались идеальные образы царской власти.

Но сравнительная функция богоравного чествования не ограничивалась этим — она давала возможность приравнивать правителя и к вполне современным персонажам, таким, например, как Александр и Филипп Македонский, которые чествовались при жизни как боги. Как считает Э. Бэдиэн, стремление самого Александра получить божеские почести изначально было обусловлено желанием прирав-

²⁴ Лисандру на Самосе, Агесилаю на Фасосе, атлету Эвтиклу за пределами его родных Локр Эпизефирских, Эмпедоклу в Селинунте, а не в Акраганте, см.: *Currie B. Pindar and the Cult of Heroes. Oxford, 2005. P. 158–215.*

²⁵ См.: *Derichs W. Herakles, Vorbild des Herrschers in der Antike. Köln, 1950; Hunter U. Die politische Rolle der Heraklesgestalt im griechischen Herrschertum. Stuttgart, 1997.*

няться к Филиппу, который получал подобный почет²⁶. После смерти Александра первым диадохом, который получил божеские почести при жизни, стал не кто иной, как Антигон Одноглазый, и именно в то время, когда начал претендовать на власть над всей империей²⁷. Аналогичные примеры можно привести и из последующей истории эллинизма.

Третий аспект культового чествования как высшей степени почета, который помогал легитимизировать царскую власть, был связан, по нашему мнению, с тем, что почет воздавался в ответ на благодеяния или в ожидании новых благодеяний. С точки зрения идеологии эллинистической монархии и вообще греческих представлений о царской власти, монарх должен был быть в первую очередь покровителем и благодетелем эллинов и македонян, и культ фиксировал этот статус²⁸. Неважно, насколько существенными были благодеяния, за которые царь получал богоравные почести, главное — что культ создавал образ царя как исключительного благодетеля подданных. Не случайно эпитеты Сотер и Эвергет являлись самыми распространенными в культе правителя в эллинистическую эпоху.

Таким образом, культ правителя, во-первых, подтверждал неоспоримое превосходство царя над остальными людьми; во-вторых, приравнивал царя к идеальным царям-героям прошлого и современным правителям, которые удостоились таких же почестей, и в третьих — представлял монарха в образе исключительного благодетеля подданных, что было необходимым условием идеальной царской власти. Выполняя эти три функции, культ служил признанием со стороны греков и македонян царского достоинства монарха, выражал его соответствие идеалу царской власти. Поэтому правитель, получив богоравные почести, всегда обретал как бы моральное право на трон, причем вне зависимости от того, обладал ли он на этот момент законной царской властью. В этом и заключалась легитимизирующая функция культа правителя — он не обосновывал сам институт царской власти, как это иногда полагают, а поддер-

²⁶ *Badian E.* Alexander the Great between two thrones and Heaven. P. 16–24.

²⁷ См. об этом: *Нефедов К.Ю.* О возникновении культа Антигона Одноглазого // Древности: 1997–1998. Харьков, 1999. С. 90–95; *Нефедов К.Ю.* Культ правителей и коронация диахов // Из истории античного общества. Вып. 12. Н.Новгород, 2009. С. 95–106.

²⁸ *Billows R. A.* Kings and Colonists. P. 56–60; *Bringmann K.* The King as Benefactor: Some Remarks on Ideal Kingship in the Age of Hellenism // Images and Ideologies: Self-Definition in the Hellenistic World. Berkeley et al., 1993. P. 7–24;

живал персональную легитимность непосредственных или потенциальных носителей этой власти, обеспечивая видимость соответствия конкретных правителей, их поведения и политики общепринятым требованиям и ценностям. Именно поэтому эллинистический царский культ носил индивидуальный характер — каждый правитель почитался за конкретные благодеяния и заслуги, и воздаваемые ему почести имели свою специфику. Это, по существу, был не культ власти, а культ личности, претендующей на легитимную власть и ищущей подтверждения своим амбициям.

При таком взгляде на царский культ получается, что полисный культ служил таким же средством обоснования власти, как и династический, — ведь богоравные почести должны были легитимизировать власть царя вне зависимости от того, кто их воздавал. Исследователей обычно смущает такая перспектива, ибо им кажется, что полис не мог по доброй воле заботиться о поддержании власти монарха. Однако само представление о полностью независимой инициативе полиса в учреждении царского культа относительно. Не вызывает сомнений, что акты богоравного чествования всегда так или иначе согласовывали с монархом, и он мог и не принять предложенные почести, как это сделал, например, еще в начале IV в. до н. э. Агесилай, когда ему предложили богоравное чествование жители острова Фасос (*Plut. Arophi. Reg. 2, 25*). Нельзя также забывать, что власть царя, несмотря на все традиции свободы и автономии городов, зачастую была представлена и непосредственно в полисах. В городах, где существовал царский культ, нередко присутствовали царские стратеги и гарнизоны, а также «друзья царя», которые могли склонять граждан к воздаянию почестей²⁹. Но если даже их не было в полисе, часть властной элиты города все равно так или иначе контактировала с царской властью и была заинтересована в ее поддержке, в том числе и с помощью учреждения культа. Во всяком случае, известные нам из нарративных источников инициаторы божеских почестей правителям в полисах неизменно описываются как ставленники и льстецы монархов. Кроме того, некоторые полисы могли стремиться к обоснованию властных амбиций правителей из

²⁹ Участие стратегов и гарнизонов в распространении культа в полисах: *Chaniotis A. The Divinity of Hellenistic Rulers*. P. 441 (культ Птолемея на Крите, Кипре и в Эфесе); *Нефедов К.Ю.* Культ правителя в политической пропаганде Лисимаха // Вестн. ХГУ. 1999. № 441: История. Вып. 31. С. 54 (культ Лисимаха в Приене); О возможном участии «друзей царя»: *Нефедов К.Ю.* Культ первых Антигонидов в Афинах: Новая интерпретация // Кондаковские чтения I. Белгород, 2005. С. 87.

своих корыстных интересов. Так, например, Родос, как мы показали в одной из предшествующих работ, учредил в 304 г. до н. э. культ Птолемея, скорее всего, потому, что был заинтересован в обосновании его официальной коронации по политическим и экономическим причинам³⁰.

Некоторые исследователи считают, что полисный культ правителя нельзя рассматривать как средство легитимации власти, потому что решающую роль в его распространении и развитии играли не властные отношения, а традиции эвергетизма³¹. Эти традиции побуждали города воздавать почести царям по собственной инициативе, так как тем самым они не только отмечали заслуги монархов, но и обеспечивали благорасположение с их стороны на будущее, обязывали царя вести себя в соответствии с его образом в полисном культе. Однако традиции эвергетизма вполне могли совмещаться с функцией легитимизации. Не вызывает сомнений, что царя можно было склонить к поддержке полиса в первую очередь с помощью почестей, которые были наиболее важны для самой его власти. А то, что монархи нуждались именно в богоравных почестях, было понятно с самого начала эллинистической эпохи. Ведь начиналась история полисного культа со всем известного пожелания Александра быть почтенным в греческих полисах в качестве сына Зевса-Аммона³², и когда некоторые диадохи после смерти Александра стали стремиться к его трону, вряд ли оставались сомнения в том, какие почести для них наиболее желаемы. Эта традиция легко перешла и на последующих правителей — все они возводили свою власть к Александру и диадохам, и приравниваться к ним по степени почета было для них крайне важно.

Важным аргументом в пользу тезиса о независимости городского культа правителя от потребностей легитимизации власти царей является также чисто полисный, локальный характер самого этого культа. Почести, воздаваемые монархам в городах, по мнению большинства исследователей, не имели монархической окраски и были глубоко интегрированы в систему традиционных представлений граждан. Так, празднества в честь монархов организовывались по образцу празднеств главных полисных божеств, ежедневные приношения

³⁰ *Нефедов К.Ю.* Культ правителей и коронация диадохов. С. 108–117.

³¹ *Chaniotis A.* The Divinity of Hellenistic Rulers. P. 439–440.

³² *Habicht C.* Gottmenschen und griechische Städte. S. 21–25; *Bosworth B.* Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Oxford, 1993. P. 278–290; ср.: *Badian E.* Alexander the Great between two Thrones. P. 11–26.

царям делали главные магистраты города, жрецы царей выполняли функции эпонимов, именами монархов называли общественные здания, гимнасии, источники со священной водой и т. д.³³ Все это было призвано не просто отметить заслуги правителя, но и поставить его персону в центр общественной и культовой жизни полиса, связать с ним сами основы существования гражданского коллектива. Реализовывая эту задачу, полисный культ, по мнению С. Прайса, выполнял когнитивную функцию: он давал возможность концептуализировать власть монарха в системе полисных представлений, ввести его образ в традиционный мировой порядок и преодолеть таким образом противоречие между полисом и царской властью³⁴. Однако по существу, это «конструирование власти в ритуале» и есть легитимизация. Легитимность всегда содержит в себе не только нормативный, но и когнитивный момент, причем именно он является в ней основным³⁵. Власть становится приемлемой только тогда, когда она не только формально соответствует нормативным требованиям, но и вписывается в общую картину мира. А ритуально-символическая основа городского царского культа как и раз и обеспечивает эту функцию в отношении власти эллинистического правителя над греческими полисами. И это имеет очень большое значение для отношений между полисом и правителем. Нормативный аспект легитимности в этих отношениях очень ограничен, так как в формальном плане полис автономен и подчиняется царю в лучшем случае как гегемону. Поэтому именно обеспечиваемая царским культом когнитивная составляющая легитимности становится здесь решающей — она создает видимость того, что правителю подчиняются не как царю, господствующему над полисом, а как харизматическому герою, спасителю и благодетелю, власть которого оправдана и необходима.

Эта полисная легитимизация власти с помощью культа имела немаловажное значение не только для граждан, желающих найти место правителю в системе своих представлений, но и для самих правителей. Им тоже необходимо было представить свою власть над полисами в приемлемом для эллинов свете, и наилучшим образом это делалось, естественно, с помощью местных ритуалов и традиций. И чем больше было таких культов, тем более благодетельным

³³ *Ma J.* Antiochos III and the Cities. P. 179–242; *Chaniotis A.* The Divinity of Hellenistic Rulers. P. 440–442.

³⁴ *Price S.R.F.* Rituals and Power. P. 29–52.

³⁵ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 40–56.

и харизматическим, а следовательно, и более легитимным правителем выступал царь в глазах эллинов. Не вызывает сомнений, что граждане, инициировавшие культ в полисах, хорошо осознавали его внешнее значение. Поэтому в систему полисных ритуалов, вопреки мнению большинства исследователей, иногда все же вписывались элементы, направленные на «внешнее» обоснование царской власти. Так, например, теменос, который встречался в полисном культе божеств и героев, но соседствовал там с храмом и святилищем, стал основным местом почитания монархов. Произошло это, видимо, именно потому, что еще с гомеровских времен он считался основной почестью царя (*Hom.* II. XII. 313; *Od.* VI. 293; XVII. 299)³⁶. Примечательно, что теменос первым упоминается среди почестей в самом раннем из известных нам культов Антигона Одноглазого³⁷ — в то время, когда этот диадох только начинал обосновывать свои монархические притязания и очень нуждался в доказательстве своего потенциального царского достоинства³⁸. Вновь теменос, причем очень внушительных размеров, встречается в культе Птолемея I на Родосе (*Diod.* XX. 100. 4): его учреждение, судя по всему, призвано было обосновать недавнюю коронацию этого диадоха³⁹.

Проявляется легитимизирующее начало и в афинском культе Антигона и его сына Деметрия, который всегда приводится как пример чисто полисного чествования монарха. Так, именами двух диадочов в 307 г. до н. э. называют две городские филы, приравнивая их тем самым к древним героям-эпонимам, в числе которых были, в первую очередь, мифические цари (*Diod.* XX. 46. 5; *Plut.* *Demetr.* 10). В дополнение к этому статуи Антигона и Деметрия по решению афинян возводят в Дельфах рядом со статуями древних афинских царей, в том числе упоминавшихся выше Тесея, Кодра и Нелея (*Paus.* X. 10. 1). В 304 г. до н. э. Деметрию предоставляют для резиденции внутреннюю часть Парфенона (*Plut.* *Demetr.* 23; *Clem.* *Protrep.* IV. 54. 6), а единственные смертные, которые, по преданию, до этого жили в «доме Афины» (Эрехтейоне) — это первый афинский царь

³⁶ *Nagy G.* *Greek Mythology and Poetics.* P. 134 показывает, что это именно богоравная почесть, а не просто участок земли, выделенный царю, как часто полагают.

³⁷ OGIS 6, II. 20–21; ἀφορίσαι αὐτῶι τέμενος. На гомеровскую реминисценцию здесь впервые обратила внимание К. Прео: *Preaux C.* *Le Monde Hellenistique.* T. 1. Paris, 1978. P. 248–249.

³⁸ См.: *Нефедов К.Ю.* *Культы правителей и коронация диадочов.* С. 95–99.

³⁹ Там же. С. 108–117: о легитимизирующем характере других почестей этого культа.

Эрехтей и знаменитый Тесей. Самым же красноречивым свидетельством наличия в афинском культе Антигонидов легитимизирующего начала является то, что афиняне в 307 г. до н. э. провозгласили их не только Спасителями, но и царями (*Plut. Demetr.* 10. 3) в то время, когда они еще не имели официально царских титулов, но уже несомненно задумывались над их принятием.

Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что не только династический, но и полисный культ правителя был средством легитимации власти эллинистических царей. В этом не было ничего удивительного. Полис выступал как автономный политический организм в системе монархии, и признание за правителем царского достоинства не обязывало его к прямому подчинению царю, но зато обязывало царя действовать в отношении этого города в соответствии с требованиями эвергетизма. Что же касается самих царей, то для них, конечно, важен был любой акт культового, ибо все они поддерживали их легитимный статус в глазах подданных всего эллинистического мира. Вряд ли для монархов было принципиально важно, кто выступает инициатором почестей — полис, частное лицо или царская администрация. Нельзя забывать к тому же, что в династическом культе мы тоже не находим официальной инициативы царя, хотя никто не думает, конечно, что она исходила не от него. Так, например, сохранились три письма Антиоха III об учреждении культа его жены Лаодики, но ни одного документа, где бы он приказывал воздать почести себе. Также и Птолемеев чествуют жреческие синоды, частные лица, ассоциации, города, но никогда они сами не говорят о воздаянии почестей себе. И это вполне естественно: если культ правителя — это воздаяние высшей степени почета, то он не может быть учрежден самим царем в честь себя: узурпировать почести — значит обесценить их. Поэтому, видимо, и в официальном культе имитировалась, а часто, возможно, и действительно имела место, инициатива «снизу» — от друзей царя, придворных, царских чиновников, военных и т. д.⁴⁰ В этом свете культ, учреждаемый в полисах царскими ставленниками, зачастую под контролем стратегов или военных, не так уж сильно отличался от династического. Особенно явно это видно, когда полисный культ учреждается в монархиях, где существует культ династический — в их формах, почестях

⁴⁰ Г. Вебер (*Weber G. Der ptolemäische Herrscher- und Dynastiekult*) считает, что династический культ Птолемеев был результатом многочисленных «экспериментов» властной элиты, а не творением самого царя.

и ритуалах прослеживается весьма явная связь. Так, в селевкидских городах рядом с культом монарха существовал культ его предков, а иногда и жены, которые почитались и в династическом культе⁴¹, и сам культ обычно тесно связывался с династическими божествами Селевкидов — Аполлоном и Зевсом, хотя они и представлялись иногда в своих местных полисных ипостасях⁴².

С другой стороны, инициативы полисов могли быть использованы царем для собственного официального культа. Некоторые монархи, например, Птолемей I и Антиох II, в династическом культе почитались с эпиклезами, дарованными им полисами. Почитание царицы Лаодики в греческих полисах дало основание этому царю учредить ее официальный культ в своей державе⁴³.

В эллинистических монархиях, основанных на личной харизматической власти царя и его династии, всегда существовала потребность в царском культе и складывалась необходимая конъюнктура для его распространения и развития, основанная на отношениях эвергетизма и зависимости от монарха. Поэтому царский культ мог учреждаться самыми разными социальными образованиями и структурами, а также частными лицами и ассоциациями. Царям, по крайней мере, в эпоху развитого и позднего эллинизма, видимо, даже не было необходимости отдавать распоряжения на этот счет — надо было только давать понять, в каком образе он хотел бы предстать в массовом почитании (это делалось через репрезентацию царя на монетах, в произведениях искусства, на официальных празднествах, через царские посвящения богам и т. д.). Такая же конъюнктура складывалась и в международных отношениях, вследствие чего царь мог получать богоравное почитание и за пределами своей монархии — от полисов, заинтересованных в его поддержке. Вместе все это составляло единую систему легитимизации его власти с помощью культовых почестей.

В таком свете развитие культа каждого монарха превращается в единый процесс, в котором пожелания и указания «сверху» переплетаются с инициативой «снизу», а также с «месседжами» царской пропаганды, с монархической идеологией и мифологией, полисны-

⁴¹ *Ma J.* Antiochos III and the Cities. P. 219–226; *Erickson K.G.* The Early Seleucids. P. 239–246.

⁴² См.: *Erickson K.G.* The Early Seleucids. P. 37–67; новое свидетельство: *Malay H., Riel M.* Two New Hellenistic Decrees from Aigai in Aiolis // EA. 2009. Ht. 42. P. 39–60.

⁴³ *Gauthier P.* Nouvelles inscriptions de Sardes II. Paris; Genève, 1989. P. 45–47, 73–77; ср.: *Ma J.* Antiochos III and the Cities. P. 234.

ми представлениями, религией царского двора и т. д. Очень хорошо это видно на примере культа Селевкидов — инициатива полисов в их почитании здесь нередко находила отражение в официальном культе, в то время как официальные изображения и легенды на монетах и образы вербальной царской пропаганды постоянно влияли на полисный культ царей⁴⁴.

Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, как конкретно был связан культ правителя с монархической властью. Этот культ не превращал правителя в непогрешимое божество, не давал ему юридических прав, не превращал монархию в теократию, не сакрализовал персону монарха. Более того, культ правителя не обосновывал прямо и сам институт монархии. Он легитимизировал власть и властные амбиции отдельных правителей как высшую степень почета, положенную истинным царям, позволяющую им сравниться с другими носителями такой же власти и предстать перед эллинами в образе базилиевсов-благодетелей. Это был не культ власти, а культ личности, подтверждающий персональную легитимность каждого царя и каждой династии. В этом-то и состояло его институциональное значение для эллинистической монархии. В системе ее обоснования гипертрофированную роль играла именно персональная легитимность. Два другие типа легитимности — идеологическая и структурная⁴⁵ — хотя и имели место, но по существу замыкались на легитимности персональной, ибо идеология эллинистического единовластия акцентировала внимание на харизме и личных качествах царя, а главным институтом в структуре монархии опять же была персональная царская власть. Важнейшим условием персональной легитимности является постоянная оценка правящих лиц обществом, и эту оценку как раз и обеспечивал царский культ. Без него эллинистическая монархия просто не могла бы существовать. Именно поэтому культ правителя не ушел в прошлое с диадохами, создавшими новую форму монархии, а продолжал развиваться до самого конца эллинизма.

Как показал Д. Битэм, легитимность любого политического режима имеет три основы: 1) соответствие власти принятым в обществе правилам, 2) убеждения или верования, которые оправдывают эти правила и 3) доказательства согласия подданных на существующие

⁴⁴ Erickson K.G. The Early Seleucids. passim.

⁴⁵ Мы используем классификацию типов легитимности, предложенную Д. Истонном: Easton D. Re-assessment of the Concept of Political Support // BJPS. 1975. Vol. 5. P. 450–451.

отношения власти⁴⁶. Первые две из этих основ в эллинистическом обществе всегда оставались достаточно аморфными, ибо не были кодифицированы в законах и религиозных канонах. Поэтому особое значение приобретало доказательство согласия подданных, которое, по словам Д. Битэма, всегда осуществляется в виде публичных действий, декларативно или символически поддерживающих власть. И если в классическом полисе такими действиями было активное участие граждан в государственной жизни, а в македонской или восточных монархиях — выполнение традиционных обязанностей по отношению к царю, то в эпоху эллинизма это, прежде всего, отправление культа правителя. В этом проявилась столь характерная для эллинистического общества театрализация действительности — процесс легитимизации и идеальная форма властных отношений разыгрывались здесь в ритуалах царского культа⁴⁷. В этой игре не так важно было, кто был инициатором почестей, — монарх, полис и частные лица исполняли свои роли в спектакле, призванном изобразить царскую власть в свете, удобном для античного общества.

Литература

- Байбаков Е.И.* Происхождение эллинистического культа царей. Харьков, 1914.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.
- Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985.
- Жебелев С.А.* Царь Кодр // Доклады АН СССР. 1929. Серия В. № 11. С. 201–208.
- Нефедов К.Ю.* О возникновении культа Антигона Одноглазого // Древности: 1997–1998. Харьков, 1999. С. 90–95.
- Нефедов К.Ю.* Культ правителя в политической пропаганде Лисимаха // Вестн. ХГУ. 1999. № 441: История. Вып. 31. С. 46–54.
- Нефедов К.Ю.* Культ первых Антигонидов в Афинах: Новая интерпретация // Кондаковские чтения I. Белгород, 2005. С. 83–94.
- Нефедов К.Ю.* Культ правителей и коронация диадохов // Из истории античного общества. Вып. 12. Нижний Новгород, 2009. С. 92–122.
- Antonaccio C.* Religion, Basileis and Heroes // Ancient Greece: From the Musesaeon Palaces to the Age of Homer. Edinburgh, 2006. P. 381–396.

⁴⁶ *Beetham D.* The Legitimation of Power. London, 1991. P. 18.

⁴⁷ О театрализации действительности (в том числе политических отношений) в эпоху эллинизма, см.: *Ханиотис А.* Театральность вне театра. «Постановка» общественной жизни в эллинистическом мире // ААе. 2005. Вып. 1. С. 155–190; о «театральной» основе культа правителя, см.: *Versnel H.* Coping with the gods. P. 461–466.

- Badian E.* Alexander the Great between two Thrones and Heaven: Variations on an Old Theme // Subject and Ruler: The Cult of Ruling Power in Classical Antiquity. Ann Arbor, 1996. P. 14–20.
- Beetham D.* The Legitimation of Power. London, 1991.
- Beloch J.* Griechische Geschichte. Bd. 4. Berlin; Leipzig, 1925.
- Bevan E.R.* The Deification of Kings in the Greek Cities // EHR. 1901. Vol. 16. P. 625–639.
- Billows R.A.* Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. New York et al., 1995.
- Bosworth B.* Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Oxford, 1993.
- Bringmann K.* The King as Benefactor: Some Remarks on Ideal Kingship in the Age of Hellenism // Images and Ideologies: Self-Definition in the Hellenistic World. Berkeley et al., 1993. P. 7–24.
- Cairns D.L.* Aidos. The Psychology and Ethics of Honour and Shame in Ancient Greek Literature. Oxford, 1993.
- Chaniotis A.* The Divinity of Hellenistic Rulers // A Companion to the Hellenistic World. Oxford et al., 2005. P. 431–445.
- Chankowski A.S.* Le culte des souverains aux époques hellénistique et impériale dans la partie orientale du monde méditerranéen: questions actuelles // More Than Men, Less Than Gods. Studies on Royal Cult and Imperial Worship. Leuven, 2011. P. 1–14.
- Charlesworth M.P.* Some Observations on Ruler Cult, Especially in Rome // HTR. 1935. Vol. 28. P. 5–44.
- Currie B.* Pindar and the Cult of Heroes. Oxford, 2005.
- Derichs W.* Herakles, Vorbild des Herrschers in der Antike. Köln, 1950.
- Easton D.* Re-assessment of the Concept of Political Support // BJPS. 1975. Vol. 5. P. 443–467.
- Erickson K.G.* The Early Seleucids, Their Gods and Their Coins. 2009.
- Ferguson W.S.* Legalized Absolutism en Route from Greece to Rome // AHR. 1912. Vol. 18. P. 29–47.
- Gauthier P.* Les cités grecques et leurs bienfaiteurs (IVe–Ier siècle avant J.-C.). Paris, 1985.
- Gauthier P.* Nouvelles inscriptions de Sardes II. Paris; Genève, 1989.
- Green P.* Alexander to Actium. Historical Evolution of the Hellenistic Age. Berkeley et al., 1993.
- Habicht C.* Gottmenschentum und griechische Städte. München, 1970.
- Hunter U.* Die politische Rolle der Heraklesgestalt im griechischen Herrschertum. Stuttgart, 1997.
- Iossif P.P., Lorber C.C.* More than Men, Less than Gods: Concluding Thoughts and New Perspectives // More Than Men, Less Than Gods. Studies on Royal Cult and Imperial Worship. Leuven, 2011. P. 691–710.
- Kaerst J.* Geschichte des hellenistischen Zeitalters. Bd. 2. Leipzig, 1909.

- Kornemann E.* Zur Geschichte des antiken Herrscherkulte // *Klio*. 1901. Bd. 1. S. 52–168.
- Lattey C.* The Diadochi and the Rise on Kingworship // *EHR*. 1917. Vol. 32. P. 321–334.
- Ma J.* Antiochos III and the Cities of the Westam Asia Minor. Oxford et al., 1999.
- Malay H., Riel M.* Two new Hellenistic decrees from Aigai in Aiolis // *EA*. 2009. Ht. 42. P. 39–60.
- Meyer Ed.* Alexander der Grosse und die absolute Monarchie // *Idem*. Kleine Schriften. Halle, 1910. S. 283–333.
- Nagy G.* Greek Mythology and Poetics. Harvard, 1990.
- Nilsson M.P.* Geschichte der griechischen Religion. München, 1961.
- Papachatzis N.* The Cult of Erechtheus and Athena on the Acropolis of Athens // *Kernos*. 1989. No. 2. P. 175–185.
- Potter D.* Hellenistic Religion // *A Companion to the Hellenistic World*. Oxford et al., 2005.
- Preaux C.* Le Monde Hellenistique. T. 1. Paris, 1978.
- Price S.R.F.* Gods and Emperors: the Greek Language of the Roman Imperial Cult // *JHS*. 1984. Vol. 104. P. 1–18.
- Price S.R.F.* Rituals and Power. The Roman Imperial Cult in Asia Minor. Cambridge et al., 1986.
- Rollinger R.* Herrscherkult und Königsvergöttlichung bei Teispiden und Achaimeniden. Realität oder Fiktion? // *Studien zum vorhellenistischen und hellenistischen Herrscherkult: Verdichtung und Erweiterung von Traditionsgeflechten*. Berlin, 2011. S. 11–54.
- Schubart W.* Die religiöse Haltung des frühen Hellenismus. München, 1937.
- Simpson R.S.* Demotic Grammar in the Ptolemaic Sacerdotal Decrees. Oxford, 1996.
- Taylor L.R.* The Divinity of the Roman Emperor. Middleton, 1931.
- Versnel H.* Coping with the Gods: Wayward Readings in Greek Theology. Leiden; Boston, 2011.
- Walker H.J.* Theseus and Athens. Oxford, 1995.
- Weber G.* Der ptolemaische Herrscher- und Dynastiekult — ein Experimentierfeld für Makedonen, Griechen und Ägypter // *Studien zum vorhellenistischen und hellenistischen Herrscherkult: Verdichtung und Erweiterung von Traditionsgeflechten*. Berlin, 2011. P. 77–97.
- Weinreich O.* Antikes Gottmenschentum // *NJWJ*. 1926. Jg. 2. Ht. 6. S. 633–651.
- Wilcken U.* Zur Entstehung des hellenistischen Königskultes // *SPAW*. 1938. Bd. 28. S. 298–321.

И.А. Ладынин

«ПРАВИТЕЛЬ НАГОРИЙ В КАЧЕСТВЕ ЗАЩИТНИКА
ЕГИПТА»: ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭПИТЕТЕ ЧУЖЕЗЕМНОГО
ПРАВИТЕЛЯ В «БОЛЬШОЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ
НАДПИСИ» ГРОБНИЦЫ ПЕТОСИРИСА

Аннотация: В статье предложена интерпретация одного из фрагментов «Большой автобиографической надписи» из гробницы жреца Петосириса в Туна эль-Гебель, относящегося к событиям, которые разворачивались в Египте накануне и в начале эллинистического времени. Согласно этому фрагменту, семилетняя служба Петосириса в качестве *лесониса* (главы хозяйства) храма Тота в Гермополе пришлось на время, когда «однако, (был) правитель нагорий в качестве защитника Египта» (*iw sw ḥq3 nw ḥ3swt m ndty hr Kmt*). Анализ контекста этой фразы, а также сопоставление употребленного в нем эпитета чужеземного правителя с египетской титулатурой Александра Великого, позволяет придти к выводу, что в данном фрагменте имеется в виду именно он.

Ключевые слова: эллинизм, Египет, Гермополь, Петосирис, гробница, биографическая надпись, храм, Александр Великий.

Abstract: The paper proposes an interpretation of a fragment from the *Long Biographical Inscription* of the Hermopolitan priest Petosiris at his tomb in the necropolis of Tuna el-Gebel. This fragments describes the events of Egyptian history on the eve and at the start of the Hellenistic time: according to it, the seven years' service of Petosiris as *lesonis* (the head of economy) at the temple of Thoth at Hermopolis fell on the time when, "however, (was) the ruler of mountain-countries as a protector of Egypt" (*iw sw ḥq3 nw ḥ3swt m ndty hr Kmt*). Analyzing the context of this phrase and comparing the epithet of the foreign ruler it employs to the Egyptian titles of Alexander the Great allow to conclude that it is him who is alluded to in this fragment.

Key words: Hellenism, Egypt, Hermopolis, Petosiris, tomb, biographical inscription, temple, Alexander the Great

Гробница жреца Петосириса в некрополе Туна эль-Гебель близ Гермополя привлекает внимание исследователей со времени ее исследования и публикации Г. Лефевром в 1910–20-е гг.¹ Ее оформление, совмещающее в себе художественные приемы традиционного искусства древнего Египта с необычайно яркими эллинизирующими мотивами, поистине уникально²; вместе с тем не менее значимы ее тексты, в особенности биографические надписи, составленные от имени Петосириса и его родичей и относящиеся к немногочисленным древнеегипетским письменным свидетельствам о кануне и начале эллинизма. Надо сказать, что датировка гробницы Петосириса рубежом IV и III вв. до н. э. (царствованием Птолея I) установлена достаточно оценочно³: в текстах же этого памятника, как и большинства частных памятников данного времени, не упоминаются собственные имена правителей, бывших современниками их владельцев. Соответственно, точная историческая интерпретация текстов гробницы Петосириса, идентификация их «персонажей» и определение того, о каких периодах времени в них идет речь, составляет серьезную исследовательскую проблему.

Наиболее информативна т. н. «Большая биографическая надпись» Петосириса, подробно описывающая его деятельность на посту ле-

¹ *Lefebvre G.* Le tombeau de Petosiris. I: Description. Le Caire, 1923; II: Les texts. Le Caire, 1923; III: Vocabulaire et planches. Le Caire, 1924; *Nakaten S.* Petosiris // LÄ. Bd. IV. 1982. S. 995–997 (данная исследовательница посвятила гробнице Петосириса диссертацию, остающуюся неопубликованной: *Untersuchungen zu den Inschriften des Petosiris-Grabes in Tuna el-Gebel.* Universität Trier, 1986); *Rössler-Köhler U.* Individuelle Haltungen zum ägyptischen Königtum der Spätzeit: Private Quellen und ihre Königswertung im Spannungsfeld zwischen Erwartung und Erfahrung. Wiesbaden, 1991 (Göttinger Orientforschungen. IV. Reihe: Ägypten 21). S. 287–292 (№ 87); *Большаков А. О.* Человек и его Двойник: Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб., 2000. С. 235. Примеч. 1 (оценка значения данного памятника); *Cherpien N., Gout J.-Fr., Corteggiani J.-P.* Le tombeau de Pétoisiris à Touna el-Gebel — Relevé photographique. Le Caire, 2007; *Klose St.* Das Grab des Petosiris, Eine griechisch-ägyptische Synthese: Thematische, ikonographische und stilistische Untersuchungen eines frühptolemäischen Grabes in Mittelägypten. Wiesbaden, 2011 (Philippika, 43) (данная работа пока остается для нас недоступна); см. также литературу, цитируемую ниже.

² См., например: *Colobova O.B., Ladynin I.A.* The Graeco-Egyptian Interaction at the Formative Period of the Egyptian Hellenism: The Case of the Tomb of Petosiris // The Cultural Heritage of Egypt and Christian Orient. Vol. 3. Moscow, 2006. P. 27–42.

³ *Nakaten S.* Petosiris. S. 995, 997, Anm. 11; cf. *Bianchi R.S.* Images of Isis and her Cultic Shrines Reconsidered: Towards an Egyptian Understanding of the *interpretatio Graeca* // Nile Into Tiber: Egypt in the Roman World : Proceedings of the IIIrd International Conference of Isis Studies, Faculty of Archaeology, Leiden University, May 11–14, 2005. Ed. L. Bricault, M.J. Versluys, P.G.P. Meyboom. Leiden, 2007 (Religions in the Graeco-Roman World, 159). P. 685, n. 65.

сониса (*mr-šn*, Λεσώνις), т. е. главы хозяйства храма⁴ Тота в Гермополе (№ 81 по изданию Г. Лефевра)⁵. В ней исторической интерпретации подлежат, в первую очередь, сведения большого фрагмента, который следует за вступительным отрывком автобиографии Петосириса и фактически открывает описание его деятельности *лесониса* (стлб. 22–35)⁶. Приведем этот фрагмент в иероглифике, транслитерации и переводе, которые получают ниже в ряде моментов более подробное обоснование:

ir.n.i rnpt 7 m imy-r-šn nw ntr pn hr

hrp htpw-ntr.f nn gm db3(.i) im iw sw

hq3 nw h3swt m ndty hr Kmt iw nn ht

nb hr st.z hnt(y) dr w3(w) iw h3 hpr m-

-hnt B3k3t rs m nšn mh m sw(h)

šm rmṯ m tp hns nn hwt-ntr

⁴ *Cenival Fr. de*. Les associations religieuses en Égypte d'après les documents démotiques. Le Caire, 1972 (Bibliothèque d'étude, 46). P. 154–159; *Zauzich K.-Th*. Lesonis // LÄ. Bd. III. S. 1008–1009.

⁵ *Lefebvre G*. Le tombeau. I. P. 136–145; II. P. 53–59; III. Pl. XXVIII–XXX, XXXI–XXXIV; см. переводы: *Otto E*. Die biographischen Inschriften der ägyptischen Spätzeit. Leiden, 1954 (Probleme der Ägyptologie, 2). S. 180–183; *Lichtheim M*. Ancient Egyptian Literature. Vol. 3: The Late Period. Berkeley; Los Angeles; London, 1980. P. 45–49.

⁶ *Lefebvre G*. Le tombeau. I. P. 137. II. P. 54.

nb hr smd.z wꜥb(w) hr m tm rh

hpr im

Провел (букв. «сделал») я семь лет в качестве *лесониса* бога этого на управлении «божественным довольствием» (храмовыми доходами) его, без нахождения вины (моей) там, (в то время как,) однако, (был) правитель нагорий в качестве защитника Египта, (причем) не было вещи всякой в месте ее прежнем с давних пор, (ибо) борьба началась в Египте (и был) юг в мятеже (и) север — в ропоте; ходили люди с головами, обращенными в обе стороны (?); не было храма какого-либо (букв. «всякого») при челяди его, (причем были) уабы удалены в незнании происходящего там.

Как мы видим, в данном отрывке описывается вступление Петосириса в должность *лесониса* в пору бедственного положения Египта и владычества над ним чужеземного⁷ правителя; по существу, он содержит наиболее подробную характеристику исторических обстоятельств этого этапа карьеры Петосириса. Об этих же обстоятельствах идет речь еще в двух текстах гробницы Петосириса, составленных от его имени (№ 59, стлб. 2: *rdi n.i mr-šn n dhwti nb Hmnw n rnpt 7 rmt h3swt m hq3 Kmt* «была дана мне (должность) *лесониса* Тота, владыки Гермополя, в течение семи лет, (когда) люди нагорий (были) во владычестве Египтом»⁸; № 62, стлб. 2–3: (*ir.n.i rnpt 7 m) mr-šn n dhwti nb hmnw hr ir(t) ht nb nfr m pr.f... rmt h3swt m hq3 B3kt... rmt h3swt m hq3 Kmt* «(Провел (“сделал”) я) я семь лет в качестве *лесониса* Тота, владыки Гермополя, на совершении вещей всяких прекрасных в доме его (следует характеристика деятельности Петосириса)... (когда) люди нагорий (были) во вла-

⁷ О значении в древнеегипетской картине мира термина *h3swt* («нагорья, чужеземные страны»), употребленного в обозначении чужеземного правителя в приведенном фрагменте «Большой биографической надписи», а также в обозначениях чужеземцев в других текстах гробницы Петосириса, которые мы цитируем ниже, см.: Демидчик А.Е. Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005. С. 132–178.

⁸ Lefebvre G. Le tombeau. I. P. 79–80; II. P. 32.

дычестве Египтом»⁹); однако видно, что здесь они описаны гораздо более сжато. Главный вывод, который следует из этих описаний, — это синхронность семи лет *лесонии* Петосириса и чужеземного владычества над Египтом; и этот вывод хорошо согласуется с «Большой биографической надписью». Что касается интерпретации приведенного ее фрагмента, то в связи с ним возникает прежде всего вопрос о том, кем был пресловутый «правитель нагорий в качестве защитника Египта» и, соответственно, с каким именно чужеземным владычеством совпадал срок *лесонии* Петосириса.

Разумеется, варианты ответов на эти вопросы уже представлены в историографии. Первооткрыватель гробницы Петосириса Г. Лефевр считал, что *лесония* Петосириса пришлась на годы второго персидского владычества и, соответственно, упоминаемый в данном фрагменте «правитель нагорий» — это один из последних Ахеменидов, владевших Египтом (Артаксеркс III Ох или Дарий III Кодоман); при этом он ориентировался прежде всего на сходство между описанием бедствий Египта в тексте гробницы Петосириса и сведениями античной традиции о разграблении египетских храмов и кошунствах в них Артаксеркса III¹⁰; среди современных исследователей фактически повторили его мнение Д. Девошелль и Д. Редфорд¹¹. Практически невозможно принять всерьез выдвинутое вскоре после публикации Г. Лефевра предположение Э. Кавеньяка о том, что гробницу Петосириса можно было бы датировать не вторым, а финалом первого персидского владычества и относительно смутными временами, последовавшими за ним¹²: на столь раннем этапе исключительно сильная эллинизация ее оформления была бы совершенно необъяснима. Другая альтернатива интерпретации Лефевра была предложена Ф.-В. фон Биссингом, откликнувшимся на исследования гробницы Петосириса одним из первых, еще до ее полной публикации: этот исследователь обратил внимание на сходство эпитета «правитель нагорий» с именем Обоих Владычиц формального преемника Александра Великого на египетском престоле Филиппа Арридея *ḥq3 ḥ3swt* («владыка нагорий»), — кстати,

⁹ *Lefebvre G. Le tombeau. I. P. 82; II. P. 38.*

¹⁰ *Lefebvre G. Le tombeau. I. P. 10–12.*

¹¹ *Devauchelle D. Le sentiment anti-perses chez les anciens Égyptiens // Transeuphratène. 1995. T. 9. P. 78–79; Redford D.B. Petosiris // The Oxford Encyclopaedia of Ancient Egypt. Oxford, 2000. Vol. 3. P. 39.*

¹² *Cavaignac Eu. La date du tombeau de Petosiris // Revue de l'Égypte ancienne. 1929. T. 2. P. 56–57.*

зафиксированном именно в Гермополе¹³; соответственно, бедствия Египта и его храмов, по мнению фон Биссинга, должны были быть связаны с воздействием на внутреннюю ситуацию в Египте войн диадохов¹⁴. Позиция фон Биссинга отличается от суждения Лефевра своей опорой на предполагаемое сходство эпитетов, зафиксированных памятниками, что всегда привлекательно для египтологов; возможно, именно это побудило спустя тридцать лет присоединиться к ней такого блестящего исследователя, как Э. Отто¹⁵. Между тем данное предположение не выдерживает никакой критики с чисто исторической точки зрения: собственно говоря, какие внутренние бедствия должна была принести Египту борьба диадохов, разворачивавшаяся, по преимуществу, за его пределами? Единственная попытка врагов Птолемея вторгнуться в Египет, достигшая этапа реализации, — это кампания Пердикки в 320 г. до н. э. (первая война диадохов), которая, однако, была быстро и успешно отражена и кончилась для самого Пердикки плачевно¹⁶. Кроме того, имя Обеих Владычиц¹⁷, в особенности в Позднее время — явно не тот титул, который был бы использован как обозначение египетского царя, так сказать, «по умолчанию»; а наделение качеством «мстителя за Египет» члена династии Аргеадов, который ни разу не ступил на египетскую землю, выглядело бы очень странно, даже если допустить полную лояльность Петосириса к македонским завоевателям.

Вместе с тем опять же еще в 1920-е гг., в своем исследовании, посвященном Манефону, В.В. Струве заметил, что интересующий нас эпитет может относиться к Александру Великому как освободителю Египта от персов¹⁸. В 1990-е гг. французская исследовательница Б. Меню опубликовала серию статей, посвященных текстам гробни-

¹³ *Blöbaum A.I.* “Denn ich bin ein König, der Maat liebt”: Herrscherlegitimation im spätzeitlichen Ägypten. Eine vergleichende Untersuchung der Phraseologie in der offiziellen Königsinschriften vom Beginn der 25. Dynastie bis zum Ende der makedonischen Herrschaft. Aachen, 2006 (*Aegyptiaca Monasteriensia*, 4). S. 434.

¹⁴ *Bissing F.W. von.* Die Datierung des griechisch-ägyptischen Grabes von Mellai // *Orientalische Literaturzeitung*. 1923. Bd. 26. S. 1–3.

¹⁵ *Otto E.* Die biographischen Inschriften der ägyptischen Spätzeit. S. 181, Anm. 4.

¹⁶ *Hölbl G.* A History of Ptolemaic Empire. London; New York, 2001. P. 14–15.

¹⁷ *Beckerath J. von.* Handbuch der ägyptischen Königsnamen. В.; München, 1999 (*Münchener ägyptologische Studien*, 49). S. 10–15.

¹⁸ *Струве В.В.* Манефон и его время. СПб., 2003. С. 351 («Александр... “правитель чужеземных стран, защитник Египта”, пришел в долину Нила, чтобы спасти несчастную страну от жестокого персидского ига»).

цы Петосириса¹⁹, в которых высказала предположение, что *лесония* Петосириса должна была приходиться на начало македонского времени. В обоснование этого она обратила внимание на хронологию жизни Петосириса и его родственников: если старший брат Петосириса Дждоттефанх, став *лесонисом* гермопольского храма Тота еще при XXX династии (видимо, в конце правления Нектанеба II; № 102, стлб. 4: *stp.n nsw r mitt.f nb r hrp hwt-ntr nty Dhwty nb Hmnw* «тот, кого выбрал (букв. “отличил”) царь среди (букв. “от”) равных ему, чтобы управлять храмом Тота, владыки Гермополя») ²⁰, умер при чужеземном владычестве (при персах или в начале македонского времени)²¹, то уже по этой причине деятельность сменившего его Петосириса должна была протекать при македонянах (описание бедственного положения гермопольского храма, с пресловутым упоминанием «правителя нагорий», должно, по мнению исследовательницы, относиться ко времени непосредственно до начала *лесонии* Петосириса)²². Станным образом Меню не уточняет, кем все-таки должен был быть, с ее точки зрения, пресловутый «правитель нагорий»²³; однако, явно не считая его одним из царей-Аргеадов, она тем самым оставляет лишь возможность атрибуции этого эпитета одному из Ахеменидов. Более внятно то же мнение высказал в своей недавней фундаментальной работе о египетском жречестве эллинистического времени французский исследователь Ж. Горр: по его мнению, *лесония* Петосириса могла начаться еще при втором

¹⁹ *Menu B.* Le tombeau de Pétosiris: Nouvel examen // BIFAO. 1994. Т. 94. P. 311–327; *Eadem.* Le tombeau de Pétosiris (2): Maât, Thot et le droit // BIFAO. 1995. Т. 95. P. 281–295; *Eadem.* Le tombeau de Pétosiris (3): Culpabilité et responsabilité // BIFAO. 1996. Т. 96. P. 343–357; *Eadem.* Le tombeau de Pétosiris (4): Le souverain de l'Égypte // BIFAO. 1998. Т. 98. P. 247–262.

²⁰ *Lefebvre G.* Le tombeau. I. P. 185; II. P. 75. Принципиально употребление в данном контексте термина *nsw*, который должен относиться к легитимному царю XXX династии (см. ниже).

²¹ Б. Меню справедливо обращает внимание на то, что в надписях гробницы Петосириса, посвященных Дждоттефанху (№№ 100, 102), в отличие от тех, что относятся к жизни отца его и Петосириса Сишу (особенно в № 90), нет упоминаний о милостях, исходящих от царя; из этого она делает вывод, что на протяжении большей части *лесонии* Дждоттефанха легитимной царской власти в Египте уже не было (*Menu.* Le tombeau de Pétosiris: Nouvel examen. P. 318); в то же время в ряде текстов есть косвенные указания на то, что Дждоттефанх во время своей *лесонии* мог быть современником бедствий Египта (*Ibidem.* P. 319).

²² *Ibidem.* P. 323.

²³ *Ibidem.* P. 323–324; *Eadem.* Le tombeau de Pétosiris (4): Le souverain de l'Égypte. P. 250.

персидском владычестве, но завершилась, вне сомнения, уже в македонское время²⁴.

Легко заметить, что сегодняшней исследовательский консенсус по поводу интерпретации интересующего нас фрагмента «Большой биографической надписи» Петосируса фактически сложился на основе уже очень давнего мнения ее первого исследователя Г. Лефевра: его исходное мнение о том, что бедствия египетских храмов, описанные в тексте, приходятся на второе персидское владычество, было поддержано Д. Девощеллем и Д. Редфордом и, с отмеченными нами нюансами, Б. Меню и Ж. Горром. Вне данного консенсуса оказываются позиции С. Накатен, говорившей вполне сочувственно о версии фон Биссинга и Отто три десятилетия назад (см. наши примеч. 1 и 14–15 выше) и Г. Брёкманна, присоединившегося к ней совсем недавно²⁵; выше мы уже привели возражения против

²⁴ *Gorre J.* Les relations du clergé égyptien et des Lagides d'après les sources privées. Leuven, 2009 (Studia Hellenistica, 45). P. 188–189. Для суждений и Б. Меню, и Ж. Горра о Петосирице как современнике македонян большое значение имеет пассаж «Большой биографической надписи» Петосируса, завершающий описание его лесонии и гласящий: «Вот хвален (я) правителем Египта, любим я придворными его» (стлб. 87: *iw hs(.i) hr hq3 nw Kmt iw mr.i hr šny.f; Lefebvre G.* Le tombeau. I. P. 144; II. P. 59). Это упоминание «правителя Египта» исследовательница относит к Александру Великому с особенной уверенностью, хотя и со сравнительно слабым обоснованием: по ее суждению, термин *hq3* в применении к обладателю данного эпитета означает «того, кто правит согласно правилам *maat*, доброго пастыря» в соответствии с исконной семантикой знака S38 (𓆎), используемого в данном написании (*Menu B.* Le tombeau de Pétosiris (4): Le souverain de l'Égypte. P. 250–251); сообразно этому, данное обозначение обязательно должно относиться к Александру и обуславливаться концепцией его власти над Египтом, согласной с нормами *maat*, наличие которой постулируется исследовательницей (*Menu B.* Alexandre le Grand, *hk3 n Kmt* // BIFAO. 1999. T. 99. P. 353–356). Согласно Меню, эпитет *hq3 n Kmt* принципиально отличен в тексте надписи и от термина *hq3 nw h3swt*, и от титула *nsw-bity*, который применяется строго к царям XXX династии (*Menu B.* Le tombeau de Pétosiris (4): Le souverain de l'Égypte. P. 250; исследовательница не поясняет, почему он не может быть применен к македонскому царю, при наличии столь благоприятной в свете традиционной идеологии Египта концепции его царствования). Меню игнорирует соображение, которое представляется нам ключевым для интерпретации данного упоминания «правителя Египта» — о том, что похвалы его и его придворных в адрес Петосируса выглядят реальными, и в таком случае крайне маловероятно, чтобы они исходили от Александра, находившегося в Египте считанные месяцы. Аналогично Б. Меню идентифицирует «правителя Египта» В. Хусс (*Huß W.* Der makedonische König und die ägyptischen Priester: Studien zur Geschichte des ptolemaïischen Ägypten. Stuttgart, 1994 (Historia Einzelschriften, 85). S. 137–138); по мнению Ж. Горра, скорее всего, справедливому, «правителем Египта» должен быть сатрап Птолемей.

²⁵ *Broekman G.P.F.* The High Priests of Thoth in Hermopolis in the Fourth and Early Third Centuries B.C. // ZÄS. 2006. Bd. 133. S. 99–100.

этой версии), а также Д. Кесслера. Последний пробовал обосновать причастность Петосириса к культам Осириса в образе бабуина и ибиса, с которыми было связано строительство в Туна эль-Гебель времени сатрапии Птолемея (формального царствования в Египте Александра, сына Александра Великого и Роксаны, в 317–305/4 гг. до н. э.²⁶), и, соответственно, считал, что *лесония* Петосириса пришла на время активного взаимодействия египетской храмовой элиты с македонскими властями Египта при Птолемеях²⁷ и что, возможно, именно последний, в период своей сатрапии, и обозначен пресловутым эпитетом *ḥqꜣ nw ḥꜣswt m nḏty ḥr Kmt*²⁸. В литературе уже высказывались возражения против этих допущений Д. Кесслера, как достаточно произвольных и в плане религиозной интерпретации им некоторых черт оформления гробницы Петосириса²⁹; добавим к этому, что исторически, при соотношении *лесонии* Петосириса со временем сатрапии Птолемея и, более того, ее начала — с приходом Птолемея к власти в Египте, содержащееся в «Большой биографической надписи» описание бедствий страны пришлось бы соотнести с этим же временем или с предшествовавшим ему царствованием Александра Великого. Очевидно, что характеристика любого из этих периодов как времени хаоса и безначалия была бы нереалистична даже с позиции крайней враждебности к македонским правителям Египта³⁰.

На наш взгляд, большинству исследовательских позиций, которые мы охарактеризовали, не хватает твердых оснований, которые име-

²⁶ Kessler D. Tuna el-Gebel. 2: Die Paviankultkammer G-C-C-2. Hildesheim, 1998 (Hildesheimer ägyptologische Beiträge, 43). S. 5–6, 10, 127; см.: Ладынин И.А. Строительная программа Аргеадов в Египте в контексте храмового строительства XXIX–XXX династий // Петербургские египтологические чтения — 2006. Материалы научной конференции. СПб., 2007 (Труды Государственного Эрмитажа, XXXV). С. 89, 95.

²⁷ Kessler D. Tuna el-Gebel. P. 129.

²⁸ Kessler D. The Personality of Petosiris and His Cult // The Horizon: Studies in Egyptology in Honour of M.A. Nur el-Din (10–12 April 2007). Vol. III. Cairo, 2007. P. 336, n. 19–20.

²⁹ Gorre J. Les relations du clergé égyptien et des Lagides. P. 190–191, n. 515.

³⁰ Д. Кесслер говорит по данному поводу, что «борьба между севером и югом Египта представляется топосом, который мог быть актуализирован каким-то образом борьбой Птолемея с другими диадохами либо борьбой внутри македонского царского дома» (Kessler D. The Personality of Petosiris and His Cult. P. 336, n. 20). Несильственность подобного объяснения совершенно очевидна: во-первых, описание бедствий страны в «Большой биографической надписи» Петосириса достаточно конкретно, чтобы быть несводимым к топосам; во-вторых, трудно было бы понять, каким образом даже и топосы, связанные с описанием бедствий *Egypta*, могли быть применены к ситуации за его пределами.

ли бы опоры собственно в тексте источника. Между тем об одном таком основании, которое кажется неколебимым, мы фактически уже сказали: согласно «Большой биографической надписи» Петосириса, его *лесония* была синхронна власти над Египтом пресловутого «правителя нагорий». Чтобы окончательно убедиться в этом, необходимо сказать несколько слов о синтаксических особенностях интересующего нас фрагмента. Ряд существенных замечаний в связи с этим сделал в упоминавшейся работе Ж. Горр: по его мнению, чрезвычайно важно понять значение в «Большой биографической надписи» предложений, вводимых частицей *iw*. Исследователь обратил внимание на наличие в таком предложении, говорящем о «правителе нагорий», частицы *sw* — варианта среднеегипетской энклитики *swt*, которая выражала противительную связь содержащего ее высказывания с предыдущим³¹; тем самым это предложение оказывается тесно связано по смыслу с начальной фразой данного периода, начинающейся со слов «Провел (я) 7 лет в качестве *лесониса*...». В то же время, по замечанию Горра, стандартной повествовательной формой в «Большой биографической надписи» является *sdm.f*; соответственно, форму *sdm.n.f* в начале данного периода (*ir.n.i rnpt 7...* «Провел (я) 7 лет...») можно, в терминологии «стандартной теории» древнеегипетского языка, назвать эмфатической, с рематизацией содержащегося в ней сообщения (приданием ему в периоде статуса главного, содержащего принципиально важную новую информацию)³². Кроме того, как указывает Э. Энгсхеден, употребление *iw* перед отрицательной формой местоименно-суффиксного спряжения с *nn* в текстах IV в. до н. э. придавало ей значение подчинения по отношению к предшествующему высказыванию³³: очевидно, что именно это мы видим в предложении «не было вещи всякой в месте ее прежнем...» (*iw nn ht nb hr st.z hnt(y)*). Таким образом, в рассматриваемом нами периоде очевидным образом выделяется главное предложение – собственно сообщение о семилетней *лесонии* Петосириса, – за которым следуют, по крайней мере, два предложения, введенные *iw* и являющиеся, очевидно, придаточными времени и условия. Сообразно этому, нахождение власти над

³¹ Ibidem. P. 187; см. об энклитике *swt*: Gardiner A.H. Egyptian Grammar. Oxford, 1957³. P. 187–188 (§ 254).

³² Ibidem; см. о значении данных терминов: Allen J.P. Middle Egyptian: An Introduction to the Language and Culture of Hieroglyphs. Cambridge, 2010². P. 379–381.

³³ Engsheden Å. La reconstitution du verbe en égyptien de tradition 400–30 avant J.-C. Uppsala, 2003 (Uppsala Studies in Egyptology, 3). P. 204.

Египтом в руках «правителя нагорий» и бедственное положение страны действительно оказываются синхронны отправлению Петосирисом функций *лесониса*, согласно «Большой биографической надписи», причем, как мы видели, в других текстах его гробницы эти же исторические обстоятельства описываются как господство на Египтом «людей нагорий».

Следующий постулат, который можно вывести на основании «Большой биографической надписи», – это идентификация бедствий Египта, которые стали причиной тяжелого положения его храмов к началу *лесонии* Петосириса. Как мы сказали, в свое время Г. Лефевр заключил, что эти бедствия приходятся на время второго персидского владычества (см. наше примеч. 10), преимущественно на основании их соотнесения со сведениями античной традиции. Между тем в самой этой традиции, помимо сравнительно анекдотических сведений о кошунствах Артаксеркса III³⁴, есть свидетельства о вторжении в Египет македонского «солдата удачи» Аминты накануне вступления в страну Александра³⁵; а прямые и косвенные данные иероглифических источников свидетельствуют о сохранении в первые годы после завоевания Артаксеркса каких-то остатков государственности XXX династии на юге страны³⁶ и о выступлении в середине 330-х гг. до н. э. против персов некоего Хаббаша, которое охватило весь Египет с юга на север³⁷. Иными словами, сама характеристика бедствий Египта в «Большой биографической надписи» как тяжелой смуты, связанной с вооруженной борьбой, хорошо согласуется с реальной картиной второго персидского владычества, причем в истории Египта второй половины IV в. до н. э. мы не

³⁴ *Schwartz J.* Les conquérants perses et la littérature égyptienne // BIFAO. 1949. Т. 48. P. 68–70, 74–75; *Ладынин И.А.* Сведения Псевдо-Аристотелевой «Экономики» о Клеомене из Навкратиса и топосы древнеегипетской пропаганды // ВДИ. 2013. № 2 (в печати).

³⁵ *Heckel W.* Who's Who in the Age of Alexander the Great: Prosopography of Alexander's Empire. Malden (Ma.); Oxford; Carlton, 2006. P. 23–24 (Amyntas (2)).

³⁶ *Ladynin I.A.* Nectanebo in Ethiopia: A Commentary to Diod. XVI. 51.1 // Between the Cataracts: Proceedings of the 11th International Conference for Nubian Studies, Warsaw University, 27 August — 2 September 2006. 2: Session Papers. Warsaw, 2010. P. 531–532.

³⁷ *Kienitz F. K.* Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. Berlin, 1953. S. 185–189, 232; *Huß W.* Der rätselhafte König Chababach // SEL. 1994. Т. 11. P. 97–117; *Schneider H.D.* The Memphite Tomb of Horemheb, Commander-in-Chief of Tutanchamun II: A Catalogue of the Finds. London, 1996 (EEF Excavation Memoir, 60). P. 37 (публикация бусины с именем Хаббаша, сопровождаемая полным описанием памятников с его именем).

видим иного периода сопоставимой тяжести. Таким образом, хотя предложенная Лефевром идентификация картины бедствий Египта в «Большой биографической надписи» и не основана на однозначных указаниях этого текста, от нее и сегодня нет никаких причин отказываться.

Как представляется, непреложные постулаты, которые могут быть выведены из «Большой биографической надписи» Петосириса, исчерпываются уже названными, а именно установлением синхронности власти иноземцев над Египтом и *лесонии* Петосириса и соотношением бедствий страны, описанных в этом тексте, со временем второго персидского владычества. Что касается идентификации пресловутого «правителя нагорий» и «защитника Египта», она зависит прежде всего от того, как его владычество в стране соотносится с пресловутой эпохой бедствий. Как мы видели, в свое время Г. Лефевр, а позднее и ряд других исследователей вслед за ним, были уверены, что эти два явления истории Египта совпадают, и, соответственно, пресловутый «правитель нагорий» — это виновный в бедствиях Египта Ахеменид, а *лесония* Петосириса началась под его властью; по существу, точно так же считали и сторонники идентификации «правителя нагорий» как Филиппа Арридея. Между тем текст источника может показать, что основания для подобной презумпции далеко не столь однозначны. Обратимся к фрагменту «Большой биографической надписи», который представляет собой переход от определения исторических обстоятельств *лесонии* Петосириса к описанию бедствий Египта. Переводчики данного текста, как правило, трактовали начертание *dr* (𓄳) в данном фрагменте как предлог, связанный со следующей за ним глагольной фразой *w3 ḥ3* (𓄳𓄳𓄳) и подписанный под знаком D34 (𓄳𓄳) знак D21 (𓄳) как предлог *r*, приходя к итоговому чтению ...*dr w3 ḥ3 r hpr m-hnt B3qt* «с тех пор как началась (букв. “насталась... к становлению”) борьба внутри Египта»³⁸. Между тем «Словарь египетского языка» фиксирует для греко-

³⁸ *Lefebvre G.* Le tombeau. I. P. 137 (“...depuis que les luttes se déroulaient dans l’intérieur de l’Égypte...”; cf. *Menu B.* Le tombeau de Pétoisiris: Nouvel examen. P. 323); *Otto E.* Die biographischen Inschriften der ägyptischen Spätzeit. S. 181 (“...seit die Kämpfe in Ägypten begonnen hatte...”); *Lichtheim M.* Ancient Egyptian Literature. Vol. 3. P. 46 (“...since fighting had started in Egypt...”); *Gorre J.* Les relations du clergé égyptien et des Lagides. P. 179 (“...depuis que le luttes se déroulaient dans l’intérieur de l’Égypte”); ср. с нашей прежней позицией: *Ladynin I.A.* “Adversary *Hšryš3*”: His Name and Deeds According to the Satrap Stela // CdÉ. 2005. T. 80. P. 106–107 (“...since the struggle came into being inside Egypt...”).

римского времени выражение *dr w3w* («с давних пор»; Wb. I. 246.4: , хорошо подходящее по смыслу к интерпретации данного фрагмента и вполне согласующееся с его графикой (пропуск в нем нескольких знаков полного написания этого выражения, как и замена знака N31 на Y1 , в общем, не вызывают особого удивления); кроме того, знак D21 правомерно понять как ложноглагольную связку *iw*, в соответствии со способом ее позднего написания³⁹, зафиксированном и в текстах гробницы Петосириса⁴⁰. Если допустить, что в данном фрагменте *iw* и *h3* поменялись местами по каким-то чисто графическим соображениям, то мы можем прийти к следующему итоговому чтению включающего данный фрагмент пассажа «Большой биографической надписи»: «...причем не было вещи всякой в месте ее прежнем с давних пор, (ибо) борьба началась в Египте (и был) юг в мятеже (и) север — в перевороте» (сткк. 28–30: *iw nn ht nb hr st.z hnt(y) dr w3(w) iw h3 hpr m-hnt B3k3t rs m nšn mh m swh*); при этом связка *iw*, чтение которой мы установили, должна вводить конструкцию «*iw*+подлежащее+сказуемое-статив», которую мы видим в надписях гробницы Петосириса в функции придаточного предложения и в других случаях (например, в стлб. 25 этой же надписи: *iw.f rh.t(i) snd.f m ib.i* «...(ибо) он знал страх его в сердце моем»). Существенное преимущество такой интерпретации данного фрагмента состоит в том, что она позволяет обойтись без допущения избыточного нагромождения в нем глаголов (*dr w3 h3 r hpr m-hnt Kmt* – букв. «с тех пор как настала борьба к становлению в Египте»), каковое допущение неизбежно при его традиционном переводе⁴¹. Эта интерпретация позволяет заключить, что бедствия Египта как таковые отнесены в «Большой биографической надписи» ко времени давнему и, по-видимому, предшествующему как началу *лесонии* Петосириса, так и синхронному с этим установлению власти над Египтом «правителя нагорий».

Вместе с тем, помимо уточнения смысловых связей между отдельными фразами в интересующем нас фрагменте «Большой био-

³⁹ Wb. I. 42.12; *Vicichl W.* Dictionnaire étymologique de la langue copte. Leuven, 1983. P. 37 (s. v. e-)

⁴⁰ *Lefebvre G.* Le tombeau. III. P. 19 (Г. Лефевр говорит о 22 случаях такого написания в текстах гробницы).

⁴¹ Некоторые нюансы данной интерпретации были предложены нашими учениками К.В. Кузьминым и К.С. Сорокиной во время учебных занятий по чтению «Большой биографической надписи» Петосириса, о чем мы не можем не упомянуть с благодарностью.

графической надписи», важнейшим для его интерпретации будет истолкование самого составного обозначения «правитель нагорий в качестве защитника Египта» (*hq3 nw h3swt m ndty hr Kmt*). Традиционное в египтологии XX в. соотнесение термина *hq3 h3swt* с манефоновским термином «гиксос» могло бы привести к предположению, что в данном случае применительно к чужеземному правителю актуализируются воспоминания о самой ненавистной эпохе владычества иноземцев в Египте; однако недавние убедительные аргументы А.А. Немировского против такой интерпретации термина «гиксос» позволяют подобное предположение исключить⁴². Судя по всему, данный термин по своему значению не отличается от иных случаев употребления, в том числе в текстах I тыс. до н. э. (в именовании Шебитко *hq3 h3swt* на одном из его фиванских памятников⁴³ или в пресловутом имени Обеих Владычиц Филиппа Арридея) и маркирует власть царя, к которому относится, над обширными неегипетскими территориями, составляющими его домен⁴⁴. В указанных нами случаях этот термин относится к обладателям легитимного царского статуса в Египте, однако сам по себе указанием на него не является; базовый же его компонент *hq3* служит описательной характеристикой фактической власти и в этом смысле может употребляться по отношению как к египетским богам и правителям, так и к правителям чужеземных стран (Wb. III. 170–173). При этом следует обратить внимание на такую деталь написания слова *hq3* в интересующем нас обозначении в «Большой автобиографической надписи», как его детерминатив: это знак A304E, представляющий собой фигуру сидящего правителя с бородкой, в двойном венце и с жезлом-*hq3* в руках (). Двойной венец, безусловно, является в древнеегипетской традиции одной из инсигний легитимного царского правителя, способного совершать ритуал и обозначаемого титулом *nsw-bity* (в традиционном переводе – «царь Верхнего и

⁴² Немировский А.А. «Властители чужеземных стран», «властители-пастухи» или «властители-ишас»? Еще раз о египетском выражении, стоявшем за транскрипцией ἰκσώς // Петербургские египтологические чтения 2011–2012: памяти Е.С. Богословского, к 70-летию со дня рождения. Доклады. СПб., 2013 (Труды Государственного Эрмитажа, 66). С. 153–166.

⁴³ Leclant J. Recherches sur les monuments thébains de la XXVe dynastie dite éthiopiëenne. Le Caire, 1965 (Bibliothèque d'étude, 36). P. 59–61, § 16, pl. 36–37; *Blöbaum*. "Denn ich bin ein König, der Maat liebt". S. 51, 102.

⁴⁴ Немировский А.А. Гиксосы: к вопросам именованию и происхождения // Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций. М., 2001. С. 101–102, примеч. 8 (с отсылками к литературе).

Нижнего Египта»; в сокращенной, более обыденной форме — *nsw*, «царь»⁴⁵); вместе с тем словоупотребление надписей гробницы Петосириса позволяет с уверенностью сказать, что данный титул (при этом именно в сокращенной форме) употребляется в них строго по отношению к царям XXX династии и что, соответственно, Петосирис не желал признавать сакрального статуса за кем-либо из хозяев Египта после падения этого царского дома⁴⁶. Слово *ḥqꜣ* употребляется в текстах гробницы Петосириса еще в нескольких случаях, по преимуществу в эпитетах и именах богов⁴⁷; единственный случай, помимо рассматриваемого нами обозначения, когда оно употреблено применительно к реальному правителю, — это упоминание в конце «Большой биографической надписи» о похвалах Петосирису от «правителя Египта», в котором правомерно видеть сатрапа Птолемея, и от его двора (см. выше наше примеч. 24); при этом ни в одном из этих случаев мы не обнаруживаем в написании этого слова такого же или аналогичного ему детерминатива. Сопоставимое написание слова *ḥqꜣ* мы обнаруживаем в надписи на статуэтке старшего сына царя Нектанеба II: там оно выписано сочетанием знаков S38 и A44 (𓆎𓆑)⁴⁸, последний из которых представляет собой фигуру сидящего правителя в белом венце и с плетью в руках и прямо ассоциируется с термином *nsw*⁴⁹. По нашему мнению, на данном памятнике это обозначение может относиться к Александру Великому⁵⁰ (ср. с идентификацией обладателя интересующего нас обозначения в надписи гробницы Петосириса, которое мы обоснуем ниже): при этом по своему смыслу подобное написание могло быть предназначено для обозначения правителя, неприемлемого для составителей соответствующих текстов в качестве обладателя сакральности, но вместе с тем получившего царский титул, указанием на который на уровне, по сути дела, аллюзии и становился ассо-

⁴⁵ Напр.: *Blöbaum*. “Denn ich bin ein König, der Maat liebt”. S. 62–63; см. о значении власти сакрального царя как важнейшей категории древнеегипетск А.Лой картины мира: *Демидчик А.Е.* Безмянная пирамида. С. 14–27 (глава I — «Младшее Солнце — бог ритуала»).

⁴⁶ *Lefebvre G.* Le tombeau. III. P. 35; *Menu B.* Le tombeau de Pétosiris: Nouvel examen. P. 316, 320; *Eadem.* Le tombeau de Pétosiris (4): Le souverain de l'Égypte. P. 249.

⁴⁷ *Lefebvre G.* Le tombeau. III. P. 41.

⁴⁸ Поверхность опорного столба, стлб. 1: *Clère J-J.* Une statuette du fils aîné du roi Nectanabô // RdÉ. 1951. Т. 6. P. 138.

⁴⁹ *Gardiner A.H.* Egyptian Grammar. P. 446.

⁵⁰ *Ладынин И.А.* Надписи на статуэтке сына Нектанеба II: перевод и комментарий // Язык(и) древнеегипетской культуры: проблемы переводимости. М., 2013 (в печати).

цированный с ним детерминатив — в слове, обозначавшем фактическую власть данного правителя. Заметим сразу, что подобная аллюзия в написании данного эпитета позволяет усомниться в его отнесении к одному из последних Ахеменидов ввиду отсутствия у них легитимного царского статуса в Египте⁵¹.

Что касается второго компонента интересующего нас обозначения — эпитета *ndty hr Kmt*, — нужно сказать, что исследователи, относившие его как раз к кому-то из Ахеменидов, в свое время оказывались перед непростой задачей отвести в данном случае базовое значение слова *ndty* «защитник, мститель» (Wb. II. 376⁵²) и обосновать возможность его употребления как обозначения правителя⁵³; однако целый ряд из них, по-видимому, оценив возникающие при этом трудности, постарался избежать их при помощи заведомо описательного или неопределенного перевода данного слова⁵⁴. Вместе с тем уйти от этих трудностей все-таки невозможно, поскольку столь нестандартное значение слова *ndty* не получает сколько-нибудь надежного лексикографического подтверждения; напротив, конструкция *ndty-hr...* ярко засвидетельствована в выражении, несущем сугубо позитивные религиозно-идеологические коннотации, — в эпитете бога Хора *ndty-hr-it.f* («защитник, мститель отца своего»: Wb. II. 376.11; LÄGG IV. 589). Собственно говоря, и перевод дан-

⁵¹ Мы знаем, что от имени последних Ахеменидов не велось строительство в египетских храмах (Arnold D. *Temples of the Last Pharaohs*. New York; Oxford, 1999. P. 137), для них не засвидетельствованы полные царские титулатуры (Beckerath J. *von Handbuch der ägyptischen Königsnamen*. S. 230–231), и, по-видимому, их имен не было в исходной версии царского списка Манефона (Lloyd A.B. *Manetho and the Thirty-First Dynasty // Pyramid Studies and Other Essays Presented to I.E.S. Edwards*. Ed. J. Baines et al. London, 1988 (EES Occasional Publications, 7). P. 154–160).

⁵² Wilson P. A Ptolemaic Lexikon. A Lexicographical Study of the Texts in the Temple of Edfu. Leuven, 1997 (Orientalia Lovaniensia Analecta, 78). P. 563.

⁵³ В нашей диссертационной работе мы сопоставили употребление этого слова в «Большой биографической надписи» с хорошо известным английским обозначением регента-протектор: Ладьнин И.А. Александр Македонский и Египет: Проблемы греко-египетского взаимодействия в эпоху генезиса эллинизма. Дисс. на соиск. ученой степени к. и. н. М., 1998. С. 99; ср.: Otto E. *Die biographischen Inschriften der ägyptischen Spätzeit*. S. 181 (“Es war aber ein Herrscher der Fremdländer als Protektor über Ägypten”); Lichtheim M. *Ancient Egyptian Literature*. Vol. 3. P. 46 (“...while the Ruler-of-foreign-countries was Protector in Egypt”).

⁵⁴ Lefebvre G. *Le tombeau*. I. P. 137 (“...alors qu’un roi des pays étrangers était en puissance en Égypte...”; см. сохранение этого сугубо описательного перевода в других франкоязычных работах: Menu B. *Le tombeau de Pétoisiris: Nouvel examen*. P. 323; Gorre J. *Les relations du clergé égyptien et des Lagides...* P. 179); Redford D.B. *Petosisiris*. P. 38 (“...when all the while a foreign ruler was a *dominus* over Egypt...”).

ного эпитета как «защитник Египта» сильно противоречил бы его атрибуции одному из последних Ахеменидов при том отношении к ним, которое сложилось в египетской среде (см. наше примеч. 34); однако при отмеченных его коннотациях и приобретении им внятного оттенка значения «мститель за Египет» такая его атрибуция становится и вовсе парадоксальной. Более того, подобное его понимание побуждает поставить вопрос о возможности его отнесения к правителю, который, исторически, в ситуации последних десятилетий IV в. до н. э., в самом деле мог с определенными основаниями считаться «мстителем за Египет», — Александру Великому, в соответствии с предположением, уже высказанным в свое время В.В. Струве (см. наше примеч. 18).

Между тем эпитет *ndty hr Kmt* действительно находит достаточно полную и до сих пор не замеченную исследователями аналогию в египетской царской титулатуре Александра. Его Хорово имя, зафиксированное, по-видимому, в самом начале македонской власти над Египтом в реконструированном святилище барки Амона-Ра в Луксорском храме выглядит как *mk-Kmt* — «защитник Египта»⁵⁵. Как видно, само по себе Хорово имя Александра выражает мотив именно защиты им Египта от внешних врагов; отмеченное нами вероятное изменение этого мотива в сторону мщения за Египет в эпитете *ndty hr Kmt* легко объяснить его контекстом в надписи Петосируса, а именно реминисценциями второго персидского владычества. Как известно, вторжение Артаксеркса III в Египет получает и в античных свидетельствах (см. наше примеч. 34), и в некоторых египетских текстах⁵⁶ достаточно внятную ассоциацию с мотивом вторжения Сета в Египет, которое последовало за проигрышем им тяжбы с Хором, его осуждением и изгнанием, причем Сету при этом втор-

⁵⁵ *Abd-el-Razig M.* Die Darstellungen und Texte des Sanktuars Alexanders des Großen im Tempel von Luxor. Mainz, 1984 (Archäologische Veröffentlichungen, 16). S. 36, 55, 59; cf. *Blöbaum A.I.* “Denn ich bin ein König, der Maat liebt”. S. 419; см. о датировке начала строительных работ при Александре Великом в святилище барки в Луксоре началом его Года 1, согласно граффитто жреца Анхпахереда: *Jansen-Winkel K.* Biographische und religiöse Inschriften der Spätzeit aus dem Ägyptischen Museum Kairo. Wiesbaden, 2001 (Ägypten und Altes Testament, 45). S. 180.

⁵⁶ Мы имеем в виду эпитет *hftu* («враг»), придаваемый, очевидно, Артаксерксу III (*Ladynin I.A.* “Adversary *Hšryš3*”. P. 87–113) в «Стеле сатрапа» (Urk. II. 17.2, 17.10, 17.12, 18.4) и аналогичный эпитету Сета, в частности, в «Книге победы над Сетом» — тексте, который фиксирует ритуал изгнания из Египта чужеземцев, персонализированных в образе этого злого божества, вторгнувшегося в страну (Urk. VI. 32 sq., *passim*).

жении приписывалось нанесение большого ущерба храмам Египта (что опять же соотносится со сведениями «Большой биографической надписи» об их состоянии в пору бедствий Египта). Правитель, изгнавший персов из Египта и тем самым сделавший вновь возможным нормальное отправление культов, вполне естественным образом мог быть обозначен как «мститель за Египет», причем само это обозначение определенным образом сопоставляло бы его с Хором, изгнавшим Сета из Египта⁵⁷.

Таким образом, предложенное истолкование обозначения чужеземного правителя во фрагменте «Большой биографической надписи» гробницы Петосируса позволяет вполне уверенно соотнести начало его *лесонии* с царствованием в Египте Александра Великого и македонским завоеванием. Очевидно, что в таком случае смута в стране, вызвавшая тяжелое положение египетских храмов, действительно характеризуется в тексте как дело прошлое, хотя его последствия, с которыми столкнулся Петосирус, и были еще не изжиты. При этом отношение самого Петосируса к Александру оказывается чрезвычайно амбивалентным: с одной стороны, эпитет *ndty hr Kmt* рисует его в позитивном свете; с другой — обозначение *hq3 nw h3swt* подчеркивает неегипетские истоки его могущества и власти, а также сугубо фактический ее характер, не предполагающий перенесения на него статуса сакрального правителя. В таком случае неясно, какое значение имеет в данном фрагменте именование Александра эпитетом, содержащим определенные религиозно-идеологические коннотации: понятно, что прямое сопоставление с богом правителя, которому отказано в сакральном характере его власти, выглядит чрезвычайно странно. На наш взгляд, в основе употребления данного эпитета может лежать несколько мотивов, причем составитель «Большой биографической надписи» мог иметь в виду и более одного из них. Прежде всего, религиозные коннотации данного эпитета могли все же быть использованы лишь для придания ему определенного «колорита», а сам он мог иметь и чисто буквальное значение и ха-

⁵⁷ Прямой и полной аналогии эпитету *ndty hr Kmt* в обозначениях египетских богов нет; наиболее близкие аналоги — *ndty-n-itrty* («защитник обоих святилищ»; LÄGG IV 590); *ndty mnḥ n niwwt sp3wt* («защитник благодетельный городов и номов»; id. 592); *ndty-mnḥ-n-qbhwy* (id. 593; «защитник благой обоих областей воды»); *ndty-n-niwwt* («защитник городов»; ibid.); *ndty-n-niwwt-sp3wt* («защитник городов и номов»; ibid.); *ndty-nfr-n-niwwt-sp3wt* («защитник прекрасный городов и номов»; ibid.); *ndty-n-gsw-prw-ntrw* («защитник храмов богов»; id. 595), *ndty-n-t-r-3wf* («защитник земли в ширь ее»; ibid.); *3ndty-n-t3wy* («защитник обеих земель»; ibid.).

характеризовать ту роль, которую Александр исполнил в действительности, освободив Египет от власти персов. Далее, дело могло обстоять сложнее и быть связано с характерным для Египта IV в. до н. э. представлением о том, что сакральный статус царя не имманентен его личности, а связан с присутствием в нем божества (Хора, сына Исиды)⁵⁸: тем самым указание на то, что «правитель нагорий» оказался в качестве «защитника Египта» и могло быть репликой этого представления применительно к Александру, в котором выявилось присутствие божества, коль скоро он был провозглашен царем Верхнего и Нижнего Египта (очевидно, репликой иронической, учитывая, что эта и другие надписи гробницы Петосириса все же отказывают македонским царям в полноценном сакральном статусе). Наконец, возможно, стоит обратить внимание на следующую за этим эпитетом фразу «не было вещи всякой в месте ее прежнем с давних пор», которая характеризует в целом ситуацию в стране до появления «правителя нагорий в качестве защитника Египта». Можно сказать, что данная фраза содержит отсылку к мотиву инверсии нормального положения вещей, традиционному в древнеегипетских описаниях бедствий страны еще с эпохи I Переходного периода; в Позднем царстве и греко-римское время он оказывается актуален как раз в характеристике эпох чужеземного владычества и, в частности, мы видим его в таких текстах египетской традиции, как «Оракул горшечника» и «Оракул ягненка»⁵⁹. Нельзя исключить, что данная фраза связана с предшествующей ей по смыслу, и в таком случае сам факт того, что именно в «правителе нагорий» обнаруживается качество «мстителя за Египет» (т. е., как мы сказали выше, присутствие божества), воспринимается создателем «Большой биографической надписи» как проявление (пожалуй, наиболее фундаментальное) пресловутой инверсии нормы, воцарившееся в стране. В случае, если смысл данного периода текста именно таков, можно думать, что в нем опять же должна звучать доля горькой иронии по провозглашению Александра царем Верхнего и

⁵⁸ *Ладынин И.А.* «Царь на пути бога»: О принципах оценки деятельности царя в египетской идеологии IV–III вв. до н. э. // Петербургские египтологические чтения 2009–2010: памяти С.И. Ходжаш. Памяти А.С. Четверухина. Доклады. СПб., 2011 (Труды Государственного Эрмитажа, 55). С. 150, 152–157.

⁵⁹ *Dillery J.* Cambyses and the Egyptian *Chaosbeschreibung* Tradition // *CIQ.* 2004. Bd. 55. P. 387–406; *Thissen H. J.* Das Lamm des Bokchoris // *Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten* / Hrsg. von A. Blasius und B.U. Schipper. Leiden, 2002 (*Orientalia Iovanensia analecta*, 107). S. 113–138; *Koenen L.* Die Apologie des Töpfers an König Amenophis oder das Töpferorakel // *Apokalyptik und Ägypten.* S. 139–188.

Нижнего Египта: правитель-чужеземец в этом качестве воспринимается как фигура, способная появиться лишь на фоне множественных и масштабных отступлений государственности и религиозной жизни Египта от их нормального состояния. Понятно, что подобное отношение к власти македонского царя полностью согласуется с отказом ему в текстах гробницы Петосируса в статусе полноценного сакрального правителя Египта.

Литература

- Большаков А.О.* Человек и его Двойник: Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб., 2000.
- Демидчик А.Е.* Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005.
- Ладынин И.А.* Александр Македонский и Египет: Проблемы греко-египетского взаимодействия в эпоху генезиса эллинизма. Дисс. на соиск. ученой степени к. и. н. М., 1998.
- Ладынин И.А.* «Царь на пути бога»: О принципах оценки деятельности царя в египетской идеологии IV–III вв. до н. э. // Петербургские египтологические чтения 2009–2010: памяти С.И. Ходжаш. Памяти А.С. Четверухина. Доклады. СПб., 2011 (Труды Государственного Эрмитажа, 55). С. 139–169.
- Ладынин И.А.* Надписи на статуэтке сына Нектанеба II: перевод и комментарий // Язык(и) древнеегипетской культуры: проблемы переводимости. М., 2013 (в печати).
- Ладынин И.А.* Сведения Псевдо-Аристотелевой «Экономики» о Клеомене из Навкратиса и топосы древнеегипетской пропаганды // ВДИ. 2013. № 2 (в печати).
- Немировский А.А.* Гиксосы: к вопросам именования и происхождения // Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций. М., 2001. С. 100–138.
- Немировский А.А.* «Властители чужеземных стран», «властители-пастухи» или «властители-шасу»? Еще раз о египетском выражении, стоявшем за транскрипцией ὑκσως // Петербургские египтологические чтения 2011–2012: памяти Е.С. Богословского, к 70-летию со дня рождения. Доклады. СПб., 2013 (Труды Государственного Эрмитажа, 66). С. 153–166.
- Струве В.В.* Манефон и его время. СПб., 2003.
- Abd-el-Razig M.* Die Darstellungen und Texte des Sanktuars Alexanders des Großen im Tempel von Luxor. Mainz, 1984 (Archäologische Veröffentlichungen, 16).
- Arnold D.* Temples of the Last Pharaohs. New York; Oxford, 1999.

- Beckerath J. von.* Handbuch der ägyptischen Königsnamen. B.; München, 1999 (Münchener ägyptologische Studien, 49).
- Bianchi R.S.* Images of Isis and her Cultic Shrines Reconsidered: Towards an Egyptian Understanding of the *interpretatio Graeca* // Nile Into Tiber: Egypt in the Roman World : Proceedings of the IIIrd International Conference of Isis Studies, Faculty of Archaeology, Leiden University, May 11–14, 2005 / Ed. L. Bricault, M.J. Versluys, P.G.P. Meyboom. Leiden, 2007 (Religions in the Graeco-Roman World, 159). P. 470–505.
- Bissing F. W. von.* Die Datierung des griechisch-ägyptischen Grabes von Mellau // Orientalische Literaturzeitung. 1923. Bd. 26. S. 1–3.
- Blöbaum A. I.* “Denn ich bin ein König, der Maat liebt”: Herrscherlegitimation im spätzeitlichen Ägypten. Eine vergleichende Untersuchung der Phraseologie in der offiziellen Königsinschriften vom Beginn der 25. Dynastie bis zum Ende der makedonischen Herrschaft. Aachen, 2006 (Aegyptiaca Monasteriensia, 4).
- Broekman G.P.F.* The High Priests of Thoth in Hermopolis in the Fourth and Early Third Centuries B.C. // ZÄS. 2006. Bd. 133. S. 97–103.
- Cavaignac Eu.* La date du tombeau de Petosiris // Revue de l'Égypte ancienne. 1929. T. 2. P. 56–57.
- Cenival Fr. de.* Les associations religieuses en Égypte d'après les documents démotiques. Le Caire, 1972 (Bibliothèque d'étude, 46).
- Cherpion N., Gout J.-Fr., Corteggiani J.-P.* Le tombeau de Pétosiris à Touna el-Gebel — Relevé photographique. Le Caire, 2007.
- Clère J.-J.* Une statuette du fils aîné du roi Nectanabô // RdÉ. 1951. T. 6. P. 135–156.
- Devauchelle D.* Le sentiment anti-perses chez les anciens Égyptiens // Transeuphratène. 1995. T. 9. P. 67–80.
- Dillery J.* Cambyses and the Egyptian *Chaosbeschreibung* Tradition // CIQ. 2004. Bd. 55. P. 387–406.
- Engsheden Á.* La reconstitution du verbe en égyptien de tradition 400–30 avant J.-C. Uppsala, 2003 (Uppsala Studies in Egyptology, 3).
- Gardiner A.H.* Egyptian Grammar. Oxford, 1957³.
- Gorre J.* Les relations du clergé égyptien et des Lagides d'après les sources privées. Leuven, 2009 (Studia Hellenistica, 45).
- Heckel W.* Who's Who in the Age of Alexander the Great: Prosopography of Alexander's Empire. Malden (Ma.); Oxford; Carlton, 2006.
- Huß W.* Der rätselhafte König Chababasch // SEL. 1994. T. 11. P. 97–117.
- Huß W.* Der makedonische König und die ägyptischen Priester: Studien zur Geschichte des ptolemäischen Ägypten. Stuttgart, 1994 (Historia Einzelschriften, 85).
- Jansen-Winkel K.* Biographische und religiöse Inschriften der Spätzeit aus dem Ägyptischen Museum Kairo. Wiesbaden, 2001 (Ägypten und Altes Testament, 45).

- Kessler D.* Tuna el-Gebel. 2: Die Paviankultkammer G-C-C-2. Hildesheim, 1998 (Hildesheimer ägyptologische Beiträge, 43).
- Kessler D.* The Personality of Petosiris and His Cult // The Horizon: Studies in Egyptology in Honour of M.A. Nur el-Din (10–12 April 2007). Vol. III. Cairo, 2007. P. 321–338.
- Kienitz F. K.* Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. Berlin, 1953.
- Klose St.* Das Grab des Petosiris, Eine griechisch-ägyptische Synthese: Thematische, ikonographische und stilistische Untersuchungen eines frühptolemäischen Grabes in Mittelagypten. Wiesbaden, 2011 (Philippika, 43).
- Klose St.* Das Grab des Petosiris, Eine griechisch-ägyptische Synthese: Thematische, ikonographische und stilistische Untersuchungen eines frühptolemäischen Grabes in Mittelagypten. Wiesbaden, 2011 (Philippika, 43).
- Koenen L.* Die Apologie des Töpfers an König Amenophis oder das Töpferorakel // Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten. Hrsg. von A. Blasius und B.U. Schipper. Leiden, 2002 (Orientalia lovanensia analecta, 107). S. 139–188.
- Ladynin I.A.* “Adversary *Hšryš3*”: His Name and Deeds According to the Satrap Stela // CdÉ. 2005. T. 80. P. 87–113.
- Ladynin I.A.* Nectanebo in Ethiopia: A Commentary to Diod. XVI. 51.1 // Between the Cataracts: Proceedings of the 11th International Conference for Nubian Studies, Warsaw University, 27 August — 2 September 2006. 2: Session Papers. Warsaw, 2010. P. 527–534.
- Leclant J.* Recherches sur les monuments thébains de la XXVe dynastie dite éthiopienne. Le Caire, 1965 (Bibliothèque d'étude, 36).
- Lefebvre G.* Le tombeau de Petosiris. I: Description. Le Caire, 1923; II: Les texts. Le Caire, 1923; III: Vocabulaire et planches. Le Caire, 1924.
- Lichtheim M.* Ancient Egyptian Literature. Vol. 3: The Late Period. Berkeley ; Los Angeles ; London, 1980.
- Lloyd A.B.* Manetho and the Thirty-First Dynasty // Pyramid Studies and Other Essays Presented to I.E.S. Edwards. Ed. J. Baines et al. London, 1988 (EES Occasional Publications, 7). P. 154–160.
- Menu B.* Le tombeau de Pétoširis: Nouvel examen // BIFAO. 1994. T. 94. P. 311–327.
- Menu B.* Le tombeau de Pétoširis (2): Maât, Thot et le droit // BIFAO. 1995. T. 95. P. 281–295.
- Menu B.* Le tombeau de Pétoširis (3): Culpabilité et responsabilité // BIFAO. 1996. T. 96. P. 343–357.
- Menu B.* Le tombeau de Pétoširis (4): Le souverain de l'Égypte // BIFAO. 1998. T. 98. P. 247–262.
- Menu B.* Alexandre le Grand, *ḥk3 n Kmt* // BIFAO. 1999. T. 99. P. 353–356.
- Nakaten S.* Petosiris // LÄ. Bd. IV. 1982. S. 995–997.
- Nakaten S.* Untersuchungen zu den Inschriften des Petosiris-Grabes in Tuna el-Gebel. Universität Trier, 1986.

- Otto E.* Die biographischen Inschriften der ägyptischen Spätzeit. Leiden, 1954 (Probleme der Ägyptologie, 2).
- Redford D.B.* Petosiris // The Oxford Encyclopaedia of Ancient Egypt. Oxford, 2000. Vol. 3. P. 38–39.
- Rössler-Köhler U.* Individuelle Haltungen zum ägyptischen Königtum der Spätzeit: Private Quellen und ihre Königswertung im Spannungsfeld zwischen Erwartung und Erfahrung. Wiesbaden, 1991 (Göttinger Orientforschungen. IV. Reihe: Ägypten 21).
- Schneider H.D.* The Memphite Tomb of Horemheb, Commander-in-Chief of Tutanchamun II: A Catalogue of the Finds. London, 1996 (EEF Excavation Memoir, 60).
- Schwartz J.* Les conquérants perses et la littérature égyptienne // BIFAO. 1949. T. 48. P. 65–80.
- Thissen H. J.* Das Lamm des Bokchoris // Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten. Hrsg. von A. Blasius und B.U. Schipper. Leiden, 2002 (Orientalia lovanensia analecta, 107). S. 113–138.
- Wilson P.* A Ptolemaic Lexikon. A Lexicographical Study of the Texts in the Temple of Edfu. Leuven, 1997 (Orientalia Lovaniensia Analecta, 78).
- Zauzich K.-Th.* Lesonis // LÄ. Bd. III. S. 1008–1009.

А.Л. Зелинский

ФЕНОМЕН КОРОНАЦИИ ПТОЛЕМЕЯ I

Аннотация: Среди нерешенных вопросов, связанных с так называемым «годом царей», не последнее место занимает проблема хронологической локализации принятия царского титула Птолемеем сыном Лага. Согласно свидетельствам большинства нарративных источников, это событие произошло в 306 г. до Р.Х., тогда как данные демотических папирусов в совокупности с Паросской хроникой и Астрономическим каноном указывают на 305/304 г. до Р.Х. На страницах этой статьи автор присоединяется к немногочисленной группе исследователей, считающих, что Птолемей прошел процедуру интронизации дважды: в 306 г. как македонский базилевс и в 304 г. как египетский фараон.

Ключевые слова: «Год царей», диадохи, Птолемей I, Египет, базилевс, фараон, коронация, двойная датировка, нарративная традиция, Паросская хроника

Abstract: Among the unresolved questions on so-called “year of kings”, one of the chief is a problem of date when Ptolemy the son of Lagos had acquired his royal title. According to the majority of narrative sources, this had happened in 306 BC, whereas in the demotic papyri, Marmor Parium and the Astronomical canon we can find the date of 305/304 B.C. With this article the author joins a small group of the researchers who suggest that Ptolemy had been enthroned twice: as the Macedonian basileus in 306 BC and as the Egyptian pharaoh in 304 BC.

Key words: «year of kings», the successors, Ptolemy I, Egypt, basileus, pharao, Coronation, The Double dating, narrative tradition, Marmor Parium

После гибели последних представителей мужской линии династии Аргеадов¹, принятие диадохами царского титула стало вопросом вре-

¹ См.: *Hammond N.G.L., Walbank F. A History of Macedonia: In III v. Oxford, 1988. P. 140, 165–168.*

мени. Первым на этот шаг летом 306-го г. (здесь и далее — до н. э.) отважился Антигон Монофтальм (P.Köln. 247; Diod. XX. 53; App. Syr. 54; Nepos XVIII. 13; XXI. 3; Plut. Demetr. 17–18; Just. XV. 2; Heid. Epit. (FGH, 155) 1. 7; Oros. III. 23. 40), стремившийся таким образом закрепить за собой власть над бывшей империей Александра². Предлогом для коронации Монофтальма стала морская победа, одержанная его сыном, Деметрием Полиоркетом, над флотом сатрапа Египта Птолемея сына Лага в битве при кипрском Саламине³. Однако Птолемей, а вслед за ним Селевк, Лисимах и Кассандр на протяжении двух последующих лет также обрели статус басилевсов, чем перечеркнули имперские амбиции сильнейшего из диадохов (Marm. Par. (FGH, 239) b 23; Bab. Chron. BM. 35603'07; Diod. XX, 53–54; Astr. Can. 3; App. Syr. 54–55; 57; Nepos XVIII. 13; XXI. 3; Plut. Demetr. 18; Just. XV. 2; Heid. Epit. (FGH, 155) 1. 7; Porphyg. Chron. (FGH, 260) F. 2. 2 = Euseb. Chron. (ed. A. Schöne), I. 161; Oros. III. 23. 40; Sulpic. Sev. II. 17)⁴. Поэтому неслучайно данный период получил в мировой историографии красноречивое наименование «год царей»⁵.

При этом нельзя не отметить, что обретение вышеупомянутыми эллинистическими правителями царского титула имело в каждом отдельном случае свои специфические черты. В этом плане не был исключением и сын Лага. Но чтобы понять сущность феномена его воцарения необходимо уделить особое внимание проблеме датировки данного события.

Прежде всего, следует сделать беглый обзор источниковой базы, касающейся указанного вопроса. В подавляющем большинстве нарративных источников, а именно: «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского, «Сирийских делах» Аппиана, «Филипповой истории» Помпея Трога в передаче Юстина, «Жизнеописании Деметрия» Плутарха, анонимной Гейдельберской эпитафе и, вероятно, Хрониках Порфирия и Евсевия⁶, указывается, что принятие Птоле-

² Müller O. Antigonos Monophthalmos und “Das Jahr der Könige”. Bonn, 1973. S. 87–93; Hammond N.G.L., Walbank F. A History of Macedonia. P. 172–173.

³ О навмахии при кипрском Саламине см.: Diod. XX. 46–53; Plut. Demetr. 15–17; Huss W. Ägypten in hellenistischer Zeit: 332–30 v.Chr. München, 2001. S. 182–184.

⁴ См. также: статью К.Ю. Нефедова в этом сборнике.

⁵ Ср.: Müller O. Antigonos Monophthalmos.

⁶ Porph. Chron. (FGH, 260) F. 2. 2 = Euseb. Chron. (ed. A. Schöne), I. 161. О вопросе датировки воцарения Птолемея I согласно Порфирию/Евсевию см.: Huss W. Ägypten. S. 191 Anm. 748; а также соответствующую страницу электронного проекта «Egyptian Royal Genealogy» — Bennett Ch. <http://www.tyndalehouse.com/Egypt/ptolemies/ptolemy_i.htm#Soter.7>.

меем царского титула было непосредственным ответом на аналогичную акцию Антигона Монофталма (Diod. XX. 53; App. Syr. 54; Plut. Demetr. 18; Just. XV. 2; Heid. Epit. (FGH, 155) 1. 7). Таким образом, на основании вышеуказанных источников можно прийти к заключению, что сын Лага стал царем уже во второй половине 306-го либо вначале 305-го г. Вместе с тем, согласно данным ряда деловых демотических папирусов, эпиграфической Паросской Хроники и т. н. Александрийского астрономического канона, начало царствования Птолемея I приходится на 305/304-й г., а точнее, не ранее начала 304 г.⁷

До середины 80-х гг. прошлого века большинство исследователей, несмотря на единодушие свидетельств античных авторов, отдавало предпочтение второму из вышеприведенных вариантов⁸. Данные, содержащиеся в египетских деловых документах и паросской хронике, вполне естественно представлялись более надежным свидетельством, нежели рассказы древних писателей, почерпнутые к тому же из общего первоисточника — произведения Иеронима из Кардии⁹.

Ситуация несколько изменилась после того, как в 1987 г. К. Мареш в очередном сборнике Кельнских папирусов опубликовал документ, содержащий фрагменты анонимной истории Родоса, где независимо от исторической традиции, сохраненной другими античными авторами¹⁰, принятие Птолемеем царского титула также непосредственно связывалось с аналогичной акцией Антигона¹¹. Это обстоятельство заставило ряд исследователей с большим доверием отнестись к свидетельствам других нарративов. В результате, наряду с приверженцами ранней и поздней хронологической локализации начала царствования сына Лага, появились ученые, признающие достоверность как первой,

⁷ Marm. Par. (FGH, 239) b 23; Astr. Can. 3; *Hagedorn D.* Ein Erlass Ptolemaios' I. Soter? // ZPE. B. 66 (1986). S. 68–70; *Lehmann G.* Das neue Kölner Historiker-Fragment (P.Köln. Nr.247) und die χρονική σύνταξις des Zenon von Rhodos (FGH 523) // ZPE. Bd. 72 (1988). S. 6.

⁸ Более детальный историографический обзор данной проблемы см.: *Зелінський А.Л.* Прийняття Птолемеєм I царського титулу: проблема датування // Східний світ. 2011. № 4. С. 80, 84, примеч. 11.

⁹ Ср.: *Müller O.* Antigonos. S. 9–13; *Gruen E.* The Coronation of the Diadochoi // The Craft of the Ancient Historian. Essays in Honor of Chester G. Starr / Ed. J. Eadie & J. Ober. Lanham, 1985. P. 257, 266, not. 26.

¹⁰ В основе данного отрывка лежит ярко выраженная родоская историописательная традиция: *Lehmann G.* Das neue Kölner Historiker-Fragment. S. 1–17; *Funke P.* „Chronikai syntaxeis kai istoriai“ Die rhodische Historiographie in hellenistischer Zeit // Klio. B. 76 (1994). S. 260–262; *Huss W.* Aegypten. S. 191. Anm. 747.

¹¹ P.Köln, 247 (с комментариями издателя: P.Köln, B. VI. S. 96–109); см. также: *Lehmann G.* Das neue Kölner Historiker-Fragment. S. 1–17.

так и второй группы источников. По мнению этих исследователей, первым из которых стал сам издатель вышеупомянутого папируса, в 306/305-м г. сын Лага был провозглашен македонским басилевсом, а в 305/304-м г. — коронован как египетский фараон¹².

На данный момент мы также склоняемся к принятию точки зрения К. Мареша и его последователей¹³. Нельзя не согласиться, что обе группы источников, в частности произведения античных авторов и демотические папирусы, имеют непосредственное отношение к вышеуказанному эпизоду истории диадохов. Если в случае с папирологическими документами египетского происхождения данная принадлежность недвусмысленна и очевидна, то ситуация с нарративами требует дополнительного объяснения. Как мы уже упоминали, Диодор, Аппиан, Помпей Трог и Плутарх, повествуя о событиях, связанных с «годом царей», пользовались историей Иеронима из Кардии, чья жизнь и активная деятельность приходится как раз на указанный период (см. примеч. 9). В свою очередь, фрагмент родосской истории, как убедительно продемонстрировал Г. Леманн, также опирается на более раннюю историописательскую традицию (см.: примеч. 8).

Вместе с тем, интересующие нас группы источников не имеют между собой какого-либо общего знаменателя. Они отображают две совершенно разные исторические реалии, каждая из которых имела огромное значение для некоей определенной группы людей, не представляя вместе с тем особого интереса для прочих современников соответствующих событий¹⁴.

Так, для представителей эллинизированного мира, к которым принадлежали Иероним из Кардии и неизвестный нам автор родосско-

¹² P. Köln, 247 (с комментариями издателя); *Lehmann G.* Das neue Kölner Historiker-Fragment. S. 6–9; *Hölbl G.* A History of the Ptolemaic Empire: Transl. from germ. London; New York, 2001. P. 20–22; *Huss W.* Ägypten. S. 191; *Vandorpe K.* The Ptolemaic Period // A Companion to Ancient Egypt: in II v. V. I / A. Lloyd. Oxford, 2010. P. 161; *Savalli-Lestrade I.* Les rois hellénistiques, maîtres du temps // Des Rois au Prince. pratiques du pouvoir monarchique dans l'orient hellénistique et romain (ive siècle avant j.-c. — iie siècle après j.-c.) / ed. I. Savalli-Lestrade, E. Cogitore. Grenoble, 2010. P. 57, not. 6. Интересно, что к подобному выводу в свое время пришел и О. Буше-Леклерк: *Bouche-Leclercq A.* Histoire des Lagides: In 4 v. V. 1. Paris, 1903. P. 71–72.

¹³ Справедливости ради, стоит отметить, что еще на момент выхода нашей монографии, посвященной укреплению власти первых Птолемеев, мы разделяли мнение сторонников поздней датировки: *Зелінський А.Л.* Александрійські фараони та їхні піддані. Зміцнення влади перших Птолемейв. К., 2010. С. 466, примеч. 121.

¹⁴ Похожую мысль, хотя и в несколько ином контексте, высказал Я. Бинген: *Bin-gen J.* Ptolemy I and the Quest for Legitimacy // Hellenistic Egypt: Monarchy, Society, Economy, Culture / Ed. R. Bagnall. Berkeley, 2007. P. 29.

го первоисточника, а равно их читатели, первостепенное значение имело обретение Птолемеем и другими диадохами статуса греко-македонских царей-басилевсов. Этот политический акт в глазах эллинов полностью менял картину тогдашней ойкумены. При этом превращение египетского сатрапа в Царя Обеих Земель — фараона — было для них совершенно несущественным.

В случае же египтян, мы имеем совершенно противоположную ситуацию. Провозглашение Птолемея басилевсом ничего для них не значило. Для того, чтобы правитель Египта мог в полном объеме выполнять царские (в первую очередь, мистически-ритуальные) обязанности, он должен был стать полноценным фараоном — живым воплощением сверхъестественной сущности бога Хора¹⁵. Соответственно, лишь коронация по местному обряду могла превратить македонянина Птолемея, как перед этим — македонянина Александра¹⁶ — в единственного возможного посредника между людьми и небожителями, способного гарантировать стране Нила процветание и благоденствие. Иначе, согласно местным религиозным и общественно-политическим представлениям, Египет ожидали природные и социальные катаклизмы¹⁷. Более того, отсутствие в мире живых реального фараона (см. примеч. 18), являлось для каждого египтянина серьезным препятствием на пути к посмертному возрождению в потустороннем мире¹⁸. Поэтому неудивительно, что

¹⁵ См. статью И.А. Ладынина в этом сборнике.

¹⁶ Ср.: Hölbl G. A History. P. 21, 77–78, 80–81; Huss W. Aegypten. S. 58, 215; см. также: Ладынин И.А. Прижизненный царский культ Александра Великого: к проблеме соотношения египетских и греческих компонентов // Древний восток: общность и своеобразие культурных традиций / Ред. О.И. Павлова, А.А. Немировский. М., 2001. С. 207, примеч. 26. Следует отметить, что вопрос о египетской коронации Александра и первых четырех Птолемеев является весьма дискуссионным (в частности, см. статью И.А. Ладынина в данном сборнике). Историографический обзор по этой проблеме, а равно и весьма оригинальную ее трактовку, можно найти на страницах последней известной нам работы по данной тематике: Stagler M. Die Krönung der Ptolemäer zu Pharaonen // WJA. В. 36 (2012). S. 59–91. При этом, лично у нас ни факт египетской интронизации Александра, ни стремление Птолемея последовать примеру своего великого предшественника сомнения не вызывают.

¹⁷ Ср.: Ладынин И.А. Оформление культа «Богов-Эвергетов» в птолемеевском Египте в 240–230-е гг. до н. э. и его египетские коннотации // Мнемон. В. 4 (2005). С. 234–238.

¹⁸ По мнению И.А. Ладынина, высказанному в докладе «Seditio Domestica (Iust. XV. 1) 245 г. до н. э. и его место в истории египетского эллинизма», сделанном на ломоносовских чтениях в апреле 2007-го г. (мы чрезвычайно признательны автору за возможность ознакомиться с рукописью этого доклада), яркий пример попытки создания альтернативной возможности возрождения в загробном мире можно найти

свои деловые документы местные жители начали датировать годами царствования Птолемея I лишь с 304-го г., когда сын Лага, вероятнее всего, короновался в Мемфисе по египетскому обряду.

Вместе с тем, приверженцы поздней датировки принятия Птолемеем царского титула выдвинули ряд довольно интересных аргументов, призванных опровергнуть суждения сторонников как ранней, так и двойной датировки данного события. Среди таковых аргументов можно назвать следующие: 1. Едва ли сын Лага решился бы принять титул базилевса после саламинского поражения; 2. Птолемей, написавший, по словам Диодора (Diod. XX. 76), письма Селевку, Кассандру и Лисимаху после неудачной египетской кампании Антигона и Деметрия¹⁹, не употребил царского титула ни по отношению к себе, ни по отношению к своим адресатам; 3. Свидетельство античных писателей, согласно которому все диадохи (в том числе и Птолемей) чуть ли не одновременно получили статус базилевсов сразу после соответствующего шага Монофталъ-

в гробнице верховного гермопольского жреца Петосириса. Иван Андреевич обращает внимание на использование в гробнице гермопольского жреца весьма архаической практики создания т. н. «мира-двойника» – ср.: *Большаков А.О.* Человек и его двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб., 2001. С. 197–224, 235, примеч. 12 — вместо традиционного изображения усопшего в окружении богов. Российский исследователь объясняет данное обстоятельство сомнениями египтян в легитимности последних Аргеадов и первых Птолемеев в качестве фараонов и, соответственно, неуверенностью в их способности служить полноценными посредниками-ритуалистами между миром богов и усопшим (см. также статью И.А. Ладнынина в этом сборнике). Однако, с нашей точки зрения, эту, равно как и другие попытки замены в схеме различных религиозных ритуалов образа фараона образами того или иного божества местного пантеона либо фигурой самого человека, заинтересованного в проведении данного ритуала, можно объяснить неуверенностью египтян в пребывании того или иного фараона из числа македонян в мире живых. В первую очередь это касается фиктивного правления убитого в 310-м г. Александра IV (см.: примеч. 1), чье имя продолжало фигурировать в деловых демотических папирусах до начала 304-го г. (см. примеч. 7). На другую, менее известную фикцию правления умершего фараона указывает демотический папирус P.d.Bibl.Nat. 219, датированный 8-м годом Филиппа III (январь/февраль 316-го г.); в то время как он погиб в ноябре 317-го г. (см. примеч. 1). Первый же известный нам египетский папирус, датированный по годам царствования Александра IV, относится лишь к апрелю 316-го г.: P.D. Löb. 27; ср.: *Hazzard R.* The Regnal Years of Ptolemy II Philadelphos // *Phoenix*. 1987. No 2. P. 147. Даже в годы правления Александра Великого египтяне не всегда могли иметь стопроцентную уверенность в пребывании их фараона среди живых. В этой связи можно вспомнить слухи о смерти царя, прокатившиеся по его империи в 325-м г. (Diod. XVII. 99; ср.: *Curt.* IX. VI; *Plut.* Alex. 68; Phoc. 22; *Just.* XIII. 1).

¹⁹ О неудачном походе Антигона на Египет (осень 306-го г.) см.: *Diod.* XX. 73–76; *Plut.* Demetr. 19; *Paus.* I. VI. 6; ср.: *Huss W.* Ägypten. S. 185–187.

ма, опровергается рядом документальных источников. Кроме упомянутых нами демотических папирусов, к числу таковых относят несколько клинописных текстов. Так, последний вавилонский документ, датированный годами правления последнего царя из династии Аргеадов — Александра IV — приходится на февраль/март 305-го г., а первый документ, датированный годами правления Селевка — на апрель 304-го г. (см.: ниже). Таким образом, все диадохи, с Птолемеем включительно, ожидали некоего определенного события, которое предоставило бы им моральное право получить статус басилевса²⁰; 4. В случае двойной датировки воцарения Птолемея становится необъяснимым тот факт, что Паросская хроника — греческий источник, появившийся на греческом острове, привязывает это событие к дате его гипотетической египетской коронации²¹.

К сожалению, большинство из этих, действительно заслуживающих внимания положений, не нашли надлежащей реакции со стороны приверженцев как ранней, так и двойной датировки. Исключение представляет лишь первое из них. Ряд исследователей вполне справедливо связывают провозглашение Птолемея басилевсом не с саламинским поражением, а с успешным отпором, данным им Антигону во время похода последнего на Египет (см. выше)²². Как видим, во второй половине 306-го г. действительно имела место ситуация, вследствие которой Птолемей, подобно Антигону, мог стать царем в связи с военной победой, отчасти компенсировавшей поражение в саламинской навмахии.

Теперь следует рассмотреть другие доводы в пользу невозможности провозглашения Птолемея царем до его египетской коронации. Второй аргумент, который базируется на рассказе Диодора, на мой взгляд, не является достаточно корректным. Сицилийский автор пишет следующее: «Он [Птолемей] также написал Селевку, Лисимаху и Кассандру о своих успехах и о многих, перебежавших к нему [от Антигона]» (*Diod. XX. 76. 7*). Прежде всего, следует отметить, что на момент написания указанных писем (кн. 306-го г.) ни один из вышеупомянутых адресатов сына Лага еще не обрел царского статуса. На это обстоятельство, кстати, указывал в другом контексте и сам автор вышеуказанного положения Э. Грюэн (см. примеч. 20). Также нужно

²⁰ Gruen E. The Coronation. P. 257–259, 266–269 not. 24–44; cp.: Bennett Ch. http://www.tyndalehouse.com/Egypt/ptolemies/ptolemy_i.htm#Soter.7.

²¹ Bennett Ch. <http://www.tyndalehouse.com/Egypt/ptolemies/ptolemy_i.htm#Soter.7>.

²² См.: Mueller O. Antigonos. S. 95–96, 99–100; Hölbl G. A History. P. 21.

учитывать, что мы имеем дело не с дословным текстом писем Птолемея, а лишь с кратким обобщающим пересказом их содержания. Наконец, автор «Исторической библиотеки», говоря об успехах сына Лага, мог среди прочего иметь в виду и предоставление ему титула *басилевса*, о чем писатель уже поведал выше (см. далее). Вместе с тем, нам известно, с какой избирательностью Диодор использовал свои источники, в частности, упомянутую выше историю Иеронима из Кардии. Пересказывая содержание произведений своих предшественников, он с легкостью опускал детали, которые, с его точки зрения, были лишними²³. Более того, сицилийский историк вообще довольно свободно оперировал титулатурой фигурантов своего произведения. С одной стороны, рассказывая о событиях, произошедших после «года царей», он далеко не всегда указывает на царское достоинство диадохов (*Diod. XX. 54–113*). С другой стороны, писатель, рассказывая о первом завоевании Кирены Птолемеем (322–321-е гг.)²⁴, в сущности, назвал его обладателем царства (*Diod. XVIII. 21*) притом, что в это время сын Лага отнюдь не мог носить титула *басилевса*.

Таким образом, существует несколько объяснений отсутствия в указанном пассаже Диодора царских титулов перед именами Селевка, Лисимаха, Кассандра и самого Птолемея.

Следующий аргумент, в некотором смысле, является продолжением предыдущего. На основе содержания нарративных источников сторонники поздней датировки приходят к выводу, что Селевк, Лисимах и Кассандр стали именовать себя *басилевсами* сразу же после сына Лага. Соотнося *termini post quem et ante quem* воцарения первого из них, Селевка (соответственно, 26 марта 305 и 13 апреля 304 г.), с данными демотических папирусов, они утверждают, что воцарение Селевка, Лисимаха и Кассандра могло последовать непосредственно за аналогичным актом Птолемея лишь в том случае, если последний принял царский титул не в конце 306-го, а в начале 304-го г. В подтверждение своей правоты сторонники поздней датировки также приводят рассмотренное выше свидетельство Диодора и сообщение Плутарха, согласно которому Кассандр некоторое время вообще не использовал царский титул²⁵.

²³ Ср.: *Rosen K. Political Documents in Hieronymus of Cardia (323–302 B.C.)* // *AC. v. 10 (1967)*. P. 41–42, 49, 82; *Wheatley P. The Chronology of the Third Diadoch War, 315–311 B.C.* // *Phoenix. 1998. No 3/4*. P. 264.

²⁴ Об этом событии см.: *Diod. XVIII. 21; Just. XIII. 6*; ср.: *Huss W. Ägypten*. S. 99–101.

²⁵ *Plut. Demetr. 18*; ср.: *Gruen E. The Coronation*. P. 259, 268–269, not. 42–44.

Как и в предыдущем случае, прежде чем отвечать на указанное положение сторонников поздней датировки, следует привести соответствующие пассажи Диодора, Помпея Трога/Юстина, Аппиана и Плутарха. По словам сицилийского историка «Когда Антигон услышал о победе... он принимал диадему и с этого времени начал использовать царский титул... Однако Птолемей, не павший духом после своего поражения, также принял диадему и стал именоваться царем. Подобным образом, соперничая с ними, прочие властители также назвали себя царями: Селевк, который недавно приобрел верхние сатрапии, и Лисимах и Кассандр, которые сохранили предоставленные им области» (*Diod. XX. 53. 2–4*). Как пишет Юстин: «Антигон... приказал народу именовать царем себя и своего сына Деметрия. Также и Птолемей, чтобы пользоваться не меньшим почетом среди подданных, получил от своего войска царское наименование. Узнав об этом, Кассандр и Лисимах также присвоили себе царское достоинство» (*Iust. XV. 2. 10*). Аппиан же об указанных событиях рассказывает следующим образом: «...Войско провозгласило их обоих, Антигона и Деметрия, царями... Птолемя его собственное войско провозгласило царем, чтобы, не взирая на поражение, он ни чем не уступал своим победителям. Так им обоим одновременно удалось достичь того же самого только по разным причинам. За ними сразу последовали и остальные, и все они из сатрапов стали царями» (*App. Suet. 54*). Плутарх, в свою очередь, говорит следующее: «Тогда народ впервые провозгласил Антигона и Деметрия царями... Тогда Египет поднес царский титул Птолемя, чтобы никто не решил будто бы побежденные утратили мужество и впали в отчаяние, а дух соперничества побудил подражать этому примеру и других преемников Александра» (*Plut. Demetr. 18*).

Первое, что бросается в глаза при анализе четырех вышеприведенных фрагментов – это четкое разделение процесса принятия Диадохами царского достоинства на три отдельных этапа: 1. Провозглашение царями Антигона и Деметрия, 2. Принятие царского титула Птолемеем, 3. Обретение царского достоинства Селевком, Лисимахом и Кассандром. При этом, судя по содержанию указанных пассажей, эти три этапа были отделены друг от друга определенными промежутками времени. Если объективно проанализировать эти тексты, то можно прийти к выводу, что данные промежутки времени могли быть довольно незначительными не только между вторым и третьим этапом, на что указывают сторонники поздней датировки, но и между первым и вторым этапом, против чего упомянутые исследователи категорически возражают (см. выше). Подобный под-

ход к интерпретации интересующих нас текстов нельзя считать корректным²⁶. На наш взгляд, правильнее будет предположить, что мы имеем дело со сравнительно одинаковыми довольно небольшими отрезками времени. Совершенно незначительными эти временные промежутки представлялись писателям древности лишь учитывая 3–5 столетий, которые отделяли их от «года царей»²⁷. С другой стороны, эти временные интервалы, вероятно, не были слишком ощутимыми, что и позволяло античным авторам рассматривать «год царей» как единое целое.

Что же касается известных нам клинописных документов, то они также не являются бесспорным доказательством в пользу правоты приверженцев поздней датировки. В частности, бельгийский исследователь Т. Бойи, опираясь на свидетельство т. н. Вавилонского царского списка, недавно предложил гипотезу, согласно которой принятие царского титула Селевком было приурочено к началу вавилонского нового года, выпадавшему на 26 марта 305-го г.²⁸

Таким образом, изложения событий в произведениях Диодора, Аппиана, Помпея Трога/Юстина и Плутарха вполне позволяют предположить, что Птолемей был провозглашен царем в декабре 306 г., вследствие неудачного завершения египетской кампании Монофталма, т. е. приблизительно через полгода после воцарения последнего. В свою очередь, начало периода принятия царского титула Селевком, Лисимахом и Кассандром, исходя из нынешнего состояния нашей источниковой базы²⁹, можно датировать концом марта 305-го г.

²⁶ В данном контексте следует отметить, что на незначительность интервала, разделяющего первый и второй этапы года царей, указывает и P. Köln, 247. Об этом свидетельствует отсутствие в интересующем нас эпизоде каких-либо упоминаний об осаде Родоса Деметрием Полиоркетом 305–304-х гг. (ср.: *Diod.* XX. 81–88, 91–100). Представляется маловероятным, что родосский автор нашего источника (см. примеч. 10) мог бы проигнорировать данное событие, если бы оно началось в период между воцарением Антигона и Птолемея.

²⁷ См.: *Зелінський А.Л.* Приняття Птолемеєм I царського титулу. С. 83.

²⁸ *Boiy T.* The Reigns of the Seleucid Kings According to the Babylon King List // *JNES.* 2011. No 1. P. 1–12. В связи с этим следует подчеркнуть важное значение Вавилона не только в глазах местных жителей, но и в глазах самих македонян, поскольку именно этот город стал последней резиденцией Александра Великого и местом избрания царями двух последних представителей династии Аргеадов: Филиппа III и Александра IV: *Зелінський А.Л.* Місце і час коронації Селевка I Нікатора // *Polyphonia Orientis: мова, література, історія, релігія. До ювілею В. С. Рибалкіна. Збірник наукових статей.* К., 2013. (В печати).

²⁹ Как справедливо указал Т. Бойи, появление какого-либо клинописного документа, датированного 12-м годом Александра IV (т. е., 305–304-м г.), способно опровергнуть

Наиболее интересным представляется нам четвертое положение, недавно сформулированное К. Беннеттом (см. выше). Действительно, на первый взгляд, начало отсчета лет царствования сына Лага с момента его коронации в качестве египетского фараона в данном случае выглядит более чем удивительным. Однако, чтобы найти объяснение этому своеобразному феномену, нужно упомянуть о ряде факторов и обстоятельств, имеющих непосредственное отношение к реалиям, связанным с принятием Птолемеем I царского титула, а также с местом и временем возникновения самой Паросской хроники.

Прежде всего, следует отметить, что обретение нового статуса имело для бывшего египетского сатрапа не столько внутреннее, сколько внешнеполитическое значение. Революционная по своему характеру акция Монофталма поставила Птолея перед необходимостью легитимизации прав на собственные владения. С этой целью сын Лага при первой удобной возможности инспирировал предоставление себе титула *басилевса* войсковым собранием³⁰, созданным на базе македонских отрядов, находившихся у него на службе. Это традиционное македонское политическое учреждение было призвано придать воцарению Птолея вид законности в глазах не только других *диадхов*³¹, но и находящихся у них на службе македонян³².

Кроме того, Птолемей, принимая царский титул, стремился создать фикцию своего воцарения над Египтом с момента смерти Александра Великого. Так, в нашем распоряжении имеются несколько грекоязычных деловых папирусов и надписей, в которых отсчет лет царствования

его гипотезу о новогодней коронации Селевка: *Boiy T. The Reigns of the Seleucid Kings*. P. 11, not. 30. Тем самым, не исключена теоретическая возможность смещения *terminus post quem* коронации Селевка вплоть до 13 апреля 304-го г.

³⁰ Ср.: Müller O. Antigonos. S. 100. На это обстоятельство недвусмысленно указывают Аппиан и Помпей Трог/Юстин: *App. Syr.* 54; *Just.* XV. 2. Диодор же и Плутарх, хотя непосредственно и не говорят об участии войскового собрания в процедуре воцарения Птолея, однако первый из них отмечает, что Птолемей принял царский титул: *Diod.* XX. 53, второй же указывает, что царский титул был ему поднесен: *Plut. Demetr.* 18. По нашему мнению, подобные формулировки свидетельствуют о наличии определенной группы людей, представляющей при акте воцарения сына Лага некую формально независимую политическую силу. В свете же рассказов Аппиана и Помпея Трга, данной группой, несомненно, могло быть лишь войско самого Птолея.

³¹ О возможном использовании авторитета войскового собрания другими *диадхами* при их воцарении см.: *Just.* XV. 2; *App. Syr.* 54; *Plut. Demetr.* 18; ср.: Müller O. Antigonos. S. 86–87, 106. Противоположную точку зрения см.: Gruen E. The Coronation. P. 256–257, 264–266, not. 13–22.

³² О роли народного (войскового) собрания в Македонии см.: Hatzopoulos M. Macedonian institutions under the kings. — in *II v. Athens*, 1996. P. 129–149.

сына Лага ведется с 324/ 323-го г.³³. Особый интерес в этом контексте вызывает Царская простагма, датированная 20-м годом Птолемея, а точнее — началом 304-го г.³⁴. Именно на основании этого документа можно смело утверждать, что бывший египетский сатрап применил вышеупомянутую систему отсчета с самого момента обретения им царского статуса. Помимо того, существует очень интересное предположение, согласно которому Птолемей избрал для своей египетской коронации 28-е Даисия — день годовщины смерти Александра согласно македонскому Календарю³⁵. При этом указанная симуляция непосредственного наследования царской власти над страной Нила предназначалась не египетской, а именно греко-македонской аудитории. На это обстоятельство недвусмысленно указывает та толерантность, с которой сын Лага относился к откровенному игнорированию официального отсчета начала своего царствования со стороны местного населения. Египтяне, исходя из приведенных выше причин религиозно-идеологического характера, до самой смерти Птолемея вели отсчет его пребывания на троне фараонов начиная с 305/ 304-го г.³⁶

И, наконец, сын Лага, по словам Диодора, во время сношений с другими преемниками Александра постоянно подчеркивал, что Египет принадлежит ему по т. н. праву копья (ср.: *Diod.* XVIII. 39, 43, XIX. 105, XX. 76). При этом нужно иметь в виду, что термин «земля, завоеванная копьем», в данном случае обозначал не поработщенное положение страны и ее коренного населения, а исключительно право царя нераздельно распоряжаться определенной территорией. К тому же, как показывает практика употребления данного термина на протяжении всего эллинистического периода, носил он исключительно внешнеполитическую направленность³⁷.

³³ SB, XVI, 12519; IG, XIV, 1184; P. Eleph. 2–4; P. Hib. 84a; *Hazzard R.* The Regnal Years. P. 144; *Hagedorn D.* Ein Erlass. X. 65–70; *Hölbl G.* A History. P. 21–22, 32, not. 48.

³⁴ SB, XVI, 12519; *Hagedorn D.* Ein Erlass. S. 65–70; *Rigsby K.* An Edict of Ptolemy I // ZPE. B. 72 (1988). P. 173–174; *Hölbl G.* A History. P. 32, not. 48; *Huss W.* Aegypten. S. 191, Anm. 748.

³⁵ Ср.: *Hagedorn D.* Ein Erlass. S. 69–70; *Hölbl G.* A History. P. 21, 32, not. 47; *Huss W.* Ägypten. S. 191, Anm. 748; *Savalli-Lestrade I.* Les rois hellénistiques. P. 58–59.

³⁶ См.: *Струве В.В.* Значение некоторых из демотических папирусов Государственного музея изобразительных искусств им. Пушкина для истории и культуры птолемеевского Египта. М., 1952. С. 3–31; *Hagedorn D.* Ein Erlass. S. 68–70; *Hölbl G.* A History. P. 21–22; *Savalli-Lestrade I.* Les rois hellénistiques. P. 59.

³⁷ См.: *Diod.* XVIII. 39, XIX. 105, XX. 76; *Polyb.* V. 67, XVIII. 51; Ср.: *Huss W.* Aegypten. S. 102–104, 256–257; *Chanotis A.* War in the Hellenistic World: A Social and Cultural History. Oxford, 2005. P. 181–184.

Таким образом, как видим, провозглашение македонским базилевсом имело для сына Лага исключительно первичный характер. Этот государственный акт, осуществленный как можно скорее по отношению к моменту воцарения Антигона, должен был закрепить в глазах македонян и греков права Птолемея на владение собственным государством в рамках новорожденной эллинистической ойкумены. Поэтому неудивительно, что соответствующие усилия основателя одной из ведущих эллинистических династий нашли свое отображение в произведениях античных писателей, опиравшихся на свидетельство современника Птолемея – Иеронима из Кардии, а также в рамках современной сыну Лага родосской летописной традиции.

Паросская же хроника была написана в другое время и при других обстоятельствах. Она возникла во второй половине 60-х гг. III в.³⁸ на острове Парос. В это время данная территория входила в состав т. н. Островного союза, находившегося в птолемеевской сфере влияния³⁹. Поэтому неудивительно, что фигуре сына Лага — отца тогдашнего властителя эллинистического Египта, Птолемея II Филадельфа – в этой хронике отведено намного больше места, чем другим диадохам⁴⁰. Соответственно, причину столь странной датировки начала царствования основоположника династии Птолемеев, приведенной автором данного источника, следует, по нашему мнению, искать при александрийском дворе.

Вспомним, что действия сына Лага, осуществленные им на протяжении «года царей», в первую очередь, ориентировались на внешнюю аудиторию. Учитывая внешнеполитические причины, он акцентировал внимание на провозглашении себя базилевсом, состоявшемся, согласно свидетельствам большинства грекоязычных источников, еще в 306-м г. при участии македонского войскового собрания (см. выше). Вместе с тем, внутренняя политика первых Птолемеев, особенно со времен правления второго представителя династии, была направлена на преобразование эллинизированных иммигрантов в подданных египетского образца⁴¹. Определенным препятствием на этом пути было существование македонского войскового (народного) собрания. Именно оно, пусть даже формально, не только провозгласило царем сына Лага, но и утвердило ста-

³⁸ Ср.: Hazzard R. *Imagination of a Monarchy: Studies in Ptolemaic Propaganda* // *Phoenix*. (suppl) V. 37 (2000). P. 161–167.

³⁹ Hazzard R. *Imagination*. P. 162.

⁴⁰ Ср.: Hazzard R. *Imagination*. P. 162–163.

⁴¹ Зелінський А.Л. Александрійські фараони.

тус соправителя для его сына — Птолемея Филадельфа⁴². Вместе с тем, первые Птолемеи приложили много усилий для упразднения в собственном государстве македонских политических институций, могущих, хотя бы номинально, ограничивать полноту царской власти⁴³. В частности, это касается и войскового собрания, о котором не существует никаких упоминаний во времена правления третьего и четвертого представителей александрийской династии⁴⁴. И хотя сам акт отмены этого учреждения был, по нашему мнению, осуществлен Птолемеем III Эвергетом⁴⁵, ничто не мешает отнести подготовку определенной пропагандистской основы для осуществления указанной меры ко временам Филадельфа.

Именно в рамках этой подготовки можно объяснить и соответствующее сообщение Паросской хроники, составитель которой, весьма вероятно, мог использовать некое современное ему нарративное произведение александрийского происхождения⁴⁶. С нашей точки зрения, содержание хроники могло отобразить желание Филадельфа отвлечь внимание современников от более раннего провозглашения отца базилевсом, непосредственно связанного с участием войскового собрания. Вместо того, указание на официальное начало царствования Сотера в 305/304-м г. подчеркивало ряд факторов, подтверждавших легитимность сына Лага и его потомков, как суверенных властителей собственного государства, вне зависимости от решения войскового собрания. При этом факт египетской коронации сам по себе, разумеется, не мог служить непререкаемым аргументом в глазах представителей эллинизированного мира, в том числе и греко-македонских подданных самого Филадельфа. Однако не следует забывать, что сам этот акт был неразрывно связан с фигурой Александра Великого, представляемого непосредственным предшественником Птолемея I на египетском престоле (см. выше)⁴⁷. В этой связи, особое значение могло иметь то обстоятельство, что

⁴² *P. Trog. Prol. XVI; Just. XVI. 2*; ср.: *Huss W. Ägypten. S. 249.*

⁴³ *Зелінський А.Л. Александрійські фараони. С. 353–358, 423–440.*

⁴⁴ Там же. С. 423–440, 504–523, примеч. 434–545.

⁴⁵ Там же. С. 425–526, 506, примеч. 447–449.

⁴⁶ Ср.: *Hazzard R. Imagination. P. 166–167.* Собственно, неслучайно александрийское происхождение имеет и астрономический канон, также датирующий воцарение Птолемея I 305/304-м г.: Ср.: *Müller O. Antigonos. S. 15*; также см. выше.

⁴⁷ Дополнительным аргументом в пользу существования неразрывной связи между Паросской хроникой и фигурой Птолемея I может служить то обстоятельство, что данный источник возник фактически одновременно с учреждением Птолемеем Филадельфом т. н. Эры Сотера (263/262-й г.): *Hazzard R. Imagination. P. 1–81, 161–167.*

знаменитый завоеватель получил статус повелителя страны Нила, не прибегая к авторитету войскового собрания⁴⁸.

Итак, Паросская хроника, вопреки утверждению, высказанному К. Беннеттом, подчеркивала не столько факт египетской коронации Сотера как таковой, сколько неразрывную связь личного статуса сына Лага с личным статусом Александра. Тем самым, на наш взгляд, исчезает последний аргумент, выдвинутый против гипотезы о двойной интронизации сына Лага, согласно которой последний в 306-м г. был провозглашен базилевсом, а в 304-м г. – подобно Александру, коронован как египетский фараон. Таким образом, с оговоркой, связанной с возможным расширением нашей источниковой базы (примеч. 29), мы позволим себе констатировать факт существования феномена коронации Птолемея I. Исключительное положение сына Лага как египетского сатрапа в рамках *de facto* несуществующей империи Александра привело его к необходимости двойного утверждения собственного царского статуса с учетом существования двух взаимно непересекающихся социумов: аудитории новорожденной эллинистической ойкумены и своих египетских подданных.

Литература

- Большаков А.О. Человек и его двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб., 2001.
- Зелінський А.Л. Александрійські фараони та їхні піддані. Зміцнення влади перших Птолемеїв. К., 2010.
- Зелінський А.Л. Місце і час коронації Селевка I Нікатора // Polyphonia Orientis: мова, література, історія, релігія. До ювілею В.С. Рибалкіна. Збірник наукових статей. К., 2013. (в печаті).
- Зелінський А.Л. Прийняття Птолемеєм I царського титулу: проблема датування // Східний світ. 2011. № 4. С. 79–86, 2012. № 1. С. 115–122.
- Ладынин И.А. Оформление культа «Богов-эвергетов» в птолемеевском Египте в 240–230-е гг. до н. э. и его египетские коннотации // Мнемон. 2005. Вып. 4. С. 225–238.
- Ладынин И.А. Прижизненный царский культ Александра Великого: к проблеме соотношения египетских и греческих компонентов // Древний вос-

⁴⁸ Ср.: Шахермайр Ф. Александр Македонский М., 1984. С. 145–161. В отличие от провозглашения того же Александра царем Азии: *Plut. Alex.* 34; ср.: Шахермайр Ф. Александр Македонский. С. 168–170.

- ток: общность и своеобразие культурных традиций / Ред. О.И. Павлова, А.А. Немировский. М., 2001. С. 200–225.
- Струве В.В.* Значение некоторых из демотических папирусов Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина для истории и культуры птолемеевского Египта. М., 1952.
- Шахермаір Ф.* Александр Македонский. М., 1984.
- Bennett Ch.* Egyptian Royal Genealogy. — 2001–2013. (интернет-ресурс). <http://www.tyndalehouse.com/Egypt/ptolemies/ptolemy_i.htm>.
- Bingen J.* Ptolemy I and the Quest for Legitimacy // Hellenistic Egypt: Monarchy, Society, Economy, Culture / Ed. R. Bagnall. Berkeley, 2007. P. 15–30.
- Boiy T.* The Reigns of the Seleucid Kings According to the Babylon King List // JNES. 2011. No 1. P. 1–12.
- Bouche-Leclercq A.* Histoire des Lagides. T. I–IV. Paris, 1903.
- Chaniotis A.* War in the Hellenistic World: A Social and Cultural History. Oxford, 2005.
- Funke P.* „Chronikai syntaxeis kai istoriai“ Die rhodische Historiographie in hellenistischer Zeit // Klio. Bd. 76 (1994). S. 255–262.
- Gruen E.* The Coronation of the Diadochoi // The Craft of the Ancient Historian. Essays in Honor of Chester G. Starr / ed. J. Eadie & J. Ober. Lanham, 1985. P. 253–271.
- Hagedorn D.* Ein Erlass Ptolemaios' I. Soter? // ZPE. B. 66 (1986). S. 65–70.
- Hammond N.G.L., Walbank F.* A History of Macedonia: in III v. V. III. Oxford, 1988.
- Hatzopoulos M.* Macedonian institutions under the kings: in II v. V. I. Athens, 1996.
- Hazzard R.* The Regnal Years of Ptolemy II Philadelphos // Phönix. 1987. # 2. P. 140–158.
- Hazzard R.* Imagination of a Monarchy: Studies in Ptolemaic Propaganda / Phönix. (suppl.) V. 37 (2000).
- Hölbl G.* A History of the Ptolemaic Empire: Transl. from germ. London, N. Y., 2001.
- Huss W.* Ägypten in hellenistischer Zeit: 332–30 v.Chr. München, 2001.
- Lehmann G.* Das neue Kölner Historiker-Fragment (P.Köln Nr.247) und die χρονική σύνταξις des Zenon von Rhodos (FGrHist 523) // ZPE. Bd. 72 (1988). S. 1–17.
- Müller O.* Antigonos Monophthalmos und “Das Jahr der Könige”. Bonn, 1973.
- Rigsby K.* An Edict of Ptolemy I // ZPE. Bd. 72 (1988). P. 273–274.
- Rosen K.* Political Documents in Hieronymus of Cardia (323–302 B.C.) // AC. 10 (1967). P. 41–94.
- Savalli-Lestrade I.* Les rois hellénistiques, maîtres du temps // Des Rois au Prince. pratiques du pouvoir monarchique dans l'orient hellénistique et romain (ive siècle avant j.-c. — iie siècle après j.-c.) / Ed. I. Savalli-Lestrade, E. Cogitore. Grenoble, 2010. P. 55–84.

Stagler M. Die Krönung der Ptolemäer zu Pharaonen // WJA. B. 36 (2012). S. 59–91.

Vandorpe K. The Ptolemaic Period // A Companion to Ancient Egypt: in II v. V. I / Ed. by A. Lloyd. Oxford, 2010. P. 159–179.

Wheatley P. The Chronology of the Third Diadoch War, 315–311 B.C. // Phönix. 1998. No 3/4. P. 257–281.

А.С. Балахванцев

«ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА»
АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО И СЕЛЕВКИДОВ:
РАЗРЫВ ИЛИ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ?

Аннотация: В статье рассматривается вопрос, который уже давно находится в центре внимания исследователей эллинизма. Нарративные и эпиграфические источники демонстрируют, что так же, как при Александре, в державе Селевкидов представители восточных – в первую очередь иранских — народов составляли значительную часть армии. Иранские аристократы стояли во главе сатрапий и крупных воинских соединений, а также сражались в составе конной гвардии — *агемы*. Туземные подданные Селевкидов могли получать права гражданства в эллинских полисах. На протяжении всего селевкидского периода шел инициированный еще Александром процесс «слияния» греко-македонян и варваров, охвативший различные сферы общественной, культурной и религиозной жизни. Все это вместе взятое позволяет считать, что Селевкиды продолжили восточную политику Александра Македонского, которая стала одним из главных средств укрепления их разноплеменного государства.

Ключевые слова: Александр Македонский, Селевкиды, иранцы

Abstract: This article examines a question that has long been of central importance for scholars of Hellenism. Narrative and epigraphic sources demonstrate that Eastern representatives, particularly Iranians, comprised a greater part of the Seleucid armies. Iranian aristocrats headed the satrapies and important military coalitions, and also did battle as part of the cavalry guards, the *agema*. The local subjects of the Seleucids were allowed citizenship rights in the Hellenic *poleis*. The ‘consolidation’ of Graeco-Macedonians and barbarians originally introduced by Alexander continued throughout the Seleucid period, affecting different spheres of social, cultural and religious life. Taken together, it can be concluded that the Seleucids carried on the Eastern policies of Alexander the Great, and these became one of the main tools for strengthening their own multi-tribal state.

Key words: Alexander the Great, the Seleucids, Orientals, Iranians

Стремясь к укреплению своей разноразной державы, Александр Македонский после победы над Дарием начинает осуществлять по отношению к новым подданным комплекс мер, известных в научной литературе как «восточная политика», которая включала в себя следующие элементы.

Первое. Александр допускает представителей восточных (в первую очередь иранских) народов в армию¹. Уже на завершающей стадии среднеазиатской кампании в отряде сатрапа Бактрии Аминты отмечается присутствие бактрийцев и согдийцев (*Arr. Anab. IV. 17. 3*). Во время индийского похода к последним присоединились дахи и скифы (*Curt. VIII. 14. 5; IX. 2. 24; Arr. Anab. V. 12. 2*). После возвращения из Индии восточные всадники были включены в состав конницы гетайров (*Arr. Anab. VII. 6. 3*), а несколько самых знатных иранцев причисляются к царским телохранителям — *агеме* (*Arr. Anab. VII. 6. 4*)².

Однако перемены не ограничились одной только конницей. В 327 г. до н. э. Александр приказал набрать во всех сатрапиях тридцать тысяч юношей для службы в македонской армии (*Curt. VIII. 5. 1; Plut. Al. 47. 6*). В феврале 324 г. до н. э. эти «эпигоны», обученные и вооруженные по македонскому образцу, прибыли в Сузы (*Diod. XVII. 108. 1–3; Arr. Anab. VII. 6. 1*). Затем Александр включил восточных воинов в состав дворцовой стражи и фаланги (*Diod. XVII. 110. 1–2; Arr. Anab. VII. 11. 3; 23.1. 3–4; Just. XII. 12. 4*)³. Следует подчеркнуть, что, действуя так, царь убивал сразу двух зайцев: восполнял убыль воинов, возникшую из-за больших потерь среди греков и македонцев, а также ликвидировал свою чрезмерную зависимость от последних.

Второе. Александр начинает назначать знатных иранцев сатрапами, тем самым допуская их в правящую верхушку. С 331 г. до н. э.

¹ *Brunt P.A. Alexander's Macedonian Cavalry // JHS. 1963. Vol. 83. P. 42–45; Griffith G.T. A Note on the Hippiarchies of Alexander // JHS. 1963. Vol. 83. P. 68–74; Badian E. Orientals in Alexander's Army // JHS. 1965. Vol. 85. P. 160–161; Bosworth A.B. Alexander and the Iranians // JHS. 1980. Vol. 100. P. 15–17; Hammond N.G.L. The Text and the Meaning of Arrian VII 6.2–5 // JHS. 1983. Vol. 103. P. 139–144.*

² Вряд ли можно согласиться с исследователями, приуменьшающими значение этого факта и видящими в восточных аристократах так же, как и в македонских пажих Александра, только заложников (*Bosworth A.B. Alexander and the Iranians. P. 13*). Последнее обстоятельство вовсе не умаляет политической роли как македонской, так и иранской знати.

³ См.: *Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1986. С. 296–298; Bosworth A.B. Alexander and the Iranians. P. 17–20; Шофман А.С. К вопросу о генезисе эллинистических армий (антиагма) // ВДИ. 1987. № 3. С. 143–153.*

во главе важнейших сатрапий стояли Мазей (Вавилония), Абулит (Сузиана), Мифрен (Армения), Фрасаорт (Персида), Оксидат (Мидия), Артабаз (Бактрия). Правда, к концу правления Александра из-за естественной убыли и казней только трое иранцев — Атропат в Мидии, Фратаферн в Парфии и Гиркании, Оксиарт в Парамисадах — сохраняли свои посты. Однако этот факт вряд ли может иметь то значение, которое ему иногда стараются придать⁴: репрессии после завершения индийского похода обрушились и на многих сатрапов из числа македонян. Важным было не количество сатрапов-иранцев, но то, что по воле царя любой из его приближенных, будь то грек, македонянин или иранец, мог как занять, так и потерять свою должность. При этом национальность сатрапа не имела никакого значения.

Третье. Наряду с греками и македонцами Александр расселяет в основанных им городах представителей местного населения⁵.

Четвертое. Александр предпринимает меры, направленные на сближение завоевателей и завоеванных. Так, сам царь, его приближенные и даже простые воины вступают в браки с иранками (*Diod.* XVII. 107 .6; *Curt.* X. 3. 11–12; *Arr. Anab.* VII. 4. 4–8; *Plut.* Al. 70. 3). Вместе с этим начинается процесс «эллинизации» иранцев, огромную роль в котором играла армия⁶. Именно благодаря ей иранские рекруты стали осваивать греческий язык и письмо (*Plut.* Al. 47. 6).

Нашла ли «восточная политика» Александра своих продолжателей в лице Селевкидов? Некоторые ученые отвечают на этот вопрос утвердительно. Так, А.Б. Ранович утверждает, что Александр и его преемники пошли по пути создания греко-восточных монархий, а

⁴ *Bosworth A.B.* Alexander and the Iranians. P. 9, 14.

⁵ Подробнее см.: *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 212–214. Недавняя критика этого положения (*Смирнов С.В.* Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М., 2013. С. 243–244) не выглядит убедительной. Утверждение о невозможности проживания греко-македонян в близком соседстве с коренным населением, безусловно, противоречит известным нам фактам, хотя бы рассказанной Аррианом истории об основании Александрии Эсхаты (*Arr. Anab.* IV. 4. 1), куда, кстати, местные варвары переселялись добровольно. П. Бриан (*Briant P.* Colonisation hellénistique et populations indigènes. La phase d'installation // *Klio.* 1978. Bd. 60 (1). P. 75–76) предпочитает версию Курция Руфа (*Curt.* VII. 6. 27), согласно которой в городе были поселены выкупленные Александром пленники, ставшие таковыми после подавления македонянами восстания городов на Танаисе-Яксарте. Получается, что сначала царь раздает пленных воинам (*Curt.* VII. 6. 16), а буквально на следующий день выкупает рабов у их хозяев! Вряд ли Александр стал бы проявлять такую снисходительность к непокорным в разгар восстания Спитамена.

⁶ *Шахермаир Ф.* Александр Македонский. С. 298.

возникновение городов со смешанным населением приводило к сближению между греко-македонцами и азиатскими народами⁷. Г. Бенгтсон называет державу Селевка I «македоно-иранской империей»⁸. Еще более последовательно такой взгляд на Селевкидов выражен в работе С. Шервин-Уайт и А. Курт⁹. Схожую, хотя и довольно противоречивую, позицию по этому вопросу занимает и Б. Дрейер¹⁰. Однако большинство исследователей считают, что в селевкидском государстве эта политика была полностью отброшена: устанавливается господство этноса завоевателей, или, говоря словами П. Бриана, «доминирующего этно-класса», эксплуатировавшего местное население¹¹. Некоторые исследователи даже называют эллинизм «колониальным обществом»¹². Из такого понимания природы эллинистического государства в целом и селевкидского, в частности, делаются далеко идущие выводы относительно культурного и политического развития эллинистического мира. Так, значительное распространение получил тезис, что широкие контакты местных и греческой культур начались только после падения власти завоевателей¹³. Утверждается также, что именно благодаря борьбе народов Востока против господства греко-македонян возникли Парфия и Кушанское царство¹⁴.

⁷ Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 97, 102.

⁸ Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 73. Следует заметить, что во взглядах Г. Бенгтсона присутствует серьезное противоречие: ниже он замечает, что местные элементы стали проникать в правящее сословие лишь к концу III в. до н. э. См.: Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. С. 78.

⁹ Sherwin-White S., Kuhrt A. From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire. Berkeley; Los Angeles, 1993. P. 38.

¹⁰ Dreyer B. How to Become a "Relative" of the King: Careers and Hierarchy at the Court of Antiochus III // AJPh. 2011. Vol. 132 (1). P. 46.

¹¹ Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 133; Edson Ch. Imperium Macedonicum: The Seleucid Empire and the Literary Evidence // CPh. 1958. Vol. 53 (3). P. 156, 164; Will É. Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.)¹. Nancy, 1966. T. 1. P. 243; Préaux C. Le monde hellénistique: la Grèce et l'Orient (323–146 av. J.-C.). Paris, 1978. P. 680; Briant P. Colonisation hellénistique et populations indigènes. La phase d'installation. P. 92; Walbank F.W. The Hellenistic World. London, 1993. P. 14–15, 63, 65, 125; Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. С. 32, 49; Frye R.N. The History of Ancient Iran. München, 1984. P. 173; Маринович Л.П. Александр Македонский и становление эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 90–91.

¹² Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. М., 1960. Ч. I. С. 138, 155; Левек П. Эллинистический мир. М., 1989. С. 75.

¹³ Толстов С. Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока» // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 208; Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. С. 291–292.

¹⁴ Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. С. 53.

Для ответа на вопрос: продолжили ли Селевкиды «восточную политику» Александра или порвали с ней, следует еще раз обратиться к анализу имеющихся у нас источников. Начнем с армии. Еще П. Бриан, сравнивая мероприятия Эвмена с действиями других диадохов, в том числе и Селевка, показал, что все они прибегали к набору войск из местного населения¹⁵. Причина этого заключалась в том, что в случае сотрудничества между сатрапом и его восточными подданными первый мог получить в свое распоряжение армию испытанной преданности, невозможной ни со стороны наемников, ни со стороны македонян¹⁶. Естественно предположить, что Селевк и его преемники продолжали использовать восточных воинов и в дальнейшем¹⁷. Тем не менее, следует уточнить вопрос о масштабах «ориентализации» селевкидской армии и ее составных частей.

При Ахеменидах в Вавилонии была широко распространена практика предоставления воинам земельных участков. При этом воины не только отбывали воинскую повинность, но и платили со своей земли налоги царю. Воинские наделы носили названия: «дом» (bīt) лука, колесницы, коня и т. д.¹⁸ Упоминание аналогичных наделов в документах из Урука начала III в. до н. э.¹⁹ свидетельствует о том, что Селевк I унаследовал эту систему, позволявшую серьезно сократить расходы на армию, и среди его воинов были вавилоняне. Очевидно, что большую часть тех царских войск, которые в полном своем составе были собраны в Вавилонии и под командованием стратега в апреле 273 г. до н. э. отправились на помощь Антиоху I в Заречье (Сирию), составляли как раз вавилоняне²⁰.

¹⁵ Briant P. D'Alexandre le Grand aux diadoques: le cas d'Eumène de Kardia (1er article) // REA. 1972. T. 74. P. 60–69.

¹⁶ Briant P. D'Alexandre le Grand aux diadoques: le cas d'Eumène de Kardia (1er article). P. 69.

¹⁷ Foulon É. Contribution à une taxinomie des corps d'infanterie des armées hellénistiques // ES. 1996. T. 64 (3). P. 229. Особняком стоит мнение И. Вольского (Wolski J. L'Iran dans la politique des Séleucides // AAASH. 1977. T. 25. P. 155), согласно которому со второй половины III в. до н. э. иранская кавалерия уже не участвует в битвах Селевкидов. Приводимые ниже данные убедительно демонстрируют необоснованность этого утверждения.

¹⁸ Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 157–159.

¹⁹ Саркисян Г.Х. Частные клинописные контракты селевкидского времени из собрания Государственного Эрмитажа // ВДИ. 1955. № 4. С. 140–142; Wallenfels R. Seleucid Archival Texts in the Harvard Semitic Museum. Groningen, 1998. № 1.

²⁰ Sachs A.J., Hunger H. Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. Wien, 1988. Vol. I. -273 B 'Rev. 32'; Spek R.J. van der. The Astronomical Diaries as a Source for Achaemenid and Seleucid History // BO. 1993. J. 50. № 1–2. P. 98.

Во время Первой Сирийской войны (274–271 гг. до н. э.) Антиох I Сотер, желая обмануть египетского стратега, сделал вид, будто его армия собирается отмечать «персидский праздник» (*Polyaen.* IV. 15). Это известие, как и само празднество, не вызвало у неприятеля никаких подозрений, что можно объяснить лишь значительным и постоянным присутствием иранских воинов в селевкидской армии, о чем было хорошо известно и противной стороне. В пользу предложенного объяснения свидетельствуют и факты использования воинов из восточных народов не только в составе армий во время решающих битв, но и для несения обыденной гарнизонной службы в Малой Азии (OGIS 229, ll. 104–105).

В битве при Рафии в 217 г. до н. э. на стороне Антиоха III в качестве легковооруженных воинов и конников сражались около двадцати тысяч дахов, карманиев, киликийцев, персов, мидян, киссиев, кадусиев и арабов (*Polyb.* V. 79. 3, 6–8). Однако при этом ряд исследователей утверждает, что фаланга — ядро армии — была чисто македонской²¹. Мне представляется, что эта точка зрения является ошибочной в плане оценки как роли фаланги, так и ее национального состава. Во-первых, уже начиная с Александра основной ударной силой армии стала конница. Из-за снижения качества тяжеловооруженной пехоты²² и необходимости вести боевые действия на необозримых просторах Азии тенденция к выдвиганию на первый план конницы еще более усилилась при Селевкидах. Так, именно успех или неудача кавалерийских атак во главе с царем определили исход основных сражений в царствование Антиоха III: при Рафии (*Polyb.* V. 82–85), на реке Арий (*Polyb.* X. 49) и при Магнесии (*Liv.* XXXVII. 40–43).

Во-вторых, Полибий свидетельствует о присутствии при Рафии, наряду с двадцатитысячной фалангой, десяти тысяч отборных воинов из всего царства, вооруженных по-македонски, большинство из которых были аргираспидами (*Polyb.* V. 79. 4–5). Уже давно появилась тенденция видеть в части этих тяжеловооруженных воинов представителей восточных народов²³. Вряд ли можно согласиться с

²¹ *Bar-Kochva B.* The Seleucid Army. Cambridge, 1976. P. 20, 59–60, 213, n. 5; *Кочешенко Г.А.* Греческий полис. С. 225; *Маринович Л.П.* Александр Македонский и становление эллинизма. С. 94.

²² *Шофман А.С.* К вопросу о генезисе эллинистических армий (*антиматема*). С. 152.

²³ *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 55, 61; *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxford, 1957. P. 608. См. также: *Sherwin-White S., Kuhrt A.* From Samarkhand to Sardis. P. 55.

критикой этого мнения со стороны Б. Бар-Кохвы, согласно которому Селевкиды не могли предоставить паноплию восточным воинам, так как боялись восстаний покоренных народов²⁴. Нетрудно заметить, что возражение израильского историка основывается на тезисе, который сам еще нуждается в доказательстве. Между тем, после Александра вооружение восточных рекрутов на македонский манер (*Diod. XIX. 27. 6*) приобрело настолько широкое распространение, что применительно к армии апеллятив «македонянин» стал означать только «солдата, вооруженного по македонскому образцу»²⁵.

Не менее важную роль иранцы играли и в селевкидской кавалерии. В битве при Магнесии в 190 г. до н. э. *агема* Антиоха III состояла из отборных мидян и других иранцев этой же области (*Liv. XXXVII. 40. 6*)²⁶. Э. Бикерман, опираясь на замечание Аппиана (*App. Syg. 32*) об *агеме* македонян, считает, что Ливий допустил здесь ошибку²⁷. Однако упоминание римским историком о происхождении воинов *агеми* из одной области не позволяет воспринимать македонян в этническом смысле: ведь особой «области македонян» в царстве Селевкидов не было. Поэтому никакого противоречия между двумя историками здесь нет, и речь может идти о мидянах, вооруженных по-македонски. Если же учесть наличие в Мидии царских табунов (*Polyb. V. 44. 1*) и то, что прилегающая к ней с севера Мидия Атропатена славилась своей конницей (*Polyb. V. 55. 8*), то причин сомневаться в точности сведений Ливия, восходящих к Полибию, просто не остается. Иранцами же были и катафракты, сражавшиеся с римлянами при Магнесии (*Liv. XXXVII. 40. 5; 11*), а позже участвовавшие в параде, устроенном Антиохом IV в Дафне (*Polyb. XXXI. 3. 9*)²⁸.

В науке уже был поставлен вопрос о существовании в селевкидских сатрапиях местных воинских соединений²⁹. И хотя в источниках

²⁴ Bar-Kochva B. The Seleucid Army. P. 20.

²⁵ Briant P. D'Alexandre le Grand aux diadoques: le cas d'Eumène de Kardie (suite et fin) // REA. 1973. Т. 75. P. 44. Я полностью поддерживаю вывод Н. Секунды (*Sekunda N. Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies 168–145 BC. Dewsbery, 1994. Vol. 1. P. 13*), согласно которому понятие «македонянин» в державе Селевкидов превратилось в «псевдоэтноним». Автор справедливо указывает, что при Антиохе II даже выходец с Кипра мог называть себя македонянином (*Athen. VII. 289f*).

²⁶ Sekunda N. Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies. P. 22.

²⁷ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 57.

²⁸ Sekunda N. Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies. P. 21.

²⁹ Boiy T. Royal and Satrapal Armies in Babylonia during the Second Diadoch War. The *Chronicle of the Successors on the Events during the Seventh year of Philip Arrhidaeus* (=317/316 BC) // JHS. 2010. Vol. 130. P. 9.

нет никаких прямых данных об их национальном составе, проблема вполне поддается решению. Учитывая, что в 180–160 гг. до н. э. целый ряд бывших селевкидских наместников — Артаксий, Зариандр, Гиспаосин, Птолемей — провозглашают свою независимость, вряд ли можно сомневаться в том, что войска, которыми они командовали, формировались не из греко-македонян, а из местного населения.

Какое место занимали иранцы в правящей верхушке? Часто приходится сталкиваться с мнением, будто после Александра представители иранской аристократии исчезают из высших эшелонов власти³⁰. Ф. Уолбанк даже пытается подкрепить этот вывод ссылкой на статистические данные, согласно которым доля сирийцев, иудеев, персов и других иранцев в составе господствующего класса не превышала 2,5 %³¹. Однако последующие исследования показали, что руководящие должности у Селевкидов занимали значительно больше представителей восточных народов, чем это считалось ранее³². Вместе с тем констатируется почти полное (за одним-единственным исключением) отсутствие «варваров» среди царских φίλοι³³.

Что можно заметить по этому поводу? Мне представляется, что при решении вопроса об этническом составе правящего класса необходимо учесть следующее. Первое. Правящая верхушка при любой монархии представляет собой группу людей — крупных собственников, — которые *систематически* участвуют в принятии важных политических решений как общегосударственного, так и регионального уровня. Поэтому недопустимо автоматически включать в эту группу тех царских друзей, об административной деятельности которых или влиянии на политический процесс ничего не известно. Второе. Греческие и македонские имена полководцев и администраторов селевкидской державы сами по себе говорят лишь о том, что их носители в той или иной степени приобщены к греческой культуре и в этом

³⁰ Маринович Л.П. Александр Македонский и становление эллинизма. С. 100; Кошелев Г.А., Ладынин И.А. Эллинизм // Всемирная история. Т. 1: Древний мир. М., 2011. С. 537.

³¹ Walbank F.W. The Hellenistic World. P. 125; Habicht Ch. Die herrschende Gesellschaft in den hellenistischen Monarchien // VSWG 1958. Bd. 45. S. 5–16. См. также: Dreyer B. How to Become a “Relative” of the King: Careers and Hierarchy at the Court of Antiochus III. P. 49.

³² См.: Мель А. Размышления по поводу «господствующего общества» и подданных в державе Селевкидов: отношения и ожидания // Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. Казань; Нижний Новгород; Саратов, 2005. С. 74–77 (с предшествующей литературой).

³³ Savalli-Lestrade I. Les philoi royaux dans l’Asie hellénistique. Genève, 1998. P. 223.

смысле являются эллинами. Однако на основе анализа одной ономастики невозможно определить, были ли они эллинами *κατὰ φύσιν* или представителями эллинизированной восточной аристократии. Третье. Дошедшие до нас данные о правящей верхушке государства Селевкидов в высшей степени случайны. Так, для правления Селевка II Каллиника (246–225 гг. до н. э.) известен всего лишь один царский друг — врач Аполлофан³⁴. Поэтому мне представляется более продуктивным при решении этого вопроса отказаться от статистических выкладок и обратиться к прямым указаниям источников.

Среди «друзей» Селевка I Лукиан упоминает юношу с явно семитским именем Комбаб, надзиравшего за постройкой храма в Гиераполисе (*Luc. Syr. D.* 19–27). Вся рассказанная о нем Самосатцем история носит сказочный характер, но такая деталь, как воздвижение в честь Комбаба бронзовой статуи работы Гермокла Родосского (*Luc. Syr. D.* 26), заставляет предположить, что в легенде присутствовало историческое зерно³⁵. В 246 г. до н. э. стратегом Киликии был иранец Арибаз (*P. Gurob. Col. II* 30)³⁶, а в 214 г. до н. э. его тезка и соотечественник исполнял обязанности градоначальника в Сардах (*Polyb.* VII. 17. 9, 18. 4–5, 7). Градоначальником Урука в 244 г. до н. э. был вавилонянин Ануубаллит-Никарх³⁷, а в 202 г. до н. э. эту должность занимал Ануубаллит-Кефалон³⁸. В 217 г. до н. э. в битве при Рафии мидиец Аспасиан командовал корпусом, состоявшим из пяти тысяч иранцев (*Polyb.* V. 79. 7).

В конце правления Антиоха III стратегами Армении являлись Артаксий и Зариандр, иранские имена которых говорят сами за себя (*Strabo* XI. 14. 5). Что же касается Артаксия, то, судя по его надписям, он принадлежал к знатному персидскому роду Оронтидов³⁹.

³⁴ *Ibidem.* P. 19–20.

³⁵ См. также: *Sherwin-White S., Kuhrt A.* From Samarkhand to Sardis. P. 25, 124; *Savalli-Lestrade I.* Les *philoi* royaux. P. 6.

³⁶ *Piejko Fr.* Episodes from the Third Syrian War in a Gurob Papyrus, 246 B.C. // *Afp.* 1990. Bd. 36. P. 14, 21, n. 11; *Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. München, 1944. Bd. II. S. 77; *Eddy S.K.* The King is Dead. Lincoln, 1961. P. 39.

³⁷ *Саркисян Г.Х.* Греческая ономастика в Уруке и проблема *Graeco-Babyloniaca* // *Древний Восток.* 2. Ереван, 1976. С. 193.

³⁸ Там же. С. 194. Следует заметить, что, в отличие от иранцев, вавилоняне не занимали административных постов вне пределов своей исторической родины.

³⁹ *Тирациян Г.А.* Еще одна арамейская надпись Арташеса I, царя Армении // *ВДИ.* 1980. № 4. С. 102. Вопреки мнению автора, который склонен более доверять баснословным утверждениям Моисея Хоренского, чем эпиграфическим данным, сомневаться в справедливости прямого заявления Артаксия о его принадлежности к роду Оронтидов нет никаких оснований.

Антиох IV назначил эпархом Месены Гиспаосина, сына Сагдодонака (*Plin. NH. 6.139*), который, судя по имени, был человеком иранского и, возможно, даже бактрийского происхождения⁴⁰. В конце правления Антиоха IV эпистатом Коммагены был Птолемей (*Diod. 31.19a*), возводивший свое происхождение к уже упоминавшемуся роду Оронтидов⁴¹. Накануне парфянского вторжения в Вавилонию пост ее стратега занимал Ардайя⁴². Поскольку в вавилонской клинописи при написании иранских имен встречается передача иранского глухого через аккадский звонкий⁴³, можно предположить, что перед нами иранское имя *Artaya (герой)⁴⁴. В 141 г. до н. э. Митридат I назначил командующим войсками в только что захваченной парфянами Вавилонии Антиоха, сына Арьябузана⁴⁵. Около 140 г. до н. э. правителем Месопотамии был мидиец Дионисий (*Diod. XXXIII. 28*)⁴⁶.

Для правильной оценки этих данных необходимо учесть, что если при Ахеменидах существовал обычай, по которому знать должна все время находиться при царском дворе и быть готовой к выполнению любого распоряжения своего повелителя (*Xen. Cyr. VIII. 1. 6–8*), то при Селевкидах ситуация кардинально меняется. Уже отмечавшееся выше отсутствие иранцев среди царских друзей⁴⁷ свидетельствует о том, что в III–II вв. до н. э. иранские аристократы переносят свою активность на региональный уровень, оказывая особенно сильное влияние на положение дел в тех сатрапиях, где находились их поместья. Все это неопровержимо свидетельствует, что говорить об исключении восточной знати из правящей элиты нет никаких оснований.

⁴⁰ История вопроса: *Nodelman S.A. A Preliminary History of Characene // Berytus. 1960. Vol. XIII (2). P. 86; Bernard P. Fouilles d'Aï Khanoum. IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne. Paris, 1985. P. 135–136; Boiy T. Late Achaemenid and Hellenistic Babylon. Leuven; Paris; Dudley, MA, 2004. P. 169, n. 155.*

⁴¹ *Sullivan R.D. The Dynasty of Commagene // ANRW. Bd. II. 8. P. 736, 743.*

⁴² *Sachs A.J., Hunger H. Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. Wien, 1996. Vol. III. -144 'Obv. 35'–37'.*

⁴³ *Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 2007. С.100, 102.*

⁴⁴ Там же. С. 298.

⁴⁵ *Sachs A.J., Hunger H. Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. -140 C'Rev. 30'.*

⁴⁶ *Savalli-Lestrade I. Les philoi royaux. P. 120.*

⁴⁷ *Ibid. P. 223.* Иранские аристократы не могли комфортно чувствовать себя при дворе: их знание греческого языка вряд ли превышало уровень, необходимый для обсуждения военных и административных вопросов, а многие придворные обычаи — такие, как участие в танцах (*Athen. IV. 155b*) — были им откровенно чужды.

Переходя к анализу положения восточного населения в селевкидских городах, следует выделить три аспекта этой проблемы. Первый из них касается совместного проживания греков и местного населения в одном городе. Такая практика засвидетельствована для Антиохии на Оронте, Дура-Эвропос, Селевкии на Тигре, Антиохии Каллирои (Эдессы), Антиохии в Мигдонии (Низибиса), Селевкии (Керкука), Вавилона, Урука, Селевкии на Эвлее (Суз)⁴⁸. Следует заметить, что, судя по вавилонским астрономическим дневникам, никаких конфликтов между жившими в Вавилоне греческими *политами* и местным «народом земли» не возникало.

Второй аспект связан с вопросом формирования гражданского коллектива в селевкидских полисах⁴⁹. Можно ли считать, что он состоял только из македонян и греков⁵⁰? Я полагаю, что данное мнение является ошибочным и опровергается следующим фактом. В 244/3 г. до н. э.⁵¹ группа селевкидских воинов-персов под командованием Омана получила гражданские права в Смирне (OGIS 229, II. 104–105)⁵². Поскольку греческие *-ο* и *-ων* передают иранское *vahu*⁵³, *то имя офицера следует восстановить как ср.-перс. Vahuman* (Добромысл)⁵⁴. Если целое подразделение персов смогло получить гражданские права в одном из старинных полисов Ионии, то вряд ли следует с порога отвергать возможность проникновения жителей

⁴⁸ Подробнее см.: Downey G. A History of Antioch in Syria. Princeton, 1961. P. 78–80, 115; Кошеленко Г.А. Греческий полис. С. 82, 84, 86, 89, 106, 118; Дандамаева М.М. Греки в эллинистической Вавилонии (По данным просопографии) // ВДИ. 1985. № 4. С. 171–174; Cohen G.M. The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea Basin, and North Africa. Berkeley; Los Angeles, 2006. P. 86.

⁴⁹ Пользуясь случаем, замечу, что отнюдь не все основанные Селевкидами города получали статус полиса. Так, например, нет никаких доказательств того, что полисом был Ай-Ханум: в происходящей отсюда эпиграфике *ни разу* не упоминаются полис, его институты или магистраты. См.: Rougemont G. Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale (Corpus Inscriptionum Iranicarum). London, 2012. № 97–150.

⁵⁰ Кошеленко Г.А. Греческий полис. С. 220; Шофман А.С. К вопросу о генезисе эллинистических армий. С. 149.

⁵¹ Elwyn S. The Recognition Decrees for the Delphian Soteria and the Date of Smyrna's Inviolability // JHS. 1990. Vol. 110. P. 180.

⁵² Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 62. Примеч. 138; Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. С. 103; Walbank F.W. The Hellenistic World. P. 131. Начало подобной практики восходит к 320 г. до н. э., когда гражданами Амизона стали иранцы Багадат и его сын Ариарамн. См.: Briant P. Les Iraniens d'Asie Mineure après la chute de l'empire Achéménide. A propos de l'inscription d'Amyzon // DHA. 1985. T. 11. P. 174–175.

⁵³ Грантовский Э.А. Ранняя история. С. 92.

⁵⁴ Там же. С. 241.

Востока в гражданские коллективы полисов, основанных самими Селевкидами на просторах Азии.

Третий аспект исследуемой проблемы посвящен вопросу эксплуатации греко-македонянами местного населения. Так, существует мнение, что в Дура-Эвропос клеры граждан обрабатывали местные жители⁵⁵. В общей форме об илотизации местного населения говорит и П. Бриан⁵⁶. Вместе с тем, Е.С. Голубцова отмечает отсутствие для Малой Азии свидетельств того, что в состав владений городских жителей входили люди, которые бы сидели на этой земле и ее обрабатывали⁵⁷. На мой взгляд, при решении данного вопроса необходимо учитывать, что условия, в которых возникали новые полисы, были весьма различны. Так, столица селевкидской державы Антиохия на Оронте, судя по археологическим данным, была основана в районе с редким населением⁵⁸, которого было явно недостаточно для того, чтобы обработать пять тысяч триста и тем более десять тысяч клеров граждан нового города⁵⁹.

Ценную информацию о хозяйстве горожан можно извлечь из рассказа Аппиана о восстановлении Антиохом III разрушенной Лисимахии. Стремясь привлечь в город новых поселенцев и помочь им поскорее встать на ноги, царь раздавал им быков, овец и железные орудия для земледелия (*App. Syr.* 1)⁶⁰. Эти данные недвусмысленно свидетельствуют против возможности того, что хозяйство и благосостояние горожан основывалось на отработках

⁵⁵ Левек П. Эллинистический мир. С. 57. Следует заметить, что *ἐποίκιοι* в составе клера Конона в Дура-Эвропос вовсе не обязательно понимать как «деревня» (*Кошеленко Г.А.* Греческий полис. С. 228. Примеч. 30). Данный апеллатив может означать и «усадебку» (*LSJ.* 1996. P. 675). Такая трактовка не дает основания для вывода, что на клере Конона находились и работали местные жители.

⁵⁶ *Briant P.* Colonisation hellénistique. P. 80–82.

⁵⁷ *Голубцова Е.С.* Рабство и зависимость в эллинистической Малой Азии // Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н. э. М., 1969. С. 167.

⁵⁸ *Кошеленко Г.А.* Греческий полис. С. 178 (с предшествующей литературой). Ряд авторов (*Cohen G.M.* The Seleucid Colonies. Wiesbaden, 1978. P. 25; *Смирнов С.В.* Государство Селевка I. С. 238), опираясь на свидетельство Либания (*Lib. Orat.* XI. 89), отмечают использование при строительстве Антиохии плотников и слуг из местного населения. Однако даже если информация Либания и соответствует действительности, она еще не дает оснований говорить о превращении аборигенов в илотов. Впрочем, сопоставлению данных письменных и археологических источников следует посвятить специальное исследование.

⁵⁹ *Cohen G.M.* The Hellenistic Settlements. P. 81.

⁶⁰ Аналогичным образом Антиох III действовал и в отношении военных колонистов, размещенных им в Лидии и Фригии (*Jos. AJ.* XII. 148–153): им выдавались земли для постройки домов, под пашню и виноградники.

местного населения: в противном случае вместо быков и плугов Антиоху следовало бы раздавать земли с λαοί, которые и так имели свой скот и инвентарь⁶¹.

Существование серьезных различий в размерах жалования и экстраординарных выплат солдатам и офицерам македонской армии (*Arr. Anab.* II. 12. 1)⁶² заставляет усомниться в том, что при образовании полиса из бывших военных в наделении их землей соблюдался уравнительный принцип: командиры или царские приближенные получали большие участки земли, вполне сопоставимые по размерам с владениями Аристоклида, Мнесимаха, Лаодики, на которых могли сидеть обрабатывающие их λαοί⁶³. Что же касается простых солдат, то вряд ли размеры их клеров позволяли разместиться там каким-либо местным жителям. Следует также подчеркнуть, что новым поселенцам земельные наделы вообще не предоставлялись⁶⁴. Все это приводило к росту социальной дифференциации внутри греческих полисов (*Athen.* XI. 466b) и способствовало установлению в них олигархического правления (*Tac. Ann.* VI. 42. 1–2). К сожалению, источники содержат крайне мало информации о низших слоях гражданства, поэтому о них приходится судить по косвенным данным. Так, присутствие около 200 г. до н. э. в Малой Азии носивших греческие имена наемников — выходцев из Антиохии и Лаодики, позволяет сделать вывод о наличии в сирийских полисах людей, лишенных средств к существованию и вынужденных уходить на чужбину в поисках заработка⁶⁵.

Не следует также забывать и о том, что отнюдь не все греки селевкидской державы были включены в состав полисов. Имущественное и социальное положение этой категории эллинов также сильно различалось. Например, в клинописном контракте 151 г. до н. э. из Урука упоминается Деметрий, сын Архия, который находился в зависимости от Зора, сына Кефалона⁶⁶. Все это вместе взятое не позволяет согласиться с мнением о совпадении социального деления селевкидского общества с этническим.

⁶¹ Голубцова Е.С. Рабство и зависимость. С. 171–178.

⁶² Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2001. С. 69.

⁶³ См.: Голубцова Е.С. Рабство и зависимость в эллинистической Малой Азии. С. 170–178.

⁶⁴ Cohen G.M. The Seleucid Colonies. P. 46.

⁶⁵ Шифман И.Ш. Сирийское общество эпохи принципата. М., 1977. С. 22.

⁶⁶ Саркисян Г.Х. Греческая ономастика. С. 188–189; Дандамаева М.М. Греки в эллинистической Вавилонии. С. 172.

Естественно, что данное обстоятельство облегчало процесс сближения потомков греко-македонян и жителей Востока. Свое наглядное выражение он нашел в смешанных браках⁶⁷. Так, Селевк еще при жизни Александра взял в жены дочь вождя бактрийцев Спитамена Апама (*Arr. Anab.* VII. 4 .6), ставшую матерью наследника престола Антиоха I. Дочери Антиоха II вышли замуж за иранских династов: Стратоника — за Ариарата Каппадокийского (*Diod.* XXXI. 19. 6), а Апама⁶⁸ — за Митридата II Понтийского (*Porphy.* FGrH 260 F 32.6). Младший сын Антиоха II Антиох Гиеракс первым браком был женат на дочери Ариамена (Ариарамна) Каппадокийского (*Just.* XXVII. 3. 7), а вторым — на дочери Зиела Вифинского (*Porphy.* FGrH 260 F 32.8). Антиох III женился на Лаодике, дочери Митридата II Понтийского (*Polyb.* V. 43. 1), а свою сестру Антиохида выдал за правителя Софены Ксеркса (*Polyb.* VIII. 25. 5). Дочь Антиоха III Антиохида стала женой Ариарата IV (*Diod.* XXXI. 19. 7).

В аналогичные браки вступали и люди более скромного социального положения. Например, гречанка Антиохида, дочь Диофанта, была женой правителя Урука Ануубаллита-Кефалона⁶⁹, а Дионисия, дочь Гераклида, вышла замуж за вавилонянина Ануубелшуну⁷⁰. Кроме этих случаев в Уруке отмечено еще несколько смешанных

⁶⁷ Не лишним здесь будет напомнить о существовании при Птолемах запрете на смешанные браки в Навкратисе и, возможно, в Александрии. См.: *Баюн Л.С.* Этноязыковая ситуация на эллинистическом Востоке // *Эллинизм: восток и запад.* М., 1992. С. 268.

⁶⁸ В апреле-мае 246 г. до н. э. вавилонский астрономический дневник зафиксировал пребывание в городе детей Антиоха II — Селевка, Антиоха и Апама (*Sachs A.J., Hunger H.* *Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia.* Wien, 1989. Vol. II. 245 A Obv'. 13). Имени каждого персонажа был предпослан вертикальный клин, означающий в аккадской клинописи мужской детерминатив. Ряд авторов (*Мель А.* *Размышления по поводу «господствующего общества».* С. 76; *Muccioli F.* *Antiocho III e la politica onomastica dei Seleucidi* // *Electrum.* 2010. Vol. 18. P. 86) интерпретировал эту запись как свидетельство о существовании неизвестного прежде селевкидского принца Апама. В 2005 г. я предположил, что, поскольку таких мужских имен в иранской ономастике не встречается, речь может идти только о женском имени Апама. Что же касается ошибочно употребленного перед именем царевны мужского детерминатива, то похожие примеры имели место еще в старовавилонский период. См.: *Балаханцев А.С.* *Династии Митридатидов и Ариаратидов в свете новых исторических данных: тезисы доклада на Седьмых Жебелевских чтениях в Санкт-Петербургском государственном университете* // ВДИ. 2006. № 2. С. 226.

⁶⁹ *Саркисян Г.Х.* *Греческая ономастика в Уруке.* С. 187, 210–211. Автор приводит доводы в пользу принадлежности Антиохида к роду Селевкидов.

⁷⁰ Там же. С. 189–190.

браков⁷¹. Смешанные браки между колонистами и местными арамейскими женщинами зафиксированы и в Дура-Эвропос⁷². Следует заметить, что, если при Александре браки заключались только между греко-македонянами и иранками, то при Селевкидах процесс приобрел двусторонний характер.

Межэтнические браки способствовали появлению среди представителей народов Востока носителей греческих имен, о чем свидетельствуют клинописные документы из Урука. Г.Х. Саркисян насчитал среди урукитов тридцать пять человек с греческими именами, обладатели которых занимали различные административные должности в урукской общине⁷³. К последним с некоторой долей сомнения можно присоединить и жителя Вавилона Аристея, другое имя которого было Ардубелти⁷⁴. В списке наемников из Иасоса в Карию значится мидиец Сарапион, сын Деметрия (SEG XVIII. 450, 9–10)⁷⁵. Возможно, что и упоминавшиеся выше знатные иранцы Птолемей, Дионисий и Антиох, сын Арьябузана, получили свои имена благодаря матерям-гречанкам. Параллельно с этим некоторые иранские имена проникают в греко-македонскую среду. Так, Антиох III назвал своего сына, будущего царя Антиоха IV, Митридатом, возможно, в честь его деда с материнской стороны Митридата II Понтийского⁷⁶. Кроме того, это же имя носил и сын родной сестры Антиоха III (*Polyb.* VIII. 25. 3).

Разумеется, что без знания в той или иной степени греческого языка проникновение представителей восточных народов на командные посты в армии и в административный аппарат селевкидского государства, а также заключение межэтнических браков было бы невозможным. К сожалению, прямых данных о том, насколько и какие жители Востока владели греческим языком, у нас нет, если не считать отмеченного риторическим преувеличением восклицания Плутарха, согласно которому в Азии стали читать Гомера, а дети персов, сузианцев и гедросов — играть в трагедиях Еврипида и

⁷¹ Там же. С. 207.

⁷² Дандамаева М.М. Греки в эллинистической Вавилонии. С. 166.

⁷³ Саркисян Г.Х. Греческая ономастика в Уруке. С. 184, 214.

⁷⁴ См.: Дандамаева М.М. Греки в эллинистической Вавилонии. С. 163; Дандамаева М.М. Некоторые аспекты истории эллинизма в Вавилонии // ВДИ. 1990. № 4. С. 10. Не вполне ясно, кем — греком или вавилонянином — являлся Аристей. Следует лишь отметить очень хорошее знание им аккадского языка.

⁷⁵ Судя по тому, что надпись датируется ок. 200 г. до н. э., отец Сарапиона получил греческое имя не позднее середины III в. до н. э.

⁷⁶ Muccioli F. Antioco III e la politica onomastica dei Seleucidi. P. 81–83.

Софокла (*Plut. De fort. Al. I. 5*). Вместе с этим, источники конца селевкидского периода позволяют утверждать, что некоторые греки изучали шумерский и аккадский языки⁷⁷ и, возможно, арамейский⁷⁸. Кроме того, селевкидские власти обращались к своим восточным подданным и через переводчиков (*Polyb. V. 83. 7*), о национальности которых можно только гадать.

Следствием сближения греко-македонян и народов Востока стало возникновение такого еще неизвестного при Александре явления, как культурный и религиозный синтез, одним из наиболее убедительных проявлений которого стал храм Окса в Тахти-Сангине (Южный Таджикистан). В архитектуре храма, возникшего в начале III в. до н. э., переплетаются иранские, месопотамские и греческие традиции, а отправление иранских культов огня и воды сочеталось с поклонением греческим божествам⁷⁹.

Изложенный выше материал позволяет заключить, что Селевкиды сохранили и продолжили «восточную политику» Александра Македонского: без нее их государство не только не смогло бы существовать, но и просто бы не возникло.

Литература

- Балахванцев А.С.* Династии Митридатидов и Ариаратидов в свете новых исторических данных: тезисы доклада на Седьмых Жебелевских чтениях в Санкт-Петербургском государственном университете // ВДИ. 2006. № 2. С. 226.
- Баюн Л.С.* Этноязыковая ситуация на эллинистическом Востоке // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 263–279.
- Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
- Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985.
- Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. М., 1960. Ч. I.
- Голубцова Е.С.* Рабство и зависимость в эллинистической Малой Азии // Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н. э. М., 1969. С. 128–199.
- Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 2007.

⁷⁷ *Sollberger E.* Graeco-Babyloniaca // Iraq. 1962. Vol. 24 (1). P. 63.

⁷⁸ *Black J.A., Sherwin-White S.M.* A Clay Tablet with Greek Letters in the Ashmolean Museum, and “Graeco-Babyloniaca” Texts // Iraq. 1984. Vol. 46 (2). P. 137–139.

⁷⁹ Подробнее см.: *Литвинский Б.А., Пичкиян И.Р.* Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан), т. I. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000.

- Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
- Дандамаева М.М.* Греки в эллинистической Вавилонии (*По данным просопографии*) // ВДИ. 1985. № 4. С. 155–175.
- Дандамаева М.М.* Некоторые аспекты истории эллинизма в Вавилонии // ВДИ. 1990. № 4. С. 3–25.
- Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2001.
- Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Кошеленко Г.А., Ладынин И.А.* Эллинизм // Всемирная история. Т. 1: Древний мир. М., 2011. С. 521–551.
- Левек П.* Эллинистический мир. М., 1989.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.* Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000.
- Маринович Л.П.* Александр Македонский и становление эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 86–102.
- Мель А.* Размышления по поводу «господствующего общества» и подданных в державе Селевкидов: отношения и ожидания // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. Казань; Нижний Новгород; Саратов, 2005. С. 73–85.
- Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950.
- Саркисян Г.Х.* Частные клинописные контракты селевкидского времени из собрания Государственного Эрмитажа // ВДИ. 1955. № 4. С. 136–170.
- Саркисян Г.Х.* Греческая ономастика в Уруке и проблема *Graeco-Babyloniaca* // Древний Восток. 2. Ереван, 1976. С. 181–217.
- Смирнов С.В.* Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М., 2013.
- Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
- Тирацян Г.А.* Еще одна арамейская надпись Арташеса I, царя Армении // ВДИ. 1980. № 4. С. 99–104.
- Толстов С.* Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока» // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 194–209.
- Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М., 1986.
- Шифман И.Ш.* Сирийское общество эпохи принципата. М., 1977.
- Шофман А.С.* К вопросу о генезисе эллинистических армий (*антитагма*) // ВДИ. 1987. № 3. С. 143–153.
- Badian E.* Orientals in Alexander's Army // JHS. 1965. Vol. 85. P. 160–161.
- Var-Kochva V.* The Seleucid army. Cambridge, 1976.
- Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. München, 1944. Bd. II.
- Bernard P.* Fouilles d'Aï Khanoum. IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne. Paris, 1985.

- Black J.A., Sherwin-White S.M.* A Clay Tablet with Greek Letters in the Ashmolean Museum, and “Graeco-Babyloniaca” Texts // *Iraq*. 1984. Vol. 46 (2). P. 131–140.
- Boiy T.* Late Achaemenid and Hellenistic Babylon. Leuven; Paris; Dudley, MA, 2004.
- Boiy T.* Royal and satrapal armies in Babylonia during the Second Diadoch War. The *Chronicle of the Successors* on the events during the seventh year of Philip Arrhidaeus (=317/316 BC) // *JHS*. 2010. Vol. 130. P. 1–13.
- Bosworth A.B.* Alexander and the Iranians // *JHS*. 1980. Vol. 100. P. 1–21.
- Briant P.* D’Alexandre le Grand aux diadoques: le cas d’Eumène de Kardia (1er article) // *REA*. 1972. T. 74. P. 32–73.
- Briant P.* D’Alexandre le Grand aux diadoques: le cas d’Eumène de Kardia (suite et fin) // *REA*. 1973. T. 75. P. 43–81.
- Briant P.* Colonisation hellénistique et populations indigènes. La phase d’installation // *Klio*. 1978. Bd. 60 (1). P. 57–92.
- Briant P.* Les Iraniens d’Asie Mineure après la chute de l’empire Achéménide. A propos de l’inscription d’Amyzon // *DHA*. 1985. T. 11. P. 167–195.
- Brunt P.A.* Alexander’s Macedonian Cavalry // *JHS*. 1963. Vol. 83. P. 27–46.
- Cohen G.M.* The Seleucid Colonies. Wiesbaden, 1978.
- Cohen G.M.* The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea Basin, and North Africa. Berkeley; Los Angeles, 2006.
- Downey G.* A History of Antioch in Syria. Princeton, 1961.
- Dreyer B.* How to Become a “Relative” of the King: Careers and Hierarchy at the Court of Antiochus III // *AJPh*. 2011. Vol. 132 (1). P. 45–58.
- Eddy S.K.* The King is Dead. Lincoln, 1961.
- Edson Ch.* *Imperium Macedonicum*: The Seleucid Empire and the Literary Evidence // *CPh*. 1958. Vol. 53 (3). P. 153–170.
- Elwyn S.* The Recognition Decrees for the Delphian Soteria and the Date of Smyrna’s Inviolability // *JHS*. 1990. Vol. 110. P.177–180.
- Foulon É.* Contribution à une taxinomie des corps d’infanterie des armées hellénistiques // *EC*. 1996. T. 64 (3). P. 227–244.
- Frye R.N.* The History of Ancient Iran. München, 1984.
- Griffith G.T.* A Note on the Hipparchies of Alexander // *JHS*. 1963. Vol. 83. P. 68–74.
- Habicht Ch.* Die herrschende Gesellschaft in den hellenistischen Monarchien // *VSWG*. 1958. Bd. 45. S. 1–16.
- Hammond N.G.L.* The text and the meaning of Arrian VII 6.2–5 // *JHS*. 1983. Vol. 103. P. 139–144.
- Muccioli F.* Antioco III e la politica onomastica dei Seleucidi // *Electrum*. 2010. Vol. 18. P. 81–96.
- Nodelman S.A.* A Preliminary History of Characene // *Berytus*. 1960. Vol. XIII (2). P. 83–121.
- Piejko Fr.* Episodes from the Third Syrian War in a Gurob Papyrus, 246 B.C. // *AfP*. 1990. Bd. 36. P. 13–27.

- Préaux C.* Le monde hellénistique: la Grèce et l'Orient (323–146 av. J.-C.). Paris, 1978.
- Rougemont G.* Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale (Corpus Inscriptionum Iranicarum). London, 2012.
- Sachs A.J., Hunger H.* Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. Wien, Vol. I–III. Wien, 1988–1996.
- Savalli-Lestrade I.* Les *philoï* royaux dans l'Asie hellénistique. Genève, 1998.
- Sekunda N.* Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies 168–145 BC. Dewsbery, 1994. Vol. 1.
- Sherwin-White S., Kuhrt A.* From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire. Berkeley; Los Angeles, 1993.
- Sollberger E.* Graeco-Babyloniaca // Iraq. 1962. Vol. 24 (1). P. 63–72.
- Spek R.J. van der.* The Astronomical Diaries as a Source for Achaemenid and Seleucid History // BJ. 1993. J. 50. № 1–2. P. 91–101.
- Sullivan R.D.* The Dynasty of Commagene // ANRW. Bd. II. 8. P. 732–798.
- Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Oxford, 1957. Vol. I.
- Walbank F.W.* The Hellenistic World. London, 1993.
- Wallenfels R.* Seleucid Archival Texts in the Harvard Semitic Museum. Groningen, 1998.
- Will É.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.)¹. Nancy, 1966. T. 1.
- Wolski J.* L'Iran dans la politique des Séleucides // AAASH. 1977. T. 25. P. 149–156.

С.В. Смирнов

«ДОМИНИРУЮЩИЙ ЭТНОКЛАСС»
В ГОСУДАРСТВЕ СЕЛЕВКИДОВ ПРИ СЕЛЕВКЕ I
И АНТИОХЕ I: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: В статье рассматривается социальный аспект формирования эллинистической монархии Селевкидов. В качестве модели автором была воспринята концепция «доминирующего этнокласса» П. Бриана. Представители греко-македонского этнокласса, сформировавшегося в правление первых двух царей династии Селевкидов, занимали все ключевые посты в армии, сатрапиях и при дворе. Анализ различных источников показал, что уже с середины III в. до н. э. верхушка «доминирующего этнокласса», состоящая из представителей высшего чиновничества, полководцев и придворных, находилась в тесных взаимоотношениях с локальной аристократией, что вело к постепенной интеграции представителей местных элит в «доминирующий этнокласс». Между тем низы — главным образом жители колоний — еще достаточно продолжительное время сохраняли сегрегацию. Характерной особенностью периода правления Селевка I и Антиоха I является неизбежное привлечение местной знати к управлению государством, но при этом сохранение определенной дистанции между представителями «доминирующего этнокласса» и локальными элитами.

Ключевые слова: «доминирующий этнокласс», Селевкиды, Селевк I, Антиох I, эллинизм

Abstract: The main subject of the paper is a social aspect of the formation of the Seleucid kingdom. In the capacity of the social pattern author adopts a P. Briant's concept of 'dominant ethno-class'. The representatives of this class hold the key points in army, satrapies and court. Analyzing the different sources author concludes that the high stratum of 'dominant ethno-class' (high officials, generals and courtiers) was contacting with local elites. This process has an integration of local aristocracy into the Greco-Macedonian 'dominant ethno-class' as a result. Meanwhile the low stratum (essentially habitants of military colonies) keeps segregation for a long time. The significant feature of Seleucus' I

and Antiochus' I period was an obligatory involvement of local elites for administration but from other hand the keeping of the great distance between 'dominant ethno-class' and indigenous.

Key words: "dominant ethno-class", Seleucids, Seleucus I, Antiochus I, Hellenism

Социальный аспект формирования эллинистических монархий оставался и остается наиболее плохо изученной стороной эллинистической государственности. В отличие от политической истории, а также экономики, государственных институтов и колонизации, проблемы эллинистического общества стали для многих исследователей по сути второстепенными и возникают только в общем контексте перечисленных аспектов. Этому можно дать вполне резонное объяснение: состояние наших источников не позволяет выстроить более или менее четкой картины эллинистического общества. Между тем, целенаправленное исследование социальной структуры эллинистических монархий, особенно в период формирования эллинистической государственности, позволяет по-иному взглянуть на некоторые политические процессы, происходившие в Восточном Средиземноморье в конце IV — начале III веков до н. э.

Еще в 70-е гг. XX в. французский исследователь П. Бриан выдвинул концепцию «доминирующего этнокласса» в качестве социальной модели для ближневосточных обществ второй половины I тысячелетия до н. э., в частности державы Ахеменидов. Смысл этой теории заключается в том, что государство Ахеменидов строилось на принципе господства персидского этнокласса над покоренным населением. Этнокласс — это социальная категория, принадлежность к которой определяется по национальному принципу. Представители доминирующего этнокласса занимают все руководящие посты в армии, сатрапиях и при дворе. В ахеменидской державе это были персы и мидийцы, которые находились на привилегированном положении. При этом, по мнению П. Бриана, при всей своей независимости и гегемонии, «доминирующий этнокласс» испытывает сильное влияние локальной традиции, что приводит к интеграции в него местных элит, к обоюдной аккультурации¹.

¹ О концепции «доминирующего этнокласса» см.: *Briant P. Colonisation hellénistique et population indigènes I* // *Klio*. 1978. Bd. 60. P. 57–92; *idem. Les iraniens d'Asie Mineure après la chute de l'empire Achéménide* // *DHA*. T. 1985. P. 167–195; *idem. Pouvoir central et polycentrisme culturel dans l'empire Achéménide* // *Achaemenid Studies I* / Ed. by A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg. Leiden, 1987. P. 1–31; *idem. Ethno-classe*

Важно отметить, что концепции П. Бриана предшествовала другая модель, автором которой был Х. Хабихт, еще в 1957 г. предложивший теорию «господствующего общества» (*die Herrschende Gesellschaft*). Хабихт полагал, что туземный элемент минимально участвовал в управлении эллинистическими государствами (при этом исследователь не отрицал его существования)². Идеи Х. Хабихта впоследствии были пересмотрены некоторыми немецкими исследователями, в частности, совсем недавно А. Мелем, который признал сильное влияние местных элит, однако в целом минимизировал роль «господствующего общества» в системе отношений между царской властью и подданными³. Однако главным минусом подхода Х. Хабихта и А. Меля является, на наш взгляд, то обстоятельство, что в данном случае оба исследователя не принимают во внимание идею широкой преемственности между государствами Ближнего Востока I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Они рассматривают общество в эллинистических государствах (в том числе и восточно-эллинистических) скорее как изолированный в эволюционном отношении институт. Как кажется, именно это не позволило выстроить Хабихту и Мелю более или менее четкой модели эллинистического общества. Отметим, что «господствующее общество» Хабихта-Меля можно представить лишь как часть «доминирующего этнокласса».

В историографии концепция П. Бриана не получила заслуженного развития. Тем не менее, применение этой модели к селевкидскому материалу кажется вполне обоснованным, несмотря на то, что изначально она разрабатывалась сугубо в ахеменидском контексте. В последнее время небезосновательно принято подчеркивать структурную близость практически всех государственных образований Ближнего Востока второй половины I тысячелетия до н. э. — первой половины I тысячелетия н. э., т. е. от Ахеменидов до Сасанидов. Действительно, можно обнаружить чрезвычайно много общих

dominante et population sommées dans l'empire Achéménide: le cas de l'Égypte // *Achaemenid Studies III* / Ed. by A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg. Leiden, 1988. P. 138–173; *idem*. De Samarkand à Sardes et de la ville de Suse au pays des Hanéens // *TOPOI*. 1994. Vol. 4/2. P. 455–467.

² *Habicht Ch.* Die herrschende Gesellschaft in den hellenistischen Monarchien // *VSWG*. 1958. Bd. 45. S. 1–16.

³ *Mehl A.* Gedanken zur “herrschenden Gesellschaft” und zu den Untertanen im Seleukidenreich // *Historia*. 2003. Bd. Ht. 2. S. 147–160. См. русский перевод этой работы, который, по сути, является ее дополнением: *Мель А.* Размышления по поводу «господствующего общества» и подданных в царстве Селевкидов: отношения и ожидания // *Antiquitas Aeterna*. 2005. С. 73–85.

черт в системе политических, экономических и особенно социальных институтов между державами Ахеменидов, Александра Великого, Антигона Одноглазого, Селевкидов, Аршакидов и Сасанидов. Однако наиболее важным, на наш взгляд, является фундаментальный для всех принцип государственности, основанный на системе подчинения центральной власти местных элит. Совсем недавно этой проблеме отдельную статью посвятил Д. Энгельс. Придерживаясь в целом концепции П. Бриана, он развил идею о так называемой «феодализации» ближневосточных обществ, для которых власть монарха и локальная власть династа, полиса, храма или общины состояли в некоем союзе, своеобразной унии, что в целом и формировало государственность и у Ахеменидов, и у Селевкидов, и у Сасанидов. Рассуждая об упадке державы Селевкидов, автор представил весьма оригинальный взгляд на эту проблему, связав его с процессом «феодализации», который был характерен для ближневосточных империй начиная с державы Ахеменидов (а возможно, что и раньше) и вплоть до Сасанидов. В данном случае под «феодализмом» Д. Энгельс предлагает понимать институциональную модель, состоящую из двух главных компонентов: центральной власти, которая имеет только ограниченные возможности контроля и влияния на местную администрацию, зачастую превратившуюся в наследственную и практически независимую, и сельское население, которое постепенно становится буквальной собственностью местных землевладельцев⁴.

Теория Д. Энгельса хорошо согласуется с концепцией «непрямого господства» (*Indirekte Herrschaft*) М. Зоммера, которая базируется именно на идее управления посредством влияния на местные элиты⁵. Таким образом, структуру восточноэллинистической государственности можно представить как формулу царь/элиты/подданные. Хорошо иллюстрирует эту концепцию пример эллинистических эпистатов и прочих царских функционеров (например, в Вавилонии), которые были уроженцами того полиса или общины, в которой представляли интересы царя⁶.

⁴ *Engels D. Middle Eastern 'Feudalism' and Seleucid Dissolution // Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor / Ed. by K. Erickson, G. Ramsey. Wiesbaden, 2011. P. 20.*

⁵ *Sommer M. Babylonien im Seleukidenreich: Indirekte Herrschaft und indigene Bevölkerung // Klio. 2000. Bd. 82. 1. S. 73–90.*

⁶ В общих чертах об этом см.: *Смирнов С.В., Юрин А.И. Эпистаты в государствах Антигонидов и Селевкидов // ПИФК. 2012. №4. С. 204–213.*

Итак, учитывая все представленные теории, обратимся к проблеме взаимоотношений элит и доминирующего этнокласса. При этом основное внимание все же сосредоточим на раннеселевкидском материале, чтобы выявить некоторые общие аспекты появления доминирующего этнокласса у Селевкидов в период формирования государства.

«Этнокласс» — понятие весьма широкое и требует некоторого уточнения. На стадии формирования государства Селевкидов в нем можно выделить три прослойки. Во-первых, верхушка из представителей царского окружения (семья, двор, «друзья»), которая называется «придворным обществом»⁷; во-вторых, круг высших региональных чиновников (военных, административных, финансовых; т. е. сюда относятся и сатрап, и стратег, и диоикет, а также чиновники более низкого уровня: эконо́м, логовт, хреофилак и т. д.); в-третьих, прослойка греко-македонского населения военных колоний и полисов. Первые два уровня в целом совпадают с «господствующим обществом» Хабихта-Мея.

Естественно, что после падения державы Ахеменидов старый персидский этно-класс перестал занимать доминирующее положение, и ему на смену пришел новый — греко-македонский. Однако сложно представить, что могущественные иранские фамилии в одночасье потеряли свое влияние. Как показывают исследования П. Бриана, некоторые крупные семьи иранского происхождения, например, в Малой Азии, могли сохранять свое экономическое и политическое влияние на протяжении эллинистического и даже римского времени⁸. Каким же образом им удалось поддерживать свой статус и авторитет в условиях греко-македонского господства? По всей видимости, благодаря интеграции части местной аристократии в греко-македонский доминирующий этнокласс. Этот процесс, безусловно, занимавший важнейшее место в жизни негреческих элит в государствах эллинистического Востока, был достаточно сложным и продолжительным явлением. Его завершение (в самых общих чертах) можно отнести только ко второй половине III в. до н. э.

Верхушка доминирующего этнокласса с первых дней существования государства Селевкидов сразу же вступает в контакт с локальной знатью. Необходимость союза с местной аристократией была, по сути, залогом существования государства Селевкидов. Это пре-

⁷ *Herman G.* The Court Society of the Hellenistic Age // *Hellenistic Constructs* / Ed. by P. Cartledge, P. Garnsey, E. Gruen. Berkley; Los Angeles; London, 1997. P. 199–224.

⁸ *Briant P.* Les iraniens d'Asie Mineure. P. 167–195.

красно осознавали первые два монарха, которые старались всячески сохранить и поддержать этот союз. Древние авторы также подчеркивали важность и необходимость союза с народами востока. Так, Аппиан пишет (Сыг. 55), что во время покорения Бактрии Селевк использовал не столько военные методы, сколько переговоры и подарки. Диодор, объясняя причины (XIX. 48. 1), по которым Антигон Одноглазый не смог сместить сатрапа Бактрии Стасанора и сатрапа Кармании Глеполема, уточняет, что оба они находились в хороших отношениях с местным населением. Мы знаем о многочисленных актах эвергетизма со стороны Селевка и Антиоха в отношении храмовых (Вавилония — ВСНР 5; 6; 7; 8. Малая Азия — RC 5; 9) и полисных (IDidyma 480; 481) элит.

Разумеется, как Селевк, так и Антиох привлекали локальную знать к управлению государством. Однако это не означало всесторонней интеграции туземной аристократии в «доминирующий этнокласс» на данном этапе отношений: скорее наоборот, местные элиты навязывали Селевкидам свои правила, подтверждение чего мы обнаруживаем в довольно любезной и мягкой политике уступок Селевка I и Антиоха I. В целом этническая пестрота государства Селевка привела к установлению определенного типа взаимоотношений с местными негреческими элитами, согласно которому законность власти царя Селевка должна была соответствовать местной традиции легитимизации власти. В данном случае уместно упомянуть о концепции С. Шервин-Уайт и Дж. Ма относительно “ethno-power games”⁹. Согласно этой теории, центральная власть как бы соблюдает правила игры, выдвигаемые местной политической традицией: именно на этом строятся и все взаимоотношения между политическим центром и политической периферией государства Селевка. Такой тип отношений Селевк унаследовал от Ахеменидов. В связи с тем, что Ахемениды использовали исторически сложившиеся политические институты каждого региона, П. Бриан предлагает даже различать локальную власть и государственный (ахеменидский) контроль¹⁰.

Первые Селевкиды строго следовали данной схеме. Хорошим примером является известный «цилиндр Антиоха»¹¹. Из текста

⁹ См.: *Ma J. Kings // A Companion to the Hellenistic World / Ed. by A. Erskine. Oxford, 2005. P. 186–191.*

¹⁰ *Briant P. Pouvoir central et polycentrisme culturel. P. 2–3.*

¹¹ BM 36277. См.: *Sherwin-White S. Aspects of Seleucid Royal Ideology: The Cylinder of Antiochus I from Borsippa // JHS. 1991. Vol. P. 71–86; а также комментарии Р. ван дер Шпека и И. Финкеля на www.livius.org.*

становится ясно, что царь Антиох I носил древние вавилонские и персидские титулы: «могущественный царь», «царь Вавилона», «царь стран». Судя по материалам астрономических дневников и хроник, Антиох I и последующие Селевкиды принимали участие в некоторых вавилонских ритуалах (ВСНР 5; 6; 12; 13). Заимствование Антиохом I в качестве монетного сюжета Аполлона, сидящего на омфале, также отсылает нас к восточной традиции. Последние исследования изображений на монетах Антиоха I показали, что Селевкидский Аполлон имел устойчивую связь и с иранским Митрой, и с вавилонским Набу¹². В целом наличие весомого «ориенталистического» элемента в идеологии первых Селевкидов может быть адекватно объяснено именно исходя из теории “ethno-power games”.

Тем не менее, как уже было отмечено, союз с местными элитами на данном этапе вовсе не означал их непосредственную интеграцию в доминирующий этнокласс. Мы практически не встречаем представителей туземной аристократии в числе «друзей» царя. Случай с Комбабом, который, по сообщению Лукиана (de Syr. 19–27), был царским другом, – весьма спорный. Даже если Комбаб имел реального исторического прототипа, это отнюдь не означало повсеместной практики интеграции локальной знати в придворное пространство. Ситуация с греком Демодамом, уроженцем Милета, более сложная. Разумеется, как и Комбаба, Демодама можно отнести к представителям местных элит, однако этническое происхождение Демодама, видимо, имело здесь все-таки принципиальное значение.

Если же в целом проанализировать национальный состав «друзей» первых Селевкидов, то можно убедиться, что подавляющее большинство их было македонянами или греками. Но сам принцип подбора «друзей» представляется нам все же более сложным, чем простое привлечение на службу представителей македонской и греческой знати. При безусловной важности национальной принадлежности, большее значение имели личные качества «друга» царя и его административный потенциал: связи, политический авторитет, влияние родственников и т. д. Тот факт, что среди «друзей» первых Селевкидов практически нет выходцев из туземной знати, объясняется скорее чрезвычайной ролью войска в раннеэллинистический период, где первейший авторитет имели македоняне.

¹² *Erickson K. Apollo-Nabu: the Babylonian Policy of Antiochus I // Seleucid Dissolution. P. 51–66.*

Возможно предположить, что первоначально «друзья» подбирались по принципу максимальной полезности для молодого государства независимо от своего происхождения. Видимо, так в число царских «друзей» попал и Ларих, сын Лаомедонта, первого сатрапа Сирии. Связи его отца с местной знатью, которыми обладал Ларих, были важны для Селевка и Антиоха. Более того, политическое влияние «друзей» на Селевка I и Антиоха I, их роль в решении и даже обсуждении главных государственных вопросов, также была весьма незначительна по сравнению с более поздним периодом, например, временем Антиоха III. И тут нет разницы между так называемыми «сильными» и «слабыми» правителями¹³. К примеру, проявлением максимального влияния на политику Селевка I со стороны его «друзей» является совет Патрокла начать активные боевые действия против Деметрия Полиоркета, наступавшего на Сирию (*Plut. Dem.* 47). В то время как при, казалось бы, «сильном» Антиохе III Гермий и Зевксид, а при Селевке IV Гелиодор определяли приоритеты, в том числе, внешней политики¹⁴, а при «слабых» — более поздних Селевкидах — «друзья» уже полностью управляли государством. Разумеется, «друзья» Селевка и Антиоха играли важнейшую роль в процессе формирования державы Селевкидов: они выполняли важнейшие дипломатические миссии, участвовали в крупнейших сражениях, некоторые из них управляли сатрапиями. И в этом смысле нельзя недооценить роль «друзей» царя. Однако говорить о том, что кто-то из них мог оспорить решение царя или просто высказать ему свои замечания, весьма спорно. Повествование Аппиана (*Sug.* 61), передающее известную речь Селевка, подтверждает это.

В целом уже широкомасштабный процесс интеграции локальной знати в «доминирующий этнокласс» можно считать явлением более поздним. С середины III в. до н. э. в число царских друзей входят негреки. Местные элиты, для того чтобы стать частью этнокласса, начинают впитывать греческую культуру, учить греческий язык, даже принимают греческие имена (Гелиодор, Ясон и Менелай – в Иудее), либо сохраняют двойные имена (Ану-убаллит / Никарх, Ану-убаллит / Кефалон – в Вавилонии)¹⁵.

¹³ См. противоположную точку зрения: *Dreyer B.* How to Become a “Relative” of the King: Careers and Hierarchy at the Court of Antiochus III // *AJPh.* Vol. 132. 2011. P. 45–57.

¹⁴ О борьбе при дворе Антиоха III и участии в ней царя см.: *Ramsey G.* Seleucid Administration –Effectiveness and Dysfunction Among Officials // *Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor* / Ed. by K. Erickson, G. Ramsey. Wiesbaden, 2011. P. 37–50.

¹⁵ Как полагают Т. Бойи и П. Миттаг, принятие греческого имени в эллинистическом Уруке определяло принадлежность к элите. См. случай с семьей Ану-убаллита /

Схожая ситуация сложилась и с царской семьей. Брак Селевка и Апамы, казалось бы, предопределил слияние элит македонских и элит иранских. Однако при том, что союз Селевка и Апамы всегда использовался как мощное идеологическое оружие, македонская линия сохранялась надежно. Опять же до середины III в. до н. э. все мужские имена в царской фамилии — греческие, а после изредка встречаются иранские, например Апам (мужская форма женского имени Апама)¹⁶, Митридат.¹⁷

Высшие государственные должности в провинциях также занимали греки и македоняне. В период правления Селевка I и Антиоха I мы не встречаем ни одного негрека, который занимал бы должность сатрапа или стратега. Исключение составляет лишь отец Роксаны Оксиарт, назначенный сатрапом Паропамисад еще до Селевка. Тем не менее это не означало, что высшая региональная администрация дистанцировалась от местных элит. Наоборот, сотрудничество с ними было обязательным¹⁸. Политическая структура государства Селевка I и Антиоха I строилась с учетом локальных политических традиций каждого региона. По сути, сохранялись и многочисленные традиционные общественно-политические институты, существовавшие здесь столетиями. Разумеется, ведущую роль в них играли представители местных элит, которые обладали большим авторитетом среди местного населения. Сохранение этих элит, удержание их у власти, стало обязательным.

Возможно, удержание верховной власти в руках греко-македонян и особенно представителей царской семьи могло обезопасить власть Селевкидов. Тем не менее, значительная часть средних и подавляющее большинство мелких чиновников все же оставались негреками. В частных контрактах из Вавилона и Урука мы обнаруживаем большое число разнообразных чиновников, в том числе и довольно высокопоставленных, как *raqu* или *šaknu*, которые носили негреческие имена¹⁹. Таким

Кефалона. См.: *Boiy T., Mittag P.F. Die lokalen Eliten in Babylonien // Lokale Eliten und hellenistische Könige / Hrsg. von B. Dreyer, P.F. Mittag. Berlin, 2011. S. 123.*

¹⁶ Отметим, что в данном случае речь может идти не о мужском имени, а о женском ввиду ошибки писца, ошибочно поставившего мужской детерминатив (см. в статье А.С. Балахванцева в данном издании).

¹⁷ *Muccioli F. Antioco III e la politica onomastica dei Seleucidi // New Studies on the Seleucids / Ed. by E. Dąbrowa. Electrum. Vol. 18. Kraków, 2011. P. 81–96.*

¹⁸ См. материал из Вавилонии: *Boiy T., Mittag P.F. Die lokalen Eliten in Babylonien. S. 106–131.*

¹⁹ О политических важнейших институтах в эллинистическом Вавилоне см.: *Boiy T. Late Achaemenid and Hellenistic Babylon. Leuven, 2004.*

образом, центральная власть в государстве была представлена греками и македонянами, а региональная на среднем и низшем уровнях — выходцами из туземной знати.

В 295 г. до н. э. Антиох был объявлен соправителем своего отца Селевка I и царем всех «верхних сатрапий». Примерно к 290 г. он достиг Бактрии, где провел ряд важных мероприятий, в том числе, организацию полисной системы, монетной чеканки и ликвидацию последствий вторжения кочевников. Как кажется, все это не имело бы никакого смысла, если бы Антиох не имел поддержки местных элит. И в данном случае ее ему могло обеспечить происхождение, т. к. Антиох был внуком Спитамена Бактрийского. Однако в данном случае связь царевича с местной аристократией была использована точно, для решения конкретных проблем.

Как отметил П. Бриан, формирование нового (греко-македонского) «доминирующего этнокласса» проходило параллельно процессу колонизации. Активная колонизационная политика первых двух Селевкидов создавала прекрасные условия для быстрого формирования этнокласса, ведь по большому счету именно греки и македоняне, жившие в военных колониях и полисах, были его основой. Конечно же, несмотря на общее социальное положение большей массы населения, от туземного населения их отличало то, что все они жили, так сказать, «на правах победителей». Как следствие, греки и македоняне находились на более привилегированном уровне с правовой точки зрения. В документе из Урука, датирующемся 300–285 гг. до н. э. (SATHSM 1), некий гарант сделки при продаже раба обязан подтвердить, что раб не состоит в царской кавалерии, колесничих или на иной службе. Безусловно, на службе в царской армии мог состоять не только грек или македонянин, однако, учитывая время появления документа и вероятность прецедентов, можно предположить, что речь идет именно о солдатах гарнизона македонского или греческого происхождения²⁰.

Социальное разделение первоначально соответствовало этническому. Сегрегация — один из принципов формирования нового городского пространства²¹. Греко-македонский костяк колонистов обособлялся от местного населения, что в принципе было естественным и,

²⁰ Ср. документ 297 г. до н. э., приведенный Г.Х. Саркисян. См. *Саркисян Г.Х.* Частные клинописные контракты селевкидского времени из собрания Государственного Эрмитажа // ВДИ. 1955. № 4. С. 139–142.

²¹ *Briant P.* Colonisation hellénistique I. P. 88–89.

как кажется, поддерживалось государством. П. Бриан называет такое обособление одним из условий рождения греко-македонского «доминирующего этнокласса»²². По сути процесс селевкидской колонизации представлял собой создание плотной сети военных колоний, расположенных в приграничных зонах, нестабильных (с политической точки зрения) регионах и на крупных торговых путях. Полисная колонизация практически отсутствовала при Селевке I, а при Антиохе I была сосредоточена, главным образом, в Бактрии. Такой выбор в пользу военной колонии, как основного средства колонизации, понятен: отношения между монархией и полисом базировались на принципах союза, а не подчинения и не всегда выстраивались ровно, в то время как военная колония, которая хоть и является, так сказать, полисом в миниатюре, однако полностью подчинялась центральной администрации.

На материале двух «классических» военных колоний, по сути, близнецов – Дура-Эвропос и Джебель Халида – видно, что топография колонии была очень строгой. Изначально это был «закрытый мир»: македоняне жили компактно, при этом были отделены от местного населения стенами крепости. Возможно, контакты между местными и греками были минимизированы. Это, в частности подтверждается, и анализом керамики²³. Привилегированность колонистов очевидна. Каждый из них имел клер, что обеспечивало определенную финансовую стабильность, а также имел возможность участвовать во внутренней жизни колонии, занимая какую-нибудь административную должность. Социальная верхушка колонии, состоявшая из представителей командующего состава, жила богато. Однако уже ко II в. до н. э. под крепостными стенами возникает опоясывающее колонию поселение, заселенное, главным образом, местным населением. Используя выгодное расположение колонии (Дура-Эвропос и Джебель Халиб располагались на крупном торго-

²² «С территориальной сегрегацией были связаны социально-экономическое доминирование и политическая монополия. Отношение господствующий/подчиненный здесь смешиваются с отношением греки/местные и даже, по большей части, с отношением город/деревня. Иными словами, города и поселения, в общем, представляют фундаментальный элемент новых классовых отношений, которые подразумевают завоевание и греко-македонскую колонизацию: это рождение доминирующего *этно-класса*». (*Briant P. Colonisation hellénistique I. P. 92*).

²³ О последних раскопках в Дура-Эвропосе см.: *Leriché P. Eurtopos-Dura Séleucide // New Studies on the Seleucids. P. 23–40*; о Джебель Халиде см.: *Wright N.L. The Last Days of a Seleucid City: Jebel Khalid on the Euphrates and its Temple // Seleucid Dissolution. P. 117–132*; *Jackson H. A Late Seleucid Housing Insula at Jebel Khalid in North Syria: Archaeological Evidence for Chronology and Lifestyle // Ibid. P. 133–148*.

вом пути), местные жители стали вести активную торговлю с проезжими купцами и солдатами гарнизона. В результате к сер. II в. до н. э. многие колонии разрослись и получили статус полиса.

Таким образом, использование некоторых положений концепции «доминирующего этнокласса» П. Бриана на раннеселевкидском материале приводит к следующим выводам. Процесс формирования государства Селевкидов изначально предопределил инкорпорирование локальных элит не только в политическое пространство державы, но в некоторой степени и в доминирующий этнокласс. При первых двух Селевкидах мы наблюдаем постоянные и довольно решительные контакты центральной власти с местными элитами, в каком-то смысле даже «заигрывание» с туземной аристократией. Расположение локальной знати к династии было для Селевкидов необходимым залогом стабильности их власти. Внешне процесс интеграции представителей туземной знати в доминирующий этнокласс, получивший широкое распространение уже в более поздний период (начиная с середины III в. до н. э.), может показаться частью целенаправленной и планомерной политики, проводимой «сверху». Однако в данном случае мы имеем дело скорее с более «естественным» процессом, связанным, с одной стороны, с распределением властных полномочий внутри каждого конкретного региона, а с другой — с сохранением этой власти некоторыми группами национальной аристократии.

В правление первых царей династии Селевкидов этот процесс только зарождался, поэтому социальная дистанция между новым греко-македонским «доминирующим этноклассом» и старыми элитами сохранялась, хотя стоит признать, что наличие представителей туземного населения среди мелкого чиновничества в регионах характерно и для начального периода истории государства Селевкидов. Нижний же слой «доминирующего этнокласса» (жители колоний) еще долгое время сохраняет самоидентичность, пытаясь удерживать экономическое и социальное преимущество в своих руках.

Литература

- Мель А. Размышления по поводу «господствующего общества» и подданных в царстве Селевкидов: отношения и ожидания // *Antiquitas Aeterna*. 2005. С. 73–85.
- Саркисян Г.Х. Частные клинописные контракты селевкидского времени из собрания Государственного Эрмитажа // ВДИ. 1955. № 4. С. 139–142.

- Смирнов С.В., Юрин А.И.* Эпистаты в государствах Антигонидов и Селевкидов // ПИФК. 2012. №4. С. 204–213.
- Boiy T.* Late Achaemenid and Hellenistic Babylon. Leuven, 2004.
- Boiy T., Mittag P.F.* Die lokalen Eliten in Babylonien // Lokale Eliten und hellenistische Könige / Hrsg. von B. Dreyer, P.F. Mittag. Berlin, 2011. S. 105–131.
- Briant P.* Colonisation hellénistique et population indigènes I // *Klio*. 1978. 60. P. 57–92.
- Briant P.* Les iraniens d'Asie Mineure après la chute de l'empire Achéménide // *DHA*. 1985. P. 167–195.
- Briant P.* Pouvoir central et polycentrisme culturel dans l'empire Acheménide // *Achaemenid Studies I* / Ed. by A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg. Leiden, 1987. P. 1–31.
- Briant P.* Ethno-classe dominante et population soumise dans l'empire Acheménide: le cas de l'Égypte // *Achaemenid Studies III* / Ed. by A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg. Leiden, 1988. P. 138–173.
- Briant P.* De Samarkand à Sardes et de la ville de Suse au pays des Hanéens // *TOPOI*. 1994. Vol. 4/2. P. 455–467.
- Dreyer B.* How to Become a “Relative” of the King: Careers and Hierarchy at the Court of Antiochus III // *AJPh*. Vol. 132. 2011. P. 45–57.
- Engels D.* Middle Eastern ‘Feudalism’ and Seleucid Dissolution // *Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor* / Ed. by K. Erickson, G. Ramsey. Wiesbaden, 2011. P. 19–36.
- Erickson K.* Apollo-Nabu: the Babylonian Policy of Antiochus I // *Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor* / Ed. by K. Erickson, G. Ramsey. Wiesbaden, 2011. P. 51–66.
- Jackson H.* A Late Seleucid Housing Insula at Jebel Khalid in North Syria: Archaeological Evidence for Chronology and Lifestyle // *Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor* / Ed. by K. Erickson, G. Ramsey. Wiesbaden, 2011. P. 133–148.
- Habicht Ch.* Die herrschende Gesellschaft in den hellenistischen Monarchien // *VSWG*. 1958. 45. S. 1–16.
- Herman G.* The Court Society of the Hellenistic Age // *Hellenistic Constructs* / Ed. by P. Cartledge, P. Garnsey, E. Gruen. Berkeley; Los Angeles; London, 1997. P. 199–224.
- Leriche P.* Eurropos-Dura Séleucide // *New Studies on the Seleucids* / Ed. by E. Dąbrowa. Electrum. Vol. 18. Kraków, 2011. P. 23–40.
- Ma J.* Kings // *A Companion to the Hellenistic World* / Ed. by A. Erskine. Oxford, 2005. P. 186–191.
- Mehl A.* Gedanken zur «herrschenden Gesellschaft» und zu den Untertanen im Seleukidenreich // *Historia*. 2003. Ht. 2. S. 147–160.
- Muccioli F.* Antioco III e la politica onomastica dei Seleucidi // *New Studies on the Seleucids* / Ed. by E. Dąbrowa. Electrum. Vol. 18. Kraków, 2011. P. 81–96.

- Ramsey G.* Seleucid Administration –Effectiveness and Dysfunction Among Officials // Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor / Ed. by K. Erickson, G. Ramsey. Wiesbaden, 2011. P. 37–50.
- Sherwin-White S.* Aspects of Seleucid Royal Ideology: The Cylinder of Antiochus I from Borsippa // JHS. 1991. P. 71–86.
- Sommer M.* Babylonien im Seleukidenreich: Indirekte Herreschaft und indigene Bevölkerung // Klio. 2000. 1. S. 73–90.
- Wright N.L.* The Last Days of a Seleucid City: Jebel Khalid on the Euphrates and its Temple // Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor / Ed. by K. Erickson, G. Ramsey. Wiesbaden, 2011. P. 117–132.

А. А. Абакумов

ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД СЕЛЕВКА II:
БЫЛ ЛИ ЦАРЬ В ПЛЕНУ У ПАРФЯН?

Аннотация: В статье анализируются различные интерпретации парфянской экспедиции Селевка II Каллиника, касающиеся, в частности, его предполагаемого плена. Состояние источниковой базы позволяет трактовать итоги экспедиции достаточно широко, но при этом аргументы в пользу версии о плене Каллиника (прежде всего, нумизматические) сложно признать достаточно весомыми.

Ключевые слова: эллинизм, царство Селевкидов, Парфия, Селевк II Каллиник, Аршак I

Abstract. This paper summarizes some new interpretations of Seleukos II Kallinikos' Parthian campaign concerning in particular his alleged capture. The results of this expedition still remain disputable due to lack of available information, but the arguments in favor of Kallinikos' capture by the Parthians (specifically numismatic ones) can hardly be considered as convincing enough.

Key words: Hellenism, Seleucid Empire, Parthia, Seleukos II Kallinikos, Arsaces I

О походе царя Селевка II Каллиника в Парфию¹ на рубеже 230/220-х гг. (общепринятая датировка отсутствует)² в нарративных

¹ По общепринятой версии Селевкиды утратили контроль над Парфией в результате восстания сатрапа Андрагора (исследователи предлагают разные варианты датировки: либо конец правления Антиоха II, либо начало правления Селевка II, т. е. начало — середина 240-х гг. до н. э.), который, в свою очередь, погиб на войне со вторгнувшимися кочевниками-парнами во главе с Аршаком. Обозначения «парны» и «парфяне» в настоящей статье используются как синонимы; дискуссионный вопрос о том, кто именно правил ими в рассматриваемый период (основатель династии Аршак (I) или его брат Тиридат, тоже предположительно взявший это имя), остаётся за её рамками.

² Здесь и далее все указанные даты — до н. э. Общую событийную канву можно попытаться очертить следующим образом: после 3-й Сирийской войны с Египтом (246–241 гг.) началась т. наз. «Война братьев» между Селевком II и его соправителем Антиохом Гиераком, наместником Азии за Тавром (*Iust.* XXVII. 2. 6). Селевк выиграл

источниках сохранились лишь крупницы информации. Известно, что вождь парнов Аршак враждовал с царём Греко-Бактрии Диодотом I (*Iust.* XLI. 4. 8), но после смерти последнего заключил мирный договор с его сыном Диодотом II (*Ibid.* 4. 9). После вторжения Селевка II Аршак сначала бежал к апасиакам (*Strabo* XI. 8. 8), но затем одержал над ним победу, день которой стал у парфян праздничным (*Iust.* XLI. 4. 9–10). Однако Селевк II был вынужден покинуть Парфию вовсе не из-за этого, а из-за «вновь вспыхнувших мятежей» (*Ibid.* 5. 1).

Афиней со ссылкой на Посидония сообщает о том, что некий царь (βασιλεύς) Селевк, воюя с Аршаком, оказался у него в плену. Правда, с ним обращались соответственно его высокому рангу (*Athen.* IV. 153). С другой стороны, Евсевий (*Chron.* I. 257 Sch.) тоже упоминает о Селевке, взятом в плен парфянами, но у него это конкретное лицо — сын Антиоха VII Сидета, чей грандиозный поход

одну битву в Лидии, но не смог взять Сарды и Эфес (*Eus. Chron.* I. 252 Sch.) и был разбит наёмниками-галатами в генеральном сражении при Анкире (*Trog. Prol.* 27). После этого Гиеракс фактически стал независимым царём и начал войну с Пергамом, а Селевк II отправился на восток. Царь Пергама Аттал I вытеснил Гиеракса из Малой Азии, последний вторгся в Месопотамию (*Polyaen.* IV. 17) и вынудил Селевка II вернуться из Парфии; во второй фазе Войны братьев Каллиник одержал победу. Подготовка похода на Пергам и «реконкисты» малоазиатских владений Селевкидов превралась с его смертью в 226 г.

Как отметил Д. Ма, установить точную хронологию и взаимосвязь этих событий до сих пор не представляется возможным даже в свете последних эпиграфических открытий (*Ma J. Antiochos III and the Cities of Western Asia Minor.* Oxford, 1999. P. 46). Так, Э. Вильль датирует первую фазу Войны братьев ок. 240–239 г., конфликт Гиеракса с Атталом — ок. 238–227 гг., восточный поход Селевка II — ок. 230–227 гг. (*Will Éd. Histoire politique du monde hellénistique: 323–30 av. J.-C.* Paris, 2003. T. I. P. 294–313). П. Грин датирует первые две войны соответственно 239–236 и 231–229/228 гг. (*Green P. Alexander to Actium. The Historical Evolution of the Hellenistic Age.* Berkeley; Los Angeles, 1990. P. 264–265).

В исследовательской литературе ещё начиная с И.Г. Дройзена (*Дройзен И. Г. История эллинизма.* Т. 3. М., 1893. С. 231, примеч. 10) выступление Гиеракса часто увязывается с интригами его тётки Стратоники, поднявшей восстание в Антиохии (*Ios. C. Ar.* I. 206–207). Так, в частности, считает П. Грин (*Green P. Alexander to Actium.* P. 264–265). А.Г. Бокшанин (*Бокшанин А.Г. Парфия и Рим: Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии.* М., 1960. С. 187, примеч. 93) полагает, что Стратоника к этому отношению не имела, и в данном случае, как и в начале Войны братьев, Гиеракса поддерживала их с Каллиником мать (*Plut. De frat. am.* 18). С другой стороны, Э. Вильль сомневается, что последняя на тот момент ещё была жива (*Will Éd. Histoire.* P. 296).

Непосредственный повод для экспедиции Каллиника на восток неизвестен, хотя, разумеется, в условиях нестабильной обстановки у западных границ государства (по причине чего она потом и была прервана) он должен был быть весомым. Возможно, Гиеракс по договору с Селевком II (часто датируемым ок. 236 г.) предоставил ему некие гарантии своего невмешательства в дела за Тавром, а затем предал его.

на восток окончился катастрофой в 129 г. (т. е. почти столетием позже). Согласно Полибию (II. 71. 4), Селевк II носил прозвище «Бородача» (Πύγυλος). Известны монеты этого царя, где он, вопреки установившейся традиции, изображён бородатым — подобные монеты чеканились при царе Деметрии II, о пребывании которого в парфянском плену пишет, например, Аппиан (Суг. 67).

Столь скудная информация оставляет большую свободу для самых разнообразных оценок восточного похода Селевка II. Исследователи расходятся, прежде всего, по поводу того, как интерпретировать сообщение Посидония (Афиней), как соотнести его с рассказом Евсевия и был ли упомянутый Посидонием Селевк именно Селевком II. Таким образом, сторонники последней версии (условно «версии плена») считают, что Каллиник был разбит наголову и, по сути, обменял свою личную свободу на независимость Парфии и Бактрии — тем самым его поход окончился неудачей. Их оппоненты, отрицая факт пленения Каллиника, считают, что он если не победил, то как минимум сохранил лицо и добился от Аршака вассальной присяги. При этом отнюдь не все из них соглашались с тем, что Селевк Евсевия действительно был сыном Антиоха VII.

Дискуссия началась в конце XIX в. и продолжается до сих пор. Ещё П. Гарднер и А. Каннингем усматривали в портретах Селевка II с бородой «парфянскую традицию» и отстаивали идею его пленения по аналогии с Деметрием III³. Напротив, в 1890 г. Э. Бабелон со ссылкой на «Хронику» Евсевия указал, что Селевк II в плену не был, а ориентироваться мог не на парфянскую моду, а на изображения Зевса⁴. В 1914 г. О. Буше-Леклерк предложил свой вариант последней версии, указав на то, что упомянутый Евсевием сын Антиоха VII в действительности не был селевкидским царём (это противоречит сообщению Посидония). По мнению французского антиковеда, в действительности, это был племянник Антиоха VII — сын его брата Деметрия II, будущий Селевк V; Евсевий просто перепутал царских детей⁵. Тем не менее, О. Буше-Леклерк соглашался

³ Gardner P. The Parthian Coinage. London, 1877. P. 4; Cunningham A. Coins of Alexander's Successors in the East. London, 1884. P. 113–114.

⁴ Babelon E. Catalogue des Monnaies Grecques de la Bibliothèque Nationale: Les Rois de Syrie d'Arménie et de Commagène. Paris, 1890. P. LXV.

⁵ Bouché-Leclercq A. Histoire des Séleucides (323–64 avant J.-C.). Paris, 1914. P. 383–384, 566, 599–600. По логике автора, у Антиоха VII был всего один сын — тоже Антиох, будущий царь Антиох IX Кизикен (App. Суг. 68); вместе со своей племянницей (Just. XXXVIII. 10. 10) он мог взять с собой в поход и её брата. Возможно, Афиней

с Э. Бабелом в главном: упомянутый Посидонием «царь Селевк» не был Селевком II⁶.

Одна из последних на настоящий момент итераций «версии плана» представлена в монографии Дж. Лернера⁷. Признавая в Селевке Посидония именно Каллиника⁸, а в его портретах — парфянское влияние, автор превращает соглашение Аршака с Диодотом II (*Iust. XL. 4. 9*) в некий оборонительный союз и даже допускает, что парфяне одержали победу над Селевком II (*Ibid.*) при непосредственной помощи греко-бактрийцев⁹. По его мнению, в этом сражении царь был захвачен в плен и содержался там, пока его мятежный брат Антиох Гиеракс не вторгся в Месопотамию¹⁰. После этого Селевк II вынужден был согласиться признать независимость Парфии и Бактрии и получил свободу¹¹. Правда, Дж. Лернер подчёркивает, что это отнюдь не стало для Селевка II катастрофой, — вернувшись на родину, он получил достойную компенсацию в виде победы над братом¹². В результате, на наш взгляд, историк в своём стремлении

неверно истолковал текст Посидония, назвав пленного Селевка действующим царём и руководителем похода — на самом деле, как считает О. Буше-Леклерк, Селевк лишь *участвовал* в походе, а царём стал уже после своего освобождения.

⁶ Версии О. Буше-Леклерка придерживается, в частности, Ф. Штелин (*Stähelin F. Seleukos V (7) // RE. 1921. 2 Reihe. Hlbd. 3. Sp. 1245*).

⁷ *Lerner J. D. The Impact of Seleucid Decline on the Eastern Iranian Plateau. Stuttgart, 1999.*

⁸ Дж. Лернер ссылается только на то, что Селевк Евсевия (сын Антиоха VII) в действительности царём не был. Подробно он эту версию не разбирает и аргументы её сторонников не рассматривает. С версией о Селевке V он вообще не спорит, хотя знает о ней (*Lerner J.D. The Impact. P. 35, n. 12*).

⁹ Так смело трактовал Юстина ещё Дж. Роулинсон, чья книга о Парфии вышла более чем за сто лет до монографии Дж. Лернера; у него действует целая антиселевкидская коалиция, куда он вместе с парнами включил не только греко-бактрийцев, но и апасиаков (*Rawlinson G. Parthia. New York, 1893. P. 54*).

¹⁰ Следует отметить, что сама версия о вторжении Гиеракса в Месопотамию опирается на единственное сообщение Полиэна «Антиох, восстав против своего брата Селевка, бежал в Месопотамию...» (*Polyaen. IV. 17 — Ἀντίοχος Σελεύκου τοῦ ἀδελφοῦ ἀποστὰς ἔφυγεν εἰς τὴν Μέσην τῶν ποταμῶν*), и отнюдь не все исследователи связывают её с восточным походом Каллиника. Так, Т В. Антонов и М.М. Холод в комментариях к Полиэну (*Полиэн. Стратегемы. СПб., 2002. С. 176, примеч. 250*) датируют это событие 235 г. Тем не менее, Гиеракс мог бежать как *с запада* (от войск Атгала) так и *с востока* (от войск своего брата). Дж. Грейнджер, со ссылкой на вавилонские документы, констатирует, что в Вавилонии было неспокойно — в 230-х гг. произошло два восстания; вторжение (и разгром) Гиеракса он относит к 229/228 г. (*Grainger J.D. A Seleukid Prosopography. P. 61–62*).

¹¹ *Lerner J. D. The Impact. P. 36, 43.*

¹² *Ibidem. P. 37, n. 24.*

опровергнуть тезис о победе Каллиника уходит в другую крайность, и его идея о несомненной победе парфян (причём в союзе с греко-бактрийцами) столь же радикальна и уязвима для критики¹³. Все имеющиеся в нашем распоряжении отрывочные данные источников Дж. Лернер однозначно трактует в пользу парфян.

В этом отношении весьма интересными представляются выводы шотландского нумизмата Р. Додд¹⁴. В целом соглашаясь с Дж. Лернером¹⁵, она подвергает сомнению один из главных тезисов «версии плена» — связь между фрагментом из Посидония с монетами Селевка II. Заключение Каллиника, как считает Р. Додд, не могло продлиться долго — максимум год, но, скорее всего, несколько месяцев; т. к. Гиеракс не успел выпустить собственных монет в Месопотамии, явно он был оттуда быстро выбит¹⁶. При этом сами парфянские цари изображались на монетах *безбородыми* вплоть до 170-х гг. до н. э., но, даже если бы у них и была такая традиция, совершенно непонятно, к чему Селевку II было её копировать, напоминая о своём поражении и оскорбляя собственных подданных¹⁷. Наконец, автор обращает внимание на то, что примерно в одно и то же время Каллиник чеканил разные монеты — на одних он изображался юным и безбородым, а на других (в Нисибисе, Сузах и Экбатанах) бородатым. По её мнению, это было связано с необходимостью отличить свои монеты на спорных территориях от монет брата¹⁸, учитывая, среди прочего, то, что на монетах из Суз Селевк II изображался ещё и в кавсии — национальном македонском голов-

¹³ Особенно странно здесь выглядит идея о некоем «джентльменском соглашении» между Селевком II и Аршаком.

¹⁴ *Dodd R. Coinage and conflict: the manipulation of Seleucid political imagery*. Diss. PhD. Glasgow, 2009.

¹⁵ *Ibidem*. P. 134. Однако автор, видимо, не разделяет версии об освобождении Каллиника под честное слово и склоняется к тому, что он *бежал* из плена.

¹⁶ Р. Додд отмечает, что Гиеракс благоразумно не пытался атаковать столицу империи и «не пошёл бы в Месопотамию, не будучи уверенным, что его там поддержат». По её мнению, пленение Каллиника как раз могло стать удобным поводом (*Dodd R. Coinage*. P. 135). С другой стороны, в своё время И.Г. Дройзен выразился куда осторожнее и указал как на возможный повод лишь на *отсутствие* Каллиника (*Дройзен И. Г. История эллинизма*. Т. 3. С. 231).

¹⁷ *Dodd R. Coinage*. P. 135. Ранее эту мысль озвучил О. Буше-Леклерк (*Bouché-Leclercq A. Histoire*. P. 109).

¹⁸ *Dodd R. Coinage*. P. 139, 212. Здесь автор вспоминает тезис Э. Бабелона о возможной связи этих портретов с изображениями Зевса; ниже (p. 149–150) она указывает, что даже портреты Деметрия II с бородой больше напоминают Зевса на монетах Антиоха IV, чем портрет царя Парфии Митридата I.

ном уборе. Таким образом, «парфянский след» здесь, на наш взгляд, вполне убедительно отрицается.

В качестве примера альтернативной гипотезы можно привести статью А.С. Балахванцева, которая вышла почти одновременно с монографией Дж. Лернера¹⁹. Автор не только отвергает предположение о плене Селевка II²⁰, но и считает, что из сложившейся ситуации (бегство Аршака и события на западе) царь извлёк максимум пользы, покинув Парфию только тогда, когда Аршак согласился признать его своим сюзереном. Исходя из того, что в селевкидской армии в 217 г. находились воины-дахи (*Polyb. V. 79. 3*)²¹, он заключает, что правитель Парфии должен был или предоставить их лично, или позволить селевкидскому царю набрать на своей территории наёмников. Это, по мнению А.С. Балахванцева, было возможно лишь в том случае, если он формально признал власть последнего, а единственная подходящая для этого возможность представилась именно в ходе восточного похода Селевка II.

В реконструкции А.С. Балахванцева экспедиция Каллиника выглядит следующим образом: оставив своего мятежного брата на западе воевать с царём Пергама, Селевк II отправился замирать отпавшие восточные сатрапии, разгромил Аршака²² и изгнал его из Парфии.

¹⁹ Балахванцев А.С. Селевк II Каллиник и Парфия // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. Казань, 2000. С. 201–216.

²⁰ Автор считает посидониева Селевка сыном Деметрия II, Селевком V (Балахванцев А.С. Селевк II. С. 201, примеч. 2). Тем самым он становится на позицию О. Буше-Леклерка, которая, впрочем, в историографии не является общепринятой — у версии о том, что упомянутый Евсевием Селевк действительно был сыном Антиоха VII, есть свои сторонники (см., например: *Bellinger A. R. The End of the Seleucids // Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences. New Haven, 1949. P. 59, n. 4* (А. Беллинджер следует Евсевию буквально); *Grainger J.D. A Seleucid Prosopography and Gazetteer. Leiden; New York; Köln, 1997. P. 66*). См. также: *Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties. London, 1999. P. 150, 167, n. 185–186; Will Éd. Histoire. P. 312*.

Касательно связи портретов Селевка II с парфянской традицией А.С. Балахванцев с иронией замечает, что селевкидский царь Деметрий III носил бороду ещё до того, как оказался в плену у парфян; выходит, он начал готовиться к этому заранее.

²¹ Согласно Страбону, сами парны во главе со «скифом Арсаком» были одним из племён дахов (XI. 9. 2–3).

²² Для сравнения, Й. Вольский вслед за Э. Бивеном полагал, что Аршак не был разбит и просто отступил — то ли осознав неравенство сил, то ли обратившись к привычной скифской тактике (*Bevan E.R. The House of Seleucus. Vol. I. London, 1902. P. 289; Wolski J. The Seleucids: The Decline and Fall of their Empire. Kraków, 1999. P. 57–58*). При этом в настоящей работе автор осторожен в оценке восточного похода, говоря, что из имеющихся данных невозможно извлечь что-то определённое.

Диодот II ему на помощь не пришёл, т. к. соответствующий пассаж из Юстина (XLI. 4. 9) этого не подразумевает и в нём говорится лишь о примирении Парфии с Греко-Бактрией²³. Когда ситуация на западе потребовала срочного возвращения царя, он позволил Аршаку вернуться, но «взамен потребовал от него признать вассальную зависимость²⁴ и поставлять воинов в селевкидскую армию».

Один из главных аргументов исследователя состоит в том, что поскольку Аршак вопреки эллинистической практике так и не провозгласил себя царём (т. е. не поместил царский титул на свои монеты)²⁵, никакой сколько-нибудь значимой победы над Селевком II

²³ Балахванцев А.С. Селевк II. С. 214, примеч. 76. Скорее, здесь можно говорить о том, что греко-бактрийцы не выступили *на стороне Селевка II*, коль скоро, согласно Юстину (XLI. 4. 8), Аршак боялся одновременного нападения Селевка и Диодота I (см.: Бокцианин А.Г. Парфия и Рим. С. 186).

²⁴ Балахванцев А.С. Селевк II. С. 215. Ранее к схожему заключению пришёл М.М. Дьяконов, считавший, что генерального сражения между селевкидскими и парфянскими войсками не было вообще; имели место только мелкие стычки «быстрых конных отрядов парнов» с неповоротливой царской армией (Дьяконов М.М. Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961. С. 181–182). Вместе с тем вряд ли уместно сравнивать армию Аршака в рассматриваемый период с теми всадниками, которые разбили римскую армию при Каррах (см., например: Tarn W.W. Parthia // САН. Vol. IX. Cambridge, 1932. P. 577, 581; У. Тарн считает, что противоборствующие армии были примерно сопоставимы, хотя парны могли иметь некоторое превосходство в коннице). О численности и составе армий сторон в данном случае у нас нет никаких сведений.

Показательно, что дахи в армии Антиоха III при Рафии сражались, по-видимому, не как конники, а как легковооружённые пехотинцы (εὐζώνων; см. Также: Xen. Anab. V. 4. 23). Вместе с карманиями и киликийцами они составили 5-тысячный сводный отряд под командованием македонянина Биттака (Polyb. V. 79. 3). Об их участии в сражении Полибий ничего не сообщает, поэтому на различных представленных в литературе схемах (см., например: Вэрри Д. Войны античности. М., 2004. С. 93; Galili E. Raphia, 217 B.C.E., Revisited // Scripta Classica Israelica. Vol. 3 (1976/1977). Diagram; Scullard H.H. The Elephant in the Greek and Roman World. Ithaca, New York, 1974. P. 141, fig. 16) этому соединению в селевкидском боевом порядке отводятся разные места. Э. Галили допускает, что «лёгкая бригада» могла составлять часть словового эскорта на правом фланге, а значит, участвовать в его победоносной атаке (Galili E. Raphia. P. 56; Diagram). В битве при Магнезии дахи участвовали уже как конные лучники (Liv. XXXVII. 40. 8 — Dahae deinde, equites sagittarii, mille et ducenti).

²⁵ По поводу того факта, что Аршак и его преемники изображались с диадемой на голове, среди исследователей нет единого мнения: так, С. Шервин-Уайт и А. Курт считают, что она символизирует власть *сатрана* (и, следовательно, это может служить подтверждением версии А.С. Балахванцева; Sherwin-White S.M., Kurth A. From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire. Berkeley; Los Angeles, 1993. P. 89–90), а Дж. Лернер — власть *царя* (Lerner J. D. The Impact. P. 42 n. 51).

он не одержал²⁶. Следовательно, замечание Юстина о селевкидском поражении (XLI. 4. 9–10) стоит признать излишне категоричным, поскольку оно к тому же и противоречит упоминанию Страбона о бегстве Аршака (XI. 8. 8)²⁷. По мнению А.С. Балахванцева, парфяне сохраняли верность договору вплоть до поражения Антиоха III при Рафии в 217 г. — т. е., надо полагать, в его представлении этот договор не был личным соглашением *между Аршаком и Селевком II*.

Вместе с тем целый ряд специалистов считает, что дахи в селевкидской армии могли быть простыми наёмниками, для привлечения которых контролировать их территорию было вовсе не обязательно²⁸. Возможно, в этой связи было бы уместно сравнить присутствие дахов при Рафии с присутствием галатов и фракийцев в армии Антиоха IV на параде в Дафне (*Polyb.* XXX. 25. 5), когда ни о каком вассальном договоре между ними и царём говорить однозначно не приходится. Не исключено даже, что, коль скоро эти «дахи» воевали при Рафии в качестве не всадников (как можно было бы ожидать), а лёгкой пехоты, они представляли население пограничных с Мидией областей Парфии и в действительности этническими дахами не были.

Ко всему прочему, неизвестно ни о какой помощи «вассала» Аршака «сюзерену» Антиоху III в войне с отделившимся мидийским сатрапом Молоном — хотя, как представляется, при наличии такого договора (и уж тем более если Аршак сохранял лояльность и последующим селевкидским царям вплоть до 217 г.²⁹) он был бы обязан таковую предоставить. Как видим, основной довод А.С. Балахванцева отнюдь не бесспорен; тем не менее, нужно признать, что автор предложил любопытную и оригинальную трактовку рассматриваемых событий.

²⁶ На то, что парфяне могли лишь *заявить* о своей победе по факту ухода царской армии на запад, указывал ещё Н.К. Дибвойз (*Дибвойз Н. К. Политическая история Парфии*. СПб., 2008. С. 37).

²⁷ Балахванцев А.С. Селевк II. С. 211.

²⁸ Так, Ф. Уолбанк предполагает, что наёмники-дахи были набраны не в Парфии, а в Гиркании; это может свидетельствовать только о том, что парфяне в то время Гирканию не контролировали (*Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius*. Vol. I. Oxford, 1957. P. 607). По мнению Г. Гриффита, сложно сказать, имели ли селевкидские цари в данном случае некое «номинальное право» на их услуги или относились к «скифам» исключительно как к наёмникам (*Griffith G.T. The Mercenaries of the Hellenistic World*. Cambridge, 1935. P. 144, 167). Точку зрения Ф. Уолбанка разделяет и Б. Бар-Кохва, считающий, что «ничто не могло заставить» воинственное скифское племя «из северной Гиркании» выступать в качестве союзников Антиоха III (*Bar-Kochva B. The Seleucid Army: Organization and Tactics in the Great Campaigns*. Cambridge, 1976. P. 49).

²⁹ Балахванцев А.С. Селевк II. С. 215.

1

2

3

1. Монета Селевка II (Dodd R. *Coinage and conflict: the manipulation of Seleucid political imagery*. Diss. PhD. Glasgow, 2009. P. 140. Fig. 30)
2. Оттиск печати с портретом Селевка II в кавсии и с бородой (Dodd R. *Coinage*. 138. Fig. 29)
3. Бронзовая монета Селевка II из Селевкии (Dodd R. *Coinage*. P. 141. Fig. 31)

4

5

6

4. Монета Аршака I (Дибвойз Н.К. *Политическая история Парфии*. СПб., 2008. С. 35, рис. 3)
5. Монета Антиоха IV (Newell E.T. *Royal Greek Portrait Coins*. New York, 1937. Pl. VI. 3)
6. Монета Митридата I (Newell E.T. *Royal Greek portrait coins*. Pl. XII. 3)

7. Монеты Деметрия II (Dodd R. *Coinage*. P. 150. Fig. 37)

Что до противоречия в текстах Юстина и Страбона, способ его устранить озвучил Э. Вилль в своём капитальном труде о политической истории эллинизма. Коль скоро факты бегства Аршака, военного поражения Селевка II и не связанного с ним отступления из Парфии/возвращения на запад плохо стыкуются друг с другом, учёный предложил просто поменять их местами и начать историю похода именно с поражения. В результате получается, что Селевк после первой неудачи смог всё же одержать победу и изгнать Аршака, но из-за вторжения брата не успел закончить начатое³⁰. Необходимость в отрицании свидетельства Юстина о победе парфян тем самым отпадает.

Итак, мы можем убедиться, что дискуссия о результатах похода Селевка II на парфян остаётся актуальной и по сей день — и, по-видимому, таковой и останется. Состояние источниковой базы не позволяет оценить ситуацию однозначно, а вопрос доверия к тексту Посидония (Афиней) или Евсевия является делом личных предпочтений конкретного исследователя.

Показательно, что главный аргумент сторонников «версии плена» (ссылка на портреты Каллиника с бородой якобы по парфянской моде) подвергается основательной критике именно «изнутри»³¹. Можно констатировать, что в активе у них остаётся лишь своя (отнюдь не единственно возможная) интерпретация свидетельства Посидония; как представляется, данные нумизматики в данном случае не могут расцениваться как бесспорное доказательство.

Вместе с тем приверженцы обеих версий сходятся в том, что лично для Селевка II восточный поход закончился отнюдь не катастрофой. Согласно первой версии, после плена царь быстро оправился³², а по второй, даже не потерпел поражения: «Если даже это поражение и имело место, судьбу экспедиции решило отнюдь не оно»³³. Начатое Каллиником дело довершил его сын Антиох III в

³⁰ Will *Éd.* Histoire. P. 309.

³¹ Одна из последних на сегодняшний день публикаций, оспаривающих «пропарфянскую» версию, была представлена голландским антиковедом Р. Струотманом в форме доклада на конференции Seleucid Study Day в Бордо 5–7 сентября 2012 г. К сожалению, текст доклада автору статьи остался недоступен.

³² Правда, в связи с этим возникает вопрос, зачем вообще акцентировать внимание на «плене»: трактовать итог похода Селевка II как «зарю парфянской независимости» можно и без него.

³³ Grainger *J.D.* The Syrian Wars. Leiden; Boston, 2010. P. 180.

ходе своего знаменитого «анабасиса»³⁴; полную независимость от Селевкидского царства парфяне обрели лишь в первой четверти II в. до н. э.

Автор настоящей публикации при реконструкции восточного похода Каллиника склоняется к той последовательности событий, которая была предложена Э. Виллем. Начало парфянского похода было неудачным для Селевка II (хотя версия о его «плене» представляется ему неубедительной); впоследствии он сумел изгнать Аршака из Парфии, но из-за тревожных новостей с запада вынужден был прекратить преследование и свернуть экспедицию. Ему пришлось удовольствоваться тем, что на тот момент он очистил Парфию от врага. Тем не менее, армия парнов была только рассеяна, но не разбита; Аршак вернулся, дождавшись ухода Каллиника. «Дахи» в армии Антиоха III при Рафии, по мнению автора, не были воинами Аршака и тем более не были предоставлены по некоему договору. Они могли быть обычными наёмниками с пограничных с Мидией парфянских земель.

У Аршака для провозглашения себя царём не было мотива в виде решительной победы над Селевком II. С другой стороны, у нас нет весомых доказательств и обратного — признания Аршаком верховной власти Каллиника. Для того, чтобы рассматривать восточный поход последнего как победу любой из сторон, оснований недостаточно; исход экспедиции остался неопределённым.

Литература

- Балахванцев А.С.* Селевк II Каллиник и Парфия // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. Казань, 2000. С. 201–216.
- Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим: Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. М., 1960.
- Вэрри Д.* Войны античности. М., 2004.
- Дибвойз Н.К.* Политическая история Парфии. СПб., 2008.
- Дройзен И.Г.* История эллинизма. Т. 3. М., 1893.
- Дьяконов М.М.* Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961.

³⁴ По предположению Г.А. Кошеленко, это поражение парфян «почти свело на нет» все внешнеполитические успехи Аршака I, привело к свержению Аршака II и отрешению от власти его потомков (*Кошеленко Г. А.* Генеалогия первых Аршакидов (еще раз о нисийском ostrake № 1760) // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976. С. 33–34).

Кошеленко Г.А. Генеалогия первых Аршакидов (еще раз о нисийском остраке № 1760) // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976. С. 31–37.

Babelon E. Catalogue des monnaies grecques de la Bibliothèque Nationale: Les rois de Syrie d'Arménie et de Commagène. Paris, 1890.

ar-Kochva B. The Seleucid Army: Organization and Tactics in the Great Campaigns. Cambridge, 1976.

Bellinger A. R. The End of the Seleucids // Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences. 1949. Vol. 38. P. 51–102.

Bevan E. R. The House of Seleucus. Vol. I. London, 1902.

Bouché-Leclercq A. Histoire des Séleucides (323–64 avant J.-C.). Paris, 1914.

Cunningham A. Coins of Alexander's Successors in the East. London, 1884.

Dodd R. Coinage and conflict: the manipulation of Seleucid political imagery. Diss. PhD. Glasgow, 2009.

Galili E. Raphia, 217 B.C.E., Revisited // Scripta Classica Israelica. Vol. 3 (1976/1977). P. 52–126.

Gardner P. The Parthian Coinage. London, 1877.

Grainger J.D. A Seleukid Prosopography and Gazetteer. Leiden; New York; Köln, 1997.

Grainger J.D. The Syrian Wars. Leiden; Boston, 2010.

Green P. Alexander to Actium. The Historical Evolution of the Hellenistic Age. Berkeley; Los Angeles, 1990.

Griffith G.T. The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge, 1935.

Lerner J.D. The Impact of Seleucid Decline on the Eastern Iranian Plateau. Stuttgart, 1999.

Ma J. Antiochos III and the Cities of Western Asia Minor. Oxford, 1999.

Newell E.T. Royal Greek Portrait Coins. New York, 1937.

Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties. London, 1999.

Rawlinson G. Parthia. New York, 1893.

Sherwin-White S.M., Kurht A. From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire. Berkeley; Los Angeles, 1993.

Stähelin F. Seleukos V (7) // RE. 1921. 2 Reihe. Hlbd. 3. Sp. 1245.

Tarn W. W. Parthia // CAH. Vol. IX. Cambridge, 1932. P. 574–613.

Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxford, 1957.

Will Éd. Histoire politique du monde hellénistique: 323–30 av. J.-C. T. I–II. Paris, 2003.

Wolski J. The Seleucids: The Decline and Fall of their Empire. Kraków, 1999.

А.С. Анохин

ОПОРА ИЛИ УГРОЗА: РОЛЬ ГРЕКО-МАКЕДОНЫЯН В РАЗВАЛЕ ДЕРЖАВЫ СЕЛЕВКИДОВ

Аннотация: Статья посвящена роли греко-македонского населения в коллапсе органов управления державы Селевкидов во второй половине II в. до н. э. — феномену, определившему стремительный закат этого государства. Главным симптомом этого процесса стали частые узурпации власти в Сирии. Их социальной основой служил протест греко-македонян, которые, составляя основу армии и администрации, и получая прямые выгоды от этого, выражали недовольство резким сокращением активности царей после поражения в войне с Римом (192–188 гг. до н. э.).

Ключевые слова: Сирия, Селевкиды, держава, монархия, армия, войско, мятеж, узурпатор, протест, эллинизм, греко-македоняне

Abstract: The article focuses on the role that the Greek-Macedonian population of the Seleucid Empire played in the collapse of the imperial government in the second half of II century BC, which caused a quick dawn of this monarchy. The process expressed itself primarily in frequent usurpations and *coups d'état* in Syria. The study of the sources shows that the usurpers' claims found their social support among the Greek-Macedonians, who formed the core of the army and imperial administration, benefited from this, and were discontent because of the sharp decrease of the central power's activity after the military defeat by Rome (188 BC).

Key words: Syria, the Seleucids, empire, monarchy army, usurpation, coup d'état, protest Hellenism, the Greek-Macedonians

Данная статья является приглашением к размышлению о характере государственности в самом обширном и одном из наиболее могущественных царств эпохи эллинизма — державе Селевкидов, точнее, — о факторах, которые предопределили ее крах и превра-

шение к последним десятилетиям II в. до н. э. в заурядную ближневосточную деспотию. Как правило, этот процесс описывается в науке как медленно прогрессирующий политический упадок на фоне растущего влияния Рима, а затем — и экспансии парфян. Основной упор делается на династической неразберихе и частых узурпациях власти. Такой подход находится в соответствии с представлением о внутренней слабости, рыхлости державы. Причем критическим моментом для начала этих изменений называют 160-е гг. до н. э. — время установления в восточной части Средиземноморского бассейна нового внешнеполитического порядка — во главе с Римом¹.

Вопрос о конкретных механизмах этого процесса все же далек от разрешения. Что являлось основной действующей силой, которая привела к фактическому параличу центральной власти еще до того, как на восточные владения державы обрушились парфяне? Первопричиной явно не были подвластные общины, которые, в целом, еще долго хранили верность династии, хотя и осознали быстро, что могут извлечь выгоды из трудностей, с которыми столкнулись Селевкиды. Если искать первопричину в иностранном вмешательстве во внутридинастийные дела Сирии, то нуждается в прояснении, почему это вмешательство не встречало сопротивления и имело столь губительные последствия. А кроме того, — как узурпации II в. до н. э. сущностно соотносятся с более ранними узурпациями — столь же характерным явлением для державы Селевкидов в III в. до н. э.?

При поиске ответов на эти вопросы долгое время не учитывалась роль одного из ключевых составных элементов (наряду с царской властью и подвластными общинами) в структуре государства Селевкидов, а именно: греко-македонского населения державы — потомков тех колонистов, которые расселились на просторах Ближнего Востока и Ирана во время походов Александра и войн диадохов и которых Селевкиды привлекали к военной службе. Этот пробел не так давно попытался восполнить в своей статье П.Ф. Миттаг².

¹ См., например: *Rostovtzeff M.I.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941. Vol.2. P. 842–843; *Gehrke H.-J.* Geschichte des Hellenismus. München, 2008. S. 130–131; *Meissner B.* Hellenismus. Darmstadt, 2007. S. 66–68; *Will É.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). T. 2. Nancy, 1982. P. 359; 365; 373–375; 410; *Heinen H.* Geschichte des Hellenismus von Alexander bis Kleopatra. München, 2003. S. 45–47; *Chamoux F.* Hellenistic Civilization. Malden, 2002. P. 119–125 (перевод книги 1981 года).

² *Mittag P.F.* Blood and Money: on the Loyalty of the Seleucid Army // *Electrum*. 2008. 14. P. 47–56.

В греко-македонских колонистах исследователь видит главный фактор, цементирующий державу, отстаивающий ее единство. На основе материалов источников мы попытаемся показать, что данный тезис сильно упрощает картину. Для этого необходимо уточнить и отчасти пересмотреть роль военных колонистов в функционировании сирийской монархии во второй половине II в. до н. э. и даже поставить вопрос об их ответственности за развал государства.

Восточные источники называют державу Селевкидов государством эллинов и македонян, предполагая их политическое главенство³. Селевкидский царь считал себя македонянином (см.: *Austin*. 166 (Вавилония)), значительная часть его приближенных, а также военно-административного аппарата (включая стратегов в провинциях и руководителей военной организации ниже уровня сатрапии) были потомками греко-македонских колонистов. Для пополнения этого слоя командиров и управленцев самого высокого уровня в державе Селевкидов существовал исконный македонский институт царских «пажей» (οἱ βασιλικοὶ παιῖδες)⁴. Греко-македоняне формировали костяк царской армии (конницу и фалангу), а также гвардию (пешую и конную)⁵. Службой они и их потомки были обязаны монарху за предоставленные им надельные земли⁶. Кроме того, за свою службу воины получали от государства жалование серебром очень высокой пробы⁷. Представители иных народностей державы также

³ См.: Эсф. 8: 12k; о (Septuaginta); 1 Макк. 1:10; *Jos. Ant. Jud.* 12.7.6; 11.2

⁴ См., например: *Polyb.* V. 82. 13, традиционный для македонской монархии институт: *Hammond N.G. L. Royal Pages, Personal Pages, and Boys Trained in the Macedonian Manner during the Period of the Temenid Monarchy // Historia*. 1990. Bd. 39. Ht. 3. P. 261–290; *Heckel W.* “Somatophylakia”: a Macedonian “cursus honorum” // *Phoenix*. 1986. Vol. 40. No 3. P. 281–282. Он хорошо известен нам по карьере будущего узурпатора Диюдота Трифона (*Strabo* XVI. 2. 10). Путь из командиров в чиновники прописан в письме Деметрия I к иудеям (1 Макк. 10:37).

⁵ См.: 1Макк. 10:71; *Diod.* XXXIII. 4a.1; *Polyb.* V. 50. 7–8; ср. с исконной македонской практикой: набор по всем городам царства: *Liv.* XXXIII. 3. 1, при Филиппе V.

⁶ *Billows R.A.* Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York; Köln, 1991. P. 160–169. Обычный размер клеров составлял от 5 до 10 га обрабатываемой земли (RC 51). Величину такого клера устанавливало государство, исходя из технических критериев (пеший воин или конный); обосновавшийся в городе или находящийся в лагере. От этого землевладения следует отличать пожалованные знати земли: поместья, достигающие площади 200 га или право на сбор доходов с деревень (RC. 10–13; 18–20; 70; *Sardis* VII. 1. 1).

⁷ См.: 1 Макк. 10: 36 (Деметрий I обещает еврейскому отряду, если он будет предоставлен, то же жалование, что получают все остальные войска, из чего можно сделать вывод, что войска, набранные непосредственно в державе, получали такое же жалование, что и наемники). Средняя плата составляла около 1 драхмы в день.

привлекались в армию, но список этих воинских частей часто менялся⁸, а процесс вербовки был опосредован политическим диалогом между царем и руководством данной общины (см., например: 1 Макк. 10: 35–37)⁹. Набор рекрутов из числа греко-македонских колонистов осуществлялся без подобных промежуточных звеньев — на основании раз и навсегда заключенного договора между династией и колонией (ср.: *Diod.* XXXIII. 4a. 1).

Плотность расселения греко-македонян по территории державы не была равномерной. Наибольшей она была в западной Малой Азии (Лидии и Фригии), а также Северной Сирии с Северной Месопотамией¹⁰. Определенное число колонистов проживало в Келесирии, в конце III в. до н. э. присоединенной к державе¹¹. Из этих центров (главным образом, из первых двух) и производились военные наборы. Максимальное число воинов, на которое одновременно могли рассчитывать цари, едва ли превосходило 40 тысяч человек¹².

См.: *Aperghis G.G.* The Seleukid Royal Economy. The Finances and Financial Administration of the Seleukid Empire. Oxford, 2004. P. 201–203; *Chaniotis A.* War in the Hellenistic World. A Social and Cultural History. Oxford, 2005. P. 82–84.

⁸ Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 54–55.

⁹ Впрочем, следует помнить, что термин «македоняне» являлся еще и техническим. В свои военные *катойкии* Селевкиды включали и коренное население. Данные: *Bar-Kochva B.* The Seleucid Army. Organization and Tactics in the Great Campaigns. Cambridge, 1976. P. 45; 227–228. Одна из последних публикаций на этот счет: *Fingerson K.R.* Persian *Katoikoi* in Hellenistic Smyrna // *AncSoc.* 2007. Vol. 37. P. 107–120.

¹⁰ По месту их набора «македонские» контингенты в армии Селевкидов греки и римляне называли лидийцами и фригийцами (*Liv.* XXXVII. 40. 11), а также сирийцами (*ibidem*; *Plut.* Flam. 17.5). В западной Малой Азии (Лидии и Фригии) хорошо известны *катойкии* македонян (*Бикерман Э.* Указ. соч. С. 52; *Robert L.* Études anatoliennes. Paris, 1937. P. 191–193; *Ma J.* Antiochus III and the Cities of Western Asia Minor. Oxford, 2000. P. 117. Not. 38). Хорошо известна и интенсивная колонизация Сирии (см., например: *Seyrig H.* Séleucos I et le fondation de la monarchie Syrienne (*Antiquités Syriennes.* 92) // *Syria.* 1970. T. 47. No 3–4. P. 291–310; *Bar-Kochva B.* The Seleucid Army. P. 20–42).

¹¹ *Ibid.* P. 35–36.

¹² Так, известно, что для битвы при Рафии Антиох III на вербовал в Сирии (поскольку в Малой Азии действовал узурпатор Ахей) 20000 воинов фаланги. А уже дополнительный контингент в 10000 фалангитов набирался по некоему экстраординарному принципу (*Polyb.* V. 79. 4–5). У Полибия они названы «отборными» (ἐκλελεγμένοι) и носят серебряные щиты — безусловно, знак отличия, хотя его конкретное назначение остается неясным. Скорее всего, это ветераны (об *аргураспистах* у македонян см.: *Lock R.A.* The Origins of the Argyraspids // *Historia.* 1977. Bd. 26. Ht. 3. P. 373–378); возможно также, это гвардейцы (*Bar-Kochva B.* The Seleucid Army. P. 60; *Sekunda N.* Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies (168–145 BC). Vol. 1: Seleucid Army. Stockport, 1994. P. 14), но едва ли туземцы, как предполагал Э. Бикерман

В Вавилонии колонистов проживало меньше (поэтому, например, восточная столица державы, Селевкия-на-Тигре, была населена преимущественно вавилонянами¹³), в «верхних» сатрапиях греко-македонян было мало; в армию царя их не вербовали, а привлекали для охраны наиболее важных укрепленных мест по пути следования основных маршрутов и дорог¹⁴.

В III в. до н. э. нам практически неизвестна политическая активность этого населения.¹⁵ В первые десятилетия II в. до н. э. ситуация круто меняется, и связано это, очевидно, с тем, что военная активность Селевкидов после поражения в войне с Римом заметно сокращается. С этого момента выступления регистрируются часто, и они всегда являются реакцией на безынициативность царя, выражают опасения за возможные ее плачевные последствия и стремление подвигнуть монарха на более активные действия, которые бы потребовали привлечения военной силы, читай — армии, набранной из числа греко-македонских колонистов.

Так, в 163 г. до н. э. население открыто воспротивилось тому, что римское посольство (Гн. Октавий, Сп. Лукреций и Л. Аврелий) распорядилось сжечь военные корабли династии и покалечить боевых слонов. Сам Октавий при этом погиб (*Polyb.* XXXI. 12(2). 9–14; 19(11). 1–2; 32. 6–7(2–3)). Малолетний царь Антиох V и его опекун Лисий потеряли всякую популярность, и в скором времени столица без труда была захвачена другим претендентом на трон — Деметрием I.

(Государство Селевкидов. С. 70); см. также: *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Oxford, 1957. Vol. 1. P. 615. Таким образом, около 20000 пехотинцев — это все, что могла дать Сирия. Надо полагать, приблизительно столько же можно было набрать и в Малой Азии. К этому еще нужно прибавить конницу — 2000 копий.

¹³ *Саркисян А.Х.* Самоуправляющийся город в селевкидской Вавилонии // ВДИ. 1953. № 1. С. 68–83.

¹⁴ Определенное число колонистов было расселено в восточной Мидии (*Diod.* XIX. 44. 4, 46.1; 46.15; *Bar-Kochva B.* The Seleucid Army. P. 32). Целью такой диспозиции была, очевидно, защита Каспийских ворот. Сложная задача по контролю за местными князьями досталась военным поселенцам в Персии (*Polyaen.* VII. 39–40; *Frye R.* A History of Iran. Munich, 1984. P. 160). См. также: *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. Т. 1. М., 1960. С. 130–131. Ср.: *Polyb.* V. 54. 8: Антиох III отпускает воинов, служивших у Молона, служить по домам, а не берет их с собой (см. также: *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 237. Примеч. 68). Для охраны восточных владений династии, наоборот, требовались дополнительные людские вливания. Так, известно, что здесь служили галаты (*Polyb.* V. 53. 3).

¹⁵ Ср.: *Ehling K.* Unruhen, Aufstände und Abfallbewegungen der Bevölkerung in Phönicien, Syrien und Kilikien unter den Seleukiden // *Historia.* 2003. Bd. 52. Ht. 3. S. 300–302.

Понимание причин беспокойства греко-македонян, как кажется, к тому моменту у власти уже сложилось. По крайней мере, древняя историография (восходящая, очевидно, к Полибию) упоминает мнение только что утвердившегося на троне Деметрия I, что *мир опасен для его власти* (*Just. XXXV. 1. 1*)¹⁶. Однако внешнеполитические инициативы Деметрия I носили интриганский характер, никоим образом не задействовали основного потенциала государственного аппарата. Пользуясь непрекращающейся междоусобицей в царском доме Птолемеев, Деметрий пытается купить (!) Кипр у птолемеевского наместника Архия (*Polyb. XXXIII. 5. 1*). За обещанное вознаграждение он берется за то, чтобы возвести на трон соседней Каппадокии одного из претендентов, Ороферна. Такие паллиативные инициативы и сами по себе не приносили успеха, и не могли исправить отношения населения к царю. Деметрий оставался крайне непопулярен, особенно в Антиохии. Царя обвиняли в излишней прижимистости (*Diod. XXXI. 32a*), а со временем — в затворничестве, алкоголизме и бездействии (*Jos. Ant. XIII. 2; Polyb. XXXIII. 19. 1*). Ороферн после недолгого правления на родине вновь оказался в Сирии и в результате козней был заточен Деметрием, но горожане его освободили. Надо полагать, — в надежде, что это подвигнет их царя на более активные действия против Каппадокии. После того как царевич вновь попал в руки властей, из Антиохии его пришлось перевезти в соседнюю Селевкию. В дальнейшем среди наемников Деметрия I нашелся один македонянин, возрастом и внешностью очень похожий на македонского царевича Филиппа (сына Персея). Антиохийцы потребовали, чтобы их царь помог юноше вернуть отцовский трон (*Diod. XXXI. 40a*).

Тем временем маховик династийной борьбы начал раскручиваться. Появился новый претендент на трон, Александр Бала, самозванный сын Антиоха IV Эпифана, поддержанного Эвменом II Пергамским и царем Египта Птолемеем VI Филометором. В 150 г. до н. э. в сражении с Балой Деметрий I погиб. Впрочем, и в Александре

¹⁶ Ход мыслей в тексте Юстина таков: Деметрий, видя опасность для своей власти, пренебрегает стабильностью и миром и начинает без видимых на то причин и поводов строить козни против соседней Каппадокии. Отголоски этих размышлений читаются и у Диодора, когда историк пишет, что для Деметрия чернь всегда была источником опасности (*XXXI. 40a. 1*). И скорее всего, авторство должно быть приписано наиболее авторитетному и достоверному историку этого периода — Полибию, лично знавшему Деметрия еще царевичем, когда оба жили заложниками в Риме, и следившему за его дальнейшей судьбой — уже в качестве царя.

сирийцы быстро разуверились: праздность и лень — главные характеристики юноши, которые мы находим в источниках, хорошо знакомых с настроениями в Сирии (*Just.* XXXV. 2. 2). У Птолемея VI, меж тем, появился новый ставленник — Деметрий II (сын Деметрия I). А вскоре и сам египетский царь оказался с войском в Сирии. Опасаясь и Балы, и Деметрия, жители Антиохии и войско предложили царскую диадему Птолемею (*Jos. Ant.* XIII. 113 (4.7); ср.: *Diod.* XXXII. 9с; *Just.* XXXV. 2. 3). Тот, впрочем, отказался, а в решающий момент в битве со своим недавним протезе погиб, как и сам Бала, и в Сирии воцарился Деметрий II.

Самый красноречивый пример борьбы греко-македонского населения за свое право служить монархии Селевкидов (и извлекать из этого выгоду!) относится к периоду правления именно этого царя (145–140 гг. до н. э.). Под нажимом критских наемников, на которых опирался, Деметрий распустил греко-македонскую армию, велел отправиться «каждому в свою землю»¹⁷. Это привело к возмущению, а затем и открытому мятежу. Заметим, что в источниках, относящихся к этому времени, греко-македонская армия зовется не иначе как «армией отцов»¹⁸, что лишний раз указывает на силу протеста против инициативы Деметрия II — протеста, который подчеркивал, что царь разрушает установление, освященное памятью его предков. На волне этого возмущения к власти пришел офицер высокого происхождения Диодот Трифон (1 Макк. 11: 38; *Jos. Ant.* XIII. 129–130 (4.9); *Just.* XXXV. 2. 3). Вначале прикрытием для его власти был сын Александра Балы малолетний Антиох VI, однако впоследствии мальчик был убит, а от войск Трифон добился, чтобы те провозгласили его царем (142 г. до н. э.: *Jos. Ant.* XIII. 219 (7.1))¹⁹.

¹⁷ *Habicht Ch. The Seleucids and Their Rivals // САН². Vol. VIII. 1989. P. 365; обсуждение см.: Bar-Kochva B. The Seleucid Army. P. 59–62 (предполагает, что распущена была гвардия, находившаяся при царе постоянно; ср.: *Jos. Ant. Jud.* 13). По косвенным данным, Б. Бар-Кохва устанавливает ее численность как 10 тысяч человек. Однако проверить эту цифру сложно.*

¹⁸ См.: 1 Макк. 11:38: αἱ δυνάμεις αἱ ἀπὸ τῶν πατέρων; *exercitus patrum*; см. также параллельный текст: *Jos. Ant.* XIII. 129–130 (4.9), термин встречается также у Юстина (XXXV. 2. 3: *milites paterni*).

¹⁹ Связи Трифона с армией подчеркивает и нумизматика этого периода. На столичных серебряных тетрадрахмах Антиоха VI изображались Диоскуры — покровители коневодства и, следовательно, в данном контексте конницы (SC. II. 2000). Монеты отмечены монограммой «ТРУ», имеющей прозрачное значение. На собственных серебряных и бронзовых монетах Трифон стал помещать македонский шлем (SC. II. 2029–2033), украшенный рогом. Этот монетный тип появляется еще при Антиохе VI (драхмы: SC. II. 2003; обсуждение символики см.: SC. II. Vol. 1. P. 337).

Конец его власти вскоре положил еще один сын Деметрия I, Антиох VII. Он сумел консолидировать владения державы, однако и сам погиб во время своего восточного похода против парфян (129 г. до н. э.). Для нашего вопроса нелишним будет заметить, с какой неподдельной скорбью позднее вся Сирия оплакивала своего любимца (*Just.* XXXIX. 1. 1; 6). Во время его правления царская власть в Сирии переживает кратковременный период укрепления, обнадеживавшего греко-македонское население²⁰. После смерти Антиоха VII эти надежды уходят окончательно, а движение греко-македонян вырождается: протест еще остается, но его цели кардинально меняются. В 128 г. до н. э. сирийцы и войско, не желая терпеть власть Деметрия II, отправляют посольство Птолемию VIII Фискону с просьбой поставить над ними какого-нибудь другого царя из династии Селевкидов (*Jos. Ant.* XIII. 267 (9.3)). Не было и надежды, что египетский царь позволит сильному правителю закрепиться в Сирии. Этот мятеж уже имел только одну цель — просто избавиться от Деметрия II. Фискон прислал с войском еще одного пустого кандидата — Александра Забину.

Резюмируем изложенные выше наблюдения: в условиях, когда царь не мог обеспечить бесперебойную работу державного аппарата принуждения (прежде всего, военной машины), греко-македонское население, получавшее прямые выгоды от своего участия в работе этого аппарата, начинает открыто выражать свое недовольство. Отметим — перед нами массовое движение. Греко-македоняне выступают синхронно и слаженно. За 30 лет после Антиоха IV выступления населения с фактическим требованием активизации царской политики наблюдались в столице Антиохии, крупном порту Лаодикее, в военных поселениях, таких, как Лариса Апамейская. Активность, очевидно, связанная с этими событиями, отмечается и в военном центре державы — Апамее²¹. Сюда же, возможно, стоит прибавить и тесное сближение, которое наблюдается в начале 40-х гг. II в. до н. э. между

²⁰ Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Т. 1. С. 248; Кошеленко Г.А. Греческий полис. С. 236.

²¹ Гражданский коллектив Апамен во время узурпации власти Трифоном воюет против Ларисы. Об этой войне рассказывает в своем комическом сообщении Посидоний, уроженец Апамен (FGrHist. Па. 87. F 2 = *Athen.* IV. 176b–c). Пассаж содержится в 3 книге его «Истории», и сам конфликт должен относиться к концу 40-х или началу 30-х гг. II в. до н. э.; очевидно, ко времени Трифона (см.: *Engels J.* Posidonium of Amasia and Strabo of Amasia on the Decline of the Seleucid Kingdom // *Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor.* Wiesbaden, 2011. P. 184).

Антиохией и Селевкийей: в это время города совместно выпускают бронзовую монету с легендой: ἀδελφῶν δῆμων («народов-братьев»)²².

Существенно еще одно обстоятельство: центрами политической активности, как правило, являются греко-македонские полисы — каждый по отдельности. Особенно выделяется на этом фоне столица — Антиохия, но не стоит забывать и Ларису Апамейскую — город, который Посидоний Апамейский особо отмечает среди тех, кто поддержал претензии Диодота Трифона на верховную власть. В последнем случае заметим, что Трифон происходил не из Ларисы, а из другого городка, пусть и той же Апамейской сатрапии, — Касиан, поэтому речь здесь не может идти о некоем «местечковом» патриотизме ларисейцев.

Трижды в выступлениях упоминается общий греко-македонский социально-политический институт — войско (στράτευμα) — т. е. армейская сходка²³: в эпизодах с Птолемеем VI, Диодотом Трифоном и Александром Забиной.²⁴ Однако едва ли стоит делать из этого вывод о большой политической роли этого института в описываемых событиях. Последний пример в этом смысле маловыразителен вследствие своей маргинальности, но, как указывалось, просьба к Фискону не могла даже гипотетически иметь серьезных социальных последствий в Сирии, а значит, и социальной опоры у нее не было. Само посольство, следовательно, полностью было инспирировано верхушкой (городской и придворной), намеревавшейся избавиться от Деметрия II.

Первый и второй эпизоды нуждаются в более детальном обсуждении. Начнем с истории с Птолемеем VI. Диодор, обращаясь к тому же сюжету, не упоминает армию, зато утверждает, что народ в городе к выступлению подготовили Диодот (Трифон) и Гиеракс (XXXII. 9с), бывшие министры Александра Балы. И, по всей видимости, речь идет только об участии командиров высокого ранга. Формулировка

²² *Bellinger A R.* The End of the Seleucids // *Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences.* 1949. Vol. 38. P. 60; *Downey G.* A History of Antioch in Syria from Seleucus I to the Arab conquest. Princeton, 1961. P. 121. Впрочем, не исключено, что чеканка не имела прямого политического подтекста: *Rigsby K. J.* Seleucid Notes // *TAPA.* 110. 1980. P. 242–248.

²³ *Hammond N.G.L.* The Continuity of Macedonian Institutions and the Macedonian Kingdoms of the Hellenistic Era // *Historia.* 2000. Bd. 49. Ht. 2. P. 141–147.

²⁴ «Четвертый» эпизод, где антиохийцы и войско переходят от Александра Балы к Деметрию II (*Just.* XXXV. 2. 3), очевидно, является сокращением текста, близкого к тому, что мы находим у Иосифа Флавия, и который должен восходить к Николаю Дамаскину (т. е. эпизоду с Птолемеем VI в Антиохии).

Диодора вызывает больше доверия, поскольку историк, скорее всего, как и в других местах труда, посвященных Сирии, напрямую обращается к хорошо осведомленному источнику — Посидонию Апамейскому²⁵, в то время как Флавий здесь работал с традицией более позднего автора — Николая Дамаскина, а тот, не исключено, — с какой-то официальной селевкидской хроникой (ср.: *Jos. Ant.* XIII. 250–251 (8.4)).²⁶ Характерно также, что и сам Флавий не упоминает войска далее, когда пишет о том, как Птолемей VI созвал антиохийцев на (народное) собрание (ἐκκλησία) и убеждал принять Деметрия (*Ant.* XIII. 114 (4.7)), хотя практика созыва ἐκκλησίαν καὶ τοὺς στρατιώτας была ранее хорошо известна (ср.: *Diod.* XVI. 4. 3 — Македония, сер. IV в. до н. э.).

Что касается событий 142 г. до н. э., необходимо обратиться к их контексту. Провозглашение себя царем для человека, не имевшего родственных связей с домом Селевкидов, было большой политической авантюрой. За 20 лет до этого подобное уже совершал наместник Тимарх²⁷, но это было в далекой Мидии, а не в сердце Селевкидской монархии — в Сирии. Узурпатору пришлось открыто порывать со многими сложившимися традициями, ассоциировавшимися с Селевкидами. Трифон изменяет прежний монетный тип, принимает невиданный для представителей династии титул — Ἀυτοκράτωρ («Самовластный»), вводит датировку не по Селевкидской эре, а по годам собственного правления (SC. II. 2042–2043; 2045–2048)²⁸. Поэтому узурпатор отчаянно нуждается в любой формальной легитимации собственной власти. В этом ключе и следует понимать эпизод с провозглашением его царем, которое последовало от войска. Формальный характер этой процедуры был хорошо понятен уже древним. Фактической властью к моменту провозглашения Трифон обладал уже несколько лет. И, по версии, переданной Флавием, после гибели юного Антиоха VI он за огромную взятку (*Ant.* XIII. 219 (7.1)) добивается царской диадемы. Сама процедура выглядит декоративно.

Весь эпизод лишний раз подтверждает всю значимость апелляции к македонскому воинскому этосу, которую мы часто встречаем

²⁵ *Engels J.* Posidonius of Apameia. P. 182–185.

²⁶ Об Николае Дамаскине как источнике Флавия см.: *Shutt R.J.H.* Studies in Josephus. London, 1961. P. 79–92.

²⁷ Свидетельства о провозглашении Тимарха царем: *Diod.* XXXI. 27a; SC. II. 1588–1593.

²⁸ *Habicht Ch.* Seleucids and Their Rivals. P. 367; SC. II. Vol.1. P. 336–338.

в державе моменты борьбы за власть. Прежде всего, это касается узурпаторов, в частности, Тимарха. В пропаганде власти этого узурпатора вообще много зачатков того, что после придется реализовать Трифону. Он также избирает не вполне обычный для Селевкидов титул — Μέγας (Великий), показывая тем самым, что ассоциирует себя не со всей династией, а только с Антиохом III (ср.: OGIS 245) и, очевидно, с его успешным восточным походом. Кроме того, сохраняя традиционные селевкидские монетные типы или, по меньшей мере, обращение к традиционным для династии богам, Тимарх вводит и свой тип — он нередко изображается в беотийском шлеме, на оборотной стороне таких монет мы видим скачущих Диоскуров (SC. II. 1588–1590). Другие узурпаторы неизменно проявляют особую заботу о войске (см.: *Polyb.* V. 48. 16 – Молон; V. 57. 8 – Ахей). В минуту политических трудностей (особенно неурядиц в династии) такое обращение к военной тематике, призванное подкупить симпатии войск и колонистов, использовали и легитимные правители²⁹.

Однако в изучении подобных эпизодов сложность представляет именно то, что армия действительно является мощным орудием, институтом, с которым царь волей-неволей вынужден считаться. Что, однако, отнюдь не означает политического самосознания самих войск. В этом отношении особенно показателен пример Ахея, родственника дома Селевкидов, человека, очевидно, прошедшего процедуру провозглашения царем (см.: *Polyb.* V. 57. 1). Воины, признавая его царем, легитимным правителем — «царем по природе» — продолжают считать молодого Антиоха III, очевидно, потому что его родственные связи с предыдущим царем были ближе (Селевку III он приходился братом)³⁰. Но и эти соображения воины озвучивают только тогда, когда Ахей намеревается напасть на Антиоха III (*Polyb.* V. 57. 1–8). Войско отказывается от похода, и, очевидно, — по прагматическим соображениям: из страха перед более чем вероятной неудачей всего начинания, поскольку как легитимный царь Антиох имел больше шансов собрать сильную и боеспособную армию. Близок по смыслу и печальный опыт двух других узурпаторов: Молона и Тимарха. Войска первого фактически сдались царю

²⁹ Так, вдова Селевка IV царица Лаодика с маленьким Антиохом на руках (175 г. до н. э.) избирает для бронзовой столичной чеканки монетный тип «женский профиль / голова слона», что должно было ассоциировать царицу и ее сына с воинским этосом. Hoover O.D. Two Seleucid Notes: II. Laodice IV on the Bronze Coinages of Seleucus IV and Antiochus IV // *AJN.* 2002. Vol. 14 . P. 81–87.

³⁰ *Mittag P.F.* Blood and Money. P. 49–50.

(*Polyb.* V. 54. 1–2), второй, нет оснований сомневаться, был быстро побежден Деметрием I (*App. Syr.* 47)³¹.

Таким образом, мы можем заключить, что, хотя идея о волеизъявлении армии осталась частью воинского этоса, столь близкого для населявших державу греков и македонян, и, бесспорно, составлявшего фон для всего общения царя с армией, но в действительности эти политические традиции остались исключительно формальностью и фикцией³². Что касается конкретных событий II в. до н. э., то социальный протест перерос границы армии, и основными действующими лицами этого протеста были уже города. Поэтому и фактическое участие регулярных войск отражено слабо — они просто стали частью этого общего движения.

Если говорить о социальной основе протеста II в. до н. э., трудно предположить, что рядовое население, рекруты, на которых ложились основные тяготы войны, были инициаторами этих выступлений. Хотя, безусловно, сокращение притока серебра в греко-македонские города державы, где военнообязанное население составляло значительный процент, должно было существенно снизить уровень жизни и тем, в свою очередь, неизбежно подогревало недовольство. Настоящим инициатором выступлений являлась греко-македонская знать, у которой было много поводов для беспокойства задолго до того, как Деметрий II вознамерился отказаться от услуг «армии отцов». Есть данные, которые позволяют утверждать, что к середине II в. до н. э. вообще происходят значительные изменения в характере организации элиты в державе. Материалы касаются, прежде всего, такой группы, как «друзья царя», окружения монарха, людей (в том числе иноземцев), которые тем или иным образом царю были интересны, в том числе, и по политическим соображениям.

В III — первой половине II вв. до н. э. (до Александра Балы) «друзья» — это, в основном, греки. Большинство (известно 19 имен) — выходцы из западной Малой Азии, что лишний раз говорит о большой заинтересованности династии в делах этого региона³³. Точно установленных выходцев из числа греко-македонских

³¹ Нумизматические данные о правлении Тимарха вне вверенной ему сатрапии (Мидии) крайне скудны, что отчасти объясняется краткостью этого периода (SC. II. Vol. 1. P. 141–142).

³² Ср.: Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 11–12; Adams W.L. The Hellenistic Kingdoms // The Cambridge Companion to the Hellenistic World. Cambridge, 2006. P. 45–46.

³³ Savalli-Lestrade I. Les “philoi” royaux dans l’Asie hellénistique. Genève, 1998. (nos. 1, 3, 5, 9, 15, 19, 21, 26, 32, 35, 42, 48, 55, 57, 62, 64, 67–69).

колонистов меньше — 12, но их число наверняка должно быть больше за счет тех персоналий, чье происхождение точно не отмечено³⁴. Одной из важных функций института «царских друзей» было поддержание управляемости провинций. Стратеги в наиболее проблемных сатрапиях и наместники более высокого ранга нередко были «друзьями царя»: таковы Зевксид («родственник царя»), Птолемей, сын Доримена, Тимарх. Известен также случай при Антиохе III, когда в недавно отвоеванном городе в Карии (Алинде) наместником был оставлен царский друг Хионид³⁵.

Во II в. до н. э. эта функция института «царских друзей» становится гораздо более заметной. Этот статус все чаще приобретают главы коренных подвластных общин. Характерно, что, например, иудейскому первосвященнику Ионафану последовательно Александр Бала, Деметрий II и Антиох VI даруют титул «царского друга», причем при Бале Ионафан последовательно проходит сразу несколько рангов внутри этой группы («друзей», «первых друзей», а затем «родственников»)³⁶. Позже и сменивший Ионафана Симон получает тот же статус³⁷. Политическая необходимость такого шага ясна. Коль скоро во II в. до н. э. царь не мог проявлять ту же военную активность, что и в III в. до н. э., нужны были иные меры для сплочения местных элит вокруг монархии³⁸. Дарование главам подвластных общин статуса «царских друзей» являлось одной из таких мер. И эти процессы не могли не смущать греко-македонскую военную элиту, которая видела, как буквально на глазах тают ее преимущества. Это порождало мощный протест и требование более активных действий со стороны царя, на которых и строили свои претензии узурпаторы. В результате держава Селевкидов, все еще оставаясь одним из крупнейших государственных образований древности и не испытывая прямой агрессии со стороны окружающих государств, все же столкнулась с коллапсом органов управления.

³⁴ Ibid. nos. 23, 27, 33, 39, 43, 45, 50, 52, 60, 72)

³⁵ Ibid. no. 29.

³⁶ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 44; Savalli-Lestrade I. Les “philoi”. nos. 77, 79, 82.

³⁷ Ibid. nos. 81, 87.

³⁸ Иную трактовку этому феномену середины II в. до н. э. см.: Dreyer B. Wie man ein “Verwandter” des Königs wird — Karrieren und Hierarchie am Hofe Antiochos’ III // New Studies on the Seleucids. Kraków, 2011. P.103. Исследователь проникновение представителей местных элит в состав царских «друзей» связывает с сокращением территории владений и, следовательно, числа этих элит, что увеличивало значение каждой из них в отдельности.

Возникает вопрос, что же мешало царской власти исполнить требование греко-македонян. Прежде чем ответить на него, суммируем некоторые важные моменты и попытаемся обрисовать, какое место это население занимало в структуре этого государства. Перед нами общность, которая сильно зависела от выплат из царской казны: элита и значительная часть рядовых членов греко-македонян связывала свое благосостояние исключительно со службой царю. В этой среде обнаруживается социальная дифференциация (она находит свое выражение в степени приближенности к царю, размерах находящейся в распоряжении земельной собственности и т. д.), но при этом его центральные институты (армейские сходки) не имеют политического значения, а единство всей группы проявляется, главным образом, в связи с той функцией, которую она выполняет, — т. е. военной службой царю.

Таким образом, мы снова возвращаемся к давно закрепившемуся в науке тезису о глубоко персональном характере царской власти в державе Селевкидов³⁹. Но каким образом греко-македоняне, вчерашние завоеватели, оказались отодвинуты на второй план, потеряли всякий политический вес, превратились, по существу, в наемников царя? В конечном итоге социально-политическое положение этого слоя в державе определялось характером самих владений — огромных сухопутных пространств, лишенных дешевых видов коммуникаций, рыхлого конгломерата⁴⁰ городов, племен, народов, храмовых общин, слабо контактирующих друг с другом, мало стремящихся к интеграции.

В таких условиях главным структурообразующим элементом державы были автономные общины, которые и определяли важнейшие стороны жизни значительной части ее населения: хозяйственную и религиозную жизнь, право, суд⁴¹. Монархии оставалась роль собирателя этих полунезависимых общин, и в сравнении с ними центральная власть практически полностью поглощена одной функци-

³⁹ Мель А. Размышления по поводу «господствующего общества» и подданных в царстве Селевкидов: отношения и ожидания // *Antiquitas Aeterna*. Вып. 1. Саратов, 2005. С. 84; *Musti D. Syria and the East* // *САН*². 1984. Vol. VII. Part. 1. P. 178; *Adams W.L. The Hellenistic Kingdoms*. P. 45–46.

⁴⁰ См., например: *Heinen H. Geschichte des Hellenismus*. S. 77–78.

⁴¹ О положении автономных городов в царстве см., например: *Бикерман Э. Государство Селевкидов*. С. 131–133. *Ehrenberg V. The Greek State*. London, 1969. P. 191–205.

ей — военной.⁴² Эта наиболее существенная дихотомия в организации державы: автономная община — монархия, — определила и положение вчерашних завоевателей, греко-македонских колонистов.

Сообразно с военной функцией и масштабностью задачи по объединению значительных владений устроен и работает весь государственный механизм державы. В этой связи обратим внимание лишь на земельное право Селевкидов (поскольку оно касается основного средства производства доиндустриальных обществ). Это право сугубо функционально: земля являлась стимулом для держателей служить царю, поэтому государство отстаивало условный характер этих держаний.⁴³ Т. е. интересы держателей защищены только в той степени, в какой сами держатели функционально полезны государству. Это, кстати, сильно отличает державу Селевкидов от Римской империи, где центральные власти действовали в рамках римского права, защищавшего собственность и хозяйственную деятельность любого римского гражданина. И эта правовая культура опиралась на сильную римскую *civitas*.

Конечно, греко-македонские поселенцы державы Селевкидов еще не могли сравнивать свое правовое положение с положением римских граждан. Но вот сопоставление с правовой защищенностью членов автономных общин державы напрашивалось само собой. Нет ничего удивительного в том, что рядовые колонисты либо являлись, либо стремились стать гражданами защищавшей их права автономной общины, как это можно заключить из хорошо известных декретов Смирны при Селевке II (OGIS. 229). Удержать их на службе центральные власти могли лишь щедрыми выплатами серебром в ходе военных кампаний. Жизнь большинства рядовых греко-македонян была связана с их полисом и его установлениями, монархии они только служили — по существу, в качестве наемников.

⁴² О значении военного компонента в политической жизни державы см., например: *Ma J. Antiochos III*. P. 106–121. Функция собирателя находила определенную поддержку среди заинтересованных общин, однако, следует признать, прежде всего, опиралась на возможности аппарата принуждения. В связи с этим характерен акцент, который ряд исследователей делает на роли функционеров — их успехи или неудачи критически сказывались на целостности владений, считает, например, Дж. Рамси (*Ramsay G. Seleucid Administration – Effectiveness and Dysfunction Among Officials // Seleucid Dissolution*. P. 38)

⁴³ Отголоски этого сохранились даже в полисах, основанных династией. См.: P. Dura. 5 (Дура-Европос, III в. н. э.) — порядок наследования *клера*. Очевидно, это связано с наследственной обязанностью службы за такой участок (ср.: RC 51, Пергам — документ среди прочего оговаривает право бездетных на *клер*). См.: *Кошеленко Г.А.* Греческий полис. С. 227–248.

Если продолжить обсуждение земельного вопроса, мы увидим, что даже крупные домены знати были слабо защищены. В ряде случаев (в том числе при покупке) такую землю позволяли приписать к полису, что автоматически делало держателя собственником⁴⁴. Такая знать, обладая крупными доменами в полисах, в отличие от рядовых поселенцев, уже являлась выразителем определенной политической позиции, и эта позиция, понятно, в немалой степени определялась интересами полиса.

Крупное условное землевладение на царской земле тоже существовало, но и оно не помогало формировать собственно греко-македонскую центральную элиту, с ее определенными политическими требованиями. Большинство крупных держателей отнюдь не были уверены, что землю у них не отберут⁴⁵. Они оказывались теми же служащими царя, только более высокого ранга. И только магнаты высочайшего уровня (очевидно, выше, чем большинство тех, кому позволили приписать их поместья к хоре полисов), защитой которых был не закон, а принадлежность к власти, — немногие десятки, возможно, сотня человек — могли отстаивать права на свои домены, расположенные на царской земле. Эти люди тоже не могли стать выразителями политической воли общины греко-македонян, поскольку все их интересы были связаны исключительно с жизнью царского дворца и борьбой за влияние при монархе. Из этого же слоя людей происходили, по всей видимости, мятежные генералы, которые на своих местах воспроизводили царский двор и его сугубо функциональное отношение к греко-македонскому населению.

Таким образом, греко-македоняне не формировали единства, они оставались гражданами своих полисов, которых царь мог призвать на военную службу и за что щедро им платил. Военный потенциал такой системы был не слишком велик, уже хотя бы потому, что ресурсы серебра в казне были далеко не безграничными⁴⁶. Однако ме-

⁴⁴ III в. до н. э.: Аристокид (RC 10–13), Лаодика (RC 18–20; покупка), II в. до н. э.: возможно, Аристолах (RC 45).

⁴⁵ III в. до н. э.: Мнесимах (Sardis VII.1.1); Афиней (RC. 10); II в. до н. э.: Птолемей, сын Фрасеи (наследственное держание; Hefzibah. 1–5), Деметрий (RC.70). Афиней и Деметрий так или иначе лишаются своей земли, у Птолемея возникают сложности с другими царскими чиновниками.

⁴⁶ *de Callataÿ F. La richesse des rois séleucide et le probleme de taxation en nature // TOPOI. Suppl. 6. 2004. P. 23–47; Bringmann K. Grain, Timber and Money. Hellenistic Kings Finance Buildings and Foundations in Greek Cities // Hellenistic Economies. London, 2001. P. 205–214; idem. L'économie royale au miroir de l'évergétisme des Séleucides // TOPOI. Suppl. 6. 2004. P. 149–164.*

ханизм исправно работал, пока дело касалось только поддержания единства слабо интегрируемых владений, а династия конкурировала с другими эллинистическими монархиями, чей военный потенциал строился на сходных принципах. Но с начала II в. до н. э. главной внешнеполитической проблемой династии стали римляне. Их завоевательные амбиции формировались на протяжении нескольких веков, в условиях тяжелых войн и жесткой конкуренции с соседями. За это время был создан Римско-италийский союз – политическая структура, которая к началу II в. до н. э. уже очень глубоко интегрировала в себя всех отдельных участников.⁴⁷ Этой структуре удалось преодолеть почти непрерывную 30-летнюю серию (218–188 гг. до н. э.; от Второй Пунической — до Азиатской войны) изнурительных военных кампаний и завершить ее блистательными победами.

Противостояние с таким противником требовало колоссального напряжения ресурсов: людских, финансовых, материальных, политических. Но всего две насыщенные кампании в войне против Рима (192 и 189 гг. до н. э.) и поражения в них поставили Селевкидов в сложное военное и экономическое положение и навсегда отбили у династии охоту к открытым вооруженным конфликтам с римлянами.

К ним не готов был уже Антиох IV. После победы римлян над македонянами при Пидне (168 г. до н. э.) много государств было недовольно политикой Рима, когда даже прежние его союзники (Эвмен II Пергамский, Родос и Ахейский союз) подверглись суровым репрессиям⁴⁸. Для Селевкидов это был последний шанс попытаться вернуться в Малую Азию, но Антиох IV ограничился лишь бряцанием оружия — грандиозным военным парадом в Дафне (*Polyb.* XXX. 25–26 (XXXI. 3–4)). К тому же — исключительный для Селевкидов случай — царь оказался связан прочными взаимоотношениями с получившим больше влияние в Малой Азии Пергамом.

В дальнейшем подобная мобилизация сил для династии была уже и невозможна. Династические распри, умело подогреваемые извне, не оставляли царям на это ни времени, ни сил. Совершенно оставленная без внимания, в движение пришла восточная граница державы — активизировались парфяне. В 147 г. до н. э. держава

⁴⁷ *Gabba E.* Rome and Italy in the Second Century BC // *САH²*. Vol. VIII. 1989. P. 207–212; о военной роли союза см.: *ibid.* P. 221–225, а также, например: *Polyb.* II. 24. 1–17 (приготовления к нашествию галлов в 225 г. до н. э.).

⁴⁸ *Deiniger J.* Der politische Widerstand gegen Rom in Griechenland. Berlin; New York, 1971. S. 191–208; *Климов О.Ю.* Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб., 2010. С. 104–107.

лишилась Мидии, в 141-м — Вавилонии. Процесс развала державы набирал обороты. И греко-македонское население сыграло в нем далеко не последнюю роль.

Литература

- Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985.
- Бокищанин А. Г.* Парфия и Рим. М., 1960. Т.1.
- Климов О.Ю.* Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб., 2010.
- Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Мель А.* Размышления по поводу «господствующего общества» и подданных в царстве Селевкидов: отношения и ожидания // *Antiquitas Aeterna*. Вып.1. Саратов, 2005. С. 73–85.
- Саркисян А.Х.* Самоуправляющийся город в селевкидской Вавилонии // ВДИ. 1953. № 1. С.68–83.
- Adams W.L.* The Hellenistic Kingdoms // *The Cambridge companion to the Hellenistic world*. Cambridge, 2006. P. 28–51.
- Bar-Kochva B.* The Seleucid Army. Organization and tactics in the Great Campaigns. Cambridge, 1976.
- Bellinger A. R.* The End of the Seleucids // *Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences*. 1949. Vol. 38. P. 51–102.
- Billows R.A.* Kings and colonists: aspects of Macedonian imperialism. Leiden; New York; Köln, 1991.
- Bringmann K.* Grain, Timber and Money. Hellenistic Kings Finance Buildings and Foundations in Greek cities // *Hellenistic economies*. London, 2001. P. 205–214.
- Bringmann K.* L'économie royale au miroir de l'évergétisme des Séleucides // *ТОПОИ*. Suppl. 6. 2004. P. 149–164
- Chamoux F.* Hellenistic Civilization. Malden, 2002 (перевод книги 1981 г.).
- de Callatay F.* La richesse des rois séleucide et le probleme de taxation en nature // *ТОПОИ*. Suppl. 6. 2004. P. 23–47.
- Deiniger J.* Der politische Widerstand gegen Rom in Griechenland. Berlin; New York, 1971.
- Downey G.* A History of Antioch in Syria from Seleucus I to the Arab conquest. Princeton, 1961.
- Dreyer B.* Wie man ein “Verwandter” des Königs wird — Karrieren und Hierarchie am Hofe Antiochos’ III // *New Studies on the Seleucids*. Kraków, 2011. P. 97–114.
- Ehling K.* Unruhen, Aufstände und Abfallbewegungen der Bevölkerung in Phönicien, Syrien und Kilikien unter den Seleukiden // *Historia*. 2003. Bd. 52. Ht. 3. S. 300–336.

- Engels J.* Posidonius of Apameia and Strabo of Amasia on the Decline of the Seleucid Kingdom // Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor. Wiesbaden, 2011. P. 181–194.
- Fingerson K.R.* Persian Katoikoi in Hellenistic Smyrna // *AncSoc.* 2007. Vol. 37. P. 107–120.
- Gabba E.* Rome and Italy in the second century BC // *CAH*². Vol. VIII. 1989. P. 197–243.
- Gehrke H.-J.* Geschichte des Hellenismus. München, 2008.
- Habicht Ch.* The Seleucids and Their Rivals // *CAH*². Vol. VIII. 1989. P. 324–387.
- Hammond N.G.L.* Royal Pages, Personal Pages, and Boys Trained in the Macedonian Manner during the Period of the Temenid Monarchy // *Historia.* 1990. Bd. 39. Ht. 3. P. 261–290.
- Hammond N.G.L.* The Continuity of Macedonian Institutions and the Macedonian Kingdoms of the Hellenistic Era // *Historia.* 2000. Bd. 49. 2. P. 141–160.
- Heckel W.* “Somatophylakia”: a Macedonian “cursus honorum” // *Phönix.* 1986. Vol. 40. No 3. P. 279–294.
- Heinen H.* Geschichte des Hellenismus von Alexander bis Kleopatra. München, 2003.
- Hoover O.D.* Two Seleucid Notes: II. Laodice IV on the Bronze Coinages of Seleucus IV and Antiochus IV // *AJN.* 2002. Vol. 14 . P. 81–87.
- Houghton A., Lorber C., Hoover O.D.* A Comprehensive Catalogue of Seleucid Coins. Part II: Seleucus IV — Antiochus XIII. New York; Lancaster, 2008.
- Lock R.A.* The Origins of the Argyraspids // *Historia.* 1977. Bd. 26. Ht. 3. P. 373–378.
- Ma J.* Antiochus III and the Cities of Western Asia Minor. Oxford, 2000.
- Meissner B.* Hellenismus. Darmstadt, 2007.
- Mittag P.F.* Blood and Money: on the Loyalty of the Seleucid Army // *Electrum.* 2008. 14. P. 47–56.
- Musti D.* Syria and the East // *CAH*². Vol. VII. Part. 1. 1984. P. 175–220.
- Ramsey G.* Seleucid Administration—Effectiveness and Dysfunction among Officials // Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor. Wiesbaden, 2011. P. 37–50.
- Rigsby K.J.* Seleucid notes // *TAPA.* 1980. Vol. 110. P. 233–254.
- Robert L.* Études anatoliennes. Paris, 1937.
- Rostovtzeff M.I.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941. Vol.1–3.
- Savalli-Lestrade I.* Les “*philoi*” royaux dans l’Asie hellénistique. Genève, 1998.
- Sekunda N.* Seleucid and Ptolemaic reformed armies (168–145 BC). Vol. 1: Seleucid Army. Stockport, 1994.
- Seyrig H.* Séleucos I et le fondation de la monarchie Syrienne (Antiquités Syriennes. 92) // *Syria.* 1970. 47. 3–4. P. 291–310.
- Shutt R.J.H.* Studies in Josephus. London, 1961.
- Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. 1–3. Oxford, 1957–1979.
- Will É.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). T. 2. Nancy, 1982.

Н.А. Маккавеев

ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ НА ПЕРИФЕРИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО МИРА

Аннотация: Регион Персидского залива характеризуется относительной изолированностью от внутриконтинентальных районов, что предопределило его единство в хозяйственно-культурном отношении и затрудняло прямой политический контроль над ним. Из-за сложных природных условий Селевкиды, как и Ахемениды, ограничились здесь установлением гарнизонов в стратегически важных пунктах для контроля над торговыми путями. Всего в регионе насчитывается около восьми селевкидских колоний, но не все из них поддаются локализации. Несмотря на вовлеченность в сферу эллинистического влияния, особенно заметное в керамике и в сфере денежного обращения, полноценной частью эллинистического мира данный регион так и не стал.

Ключевые слова: регион Персидского залива, эллинистический период, Аравия, Селевкиды, Ахемениды, Герра, Бушир, Файлака

Abstract: The Persian Gulf Region is characterized by its relative isolation from inland territories; this factor determined the economical and cultural unity of the Region and at the same time hindered the efforts of direct political control over it. Because of difficult ecological conditions, the Seleucids, as well as the Achæmenids, confined their presence there to establishing garrisons in strategic points to control the trade routes. About eight Seleucid settlements in total are known in the Region, but most of them can't be localized now. In spite of being involved into sphere of Hellenistic influence, which is especially clear into ceramics and money circulation, the Region did never become an organic part of the Hellenistic World.

Key words: Persian Gulf Region, Hellenistic World, Arabia, the Seleucids, the Achaemenids, Gerrha, Busher, Failaka

При определении понятия *эллинизм* одной из важнейших проблем является установление его географических рамок. В науке давно

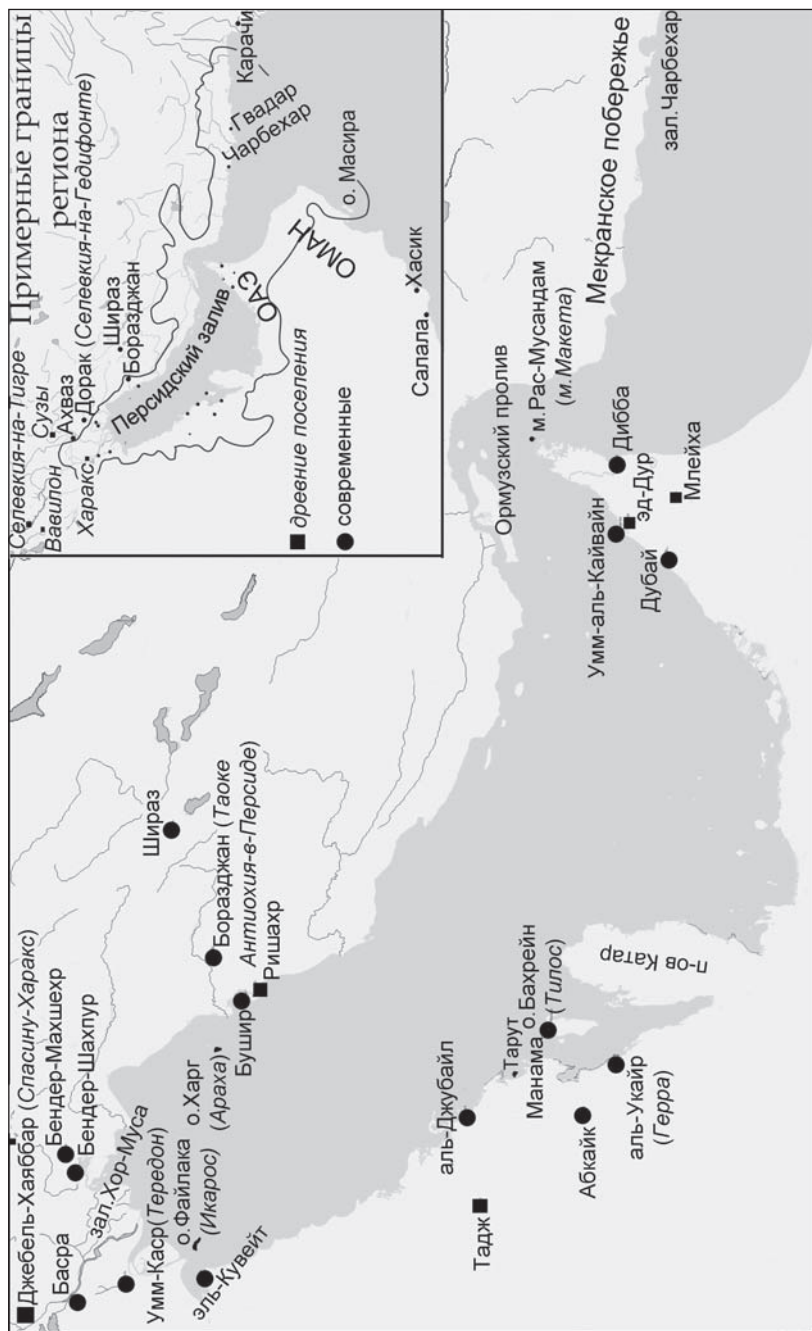
уже утвердился тезис о том, что в различных странах воздействие эллинистической культуры проявилось с разной степенью интенсивности и глубины. В этой связи, видимо, имеет смысл, помимо собственно эллинистических, выделять также и *переходные* зоны, которые в силу различных причин так и не стали полноценной частью эллинистического мира, — поскольку значительная часть их территории так и не была эллинизирована — но в то же время испытывали на себе определенное влияние со стороны эллинистических государств. Одной из таких переходных зон стал регион Персидского залива, хотя эллинистическое влияние здесь не было глубоким, поскольку оно затронуло лишь отдельные стороны жизни местного населения¹; причиной тому стали экстремальные природные условия в регионе. Именно об эллинистическом влиянии на историю региона и пойдет речь в настоящей статье.

Под **регионом Персидского залива** в историографии понимают, в первую очередь, акватория и прибрежные районы собственно Персидского залива, а также ряд территорий, лежащих уже за его пределами, включая практически все Мекранское побережье, а также значительную часть территории ОАЭ и Омана вплоть до о. Масира². В составе региона можно выделить как минимум четыре основных *субрегиона*: Северо-Восточную Аравию, Юго-Восточную Аравию, Южный Иран и Южный Ирак³. В

¹ Salles J.-F. The Arab-Persian Gulf under the Seleucids // Hellenism in the East / Ed. A. Kuhrt, S. Sherwin-White. London, 1987. P. 75–109; Boucharlat R., Mouton M. Importations occidentales et influence de l'hellénisme dans la péninsule d'Oman // Arabia Antiqua, Hellenistic Centers around Arabia / Ed. A. Invernizzi & J.-F. Salles. Roma, 1993. P. 275–289 и др.

² Карту региона с обозначением его границ см., например: Map The Persian Gulf Cultural World [Электронный ресурс] URL: <http://gulf2000.columbia.edu> (дата обращения: 09.12.2012) Впрочем, вопрос это дискуссионный. Такой ведущий специалист по древностям Персидского залива, как Дэниел Томас Поттс, в свое время отказывался включать Оман в состав региона, поскольку он, по его мнению, связан больше с бассейном Индийского океана, чем с Персидским заливом. Potts D.T. The Arabian Gulf in the Antiquity. Oxford, 1990. Vol. 1. P. 2. Однако и для расширенного понимания региона тоже имеются основания. Так, раскопки могил парфянского времени возле города Дибба-аль-Хисн на берегу Оманского залива (эмират Шарджа) показали, что материальная культура в этом районе была в тот период такая же, как и в остальной Юго-Восточной Аравии, насколько она известна по раскопкам двух самых известных городищ этого периода: эд-Дур (эмират Умм-аль-Кайвайн) и Млейха (эмират Шарджа) (см.: Jasim S.A. Trade centers and commercial routes in the Arabian Gulf: Post-Hellenistic discoveries at Dibba, Sharjah, United Arab Emirates // AAE. 2006. Vol. 17. P. 214–237).

³ Potts D.T. The Archaeology and Early History of the Persian Gulf // The Persian Gulf in History / Ed. L.G. Potter. London, 2009. P. 27.

Подпись

Северо-Восточной Аравии в регион попадает вся историческая область аль-Бахрейн (не путать с архипелагом Бахрейн), включая район расположения одних из самых крупных в мире нефтяных месторождений. На иранском побережье — узкая полоса, ограниченная горами, через которые есть только несколько не очень удобных проходов. Из территории Южного Ирака в состав региона традиционно включают район вокруг Шатт-эль-Араба примерно до слияния Тигра и Евфрата, отделенный от остальной территории Ирака обширными болотами.

Для античного времени нет смысла включать в состав региона Сузиану (территориально она примерно соответствует современной провинции Хузестан), поскольку у нее, если верить источникам, на тот момент *de facto* не было прямого выхода к морю. Если в наши дни в Хузестане на берегу залива Хор-Муса располагаются такие важные иранские порты, как Бендер-Шахпур и Бендер-Махшехр, то античные авторы описывают побережье Сузианы как мелководное и лишенное гаваней. Так, Непарх, по его же собственным словам, не мог найти в этом районе ни одного лоцмана из местных жителей (*Strabo* XVI. 3. 11). Не случайно в античности с моря в Сузы приходилось добираться кружным путем: через низовья Тигра⁴.

Определенные проблемы связаны с **хронологией и периодизацией** истории региона. Дело в том, что по недостатку письменных источников политическая его история практически неизвестна, археологически же он исследован также довольно неравномерно: отдельные важнейшие памятники аравийского побережья раскопаны достаточно хорошо, но при этом значительные территории (особенно на иранском побережье) остаются почти не исследованными. К настоящему времени для ряда важнейших памятников существуют свои собственные системы периодизации. Хотя последние и основаны на сходных археологических материалах, однако при попытке свести их воедино сложно выбрать удачные названия для выделяемых периодов. На наш взгляд, используемые во многих специальных работах по истории региона термины *эллинистическое* и *селевкидо-парфянское* время при всей своей условности вполне приемлемы. Они были в свое время выбраны потому, что основанием для датировки местных археологических памятников послужили «...материалы, имеющие прямые парал-

⁴ Подробнее см: Новиков С.В. Юго-Западный Иран в античное время. М., 1989.

лели на территории Ирана и Месопотамии или непосредственно импортированные оттуда...»⁵.

Входящие в регион территории составляют единое целое как в природно-климатическом, так и в хозяйственно-культурном отношении. На современном материале особенности региона прослеживаются даже отчетливее, чем на древнем, благодаря большому числу источников⁶. Единство региона обусловлено также наличием природных барьеров, затрудняющих доступ с побережья во внутриконтинентальные районы: болота Южного Ирака, горы вдоль иранского побережья, аравийские пустыни, окружающие несколько приморских оазисов. В этом отношении показательны следующие примеры: в XIX в. дорога из Бушира в Шираз занимала около пяти дней, а плавание в Кувейт или в Манаму при попутном ветре всего около суток⁷, то есть во внутренние районы Ирана добраться было сложнее, чем в Аравию. В 1833 г. знаменитый Генри Кресвик Роулинсон, впервые приехав из Индии в Персию, целых три месяца (с ноября по февраль) вынужден был провести в Бушире, поскольку горные перевалы были занесены снегом⁸. Наличие такого рода барьеров равным образом затрудняло достижение прямого политического контроля над регионом. Неслучайно уже в парфянское время царство Харакена в Южном Ираке, образовавшееся на базе бывшей селевкидской сатрапии *Область Эритрейского моря*, по мнению исследователей, проводило зачастую антиаршакидскую и даже проримскую политику⁹.

Особые природные условия обусловили целый ряд **особенностей быта и культуры местного населения**, которые почти без изменений сохранялись с древнейших времен до сер. XX в. В этническом плане население региона традиционно было и до сих пор остается гораздо более смешанным и неоднородным, чем во внутриконтинентальных районах. Смешение наблюдается даже между обитателями обоих берегов залива. Так, в районе Бушира проживает значительное количество арабов, тогда как на Бахрейне и в Дубае немало людей,

⁵ Mouton M. Mleiha : présentation du site et périodisation // Mleiha I. Environnement, Stratégies de subsistance et artisanats (Mission archéologique française à Sharjah). Lyon, 1999. P. 14.

⁶ Подробнее см.: Potter L.G. Introduction // The Persian Gulf in History. P. 1–24.

⁷ Ibidem. P. 14.

⁸ Rawlinson G. Memoir of Henry Creswicke Rawlinson. London; New York; Bombay, 1898. P. 37.

⁹ см.: Nodelman Sh.A. A Preliminary history of Characene // Berytus. 1959–1960. Vol. XIII, fasc. 2. P. 83–121; Schuol M. Die Charakene. Ein Mesopotamisches Königreich in hellenistisch-parthischer Zeit. Stuttgart, 2000.

для которых родной язык персидский.¹⁰ Для обитателей залива даже существует особое название *халиджи* (*халидж* в пер. с арабского и персидского означает «залив»)¹¹. Вероятно, в этом же контексте следует интерпретировать и сообщение Плиния, который при описании аравийского побережья залива неожиданно упоминает город «Омана, который раньше считали знаменитым портом Кармании» (*Plin. N.H. VI. 149*). Наличие подобных контактов и в более ранние века подтверждается, в частности, находками в Юго-Восточной Аравии керамики парфянского времени из Юго-Восточного Ирана (так называемая *Fine black-on-orange painted 'Namord' ware*)¹².

С древнейших времен вся жизнь региона была тесно связана с морем. **Основными занятиями местного населения** были рыболовство, добыча жемчуга (остававшегося одной из важнейших статей местного экспорта вплоть до сер. XX в.)¹³ и посредническая торговля. В оазисах практиковалось земледелие; искусственное орошение осуществлялось с помощью подземных каналов *канатов* (они же *фаладжи*). Античные авторы упоминают в низовьях залива и по берегам Индийского океана (вплоть до Эфиопии) первобытный народ ихтиофагов, которые строили дома из костей морских животных, питались преимущественно рыбой (и даже хлеб пекли из рыбной муки)¹⁴; спустя несколько веков ибн-Батутта увидит все то же самое в районе Хасика на южноаравийском побережье¹⁵. Вплоть до XX в.

¹⁰ *Potter L.G.* Introduction. P. 2.

¹¹ *Ibidem.*

¹² *Potts D.T.* Before the Emirates: an Archaeological and Historical Account of Developments in the Region c. 5000 BC to 676 AD // *United Arab Emirates: a new perspective* / Ed. Ib. Al Abed, P. Hellyer. London, 2001. P. 55. (www.uaeinteract.com) Связи между Ираном и Юго-Восточной Аравией восходят еще к бронзовому веку. Иранское влияние проявилось, в частности, в устройстве ирригационных сооружений. В III тыс. до н. э. в обоих регионах появляются первые наземные оросительные сооружения, в конце II тыс. — подземные галереи (*galeries de captage de sous-écoulement*). Позднем из Ирана в Аравию будут привнесены подземные каналы *канаты*; древнейшие из них возникли в Иране, однако точное время их возникновения установить невозможно; по мнению исследователей, нет причин датировать их временем до новой эры (см.: *Elayi. J.* [Compte-rendu] : *Boucharlat R.* Les galeries de captage dans la péninsule d'Oman au Ier millénaire av. J.-C. : questions sur leurs relations avec les galeries du plateau iranien // *Irrigation et drainage dans l'Antiquité, qanāts et canalisation souterraines en Iran, en Égypte et en Grèce* / Sous la direction de P. Briant. Paris, 2001 (Persika. 2) // *Revue Historique.* 2002. 624. P. 1068.)

¹³ *Carter R.A.* The History and Prehistory of Pearling In the Persian Gulf // *Journal of the Economic and Social History of the Orient.* 2005. 48(2). P. 139–209.

¹⁴ *Tkač J.* Ichthyophagi // *RE.* 1914. Hb. 17. S. 2524–2531.

¹⁵ *Bhacker M.R.* The Cultural Unity of the Gulf and the Indian Ocean: A *Longue Durée* Historical Perspective // *The Persian Gulf in History.* P. 165.

в качестве транспортного средства будут использоваться известные еще по ассирийским барельефам *кирбы* — надувные плоты из шкур животных¹⁶. По свидетельствам античных авторов, такие плоты употреблялись в Южной Аравии и в Красном море для перевозки грузов и даже для пиратства (*Plin.* NH. VI. 176; ПЭМ § 27: 9. 9). Гораздо более крупные плоты использовались в Южном Ираке еще в начале XX в. Назывались они *келеки* и состояли из нескольких десятков или сотен надутых бурдюков, покрытых сверху тростниковым помостом, на котором даже ставили хижины. Они имели очень маленькую осадку и могли плавать даже на мелководье.¹⁷ Согласно Страбону, купцы из аравийского города Герра ввозили свои товары в Вавилонию именно на плотках (*Strabo* XVI. III. 3).

На протяжении веков довольно сходной оставалась **структура местного экспорта и импорта**. Согласно ПЭМ (§36), через Харакену из Индии ввозили медь, ценные породы дерева, пряности, самоцветы. А вывозили южноаравийские благовония, драгоценные металлы, кораллы из Персидского залива, финики и т. д. Скорее всего, тиковое дерево из Индии использовалось здесь для строительства кораблей. Во всяком случае, именно так обстояло дело в последующие века, вплоть до нашего времени, когда основными центрами судостроения в заливе были Кувейт и Катар¹⁸. Из Индии ввозили также дорогие сорта жемчуга, а в Индию, в свою очередь вывозили жемчуг менее ценных сортов, которые добывались в Персидском заливе (ПЭМ § 36). Среди товаров ПЭМ не упоминает битум из Северной Месопотамии и Сузианы, который еще с шумерских времен развозился по всему заливу, а в сасанидское время — даже на Цейлон¹⁹.

Континуитет прослеживается даже в топонимике: ряд современных географических названий в регионе встречаются еще у античных авторов, хотя зачастую они очень сильно изменены²⁰.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Корсуи Н.Г. Ирак. М., 1928. С. 65.

¹⁸ Герасимов О.Г. От гор Синджара до пустыни Руб-эль-Хали. М., 1974. С. 262, 271, 280.

¹⁹ Connan J., Carter R. A Geochemical Study of Bituminous Mixtures from Failaka and Umm an-Namel (Kuwait), from the Early Dilmun to the Early Islamic period // AAE. 2007. Vol. 18. P. 178.

²⁰ Для иранского берега залива см.: Tomaschek W. Topographische Erklärung zur Küstenfahrt Nearchs // SAWW. Philosoph.-hist. Klasse. 1891. Bd. 121/8. S. 1–88; для аравийского: Бухарин М.Д. Аравия, Восточная Африка и Средиземноморье. Торговые и историко-культурные связи. М., 2009.

К началу эпохи эллинизма регион акватории залива был освоен достаточно хорошо и какая-то её часть находилась под прямым ахеменидским контролем. Неслучайно именно в это время залив стал называться Персидским²¹. И путь в Индию, судя по всему, тоже был известен местным жителям²².

Острова Персидского залива (вместе с некоторыми районами Южного Ирана) были включены Дарием в состав 14-го податного округа, платившего 600 талантов в год (*Herod.* III. 93)²³. Сумма вполне сопоставима с податями из других округов, и, очевидно, деньги поступали от добычи жемчуга. Маловероятно, чтобы такая большая сумма собиралась бы только с островов вблизи иранского берега, тем более, что основные центры добычи жемчуга расположены возле берегов Бахрейна, Катара и ОАЭ²⁴. Согласно персидским источникам, эта сатрапия называлась Мака. Раньше её локализовали на Мекранском побережье, однако сейчас специалисты склоняются в пользу Юго-Восточной Аравии²⁵.

Ряд типов керамики ахеменидского времени, обнаруженной в окрестностях Бушира и Боразджана, имеют прямые параллели на Бахрейне, что свидетельствует о достаточно тесной интеграции в регионе уже в ахеменидское и пост-ахеменидское время²⁶. Керамика из Ахеменидского Ирана имеет ряд параллелей и на территории ОАЭ²⁷. На Бахрейне местные мастера изготавливали кувшины широкого

²¹ Впервые название Персидский залив встречается у Гекатея Милетского, соответствующая цитата из которого сохранилась у Стефана Византийского.

²² О связях с Индией в ахеменидский период, возможно, свидетельствует тот факт, что Арриан и Геродот упоминают в числе аравийских благовоний киннамон (*Herod.* III. 107; *Arr. Ind.* 32), который, на самом деле, растёт в Индии (*Van Beek Gus W. Frankincense and Myrrh // The Biblical Archaeologist.* 1960. Vol. 23, No 3. P. 80). В V в. до н. э. в Вавилоне существовала военная колония индийцев (*Дандамаев М.А.* Индийцы в Иране и Вавилонии в Ахеменидское время // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 113–125).

²³ Жители островов Персидского залива участвовали в походе Ксеркса, а их начальник Мардот сын Багея даже командовал персидским флотом при Микале (*Herod.* VII. 80). Участвовали они и в битве при Иссе (*Arr. Anab.* III. 8. 5).

²⁴ *Carter R.A.* The History and Prehistory of Pearling In the Persian Gulf.

²⁵ *Potts D.T.* The Arabian Gulf. Vol. I. P. 394–400; *idem.* Achaemenid Interests in the Persian Gulf // *Højlund F., Andersen H.H.* Essays on the Archaeology and History of the Persian Gulf Littoral / Ed. K. Abdi. (In press). P. 528. (academia.edu).

²⁶ *Carter R.A., Challis K., Priestman S.M.N., Tofighian H.* The Bushehr Hinterland. Results of the First Season of the Iranian-British Archaeological Survey of Bushehr Province, November–December 2004 // *Iran.* 2006. Vol. 44. P. 33.

²⁷ *Potts D.T.* Before the Emirates. P. 50.

известного на всей территории Персидской державы «Ахеменидского типа»²⁸. Примеры можно было бы продолжить и дальше²⁹.

Александр планировал широкую колонизацию берегов Персидского залива и отправил несколько экспедиций для их исследования, считая, что в будущем этот край может по своему экономическому процветанию сделаться «второй Финикией» (Arr. Anab. VII. 19. 5). Он даже планировал покорение Аравии, для чего начал строить флот в Вавилоне, хотя и не намеревался непосредственно включать её в состав своего государства (Arr. Anab. VII. 20. 2; Strabo XVI. I. 11).

Селевкиды отказались от амбициозных планов Александра и, вместо широкой колонизации, по большому счету, вернулись к ахеменидской политике контроля над торговыми путями³⁰, ограничившись устройством гарнизонов и отдельных укрепленных поселений в стратегически важных пунктах. Одной из важнейших причин тому послужили сложные природные условия региона, в первую очередь, нехватка пресной воды, а следовательно, и плодородной земли для основания новых полисов. Всего в регионе можно насчитать около восьми **селевкидских колоний**. Интересно, что располагались они, как правило, на месте старых ахеменидских центров или вблизи от них, возможно, с целью ослабить влияние последних.

В низовьях Тигра и Евфрата к началу эпохи эллинизма имелось как минимум три порта. Самый известный из них — **Тередон** в устье Евфрата, основанный еще Навуходоносором для защиты от набегов аравийских племен (Euseb. Praep. Evang. IX. 41. 8)³¹ и сохранявший свое значение даже в постэллинистическое время. Кроме того, Ампе, или Апле (Plin. NH. VI. 134), основанный в низовьях Тигра еще Дарием I как поселение пленных милетян (Herod. VI. 20). Царский город Дурина³², население которого было переведено в **Алек-**

²⁸ Potts D.T. Achaemenid Interests in the Persian Gulf. P. 524. Интересно отметить, что название *Мака* соотносится с древними названиями Юго-Восточной Аравии: шумерским *Маган* и аккадским *Маккан*, равно как и с греческим названием мыс Макета (Рас-Мусандам) в Ормузском проливе (Arr. Ind. 32).

²⁹ См.: Potts D.T. Differing Modes of Contacts between India and the West: Some Achaemenid and Seleucid Examples // Memory as History: the Legacy of Alexander in Asia / Ed. H.P. Ray, D.T. Potts. New Delhi, 2007. P. 122–130.

³⁰ Boucharlat R., Salles J.-F. L'Arabie Orientale : d'un bilan à l'autre // Mesopotamia. 1987. Vol. XXII. P. 297.

³¹ Евсевий Кесарейский ссылается на Абидена, который, в свою очередь, пересказывал Беросса. Schwartz Abydenos // RE. 1894. Bd. I. S. 129.

³² Э. Херцфельд полагал, что Дурина — это поселение карийцев «карийская морская станция», использовавшаяся Ахеменидами для морской торговли и исследований. Первое

сандрию — будущий Спасину-Харакс (*Plin. NH. VI. 138*). Между 245–221 гг. до н. э. Александрия станет центром самостоятельной сатрапии «Область Эритрейского моря», которая в постэллинистическое время превратится в царство Харакена³³.

На юге Вавилонии располагалась и **Селевкия-на-Эритрейском море**³⁴. По нашему мнению, едва ли есть основания локализовать её в Сузиане³⁵, чье побережье неудобно для судоходства и не имело хороших бухт, равно как и отождествлять с удаленной от моря Селевкией-на-Гедифонте³⁶. Селевкия-на-Эритрейском море могла быть основана непосредственно Селевком I или его сыном Антионом I³⁷. Не исключено, что располагалась она где-то поблизости от Тередона, в противовес ему; а этот последний получил статус полиса подобно тому, как это произошло, например, в Вавилоне. Судя по всему, именно Селевкия-на-Эритрейском море была родиной знаменитого астронома Селевка — одного из сторонников гелиоцентрической системы Аристарха Самосского³⁸.

Самая знаменитая селевкидская колония на Персидском заливе — крепость на о. **Файлака** (античный Икарос) у берегов Кувейта, где еще в доэллинистическое время существовало святилище Набу и Нанайи, отождествленных греками с Аполлоном и Артемидой³⁹. Файлакская колония многократно описана в литературе, а раскопки на острове продолжаются и в настоящее время. В данной статье мы считаем нужным специально оговорить только некоторые моменты. Все эллинистические памятники на острове сосредоточены исключительно в его юго-западной части — исторически самой населенной — одном из пяти мест на Файлаке, где есть пресная вода, тогда

упоминание о ней он относит к 700 г. до н. э. *Herzfeld E. Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East. / Ed. by G. Waiser. Wiesbaden, 1968. P. 9.*

³³ *Le Rider G. Un atelier monétaire séleucide dans la Province de la Mer Erythrée ? // RN. 1965. T. VII. P. 38.*

³⁴ *Honigsmann E. Σελεύκεια ἀπὸ τῆ Ἐρυθρᾶ θαλάσσης // RE. Suppl. 1935. Bd. VI. Sp. 660.*

³⁵ *Tarn W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951. P. 43.*

³⁶ *Salles J.-F. The Arab-Persian Gulf under the Seleucids. P. 100, Fig. 3*

³⁷ *Potts D.T. The Arabian Gulf. Vol. 2. P. 15.*

³⁸ *Cumont F. La patrie de Séleucus de Séleucie // Syria. 1927. T. VIII. Fasc. 1. P. 83–84.* Эта гипотеза объясняет самое главное научное достижение Селевка — разработанную им теорию приливов и отливов: живя в приморском городе, он мог непосредственно их наблюдать.

³⁹ *Маккавеев Н.А. Регион Персидского залива в селевкидо-парфянское время. Дис. к.и.н. М., 2011. С. 60.*

как в остальных частях острова вода в свежеврытом колодце через несколько часов становится соленой и непригодной ни для питья, ни для орошения⁴⁰. В этой связи становится сомнительным распространенное мнение, что поселение на Файлаке представляло из себя катойкию, а не просто военный пост, ибо при известных по источникам размерах воинских наделов земли на Файлаке едва ли хватило бы даже на две сотни катойков. Если принять за норму наделы по 110 и по 55 плетров (IPerg. I: 158, ll. 14–16), что в пересчете на современные меры площади⁴¹ составило бы 8–13,5 и 4–6,7 га соответственно. Между тем, даже общая площадь Файлаки составляет всего 24 км², т. е. 2400 га, из которых далеко не вся земля пригодна для обработки, а даже та, что пригодна, в значительной части должна была принадлежать автохтонному населению. Неслучайно, по мнению французских археологов, в конце III в. до н. э. — середине II в. до н. э. солдаты селевкидского гарнизона земледелием не занимались: при раскопках файлакской крепости не обнаружено ни сельскохозяйственных орудий, ни зернотерок⁴². По предварительной оценке, в тот период в крепости могло проживать ок. 200 человек.⁴³ В этой же связи сомнительной выглядит и гипотеза об особом монетном дворе на Файлаке⁴⁴: эта колония была слишком маленькой для того, чтобы выпускать собственную монету.

Другой военный пост, вероятно, появился при Антиохе III на **Бахрейне**, который он посещал в 205 г. до н. э. во время своего похода на Герру (*Polyb.* XIII. 10). Во всяком случае, на острове открыта надпись стратега Кефисодора в честь первого харакенского царя Гиспаосина и царицы Талассии⁴⁵. Маловероятно, чтобы Харакена завоевала Бахрейнский архипелаг самостоятельно — скорее, она унаследовала контроль над ним от Селевкидов.

⁴⁰ Информация с сайта кувейтско-словацкой археологической миссии, работавшей на острове в 2004–2008 гг. *Faylaka Geography* [Электронный ресурс] URL: <http://www.kuwaitarchaeology.org/failaka-geography.html> (дата обращения: 15.06.2013).

⁴¹ *Chantraine H. Plethron* // DKP. 1972. Bd. IV. S. 927

⁴² *Gachet J. Un habitat du IIe s. av. J.-C. dans la forteresse de Failaka* // *Failaka Fouilles Françaises 1986–1988* / Sous la direction de Y. Calvet et J. Gachet. Lyon, 1990 (TMO n°18). P. 167–191.

⁴³ *Callot O. Failaka à l'époque hellénistique* // *L'Arabie préislamique et son environnement historique et culturel. Actes du Colloque de Strasbourg, 24–27 juin 1987* / Ed. T. Fahd. Strasbourg, 1989. P. 136.

⁴⁴ SC 1, P. 357, 435–436.

⁴⁵ *Gatier P.-L., Lombard P., Khalid M. Al-Sindi Greek Inscriptions from Bahrain* // *AAE*. 2002. Vol. 13. P. 223–233.

В самой **Северо-Восточной Аравии** селевкидских колоний не зафиксировано. Тем не менее, именно в эллинистический период в районе напротив Бахрейна резко увеличивается количество поселений, хотя неизвестно, было ли это связано с греческим влиянием. Всего в прибрежных районах между Кувейтом и Абкайком разведано 65 археологических памятников эллинистического периода⁴⁶. Крупнейшим среди них является городище **Тадж** в 90 км к востоку от современного порта аль-Джубайл, возникшее ок. 300 г. до н. э. и просуществовавшее до начала нашей эры⁴⁷. Как крупнейшее известное в этом районе городище, Тадж часто отождествляют с наиболее известным в этом районе городом **Геррой**, основанным халдеями, изгнанными из Вавилонии Синаххерибом в 694 г. до н. э.⁴⁸ и занимавшимися поставками южноаравийских благовоний в Восточное Средиземноморье и Месопотамию. Однако более обоснованной выглядит локализация Герры в окрестностях современного порта аль-Укайр⁴⁹.

В Юго-Восточной же Аравии никаких селевкидских колоний не было. Здесь в III в. до н. э. возникает городище **Млейха** (эмират Шарджа). До начала Новой эры Млейха, по-видимому, оставалась единственным населенным пунктом на территории Юго-Восточной Аравии. Зато практически исчезают многочисленные деревни, существовавшие в предшествующий период, что, судя по всему, было связано с произошедшей к этому времени сменой прежнего оседлого населения пришлыми номадами⁵⁰.

Что касается иранского берега залива, то к настоящему времени лучше всего исследован полуостров Бушир и прилегающая к нему

⁴⁶ Potts D.T. The Renaissance of North-East Arabia in the Hellenistic Period // Roads of Arabia. Archaeology and History of the Kingdom of Saudi Arabia / Ed. A. I. Al-Ghabban, B. André-Salvini, F. Demange, C. Juvin, M. Cotty. Paris, 2010. P. 376. (http://www.scta.gov.sa/Antiquities-Museums/ArcheologicalMasterpieces/Documents/Routes_d_Arabie_ar.pdf (дата обращения: 22.06.2013)) Подробный список разведанных памятников: *Idem*. The Arabian Gulf. Vol. 2. P. 98–102.

⁴⁷ *Ibidem*. 45; *Idem*. The Sequence and Chronology of Thaj // Materialien zur Archäologie der Seleukiden- und Partherzeit im Südlichen Babylonien und im Golfgebiet / Hrsg. U. Finkbeiner. Tübingen, 1993. S. 89.

⁴⁸ Lombard P. The Salt Mine Site and the “Hasaeen” Period in Northwestern Arabia // Arabiy the Blest Studies in Arabian Archaeology / Ed. D.T. Potts. Copenhagen, 1988 (CNI 7). P. 133.

⁴⁹ Подробнее: Бухарин М.Д. Аравия, Восточная Африка. С. 132. Тадж — это, судя по всему, Φιγυρία (*Ptol.* VI. 7. 30); Там же. С. 128.

⁵⁰ Mouton M. Mleiha : présentation du site. P. 20. В парфянское время у Млейхи появится свой порт — городище эд-Дур близ современного г. Умм-аль-Кайвайн.

равнина вплоть до современного города Боразджана. В этом районе находилась **Антиохия-в-Персиде** (OGIS 231–233), основанная колонистами из ионийского города Магнесия-на-Меандре при Антиохе I Сотере предположительно ок. 276/5 г. до н. э.⁵¹ Локализация города на полуострове Бушир принадлежит У. Тарну, который обратил внимание, что именно в этом районе Птолемей упоминает некий Ἰώνια πόλις (*Ptol.* VI. 4. 2), что можно понять как искаженное персидское «город ионийцев»⁵². В таком случае, Антиохию, возможно, следует искать в шести км к югу от современного города Бушира под руинами Ришахра (Сасанидский Рев-Ардашир) — одного из крупнейших портов Персидского залива при Сасанидах. Однако Антиохия могла располагаться не на самом полуострове Бушир, а в районе Боразджана⁵³. Это плодородный район, который в интересующий нас период был довольно густо населен⁵⁴. Здесь располагался город Таоке с ахеменидским царским дворцом⁵⁵. Существует гипотеза, что именно из Антиохии Антиох III совершил свой знаменитый поход на Герру ок. 205 г. до н. э. (*Polyb.* XIII. 10).⁵⁶

Совсем недавно А. Хоутон и К. Лорбер попытались выделить чекан Антиохии-в-Персиде, отнеся к нему несколько серебряных и бронзовых эмиссий Селевка IV, его сына Антиоха, Антиоха IV и Деметрия I (все они обнаружены в Сузиане), которые Ж.Ле Ридер в свое время относил к чекану Суз.⁵⁷ По мнению американских исследователей, эти монеты не могут быть отнесены и к Антиохии-

⁵¹ Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом востоке. М., 1979. С. 116; 120, примеч. 278.

⁵² *Tarn W.* Ptolemy II and Arabia // *JEA.* 1929. Vol. XV. Part 1. P. 11, n. 4; *idem* The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951. P. 418. Традиция называть греков ионийцами засвидетельствована во многих восточных языках: в ахеменидских надписях уаупа, в уаупа Индии и в иврите Греция — уауап (יָוָן). Однако уаупа можно понять и как *Новый* [город] (от этого же корня происходит и русское слово *юный*).

⁵³ *Callieri P.* L'archéologie du Fārs à l'époque hellénistique. Quatre leçons au Collège de France, 8, 15, 22 et 29 mars 2007. Paris, 2007.

⁵⁴ Впрочем, значительная часть разведанных в этом районе поселений, датированных пока достаточно широко «ахеменидско-парфянским временем», на самом деле, возможно, появились только при Сасанидах. *Carter R. et al.* The Bushehr Hinterland. P. 32.

⁵⁵ *Strabo* XV. III. 3; *Arr.* Ind. 39. В окрестностях Боразджана археологами обнаружено целых два ахеменидских дворца (*Carter R. et al.* The Bushehr Hinterland. P. 2, 12). У Таоке даже имелся свой порт на побережье (*Ptol.* VI. 4. 2). Древнее название сохранилось вплоть до Нового времени в форме Tawwaj.

⁵⁶ *Potts D.T.* The Arabian Gulf. Vol. 2. P. 92, n. 292.

⁵⁷ *SC* 2, P. 27–28. Присутствие на некоторых из этих монет монограмм с бесспорно сузских эмиссий исследователи объясняют переездом магистратов (transfert).

на-Эритрейском море, поскольку приписываемые ее чекану монеты различны с ними по стилистике. Однако стилистический разнобой в данном случае едва ли можно считать бесспорным аргументом, поскольку монетный двор Антиохии-на-Эритрейском море, будучи пограничным и провинциальным, комплектовался мастерами из разных полисов, которые приносили с собой изначально разные традиции.

В настоящий момент трудно сказать, имела ли селевкидская база на **о. Харг**, известном античным авторам под двойным названием: Александрия или Араха⁵⁸. По данным археологии, остров использовался не только в парфянское и сасанидское время, но даже и в ахеменидское⁵⁹.

К числу селевкидских колоний на Персидском заливе часто причисляют еще несколько городов, известных только по античной традиции, что, по нашему мнению, не всегда правомерно. Например, «греческие города Халкида, Ларисса и Аретуза, разрушенные многочисленными войнами» (*Plin.* NH. VI. 160)⁶⁰, которые Плиний упоминает не при описании побережья Персидского залива, а при перечислении населенных пунктов Западной Аравии. Скорее всего, справедлива гипотеза, что перед нами просто *interpretatio græca* местных аравийских названий по созвучию с именами известных греческих городов⁶¹. У. Тарн также причислял к селевкидским приморским колониям города, чье месторасположение неизвестно: упоминаемые Стефаном Византийским Трапезунт и Карры, а также Артемиту, о которой пишет Птолемей.⁶² На самом деле, Артемита — это один из городов Аравии Пустынной (*Ptol.* V. 19. 7), предположительно, современный Каср-Амера в Иордании. Под Каррами же явно имеется в виду Герра, поскольку Плиний упоминает Карры как важнейший рынок благовоний (*Plin.* NH. XII. 79),

⁵⁸ *Plin.* NH. VI. 111; *Ptol.* VI. 4; *Amm. Marc.* XXIII. 6. 42; *Marcian Heracl.* Peripl. Mar. Extern. I. 24.

⁵⁹ Имеется сообщение о находке на Харге клинописной ахеменидской надписи в 2007 г., которая уже на следующий год была повреждена вандалами. В английском переводе она звучала следующим образом: «(This) land was a dry area with no water; (I) brought happiness and welfare, Bahana... water wells.» <http://www.payvand.com/news/08/may/1307.html> (дата обращения: 01.07.2013)

⁶⁰ *Tarn W.* Ptolemaeus II and Arabia. P. 11, n. 2; *Le Rider G.* Le Golfe Persique à l'époque Séleucide : explorations archéologiques et trouvailles monétaires // RN. 1989. T. 31. P. 250 и др.

⁶¹ *Бухарин М.Д.* Аравия, Восточная Африка. С. 113.

⁶² *Tarn W.* The Greeks. P. 12.

каковым являлась Герра.⁶³ Насчет Трапезунта вопрос остается открытым из-за отсутствия данных. В плодородном районе в низовьях Персидского залива располагалась — хотя и довольно далеко от моря — Александрия-в-Кармании (*Ptol.* VI. 9. 14; *Amm. Marc.* XXIII. 49), о которой практически ничего не известно. Примерно в этих же краях, в районе Ормузского пролива, располагались некие «Македонский порт» и «алтари Александра» (*Plin.* NH. VI. 109), о которых также нет других сведений. О покорении неких городов на иранском берегу Персидского залива Антиохом III упоминает Полибий (XI. 34. 14).

По сравнению с доэллинистическим временем, в эпоху эллинизма экономическая жизнь в регионе заметно активизируется, что традиционно связывают с заинтересованностью греков в южноаравийских благовониях⁶⁴. Об этом, в первую очередь, свидетельствует появление собственных монет в подражание селевкидским, в том числе — массовыми партиями⁶⁵. Как и у Селевкидов, основным номиналом здесь была тетрадрахма. Многочисленность монетных типов, судя по всему, свидетельствует о существовании нескольких центров политической власти⁶⁶. Назначение восточноаравийских эмиссий является дискуссионным. Скорее всего, наиболее близка к истине гипотеза, что это средство для налогообложения торговых операций⁶⁷. Она объясняет одновременно и редкость восточноаравийских монет за пределами региона, и редкость иностранных монет в Восточной

⁶³ *Potts D.T.* The Arabian Gulf. Vol. 2. P. 17, n. 93.

⁶⁴ «The region as a whole enjoyed something of a revival in Hellenistic times, the result, no doubt, of the Greek world's interest in the aromatics trade». (*Rice M.* The Archaeology of the Arabian Gulf с. 5000–323 BC. London; New York, 1994. P. 329).

⁶⁵ Так, в бахрейнском кладе 240–230 гг. до н. э. (IGCH 1765) использовано около 30 лицевых и оборотных штампов, между тем с одного штампа можно отчеканить в среднем до 10 000 монет (*Mørholm O.* A Hellenistic Coin Hoard from Bahrain // *KUML.* 1972. P. 197).

⁶⁶ *Mouton M.* Mleiha : présentation du site et périodisation. P. 23.

⁶⁷ *Duyrat F.* [Compte-rendu]: *Callot O.* Catalogue des monnaies du musée de Sharjah (Émirates Arabes Unies) Essai sur les monnayages arabes préislamique de la péninsule d'Oman. (Mission archéologique française de Sharjah, Collection de la Maison de l'Orient Méditerranée 30, Série archéologique 15). Lyon, 2004 // *Syria.* 2005. Vol. 82. P. 379–380; *van Alfen P.G.* A Die Study of the 'Abiel' Coinages of Eastern Arabia // *Coinage of the Caravan Kingdoms. Studies in the Monetization of Ancient Arabia.* New York, 2010. P. 565–567. К похожему выводу на южноаравийском материале пришел М. Хут. Ф. де Каллатай согласился с его доводами (*Huth M.* Athenian Imitations from Arabia // *Coinage of the Caravan Kingdoms: Studies.* P. 243–244; *de Callatay F.* [Compte-rendu]: *Revue belge de numismatique et de sigillographie.* 2012. CLVIII. P. 336.

Аравии, и практику перечековки иностранных монет⁶⁸, и равнодушные к постепенной деградации изображения на монетах, и переход на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э. с серебра на биллон и бронзу.

Помимо появления собственного монетного обращения и широкого распространения импортной эллинистической керамики⁶⁹, эллинское влияние проявилось также в распространении греческого языка. Об этом свидетельствуют три погребальные надписи конца II в. до н. э. (две из них с Бахрейна и одна с полуострова Тарута). Все три являются надгробиями моряков или купцов с арамейскими именами⁷⁰.

Таким образом, вопреки вовлеченности региона Персидского залива в сферу эллинистического влияния, которое проявилось здесь достаточно заметно, и несмотря на наличие здесь отдельных греческих колоний, полноценной органичной частью эллинистического мира этот регион, тем не менее, так и не стал, что объясняется, в первую очередь, экстремальными природными условиями.

Литература

- Бухарин М.Д.* Аравия, Восточная Африка и Средиземноморье. Торговые и историко-культурные связи. М., 2009.
- Герасимов О.Г.* От гор Синджара до пустыни Руб-эль-Хали. М., 1974.
- Дандамаев М.А.* Индийцы в Иране и Вавилонии в Ахеменидское время // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 113–125.
- Корсун Н.Г.* Ирак. М., 1928.
- Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом востоке. М., 1979.
- Маккаев Н.А.* Регион Персидского залива в селевкидо-парфянское время. Дис. к.и.н. М., 2011.
- van Alfen P.G.* A Die Study of the 'Abiel' Coinages of Eastern Arabia // Coinage of the Caravan Kingdoms. Studies in the Monetization of Ancient Arabia. New York, 2010. P. 565–567.

⁶⁸ См., например: *Callot O.* Les monnaies dites "arabes" dans le nord du Golf Arabo-Persique à la fin du IIIe s. av. notre ère // *Failaka Fouilles Françaises 1986–1988.* Lyon, 1990 (ТМО n° 18). P. 231–232.

⁶⁹ *Potts D.T.* The Renaissance. P. 378.

⁷⁰ ИК Estremo oriente → n° 427–434 (<http://epigraphy.packhum.org/inscriptions>). Недавно появилась информация еще об одной такой греческой надписи с Тарута III–II в. до н. э., в которой упоминается Habib'il Nawmat (см.: *Potts D.T.* The Renaissance. P. 378).

- Van Beek Gus W.* Frankincense and Myrrh // *The Biblical Archaeologist*. Vol. 23, No. 3. 1960. P. 70–95.
- Bhacker M.R.* The Cultural Unity of the Gulf and the Indian Ocean: A *Longue Durée* Historical Perspective // *The Persian Gulf in History* / Ed. L. G. Potter. London, 2009. P. 163–171.
- Boucharlat R., Salles J.-F.* L'Arabie Orientale : d'un bilan à l'autre // *Mesopotamia*. Vol. XXII. 1987. P. 277–309.
- de Callatay F.* [Compte-rendu] : *Martin HUTH*. Coinage of the Caravan Kingdoms: Ancient Arabian Coins from the Collection of Martin Huth (Ancient coins in North American collections 10), New York, American Numismatic Society, 2010; *Martin HUTH, Peter G. VAN ALFEN* (éd.), Coinage of the Caravan Kingdoms: Studies in the Monetization of Ancient Arabia (Numismatic studies 25), New York, American Numismatic Society, 2010 // *Revue belge de numismatique et de sigillographie*. 2012. CLVIII. P. 332–338.
- Callieri P.* L'archéologie du Fārs à l'époque hellénistique. Quatre leçons au Collège de France, 8, 15, 22 et 29 mars 2007. Paris, 2007.
- Callot O.* Failaka à l'époque hellénistique // L'Arabie préislamique et son environnement historique et culturel. Actes du Colloque de Strasbourg, 24–27 juin 1987 / Ed. T. Fahd. Strasbourg, 1989. P. 127–141.
- Callot O.* Les monnaies dites « arabes » dans le nord du Golf Arabo-Persique à la fin du IIIe s. av. notre ère // Failaka Fouilles Françaises 1986–1988. Lyon, 1990 (TMO n° 18). P. 221–240.
- Carter R.A.* The History and Prehistory of Pearling In the Persian Gulf // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2005. 48(2). P. 139–209.
- Carter R.A., Challis K., Priestman S.M.N., Tofghian H.* The Bushehr Hinterland. Results of the First Season of the Iranian-British Archaeological Survey of Bushehr Province, November–December 2004 // *Iran*. 2006. Vol. 44. P. 1–41.
- Chantraine H.* Plethron // *DKP*. 1972. Bd. IV. S. 927.
- Connan J., Carter R.* A geochemical study of bituminous mixtures from Failaka and Umm an-Namel (Kuwait), from the Early Dilmun to the Early Islamic period // *AAE*. 2007. Vol. 18. P. 139–181.
- Cumont F.* La patrie de Séleucus de Séleucie // *Syria*. 1927. T. VIII. Fasc. 1. P. 83–84.
- Duyrat F.* [Compte-rendu] : *Callot O.* Catalogue des monnaies du musée de Sharjah (Émirates Arabes Unies). Essai sur les monnayages arabes préislamique de la péninsule d'Oman. (Mission archéologique française de Sharjah, Collection de la Maison de l'Orient Méditerranée 30, Série archéologique 15). Lyon, 2004 // *Syria*. 2005. Vol. 82. P. 379–380.
- Elayi. J.* [Compte-rendu] : *Boucharlat R.* Les galeries de captage dans la péninsule d'Oman au Ier millénaire av. J.-C. questions sur leurs relations avec les galeries du plateau iranien // *Irrigation et drainage dans l'Antiquité, qanāts et canalisation souterraines en Iran, en Égypte et en Grèce* / Sous la direction de *P. Briant*. Paris, 2001 (Persika. 2) // *Revue Historique*. 2002. 624. P. 1068.

- Gachet J.* Un habitat du IIe s. av. J.-C. dans la forteresse de Failaka // Failaka Fouilles Françaises 1986–88 / sous la direction de *Y. Calvet* et *J. Gachet*. Lyon, 1990 (TMO n°18). P. 167–191.
- Gatier P.-L., Lombard P., Khalid M. Al-Sindi.* Greek Inscriptions from Bahrain // *AAE*. 2002. Vol. 13. P. 223–233.
- Herzfeld E.* Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East. / Ed. by G. Waiser. Wiesbaden, 1968.
- Honigmann E.* Σελεύκεια ἀπὸ τῆς Ἐρυθρᾶ θαλάσσης // *RE*. 1935. Suppl. Bd. VI. S. 660.
- Huth M.* Athenian Imitations from Arabia // *Coinage of the Caravan Kingdoms: Studies*. P. 227–256.
- Le Rider G.* Un atelier monétaire séleucide dans la Province de la Mer Erythrée? // *RN*. 1965. T. VII. P. 36–43.
- Le Rider G.* Le Golfe Persique à l'époque Séleucide : explorations archéologiques et trouvailles monétaires // *RN*. 1989. T. 31. P. 248–252.
- Lombard P.* The Salt Mine Site and the “Hasaeen” Period in Northwestern Arabia // *Araby the Blest Studies in Arabian Archaeology* / Ed. D.T. Potts. Copenhagen, 1988 (CNI 7). P. 117–134.
- Mørkholm O.* A Hellenistic coin hoard from Bahrain // *KUML*. 1972. P. 183–202.
- Mouton M.* Mleiha : présentation du site et périodisation // *Mleiha I. Environnement, Stratégies de subsistance et artisanats (Mission archéologique française à Sharjah)*. Lyon, 1999 (TMO n°29). P. 9–32.
- Nodelman Sh.A.* A preliminary history of Characene // *Berytus*. Vol. XIII. Fasc. 2. 1959–60. P. 83–121.
- Potter L.G.* Introduction // *The Persian Gulf in History* / Ed. L.G. Potter. London, 2009. P. 1–24.
- Potts D.T.* Achaemenid Interests in the Persian Gulf // *Højlund F., Andersen H.H.* Essays on the Archaeology and History of the Persian Gulf Littoral / Ed. K. Abdi. (In press). P. 523–533. (academia.edu).
- Potts D.T.* Before the Emirates: an Archaeological and Historical Account of Developments in the Region c. 5000 BC to 676 AD // *United Arab Emirates: a new perspective* / Ed. Ib. Al Abed, P. Hellyer. London, 2001. P. 28–69. (www.uaeinteract.com).
- Potts D.T.* Differing Modes of Contacts between India and the West: some Achaemenid and Seleucid Examples // *Memory as History: the Legacy of Alexander in Asia* / eds.: *H.P. Ray, D.T. Potts*. New Delhi, 2007. P. 122–130.
- Potts D.T.* The Archaeology and Early History of the Persian Gulf // *The Persian Gulf in History* / Ed. L.G. Potter. London, 2009. P. 27–56.
- Potts D.T.* The Renaissance of North-East Arabia in the Hellenistic Period // *Roads of Arabia. Archaeology and History of the Kingdom of Saudi Arabia* / Ed. A.I. Al-Ghabban, B. André-Salvini, F. Demange, C. Juvin, M. Cotty. Paris, 2010. P. 376. P. 375–385. (<http://www.scta.gov.sa/Antiquities-Museums/>)

ArcheologicalMasterpieces/Documents/Routes_d_Arabie_ar.pdf (дата обращения: 22.06.2013).

Potts D.T. The Sequence and Chronology of Thaj // *Materialen zur Archäologie der Seleukiden- und Partherzeit im Südlichen Babylonien und im Golfgebiet* / Hrsg. U. Finkbeiner. Tübingen, 1993. S. 87–110.

Rawlinson G. Memoir of Henry Creswicke Rawlinson. London; New York; Bombay, 1898.

Rice M. The Archaeology of the Arabian Gulf c. 5000–323 BC. London; New York, 1994.

Schuol M. Die Charakene. Ein Mesopotamisches Königreich in hellenistisch-parthischer Zeit. Stuttgart, 2000.

Schwartz Abydenos // RE. 1894. Bd. I. S. 129.

Tarn W. Ptolemaeus II and Arabia // JEA. 1929. Vol. 15. Part. 1. P. 9–25.

Tarn W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951.

Tkač J. Ichthyophagi // RE. 1914. Hb. 17. Sp. 2524–2531.

Tomaschek W. Topographische Erklärung zur Küstenfahrt Nearchs // SAWW. Philosoph.-hist. Klasse. 1891. Bd. 121/8. S. 1–88.

С.К.Сизов

КЛЕОМЕН III И ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЛОТОВ

Аннотация: Согласно Плутарху (Cleom. 23. 1), спартанский царь Клеомен III в 223 г. до н. э. накануне решающей битвы против Антигона Досона при Селласии освободил шесть тысяч илотов, способных уплатить по пять мин серебра, и вооружил македонским оружием две тысячи человек. По-видимому, этим двум тысячам было пожаловано спартанское гражданство, и при Селласии они сражались в рядах «лакедемонян». Сообщение Плутарха вызывает много дискуссий в литературе и оставляет немало места для различных предположений. Точка зрения автора сводится к тому, что, во-первых, цифры, приведенные Плутархом, не являются преувеличенными, как полагали некоторые исследователи, во-вторых, освобождение илотов было чисто фискальной мерой, а не новым этапом «спартанской революции», в-третьих, две тысячи бойцов, вооруженных на македонский лад, не были отобраны среди освобожденных илотов, как полагает большинство исследователей; скорее, их набрали из корпуса наемников, воевавших на стороне Клеомена.

Ключевые слова: Спарта, эллинизм, илоты, периэки, Клеомен III, клер, гоплит, лакедемоняне

Abstract: According to Plutarch (Cleom. 23. 1), Cleomenes III, the Spartan king, in 223 B.C., on the eve of the decisive battle against Antigonus Doson at Sellasia, freed six thousand helots who could pay five silver minas, and equipped two thousand men with Macedonian weapons. Presumably the two thousand were granted Spartan citizenship and at Sellasia they fought in the ranks of the “Lacedaemonians”. This passage of Plutarch is much discussed and leaves a considerable space for suppositions. The author assumes that, first, the figures given by Plutarch are not so exaggerated as some scholars think; second, that the liberation of helots was a purely fiscal measure, not a new stage of “the Spartan revolution”, third, that the two thousand warriors armed in Macedonian manner were not chosen among the freed helots, as most scholars assume, but most likely were selected from the corps of mercenaries fighting on Cleomenes’ side.

Key words: Sparta, Hellenism, helots, perioeci, Cleomenes III, clerous, hoplite, Lacedaemonians

В 227 г. до н. э. царь Клеомен III произвел в Спарте государственный переворот, физически уничтожил эфоров и установил собственную диктатуру. Сразу же он приступил к осуществлению радикальной социально-экономической реформы, которая сводилась к отмене долгов, обобществлению всего недвижимого (а отчасти — и движимого) имущества и новому переделу земли. Одинаковые клеры были отведены всем гражданам Спарты, каковых к тому времени насчитывалось всего 660, а также наиболее достойным из периэков. Наделив всех их земельными участками, Клеомен создал армию из 4 тысяч гоплитов, которых он вооружил сариссами и, очевидно, составил из них фалангу по македонскому образцу (*Plut. Cleom.* 10. 10 — 11. 3). С новым войском, в которое также входили наемники, Клеомен нанес несколько тяжелых поражений армии Ахейского союза. Чтобы спасти федерацию от гибели, вождь ахейцев Арат обратился за помощью к македонскому царю Антигону Досону. В 224 г. до н. э. македонская армия — более 20 тысяч солдат — вошла в Пелопоннес. Преимущество македонян было настолько очевидным, что Клеомен и не пытался вступить с ними в открытое сражение, ограничиваясь отвлекающими маневрами и нападениями на ахейские города. Таким образом ему удалось задержать вторжение Антигона в Лаконику почти на два года. Тем не менее, к концу 223 г. стало совершенно ясно, что следующая кампания будет решающей, и Клеомену придется-таки, обороняя территорию самой Спарты, вступить в генеральное сражение с Антигоном. Соотношение сил было по-прежнему не в пользу лакедемонян. Поэтому осенью 223 г. Клеомен принял решение, которому не было прецедентов в истории Спарты: он предложил свободу тем илотам, которые могли внести за себя выкуп в размере пяти аттических мин. Собрав таким образом 500 талантов, он, по словам Плутарха (*Cleom.* 23. 1), вооружил македонским оружием еще 2 тысячи человек. Из этих цифр вытекает, что свободу получили 6 тысяч илотов¹.

¹ Кроме Плутарха, об этом освобождении илотов упоминает Макробий, по словам которого Клеомен «из отпущенных на волю рабов набрал девять тысяч воинов» (*Macrob. Saturn.* I. 11. 34). Пассаж, в котором содержится эта фраза, представляет собой позднеантичную компиляцию сведений, почерпнутых у таких авторов, как Сенека и Геллий (*Kaster R.A. Introduction // Macrobius. Saturnalia. Vol. 1–3 / Ed. and transl. by R.A. Kaster. Cambridge, Ma.; London, 2011. P. IL*). В отличие от Плутарха, который

Летом следующего, 222 г., состоялась решающая битва при Селласии, где 28-тысячному войску Антигона противостояла 20-тысячная армия Клеомена, в которой было только 6 тысяч лакедемонян (*Plut.* Cleom. 28. 5). Сражение закончилось победой македонян. Вскоре после этого армия Антигона вступила в Спарту, Клеомен бежал в Египет, а его реформы были отменены.

Клеомену III и его реформам посвящена огромная литература, в которой ведется целый ряд дискуссий по отдельным спорным вопросам. Предметом одной из самых оживленных дискуссий является тот пассаж Плутарха, где говорится об освобождении илотов за деньги. Эта фраза, сама по себе вполне ясная и понятная, тем не менее, вызывает несколько вопросов, каждый из которых активно обсуждается исследователями. Рассмотрим эти вопросы по порядку.

1. *Является ли данное сообщение Плутарха правдивым и точным?* Сомнение на этот счет высказали, в частности, К. Белох, У. Тарн, К. Краймз². С одной стороны, недоверие вызывает первоисточник — «История» Филарха, произведение крайне тенденциозное, написанное в «драматическом» стиле, изобилующее неточностями³. С другой стороны, неправдоподобными могут показаться размеры собранной суммы — 500 талантов. Возникает вопрос: как у илотов могли накопиться такие деньги? Поэтому К. Белох и У. Тарн считают приведенную Филархом цифру явно преувеличенной, а К. Краймз предполагает, что на самом деле деньги были получены не от илотов, а от неодамонов, т. е. лиц илотского проис-

опирался на первоисточник, Макробий излагал информацию, полученную даже не из вторых, а из третьих-четвертых рук, т. е. пользовался ненадежной традицией. Поэтому данное свидетельство в научной литературе считается недостоверным, по крайней мере, частично, и не рассматривается как серьезная альтернатива сведениям Плутарха (см., в частности: *Marasco G.* Cleomene III, i mercenari e gli iloti // *Prometheus*. 1979. V. 5. P. 46; *Hammond N.G.L., Walbank F.W.* A History of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988. P. 356. Not. 1; *Cartledge P., Spawforth A.* Hellenistic and Roman Sparta: A Tale of Two Cities. London, 1989. P. 56).

² *Beloch K.J.* Griechische Geschichte / 2. Aufl. Bd. IV. Abt. 1. Berlin; Leipzig, 1925. S. 715. Anm. 1; *Tarn W.* The Greek Leagues and Macedonia // *CAH*¹. Vol. 7. Cambridge, 1928. P. 760; *Chrimes K.* Ancient Sparta. A Re-Examination of the Evidence. Manchester, 1949. P. 60.

³ *Ollier F.* Le mirage spartiate. T. 2. Paris, 1943. P. 88–93; *Kroymann J.* Phylarchus // *RE*. Suppl. Bd. VIII. 1956. Sp. 471–489; *Gabba E.* Studi di Philarco. Le biografie Plutarchee di Agide e di Cleomene // *Athenaeum*. 1957. Vol. 35. P. 33–55, 193–239; *Africa Th.W.* Phylarchus and the Spartan Revolution. Berkeley; Los Angeles, 1961; *Marasco G.* Commento alle biografie plutarchee di Agide e di Cleomene. V. 1. Roma, 1981. P. 42–68; *Pédech P.* Trois historiens méconnus: Théopompe, Duris, Phylarque. Paris, 1989. P. 391–469.

хождения, которые получили свободу и ограниченные гражданские права ранее⁴.

Большинство исследователей, однако, не разделяет эту скептическую точку зрения. Их доводы таковы: во-первых, Филарху, который всячески идеализировал Клеомена, не было никакой нужды преувеличивать действительную сумму собранных средств; напротив, он мог ее даже преуменьшить, чтобы подчеркнуть тяжелое финансовое положение Спарты в конце войны, а именно в этом Филарх видел причину, побудившую Клеомена пойти на генеральное сражение (FGrHist. 81. F 58). Во-вторых, нет оснований сомневаться в том, что деньги были получены именно от илотов, так как неодамоды перестали упоминаться в источниках после 370-х гг. до н. э.; скорее всего, этой прослойки населения в эллинистической Спарте не было вообще⁵. На вопрос, откуда взялись у илотов столь значительные средства, П. Олива, Ф. Уолбэнк, Г. Мараско и некоторые другие исследователи отвечают так: поскольку в эллинистическое время всё население Лакедемона так или иначе было втянуто в рыночные отношения, среди илотов должно было произойти имущественное расслоение; наиболее преуспевающие илотские семьи вполне могли получать значительный доход от торговли сельскохозяйственной продукцией, различных промыслов, наемной работы «на стороне»⁶.

С нашей точки зрения, к любым цифрам, которые приводит Филарх, следует относиться осторожно, поскольку невежество этого

⁴ О предполагаемом статусе неодамодов см.: *Welwei K.-W. Unfreie im antiken Kriegsdienst. Bd. I. Wiesbaden, 1974. S. 142–158; Печатнова Л.Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001. С. 201–221.*

⁵ *Daubies M. Cléomènes III, les hilotes et Sellasie // Historia. 1971. Bd. 20. P. 675; Oliva P. Sparta and Her Social Problems. Praha, 1971. P. 260; Welwei K.-W. Unfreie im antiken Kriegsdienst. Bd. I. S. 154–156.*

⁶ Обычно исследователи ограничиваются общими соображениями о том, что развитие рыночных отношений в Спарте после реформы Эпитадея неизбежно должно было привести к имущественному расслоению массы илотов (*Oliva P. Sparta. P. 259–260; Marasco G. Cleomene III, i mercenari e gli iloti. P. 45–47; Hammond N.G.L., Walbank F.W. A History of Macedonia. Vol. 3. P. 356. Not. 2).* Л.Г. Печатнова предполагает, что в Спарте, как и в Афинах, сложилась преуспевающая прослойка *χωρῆς οἰκοῦντες* — рабов, оторванных от земли и отпущенных на самостоятельные заработки (*Печатнова Л.Г. История Спарты. С. 244–245*). С. Ходкинсон допускает, что и в сельских общинах илотов достаточно далеко зашло имущественное расслоение, причем проводит интересные параллели с русской общиной крепостных крестьян (*Hodkinson S. Spartiates, Helots and the Direction of the Agrarian Economy: toward an Understanding of Helotage in Comparative Perspective // Slave Systems, Ancient and Modern / Ed. by E. Dal Lago, C. Katsari. Cambridge, 2008. P. 315–318*).

автора в финансовых вопросах убедительно продемонстрировал Полибий (II. 62. 1–12). Поэтому достаточно надежными следует признавать только те данные, которые можно перепроверить. В данном случае это можно сделать двумя путями. С одной стороны, если Клеомен на собранные с илотов 500 талантов действительно вооружил 2 тысячи гоплитов (причем вытекающая отсюда цена – 150 драм за паноплию македонского образца — представляется вполне правдоподобной), и, как сказано в разбираемом нами пассаже (*Plut. Cleom.* 23. 1), хотел выставить их в качестве противовеса против македонского отборного полка «Белых щитов» (λευκάσπιδες), то такой большой отряд тяжелой пехоты должен был сыграть заметную роль в битве при Селласии. Расстановка сил в этом сражении нам известна в подробностях благодаря Полибию и тому же Филарху. Отборные полки Антигона — «Бронзовые щиты» и «Серебряные щиты» — составляли часть двойной фаланги из 10 тысяч человек (*Polyb.* II. 65. 1; 66. 5), которая стояла на левом фланге македонских порядков. Напротив была выстроена фаланга Клеомена, которую составляли 6 тысяч «лакедемонян» (*Plut. Cleom.* 28. 8) и наемники (*Polyb.* II. 69. 3). Двухтысячный отряд, вооруженный на средства илотов, явно относился к числу «лакедемонян», поскольку наемники имели свое собственное оружие. Добавив к ним 4000 человек, получивших гоплитские клеры в результате передела земли в 227 г., мы получаем цифру 6 тысяч, т. е. численность собственно спартанской фаланги⁷. Таким образом, факт создания нового двухтысячного отряда тяжелой пехоты в 223 г. находит свое подтверждение. Иного объяснения того, как Клеомен довел численность фаланги до 6 тысяч, найти нельзя.

Второй способ проверки данных Филарха состоит в следующем. Зададимся вопросом: могли ли в Лаконии найтись 6 тысяч илотов, способных уплатить единовременно по 5 мин (= 500 драм) за свою свободу? Общая численность илотов того времени в Лакедемонне неизвестна, но можно с уверенностью предполагать, что она, как и в классический период, измерялась многими десятками

⁷ Именно такой состав шести тысяч «лакедемонян» предполагает большинство исследователей (см., в частности: *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. 1. Oxford, 1957. P. 279; *Urban R.* Das Heer des Kleomenes bei Sellasia // *Chiron*. 1973. Bd. 3. S. 98; *Marasco G.* Commento alle biografie plutarchee di Agide e di Cleomene. V. 2. Roma, 1983. P. 584–585; *Le Bohec S.* Antigone Dôsôn, roi de Macedoine. Nancy, 1993. P. 431).

тысяч⁸, так что освобожденные Клеоменом илоты составляли явное меньшинство, своего рода зажиточную верхушку. Сумма в пятьсот драхм, уплаченная каждым из них, в III в. до н. э. не выглядела особо крупной. Отдельные частновладельческие рабы в некоторых областях Средней Греции, гораздо менее плодородных, чем Лакедемон, иногда покупали себе свободу за суммы, достигавшие пятисот драхм или немного уступавшими этой цифре⁹. По данным эпиграфики, годовой прожиточный минимум семьи из четырех человек на Делосе в III в. до н. э. составлял примерно 300–400 драхм¹⁰, в то время как состояния настоящих богачей в тогдашней Греции исчислялись сотнями тысяч драхм. Накопить сбережения стоимостью в 500 драхм для семьи среднего достатка было делом вполне возможным.

Если полагать, что положение илотов в эллинистический период несколько не изменилось по сравнению с теми временами, когда спартиаты держали их в страхе и нужде, отбирали половину урожая, использовали их как невольников в услужении и на других работах, то сообщение о таком количестве денег у илотов может показаться неправдоподобным. Однако есть все основания считать, что по мере кризиса «ликурговских» порядков в Спарте илоты становились всё более самостоятельными и зажиточными людьми. К этому выводу приводит следующее несложное рассуждение. Разложение «общины равных» к середине III в. до н. э. привело к тому, что почти весь земельный фонд гражданской общины сосредоточился в руках всего сотни человек, причем изрядная доля земельных угодий принадлежала женщинам (*Plut. Agis. 5. 6–7; 7. 5*; ср.: *Aristot. Polit. II. 1270 a. 18–31*); по словам Плутарха, остальные спартиаты, которых оставалось примерно 600, представляли собой неимущий и опустившийся сброд (*ὄχλος ἄπορος καὶ ἄτιμος* – *Plut. Agis. 5. 7*)¹¹. Трудно пред-

⁸ Недавно была предпринята достаточно спорная попытка пересмотреть (в сторону уменьшения) традиционные оценки численности илотов (*Figueira T.J. The Demography of the Spartan Helots // Helots and their Masters in Laconia and Messenia: Histories, Ideologies, Structures / Ed. by N. Luraghi, S.E. Alcock. Washington, DC., 2003. P. 193–239*). Тем не менее, даже если мы согласимся с утверждением, что на одного спартиата приходилось не более семи илотов, шесть тысяч человек все равно составляли лишь небольшую часть общей массы.

⁹ GDI. 1878;1909; *Cartledge P., Spawforth A. Hellenistic and Roman Sparta. P. 56.*

¹⁰ См. таблицу с расчетами в работе: *Larsen J.A.O. Roman Greece // An Economic Survey of Ancient Rome. Vol. 4 / Ed. by T.Frank. Baltimore, 1938. P. 413.*

¹¹ Разумеется, Филарх, источник Плутарха, и в данном случае сгустил краски ради драматического эффекта. Обычно предполагается, что в данном пассаже упомянуты только полноправные спартиаты, кроме которых в Лаконии проживали примерно

ставить себе более благоприятную обстановку для восстания угнетенных илотов, наподобие тех мятежей, которые потрясли Спарту прежде. Тем не менее, источники не содержат ни малейшего намека на какие-либо социальные волнения в Лакедемонии. Объяснить такую пассивность илотов во время столь жестокого кризиса всего спартанского строя можно только тем, что они сумели извлечь из кризисных явлений определенную пользу для себя. Освободившись от тотального контроля со стороны «общины равных», илоты фактически перешли в полное распоряжение немногочисленных земельных магнатов. В новых условиях отношения между илотами и господами должны были складываться совершенно иначе. Уже не могло идти и речи о криптиях или других подобных средствах террора, поскольку подавляющее большинство спартиатов потеряло в этом всякую заинтересованность; кроме того, землевладельцы уже не нуждались в поставках продовольствия в прежних масштабах, им были нужны деньги. Оживление товарно-денежных отношений в Лакедемонии, очевидно, привело к тому же явлению, которое известно из истории средневековой Европы и называется «коммутиацией ренты». Уплата фиксированной суммы денежного оброка предполагала полную хозяйственную самостоятельность илотских семей, включая не только свободу торговли продуктами, но и возможность «отхожих промыслов», причем с полного согласия землевладельцев и при их одобрении. Такой переход от хозяйства полностью натурального к хозяйству частично рыночному должен был повлечь за собой определенные социальные перемены: наиболее энергичные и предприимчивые илоты стали выделяться из общей среды; возможно, даже приобретать тем или иным способом наделы своих менее удачливых собратьев. Обычным делом стало освобождение илотов: писатель III в. до н. э. Мирон из Приены свидетельствует о том, что это происходило довольно часто и перечисляет несколько категорий лаконских вольноотпущенников с отдельными названиями (FGrHist.

две тысячи «гипомейонов» (*Fuks A. The Spartan Citizen-Body in Mid-Third Century B.C. and Its Enlargement Proposed by Agis IV // Athenaeum. 1962. Vol. 40. P. 246–256; Shimron B. Late Sparta: the Spartan Revolution, 243–146 B.C. Buffalo, N.Y., 1972. P. 7; Marasco G. Commento alle biografie plutarchee di Agide e di Cleomene. Vol. 1. P. 80–81, 220–221; Piper L.J. Spartan Twilight. New Rochelle, N.Y., 1986. P. 31–32; Cartledge P., Spawforth A. Hellenistic and Roman Sparta. P. 43; Geske N. Agis IV und Kleomenes III. Ihre sozialen Reformen und das Volk von Sparta // Geschehen und Gedächtnis. Die hellenistische Welt und ihre Wirkung. / Hrsg. von J.-F. Eckholdt, M. Sigismund, S. Sigismund. Berlin, 2009. S. 84).*

106. F 1)¹². При тех порядках, которые существовали в Спарте до реформ Агиса и Клеомена, трудно представить себе, чтобы это делалось против воли земельных магнатов, которые, очевидно, взимали с освобождаемых илотов выкуп. С учетом всех этих соображений и сведений как само известие о массовом освобождении илотов Клеоменом, так и указанная в источнике сумма выкупа уже не выглядят ошибкой или преувеличением.

2. *Явилось ли освобождение илотов продолжением социальных реформ, или же это была исключительно фискальная мера?* Этот вопрос также вызывает споры в научной литературе. Некоторые исследователи разделяют мнение К. Белоха, по словам которого, освобождение илотов «было дальнейшим шагом на пути социальной реформы»¹³, другие считают, что Клеоменом двигали исключительно финансовые мотивы (в числе последних — К. Фукс, П. Олива, Б. Шимрон, Г. Мараско, Л. Пайпер, Ф. Уолбэнк)¹⁴. По-видимому, ответ зависит от того, какой именно статус получили освобожденные илоты. Большинство исследователей придерживается той точки зрения, что гражданских прав им не дали¹⁵. Освобождая илотов, Клеомен руководствовался одним лишь финансовым критерием, а не отбирал наиболее достойных, как он делал, предоставляя гражданство и клеры перизкам. Кроме того, как указывают Б. Шимрон и М. Доби, в 227 г. земля Лаконии уже была поделена, так что выделить клеры еще шести тысячам новых граждан было невозможно¹⁶.

¹² См. об этом подробнее: *Ducat J. Les Hilotes*. Paris, 1990. P. 155–156; Печатнова Л.Г. История Спарты. 2001. С. 243–244.

¹³ “Auf der Bahn der Sozialreform einen Schritt weiter zu gehen”: *Beloeh K.J. Griechische Geschichte*. Bd. IV. Abt. 1. S. 714. Схожие оценки: *Бергеп А.* Социальные движения в древней Спарте. М., 1936. С. 99–100; *Coleman-Norton P. Socialism in Sparta // The Greek Political Experience: Studies in Honor of W.K. Prentice*. Princeton, 1941. P. 74.

¹⁴ *Gabba E. Studi di Philarco*. P. 38; *Fuks A. The Spartan Citizen-Body in Mid-Third Century B.C.* P. 255; *Dudu I. Cleomene III e la liberazione degli iloti // Annali della Facolta di Lettere, Filosofia e Magistero della Universita di Cagliari*. 1976/7. Vol. 1. P. 32–35; *Oliva P. Sparta*. P. 260; *Shimron B. Late Sparta: the Spartan Revolution*. P. 43; *Welwei K.-W. Unfreie im antiken Kriegsdienst*. Bd I. S. 161–162; *Marasco G. Cleomene III, i mercenari e gli iloti*. P. 58–59; *Piper L.J. Spartan Twilight*. P. 71; *Hammond N.G.L., Walbank F.W. A History of Macedonia*. V. 3. P. 356; *Cartledge P. The Helots: a Contemporary Review // The Cambridge World History of Slavery / Ed. by K. Bradley, P. Cartledge*. Cambridge, 2011. P. 88.

¹⁵ Редкостный пример противоположного мнения: *Africa Th.W. Cleomenes and the Helots // CSCA*. 1968. Vol. 1. P. 6–9.

¹⁶ *Daubies M. Cléomènes III, les hilotes et Sellasie*. P. 671–680; *Shimron B. Late Sparta: the Spartan Revolution*. P. 50. Возражения Г. Мараско (*Marasco G. Cleomene III, i mercenari e gli iloti*. P. 52–54), который предполагает, что в 223 г. под раздел могли пойти пограничные территории, ранее принадлежавшие полисам Ахейского союза и

Следовательно, Клеомен, взимая деньги с освобождаемых илотов, меньше всего думал о социальной справедливости, а сами бывшие илоты были причислены к одной из тех категорий вольноотпущенников, о которых говорилось выше.

Оба довода, на наш взгляд, выглядят достаточно убедительно. Их можно подкрепить и более общими соображениями. Главной целью Клеомена, как явно демонстрируют все его действия, было возрождение могущественной Спарты, основанной на принципах, установленных Ликургом. Выводить его политику из стоической идеологии или иных отвлеченных принципов¹⁷ было бы искажением исторической действительности. Наделение илотов гражданскими правами, может быть, и соответствовало бы неким абстрактным идеалам, но практического смысла не имело: в политическом отношении Клеомен уже имел в Спарте надежную опору в лице тысяч людей, получивших от него землю, и не нуждался в поддержке искусственно созданной прослойки граждан — бывших рабов, наподобие «неополитов» Дионисия Старшего или «корнелиев» Суллы; в военном отношении подобное пополнение гражданского коллектива не принесло бы особой пользы, так как зажиточные илоты, уплатившие положенный выкуп, были, скорее всего, в большинстве своем людьми немолодыми и для военной службы малопригодными. Наконец, в милитаристском государстве Клеомена сохранение илотии было необходимым условием военных успехов, ибо восстановленный им «ликургов» образ жизни граждан с коллективными трапезами, постоянной муштрой и казарменными порядками не мог существовать без значительного слоя работников, освобожденных от военных обязанностей и занятых содержанием спартиатов. Возвысив несколько

теперь аннексированные Спартой, не кажутся убедительными. Сведения о серьезной перекройке границ в Пелопоннесе в ходе Клеоменовой войны нашли бы какое-то отражение в источниках, особенно в традиции, враждебной к Клеомену и восходящей к мемуарам Арата. Кроме того, масштабное расширение территории Спарты за счет соседей противоречило бы одной из главных целей Клеомена — привлечь на свою сторону города Южной Греции и стать гегемоном возрожденного Пелопоннесского союза (*Plut. Arat.* 38. 7–8).

¹⁷ В свое время некоторые исследователи (в частности, *Tarn W. The Greek Leagues and Macedonia.* P. 742; *Ollier F. Le mirage spartiate.* T. 2. P. 114–115) пытались обнаружить в реформах Клеомена воплощение стоических идей, привитых спартанскому царю философом Сфером из Борисфена (упоминания о нем: *Plut. Cleom.* 2. 2; 11. 4). В более поздней литературе этот тезис воспринимается с большим скептицизмом (см., например: *Shimron B. Late Sparta: the Spartan Revolution.* P. 33–34; *Marasco G. Commento alle biografie plutarchee di Agide e di Cleomene.* P. 88, 362).

тысяч илотов до уровня полноправных граждан, Клеомен подорвал бы сами устои «ликургова государства». Неслучайно само освобождение илотов за выкуп было предпринято им только на пятый год после реформ, в самый последний момент, в поистине безвыходной ситуации. Вот почему мысль о столь массовом превращении илотов в спартиатов кажется нам неправдоподобной.

3. *Были ли освобожденные илоты призваны в войско и участвовали ли они в битве при Селласии?* На первую часть данного вопроса в литературе обычно дается следующий ответ: из шести тысяч илотов были отобраны две тысячи пригодных для военной службы; они-то и получили македонское вооружение, приобретенное на 500 талантов, вырученных от освобождения их самих и их собратьев¹⁸. Основанием для подобного вывода служит сам пассаж Плутарха, повествующий об освобождении илотов. Приведем его здесь в оригинале: ὁ Κλεομένης τῶν μὲν εἰλώτων τοὺς πέντε μῶνας Ἰατρικὰς καταβαλόντας ἑλευθέρους ἐποίηε καὶ τάλαντα πεντακόσια συνέλεξε, δισχιλίους δὲ προσκαθοπίσας Μακεδονικῶς ἀντίταγμα τοῖς παρ' Ἀντιγίου λευκάσπισιν (*Plut. Cleom. 23. 1*). Буквальный перевод звучит так: «Клеомен освободил тех из илотов, которые уплатили по 5 аттических мин, и собрал 500 талантов, вооружив еще 2 тысячи на македонский манер в качестве противовеса “белым щитам” Антигона». Для понимания фразы определяющее значение имеют три момента. (1) Глагол προσκαθοπίσω подразумевает, что македонское оружие получили «еще», «сверх того», «вдобавок» 2 тысячи человек; на вопрос «вдобавок к кому?» ответ может быть только один: «вдобавок к тем четырём тысячам, которые были вооружены по-македонски еще в 227 г.». (2) Числительное δισχιλίους не имеет артикля и не относится прямо к какому-либо существительному; обычно под этим понимается δισχιλίους τῶν εἰλώτων, т. е. «2 тысячи из илотов». С нашей точки зрения, такое прочтение фразы вовсе не обязательно, тем более, что частицы μὲν и δὲ сразу после упоминаний об илотах и о «двух тысячах» наводят на ту мысль, что речь идет о разных людях. Эти 2 тысячи человек могли быть кем угодно — и освобожденными за деньги илотами, и теми, кого вклю-

¹⁸ Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 210; Печатникова Л.Г. История Спарты. С. 240; Shimron B. Late Sparta: the Spartan Revolution. P. 152; Urban R. Das Heer des Kleomenes bei Sellasia. S. 98–101; Piper L.J. Spartan Twilight. P. 71; Cartledge P., Spawforth A. Hellenistic and Roman Sparta. P. 56; Chaniotis A. War in the Hellenistic World. A Social and Cultural History. Oxford; Malden, Ma., 2005. P. 22; Kennell N. Spartans: A New History. Oxford, 2010. P. 175.

чили в войско, но свободы не дали (а такие случаи известны в спартанской истории), и перизками, и наемниками. (3) Если упомянутые 2 тысячи человек должны были стать противовесом (*ἀντίταγμα*) отборным пельтастам Антигона из элитного полка «белых щитов», то едва ли речь может идти об илотах, впервые взявших в руки оружие и имевших всего несколько месяцев для подготовки к решающей битве.

Это последнее соображение приводит некоторых современных исследователей¹⁹ к следующему выводу: освобожденным за деньги илотам было не место в спартанской фаланге, так что из шести тысяч «лакедемонян» две тысячи, присоединившиеся к тем 4 тысячам, которые уже получили клеры в год реформы, были только что принятыми в число граждан, но уже имевшими богатый военный опыт перизками (М. Доби) или наемниками (Г. Мараско). Ж. Дюка считает, что недостающие две тысячи «лакедемонян» были всё же наняты из илотов, но не из тех зажиточных людей, которые выкупили себе свободу за деньги, а из молодых и пригодных для военной службы, которых Клеомен отобрал из всей илотской массы²⁰. На наш взгляд, все эти предположения имеют право на существование, однако предпочтение следовало бы отдать гипотезе Г. Мараско. Всего в армии Клеомена в сражении при Селласии было около 20 тысяч воинов (*Polyb.* II. 65. 7), большинство из которых имело достаточный боевой опыт. То, что Клеомен предпочел создать элитный полк, противостоящий «белым щитам» Антигона, не из подобных людей — перизков или наемников, а из необстрелянных илотов — кажется маловероятным. При Селласии сражались и те перизки и наемники, которые сохранили свой прежний статус и прежнее вооружение, причем наемники были поставлены на решающем участке, рядом со спартанской фалангой, а перизки вместе с союзниками составляли левое крыло и были противопоставлены более слабым силам врага — иллирийцам и акарнанам (*Polyb.* II. 65. 9; 69. 3; *Plut. Cleom.* 27. 4). В той отчаянной ситуации, в которой оказался Клеомен накануне решающего сражения, выбор людей, которым можно было доверить дорогостоящее оружие и пожаловать гражданские права, должен был зависеть главным образом не от происхождения,

¹⁹ *Daubies M.* Cléomènes III, les hilotes et Sellasie. P. 669–680; *Daubies M.* Les combattants laconiens de Sellasie: périèques ou hilotes? // *Le monde grec: pensée, littérature, histoire, documents.* Bruxelles, 1975. P. 383–392; *Marasco G.* Commento alle biografie plutarchee di Agide e di Cleomene. P. 584–585.

²⁰ *Ducat J.* Cléomène III et les Hilotes // *Ktéma.* 1987. Vol. 12. P. 48–52.

а от уровня боеспособности. В этом отношении Клеомен, как показала расстановка спартанских войск при Селласии, больше полагался на наемников. Подобные соображения вновь приводят нас к тому выводу, что освобождение илотов не преследовало никаких других целей, кроме финансовых.

Литература

- Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
- Бергер А.* Социальные движения в древней Спарте. М., 1936.
- Печатнова Л.Г.* История Спарты (период архаики и классики). Спб., 2001.
- Africa Th.W.* Phylarchus and the Spartan Revolution. Berkeley; Los Angeles, 1961.
- Africa Th.W.* Cleomenes and the Helots //CSCA. 1968. V. 1. P. 1–11.
- Beloch K.J.* Griechische Geschichte / 2. Aufl. Bd. IV. Abt. 1–2. Berlin; Leipzig, 1925–1927.
- Cartledge P., Spawforth A.* Hellenistic and Roman Sparta: A Tale of Two Cities. London, 1989.
- Cartledge P.* The Helots: a Contemporary Review // The Cambridge World History of Slavery / Ed. by K. Bradley, P. Cartledge. Cambridge, 2011. P. 74–90.
- Chaniotis A.* War in the Hellenistic world. A social and cultural history. Oxford; Malden, Ma., 2005.
- Chrimes K.* Ancient Sparta. A Re-Examination of the Evidence. Manchester, 1949.
- Coleman-Norton P.* Socialism in Sparta // The Greek Political Experience: Studies in Honor of W.K. Prentice. Princeton, 1941. P. 61–77.
- Daubies M.* Cléomènes III, les hilotes et Sellasie // Historia. 1971. Bd. 20. P. 665–695.
- Daubies M.* Les combattants laconiens de Sellasie: périèques ou hilotes? // Le monde grec: pensée, littérature, histoire, documents. Bruxelles, 1975. P. 383–392.
- Ducat J.* Cléomène III et les Hilotes // Ktema. 1987. V. 12. P. 43–52.
- Ducat J.* Les Hilotes. Paris, 1990.
- Dudu I.* Cleomene III e la liberazione degli iloti // Annali della Facoltà di Lettere, Filosofia e Magistero della Università di Cagliari. 1976/7. V.1. P. 5–39.
- Figueira T. J.* The demography of the Spartan Helots // Helots and their Masters in Laconia and Messenia: Histories, Ideologies, Structures / Ed. by N. Luraghi, S.E. Alcock. Washington, DC., 2003. P. 193–239.
- Gabba E.* Studi di Philarco. Le biografie Plutarchee di Agide e di Cleomene // Athenaeum. 1957. V. 35. P. 33–55, 193–239.

- Hammond N.G.L., Walbank F.W.* A History of Macedonia. V. 3. Oxford, 1988.
- Hodkinson S.* Spartiates, Helots and the Direction of the Agrarian Economy: toward an Understanding of Helotage in Comparative Perspective // *Slave Systems, Ancient and Modern* / Ed. by E. Dal Lago, C. Katsari. Cambridge, 2008. P. 285–320.
- Kaster R.A.* Introduction // *Macrobius. Saturnalia*. V. 1–3. / Ed. and transl. by R.A. Kaster. Cambridge, Ma.; London, 2011. P. X–LVIII.
- Kennell N.* Spartans: A New History. Oxford, 2010.
- Kroymann J.* Phylarchus // *RE. Suppl. Bd. VIII*. 1956. Sp. 471–489.
- Marasco G.* Cleomene III, i mercenari e gli iloti // *Prometheus*. 1979. V. 5. 45–62.
- Marasco G.* Commento alle biografie plutarchee di Agide e di Cleomene. V. 1–2. Roma, 1981–1983.
- Oliva P.* Sparta and Her Social Problems. Praha, 1971.
- Ollier F.* Le mirage spartiate. T. 1–2. Paris, 1933–1943.
- Pédech P.* Trois historiens méconnus: Théopompe, Duris, Phylarque. Paris, 1989.
- Piper L.J.* Spartan Twilight. New Rochelle, N.Y., 1986.
- Shimron B.* Late Sparta: the Spartan Revolution, 243–146 B.C. Buffalo, N.Y., 1972.
- Tarn W.* The Greek Leagues and Macedonia // *The Cambridge Ancient History*. V. 7. Cambridge, 1928. P. 732–768.
- Urban R.* Das Heer des Kleomenes bei Sellasia // *Chiron*. 1973. Bd. 3. S. 95–102.
- Welwei K.-W.* Unfreie im antiken Kriegsdienst. Bd I. Wiesbaden, 1974.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ** – Археологические вести. СПб.
АМА – Античный мир и археология. Саратов.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
БИ – Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВИ – Вопросы истории. М.
ДБ – Древности Боспора. М.
ЗООО – Одесского археологического общества. Одесса
ИИАО – Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2007
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КБН – Корпус Боспорских надписей. М.; Л., 1965
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск; М.
РА – Российская археология. М.
СА – Советская археология. М.
СГМИИ – Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.
AAe – *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Казань; Нижний Новгород; Саратов
AAASH – *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest
AAE – *Arabian Archaeology and Epigraphy* (online)
AC – *L'Antiquité classique*. Louvain-la-Neuve
AfP – *Archiv für Papyrusforschung*. Berlin
AHR – *American Historical Review*. Bloomington
AJN – *American Journal of Numismatics*. New York
AJPh – *American Journal of Philology*. Baltimore (Md.)
AncSoc – *Ancient Society*. Leuven
ANRW – *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. Berlin; New York
AWE – *Ancient West and East*. Leuven; Paris; Walpole (MA)
BCH – *Bulletin de correspondance hellénique*. Paris
BIFAO – *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. Le Caire
BJPS – *British Journal of Political Science*. Cambridge
BO – *Bibliotheca Orientalis*. Leiden

- CAH** – Cambridge Ancient History. Cambridge
- CdÉ** – Chronique d'Égypte. Bruxelles.
- CIG** – Corpus inscriptionum Graecarum. Berlin
- CIQ** – Classical Quarterly. Cambridge.
- CNI** – Carsten Niebuhr Institute Publications. Copenhagen
- CPh** – Classical Philology: A Journal Devoted to Research in Classical Antiquity. Chicago (Ill.).
- CSCA** – California Studies in Classical Antiquity. Berkeley
- DHA** – Dialogues d'histoire ancienne. Paris
- DKP** – Der Kleine Pauly. Stuttgart
- EA** – Epigraphica Anatolica: Zeitschrift für Epigraphik und historische Geographie Anatoliens. Bonn
- EHR** – English Historical Review. Oxford
- FGrH** – Jacoby F. Die Fragmente der Griechischen Historiker. Berlin; Leiden
- GDI** – Sammlung der griechischen Dialektinschriften. Bd. I–IV / Hrsg. von H. Collitz, F. Bechtel u.a. Göttingen, 1884–1915
- HThR** – Harvard Theological Review. Cambridge (Ma.)
- IGCH** – An Inventory of Greek Coin Hoards / Ed. by M. Thompson, O. Mørkholm, C. M. Kraay. New York, 1973
- IK** – Estremo oriente Canali De Rossi F. Iscrizioni dello estremo oriente greco. Un repertorio / Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. 65. Bonn, 2004
- IPerg.** – Die Inschriften von Pergamon / Hrsg. M. Fränkel. Berlin, 1890–1895. Vol. I–II.
- JEA** – Journal of Egyptian Archaeology. London
- JHS** – The Journal of Hellenic Studies. London
- JNES** – Journal of Near Eastern Studies. Chicago (Ill.).
- JRAS** – Journal of Roman Studies. London
- LÄ** – Lexikon der Ägyptologie / Hrsg. von W. Helck, E. Otto und W. Westendorf. Bd. I–VI. Wiesbaden, 1972–1986.
- LÄGG** – Lexikon der ägyptischer Götter und Götterbezeichnungen. Bd. I–VII / Hrsg. von Chr. Leitz (Orientalia Lovanensia analecta, 110–116). Leuven; Paris; Dudley (Ma.), 2002.
- NJWJ** – Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung. Leipzig
- OGIS** – Orientis Graeci inscriptiones selectae / W. Dittenberger (ed.). Leipzig, 1903–1905
- RC** – Welles C.B. Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934
- RdÉ** – Revue d'égyptologie. Paris
- RE** – Pauly-Wissowa-Kroll Realencyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
- REA** – Revue des études anciennes. Talence

- RhM** – Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt am Main
- RN** – Revue Numismatique. Paris
- RPh** – Revue de philologie. Paris
- Sardis VII. 1** – Buckler W.H., Robinson D.M. Sardis, VII. Greek and Latin Inscriptions, Part I. Leiden, 1932
- SAWW** – Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte. Wien
- SC 1** – Houghton A., Lorber C. Seleucid Coins: A Comprehensive Guide. Part I: Seleucus I through Antiochus III. New York; Lancaster; London, 2002
- SC 2** – Houghton A., Lorber C., Hoover O.D. Seleucid Coins: A Comprehensive Guide. Part 2: Seleucus IV through Antiochus XIII. New York; Lancaster; London, 2008
- SEG** – Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden
- SEL** – Studi epigrafici e linguistici sul Vicino Oriente antico. Verona
- SPAW** – Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. Berlin
- Syll.** – Sylloge Inscriptionum Graecarum. Leipzig
- TAPhA** – Transactions of the American Philological Association. Atlanta (Ga.)
- TMO** – Travaux de la Maison de l’Orient. Lyon
- Urk. II.** – Sethe K. Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit (Urkunden des ägyptischen Altertums, 2). Leipzig, 1904–1916
- Wb.** – Erman A., Grapow H. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd. I–V. Leipzig; Berlin, 1926–1953
- WJA** – Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. Paderborn
- ZÄS** – Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde. Leipzig; Berlin
- ZPE** – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абакумов Аркадий Алексеевич — к.и.н., независимый исследователь, Ярославль
- Анохин Артем Сергеевич — к.и.н., ассистент кафедры истории древнего мира Московского государственного университета
- Балахванцев Арчил Савелич — к.и.н., научный сотрудник Института Востоковедения РАН
- Виноградов Юрий Алексеевич — д.и.н., ведущий научный сотрудник ИИМК РАН
- Габелко Олег Леонидович — д.и.н., профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности РГГУ
- Завойкин Алексей Алексеевич — д.и.н., главный научный сотрудник Института археологии РАН
- Зелинский Андрей Леонидович — к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения НАНУ
- Казанский Николай Николаевич — академик РАН, директор Института лингвистических исследований РАН
- Ладынин Иван Андреевич — к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира Московского государственного университета
- Маккавеев Николай Александрович — к.и.н., независимый исследователь
- Нефедов Константин Юрьевич — к.и.н., доцент кафедры истории и политологии Харьковского авиационного института
- Подосинов Александр Васильевич — д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- Сизов Сергей Кузьмич — д.и.н., профессор кафедры коммерческого права и основ правоведения Нижегородского государственного университета
- Смирнов Святослав Викторович — к.и.н., научный сотрудник ИВИ РАН
- Суриков Игорь Евгеньевич — д.и.н., ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- Федосеев Николай Федорович — к.и.н., главный научный сотрудник Керченского историко-культурного заповедника
- Цецхладзе Гоча Ревазович — PhD (Oxford), профессор Мельбурнского университета
- Чурекова Наталия Борисовна — к.и.н., доц. кафедры истории древнего мира Саратовского государственного университета
- Шелов-Коведяев Федор Вадимович — к.и.н., руководитель исследований Фонда «Российский общественно-политический центр»

Содержание

Памяти Хайнца хайнена (1941–2013)	3
И.А. Ладынин	11
Предисловие	12
I. Проблемы образования Боспорского царства	13
Введение	13
<i>А.А. Завойкин.</i> Образование Боспорского государства: от полиса к царству. (Некоторые итоги и перспективы дискуссии)	18
<i>Ф.В. Шелов-Коведяев.</i> Кем были «археанактиды»?	57
<i>Ю.А. Виноградов.</i> Варварские миграции в истории — Боспора киммерийского	64
<i>И.Е. Суриков.</i> Некоторые проблемы Боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («Взгляд из эллады»)	76
<i>А.В. Подосинов.</i> Образование Боспорского царства в свете теории протоэллинизма	123
<i>Н.Ф. Федосеев.</i> Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства	141
<i>Н.Б. Чурекова.</i> К проблеме периодизации тирании на Боспоре	175
<i>Н.Н. Казанский.</i> Социолингвистическая ситуация в боспорском царстве и особенности языковой политики эллинистических государств	188
<i>Г.Р. Цецхладзе.</i> Боспорское царство: особенности образования и развития	200
II. Проблемы эллинизма	236
Введение	236
<i>К.Ю. Нефедов.</i> Культ правителя и царская власть в эпоху эллинизма	239
<i>И.А. Ладынин.</i> «Правитель нагорий в качестве защитника Египта»: еще раз об эпитете чужеземного правителя в «большой автобиографической надписи» гробницы Петосириса	258
<i>А.Л. Зелинский.</i> Феномен коронации Птолемея I	281

<i>А.С. Балахванцев.</i> «Восточная политика» Александра Македонского и Селевкидов: разрыв или преемственность?	298
<i>С.В. Смирнов.</i> «Доминирующий этнокласс» в государстве Селевкидов при Селевке I и Антиохе I: основные проблемы	317
<i>А. А. Абакумов.</i> Восточный поход Селевка II: был ли царь в плену у парфян?	331
<i>А.С. Анохин.</i> Опора или угроза: роль греко-македонян в развале державы Селевкидов	343
<i>Н.А. Маккавеев.</i> Персидский залив на периферии эллинистического мира	362
<i>С. К. Сизов.</i> Клеомен III и освобождение илотов	381
Список сокращений	394
Сведения об авторах	399

Научное издание

Ответственные редакторы тома

О.Л. Габелко, А.В. Подосинов

**Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год:
Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства**

Редактор

Верстка *Н.А. Колгарёва*

Подписано в печать XX.XX.2014 г. Формат 60 × 90^{1/16}.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 25 п. л. Тираж XX экз. Заказ №

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке
Университет Дмитрия Пожарского
119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 13
www.s-and-e.ru

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6
ППП «Типография “Наука”»